

РУССКИЙ НАРОД
ЕГО ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ,
ПРЕДАНИЯ, СУЕВЕРИИ
И ПОЭЗИИ

РУССКИЙ НАРОД

ЕГО ОБЫЧАИ,
ОБРЯДЫ,
ПРЕДАНИЯ,
СУЕВЕРИЯ И ПОЭЗИЯ

Собр. М. Забылиным

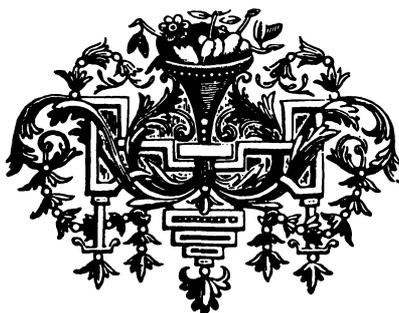
РУССКИЙ НАРОД

ЕГО ОБЫЧАИ,
ОБРЯДЫ,
ПРЕДАНИЯ,
СУЕВЕРИЯ И ПОЭЗИЯ

Собр. М. Забылиным

РЕПРИНТНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ
ИЗДАНИЯ 1880 ГОДА

МОСКВА
СОВМЕСТНОЕ СОВЕТСКО-КАНАДСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
«КНИГА ПРИНТШОП» 1990

ББК 635(2)
Р 89

РУССКИЙ НАРОД,
ЕГО ОБЫЧАИ,
ОБРЯДЫ,
ПРЕДАНИЯ, СУЕВЕРИЯ И ПОЭЗИЯ.
Собр. М. Забылиным

Репринтное воспроизведение
издания 1880 года

Ответственные за выпуск:
И. И. ЛЕБЕДЕВА,
Н. Е. ТУГАЙ

Художник
М. А. ВАКАРЧУК

ИБ № 1

Подписано в печать 28.02.90.
Формат 70×100/16. Бумага типографская № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 50,7. Усл. кр.-отт. 50,7. Уч.-изд. л. 36,23.
Тираж 200 000 экз. (II-й з-д 100001—195 000). Заказ № 553. Цена 20 руб.

Книга Принтшоп.
125047, Москва, ул. Горького, 50.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

Р 05050000-1 Без объявл.

938(01)90
ISBN 5-7160-0001-0

© Оформление,
Книга Принтшоп, 1990

РУССКІЙ НАРОДЪ

ЕГО ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ, ПРЕДАНІЯ, СУЕВѢРІЯ И ПОЭЗІЯ.

Благословите, братцы, старину сказать,
Съ обмчаевъ повѣрьевъ, предрасудковъ,
Снявъ маску старины,
На правду указать.

КНИГА, СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ:

русскіе праздники, обряды, суевѣрія, ложныя убѣжденія, свѣденія о колдунахъ, вѣдьмахъ, нечистой силѣ; разнаго рода симпатіи, примѣты, заклинанія, заговоры.—Народную медицину: старинный травникъ и цвѣтникъ.—О кладахъ.—Домашняя жизнь: описаніе костюмовъ, охоты, музыки; пѣсни, присловья и проч.

Собр. М. Забылинымъ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА. 1880.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА М. БЕРЕЗИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Смѣемъ надѣяться, что наша книга послужитъ прекраснымъ пособіемъ для каждаго любителя русской исторіи и русской народности, а также для историка, художника, историческаго романиста, драматурга и вообще для всѣхъ читателей любящихъ серьезное чтеніе.

Читая лекціи отечественной исторіи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, преподаватели этого предмета мало говорятъ объ обычаяхъ и образѣ жизни нашихъ предковъ, почему бытовая сторона нашего народа въ своемъ прошломъ почти потеряна для насъ. Между тѣмъ археологическія и этнографическія изслѣдованія указываютъ намъ на слѣды и остатки обычаевъ, обрядовъ и образа жизни народа. Въ сказкахъ, былинахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ встрѣчается очень много правды о родной старинѣ, и въ поэзіи ихъ передается весь народный характеръ вѣка, съ его обычаями и понятіями. Кромѣ того ученые иностранцы разнаго времени, какъ-то: Гербенштейнъ, Олеарій, Шлецеръ и другіе высокопоставленные при русскихъ дворахъ, передали въ своихъ запискахъ много изъ тѣхъ обычаевъ, какіе существовали въ Россіи. Архивы наши, монастырскія бібліотеки, тоже сообщили намъ многое и обогатили нашу исторію тѣмъ, что сохранили документы, письменные очерки и рукописи, знакомство съ бытомъ и нравами русскаго народа.

Въ наше время, когда собрано слишкомъ достаточно разныхъ свѣдѣній о нашей старинѣ для поясненія жизни и характера нашихъ предковъ, эти новыя историческія открытія уясняютъ многое для всѣхъ, кому нужны бытовыя свѣденія, напримѣръ: историческимъ художникамъ, драматическимъ, историческимъ писателямъ, реставраторамъ и многимъ другимъ.

На основаніи всего этого, слишкомъ близкаго русскому сердцу, мы находимъ, что наше изданіе послужитъ большимъ поясненіемъ для разгадки разнаго рода повѣрій, обрядовъ, предразсудковъ, обычаевъ, а по нимъ поясняется самый бытъ и порядокъ жизни со всей ея обстановкой и ложными взглядами, и для открытія причинъ откуда всѣ эти повѣрья и обряды возникли, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какими путями проникли на Русь предразсудки, привились и укоренились въ русскомъ народѣ, а затѣмъ—къ очищенію нашей жизни отъ странныхъ обрядностей и устраненію предразсудковъ.

Пособіями при составленіи нашего изданія между прочимъ, служили:

Лѣтопись Русской литературы.

Русскіе престонародные праздники и суевѣрные обряды, 1837 года.

Исторія государства Россійскаго. Карамзина.

Сводная лѣтопись. Л. И. Лейбовича. 1876 г. Спб.

Нижегородскій сборникъ. Гацискаго. 1871 г. Нижній-Новгородъ.

Чародѣйство и таинственныя явленія въ новѣйшее время. Соч. Хотинскаго. Спб. 1866 г.

Рукописный списокъ. Григорья Данилова Книголюбова.

Абелега русскихъ суевѣрій. Соч. М. Ч. М. 1786 г.

Таинственныя чары. Соч. гр. Каліостро. М. 1876 г.

Владимірскій сборникъ.

Преданіе о народныхъ русскихъ суевѣріяхъ, повѣріяхъ и нѣкоторыхъ обычаяхъ. Москва. 1861 г.

Бытъ русскаго народа. Соч. А. Терещенко.

Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтїи, Костомарова. Спб. 1860 г.

Сказанїя Русскаго народа. Н. Сахарова. 1841 г.

Пермскій сборникъ. Повременное изданіе. М. 1860 г.

Матеріалы по этнографіи Арханг. губ. Ефименко. Ред. Поповъ. И многихъ другихъ писателей, которые помѣчены въ своемъ мѣстѣ.

Составитель.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ.

Въ Россіи, каждый народный праздникъ сопровождается обрядами и усвоенными имъ пѣснями или пѣніемъ. Самое происхожденіе того или другаго празднества, содержаніе и цѣль ихъ рѣшительно отдѣляетъ отъ церковныхъ св. празднествъ и независимо въ отношеніи къ св. обрядамъ церкви, потому, что большая часть народныхъ праздниковъ возникла во времена еще самаго глубокаго язычества, когда съ богослужebными обрядами соединены были различныя правительственныя постановленія, торговыя операціи и пр. Такъ, что почти всегда, гдѣ былъ торгъ, тамъ были судъ и расправа и торжественный праздникъ. Понятно, что торжественность дня усиливалась еще въ большей степени отъ такого вліянія массы народа съ цѣлями такого высокаго нравственнаго и религіознаго направленія. Легко эти обычаи поясняются германскими языческими обычаями, гдѣ жрецы были въ тоже время и судьями, а самыя сборныя мѣстности считались священными, всегда находились близь рѣкъ, дорогъ и вообще удобныхъ мѣстъ для сообщенія.

Такія сообщенія язычниковъ при сборищахъ, гдѣ они молились богамъ, совѣщались о дѣлахъ, разбирали тяжбы, при посредствѣ жрецовъ, или прибѣгали къ ихъ мудрости, прося совѣтовъ, не могли остаться безслѣдно забытыми, какъ серьезно лежація въ основѣ жизни народа и крѣпко утвердившіяся въ его памяти. Когда Христіанская вѣра поборола языческую и водворилась, то хотя языческимъ обрядамъ и былъ положенъ конецъ, но множество обычаевъ, не входящихъ въ составъ прямаго языческаго богослуженія, были оставлены и множество

изъ нихъ сохранились даже до сихъ поръ въ формѣ увеселеній, обычаевъ, въ родѣ празднествъ и, къ стыду христіанства, нѣкоторые обычаи язычества привились къ торжествамъ христіанскимъ.

Смыслъ и понятіе о празднествахъ до того перепутались, что нашимъ знаменитымъ Русскимъ историкамъ, хронографамъ, и этнографамъ было много хлопотъ, чтобы опредѣлить ихъ характеръ.

Въ дальнѣйшемъ, мы имѣемъ сообщить подробности и указанія на основаніи данныхъ историческихъ свѣдѣній объ обрядахъ.

ПРАЗДНИКИ И СОПРИКОСНОВЕННЫЕ СЪ НИМИ ОБЯДЫ.

С В Я Т К И.

Святки, святые вечера, такъ обыкновенно называются въ Россіи, да и не въ одномъ нашемъ отечествѣ, а и за границей дни празднества, дни веселья и дни священнаго торжества Рождества Христова, начинавшагося съ 25 декабря и оканчивавшагося обыкновенно пятымъ января слѣдующаго года. Это торжество соотвѣтствовало *священнымъ ночамъ* у нѣмцевъ *). По другимъ нарѣчіямъ святки (swatki) означаютъ *праздники*.

Въ Малороссіи, въ Польшѣ, въ Бѣлороссіи многіе праздники извѣстны подѣ именемъ святокъ (swiatki), какъ на примѣръ, Зеленые святки, то есть Троицкая недѣля. Поэтому профессоръ Снегиревъ заключаетъ, что можно извлечь, какъ самое названіе такъ и большая часть народныхъ игрищъ перешла на сѣверъ съ юга и запада Россіи.

Если мы начали съ святокъ, то потому именно, что нѣтъ ни одного празднованія на Руси, которое бы сопровождалось такимъ богатымъ выборомъ обычаевъ, обрядовъ, примѣтъ и прочаго, какъ такъ называемыя святки.

На святкахъ мы встрѣчаемъ, или видимъ странную смѣсь обычаевъ изъ языческаго обряда, смѣшанныхъ съ нѣкоторыми христіанскими воспоминаніями о Спасителѣ міра.

Безспорно, что къ обрядамъ языческимъ, а не иначе, принадлежатъ: гаданіе, игры, наряды и прочее, которые выражаютъ свою изобрѣтательную сторону торжества, совершенно неимѣющей ничего общаго съ христіанскими цѣлями и на-

*) Weihnachen.

строениемъ духа и — *славленіе* то есть хожденіе дѣтей, а иногда и взрослыхъ со звѣздою подѣ часѣ съ рацеями, вертепомъ и тому подобными предметами.

Между тѣмъ, какъ самое слово „*святки*“ представляетъ понятіе о значеніи святости дней по причинѣ отраднago для христіанъ событія. Но въ древности, съ незапамятныхъ временъ язычества вошли обычаи и обряды въ эти торжественные дни и мы одолжены тому, что и въ настоящее время эти обычаи не искореняются, а существуютъ, хотя въ разныхъ видахъ и формахъ болѣе или менѣе измѣненными.

Въ Бѣлоруссіи и въ Малороссіи святки называютъ Колядою, Каледою; названіе сходствуетъ съ Римскими Kalendae отъ греческаго глагола *καλεω* — сзывать, также отъ санскритскаго *kāla*.

Кормчая книга говоритъ, что — святки, праздники приняты отъ Еллиновъ (Грековъ); тоже подтвержденіе колядъ отъ Еллиновъ видимъ въ 62 правилѣ Стоглава. Впрочемъ профессоръ Снегиревъ свидѣтельствуетъ, что св. отцы, говоря о Еллинахъ имѣли въ виду безразлично языческіе народы въ противоположность православнымъ грекамъ и іудеямъ.

Исторія говоритъ, что обычай этотъ существовалъ въ Римской имперіи, въ Египтѣ, у Грековъ и у Индѣйцевъ. Такъ, напримѣръ Египетскіе жрецы, празднуя возстаніе Озириса, или новый годъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣвъ на себя личины и костюмы, соответствующіе божествамъ, ходили по улицамъ города.

Барельефы и гіероглифы въ Мемѳисѣ и Фивахъ указываютъ, что такіе маскарады совершались въ новолѣтіе и считались обрядомъ священнымъ. Точно тому же подобные обряды совершались у Персовъ въ день рожденія Миѳры, у Индѣйцевъ Перунъ Монголь и Угады. У римлянъ праздники эти назывались днями солнца.

Напрасно, Константинъ Великій, Тертуліанъ, св. Іоаннъ Златоустъ возставали противъ святочныхъ волхованій и безумныхъ игръ (Календъ) и Папа Захаріи, — обычаи гадать и наряжаться все таки остались, хотя въ формѣ довольно измѣненной.

Даже самъ Императоръ Петръ I, по возвращеніи изъ путешествія въ Россію, наряжалъ Зотова напою, а другихъ своихъ любимцевъ, кардиналамъ, дьяконами и церемоніймейстерами и

въ сопровожденіи хора пѣвчихъ о святкахъ ходилъ съ ними къ боярамъ по домамъ славить *).

Въ книгѣ Кормчей, на основаніи XXII главы стиха 5 второзаконіе, упомянутыя переряживанія воспрещаются. Известно что Моисей какъ законодатель, истребитель язычества и его обрядовъ въ избранномъ народѣ, воспрещая поклоненіе идоламъ, воспретилъ и переряживаніе, какъ то дѣлали жрецы египетскіе.

Валсамонъ, патриархъ XII вѣка говоритъ, что не смотря на запрещеніе церкви, на Западѣ продолжалось наряжаніе въ шутовское платье, въ сатировъ, комедіантовъ, скотовъ, кумировъ и чудовища; кромѣ того: представляли рожденіе Сына Божія, явленіе ангеловъ пастырямъ, обрѣзаніе, звѣзду, трехъ царей и тому подобное, что потомъ перешло и въ Россію.

Константинъ Багрянородный упоминаетъ о *Готскихъ играхъ*, которые совершались при дворѣ въ присутствіи Императора о Рождествѣ Христовѣ. Это были ряженые, въ вывороченные тулупы или шубы, или въ маскахъ, или съ раскрашенными лицами, которые вертѣлись, бѣгали или наконецъ акомпанировали подъ музыку. Названіе игръ „Готскихъ“ они получили потому, что греки наряжались по готски, когда приходили къ Императору и получали подарки за пропѣтое ими государю многолѣтіе и рождественскій кондакъ.

Близко будетъ къ истинѣ, если скажемъ, что во время сношенія Россіи съ Византійскимъ дворомъ святочные обычаи, какъ и многіе прочіе перешли въ Россію, такъ какъ по словамъ проф. Снегирева много славяноруссовъ въ качествѣ тѣлохранителей находились при дворѣ Византійскихъ Императоровъ.

У Скандинавовъ **) святки были извѣстны подъ именемъ Юльскаго или Юльскаго праздника (Jul, Joel), какъ важнѣйшаго и продолжительнѣйшаго изъ всѣхъ. Этотъ праздникъ отправлялся въ честь Тора въ Норвегіи зимою, а въ Даніи въ честь Одина для благословенной жатвы и скорого возврата солнца.

Начало праздника обыкновенно наступало въ полночь 4 января и продолжался цѣлыхъ три недѣли. Первыхъ три дня

*) См. Рус. Прост. Праздники. Москва. 1837 г., вып. II.

**) Обитателей нынѣшней Швеціи.

были посвящены благотвореніямъ и торжеству, послѣдніе затѣмъ дни были проводимы въ весельѣ и пиршествахъ. Названіе Iul прoисходитъ отъ Hjul, по-русски—колесо, потому, что тогда годъ поворачивался колесомъ. Древность этого скандинавскаго праздника доказывается тѣмъ, что объ немъ разсказывалъ еще въ VI вѣкѣ Прокопій, Византійскій лѣтописецъ.

У древнихъ англосаксовъ должайшая и мрачнѣйшая ночь предшествовала дню рожденія Фрейера или Солнца называлась Материнскою ночью, такъ какъ эта ночь почиталась матерью солнца или солнечнаго года.

Въ это время, по вѣрованію сѣверныхъ народовъ, являлся духъ Юлеветтенъ въ образѣ черноликаго юноши съ женскою повязкой на головѣ, закутаннаго въ черный длинный плащъ. Въ такомъ видѣ является, будто бы онъ ночью въ дома, какъ у русскихъ о святкахъ *суженый-ряженой* и принимаетъ подарки.

Это вѣрованіе, нынѣ на всемъ сѣверѣ превратилось въ забаву, уже лишенное всякаго суевѣрнаго смысла. Таже роль представлена на германскомъ сѣверѣ Филліи.

На Іюльскомъ праздникѣ былъ въ честь Фрейера убиваемъ вепрь въ присутствіи короля, какъ священное животное. Надъ этимъ животнымъ, положивъ руки, клялись королю въ вѣрности. По окончаніи жертвы всѣ предавались веселью, которое состояло въ питіи, явствахъ, пляскахъ и разныхъ играхъ. Эти Іюльскіе праздники продолжались по нѣскольку дней.

Остатки этаго празднества остались еще, кой гдѣ на Скандинавскомъ сѣверѣ, къ которому присоединились гаданія, примѣты, суевѣрія и пр. Въ это время употребительна свинина, и пироги въ формѣ свиней.

Въ Англии, за нѣсколько дней до праздника Рождества Христова, начинаются въ большей части городовъ ночное пѣніе и музыка по улицамъ. Въ Голландіи восемь почей передъ праздникомъ, и восемь послѣ праздника, ночной стражъ послѣ возвѣщенія утра прибавляетъ смѣшную пѣсню, содержаніе которой—совѣтъ во время праздниковъ ѣсть кашу съ изюмомъ и прибавлять въ нее сахарнаго сиропа, чтобы она была слаще.

Вообще рождественскіе праздники, не смотря на холодное зимнее время года дышатъ весельемъ, какъ и канунъ Рожде-

ства. Впрочемъ сочельникъ въ Россіи менѣе веселья, какъ день постный, какъ день приготовления и встрѣчи къ празднику.

У простаго народа всегда найдется бездна смѣшныхъ преданій по случаю этого дня, и ночь предъ Рождествомъ бываетъ свидѣтельницей множества суевѣрныхъ наблюдений. Въ цѣлой Англіи существуетъ повѣрье, что будто бы, если войти въ хлѣвъ ровно въ полночь, то найдешь весь скотъ на колѣняхъ. Многіе убѣждены, что въ сочельникъ всѣ пчелы поютъ въ ульяхъ, привѣтствуя день торжества. Это повѣрье распространено по всей католической и протестантской Европѣ.

Вечеромъ женщины, ни за что не оставляютъ кудели на прялкахъ, чтобы чертъ не вздумалъ вмѣсто нихъ сѣсть за работу.

Молодые дѣвушки даютъ этому другое толкованіе: онѣ говорятъ, что если не допрясть кудели наканунѣ Рождества, прялка придетъ за ними въ церковь при вѣчаніи и мужья ихъ подумаютъ, что онѣ Богъ вѣсть какія лѣнтяйки. Въ этомъ убѣжденіи дѣвушки недопряженную кудель солятъ, съ цѣлью сохранить ее отъ продѣлокъ чорта. Если нитки останутся на мотовилѣ, ихъ не снимаютъ, какъ обыкновенно, а разрѣзываютъ.

Въ Шотландіи домашній скотъ въ праздникъ Р. Х. кормятъ послѣднею горстью сжатаго хлѣба, съ цѣлью предохранить его отъ болѣзни.

Въ Англіи, въ старину былъ обычай подавать въ Рождество къ столу кабанью голову въ укусѣ съ лимономъ во рту. При чемъ была пѣта пѣсня приличная торжеству.

Есть примѣты довольно оригинальныя: напримѣръ, въ Шотландіи и по сіе время многіе изъ простаго народа вѣрятъ, что кто первый отворитъ дверь въ праздникъ Рождества, тотъ будетъ счастливъ во весь слѣдующій годъ, потому, что онъ впустилъ Юля.

Для этого языческаго божества иные и по сію пору накрываютъ приборъ и ставятъ хлѣбъ съ сыромъ и какой нибудь напитокъ, какъ это дѣлали восточные народы, и притомъ каждый гость долженъ отвѣдать этой жертвы, а если забудетъ и уйдетъ, то это считается дурной примѣтой въ Шотландіи.

Тамъ же, объ Рождествѣ, въ Новый годъ, въ первый январскій понедѣльникъ и 3 мая, суевѣрные люди въ Шотландіи ни за что не дадутъ угольевъ сосѣдямъ, опасаясь колдовства и прочаго вреда, какъ тому вѣрили и Римляне.

Въ западныхъ областяхъ Англіи оказываютъ честь яблонямъ, чтобы онѣ на будущій годъ были плодородны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обыватели совершаютъ ходы по плодовымъ садамъ и кланяются каждому дереву, произнося родъ заклинанія или заговора. Послѣ того орошаютъ дерево яблочнымъ сокомъ, или разбиваютъ объ него кубокъ съ яблочнымъ напиткомъ—все это дѣлается въ честь и желаніе будущаго урожая.

Также къ Рождественской ночи дѣлаютъ особенныя свѣчки такой толщины, что онѣ горятъ съ вечера наканунѣ праздника до исхода слѣдующаго дня и если погаснутъ прежде, это предзнаменуетъ несчастіе въ семействѣ.

Въ сѣверной Шотландіи лавочки дарятъ своимъ покупателямъ Юлевыя свѣчи, которыя, суевѣрные Шотландцы и строгіе исполнители всякихъ примѣтъ, зажигаютъ и даютъ имъ сгорѣть до тла, или же, давъ нѣкоторое время горѣть гасятъ, и огарки сохраняютъ, какъ талисманы.

Тамъ же есть, такъ называемый Taghairn—ночное гулянье, на воловьей кожѣ, очень сходное съ русскими, (будетъ сказано).

Въ Англіи, въ Святки также сохранилось множество суевѣрій. Всѣ ихъ перечислять не стоитъ, но мы ограничимся нѣсколькими изъ нихъ; такъ, на примѣръ, кто нибудь встаетъ ранѣе прочихъ въ семействѣ и готовитъ завтракъ, который все семейство и ѣстъ, сидя въ постелѣ, не вставая. Завтракъ этотъ—пирожки съ янцами, считая по одному на каждаго и чей пирогъ развалится во время печенія, тому не дожить до будущаго праздника.

Наканунѣ Рождества кладутъ въ огонь одно изъ толстыхъ поленьевъ, которое должно горѣть во весь слѣдующій день, а если можно и далѣе, для чего конечно стараются примѣнить медленное горѣніе. Употребляютъ для этого головню, если можно оставшуюся съ прошлаго года. Пока рождественское полено не потухнетъ, всей домашней прислугѣ даютъ къ столу пиво.

29 декабря, когда празднуется память избіенія младенцевъ Царемъ Иродомъ, въ старину обыкновенно дѣтей будили плетью, чтобы такимъ путемъ укрѣпить въ памяти дѣтей такое кровопролитное событіе; самый день, въ который приходился этотъ праздникъ считался *чернымъ*.

Въ Германіи во время, такъ называемыхъ священныхъ ночей, по нашу святыхъ вечеровъ или святокъ, гадаютъ, устраиваютъ для дѣтей елку, всякимъ способомъ стараются узнать будущность въ теченіи года и вѣрятъ, что наканунѣ Рождества Христова скоты говорятъ. Въ недалекомъ отъ насъ время представляли исторію рожденія Іисуса Христа въ лицахъ.

Кромѣ того, что уже сказано сейчасъ и укрѣпилось въ нашей Россіи, въ Саксоніи въ деревнѣ Шолбекъ, по свидѣтельству Кранца, мужчины всѣхъ возрастовъ съ женщинами проводили повечеріе Рождества Христова на погостѣ Св. Магна въ безчинныхъ пляскахъ и неблагопристойныхъ пѣсняхъ, крайней мѣрѣ такихъ пѣсняхъ, которыя не свойственны такому высокаторжественному дню.

Коляда. Декабря 24 русскіе язычники славили Коляду, о которой уже мы ранѣе говорили. По словамъ нашего знаменитаго историка Карамзина, Коляда былъ богъ пиршествъ и мира и хотя по созвучію можно производить Коляду отъ Римскихъ колендъ и другихъ, но римскіе праздники этого названія были празднуемы во всѣхъ мѣсяцахъ. А если находятъ, что нашъ рождественскій праздникъ былъ сходственъ съ Янусовымъ, то причиною тому было вѣроятно ничто иное, какъ вліяніе римскаго владычества надъ славянскими народами, при чемъ конечно каждый народъ, усвоивая и принимая чуждыя понятія и вѣрованія, всегда ищетъ въ нихъ сходства внѣшняго или внутренняго съ своими коренными понятіями и вѣрованіями.

Значеніе слова Коляды у разныхъ народовъ различно: У Виндійцевъ Koléda (коледа) почитается за божество празднествъ и также называются нѣкоторые церковные обряды, а koledowati (колодовати) означаетъ хожденіе дѣтей по разнымъ домамъ съ пѣснями и плясками.

У Чеховъ, Болгаръ и Сербовъ Koléda, а также wanoënj pisniéku значитъ—святочная пѣснь, choditi po Koléde, (ходить по коледу) значитъ поздравлять съ новымъ годомъ и за это получать подарки, отъ каждаго, кто что можетъ дать.

Коледа у Словаковъ означаетъ Благословеніе домовъ, какое у нихъ бываетъ около праздника *трехъ царей*, а koledowati—благословлять дома.

Богемская Исторія объясняетъ коледу набожнымъ обыча-

емъ хожденія священнослужителей по домамъ съ крестомъ и мощами о Рождествѣ Христовѣ, который былъ утвержденъ Чешскимъ княземъ Бретиславомъ въ XI вѣкѣ, послѣ изгнанія коддуновъ и оборотней изъ предѣловъ своего княжества.

Босняки, Кроаты и другіе славянскіе народы подь Коледою разумѣютъ подарокъ на Новый годъ: тогда въ Римско-католическихъ церквахъ раздавались народу сдѣланные изъ тѣста ясли, пеленки и другія принадлежности къ мѣсту рожденія Иисуса Христа, что называлось *Колендами*. Римское духовенство по свидѣтельству Боеція, именовалось отъ Colendo, Coledei и Coldei, Богочтецы, то есть ублажавшіе Бога пѣснопѣніемъ. Знаменитый переводчикъ Гомера, Гнѣдичъ производитъ Коледу отъ греч. *Χόλαδεις* (кишки) колбасы, которой кольцо выпрашивали себѣ колядовщики въ Малороссіи. Наконецъ отъ слова колядованіе произошло слово „колдованіе.“

Коляда не упоминается у Нестора, какъ божество въ числѣ боговъ Владиміровыхъ; но Св. Димитрій Туптала (митр. ростов.) въ своей Четви Миннеи упоминаетъ о колядѣ, какъ о шестомъ богѣ, богѣ празднествъ. Но скорѣе всего, это—не божество, а праздникъ, который олицетворяютъ сказанія и народныя пѣсни.

Коляда, въ южной и западной Руси, собственно канунъ праздника Рождества Христова, который извѣстенъ на сѣверо-востокѣ Россіи подь именемъ Авсеня или Таусеня, а у Литовцевъ извѣстна подь именемъ *вечера колодокъ*, или *Блоккова*, въ которомъ почти вездѣ въ славянскомъ мѣрѣ и въ русскомъ готовится изъ зерноваго хлѣба—*каша* и изъ пшена и плодовъ *кутья*, напоминающая индѣйскій *Перунъ-Цонголъ* и *Угады*, во время которыхъ по варенію пшена угадывали жребій въ наступающемъ году.

Считаютъ двѣ коледы: *Васильевская*, наканунѣ Новаго года, и *крещенская*, наканунѣ *Крещенія* или *водокрещей*. Первая—*богатая*, а вторая—*бѣдная* или *постная*.

Въ Малороссіи коледою называется хожденіе съ вертепомъ и звѣздою, сдѣланною изъ бумаги и пѣнье винограда въ извѣстномъ подь именемъ *Коледы*. Даже въ Москвѣ и въ Петербургѣ до сихъ поръ существуетъ обычай славленія ребятишками Рождества Христова цѣлыми группами подь предводительствъ

вомъ старшаго, несущаго звѣзду съ фонарикомъ; послѣ каждаго славленія, притомъ поется въ домѣ молитва, говорится: „Съ праздникомъ хозяина поздравляемъ, здравія вамъ желаемъ“, и прочее. Иногда нѣчто въ болѣе шутивомъ тонѣ. Нынѣ въ столицахъ обычай этотъ выводится, но было время, когда не принять, такъ называемыхъ христославовъ считалось за грѣхъ для домовладыки и оскорбленіе для христославовъ.

Профессоръ Снегиревъ говоритъ *) что подѣ Москвою былъ обычай называть сочельникъ „коледою“ и въ ночь на Рождество возить въ санихъ дѣвушку, одѣтую поверхъ всей теплой одежды въ рубашку, которую и выдавали за Коледу; есть-ли такой обычай и по сейчасъ—не знаемъ.

Есть предположеніе, что какъ празднованіе Коледы, такъ и ея имени перешло изъ Новгорода въ Костромскую и другія Великороссійскія губерніи въ XV и XVI вѣкахъ, чему свидѣтельствуеетъ старинная пѣсня, которую въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поютъ о святкахъ такъ: „Шла Коледа изъ Новгорода“... и проч.

У Румынь святки называются *Керечуномъ*, у Карпата-Россовъ—канунъ Рождества, то есть нашъ сочельникъ, а коледованіе за празднованіе. Подѣ этимъ же названіемъ *Керечуна* у русскихъ назывался рождественскій постъ пли филиповки, такое названіе поста Карамзинъ объясняетъ короткостью дней **) зимнихъ. Однако-же, по замѣчанію проф. Снегирева, Карачунъ сходствуетъ съ Сербскімъ „Карачити“ то есть ходить, и съ русскимъ словомъ *корчить*, что либо или кого, кривляться.

Потомъ еще есть догадка неразрѣшенная однакоже ни чѣмъ—не имѣетъ ли слово „корачунъ“ какого нибудь сходства съ упоминаемымъ въ Стоглавѣ чародѣяннѣ надѣ корчагами.

Въ Великороссіи святки, кромѣ славленія по домамъ, сопровождаются наряжаніемъ въ маски и костюмы съ цѣлью не быть узнаваемыми, а также загадываніями. Какъ гаданія, такъ равно и наряжанія въ разные костюмы производятся вечеромъ, а гадаютъ часто по ночамъ.

*) См. Русс. Прост. празд. и суев. обряды. Вып. II, 1837 г., стр. 29.

**) Карам. И. Г. Р. Часть II. пр. 288.

Маски известны отъ глубокой древности, еще въ оргіяхъ Бахусовыхъ надѣвали личины, чтобы избавить себя отъ чарованія. Между греками и латинами въ средніе вѣка было мнѣніе, будто, въ продолженіи 8 дней послѣ Рождества Христова, дьяволы скитаются по землѣ и по наступленіи разрушенія ихъ царства, изгоняемые въ тревогѣ и тоскѣ рыскаютъ по улицамъ въ мрачномъ и огнезрачномъ видѣ, терзая, муча и увлекая встрѣчныхъ и поперечныхъ. Перереженные или святочники, умышленно представляютъ воплощенныхъ дьяволовъ и исторія Тюрпеня называетъ ихъ личинами брадатыми, рогастыми и похожими на демоновъ. Одинъ древній писатель объясняетъ силу отвораживанія масокъ тѣмъ, что онѣ своимъ стройнымъ и нелѣпымъ видомъ удаляютъ очарованіе отъ самыхъ лицъ, которыя ихъ носятъ. Но такъ, какъ маски по объясненію Нантскаго собора—личины демоновъ и оскверняютъ людей, посему тѣ, кто рядился на святкахъ, имѣли обыкновеніе очищаться купаньемъ въ рѣкахъ въ день Крещенія Господня.

Въ Новгородѣ Святки известны подъ именемъ *Окрутниковъ*, которые со втораго дня праздника Рождества Христова до Богоявленія ходили ряженными по городу въ тѣ дома, гдѣ выставлены были зажженные свѣчи на окнахъ и тѣшили хозяевъ шутками, каррикатурными представленіями, пѣснями и плясками.

Въ Тихвинѣ о святкахъ снаряжалась большая лодка, которая ставится на нѣсколько саней и возится нѣсколькими лошадьми по городу. Верхомъ на лошадяхъ, везущихъ лодку сидѣли округники. Тѣ же округники и святочники сидѣли въ лодкѣ, украшенной разноцвѣтными флагами. Всѣ эти поѣзжане бывали въ костюмахъ и маскахъ.

Въ Тихвинѣ ряженные назывались то округниками, то кудесниками, то куликами, то щеголями.

Во время поѣзда они пѣли, играли на разныхъ инструментахъ, и выкидывали разные штуки. Разумѣется, ряженныхъ сопровождали толпы народа, а зажиточные граждане подчивали этихъ ряженныхъ виномъ и кушаньемъ.

Въ Новгородской и Вологодской губерніяхъ святки до сихъ поръ называются *Кудесами*, такъ какъ въ лѣтописяхъ чародѣи, колдуны, арби, кудесниками и кобниками, которые га-

дали и вѣроятно кудесили, какъ колдуны, кобенились, какъ шаманы.

Въ Торопцѣ, Исковской губерніи, святки слывуть „Субботками“. Тогда незамужнія дочери обывателей этого городка собиравются у бѣдныхъ вдовъ, которыя дѣлають къ тому нужныя приготовления: для посѣтительницъ дѣлають скамьи уступами отъ полу до потолка въ видѣ амфитеатра, потомъ среди комнаты къ потолку подвѣшивается большой фонарь изъ цвѣтной бумаги, украшенный лентами и множествомъ свѣчь. По сторонамъ этой же горницы ставятся скамейки для мужчинъ.

Дѣвушки, какъ богатые, такъ и бѣдные непременно считаютъ долгомъ быть на этихъ вечеринкахъ или субботкахъ и для сего одѣваются какъ можно чисто, сообразно своему состоянію. Когда дѣвушки собрались всѣ до одной изъ числа приглашенныхъ, тогда ворота до сихъ поръ запертыя, отворяются и начинается прибытіе холостыхъ молодыхъ людей. Прибытіе каждаго молодого гостя дѣвушки величаютъ пѣснями, которыя изстари поются на субботкахъ. За эту честь каждый гость долженъ платить деньгами, которыя потомъ отдаются въ пользу хозяйки дома, небогатой вдовы. Сюда женатые и замужніе не допускаются.

Русская исторія указываетъ, что и царь Иванъ Васильевичъ Грозный съ своимъ опричникомъ маскировался подобно скомоухамъ и даже казнилъ К. Рѣшнина за то, что тотъ не надѣлъ личины *).

Петръ I любилъ святочные игрища, въ которыхъ самъ принималъ участіе, какъ было выше нами замѣчено. Въ его время святочные игры бывали не только въ городахъ и въ сельскихъ пріютахъ, но и въ царскихъ теремахъ, гдѣ Царевны святочничали съ верховыми сѣнными дѣвушками и боярынями.

Гаданіе. Въ составъ святочныхъ обрядовъ входитъ гаданіе, гдѣ по какимъ либо особеннымъ знакамъ искусственнымъ или естественнымъ стараются предъзнать человѣческой жребій, свое будущее.

Въ язычествѣ гаданіе составляло одно изъ главныхъ обрядовъ богослуженія; но когда язычники стали переходить въ

*) Карамз. И. Г. Р. т. IX. 2 изданіе.

христианство, то гаданіе стало преслѣдоваться подѣ видомъ ворожбы и если гаданіе и осталось въ народѣ, какъ сила привычки по праву давности, то какъ народная забава самое слово „гаданіе“ сродно съ еврейскимъ словомъ *Gadz Gad*—такъ называлось богиня счастья, а по другимъ отъ санскритскаго *Gad*—изслѣдовать, по третьимъ—*Gadam*—испытывать.

Самое же гаданіе въ древности было служеніе богинѣ Гадѣ (Фортуны, богинѣ счастья). Основываясь болѣе на случайныхъ, но естественныхъ явленіяхъ, или знакахъ, открывали тайну то есть, что нибудь угадывали. Ворожбою называлось дѣйствіе сверхъ-естественныхъ враждебныхъ силъ ко вреду однихъ или къ пользѣ другихъ, почему волхованіе, по толкованію Стоглава, называлось бѣсовскимъ служеніемъ и имѣло одно и тоже значеніе, что и колдовство, колдованіе, которымъ по сказанію занимались халдейскіе и другіе волхвы.

Способы гаданія бываютъ естественныя или искусственныя, какіе встрѣчаются не только у восточныхъ народовъ, но у Грековъ, Римлянъ и Славянъ.

Святочными гаданіями вообще занимаются вечеромъ, или ночью.

1) **Гаданіе на вещахъ.** Молодые люди обоого пола собираются на вечеръ, берутъ кольца перстни, запонки, сережки и другія мелкія вещи и кладутъ ихъ подѣ блюдо вмѣстѣ съ кусочками хлѣба, сверхъ всего накрываютъ чистымъ полотенцемъ салфеткою, или ширинкою. Послѣ того участвующіе въ гаданіи поютъ пѣсню, посвященную хлѣбу и соли и потомъ другія подблюдныя пѣсни. По окончаніи каждой, запустивъ руку и отворотясь отъ блюда, изъ подѣ закрытаго блюда, вынимаютъ какой нибудь одинъ предметъ, попавшійся первымъ подѣ руку. Это нѣчто въ родѣ домашней лоттереи. Къ этому примѣнялось содержаніе пѣсни, изъ котораго выводится себѣ предвѣщаніе.

Но такъ, какъ изъ подѣ блюда вынутыя вещи не всегда падаются тѣмъ, кому онѣ принадлежать, то присуждается по этому случаю выкупъ вещей. Послѣднему, вынужденному доставшюся изъ подѣ блюда на долю его вещь уже послѣднюю, поютъ пѣсню обыкновенно свадебную, какъ бы предвѣщая скорый бракъ. Затѣмъ и кольцо катятъ по полу, наблюдая въ которую сторону оно покатится: если къ дверямъ, то для дѣвухи—близость брака, для мужчины—отъѣздъ.

По наблюденіямъ г. Снягирева, эти обряды близки съ греческими обрядами и *ληδών*.

Хороненіе золота, или какъ золото хоронить. Но нужно быть хорошимъ наблюдателемъ даже, чтобы видѣть, въ какомъ высокомъ почтеніи было изстари золото и какъ оно даже по сей часъ служить эмблемой выраженія богатства, достоинствъ, красоты, пріязни и прочаго.

Напримѣръ когда мать говоритъ своему сыну или дочери: „ахъ ты золото мое!“... Понятно уже, что она этимъ выражаетъ ласку, любовь и высокое значеніе своей любви, какъ бы къ золоту, часто не въ отношеніи столько къ его значенію, сколько къ тому, что золото вообще прежде имѣло высокую недостигаемую цѣнность относительно своей рѣдкости. Такъ и сейчасъ, часто говорятъ: „это не человѣкъ, а золото.“ Этимъ словомъ по смыслу хотя человѣка выставляетъ ниже того, что онъ стоитъ по человѣчеству, но въ общемъ смыслѣ оцѣниваютъ какое либо одно качество или въ отношеніи ума, доброты или искусства.

По всей вѣроятности эта поговорка возникла изъ глубокой древности; такимъ образомъ, читая отечественную лѣтопись видимъ, что русскіе при договорѣ съ греками, полагая золото предъ Перуномъ и Волосомъ клялись, что если нарушатъ договоръ то, да „будутъ золото, яко золото“. Тоже было и съ Югорскими князьями клявшимися въ вѣрности предъ великимъ княземъ на опасъ и въ знакъ вѣрности клялись, испивая воду съ золота *).

Также иногда, поговоркой: „съ твоего слова, какъ съ золотого блюда“, выражаютъ желаніе благополучія и всѣхъ благъ такъ сказать довольства и благополучія. Такимъ же образомъ и обычай *хоронить золото* причисляютъ къ *обычаямъ* принадлежащимъ временамъ языческимъ. Остатки обрядности сохранились о святкахъ, но уже въ формѣ забавы или, какъ развлеченіе времени.

Дѣло въ томъ, что въ собраніи сидящихъ дѣвицъ, дамъ и мужчинъ тихонько даютъ оставшееся отъ подблюдной пѣсни кольцо и оно передается тайкомъ отъ одного къ другому изъ

*) См. Ист. Госуд. Россійск. I. Прим. 461. Евреи также клялись храмовымъ золотомъ, какъ видно изъ Еван. Матѣя XXIII, стр. 16.

сидящихъ рядо́мъ и смежно между собою, предоставляя кому нибудь изъ мужчинъ или дѣвушекъ искать это кольцо при пѣннѣ обрядовой пѣсни, пока не найдется въ чьей либо рукъ искомое. Пойманный въ скрытіи вещи въ свою очередь начинаетъ отыскивать, и такъ далѣе.

Окликка прохожихъ и проъзжихъ. Это гаданіе состоитъ въ томъ, что во время вечера или ночи выходятъ изъ дома и, стоя у калитки дѣвушки спрашиваютъ у мужчинъ словами: „какъ ваше имя?“ съ тою цѣлью и увѣренностью, что будущій женихъ будетъ имѣть то же самое имя и ту же красоту, которую имѣетъ видѣнный и опрошенный. Въ ярославской губерніи окликаютъ съ блиномъ на головѣ.

Подслушиваніе. Стоглавъ говоритъ, что *окликка* была древнимъ народнымъ суевѣріемъ, что гадатели и гадательницы ходятъ слушать подѣ окна чужихъ домовъ и, судя по услышаннымъ ими словамъ, веселому или непріятному разговору, предрекаютъ себѣ пріятную, или скучную жизнь, бранчиваго, или ласковаго мужа. Заключенія подѣ чужими окнами чрезъ подслушиваніе бываютъ самыя разнообразныя и выводятся изъ того, кого слышатъ: Стараго или молодаго, пьянаго или трезваго, мужчину или женщину, и проч. Такіе подслушиванія производятся у оконъ или дверей жилыхъ избъ или у оконъ домовъ (преимущественно первыхъ этажей).

Но болѣе храбрые и рѣзвые изъ дѣвушекъ рѣшаются слушать подѣ замкомъ церковныхъ дверей съ цѣлью услышать пѣніе въ церкви въ полночь, когда службы не бываетъ. Если воображеніе сильно возбуждено, нервы тоже, то легко можетъ случиться, что возбужденная особа, въ полузабвеніи, увлеченная мыслью и силою воли до мозга костей слышитъ, скорѣе во снѣ, то сладкое вѣнчальное, то погребальное пѣніе, изъ чего выносить, что ей въ этотъ годъ или идти замужъ или помереть.

Гаданье на курицахъ. Снявъ съ насѣста курицу, чаще пѣтуха, приносятъ въ ту комнату, гдѣ заранѣе приготовлены на полу въ трехъ мѣстахъ вода, хлѣбъ, золотыя, серебряныя и даже мѣдныя кольца, серыги и другія мелкія вещи.

Птицу пускаютъ на полъ и смотрятъ: какую вещь она клюнетъ или, за что примется прежде всего, имѣя въ виду, что птица ночью или вечеромъ бываетъ слѣпа и по естественной

привычекъ клевать, что попадая, клюнетъ, что либо изъ предметовъ, положенныхъ на полу.

Гадаютъ и такъ и иначе: Если гадаетъ одна особа, то понятно, что ей, выпустивъ пѣтуха или курицу можно гадать на разные мотивы, но если же гадающихъ дѣвушекъ очень много, то приходится задумывать иначе. Напримѣръ курицу или пѣтуха пускаютъ въ средину круга составленнаго изъ колець и перстней, принадлежащихъ разнымъ дѣвушкамъ. Чье кольцо, перстень или серьгу клюнетъ птица, та выдетъ замужъ въ теченіи этого года.

Но выйти замужъ вообще не трудно, каково быть за мужемъ? задается вопросомъ каждая изъ дѣвиць.

Въ этомъ случаѣ дѣвушка—гадательница примѣняетъ, какъ выше сказано, къ дѣлу гаданія воду, хлѣбъ, уголь и кольца. Затѣмъ пускаетъ курицу. Если курица или пѣтухъ станеть пить воду, то мужъ будетъ—пьяница. Если будетъ ѣсть хлѣбъ, то мужъ будетъ достаточный, когда же примется за уголь, то мужъ будетъ бѣднякъ, или, какъ говорится, прогорить—золотое кольцо клюнетъ—богачъ, серебряное—достаточный, мѣдное—скудный по труду, иногда волокита.

Иногда бываетъ и такъ, что гадательницы дѣлаютъ въ просторной избѣ нѣсколько такихъ круговъ, каждая для себя и приносятъ каждая дѣвушка курицу изъ своего дома.

Въ Костромской губерніи, во время святокъ, холостежь и молодежь ходятъ по птичьимъ закутамъ или дворамъ, и зажмуривъ глаза, снимаютъ курицу съ насѣста, (нашестка, насѣдала) по цвѣту курицы, судятъ о цвѣтѣ волосъ суженаго или суженой.

Въ Сибири въ это время гаданій впускаютъ на средину комнаты курицу съ пѣтухомъ и пускаютъ по полу и замѣчаютъ: если пѣтухъ гордо расхаживаетъ и щиплетъ курицу, то мужъ будетъ сердитый; но если и курица будетъ храбриться, то это знакъ, того, что жена будетъ одерживать верхъ надъ мужемъ.

Гаданіе на лошадей. Выводятъ изъ конюшни лошадей не иначе, какъ чрезъ оглоблю, или чрезъ какую либо жердь. Если лошадь зацѣпитъ за оглоблю, или жердь ногами, то для дѣвушки — мужъ сердитый и несчастная жизнь. Когда же—лошадь удобно перешагнетъ, не зацѣпивъ жердь или оглоблю, то

для дѣвушки предстоитъ счастливое житье со смирнымъ ласковымъ мужемъ.

Проф. Снегиревъ, приписываетъ это гаданіе ко временамъ языческимъ, когда въ Рюгенъ, предъ началомъ каждой войны жрецы гадали о будущемъ успѣхѣ, для чего переводили коня чрезъ нѣсколько жердей, и непременно бѣлаго коня Свѣтовидова, а въ Штетинѣ Воронова коня. Слѣды этого языческаго обычая остались и по сіе время въ Костромской и Ярославской губерніяхъ. Иногда садятся на лошадь, у которой завязаны глаза и пускаютъ изъ воротъ по волю; въ которую сторону лошадь изберетъ путь, туда дѣвушкѣ замужъ выходить.

Гаданіе у воротъ. Выходятъ къ забору или просто, стоя за воротами во время ночи и говорятъ: „залай залай собаченька! залай сѣрый волчокъ!“ „гдѣ залаетъ собаченька, тамъ живетъ мой суженый!“

Мнѣніе вообще таково, что гдѣ дѣвушка услышитъ собачій лай, туда непременно будетъ отдана замужъ, слышавшая лай дѣвушка, и чѣмъ глуше и дальше слышенъ будетъ лай, тѣмъ дальше она будетъ отдана замужъ. Притомъ лай хриплый, значитъ—бракъ со старикомъ, звонкій и тонкій лай—молодой женихъ.

Гаданіе башмакомъ. Дѣвушки снимаютъ съ лѣвой ноги башмаки и кидаютъ ихъ за ворота, наблюдая при этомъ, куда башмакъ ляжетъ носкомъ. Куда ляжетъ носкомъ, въ ту сторону будетъ отдана кидающая; когда же башмакъ ляжетъ носкомъ къ воротамъ, изъ котораго выкинутъ башмакъ, то дѣвушка въ этотъ годъ—жить дома, и не выходить замужъ.

Гаданіе топоромъ. Это гаданіе относятъ къ древнимъ. Плиній свидѣтельствуетъ, что этого рода гаданіе внесено въ Грецію Остонесомъ при Ксерксѣ I и употребляли его для узнанія виновнаго.

Вбивали въ топоръ деревянный колъ и держали его обѣими руками такъ, что вращать колъ было очень легко и при вращаніи произносили имена подозрѣваемыхъ. На чьемъ имени онъ покривится, тотъ и оказывался виновнымъ. Нынѣ, если хотятъ погадать, выйдетъ ли дѣвушка въ нынѣшнемъ году замужъ, при верченіи топора упоминаютъ имена дѣвушекъ и та изъ нихъ выйдетъ, на чьемъ имени топоръ покривится.

Гаданіе на луковицахъ. Берутъ нѣсколько луковицъ и замѣчаютъ каждую изъ нихъ; эти луковицы кладутъ на землю; чья луковица ранѣе дастъ ростокъ, та изъ дѣвушекъ выйдетъ прежде другихъ замужъ.

Гаданіе яицомъ. Берутъ стаканъ, наполненный чистою водою и въ эту воду съ осторожностью выпускаютъ свѣжее яйцо. Даютъ нѣсколько постоять; а потомъ по расположению бѣлка въ водѣ судятъ о будущемъ.

Гаданіе на поленьяхъ. Дѣвушки подходятъ къ поленищъ задомъ, или зашурясь и берутъ изъ нее безъ выбора, которой какое попадется. Затѣмъ каждая свое осматриваетъ, изъ чего заключаютъ о будущемъ женихѣ, напр. гладкое полено въ тонкой ровной корѣ предсказываетъ хорошаго красиваго жениха; полено съ шероховатой корою — некрасиваго на видъ; въ толстой, но хорошей корѣ — богатаго. Полено мѣстами ободранное — нуждающагося; безъ коры — бѣднаго, толстое полено — сильнаго, толстаго; съ сучками — большая семья и по числу сучьевъ о числѣ людей въ семьѣ; кривое — урода или съ какими нибудь физическими недостатками.

Гаданіе воскомъ, оловомъ или свинцомъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи, такъ и въ Россіи, о святкахъ лютъ воскъ или олово въ воду и, по вылитымъ фигурамъ, заключаютъ о своемъ жребіи, о счастьѣ, несчастьѣ, неудачѣ, урожаѣ или голодѣ.

Въ Потребникъ 1639 года всѣ *восколлы* и *оловоллы* названы „чародѣями“.

Гаданіе на сборникъ (головной уборъ). Когда дѣвушка желаетъ узнать, что случится въ этомъ году, то беретъ три вещи: сборникъ или другую какую принадлежность головнаго убора, кусокъ хлѣба и кусокъ дерева и кладетъ всѣ три вещи въ пустой, чистый горшокъ, иногда сопровождая все это приличными наговорами. Потомъ закрывъ, или завязавъ глаза подходитъ къ горшку и беретъ первое, что попадетъ. Если попадется ей въ руку головной уборъ — выйти замужъ, часть хлѣба — остаться дѣвушкою, а кусокъ дерева — гробъ *).

*) Свѣденія почерпнуты изъ рукоп. Мясникова въ 1829 г. Народные праздники въ округахъ Шенкурскомъ и Вельскомъ.

Гаданіе лучиною. Если дѣвушка желаетъ узнать: проживетъ ли она этотъ годъ? то взявъ въ руки березовую лучину, бѣжитъ къ роднику рѣки, или къ колодцу, мочить эту лучину и возвратившись домой зажигаютъ ее на огнѣ; у которой скоро загорится она, то это знакъ долгой жизни, а у которой не загорится вовсе, то умереть; у которой будетъ горѣть съ трескомъ и горѣть не особенно ровно, то въ теченіи года гадающая будетъ хворать.

Гаданіе на коровьей или воловьей кожѣ. Проф. Снегиревъ описываетъ, какъ гадаютъ въ Вельской и Шенкурской областяхъ о годовой судьбѣ, при помощи снятой съ крупнаго рогатаго скота кожи. Съ этою цѣлью нѣсколько дѣвушекъ берутъ столешникъ, хлѣбъ, ножикъ, и коровью сырую кожу, идутъ на перекрестокъ или на прорубь, разстилаютъ тамъ кожу, кладутъ на нее хлѣбъ и ножикомъ очерчиваютъ кругъ, въ предѣлахъ котораго и садятся, закрывъ себя столешникомъ или скатертью и ухвативъ другъ друга за мизинецъ, дѣлаютъ завѣщаніе, чтобы судьба извѣстила ихъ, что случится имъ въ нынѣшнемъ году и, въ таинственной тишинѣ ночи, слушаютъ: одной слышится, что ѣдутъ женихи большимъ поѣздомъ, другой чудится, что на полѣ большое собраніе народа, знакъ обильной жатвы и проч. Такія гаданія происходятъ не только въ Россіи, но и въ Шотландіи, по свидѣтельству Вальтеръ-Скотта. Гадаютъ ночью, завернувшись въ сырую коровью или въ воловью кожу, садятся въ ожиданіи отвѣтовъ на сдѣланные вопросы, или имѣютъ видѣнія, которыя открываютъ будущее.

Гаданіе по сковородѣ. Чтобы узнать имя будущаго жениха, дѣвушки кладутъ на столъ солому сбитую въ комъ, на этотъ комъ ставятъ сковороду, а на сковороду кладутъ камень и льютъ нѣсколько воды. Послѣ того, потихоньку и медленно начинаютъ каждая изъ дѣвушекъ вынимать по соломинкѣ и изъ звука производимаго камнемъ на сковородѣ при колебаніи, воображаютъ слышать имя будущаго жениха.

Тоже дѣлаютъ такъ: наливаютъ на сковороду воды и камни; сверхъ этого всего кладутъ растрепанныя хлопья льна или пеньки, зажигаютъ ихъ и накрываютъ горшкомъ. Когда вода сильно заклокочетъ, то, по замѣчанію суевѣровъ, у невѣстки будетъ сварливая свекровь.

Гаданіе на кольцо, хлѣбъ и крючекъ. Положивъ на полъ кольцо, крючекъ изъ соломы и кусокъ хлѣба, покрываютъ эти три предмета платкомъ, изъ подъ котораго потомъ и вынимаютъ, кому какая вещь достанется. Если вынется кольцо, то женихъ будетъ щеголь, если хлѣбъ—богачъ, а если крючекъ, то — бѣднякъ. *Бѣдный крюкъ* въ смыслѣ того, что бѣднякъ всегда горбится отъ труда и предъ всѣми изгибается.

Гаданіе у омета соломы. Подходятъ къ омету соломы, закинувъ голову назадъ, берутъ ртомъ соломенку; ежели она будетъ съ колосомъ, то примѣчаютъ, что вышедшая въ замужество будетъ богата, если соломина попадется безъ колоса, то — жизнь будетъ бѣдная.

Гаданіе на перекресткѣ въ полночь. Дѣвушки выходятъ на перекрестокъ, и загадавъ каждая изъ нихъ о своемъ будущемъ женихѣ, очерчиваютъ кругъ и, стоя въ немъ, прислушиваются и когда почудится имъ звонъ колокольчиковъ, или смѣхъ или веселое пѣніе, то заключаютъ, что — быть замужемъ. Если же послышится плачь или унылое пѣніе, то значитъ — умереть. На перекресткѣ также смотрятъ въ зеркало и видятъ своего суженаго и ряженаго *).

Гаданіе подъ окномъ. Въ полночь, гадающія дѣвушки садятся у оконъ, и каждая изъ нихъ приговариваетъ: „суженый, ряженный! поѣзжай мимо окна!“ Если которая изъ нихъ услышитъ поѣздъ съ крикомъ и свистомъ, то предрекаетъ себѣ веселую и счастливую жизнь; если же поѣздъ будетъ тихій, то слышавшая его дѣвушка предвидитъ жизнь бѣдную.

Гаданіе на бобахъ. Еще въ началѣ XVII вѣка существовало гаданіе на бобахъ, какъ то видно изъ Потребника мірскаго, гдѣ запрещается вѣрить бобамъ и также изъ народной пословицы: „чужую бѣду бобами разведу, а къ своей то бѣды и ума не приложу“.

Гаданіе это производится такъ: берутъ 41 бобъ и раскладываютъ на 9 кучекъ по столу въ три линіи такимъ образомъ:

Прежде всего дѣлаютъ только три кучки изъ 41 боба безъ счету, а по виду; затѣмъ изъ первой отсчитываютъ 4 боба, которые и кладутъ въ сторону такимъ образомъ: изъ первой

*) *Абелева русскія суевѣрій.*—М. Ч. Москва. 1876 г.

кучки откладываютъ 4, 3, 2 и 1 бобъ; послѣдній будетъ для образованія первой кучки втораго ряда.

Потомъ принимаются за вторую кучку, изъ трехъ первоначальныхъ и поступаютъ съ нею также, какъ и съ первой; остатокъ присоединяютъ ко второй линіи для образованія въ ней второй кучки. Наконецъ, поступивъ такимъ образомъ, получимъ въ первомъ ряду 3 кучки, въ каждой изъ которыхъ будетъ не болѣе какъ по 4 боба.

Второй рядъ или линія должна производиться изъ тѣхъ кучекъ, гдѣ бобы были отсчитаны по 4, всѣ эти бобы должно также разложить на произвольныя три кучки.

Потомъ нужно образовать третій рядъ, только онъ не отсчитывается, а просто дѣлится весь остатокъ отъ первыхъ двухъ линій на произвольныя послѣднія три кучки. При этомъ нужно имѣть въ памяти слова: *желаю, надѣюсь, исполнится.*

Въ первомъ ряду средняя изъ трехъ кучекъ у гадальщицы названа головою, третья кучка—рукою, средняя со второй—сердцемъ. Въ третьей третья кучка—ногою въ походѣ. Эти кучки считаются главными, а потому и выбираютъ при загадываніи ту изъ нихъ, которая подходитъ ближе къ вопросу, такъ какъ:

- 1) *Голова* содержитъ отвѣты на вопросъ объ умѣ, способностяхъ и объ характерѣ.
- 2) *Рука*. Имѣніе, богатство, бѣдность.
- 3) *Сердце*. Печаль, радость, чувство, любовь.
- 4) *Нога въ походѣ*—путешествіе, дорога, письма, отъѣздъ, отправка.

Лишь только будетъ подходить вопросъ къ одной изъ четырехъ кучекъ, то посмотрите сколько будетъ въ ней зеренъ; если четъ, то неблагоприятное, а если нечетъ то—благопріятный выводъ. Причемъ нужно также освѣдомляться для соображенія съ первой кучкой, той же линіи или ряда, гдѣ видимъ отвѣтъ на вопросъ, потому что, если видимъ нечетъ въ вопрошаемой кучкѣ, то есть—благополучіе, а въ первой кучкѣ того же ряда—четъ, то значитъ будетъ препятствіе, но окончится къ вашему благополучію.

Гаданіе ключемъ. Для такого гаданія берутъ какойнибудь ключъ, преимущественно старый, закладываютъ его бородкой

между листовъ переплетенной книги, которую при этомъ крѣпко завязываютъ. Понятно, что защемленный ключъ долженъ держаться крѣпко между страницъ книги. Тогда за кольцо или душку ключа вѣшаютъ книгу на веревку къ потолку и загадываютъ, кто выйдетъ изъ числа предстоящихъ здѣсь дѣвушекъ замужъ. Если книга до сихъ поръ висѣла неподвижно, то она при чьей либо фамилии перевернется, что и служитъ знакомъ того, что та дѣвушка, при имени которой книга оказала движение будетъ замужемъ въ этомъ году.

Точно также иногда, конечно давно, узнавали виноватаго при выкликаніи имени подозрѣваемыхъ лицъ.

Гаданіе на священной книгѣ. Берутъ какую нибудь книгу, преимущественно духовнаго содержанія, и не раскрывая ее задаютъ себѣ цифру страницы, и строчку сверху или снизу наобумъ. Потомъ открываютъ эту страницу и читаютъ. То, что вычитается изъ определенной незавѣдомо страницы и строчки служитъ отвѣтомъ на задуманный вопросъ. Если онъ будетъ отвѣтъ не прямой, то его растолковываютъ по своему.

Гаданіе на зеркалахъ. Гаданіе на зеркалахъ производятъ только самыя смѣлыя дѣвушки, которымъ болѣе осязательно и болѣе серьезно хочется ознакомиться съ своей будущностью. Гаданіе въ зеркаль, или наведеніе зеркаль, всегда сопряжено съ тишиною и молчаніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ безлюдностью, для чего избирается ночь.

Средствъ къ гаданію на зеркалахъ много, вотъ нѣкоторые:

а) Въ темномъ покоѣ ставятъ на столъ зеркало, а предъ нимъ зажженую свѣчу. Гадающая дѣвушка входитъ въ покой и смотритъ чрезъ свѣчу въ зеркало, гдѣ и видитъ своего суженаго. Когда она скажетъ: „чуръ меня“ видѣніе исчезаетъ. Но этому вѣрить и нельзя, она скорѣе себя увидитъ, чѣмъ незнакомое лицо.

б) Въ Сибири ставятъ два зеркала одно противъ другаго; передъ однимъ дѣвушка ставитъ 2 свѣчи на столъ, а другое зеркало уставляетъ за собою, такимъ образомъ помѣстившись между двухъ зеркаль, очерчивается вокругъ себя зажженою лучинкою, которой былъ зажженъ огонь въ сочельникъ, глядитъ внимательно въ поставленное предъ собою зеркало.

Тутъ непременно покажется суженый, который будетъ гля-

дѣть чрезъ плечо дѣвушки. Нужно вовремя зачураться, а не оглядываться *).

в) Гаданіе посредствомъ зеркала вѣроятно занесено къ намъ въ Россію, а не русское наше, какъ и многія изъ гаданій. Вечеромъ, берутъ два зеркала, если можно равной величины, и если можно большія, и устанавливаютъ одно противъ другаго, освѣщая ихъ при помощи двухъ свѣчъ съ того и другаго края. Лучше всего держать зеркало противъ освященнаго стѣннаго зеркала и держать въ рукахъ такъ, чтобы изъ направленныхъ зеркалъ въ стѣнномъ образовался длинный корридоръ освѣщенный огнями. Разумѣется лучше всего, когда зеркала безукоризненно чисты и безъ пузырей и другихъ пороковъ. Когда зеркала будутъ уставлены одно противъ другаго и освѣщены двумя свѣчами одинаковой высоты, то гадающая особа должна удалить изъ комнаты кошекъ, собакъ, птицъ и постороннихъ лицъ, кромѣ развѣ одной или двухъ скромныхъ особъ интересующихся одинаково съ особой гадающей или для повадности. Со стороны этихъ послѣднихъ особъ однакоже требуется не смотрѣть въ зеркало, не подходить къ гадающему лицу и не разговаривать.

Особа сѣвшая гадать, должна смотрѣть въ зеркало пристально и неподвижно, направляя свой взоръ въ конецъ представившагося ей корридора, образовавшагося отъ двухъ зеркалъ, направленныхъ стеклами одно противъ другаго.

Время для этого гаданія опредѣлить нельзя, можно просидѣть далеко за полночь и ничего не увидать. можно вздремнуть и во снѣ видѣть многое; но вообще говорятъ, что зеркало предъ началомъ видѣнія тускнѣетъ, свѣчи также теряютъ свой первоначальный свѣтъ и вотъ тутъ то нужно обратить усиленное вниманіе, чтобы въ скорости увидѣть что нибудь.

Нѣкоторые говорятъ, что если сосредоточить на какую нибудь неподвижную точку все свое вниманіе, то проявляются у многихъ нервныхъ особъ признаки сна или забытья, во время котораго они теряютъ сознаніе, слухъ утрачивается на мгновеніе, даже самая мысль запутывается. Опыты эти каждый испытывалъ на себѣ, глядя въ безконечную даль. углубляясь

*) Изъ записокъ и замѣчаній о Сибири. М. 1838 г.

въ чтеніе книгъ; изъ послѣдняго понятно, что многіе не могутъ читать книги безъ того, чтобы не задремать. Не этотъ ли самый напускной или искусственный первый сонъ дѣйствуетъ и на гадающую особу.

Отсюда понятно, что усиленное напряженіе нервовъ, сосредоточивается въ мозгу, дѣйствуетъ на воображеніе и развиваетъ изъ фантазій разные образы, часто непредвидѣнные.

Къ этому гаданью вообще способны нервныя, впечатлительныя особы съ воображеніемъ; но больныя, истерическія, ипохондрикки не должны браться за это дѣло, потому что испугъ отъ видѣннаго можетъ потрясти организацію.

Приведемъ одинъ случай, описанный покойнымъ профессоромъ Русской Исторіи Михайломъ Петровичемъ Погодинымъ, почерпнутый имъ изъ записокъ одной ему извѣстной графини А. Д. Б., которая въ свою очередь получила этотъ разсказъ отъ Е. О.

Въ 1807 г. въ обществѣ подругъ Е. О. въ домѣ помѣщика, зашелъ разговоръ объ опасностяхъ и трудахъ близкихъ сердцу отсутствующихъ, бывшихъ въ арміи. Извѣстій никакихъ въ деревнѣ. Между молодыми дѣвушками зашла рѣчь о гаданіи въ зеркало: одиѣ не вѣрили, другія сомнѣвались въ способъ гаданія, а нѣкоторыя вѣрили и одна изъ подругъ обратилась къ хозяйской дочери, чтобы та погадала въ зеркалѣ.

„Посмотри-ка гдѣ теперь мой братъ, и что съ нимъ теперь?“ просила подруга.

Хозяйская дочь устала отъ зеркала и сѣла при извѣстной обстановкѣ, прочія подруги расположились поодаль...

Долго молча сидѣла гадальщица и все было безплодно, такъ, что нѣкоторымъ это стало надоѣдать, какъ вдругъ заговорила:

— Вотъ, вотъ туманъ сходить со стекла, вотъ лѣсокъ, песчаный берегъ, рѣка, большая быстрая рѣка! Господи, сколько народу! Все войска... лагерь, солдаты, пушки, кони на обѣихъ берегахъ. Что это такъ суетятся у подошвы горы, на самомъ берегу? Кажется все штабные тутъ... А, отчалила лодка съ того берега, въ ней маленькаго роста генералъ сидитъ; вотъ плоть по срединѣ рѣки, другая лодка причалила, смотри!.. Е. О. подошла и стала за стуломъ подруги; посмотрѣла въ зеркало и увидѣла тоже самое. Вотъ и другой генералъ взошелъ на

плоть, онъ повернулся... Государь! вскричала хозяйская дочь и сама вскочила, пораженная удивленіемъ.

Это событіе было 13го іюня въ день Тильзитскаго свиданія двухъ императоровъ: Александра I и Наполеона I, о которомъ уже конечно никто не думалъ, не гадалъ, а тѣмъ болѣе эти молодыя дѣвушки.

Приглашеніе ужинать. Накрывъ столъ для суженаго, ставятъ два прибора, хлѣбъ, соль, ложки, только не кладутъ вилочъ и ножей. Около полуночи дѣвушка, испытывающая свое будущее, садится за столъ одна, очерчивается и говоритъ: „*Суженый, ряженый приходи ко мнѣ ужинать.* Лишь только пробьетъ полночь, является женихъ въ томъ самомъ нарядѣ, въ которомъ онъ долженъ быть при бракосочетаніи и садится за столъ.

На всякій случай берутъ съ собой пѣтуха для того, что если не поможетъ зачураніе и гость засидится, то надобно хорошенько давнуть пѣтуха, тогда онъ запоетъ и видѣніе исчезнетъ. Говорятъ, если призракъ, что либо вынетъ изъ кармана и положить на столъ, то стоитъ только зачурать и видѣніе пропадетъ, а оставленный предметъ останется во владѣніи дѣвушки.

Появленіе призрака или суженаго имѣетъ предварительные признаки: вой и свистъ вѣтра, сѣрный запахъ, иногда смрадный.

Много разсказовъ и суевѣрныхъ преданій существуетъ въ народѣ. Но суть дѣла — не болѣе, какъ вымыселъ. Скорѣе всего въ этомъ гаданіи видится свиданіе молодыхъ людей подъ покровомъ ночи, гдѣ мыслимы, не призракъ, а скорѣе всего настоящее мыслящее существо облеченное въ плоть.

Гаданіе на полотенцѣ. Вывѣшиваютъ бѣлое полотенце изъ окошка на ночь со словами: „*суженый, ряженый приди и утрусся*“. Если вскорѣ затѣмъ полотенце будетъ вымочено, то значитъ въ этотъ годъ быть дѣвушкѣ, которая вывѣсила его, замужемъ; а если къ утру сниметъ его сухимъ, то не выйти въ томъ году.

Гаданіе у церковныхъ дверей. Это гаданіе принадлежитъ къ подслушиванію и по своему характеру должно быть преслѣдуемо духовенствомъ, такъ какъ суевѣріемъ не должно осквернять храма Господа.

Дѣвушки ходятъ къ церковнымъ дверямъ и окнамъ и слушаютъ во время ночи, что имъ будетъ слышно. Если услышатъ погребальное пѣніе — то смерть той въ наступающемъ году, если свадебное пѣніе, то — быть замужемъ.

Гаданіе у бани. Нелѣзное, невѣжественное гаданіе было въ старину въ большомъ ходу; оно состояло въ томъ, что отворивъ немного дверь бани, дѣвушки обнажали нѣкоторыя части, подходили къ двери поочередно и говорили подѣ прикрытіемъ сумрака ночи довольно несвойственную для дѣвушекъ и тѣмъ болѣе дѣвственницъ фразу, съ предложеніемъ домовому прикоснуться рукой къ обнаженной части тѣла. Если дѣвушка чувствовала руку мохнатую — то предполагался богатый женихъ въ этомъ году, а холодная голая рука — бѣднаго, шершавая — характернаго и пр.

Прочитавъ о такомъ безобразномъ гаданьѣ, можно и посмѣяться; но въ сущности можно задаться вопросомъ, кто былъ первый изобрѣтатель такого гаданія? почему такіе скабрёзные обычаи живутъ и до сихъ поръ на Руси? Неужели родители и родственники не прочь отъ позволенія гадать такимъ образомъ своимъ роднымъ дочкамъ, да притомъ у бани, которая всегда бываетъ на краю деревни, гдѣ нибудь у рѣки, на краю жилья. Нельзя ли въ этомъ гаданіи подозрѣвать предлога къ тайному разврату?

Гаданіе у сарая. Ходятъ въ сарай, гдѣ стоятъ свинья туши, и слушаютъ, что свинья хрюкнетъ или пошепчетъ.

Гаданіе на курицу и пѣтуха. Связываютъ хвостами вмѣстѣ пѣтуха и курицу и сажаютъ подѣ рѣшето и наблюдаютъ, которая изъ птицъ потянетъ за собой другую. Если пѣтухъ, то для загадывающей особы мужъ будетъ ее держать въ рукахъ строго, если же курица потащитъ пѣтуха, то значитъ жена будетъ начальствовать надъ мужемъ.

Гаданіе на снахъ. Къ святочнымъ гаданіямъ принадлежатъ также сновидѣнія на новый годъ или на святкахъ, изъ которыхъ выводитъ предсказанія каждая загадывающая особа.

Мостикъ. Собравъ отъ вѣника прутиковъ, кладутъ ихъ сложенными въ родѣ мостика подѣ подушку. Та, которая кладетъ такой мостикъ, ложась спать, приговариваетъ: „*Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ переведетъ меня*

через мостъ. Суженый, если явится во снѣ и переведеть чрезъ мостъ, значитъ быть за мужемъ въ этомъ году.

Пересолъ. Бдять передъ сномъ, что либо соленое или пересаливая пищу. Ложась спать, говорятъ: „*Кто мой суженый, кто мой ряженный, тотъ пить мнѣ подастъ*. Иногда просто берутъ наперстокъ воды и наперстокъ соли, смѣшиваютъ и пьютъ. Понятно, что можетъ и присниться что нибудь подобное во снѣ, потому что жажда будетъ преслѣдовать солено наѣвшагося спящаго.

Гребень. Кладутъ подъ голову гребень и говорятъ: „*Суженый, ряженный, причеши мнѣ голову*“.

Сильгъ. Ложатся навзничъ въ снѣгъ и по утру ходятъ смотреть: если слѣдъ остался по прежнему гладкимъ, то мужъ будущій будетъ смиренъ и спокоенъ, если же это мѣсто изсѣчено, то вздорный и драчливый.

Карта. На ночь кладутъ бубноваго или другаго короля подъ изголовье и загадываютъ на суженаго—ряженаго, или на то лицо, которымъ дѣвушка увлечена, съ цѣлью узнать будущее или расположеніе друга.

Крещенское гаданіе.

(.Легенда).

Гаданіе, о которомъ сейчасъ упомянемъ весьма неприличное и противно духу Христіанской религіи. Откуда оно возникло — неизвѣстно, но скорѣе всего удержалось со временъ язычества, когда существовало поклоненіе и злымъ и добрымъ богамъ *).

Въ то время, когда всѣ уйдутъ или уѣдутъ на водосвятіе въ день Богоявленія Господня, дѣвушка беретъ вѣникъ или лопату и начинаетъ мести комнату; каждый разъ, взмахнувъ на право, она произноситъ молитву, а взмахнувъ на лѣво при каждомъ разѣ поминаетъ ругательство съ именемъ нечистой силы. Послѣ того дѣлаетъ черту углемъ посрединѣ пола и становится на право. то есть на мѣсто отмеченное съ мо-

*) См. Тайнственныя Чары. Москва. 1876 г. гр. *Калостро*.

литвою. Это метеніе происходитъ во время погруженія креста на Иорданъ. Неправда ли какой грѣховный предразсудокъ?

Ставь на мѣсто дѣвушка говоритъ слѣдующее: *Суженый—ржженный! явись передъ мной, какъ листъ передъ травой.*

Преданье говоритъ, что будто нѣкоторымъ чертъ являлся въ видѣ будущаго жениха, лицомъ къ лицу, въ 12 часовъ дня и останавливался на той сторонѣ, которая была замечена съ призываніемъ его имени.

Мы слышали одно преданіе и, по поводу описанія этого гаданія, опишемъ его, хотя за вѣрность его ручаться нельзя.

Одна дѣвушка пожелала видѣть своего жениха, и женское любопытство не могло остановиться даже предъ опасностью, съ которою сопряжено призываніе нечистаго духа. Когда всѣ домашніе отправились на рѣку на водосвятіе, она вышесказаннымъ образомъ начала мести комнату вѣникомъ направо и налево, то призывая имя черта, то творя молитву, замечая въ право. Послѣ чего, ставъ на правую сторону, она стала ждать прихода или появленія суженаго.

Чтоже?! дверь отворяется, хотя она была ранѣе того заперта, входитъ молодой человекъ въ шинели, держа въ одной рукѣ красный платокъ, а въ другой шапку, и остановился.

Молодая дѣвушка, полюбовавшись на этого красавца съ полминуты, и вдругъ почувствовавъ какой то внутренней страхъ, вскричала: „чуръ меня“! и упала безъ памяти.

Когда дѣвушка очнулась, то въ комнатѣ никого уже не было, и она оставалась все по прежнему одна; комната, какъ и до посѣщенія ея незнакомцемъ, была заперта, только красный платокъ, который былъ въ рукѣ незнакомца, очутился какъ то въ ея рукахъ. Дѣвушка, осмотрѣвъ всѣ окна и уголки въ комнатѣ и убѣдившись въ томъ, что дѣйствительно не было никакой возможности живому существу проникнуть въ комнату, тотчасъ позаботилась, тайно отъ родныхъ и домашнихъ, спрятать платокъ до поры до времени, а также затаила отъ всѣхъ въ глубинѣ души чудесное происшествіе. Не прошло еще году, какъ къ ней сталъ свататься и просить у ея родителей руки красивый молодой человекъ, точь въ точь съ тѣми чертами лица, какого она видѣла въ день Богоявленія. Дѣвушка тотчасъ смѣкнула, что это ея суженый и что ей судьба опредѣлила быть его невѣстою.

Вотъ она и замужемъ. Прошло два года. Молодая женщина о платкѣ и не запнется; живутъ счастливо...

Однажды, какъ то о святкахъ, къ молодой четѣ собралось много гостей. Въ бесѣдѣ гости между прочимъ начали разные разговоры святочнаго характера, разговоръ этотъ коснулся до вѣщихъ сновъ, привидѣній, домовыхъ и разныхъ гаданій. Поднялся споръ. Кто говорилъ, что ничего нѣтъ въ природѣ, и что все находится только въ одномъ нашемъ воображеніи, другія, особенно женщины, стояли въ пользу существованія чертовщины и гаданія, къ числу послѣднихъ принадлежала и молодая жена хозяина. Мужчины уступили женщинамъ и тутъ молодая хозяйка, вставъ изъ за стола, сказала всѣмъ присутствующимъ:

— Если вы, господа, такъ упорно стоите, что всѣ гаданья — пустяки, что въ мірѣ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, то я докажу противное.

— Хорошо, докажите, было общее желаніе мужчинъ.

Хозяйка скрылась въ свою спальню, вынула изъ комода или укладки завѣтный платокъ и вынесла его съ торжествующимъ видомъ. „Вотъ платокъ“ сказала она; „онъ заключаетъ въ себѣ много таинственнаго“. Потомъ подала его мужу и спросила: узнаетъ ли онъ этотъ платокъ?

Мужъ взялъ этотъ платокъ въ руки и, увидѣвъ на одномъ изъ угловъ его мѣтку своей фамиліи поблѣднѣлъ, и задрожалъ. Это былъ его любимый платокъ и сопряженное съ пропажей его событіе живо осталось до сихъ поръ въ памяти, хотя онъ еще никому объ немъ не рассказывалъ.

— Вотъ, господа, я расскажу вамъ исторію этого платка, который я считалъ потеряннымъ, началъ онъ: Два года тому назадъ, когда я былъ холостой и даже не рассчитывалъ жениться, отправился въ Крещенье на водосвятіе; народа было много и я, боясь тѣсноты, стоялъ на мѣстѣ, болѣе другихъ просторномъ. Вынувъ вотъ этотъ самый красивый шелковый платокъ я сталъ имъ отирать заиндевѣвшіе усы; лишь только я отвелъ отъ лица платокъ, какъ откуда не возьмись черная собака, огромнаго роста, подбѣжавъ ко мнѣ, вырвала его и пропала, такъ что преслѣдовать ее было бы не мыслимо.

— Но какъ же къ вамъ попалъ этотъ платокъ? спросилъ кто то изъ гостей хозяйку.

— Вотъ въ томъ то, господа, и дѣло? впередъ вѣрите и тому, что есть на свѣтѣ много чудеснаго, отвѣчала молодая женщина и рассказала исторію полученія платка изъ рукъ призрака, разумѣется, безъ утайки.

Всѣ подивились разсказу и уже не оспаривали болѣе.

Наконецъ наступила глухая полночь, гости разошлись и разѣхались по домамъ, пожелавъ хозяйевамъ провести пріятно остатокъ ночи.

Хозяева остались одни.

Въ странномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ хозяинъ. Лобъ его былъ наморщенъ, брови сдвинуты, глаза сверкали... Онъ былъ страшень даже для молодой супруги, которая такимъ видѣла его только первый разъ отъ рода.

Съ часъ онъ ходилъ по комнатѣ, наконецъ вышелъ куда то на минуту и, возвратясь, обратился къ своей женѣ съ такими словами:

— Вотъ что, милая! я полюбилъ тебя, но не зналъ, что ты меня достала исчистой силой; мнѣ тебя не нужно: возьми свой платокъ, надѣнь его на себя и молись Богу.

Жена глядѣла на мужа робкимъ взоромъ, губы шевелились, словно хотѣли что вымолвить, но слова не слетали съ устъ.

— Довольно, будетъ! кайся предъ иконою Спасителя и умри. При этомъ мужъ показалъ ей заряженный пистолеть.

Нечего говорить о томъ, что всѣ ея вопли, моленія были напрасны, мужъ застрѣлил ее.

Правдивъ ли этотъ разсказъ, или выдумка—рѣшить трудно, потому, что нечѣмъ провѣрить факта. Во всякомъ случаѣ онъ представляетъ собою прекрасное нравоученіе для легкомысленныхъ молодыхъ людей, какъ вредно предаваться суевѣрію вообще, а христіанину въ особенности искать ложнымъ, явно противнымъ Религій путемъ, и чего же, знанія будущаго, то есть того, что отъ насъ и для пользы нашей сокрыто Богомъ, который только одинъ нарицается Всевѣдущимъ.

Святочные вертепы и звѣзды.

Мы уже упоминали о бумажной звѣздѣ, съ которой маленькіе мальчики ходятъ на Рождествѣ славить Христа. Въ Сибири также ходили съ *вертепомъ*, о которомъ въ наше время мало, кто говоритъ. Это былъ ящикъ, двухъ ярусахъ; въ немъ представляли разными деревянными фигурами сцены, относящіяся къ Рождеству Христову: явленіе ангеловъ, поклоненіе волвовъ, бѣгство во Египеть. Въ верхнемъ ярусѣ вертепа представлялась смерть Ирода, а въ нижнемъ—пляски. При этомъ дьячекъ зажигалъ свѣчи, которыми освѣщалась внутренность вертепа, а трапезникъ гасилъ ихъ. У одного за плечами былъ кузовъ, у другаго въ рукахъ тарелка, въ которую клали деньги. Съ вертепомъ хаживали мальчики, иногда въ сопровожденіи гудошника или скрипача *).

Славленіе нашихъ царей.

Хотя въ Россіи не было западнаго праздника *путешествіе трехъ царей*, но со временъ царя Алексѣя Михайловича было введено ходить государямъ о Святкахъ *славить* даже къ своимъ подданнымъ.

Славленіе это начиналось съ полудня праздника слѣдующимъ образомъ: **) процессіи предшествуютъ двое чиновниковъ съ барабанами въ рукахъ и ударяютъ въ нихъ палочками обернутыми сукномъ. За ними слѣдуетъ царь со всемъ клиромъ и съ толпою князей и бояръ. Они ѣдутъ на саняхъ и посѣщаютъ знатнѣйшихъ придворныхъ вельможъ.

По вступленіи въ домъ къ кому либо, поютъ: „Тебѣ Бога хвалимъ“ и поздравляютъ съ „Новымъ Годомъ“. Потомъ хозяинъ подноситъ Царю подарокъ деньгами и угощаетъ его со свитою. Послѣ угощенія они отправляются къ другому вельможѣ.

*) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837 г. въ 8.

**) Русскіе простонародные праздники. М. 1837 г. стр. 56.

Тоже говоритъ Броунъ въ своемъ путешествіи по Россіи въ 1649 году *).

„Московскіе Государи посѣщаютъ знатнѣйшихъ своихъ подданныхъ и чужестранцевъ предъ праздникомъ Богоявленія. Въ такомъ случаѣ ихъ угощаютъ, и это называется *Славленіемъ*. Царь ходитъ, сопровождаемый князьями, боярами, и другими царедворцами. Эта церемонія началась съ 1702 г. января 3. Перваго Бранса царь Петръ I посѣтилъ въ 9 часовъ утра; съ нимъ проѣхало около 300 человекъ на саняхъ и верхомъ. Столы покрыты были различными лакомствами, сперва подавали холодныя, а потомъ горячія кушанья. Веселость была непринужденная и напитки лились щедрою рукой. Около 3 часовъ Его Величество со всѣмъ своимъ дворомъ отправился къ Лупсу, гдѣ было такое же угощеніе, потомъ въ другія, наконецъ вся его свита поѣхала отдыхать въ дома нарочно для этого построенныя.“

Изъ современныхъ записокъ видно, что наказываемы были тѣ кнотомъ, и батогами, которые уклонялись отъ славленія. У Желябужскаго въ лѣтопись внесено, что Григорій Камынинъ, битъ плетью за то, что бывъ записанъ въ славленье, да не ѣздилъ. **) При Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ на Руси о Рождествѣ Христовѣ давалось придворнымъ пѣвчимъ дача (жалованіе) подъ названіемъ *славленнаго*.

Петръ I съ 1 января 1700 г. установилъ праздновать новолѣтіе по европейскому обычаю, велѣлъ украшать дома зелеными вѣтками, освѣщать улицы и т. п. Но это былъ уже гражданскій праздникъ.

Нѣсколько словъ о Васильевомъ вечерѣ.

Васильевъ вечеръ, канунъ Новаго года, слившійся вмѣстѣ со святками или каледою въ наше время, въ прежнее время именовался, то *богатымъ вечеромъ*, то *Авсенемъ*, то *Овсенемъ*, то *Таусеномъ*, то *Усеномъ*, то иногда, *Говсенемъ*. или *Бауценемъ*. въ губерніяхъ Рязанской, Спмбирской, Владимірской,

*) Bryn Corn. Travels into Moscovy, Persia, and Eastin diens. London 1737.

**) Дѣян. Петра I. томъ I. Издан. 2. М. 1837 г.

Нижегородской и отчасти въ Пензенской, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ *каледой* и *таусенемъ*, такъ какъ эти два праздника нынѣ безразлично сливаются въ одни святки.

Подъ вліяніемъ христіанства, если народъ забывалъ своихъ главныхъ боговъ, то припоминалъ своихъ второстепенныхъ и и особенно тѣ миѣы физическіе, которые имѣли предметомъ олицетворенныя явленія и силы естества или символы житейскихъ потребностей, сюда относятъ Авсенья или Таусеня, какъ божество. Если у насъ годъ начинался съ Марта, то понятно что Авсень было божество покровительствовавшее первымъ весеннимъ посѣвамъ, сравнивая съ нѣм. словомъ *awsten*—посѣвъ, или съ словомъ *Avena* (лат.)—овесъ, съ слов. *Owsen*—овесъ. На какъ Петръ I измѣнилъ наше древнее счисленіе, и предписалъ считать начало года съ 1 января, то празднованіе Авсенья перешло на Васильевъ вечеръ. Однакоже темныя преданія объ Авсень безсознательно сохранились въ народѣ, что можно заключить уже изъ того, что деревенскіе славильщики, ходя по избамъ своихъ односельчанъ съ пѣснями, при входѣ въ каждый домъ, бросаютъ на полъ по нѣскольку хлѣбныхъ зеренъ; и эти зерна собираются старухами и хозяйками дома и сберегаются до весенняго посѣва. Можетъ быть овсень произходитъ отъ выраженія „О веснѣ“.

М А С Л Я Н И Ц А .

(Сырная недѣля).

По сказаніямъ церковныхъ историковъ въ эти дни безумствовали, то есть надѣвали на себя личины (маски), костюмы, причемъ переряжались мужчины въ женскіе костюмы, а женщины въ мужской нарядъ, иногда мужчины наряжались въ довольно странные костюмы (пугалами), чтобы казаться страшнѣе и такая костюмировка (народный маскарадъ) служилъ на масляницѣ поводомъ къ самому веселому разгулу, неистовству и разврату, въ которомъ, къ стыду того времени, принимали участіе женщины. Таково начало карнавала существующаго и по нынѣ ото дня *трехъ* королей до Пепельной среды. Древніе языческіе обряды сатурналіи облакались въ новыя формы;

изъ Италиі они перешли въ другія страны христіанскія, гдѣ были образцами для подражанія, и гдѣ смѣшивались съ ними отечественные обычаи.

Въ церковныхъ книгахъ Масляница называется *сырною недѣлю*, подобно всей предшествующей седмицѣ, на которой въ среду и пятокъ ѣдятъ сыръ и яицы, въ отвращеніе преданія Яковитскою и Гетрадитскою ереси.

Въ Россіи Масляница начинается послѣ вселенской субботы, въ которую бываетъ память усопшихъ родственниковъ, между тѣмъ, какъ въ сырную недѣлю церковь наша воспоминаетъ изгнаніе Адама изъ рая, приготовляя Христіанъ къ Великому посту. Тогда народъ предается масляничнымъ удовольствіямъ, катаньямъ съ горъ на саняхъ, попойкамъ и пиршествамъ, а встарь предавались даже кулачнымъ потѣхамъ.

Во всю Масляницу пекутъ блины, пряженцы, оладьи. *) Въ народномъ быту масляница слыветъ честною, а по разгульности и раздолью широкою, такъ какъ русскій человѣкъ въ эти дни предается широкому разгулу.

Отъ этого то происходятъ поговорки; *„не житье а масляница“*, или *душа моя масляница, перепиленья косточки, бумажное житье, сахарныя твои уста, сладкая твоя рѣчь, красная краса, русая коса, тридцати братьевъ сестра, со-рока бабушекъ внучка, трехъ матерей дочка, киночка, ясочка, ты же моя перепелочка.*

Иностраннй писатель, какъ очевидецъ этого праздника за 200 лѣтъ назадъ, такъ изображаетъ наше русское празднованіе масляницы.

„Масляница потому такъ названа, что русскимъ въ теченіи этой недѣли позволяется вкушать коровье масло; ибо они во время поста, вмѣсто коровьяго употребляютъ конопляное въ кушанья. Масляница начинается за 8 дней до Великаго поста. Въ то самое время, когда бы всякой съ сердечнымъ раскаяніемъ долженъ былъ приготовляться къ созерцанію страданій Христовыхъ, въ то время сіи заблудшіе люди предають свою ду-

*) Оладьи, по замѣчанію пр. Снегирева не соответствуютъ ли прилетанію пер-выхъ птицъ—Жаворонковъ (alaudae) или оладьи не происходятъ ли отъ слова о Лада? См. *Русс. прос. празд.* 1837 г. М. стр. 118.

шу дьяволу. Во всю масляницу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, развратъ, игра и убійство, (вѣроятно кулачные бои), такъ, что ужасно слышать о томъ всякому Христіанину. Въ то время пекутъ пирожки, калачи и тому подобное въ маслѣ и на яницахъ; зазываютъ къ себѣ гостей и упиваются медомъ, виномъ и водкою до упаду и безчувственности. Во все время ничего болѣе не слышно, какъ: того то убили, того то бросили въ воду. Въ бытность мою у Русскихъ на этой недѣлѣ убитыхъ нашлось болѣе ста человекъ. Нынѣшній патріархъ (описаніе масляницы принадлежало къ 1698 г.) давно уже хотѣлъ уничтожить этотъ бѣсовскій праздникъ, но не успѣлъ; однакожъ онъ сократилъ время его на 8 дней, тогда, какъ прежде оный продолжался до 14 дней. Масляница напоминаетъ мнѣ Итальянскій карнавалъ, который въ тоже время и такимъ же образомъ отправляется. Славный папа Иннокентій XI хотѣлъ было его уничтожить; но подобно патріарху русскому успѣлъ только сократить его на 8 дней“.

Такимъ образомъ изобразилъ иностранный писатель нашъ народный праздникъ съ одной только стороны, не упомянувъ о любимыхъ русскихъ забавахъ: о катаньѣ съ горъ на салазкахъ, лубкахъ, саняхъ и на берестѣ, на лыжахъ и проч.

Масляное пиршество можно раздѣлить на три части: 1) Встрѣча масляницы, это *понедѣльникъ*. 2) Разгулъ, или широкая масляница, то есть *четвергъ* и 3) Прощанье—*воскресеніе*.

Встарину, какъ праздникъ народный, масляница начиналась съ понедѣльника, а какъ праздникъ гражданскій.—съ четверга. Нынѣ начало гражданской, свободной отъ дѣлъ масляницы начинается съ утра субботы.

Главную роль въ русской масляницѣ играютъ *блины*, которые добрыми хозяйками пекутся всю недѣлю; на блины зовутъ гостей и повсюду угощаютъ блинами. Какъ всѣ народы пекли прѣсныя лепешки на угольяхъ, прежде, чѣмъ достигли знанія готовить заквасное тѣсто, то по смыслу блины должны быть по словамъ проф. Снигирева—древнѣе хлѣба.

По обще принятому обычаю блинами поминали и поминаютъ усопшихъ. Въ Тамбовской и другихъ губерніяхъ первый блинъ испеченный на сырой недѣлѣ кладутъ на слуховое окошко, посвящая его для душъ родительскихъ.

Блины у русскаго народа служатъ какимъ то символомъ поминовенія усопшихъ изстари. Въ книгахъ св. Писанія мы встрѣчаемъ, что царь Давидъ раздавалъ по случаю праздника при перенесеніи Кивота Завета по мѣсту сковрадному *).

Въ Германіи также пекутся обварныя оладьи, крендели и тому подобныя хлѣбныя печенья.

Катанье на саняхъ вездѣ и повсюду послѣ мяснаго заговѣнья начинается въ понедѣльникъ, хотя площадныя удовольствія открываются послѣ 12 часовъ по полудни въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ другихъ многолюдныхъ городахъ Россіи. Но преимущественно предаются такимъ экипажнымъ прогулкамъ съ четверга сырной недѣли.

Нынѣ прогулки производятся очень чинно, и безъ шума, гдѣ позволяетъ мѣстность и гдѣ сосредоточена народная веселость; но прежде эта конная и экипажная ѣзда была сопряжена съ пѣснями и музыкой. Въ Петербургѣ, въ прежнее время, масляное гуляніе было устраиваемо на Исакиевской площади. Тутъ были устраиваемы и балаганы и ледяныя горы, и карусели, а по окраинамъ, или внѣ предѣловъ этой мѣстности, назначенной для удовольствія публики, такъ называемой *горной* была установлена ѣзда въ экипажахъ, прогулка арастократіи и вообще богатаго народа. Въ Москвѣ до конца XVIII вѣка катаніе о масляницѣ производилось на Москвѣ рѣкѣ и на Неглинной отъ Воскресенскихъ до Троицкихъ воротъ, гдѣ нынѣ разбитъ Александровскій садъ.

Конторини въ „1473 году видѣлъ на Москвѣ рѣкѣ конныя ристанія и всякія увеселенія“ **).

При Петрѣ Великомъ Масляничныя потѣхи помѣщались близъ Красныхъ воротъ, гдѣ Петръ I самъ въ понедѣльникъ на Масляницѣ открывалъ масляничное торжество, покачавшись съ своими офицерами ***) на качеляхъ.

Торжественный маскарадъ въ 1722 г. По заключенію Петромъ Великимъ Нейштатскаго мира въ 1722 году императоръ

*) Въроятно млинъ означалъ блинъ, который былъ печенъ на сковородѣ или сковродѣ. II кн. Царствъ. VI. 19.

***) Библиотека иностр. писателей о Россіи 1886 г. Отд. I.

***) См. Старина Русская. Спб. 1825 г.

далъ въ Москвѣ знаменитый еще невиданный до того времени маскарадъ и санное катаніе на 4-й день сырной педѣли.

Въ этотъ день началось движеніе большаго поѣзда изъ села Всесвятскаго, гдѣ еще съ вечера собрано было множество морскихъ судовъ разной величины и вида, около сотни саней запряженныхъ разными звѣрями. По сдѣланному ракетой сигналу, сухопутный флотъ, напоминающій собою флотъ Олега, на полозьяхъ и саняхъ, потянулся длинною вереницею отъ Всесвятскаго къ Тверскимъ Триумфальнымъ воротамъ *).

Шествіе открывалъ арлекинъ, ѣхавшій на большихъ саняхъ, въ которыя были впряжены пять лошадей гусемъ, украшенныхъ бубенчиками и побрякушками. На другихъ саняхъ ѣхалъ князь-папа Зотовъ, облеченный въ длинную мантию изъ краснаго бархата подбитую горностаемъ, а въ ногахъ его возсѣдалъ Вакхъ на бочкѣ; за нимъ свита, замыкаемая шутомъ, который сидѣлъ въ санкахъ, запряженныхъ четырьмя свиньями.

Потомъ началось шествіе самаго флота, конемъ предводительствовалъ Нептунъ, сидѣвшій на колесницѣ съ трезубцемъ въ рукахъ, везомый двумя сиренами. Въ процессіи находился и князь-цезарь Ромодановскій въ царской мантии и княжеской коронѣ: онъ занималъ мѣсто въ большой лодкѣ везенной двумя живыми медвѣдями. Наконецъ появилась громада, 88 пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля Фридемакера, спущеннаго въ воду въ мартѣ 1721 г. въ С.-Петербургѣ: онъ имѣлъ три мачты и полное корабельное вооруженіе даже до послѣдняго блока. На этомъ кораблѣ везенномъ шестнадцатью лошадьми сидѣлъ самъ государь Петръ I въ одеждѣ флотскаго капитана съ морскими генералами и офицерами и маневривалъ на немъ, какъ на морѣ, во время шествія. За этимъ кораблемъ слѣдовала раззолоченная гондола Императрицы, которая была въ костюмѣ Остфриской крестьянки, а свита ея состояла изъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, одѣтыхъ по арабски. **) За гондолою появились настоящіе члены маскарада, подъ именемъ *неугомонной обители*: они сидѣли въ широкихъ длинныхъ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе драконовой головы и запряжены

*) Сѣверная Пчела 1833 г. № 123.

**) См. Сѣв. Пчела 1833 г. № 125.

были волками, журавлями, драконами, представляя въ лицахъ Езоповы басни и т. п.

Такое пестрое и чудное маскарадное шествіе чрезъ Тверскія ворота потянулось въ Кремль при пушечныхъ выстрѣлахъ, куда и достигло къ вечеру. На слѣдующій день и на третій день, и 2 февраля сборъ назначенъ былъ у воротъ построенныхъ тогда купечествомъ. Этотъ маскарадъ окончился великолѣпнымъ фейерверкомъ и пиршествомъ. Въ продолженіи четырехъ дней московскаго карнавала; участвовавшіе въ немъ особы перемѣняли по нѣскольку разъ свои костюмы.

Нѣкоторые историческіе карнавалы. По свидѣтельству Штелина, Императрица Анна Іоанновна собирала у себя на масляницѣ гвардейскихъ унтеръ офицеровъ съ ихъ женами, гдѣ они тѣшились плясками, тутъ же бывали и другія народныя забавы.

При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ открылось катанье въ любимомъ ей селѣ Покровскомъ, прежнемъ Рубцовѣ: тамъ сама Государыня съ своими придворными каталась на лыжахъ и на саняхъ.

Екатерина II послѣ коронаціи своей въ Москвѣ, о масляницѣ, дала народу блистательный маскарадъ въ аллегорической процессіи на городскихъ улицахъ, который сочиненъ былъ актеромъ Волковымъ, подъ названіемъ Торжествующей Минервы.

Вѣроятно въ подражаніе Римскому карнавалу объ масляницѣ рядились въ маски и въ разные странныя и смѣшныя костюмы, которые составляли подвижной уличный маскарадъ и катались по улицамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и по сей часъ сохранился обычай о масляницѣ рядиться и развѣзжать по улицамъ.

Свадьба шута *). На площади между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ въ С.-Петербургѣ, въ 1739 г. былъ построенъ Ледяной домъ, въ которомъ даже дрова были изо льда. Въ назначенный день къ крыльцу между ледянымъ домомъ и дворцомъ подъѣхала золотая десятистекольная карета, запряженная восемью неаполитанскими лошадьми украшенными золотой сбруей и страусовыми перьями на головахъ. Въ

*) Заимст. изъ романа Лажечникова. „Ледяной домъ“.

ней сидѣла Государыня Императрица Анна Иоанновна съ придворной дамой. Когда повоздъ тронулся, 12 пѣшихъ гайдуковъ сопровождали лошадей по шести со стороны. Кучера сидѣвшіе на козлахъ, одѣты были въ ливрейныя шубы, украшенныя золотыми галунами, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ. Блестящіе пажи во французскихъ кафтанахъ и блондахъ, окружали карету государыни. Два араба въ золотыхъ шубахъ и въ бѣлыхъ чалмахъ. 12 сержантовъ въ гренадерскихъ мундирахъ и въ шляпахъ съ плюмажемъ охраняли карету верхами. Позади этой кареты слѣдовали нѣсколько другихъ съ великими княжнами. Въ одной изъ нихъ сидѣла дочь Петра Великаго, Елисавета Петровна, будущая Императрица. Тутъ Анна Леопольдовна. Далѣе—карета Герцога Курляндскаго (ужаснаго Бирона) окруженная его собственными гусарами, скороходами, егерями и пажами. Рядомъ съ нимъ его жена, съ головы до ногъ залитая въ брилліанты, что оцѣнивали въ два милліона. Тамъ Минихъ... и пр., а затѣмъ уже въ хвостъ придворнаго кортежа ѣхали не придворные, а всѣ тѣ, которые почему либо могли участвовать въ повоздѣ. Въ головѣ шествія рота гвардейцевъ: треугольныя шляпы солдатъ украшены еловыми и дубовыми вѣтвями, у офицеровъ—лаврами. Такъ ходили они, возвратившись изъ славнаго турецкаго похода.

Вотъ выступаетъ громадный слонъ въ теплыхъ котлахъ. Вожакъ съ молоткомъ сидитъ на хребтѣ. На спинѣ была помѣщена желѣзная кѣтка, въ которой сидѣли шутъ Кульковскій съ супругой барской барыней Подачкиной, оба сидя одинъ противъ другаго блистали чрезъ желѣзную рѣшетку кѣтки золотомъ и бархатомъ. Они ѣхали изъ церкви на объѣздъ, сопровождаемые оригинальною свитою.

За экипажемъ новобрачныхъ ѣхали на оленяхъ Остяки; за ними Новгородцы на парѣ козловъ, Малороссы на волахъ, Чухонцы на ослахъ, Татаринъ съ своей татаркою на откормленныхъ свиньяхъ, Финны на своихъ шведскихъ лошадяхъ, Камчадалы на собакахъ, Бѣлоруссы подъ войлокомъ колтуна, Зыряне, Ярославцы и проч. Всѣхъ до 150 самыхъ разнообразныхъ костюмовъ свидѣтельствовали о разнообразіи племенъ.

Картина была чудная и привлекла весь Петербургъ; она оживлялась звономъ бубенчиковъ, колокольчиковъ и криками животныхъ самаго разнообразнаго характера.

По волю Государыни поѣздъ сдѣлалъ два оборота по луговой линіи и потянулся къ манежу Бирона, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ для новобрачныхъ и гостей на 303 куверта. Гостей встрѣтили музыкой и посадили всѣхъ за столъ, причемъ каждому представителю націи было подано его національное кушанье.

Государыня съ блестящей свитою придворныхъ расположилась на возвышеніи. Лишь только всѣ расположились обѣдать, какъ Третьяковскій, Василій Кирилловичъ, прочелъ во всеуслышаніе слѣдующіе стихи:

Торжествуйте вси Россійсти народы.

У насъ идутъ златые годы.

Воспримемъ съ радости полные стаканы,

Восплещемъ громко и руками,

Заскачемъ весело ногами

Мы, вѣрные граждане.

Имѣемъ мы днесь радость учрежденну,

Повсюду славно вознесенну:

Анна надъ Россією воскрылилась всею!

То-то есть прямая царица,

То-то добра Императрица!

Признаемъ всей душею.

Послѣ обѣда начались пляски: каждая пара свою національную. Пиръ конченъ и новобрачные въ томъ же порядкѣ отправлены въ ледяной домъ, гдѣ ихъ и заперли до утра. Поѣздъ распущенъ и часовые стали караулить дверь ледянаго дома, дабы влюбленная чета не могла освободиться равнѣ.

Лубочныя комедіи и игрища. Народныя комедіи или „Камеди“ появились въ Россіи, а именно въ Москвѣ, съ XVIII вѣка. Иностранные фигляры стали угощать русскій народъ разными фокусъ—покусами и разными нѣмецкими масляничными играми. Такимъ образомъ, время отъ времени образовались масляничныя игрища. Здѣсь наряжались козой съ рогами, къ

которымъ привѣшивались бубенчики и это называлось „*Козу въ мѣшкѣ играть*“, *Ману въ глаза пущать* или морочить.

Еще лѣтъ семь назадъ такое игрище, или гулянье существовало въ Москвѣ подъ Новинскомъ, гдѣ урочище *Куковинка*, напоминавшее Нѣмецкихъ фокусниковъ, которые, по словамъ проф. Снегирева, издавна показывая свои райки и штуки, приглашали смотрѣть словомъ „*Киске*“, и гдѣ о Святой недѣли кокались красными яицами.

Борьба и кулачный бой составляли издавна любимую народную потѣху, преимущественно на сырной недѣли, чему между прочимъ, можетъ быть способствовали морозы и случай погрѣться: эти гимнастическія упражненія назывались *играми*, или *игрищами*. Часто въ старину кулачными боями любовались Цари и Князья наши.

Олицетвореніе масляницы. Въ Переяславѣ Залѣскомъ, въ Юрьевѣ—Польскомъ, Владимірѣ и въ Вяткѣ, Масляницу возятъ по улицамъ; это шуточное изображеніе масляницы слѣдующее: Берутъ огромныя сани, въ которыя впрягаются 12 лошадей и въ этихъ саняхъ возятъ наряженнаго мужика, который сидитъ на колесѣ, держа въ одной рукѣ полуштофъ съ виномъ, и калачи. Его сопровождаютъ сидящіе съ нимъ музыканты, а затѣмъ поѣздъ масляницы сопровождаютъ съ пѣснями поѣзжане изъ обывателей.

Въ Симбирской губерніи Ардатовскаго, Алатырскаго, Курмышскаго и Карсунскаго уѣздовъ, частію въ Пензенской губерніи, о масляницъ оснащаютъ 8 или 10 дровней (подсанки), въ срединѣ дровней утверждается довольно толстое дерево, притомъ высокое въ видѣ мачты; на верхъ его вдѣвается колесо, на которое садится какой нибудь деревенскій весельчакъ и представляетъ различныя штуки, свойственныя деревенскому мужику. Этотъ обрядъ называется *проводами Масляницы*. Обыкновенно эту сплоченную массу возятъ по всемъ закоулкамъ, причемъ, вмѣсто лошадей, запрягаютъ нѣсколько человекъ, разряженныхъ уродливо и безъ вкуса, которые также иногда изображаютъ лошадей. Въ это время предъ ними прыгаютъ и поютъ деревенскіе весельчаки.

Въ Архангельскѣ, подобно, какъ и въ Парижѣ, мясники возятъ по городу о сырной недѣлѣ быка на огромныхъ саняхъ,

которые запряжены нѣсколькими десятками лошадей и связанныхъ съ другими санями *).

Въ Нерехтѣ масляничныя увеселенія начинаются съ среды. Въ этотъ день изъ окрестностей прїѣзжаютъ туда дѣвки въ праздничныхъ платьяхъ и набѣлennыя, особенно новобрачныя и катаются отдѣльно отъ мужчинъ до самаго вечера. Въ четвергъ и въ пятницу здѣшніе жители не катаются. Въ субботу сюда съѣзжается великое множество народа изъ окрестностей. Здѣсь, продавъ напряженную въ ту недѣлю пряжу, покупаютъ лакомства и гуляютъ по рынку до вечера.

Въ округѣ масляничныя потѣхи начинаются въ экономическихъ селеніяхъ со вторника, а въ помѣщичьихъ съ четверга, и катаются ежедневно, отъ одной деревни до другой, причемъ новобрачныя ѣздятъ въ гости къ сродникамъ, которые отдариваютъ ихъ мыломъ.

Сожиганіе масляницы. Въ большихъ вотчиннахъ, въ сиропустное воскресенье, собирается съѣздъ изъ нѣсколькихъ сотъ лошадей, подъ названіемъ *обоза*, который извѣстенъ въ Ярославлѣ подъ именемъ *Околка*, (можетъ быть сокращеніе) слова: „околотокъ“. При этомъ нѣкоторые ѣздятъ верхами, наряженные въ соломенныхъ колпакахъ и кафтанахъ. Къ вечеру того дня, молодые люди обоюго пола въ своемъ селеніи на улицахъ поютъ пѣсни; послѣ того, каждый, взявъ со своего двора по снопу соломѣ, вмѣстѣ сожигаютъ ее въ селеніи, а чаще за селеніемъ. Этотъ обрядъ, встрѣчающійся и въ другихъ мѣстахъ Россіи, называется: сожиганіе *соломеннаго мужика* или *масляницы*. Съ вѣроятностью можно заключить, что это обыкновеніе, существующее съ незапамятныхъ временъ есть остатокъ отъ языческихъ требъ и обрядовъ. Такой обрядъ существуетъ у нѣмецкихъ славянъ, которые въ 1 марта выносятъ изъ селенія соломенное чучело, въ образѣ смерти и сожигаютъ его, въ память усопшихъ, или бросаютъ въ воду, какъ Римляне въ маѣ бросали въ р. Тибръ тростниковыя болваны.

Въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и въ Польшѣ, въ этотъ день хаживали съ факелами на кладбища **), догадка

*) Записки Русскаго Путешественника. А. А. Глаголева. 4 ч. Спб. 1837 г.

***) Карамз. И. Г. Р. ч. I.

эта, по словамъ М. Я. Діева утверждается тѣмъ, что въ воскресенье сырной недѣли, которое по большой части приходится около 1 марта, до нынѣ ходятъ Нерехотскіе жители на кладбища прощаться и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи. Въ Силезіи и Польшѣ въ воспоминанье истребленія идоловъ 965 года, марта 7-го, въ воскресенье сырной недѣли бросаютъ въ рѣки и пруды чучеловъ изъ соломы.

Нынѣ это примѣнилось къ смерти, къ землѣ, къ масляницѣ.

Въ Восточной Пруссіи крестьянскіе ребята дѣлаютъ небольшую деревянную лошадь, которую наряжаютъ разноцвѣтными лентами и носятъ ее по домамъ, съ пѣснями и съ плясками, играя на скрыпкѣ. Въ каждомъ домѣ даютъ имъ, по два по три гарнца овца, который они послѣ мѣняютъ на водку и пьютъ.

На другой день женщины ходятъ собирать ленъ или рожь, которые назначаются для такого же употребленія.

Въ Сибири, о масляницѣ случивалось нѣсколько саней огромнаго размѣра и устраивался на нихъ корабль съ парусами и снастями. Тутъ сажались и люди, и медвѣдь, и госпожа масляница, и разные паяцы. Все это слыло масляницею; въ сани впрягали лошадей по 20 и возили ее по улицамъ. За этимъ пѣздомъ слѣдовали толпы ребятъ, съ пѣснями и разными прибаутками. Тамъ блины замѣняются *хворостами* (родъ прожнаго). Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ, въ субботу на масляницѣ, крестьянскіе ребята строятъ на рѣкѣ изъ снѣга родъ города съ башнями, и двумя воротами между которыми сдѣлана прорубь. Игра начинается такъ: Ребята раздѣляются, на двѣ партіи—на конницу и пѣхоту. Конница осаждаеть городъ, а пѣхота защищаетъ его.

Устраясь въ боевой порядокъ, конные по данному знаку пускаются во всю прыть на взятіе городка, а пѣшіе, вооруженные помелами и метлами, стараются маханіемъ испугать лошадей, чтобы не допустить къ городку. Но нѣкоторые изъ конныхъ, не взирая на сопротивленіе, прорываются сквозь пѣхоту и на всемъ скаку въѣзжаютъ въ ледяныя ворота, что и значитъ: *взятъ городокъ*. Побѣдителя купаютъ въ проруби; послѣ чего угощаютъ виномъ всѣхъ ратоборцевъ, отличившихся въ пѣхотѣ и конницѣ. Потомъ сломавъ крѣпость.

возвращаются въ деревню, съ пѣснями. Этой игрой оканчивается масляница. Происхожденіе этого обычая приписываютъ какому нибудь мѣстному историческому событію *).

Въ городѣ Ярославѣ, есть особое обыкновеніе на сырной недѣлѣ пѣть Коледу, которую обыкновенно распѣваютъ на святкахъ. Съ четверга этой недѣли фабричные съ бубнами, балалайками, рожками и другими народными музыкальными инструментами, ходятъ по домамъ и, пришедши на дворъ, поздравляютъ хозяина съ праздникомъ и просятъ позволенія коледу пропѣть; получивъ позволеніе, поютъ:

Ужъ какъ шли ребята коледовщики.
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Коледовщики, все фабричники,
Виноградъ зеленая моя!

Этотъ припѣвъ поется послѣ каждаго стиха.

Мы искали двора господина своего;
Господиновъ дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ, на осьми столбахъ.
Посреди двора, посреди широка,
Стоитъ три терема.
Три терема златоверхіе;
Въ первомъ терему—красно солнышко,
Во второмъ терему—часты звѣздочки;
Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему,
Хозяюшка въ дому, госпожа въ высокомъ
Молодыя дѣвушки въ дому, что орѣшки во меду,
Виноградъ, красно зеленая моя.

Послѣ этого хозяинъ подноситъ имъ вина и обдѣляетъ деньгами; коледовщики въ знакъ благодарности поютъ:

Благодарствуй хозяинъ на хлѣбъ, на соли и на жаловань!
Виноградъ, виноградъ, краснозеленая моя!
Напоилъ, накормилъ, со двора спустилъ.
Виноградъ, краснозеленая моя!

*) Изъ записокъ дѣвицы Кашкадамовой.

Въ Сольвычегодскѣ, на Масляницѣ, сваренное въ складчину пиво вмѣстѣ распивается, и этотъ обычай, варить пиво въ складчину, называется *братчиною*.

Въ Костромской губерніи тоже варятъ пиво цѣлою деревней и принимаютъ общее участіе, какъ въ вареніи его, такъ и въ употребленіи.

У *пермяковъ*, на Масляницу, каждый хозяинъ варитъ брагу, пиво, а зажиточные покупаютъ и вино. Потомъ, начиная съ сырнаго понедѣльника, ежедневно пекутъ блины, оладьи сырныя (творожныя); а нѣкоторые и рыбныя пироги, яшницы, солянки и варятъ уху.

Мужчины и бабы ходятъ изъ дома въ домъ, вѣзятъ изъ деревни въ деревню къ роднымъ и знакомымъ на угощеніе.

Дѣвки и парни по вечерамъ собираются въ одинъ домъ и пляшутъ цѣлыя ночи; а днемъ, начиная со среды, вмѣстѣ съ малолѣтними съ ранняго утра до поздняго вечера катаются съ ледяныхъ горъ *).

Прощеное воскресенье. Сцены русской масляницы заключаются провожаніемъ ея и прощаніемъ. „На Масляницѣ“, пишетъ очевидецъ Маржеретъ въ началѣ XVII столѣтія, — „русскіе по-„сѣщаютъ другъ друга, цѣлуются, прощаются, мирятся, если „оскорбили другъ друга въ чемъ либо въ продолженіи года „словомъ или дѣломъ, встрѣтятся даже на улицѣ, и хотя бы „никогда прежде не видались, привѣтствуютъ другъ друга „взаимнымъ поцѣлуемъ. „Прости меня пожалуй“ говоритъ „одинъ; „Богъ тебѣ проститъ!“ отвѣчаетъ другой. При этомъ „нужно замѣтить, что не только мужчины, но и женщины счи-„таютъ поцѣлуй знакомъ привѣтствія, когда готовятся въ путь „или встрѣтятся послѣ долговременной разлуки. По окончаніи „масляницы всѣ идутъ въ баню“.

Обыкновеніе это существуетъ и по нынѣ, слишкомъ два вѣка спустя послѣ Маржерета, и соблюдается между родными и знакомыми. У нѣкоторыхъ старинныхъ людей существуетъ обычай посѣщать въ прощенное воскресенье, или воскресенье на Масляницѣ, могилы родственниковъ и прощаться съ ними. А въ Нерехтѣ также — къ священникамъ и своимъ духовни-

*) Перискій Сборникъ. 1860 г. книжка II.

камъ, въ этотъ день новобрачные къ родственникамъ возятъ пряники, а молодыя новобрачнымъ большія косяки мыла. И въ прежнее время запрещалось вечеромъ этого послѣдняго дня разводить огни и зажигать свѣчи.

Мысль, прощаться предъ началомъ Великаго поста, какъ дней общаго покаянія, какъ дней очищенія грѣховъ и раскаянія — похвальна. Очистивъ свою совѣсть, примиряясь съ братомъ, и тѣло свое, мы готовы тогда съ раскаяніемъ въ сердца приступить къ Богу и съ молитвою на устахъ просить отпущенія во грѣхахъ нашихъ, чего безъ примиренія съ людьми невозможно получить отъ Бога, такъ какъ Богъ есть вѣчная святая любовь.

Пермяцкія женщины и дѣвцы въ *соборное или сборное воскресенье* служатъ по церквамъ молебны.

Заключеніе о Масляницѣ.

Въ этомъ послѣднемъ зимнемъ праздникѣ, оканчивающемъ зиму, видимъ смѣсь стихій языческой и христіанской, обычаевъ стараго съ новымъ, иностранныхъ съ русскимъ. Такъ напримѣръ, олицетвореніе Масляницы въ видѣ мужика, соломеннаго чучела, или деревяннаго истукана, скоморошскія игры, коледа, сожженіе чучель, бросаніе ихъ въ воду, принадлежитъ къ обрядамъ языческимъ. Между тѣмъ какъ прощаніе съ людьми наканунѣ Великаго поста, хожденіе прощаться на кладбища прощаться съ покойниками, принадлежитъ новымъ обычаямъ миролюбиваго Христіанства. Впрочемъ, сожженіе чучель и бросаніе ихъ въ воду также приписываютъ началу христіанства, какъ воспоминанію вѣчнаго торжества Христіанства надъ язычествомъ.

Въ нѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ хлѣбныя яства, оставшіяся съ масляницы на чистый понедѣльникъ, считаются *погаными*. Точно также это мнѣніе существуетъ и понынѣ между старовѣрами и простымъ народомъ, живущимъ подъ вліяніемъ старинныхъ обычаевъ. Самый бѣдный брезгаетъ кускомъ хлѣба, оставшимся отъ масляницы, и бросаетъ его или отдаетъ домашнимъ животнымъ, а также мѣняетъ посуду, лудитъ, или тщательно промываетъ и даже освящаетъ покой по-

средствомъ священника. Въ юговосточной Россіи, въ приволжскомъ краѣ — обыкновенно всѣ остатки масляничной снѣди отдають бѣднымъ кочевымъ калмыкамъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, на первой недѣлѣ, у мужчинъ есть обычай *полоскать ротъ*, то есть опохмѣляться, а въ субботу первой недѣли Великаго поста печь блины, конечно постные, что называется у нихъ „*тужилькой о Масляницѣ*“. Этотъ обычай существуетъ и по сіе время не только въ отдаленныхъ провинціяхъ, но даже въ обихъ столицахъ Россіи между купцовъ и мѣщанъ, а особенно хорошо этотъ обычай оживляется въ Ростовской ярмаркѣ.

ВЕРБНАЯ НЕДѢЛЯ.

Вербная недѣля, или недѣля Ваіи, у насъ оживляется чисто праздникомъ начала весны; верба или ветла, не давшая еще листьевъ цвѣтеть, и тѣмъ какъ бы заявляетъ, что наша сѣверная природа скоро наградитъ насъ и все живущее на землѣ новыми благами. Самый праздникъ Воскресеніе Лазаря служитъ символомъ возобновленія, оживленія могущественной природы. На вербной недѣлѣ въ столицахъ учреждены дѣтскіе базары, гдѣ торгуютъ преимущественно дѣтскими игрушками, вербами, цвѣтами и сладостями, какъ бы въ ознаменованіе того, что маленькія дѣти, встрѣтили весну своей жизни и должны радоваться въ этой жизни, а смотря на игрушку изучать на ней суть своего будущаго, такъ какъ каждая игрушка есть наглядная грамота, наглядное ученіе, развивающая дальнѣйшее пониманіе въ ребенкѣ, сближающее его съ жизнью и развивающее его мыслительность чрезъ наглядность, сравненіе дѣйствія и образовъ. Въ Лазареву субботу всѣ допускаютъ употребленіе въ пищу икры, постныхъ блиновъ и разнаго кухоннаго печенія *).

Въ Вербное Воскресенье, возвратясь изъ церкви съ освященными прутьями вербы, деревенскія бабы хлещутъ ими своихъ ребятъ, приговаривая: „*верба хлещетъ, бей до слезъ!*“ Въ Не-

*) Здѣсь игра не есть ли символъ будущаго оживленія природы, которая теперь въ зародышѣ, но плодами котораго пользоваться суждено всему живущему на землѣ?

рехтъ крестьянки пекутъ барашки въ Вербное воскресенье и, когда придуть изъ церкви, то этими барашками кормятъ скотину, а вербу втыкають въ сельникъ у св. Иконъ и берегутъ ее круглый годъ до Георгіева дня. Это обыкновеніе сохраняется во многихъ губерніяхъ. Извѣстно, что у насъ первый весенній выгонъ скота начинается съ Георгіева дня. Крестьяне въ этотъ день берутъ годовалую вербу, мочать въ святой водѣ, окропляютъ ею скотъ на дворѣ и потомъ этою вербою хлещутъ скотину, приговаривая: „Господь благослови и здоровьемъ награди!“ А иногда просто: „благослови тебя Господи и будь здорова“... и съ вербою въ рукахъ доводятъ до мѣста пастбища.

Освященная верба у насъ въ Россіи, тоже что пальмовая вѣтвь Палестины, уважается высоко и обыкновенно сохраняется у русскаго благочестиваго народа за образамъ въ теченіи цѣлаго года. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вербу освященную въ Вербное Воскресенье употребляютъ, какъ симпатическое средство, и кладутъ въ пойло больнымъ коровамъ или телятамъ.

ВЕЛИКІЙ ЧЕТВЕРГЪ.

Не говоря про святость дня и великость событія въ христіанскомъ мірѣ, воспоминаніе о которомъ свято и торжественно соблюдается у насъ въ Россіи, нѣкоторые обычаи существуютъ и понынѣ, начало которыхъ потеряно. Такъ напримѣръ: въ Буѣ, уѣздомъ городѣ Костромской губерніи, по слов. проф. Снегирева, и до сихъ поръ дѣвушки въ Великій четвертокъ кликають весну и, ежели открылась вода, входятъ въ рѣку и, одна за другою, схватясь за руки, припѣвають: „весна, весна красна, приди весна съ милостью, великою благостью“.

У Пермиковъ *) Великій четвертокъ — считается великимъ днемъ обновленія на предстоящій годъ всего крестьянскаго хозяйства. Наканунѣ этого дня, повечеру, приносятъ въ избу въ рѣшетъ зерновой хлѣбъ, и, положивъ на него челпанъ печенаго хлѣба и въ солонкѣ соль, ставятъ рѣшето въ передній уголь—подъ иконы на лавку. Помолившись Богу, домохозяева,

*) Пермскій сборникъ. 1860 г. Книжка II.

все это оставляютъ въ углу до перваго дня пасхи, иногда даже до прихода священно и церковнослужителей съ образомъ Богоматери. Всѣ эти предметы: — зерновой хлѣбъ, челпанъ и соль пмѣютъ свой многозначительный тайный смыслъ. Зерновой хлѣбъ употребляется, какъ символическое средство, конемъ предотвращается недостатокъ въ хлѣбѣ: для этого хозяинъ высыпаетъ его въ закомъ. Печеный хлѣбъ даютъ скоту, выпуская его весной въ первый разъ на пастбище. въ отвращеніе пропажи скота. Соль даютъ скоту, въ болѣзняхъ, какъ дѣйствительное лекарство: для этого же и для избѣжанія разныхъ несчастій, мужики берутъ ее съ собой, отправляясь въ дальнюю дорогу на заработки. Эта соль у нихъ называется „четверезкою“ (четверговой).

По утру въ Великій четвертокъ всѣ въ домѣ встаютъ задолго до восхода солнца, какъ говорится „до пѣтуховъ“. Хозяйка въ дымное окно „кличетъ скота“ во дворъ, свойственной каждой породѣ кличкой *) до тѣхъ поръ, пока какое нибудь животное случайно не подастъ своего голоса, пока, напиримѣръ, корова не смычитъ, лошадь не соржетъ и пр.. что принимается за вѣрный признакъ, что въ наступающемъ году не падетъ ни одно животное той породы: потомъ идетъ она на дворъ, и обогнавъ кругомъ столба коровъ, въ предотвращеніе снанья ихъ на паствѣ, кормитъ и поитъ, далѣе—вѣситъ на передній уголъ дома голыкъ и худой лапоть для защиты цплятъ отъ коршуна и другихъ хищныхъ птицъ въ продолженіи лѣта: наконецъ, окончивъ эти дѣла на дворѣ и въ избѣ, топить печь и печетъ хлѣбъ, чтобы не выводился онъ изъ закомовъ (сушековъ) въ теченіи года. Хозяинъ въ тоже время считаетъ деньги, осматриваетъ, передвигаетъ, переставляетъ съ мѣста на мѣсто всѣ хозяйственныя орудія; дѣлаетъ на рѣкѣ новую прорубь, чиститъ скребницей рабочихъ лошадей, кормитъ и поитъ ихъ; если онъ охотникъ, то стрѣляетъ изъ ружья три раза въ воздухъ. Исполнивъ все это, хозяинъ успокоивается увѣренностью, что у него въ теченіи года и деньги будутъ

*) Клички эти очень замѣчательны: коровъ — тпрука, тпрука. Теленку — тпрута, тпрута. Лошади—тпро-тпро! Жеребенку—чибу-чибу. Овцѣ—баль, баль! Ягненку—мась, мась. Козѣ—деденія! Свинѣ—рюхъ, рюхъ! Поросенку—вихъ, вихъ!

водиться и орудія сохраняются отъ поломки и потери, и лошади будутъ крѣпки, не падутъ, и охота будетъ удачна. Между тѣмъ малолѣтніе парни и дѣвки, а если ихъ нѣтъ, то сама хозяйка, ходятъ въ лѣсъ за вересомъ (можжевельникомъ) за татарникомъ, который подмѣчается для того съ осени, и за пихтой. Верескъ жгутъ въ печи и привязываютъ къ столбу близь печи; кромѣ того, вмѣстѣ съ татарникомъ подтыкаютъ подъ матицу надъизбныя и сѣнныя двери; изъ пихты дѣлаютъ помело. Вересъ и татарникъ имѣютъ силу защищать домъ отъ вліянія колдуновъ; новое пихтовое помело обновляетъ печь и защищаетъ ее отъ разрушенія. Дѣвки—невѣсты, въ тоже время, подстригаютъ себѣ волосы и съ небольшимъ пучкомъ соломы, либо худаго неотрепаннаго льна, ходятъ въ отхожую избу или баню, гдѣ побывъ немного, выходятъ на улицу, жгутъ солону или лепъ и скачутъ черезъ пламя; первое—дѣвки дѣлаютъ въ убѣжденіи, что оттого у нихъ будутъ длиннѣе волосы, а второе, чтобы пріобрѣсть любовь будущихъ мужей своихъ. Прочіе взрослые семьяне посвящаютъ поутру нѣсколько минутъ сподручнымъ работамъ: мужчины плетутъ лапти, веревки, заворотки, тешутъ топорыща и проч., женщины прядутъ, шьютъ—а все это съ тою цѣлью, чтобы быть, въ теченіи года и заслужить у таинственныхъ силъ природы возможность и охоту заниматься этими работами. Наконецъ, старшіе семьяне не смотря на раннее утро, ходятъ изъ дома въ домъ бражничать, чтобы—какъ говорятъ они, имѣть брагу въ теченіи года и жить въ довольствѣ и весело. Въ Ярославской, Московской губ., въ Великій четвергъ замѣшиваютъ соль на квасной гущѣ и бросаютъ въ печь послѣ затопы. Эту соль потомъ употребляютъ въ пищу и также даютъ скоту въ поилъ для здоровья.

П А С Х А.

(Святая недѣля).

Святая Пасха празднуется самымъ торжественнымъ образомъ во всѣхъ христіанскихъ странахъ. Въ обѣихъ столицахъ Россіи на всѣ дни недѣли, начиная съ понедѣльника, для простаго народа устраиваются качели, карусели, балаганы, гдѣ

представляютъ комедіанты и также другія зрѣлища. Прочее населеніе столицъ дѣлаетъ поздравительные визиты роднымъ и знакомымъ и катаются въ экипажахъ. Каждый городъ, или село оглашается колокольнымъ звономъ до вечерень, гдѣ позволено упряжиться всѣмъ желающимъ.

Яицо отъ перваго христосованія считается „наисвященнѣйшимъ“ и его сохраняютъ цѣлый годъ до новаго христосованія. Простой народъ убѣжденъ, что съ этимъ яицомъ въ первый день праздника во время заутрени можно узнать колдуна, который покажется спиною къ алтарю.

Солнце играетъ. Крестьяне вѣрятъ, что въ Свѣтлое Воскресеніе *солнце играетъ* на небѣ. Такое же точно убѣжденіе существуетъ у простаго народа Ирландіи и многіе стараются подкараулить тотъ моментъ, когда оно играетъ.

Въ деревняхъ, во время Пасхи занимаются всевозможными играми, преимущественно мужчины бьются красными яицами, катаютъ ихъ съ каточковъ; дѣвушки и молодые парни качаются на качеляхъ, водятъ хороводы и пр. Финны, подобно русскимъ, тоже устраиваютъ качели и водятъ хороводы, въ которыхъ въ старину принимали участіе даже старухи.

Въ Финляндіи, о Святой, подобно нашимъ куличу и пасхѣ, пекутъ прѣсныя лепешки называемыя мемми (mämmi).

Сатана въ аду. Во всей Россіи простой народъ убѣжденъ, что до самаго Вознесенія Христова сатана въ аду лежитъ ничья, не шелохнется, а Христосъ ходитъ по землѣ.

Великоденныя пѣсни. Въ Малороссіи и Бѣлороссіи *) о Святой недѣлѣ поютъ, такъ называемыя *великоденныя пѣсни* сопровождаемыя музыкою, ходя по домамъ ночью ватагою, которая называется—волочевникъ; тотъ кто управляетъ ихъ хоромъ и руководитъ, наз. *починальникомъ*. Обыкновенно первая пѣсня обращается къ хозяину и хозяйкѣ; въ ней прославляется благоразумное домостроительство, то-есть домашнее благоустройство, зажиточность, порядокъ въ домѣ и благочестіе, причемъ упоминаютъ, что *св. Юрій* (Георгій) запасаетъ имъ коровъ, *св. Николай*—коней, *св. Илья* зажинаетъ жинво, *Пречистая Мать* (Успеніе)—засѣваетъ, а *Покровъ* собираетъ

*) Исторія Малороссіи Д. Н. Бантышъ Каменскаго. Ч. 2, Москва. 1330 г.

и т. д. и послѣ всякой строфы припѣвають „*Христосъ Воскресе*“.

Смыслъ вышеозначеннаго содержанія пѣсни имѣеть глубокое значеніе въ отношеніи сельскаго хозяйства. Здѣсь подразумѣвается въ хорошо веденномъ хозяйствѣ своевременное рѣшеніе хозяйственныхъ задачъ, которыя нашъ русскій народъ совершаетъ, согласуясь съ праздниками, ввѣряя свои полевые работы и вообще хозяйство покровительству святыхъ; хотя на самомъ дѣлѣ, здѣсь дѣло хозяйства сопряжено со временемъ года.

Кости теленка. Въ Бѣлоруссіи, какъ и въ Болгаріи, зарывають въ землю кости теленка, освященнаго на Пасху въ томъ убѣжденіи, что онѣ предохраняють засѣянный хлѣбъ отъ града.

Какъ встрѣчаютъ Пасху въ Перми. Тамъ Пасха отличается отъ прочихъ воскресныхъ дней только тѣмъ, что въ первый день по утру часовъ въ 8 или 9 утра разговляются *пельменями*. Со втораго дня начинаютъ работать. Въ церковь ходятъ не многіе *).

Красная Горка. Слово: Красная Горка извѣстно по всей Россіи и знаменуетъ въ общемъ своемъ значеніи весну съ ея краснымъ солнышкомъ, съ ея Пасхой красною, съ весною красною, то-есть красивою, веселою, оживленною благопріятнымъ воздухомъ, водами получившими свободу и сбросившими ледяныя оковы. Можно также производить значеніе *Красной Горки* отъ мѣстъ сельскихъ гуляній во время Св. Пасхи, когда обыкновенно разливаются рѣки отъ снѣговъ и заливають низменности, причѣмъ остаются только однѣ возвышенныя мѣста, гористыя или горки, гдѣ о Пасхѣ обыкновенно устранивають гулянья. Въ Смоленской г. Красная Горка называется *Толмищемъ* и напоминаетъ славянское *Стадо*. Въ однихъ краяхъ *Красною Горкою* называется гулянье на Св. недѣлѣ, въ другихъ—Юрьевъ день; но вездѣ, *Красною Горкою* называется весеннее время удобное для свадебъ; отъ Өомина понедѣльника до Георгіева или Юрьева два, какъ время половодія, время свободы, время въ которое земледѣльческой трудъ не

*) Пермскій сборникъ. 1860 г. Книж. II. Москва, стр. 28.

начинался, а только къ нему приступаютъ. Обыкновенно въ это время молодежь вся въ сборѣ, никто не уходилъ на заработки, на сторону изъ числа тѣхъ, кто занимается промыслами или работами фабричными, плотницкими или рѣчными; между тѣмъ каждый крестьянинъ—семьянинъ желаетъ имѣть работницу въ домѣ — и если имѣетъ не женатаго сына, то старается въ это свободное время окружить молодца.

Закликаніе веслы начинается на Красной Горкѣ, какъ въ первый весенній праздникъ, съ котораго по большей части начинаютъ играть *въ горьки*. А когда станутъ распускаться листья, то начинаютъ *водить хороводы*.

Р А Д О Н И Ц А.

Во многихъ славянскихъ и германскихъ земляхъ до сихъ поръ сохранились слѣды праздниковъ въ честь мертвыхъ: въ Саксоніи, Лауницѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, во время язычества народъ хаживалъ на кладбища 1 Марта, въ часъ разсвѣта и тамъ приносилъ жертвы усопшимъ. На кладбищахъ, которыя въ Псковской и Тверской губерніяхъ называются *буями* и *бувицами*, до нынѣ въ святки дѣлаютъ гаданія.

Празднованіе *семика* приходилось въ тотъ же день, когда по прежнему обычаю погребали умершихъ и поминали убогихъ на скудельницахъ или убогихъ домахъ.

„Въ Троицкую субботу“, какъ видно изъ Стоглава „сходились мужи и жены на жальники *) то-есть на кладбища, и плакали на могилахъ съ великимъ кричаніемъ и, когда станутъ играть скоморохи гудошники, то они перестанутъ плакать, и начнутъ скакать, плясать и въ ладони бить на тѣхъ жальникахъ“.

Съ исключеніемъ послѣдняго, подобный обрядъ соблюдается и до нынѣ въ Смоленской губерніи. Олай великій и другіе описываютъ старинные обряды предъ наступленіемъ Великаго Поста въ Мертвое воскресеніе *изнаніе зимы* или *смерти*, кои встрѣчаются у славянскихъ и германскихъ народовъ, а въ Польшѣ извѣстенъ подъ именемъ *Моржаны*.

*) Отъ глагола жалѣть, жаль.

Въ это же время франки совершали подобное же торжество въ память усопшихъ, соединенное съ мимическими представленіями и пѣснопѣніями.

Радоницу справляютъ въ Россіи во вторникъ Троицкой недѣли, какъ у Бѣлоруссовъ такъ и у Великоруссовъ. Въ Рязанской губерніи она называется *наскою* и *навіи день*, — что сходно съ литовскимъ словомъ *pavie* — мертвецъ, такъ какъ въ этотъ день собираются на кладбище поминать умершихъ.

Мѣстомъ заупокойнаго пира у Литовцевъ было или самое кладбище или домъ близъ него.

Въ Россіи, въ радоницу приносятъ на кладбище лепешекъ, пироговъ, крашенныхъ яицъ, вина, и поминаютъ покойниковъ. Простыя женщины *причитаютъ* и плачутъ. Потомъ, оставивъ на могилѣ въ половину очищенныхъ два, три красныхъ яйца и пирога кусокъ, или другаго чего нибудь на долю покойника, уходятъ. Класть яйца на могилу было въ обычаѣ Римлянъ, у которыхъ было глубокое уваженіе къ памяти усопшихъ.

Сербская *Zadusnice* (Задушница) вполне соответствуетъ нашей радоницѣ.

Въ Малороссіи радоница (гробки) сопровождается причитаніемъ на могилахъ, потомъ пиршествомъ и катаніемъ яицъ; въ заключеніе на могилку льютъ водку или вино изъ рюмокъ. Тамъ радоница называется „*гробками*“ и это могильное торжество происходитъ съ утра понедѣльника до вечера среды. Катанье яицъ тамъ происходитъ до самаго Юрьева дня.

Въ Галицкихъ мѣстностяхъ и въ Тверской губерніи въ Троицкую недѣлю, называемую Радоницами, гуляетъ народъ послѣ полуночи и до свѣта, распѣвая подь окнами: „Юница, молодница, подай яйцо въ перепечу!“

Тогда подаютъ парнямъ вино, пиво, ладышки, а дѣвкамъ пряники и красныя яйца. Этотъ Юнецъ или Вьюнецъ упоминается въ 25 вопросѣ Стоглава: „и на Радоницѣ Вьюнецъ, и всяко въ нихъ бѣсованіе“.

Присутствовавшіе въ Радоницы на могилахъ скоморохи при поминованіи, происходятъ отъ скоморовъ или скомаховъ народа хищническаго и бродяжническаго, жившаго на нижнемъ Дунаѣ въ V и VI вѣкѣ, по мнѣнію Шаффарика. Вѣроятно скоморохи были болѣе ничего, какъ бездомовые бродяги, въ родѣ нашихъ

цыганъ, бродили изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, гдѣ поплясать, гдѣ попѣть, гдѣ украсть, отъ чего и получили такое незавидное названіе.

Радоница, Радунница, въ посадѣ Парееновъ, въ волостяхъ Ширской, Петрусовской, Салтановской наз. *Усоншая Радованица*.

По утру, подобно русскимъ, пермячки хозяйки красятъ яйца въ радоницу, называемую у нихъ радольницей. Тутъ же пекутъ пироги съ рыбой, блины, солянки, оладьи, разныя мяса и проч. Отъ обѣдовъ по праздничному, часть всего приготовленнаго они приносятъ въ церковь, гдѣ служатъ панихиды, и обѣдни по умершимъ родителямъ и близкимъ родственникамъ; потомъ возвращаются домой. Въ этотъ день въ церковь ходятъ далеко не изъ всѣхъ домовъ и только особенно набожные и зажиточные. Принесенныя въ церковь явствы поступаютъ: лучшія церковнослужителямъ, а прочія—нищимъ. Кромѣ поминокъ у пермяковъ радольница ничемъ не отличается отъ обыкновеннаго рабочаго дня *).

Въ Чухломскомъ и Кологривскомъ уѣздахъ, Костромской губерніи Радованицами наз. *Өминно Воскресеніе*. Въ этотъ день окликаютъ молодыхъ новобрачныхъ слѣдующей пѣсней:

О Лелю молодая, о Лелю,
Ты вьюная, о Лелю,
Ты по горницѣ пройди, о Лелю,
Покажи свое лицо, о Лелю,
Да въ окошечко, о Лелю.
Своево-то вьюнца, о Лелю.
Да пожалуй-ка япчко, о Лелю,
Еще красенькое, о Лелю,
Что на красномъ блюдѣ, о Лелю,
И при добрыхъ людяхъ, о Лелю.

Или, молодому.

Ты вставай-ка, молодецъ,
Ты вставай нашъ вьюнецъ!

*) Пермскій Вѣстникъ, Кв. II. 1860 г. стр. 29, отд. II.

Ты расчесывай кудри
Костянымъ гребешкомъ,
Ужъ ты выгляни въ окошко
Косящегое!
Тебѣ пѣсню споемъ,
Тебѣ честь создаемъ,
Награди-ко насъ подаркомъ
Сладкимъ пряничкомъ,
Бѣлымъ сахарнымъ.

С Е М И К Ъ.

(Русальная недѣля, русалки).

Языческіе народы древности, благоговѣя къ водѣ, какъ необходимому изъ предметовъ существованія, и одинъ изъ лучшихъ и удобнѣйшихъ путей, какъ зимой такъ и лѣтомъ, наконецъ какъ стихія, питающая почву и растительность, создали вѣрованіе, что рѣки, начиная отъ Индійскаго Гангеса или Ганга и египетскаго Нила до Славянскаго Дуная, Нѣмана и другихъ священныхъ въ язычествѣ языческихъ рѣкъ, озеръ и студенцовъ населены разными существами; что водою завѣдуетъ особое божество, да и самыя рѣки у нѣкоторыхъ народовъ обоготворялись.

Такимъ образомъ у Грековъ были Нереиды и Гамадриады, у Римлянъ Наяды и Кверктетуланы, то рѣчныя Нимфы, или богини извѣстныя у славянъ подъ названіемъ „русалокъ“. У литовцевъ и Жмуди Dugny, Gudelki, Urpine и Wundpny.

Часто отъ рѣкъ русалки получали свое названіе. Такъ отъ рѣки Свитези именуется *Свитезянками*, отъ Нѣмана—*Нѣманянками*, въ Литвѣ отъ Вилии—*Wilije*, въ Германіи отъ Дуная—*Danauweibchen* и прочее.

Въ простонародномъ русскомъ языкѣ, какъ и въ нѣмецкомъ, сохранилось общее по созвучію названіе *русалка*, *Ruschelchen* то-есть красавица и родъ духа.

Въ Европѣ, даже въ XVIII вѣкѣ вѣрили въ существованіе нимфъ *). Въ Черниговской губерніи русалки называются *кри-*

*) См. Простонародные праздники и обряды. Вып. IV, 1837 г. стр. 2.

лицами, отъ уважаемаго въ Новгородѣ Сѣверскомъ родника *Заручейной Криницы* или *Сухомлинской* иначе *Родника Ярославова*. Повѣрье говоритъ, что будто на срубъ его въ зеленую недѣлю, на самомъ разсвѣтѣ, прекрасныя русоволосы дѣвицы являются и расчесываютъ себѣ волосы *).

Съ русскими русалками отчасти сходны у Сербовъ *Вилы*, которыя живутъ въ горахъ, и въ прибрежныхъ скалахъ; ихъ народное повѣрье тоже изображаетъ молодыми и красавицами въ бѣломъ одѣяніи, съ длинными волосами на головѣ, спускающимися по спинѣ и груди.

По мнѣнію проф. Снегирева, повѣрья о русалкахъ возникли изъ одного общаго источника. Если и произошли нѣкоторыя отбѣнки въ ихъ характеристикѣ, то безспорно въ этомъ случаѣ повліялъ духъ народности, климатъ, почва, условія жизни, образованность и пр.

Левъ Калойской упоминаетъ о жертвоприношеніи святославовыхъ дружинъ Дунаю, лѣтописецъ о требахъ рѣкамъ и колодезямъ. Въ славянскомъ переводѣ рукописи XI вѣка, св. Григорія Богослова, хранящейся въ Им. Санктпет. Пуб. библіотекѣ **), гдѣ приписано слѣд. недостающее въ греческомъ подлинникѣ: „Рѣкы богиню нарицаетъ и звѣрь живущъ въ ней яко бога нарицаая, требу (жертву, поклоненіе, дары) творить“. Того же вѣка русскій митрополитъ Іоаннъ въ посланіи своемъ свидѣтельствуетъ, что его современники „жрутъ (приносятъ жертву) бѣсомъ, болотамъ и колодезямъ“. Въ Потребникѣ московскомъ изд. въ 1639 г. вѣрованіе въ русалокъ называется *волхованіемъ* и *чарованіемъ*.

Все это доказываетъ, что существованіе преданія о русалкахъ уже давно существовали, и давность эту должно приписать глубокой древности, да и самое начало этого мѣта подобно прочимъ, приписываютъ съ момента паденія сатаны, при которомъ одни изъ его единомышленниковъ и противниковъ Творца попали въ воду, другіе на поля, или въ лѣса и въ прочія мѣста и, овладѣвъ занятыми мѣстностями, стали творить козни надъ челоувѣчествомъ. Въ языческомъ мѣрѣ русалка имѣла

*) Отечественныя Записки. 1826 г., за Апрѣль.

**) См. Библиограф. листы П. Келлена 1825 г. № 16.

значеніе рѣчной богини, владѣтельницы сокровищъ и чаровницы; при переходѣ же Руси изъ язычества къ христіанству, она представляется тоскующей и злобствующей на человѣка.

Воронежская губернія, какъ смежная съ Малороссією, имѣетъ много сходнаго въ Демонологіи. Поэтическій элементъ Украйны замѣтно проявляется въ ней въ олицетвореніи мифовъ, въ повѣрьяхъ и суевѣрныхъ разсказахъ.

Изъ числа повѣрій о происхожденіи нечистой силы разнаго рода и между прочимъ русалокъ, любопытно слѣдующее, получившее начало уже во дни христіанства *). Вотъ какъ про это говорится: „Богъ при столпотвореніи Вавилонскомъ наказалъ народъ, дерзнувшій проникнуть тайну величія Его, смѣшеніемъ языковъ; главныхъ изъ нихъ, лишивъ образа и подобія своего, опредѣлилъ на вѣчныя времена сторожить воды, горы, лѣса и прочее. Кто въ моментъ наказанія находился въ домѣ—сдѣлался домовымъ, въ горахъ—горнымъ, въ лѣсу—лѣшимъ и пр. Повѣрье прибавляетъ, что не смотря на силу грѣха раскаяніе можетъ обратитъ ихъ въ первобытное состояніе. Поэтому народъ въ домовыхъ, въ лѣшихъ видитъ существа, нѣкогда подобныя людямъ. Тогда какъ выше сего приведенная статья приписываетъ происхожденіе сказанныхъ мифовъ отъ сатаны.

Самое слово „Русалка“ имѣетъ свое происхожденіе отъ русла рѣки, гдѣ онѣ по народному повѣрью имѣютъ свое пребываніе. Это подтверждается словомъ *Dugnias*, что на жиудскомъ языкѣ значить—русло. Хотя, однакоже, есть противники этого убѣжденія и увѣряютъ наименованіе „русалка“ происходитъ отъ русскихъ волосъ, которые у нихъ длинны, густы и будто бы, ниспадая съ головы, прикрываютъ все тѣло своими роскошными волнами, а по другимъ повѣрьямъ, у нихъ волосы при тѣхъ же качествахъ—зеленые. Пр. Снегиревъ приводитъ между тѣмъ иныя доказательства происхожденія слова русалка. Онъ говоритъ, на основаніи Нарбутта **), что многія священныя рѣки у Литовцевъ и славяноруссовъ назывались руссами и Россами (*Ross, Russ*). Такъ, напр. рукавъ Нѣмана до нынѣ

*) См. Очер. Повѣрій и пр. въ Вор. губ., сост. Магистръ О. Никоновъ.

***) *Dzieje Starozytne narodu Litewskiego*, p. I Narbutta. Wilno. 1835 г.

называется русою, въ землѣ Галиндовъ, рѣка впадающая въ Нарву наз. *Росса*. Также соименная съ ней, впадающая съ праваго берега въ Днѣпръ, въ Кіевской губерніи. Рѣка *Русо* въ Старорускомъ и другія. Если, какъ мы замѣтили, рѣчныя нимфы въ Германіи, Польшѣ и Литвѣ получили свое названіе отъ рѣкъ, то изъ сего должно заключить, что и русалки получали названіе отъ рѣкъ имъ соименныхъ и что русалки, какъ русскія нимфы болѣе извѣстны на югъ и западъ Россіи, чѣмъ на сѣверъ и востокъ ея.

Такъ то мы видимъ, что Днѣпровская русалка и Кіевская вѣдьма въ Малороссіи вошли въ поговорку. Именемъ русалокъ запечатлѣны даже нѣкоторыя мѣстности, возьмемъ въ примѣръ: Русиловка надъ р. Сулою въ Полтавской губерніи, повыше Ромена. Русиловка въ Уманскомъ повѣткѣ надъ Угорскимъ Тикичемъ; Русловы пустоши въ Вышневолоцкомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ. Надъ р. Днѣпромъ есть роща Русалокъ, или гай русалокъ, и много другихъ мѣстностей свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣкогда существовало много мѣстъ, приписываемыхъ мѣстопребыванію этихъ безплотныхъ существъ, обитательницъ рѣкъ и водъ.

Русалки, по народному повѣрью—существа живущія на землѣ и въ водѣ. Но въ теченіи дней, считая отъ Семика до Петрова дня, то есть въ лучшую часть года, когда все цвѣтетъ, онѣ будто бы странствуютъ на берегахъ своихъ рѣкъ въ близъ лежащихъ лѣсахъ и рощахъ, и пріютомъ себѣ избираютъ вѣтвистыя старыя деревья, преимущественно дубы, гдѣ качаются на вѣтвяхъ, или разматываютъ пряжу, похищенную у тѣхъ поселенковъ, которые ложатся спать безъ молитвы.

Русская южная демонологія, придавая русалкамъ отчасти враждебныя противъ человѣчества свойства, говоритъ между прочимъ о ихъ происхожденіи согласно съ греческою и вообще сравнительно съ греческими Телоніями онѣ сходны.

Въ созданіи мѣта о русалкахъ, Русскій народъ высказалъ болѣе поэзіи, чѣмъ о созданіи другихъ мѣтовъ. О происхожденіи русалокъ народное повѣрье говоритъ, что всѣ младенцы женскаго пола, родившіеся мертвыми или умершими безъ крещенія, а также взрослые утопленцы, наконецъ купающіяся безъ креста—дѣлаются русалками. Русалки обладаютъ вѣчною юностью

и красотою; по внѣшности своей онѣ сходны съ нашими красивыми дѣвушками. Суевѣрные крестьяне и поселяне утверждаютъ, что огни, видимые на курганахъ особенно древнихъ, ночью по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, разводятся днѣпровскими русалками для того, чтобы привѣтливымъ блескомъ заманить странниковъ къ себѣ на крутизну и сбросить ихъ въ днѣпровскія пучины. *) Согласно повѣрью, русалки живутъ въ кристальныхъ дворцахъ, построенныхъ на днѣ рѣкъ; старшая надъ ними называется царицей и назначается водянымъ начальникомъ русалокъ изъ ихъ же среды. Въ Воронежской губерніи народъ вѣритъ, что безъ позволенія царицы, русалки не могутъ не только погубить, но даже испугать человѣка.

Въ клечальную субботу, наканунѣ Троицына дня, **) русалки, по мнѣнію Малороссовъ, начинаютъ бѣгать по ржи и хлопать въ ладоши приговаривая: *„Бухъ! бухъ! соломенный духъ! мене мати породила, некрещену положила!“* Съ зеленой недѣли онѣ витаютъ въ лѣсахъ, гдѣ аukaютъ и зовутъ къ себѣ прохожихъ съ хохотомъ: *„ходите къ намъ на рели (качели) качаться“*.

Онѣ заводятъ красивыхъ парней и дѣвокъ въ лѣсъ и тамъ защекочиваютъ ихъ до смерти.

Въ Воронежской, да впрочемъ въ Малороссіи и въ другихъ губерніяхъ обильныхъ водами, есть повѣрье, что русалки до того обаятельно поютъ, что слушатель готовъ внимать ихъ пѣнію нѣсколько лѣтъ, не сходя съ мѣста.

Въ народѣ русалокъ считаютъ чародѣйками и гадательницами, что видно изъ одной старинной пѣсни, которую пѣла обитательница рѣки, загадывая ее молодой дѣвушкѣ, попавшей ей въ руки:

„Ты послухай мене красна панночка!
Загадаю тебѣ три загадки:
Коли ты вгадаешь—я до батько пущу;
А якъ не вгадаешь—я до сибѣ возьму.“

*) Одесскій Альманахъ на 1831 г. 1831 г. Одесса.

**) Въ день поминовенія усопшихъ наканунѣ Троицы, называемой—Троицкая Суббота.

Ой що росте до безъ кореня?
Ой що бѣжитъ до безъ повода?
Ой що росте безъ всякаго цвѣту?
Камень росте безъ кореня;
Вода бѣжитъ безъ повода;
Папороть росте безъ всякаго цвѣту!
Дѣвчинка загадочки не вгадала,
Русалочка ее залоскатала.

Понятно, что въ такое опасное время, какимъ представляется начало весны, богатое разливами, заводями, омутами, бачагами, не то что дѣвушкамъ, но и мужчинамъ, требуется большая осторожность, какъ при плаваньи, такъ и при ходьбѣ по берегамъ рѣкъ еще не окрѣпшимъ и представляющимъ разнаго рода препятствія и опасности. Въ пѣснѣ русалки, предлагающей дѣвущкѣ загадку высказываеся то, что въ эту пору каждый рискующій путешествовать по рѣкамъ, или по обматеревшимъ берегамъ рѣкъ, долженъ имѣть большое соображеніе и разсудокъ, чтобы предупредить всѣ предстоящія неприятели въ родѣ загадки русалки и, такъ сказать, заранее разгадать ихъ.

Въ Русальную недѣлю, (8-ю по пасхѣ), а также въ ночь подъ Ивана Купала (24 іюня) Русалки (малки) дѣлаются опасными для человѣка *). Въ это время онѣ стараются очаровать его и, зашекодавъ, унести въ свое водяное жилище. Во многихъ мѣстахъ Воронежской губерніи народъ не купается въ продолженіи русальной недѣли, боясь сдѣлаться жертвою русалокъ.

Если взять во вниманіе только то, что русскіе поселяне купаются не въ купальняхъ, а въ рѣкахъ, что они не разбираютъ того, когда лучше купаться: съ тощимъ или, полнымъ желудкомъ? напившись ли холоднаго квасу? и часто купаются въ поту, то весьма понятно, что многіе утопали просто вслѣдствіе удара или страшныхъ судорогъ, такъ какъ вода въ это время года еще довольно холодна, и спасибо скажешь старикамъ—предкамъ, что они поселили въ рѣкахъ такихъ опасныхъ красавиць, какъ русалки, потому, что во многихъ мѣстахъ

*) Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Воронежской губерніи въ это время для смягченія злобы русалокъ развѣшиваютъ имъ по лѣсамъ холсты на рубашки.

Малороссіи и Воронежской губерніи народъ боится во всѣ дни русальной недѣли купаться въ рѣкахъ, подѣ опасеніемъ быть жертвою русалокъ. Опасеніе такъ велико, что въ Малороссіи никто не осмѣливается даже хлопать въ ладоши на берегу рѣки или на рѣкѣ.

Въ Четвергъ на зеленой или троицкой недѣли, дѣвушки и даже женщины, боясь прогнѣвать русалокъ, чтобы онѣ не испортили скотины, не работаютъ, называя *этотъ четвергъ великъ день для русалокъ*“. Взрослыя дѣвушки въ этотъ день плетутъ вѣнки и бросаютъ ихъ въ лѣсу русалкамъ, чтобы онѣ добыли имъ суженыхъ и ряженыхъ, послѣ чего тотчасъ убѣгаютъ. По ихъ мнѣнію, въ этихъ вѣнкахъ русалки рыскаютъ по ржи.

Въ Бѣлороссіи вѣрятъ, что русалки бѣгаютъ нагія, при чемъ безпрестанно кривляются, такъ, что видѣвшій хоть одну изъ нихъ, самъ будетъ всю жизнь кривляться.

Народное повѣрье допускаетъ любовь между русалками и людьми, о чемъ существуетъ много поэтическихъ расказовъ; замѣчательна одна, повторяющаяся почти въ каждомъ изъ нихъ, слѣдующая мысль: Русалка, защекотавъ мужчину, уноситъ его въ свое жилище, гдѣ онъ оживаетъ и дѣлается ея мужемъ; окруженный невообразимою роскошью, онъ начинаетъ тамъ новую жизнь, непонятную для людей живущихъ на землѣ. Пользуясь всевозможнымъ довольствомъ, этотъ человѣкъ ограниченъ только желаніемъ—хоть на мгновеніе оставить водяное царство.

Когда же у русскихъ паядъ бываютъ свадьбы на воробьиныя ночи, тогда на водѣ раздается смѣхъ и плескъ.

Прежде украинцы, а потомъ слышимъ и отъ многихъ русскихъ такіе отзывы, что русалки дочери родителей, которые похоронили ихъ безъ крещенія, или родивъ мертвыми, или не успѣли рожденныхъ окрестить, и тѣ умерли. Въ такомъ случаѣ злые духи, имѣя полную свободу надъ душой некрещеннаго младенца похищали ихъ, давая имъ свободу только въ Духовъ день и въ Троицынѣ. Такихъ младенцевъ, по словамъ проф. Снегирева, хоронили въ Кіевской губ. въ Махновскомъ повѣтѣ, подѣ фигурою (крестомъ) на раздорожіи (перекресткѣ) *).

*) См. Русскіе простонародные праздники и суевѣр. обряды 1837. М. часть VI.

Крещеніе русалокъ. По народному повѣрью, души некрещенныхъ младенцевъ, черезъ семь лѣтъ, уносятся на воздухъ и просятъ себѣ крещенія три раза. Если кто услышитъ этотъ зовъ и подастъ имъ крещеніе, говоря: „Я тебя крещая Иванъ и Марья, во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа“; тогда сіи души возьмутся ангелами; а въ противномъ случаѣ дѣволами. По сказаньямъ суевѣрныхъ поселянъ, въ глубокую полночь малки, или русалки, о Троицынъ днѣ бѣгають по берегамъ рѣкъ и озеръ, поють, хохочуть, хлопають въ ладоши и мяукають по кошачьи, отъ чего въ Малороссіи и получили названіе: „Малокъ“.

Симпатія. Наканунъ Клечальной субботы, мужчины запасаются зорею и польнью, какъ предохранительными средствами отъ обаянія русалокъ *). Въ Малороссіи, въ Троицынъ день, приносятъ въ церковь охапку зори, калуфера, мяты и кадила [chothaeritys], которая связывается веревкою, а въ срединѣ ставится тройная свѣча, называемая *Троицею* и горящая въ продолженіи обѣдни; травы сіи хранятся дома для лѣченія отъ разныхъ болѣзней, а троицкая свѣча дается въ руки умирающему, при послѣднемъ издыханіи. Въ Малороссіи, Духовъ и Троицынъ дни, точно праздники духовъ, по замѣчанію проф. Снегирева **). Впрочемъ тамъ также завиваютъ и развиваютъ вѣнки на Троицкую недѣлю, на которой поють пѣсни въ разныхъ мѣстахъ Россіи, болѣе или менѣе характернаго и мнѣческаго содержанія.

Свистопляска. Изъ мѣстныхъ праздниковъ въ Россіи одинъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ *Свистопляски*; это въ Вятской губерніи; это совершалось ежегодно въ субботу, по счету четвертую послѣ Пасхи и на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось въ 1480 г. слѣдующее происшествіе: Вятчане подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, сражаясь ночью съ союзниками своими Устюжанами, по невѣденію, побили ихъ девять тысячъ ***).

*) Исторія Малой Россіи, Бантышъ-Каменскаго. Ч. 2. М. 1830 г.

***) Стр. 134. Рус. прост. Праздн. Москва 1837 г.

***) Проф. Снегиревъ на стр. 182 кн. „Русскіе простонародные праздники“, ссылается на записки Пресвященнаго Кирилла, бывшаго епископа Вятскаго.

Послѣ панихиды въ часовнѣ, въ день Свистопляски продаются разныя закуски и свистки изъ глины, нарочно заранѣе изготовленные, наконецъ куклы изъ глины. Этими глупыми игрушками партіи бросаются другъ въ друга, становясь по обѣ стороны рва, при чемъ свистятъ неумолкая.

Могила Аники воина. Верстахъ въ 7-ми отъ Вологды, по старому Архангельскому тракту, существуетъ могила Аники воина, на которую каждый прохожій, по обычаю, кидаетъ вѣтку или пруть, отъ чего накаплиется въ теченіи времени большой ворохъ, который въ одинъ лѣтній день и сжигается. На этомъ сходбищѣ ѣдятъ блины и гуляютъ.

Марюстье. Въ Калужской губ. Лихвинскаго уѣзда, предъ Троицынымъ днемъ бывалъ обычай, слѣдующій довольно смѣшной: кума къ кумѣ ѣдила въ гости на метлѣ, изображая конечно этимъ вѣдьму, такъ какъ, мара, значитъ вѣдьма, русалка.

Крещеніе кукушекъ. Суевѣрный обычай крестить кукушекъ, существуетъ въ Орловской, Тульской и въ другихъ мѣстахъ. Оно состоитъ въ томъ, что въ рошѣ, избранные кумъ и кума надѣвъ крестикъ на живую кукушку, или на травку того же имени, кладутъ ихъ на разостланный коверъ, садятся вокругъ его, мѣняются крестами своими, цѣлуются и съ прочими подругами, ѣдятъ яичницу и поютъ пѣсни. Нѣкоторые предполагаютъ, что суевѣрный обычай крещенія кукушекъ, есть ничто иное какъ крещеніе русалокъ. Но болѣе, точное понятіе объ этомъ обрядѣ, и начало его—потеряны.

Поминовеніе самоубійцъ. Въ Тульской губерніи, во вторникъ на русальной недѣлѣ, крестьяне поминаютъ утопленниковъ и удавленниковъ; родственники послѣднихъ за упокой душъ разбиваютъ на ихъ могилахъ красныя яйца, призывая при этомъ обрядѣ русалокъ, которымъ оставляютъ въ жертву часть блиновъ, принесенныхъ для поминовенія *).

Русальный праздникъ. Праздновать русалии, русальные дни, или недѣлю (недѣля Св. Отецъ), возбранено учителями церковными, по языческому ихъ происхожденію; но какъ начало весны и до сихъ поръ существуетъ не въ одной Россіи, но

*) Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга. Н. Броневскаго. 2 ч. М. 1828 г.

о многихъ странахъ Европы. Канунъ Троицына дня назывался „Пасхою усопшихъ.“

Въ Сибири существуетъ повѣрье, что русалки декуются, то есть играютъ съ парнями и дѣвками.

Погребеніе Костромы. Въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына дня существуетъ гульбище, гдѣ изстари велось обыкновеніе хоронить *Кострому*. Во Владимірѣ, хоронили *Ладу*, а въ Твери хоронили *Ярила* близъ Трехсвятскаго сада, 24 іюня.

Изгнаніе, прощаніе, провожаніе русалокъ. Въ Черниговской губерніи провожаніе русалокъ происходило на гревической или свѣтлой недѣлѣ, въ Рязанской губерніи, въ Спасскѣ, слѣдующее за Троицынымъ днемъ воскресенье слыветъ *Русальнымъ заговньемъ*, а понедѣльникъ, *Провожданьемъ русалокъ*. Въ этотъ день вечеромъ, хороводы дѣвицъ и женщинъ, съ веселыми пѣснями сходятся съ разныхъ сторонъ города, въ назначенномъ мѣстѣ, и стоятъ около часа на углахъ улицъ; въ каждомъ хороводѣ находится чучело въ видѣ женщины, которая собою изображаетъ русалку. Въ это время составляютъ хороводные кружки; въ средѣ каждаго изъ нихъ бойкая женщина съ чучелою въ рукахъ пляшетъ подъ веселую хороводную пѣсню, дѣлая при этомъ разныя кривлянія. Потомъ хороводы раздѣляются; на оборонительную и наступательную стороны. Причемъ держащія въ рукахъ чучель русалокъ, защищаются нѣсколькими женщинами, отъ нападенія другихъ, которыя стараются вырвать у нихъ чучелы, при этомъ обѣ стороны кидаютъ другъ въ друга пескомъ, землю, обливаютъ другъ друга водою. Выйдя за городъ, онѣ говорятъ, что *проводили русалокъ*, причемъ разрываютъ чучелы, разбрасываютъ ихъ по полю, и провожающія ихъ дѣвицы съ уныніемъ возвращаются. Съ этого времени прекращаютъ игры, подъ названіемъ: *Горьлки, Уточка и Борисъ*.

ИВАНЪ КУПАЛО И АГРАФЕНА КУПАЛЬНИЦА.

День Рождества Св. Іоанна Предтечи, соверш. 24 іюня, составляетъ одинъ изъ особенно торжественныхъ праздниковъ не только въ славянскомъ мірѣ, но почти во всей Европѣ. Онъ

приходится около лѣтнаго солнцестоянія. Праздникъ этотъ въ народѣ извѣстенъ подъ названіемъ *Ивана Купалы*.

Прежде всего скажемъ, что во время славянскаго язычества *Купало* былъ богъ плодовъ земныхъ и по однимъ считался третьимъ *) и Перунъ, а по другимъ **) пятымъ Богомъ. Праздновали ему 24 и 29 іюля, день жатвы, и приносили жертвы изъ нѣкоторыхъ травъ, костеръ изъ которыхъ зажигали и плясали вокругъ него всѣ, безъ различія пола и возраста, причемъ припѣвали пѣсни.

Чествовать предметы своего благоговѣнія праздниками сродно человѣку, для котораго вѣрованіе заключаетъ въ себѣ протекшее и будущее, божество и міръ духовный, природу и его самого. Въ его праздникахъ выражаются его обѣты, надежды и воспоминанія собственнаго прошедшаго, которое для него становится кумиромъ.

Съ истребленіемъ внѣшняго идолослуженія при введеніи вѣры христіанской въ Россіи, понятія тогда преобладавшаго язычества, внѣдрясь въ духъ и бытъ народа, проявлялись въ древнихъ праздникахъ его и повѣрьяхъ, даже христіанскія торжества церкви получили названія языческихъ, какъ напримѣръ: русальная недѣля, Купало, радоница (радуница, радовальница) и проч.

Изъ явленій природы столь важныхъ и ощутительныхъ для человѣка, какъ повороты солнца, раздѣляющіе годъ на двѣ равныя части, были сильнымъ поводомъ къ тому, чтобы учредить *Коледу* и *Купалу*, какъ праздники, столь важные въ отношеніи къ нуждамъ человѣка. Эти празднества, какъ мы и видѣли, отчасти существовали не у однихъ только славянъ, но и у многихъ народовъ Европы и Азіи, только подъ разными наименованіями.

Замѣчательно, что богу Купалу приносили жертву купаньемъ, о чемъ довольно пространно описано въ Кіевскомъ лѣтописцѣ, что было и въ Римѣ въ праздникъ Мая (Maïusha), когда тоже обливали другъ друга водою. Въ Даніи, въ лѣтнее равноденствіе и вездѣ на сѣверѣ, зажигались огни, нѣкогда посвящаемые

*) См. Абевега русск. суевѣрій 1786 г.

**) См. Краткое обозрѣвіе Мнѣологіи русск. слов. Строева. М. 1815 г.

Балдеру, которые назывались въ Россіи *купальскимъ огнемъ*; тамъ въ этотъ день купаются для здоровья, и собираемыя травы *Sank-Hans Urt*—считаются цѣлительными отъ порчи и другихъ болѣзней.

Нашъ *Ивановъ день* или день Ивана Купала въ существѣ своемъ сходенъ съ нѣмецкимъ *Iohannistag* или *der-Tittelsom-mer*, когда зажигается Ивановъ огонь. У Пруссовъ было боже-ство весны и веселья — Лаго близкое къ нашему *Ладо*, въ честь его зажигался Подъ Липою огонь на Ивановъ день и тамъ плясали во всю ночь съ пѣснями, которыя оканчивались припѣвомъ: „Лиго! Лиго!“

Еще и посейчасъ, сказать къ слову, въ Ригѣ существуетъ пѣсня, которую нужно отнести къ этому празднику.

Лигъ Ульяна, баба пьяна,
Въ Ригѣ жила,
Вино пила,
Лиго! и пр.

Праздникъ росы. Наканунъ дня Св. Іоанна Предтечи (или Ивана Купала) въ Литвѣ отпраздляется праздникъ *Росы* (*Rossa*), по старорусски *Кекерисъ*, въ честь Ладо. Начинная отъ праздника пастуховъ до праздника Росы, продолжались между работами сельскія пѣсни, игры, забавы, что въ обычаѣ у тамошнихъ поселянъ и по сіе время. Но въ самомъ дѣлѣ начинался наканунъ 24 іюня. Эта ночь называлась Роса, которую праздновали почти всѣ сѣверные народы; такъ какъ почитаніе богини Ладо было у всѣхъ общее. Праздникъ Росы на Руси былъ извѣстенъ подъ именемъ *Купала*, въ Литвѣ *Купайлы*, а въ Польшѣ *Соботки* отъ глагола *собить*, *собана*, приспособить, какъ бы день, приготовляющей къ полевымъ работамъ; такъ какъ въ болѣе теплыхъ странахъ праздникъ этотъ почти сходится съ сѣнокосомъ. Литовцы повсюду празднуютъ Иванову ночь. Поздно вечеромъ собираются Литовцы на извѣстномъ мѣстѣ, избранномъ и освященномъ исконными обычаями; тамъ на оболоньи (полянѣ) становятся палатки и шалаши; пѣсни, музыка, танцы и разведенные огни продолжаютъ во всю эту ночь. Днынъ, въ Вильнѣ 24 іюня, вечеромъ, народъ сходится въ лѣсу пить, ѣсть и веселиться, что называется у нихъ—*идти на росу*.

Въ Ивановскую ночь, по мнѣнію народному, цвѣтеть для счастливецъ *папоротъ*, *папоротникъ* (paproć), который извѣстенъ во всей Бѣлостокской области на Волинѣ. Здѣсь сходбище на одномъ мѣстѣ называется *стадомъ*, а пляска— *каркодономъ*. Въ Литовскомъ язычествѣ этотъ праздникъ имѣлъ свои религіозные обряды, не дошедшіе до насъ, кромѣ пере-скакиванія черезъ огонь, и ношенія факеловъ и фонарей. Слѣдующій день назывался „святымъ“, тогда собирались травы, для врачеванія скота, также для чарованія и волшебства, что дѣлалось и на Руси. Мифологи замѣчаютъ, что праздникъ у славянъ называемый *Купалою*, соединяетъ быть съ моленіемъ рѣкамъ и источникамъ. Вѣроятно и Литовцы, которые святили свои воды текучія и стоячія, въ этотъ день приносили имъ жертвы, бросая ихъ въ воду. Даже, можетъ быть, самый *праздникъ росы* потому названъ, что древніе вѣрили, что рѣки— дѣти моря, родящіяся отъ испареній морскихъ, что и есть *роса*.

Ивановская ночь. Какъ въ Литвѣ, Россіи и Малороссіи, такъ и въ Польшѣ празднуется *Ивановская ночь* почти съ одинаковыми обрядами, а у Валаховъ и Итальянцевъ, подъ именемъ *Sabatina*, польск. (*Sobotki*). Зажигаемые на горахъ сего имени огни въ этотъ день могли имъ сообщить сіе названіе. Какъ у насъ наканунѣ Иванова дня женщины разжигали огни, также плясали вокругъ нихъ, пѣли, воздавая поклоненіе дьяволу (говорить Мартинъ, писатель ХVI вѣка), такъ и донинѣ въ Польшѣ не оставляютъ сего обычая, принося жертвы изъ чернобыльника (*bielicy, artemisia*), который вѣшаютъ по домамъ и опоясываются имъ, отправляютъ Сobotки, зажигая огни, которые добываются треніемъ дерева объ дерево.

Сobotки. Въ день св. Ивана, у Поляковъ, сельскіе жители имѣютъ обыкновеніе опоясываться чернобыльникомъ и цѣлую ночь прыгать у огня, говоритъ *Голембовскій*. Краковскія Сobotки праздновались на Креміонкахъ и звѣринцѣ, Варшавскія на берегу Вислы и на островѣ нынѣ называемомъ *Саксонскимъ*. Въ цѣломъ краю зажигали Сobotки на площадяхъ и близъ лѣсовъ; вездѣ можно было видѣть по домамъ цвѣты и травы, какъ говоритъ объ этомъ Огіеръ въ своемъ путешествіи въ 1835 г., найденномъ въ III томѣ памятниковъ Немцевича. Ивановскій огонь назывался у поляковъ *Krèsz*.

Янъ Кохановскій въ изданныхъ имъ, въ 1639 г., пѣсняхъ Свято Сobotскихъ, говоритъ: „когда солнце согрѣваетъ рака, а соловей болѣе не поетъ, суботка, какъ было встарь, запалена въ черномъ лѣсѣ. Такъ намъ передавали матери, сами также, занявъ отъ другихъ, чтобы на день св. Іоанна завсегда горѣла суботка. Эта суботка или горѣла при лѣсѣ или на лугу.“

Сербы говорятъ, что *Иван дан* столь великій праздникъ, что въ оный солнце трикраты—останавливается на небѣ *).

Купальные огни, сожигаемые въ Иванову ночь на Карпатахъ, Судетахъ, и Корконосныхъ, между Силезіею и Чехами, представляютъ великолѣпное и торжественное зрѣлище на пространствахъ нѣсколькихъ сотъ верстъ.

Говорятъ даже, что для разведенія огня въ этотъ день, добывали его, треніемъ дерева объ дерево и огонь этотъ назывался божественнымъ.

Въ украинѣ, на Подолѣ, и въ Волини извѣстна игра подъ названіемъ: *Купало*, она состоитъ въ томъ, что по захожденіи солнца, всѣ дѣвушки собираются на извѣстное мѣсто съ вербою убранною цвѣтами, которую втыкаютъ въ землю. Дерево это, они называютъ *Купало*. Воткнувъ его, онѣ схватятся рука съ рукою, ходятъ около него и поютъ жалобныя пѣсни въ честь *Купала*. Спустя нѣкоторое время, молодые люди, стоящіе въ сторонѣ, бросаются, уносятъ и разрываютъ вербу защищаемую дѣвицами и тѣмъ оканчивается весь обрядъ.

Гизель такъ говоритъ въ своемъ Сгнописѣ, печ. въ Кіевѣ въ 1679 г. о Купалѣ: Купало объясняется купелью, по-польски *Karpiel*. Гизель такъ описываетъ это игрище: „Пятый идолъ „Купало, его же бога плодовъ земныхъ быти мняху и ему „прелестію бѣсовскаго омраченія, благодаренія и жертвы въ „началъ жновъ приношаху. Тогожде Купала бога, или истиннѣ бѣса, и доселѣ по нѣкимъ странамъ россійскимъ еще „память держится; наипаче же въ навечерія рождества св. „Іоанна Крестителя собравшійся въ вечеру юноши, мужеска, „дѣвическа, и женска полу, соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ зелія „нѣкоего и возлагаютъ на главу и опоясуются ими. Еще же

*) Spruckn piernuk *Вука Стефановича*. Вѣна 1818 г. Bernolák Lexicon Slavicum VI t. Budaе. 1827.

„на томъ бѣсовскомъ игралищи кладуть и огонь, и окрестъ его
„емшеся за руцѣ, нечестиво ходять и скачуть и пѣсни поють,
„сквернаго Купала часто повторяюще и чрезъ огонь преска-
„чуще, самихъ себѣ тому же бѣсу Купалѣ въ жертву при-
„носятъ“.

Подобнымъ же образомъ сказано о Купалѣ въ Чети-Миней св. Димитрія Ростовскаго.

Въ Махновскомъ повѣтъ сходно съ Чернорусцами и Бѣлорусцами, дѣвушки вечеромъ закапываютъ въ землю дерево, украшенное вѣнками, подѣ именемъ Купалы, и зажигаютъ огни съ пѣніемъ. Близъ города Бѣлицы на Днѣпрѣ, въ Гомлѣ, послѣ того поють:

У пана Ивана посередѣ двора
Стояла верба,
На вербѣ горѣли свѣчи,
Съ той вербы капля упала,
Озеро стало;
Въ озерѣ самъ богъ купался
Съ дѣтками, судѣтками.

Въ Малороссіи, наканунѣ сего праздника, молодые люди обоего пола купаются въ рѣкахъ до захода солнца; потомъ въ сумерки, раскладываютъ огонь на выгонахъ, на полянахъ, въ садахъ и попарно, держась рука объ руку, перепрыгиваютъ чрезъ огонь. Если во время перепрыгиванія руки не разойдутся, это означаетъ, что пара эта, то есть парень и дѣвушка совокупятся бракомъ; подобно тому, какъ въ Корпатахъ и Судетахъ молодежь, препоясавшись цвѣтными перевязями и надѣвъ на головы вѣнки изъ цвѣтовъ благовонныхъ, составляютъ вокругъ огня хороводы съ пѣснями въ честь Купалы *).

Иванъ Купало между простымъ народомъ въ Ярославской, Тверской и Нижегородской губерніяхъ называется, *Ярилою*.

Почитаніе стихій. Изъ всего описаннаго мы можемъ извлечь понятіе, которое, оказывали наши пращуры къ огню и

*) Смотри: Опытъ краткаго повѣствованія о древностяхъ російскихъ. Собр. протоіереемъ Іоанномъ Кутеповымъ. Москва. 1814 г.

къ водѣ, какъ къ стихіямъ, безъ которыхъ не могли жить и которыхъ олицетворяли, если не для нихъ самихъ, то для духовъ въ нихъ обитающихъ. Что касается до перепрыгиванія чрезъ огонь во время Купалы, то скорѣе всего здѣсь видна идея очищенія, какую мы находимъ у Грековъ и Римлянъ въ разномъ видѣ; а также, по словамъ Плато-Карпина, очищеніе водою и огнемъ употреблялось у Татаръ при Батыѣ. Не имѣлось ли здѣсь въ виду задняя мысль съ гигиеническою или санитарною цѣлью, подъ прикрытіемъ религіознаго обряда?

Отсюда видно, что не только въ одной Россіи существовало уваженіе къ 24 Іюня и сопровождалось обрядностями, нѣтъ! Патріархъ Вальсамонъ, въ XII вѣкѣ, такъ описываетъ греческіе обряды, совершенно сходные съ русскими купальскими и святочными: „Язычники въ 23 день Іюня, ввечеру, собирались на берегахъ рѣкъ; и, въ нѣкоторыхъ домахъ мужи и жены украшали перворожденную дѣву на подобіе невѣсты. Притомъ пировали и плясали, кружились, совершая препразднество въ честь богини Весты. Между тѣмъ бросали разныя вещи въ сосудъ, наполненный водою. Наряженная дѣвица по вынутіи каждой вещи, предсказывала будущее тому, кто клалъ оную. На другой день съ музыкою и пляскою всѣ выходили за водой и кропили оною всѣ дома, а потомъ во всю ночь прыгали чрезъ зажженные костры. Церковные учителя постепенно отклоняя новыхъ христіанъ отъ языческихъ обычаевъ, почли за нужное, при водоосвященіи, сочинить для сна пѣсни въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи“ *).

Что значитъ Купало. Словопроисхожденіе слова Купало имѣетъ, по сказанію нѣкоторыхъ, различное значеніе: нѣкоторые, какъ мы сказали, производятъ отъ глагола *купать*, отъ слова *купанье*, такъ какъ съ этого только времени начинается весеннее купаніе въ открытыхъ водахъ, или отъ купы (*сорула*, *Kurrelei*?) какую представляетъ Купало съ Купальницей, отъ Кучи (Кира, польс. Куча) зажигаемаго хвороста, отъ копанія кореньевъ и плодовъ; наконецъ, въ славянскомъ Купалѣ замѣтно сходство съ индійскимъ Купаломъ покаянникомъ. Во

*) Новая Скрижаль или пополнительное ученіе о Церкви, о литургіи и пр. Соч. Архіепископа Веніамина. Москва. 1803 и 6 гг.

всякомъ случаѣ, по недостатку свѣденій, можно допустить, что Купало происходитъ отъ слова—купанье, что имѣетъ отношеніе къ слову—Креститель.

Не у всѣхъ славянскихъ народовъ извѣстенъ Купало, на примѣръ, у Литовцевъ въ Ивановъ день празднуютъ Ладо и поютъ въ честь его ладовыя пѣсни, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи торжествуютъ Яриль. Старо-Пруссы и Литовцы, по словамъ Реза, въ честь Лиго, бога весны, наканунѣ Иванова дни зажигали подъ липами огонь и всю ночь, до разсвѣта плясали пѣсни съ припѣвомъ: Лиго, Лиго!

Начало обычаевъ, основанныхъ на самой природѣ и коренныхъ идеяхъ человѣчества, открывается въ глубокой древности, гдѣ вода и огонь почитались за начало міра, главнѣйшими стихіями и символами очистительными. Отъ этого вѣрованія, какъ надо думать получили свое начало купальскіе огни, и омовенія, всѣ повѣрья, обряды и обычаи, которые наблюдаются въ это празднество стихій.

Возжиганіе огней и переходеніе или перескакиваніе чрезъ нихъ извѣстно было еще въ глубокой древности у восточныхъ народовъ, изъ которыхъ многіе были огнепоклонниками, и по выраженію книги Премудрости *), огонь и кругъ звѣздный почитали строителями міра“. Еще Манассія, какъ говорится въ кн. Паралипоменонъ **), состроившій кумиры Вааліму и насадившій дубравы „*проведе чада сквозь огонь по мерзостямъ языковъ*“. У Индійцевъ встрѣчается обычай ночнаго освѣщенія огнями въ честь древняго ихъ царя Бали и Ямы и сестры его Ямуны, въ мѣсяцъ Картикъ, и жертвоприношенія огня — Ядиня или Ягна. Въ Юнѣ (*въ день огня*) Персы имѣли водное и огненное очищеніе; они, какъ свидѣтельствуесть Четья-Миней „почитаютъ солнце, луну и звѣзды и пресвѣтлѣйшую огненную силу“. При таинствахъ элевзинскихъ въ Греціи, на праздникахъ Цереры, Палесы или Весты въ Римѣ, перескакивали чрезъ зажженные огни для очищенія. Овидій въ *fastis V, 727* и *805* говоритъ, что чрезъ огонь переходитъ скотъ и „*поселяне (per flammam saluisse pecus, saluisse colonos)*, и что онъ самъ пере-

*) Гл. VIII, ст. 2.

**) См. XXXIII, 6, кн II.

скакивалъ три огня и былъ окропленъ лавровою вѣтвью, омыченною въ водѣ“.

Варронъ упоминаетъ о нѣкоторомъ торжествѣ и игрище у поселянъ, которые, натаскавъ ворохи сѣна и соломы, зажигаютъ ихъ и перескакиваютъ чрезъ пламя, для очищенія себя. Преосв. Веніаминъ, такъ изображаетъ купальскій праздникъ въ древности: „Язычники, въ 23 день Юня, ввечеру собирались на берегахъ рѣкъ и въ нѣкоторыхъ домахъ мужи и жены украшали перворожденную дѣву“ и проч., какъ было о томъ сказано выше.

Русская исторія упоминаетъ, что у Татаръ тоже было въ обычаѣ переходить со стадами своими чрезъ огонь для очищенія. Князь Михаилъ Черниговскій съ бояриномъ Θεодоромъ приняли мученическую смерть за то, что не перешли сквозь огонь и не поклонились кусту и солнцу *).

По объясненію Дюканжа, этотъ огонь, облеченный священою обрядностью, на самомъ дѣлѣ имѣлъ часто практическую санитарную цѣль, охранить себя отъ заразы или болѣзни.

„У Поляковъ“, свидѣтельствуемъ одинъ ихъ писатель, Мартинъ въ XVI вѣкѣ, „наканунѣ Иванова дня женщины зажигали огни, плясали вокругъ нихъ, пѣли, воздавая честь и „мольбы демону“ **), далѣе Мартинъ продолжаетъ: „этого языческаго обычая до нынѣ, то-есть до XVI вѣка, не оставляютъ „въ Польшѣ, принося жертвы изъ травы чернобыльника (Artemisia) зажигая костры огнемъ, добываемымъ чрезъ треніе „дерева объ дерево; чтобы празднество было точно дьявольскимъ, распѣваютъ пѣсни и пляшутъ“.

Праздникъ въ черномъ лѣсѣ ***). Этотъ праздникъ совершался въ Сендомирскомъ воеводствѣ. На него смотрѣли, какъ на особаго рода торжество и пѣли:

Gdy słońce raka zagrzewa,
A słowik więcey nie spiewa,
Sobótkę, iako czas niesie,
Zapolono w Czarnym lesie,

*) Карамзинъ. И. Г. Р. т. IV, прим. 41, 43.

**) Демону ли? Можетъ быть языческимъ божествамъ, которыхъ фанатики боги для страха простолюдиновъ, чѣмъ въ сущности, именовали демонами, какъ то видимъ во многихъ случаяхъ.

***) Изъ описанія Ивана Кохановскаго.

Tak to matki nam podaty,
Same także z drugih mialy,
Ze na dzień Świętego Zana
Zawzdy Sobótka palana.

Въ переводѣ съ польскаго слѣдующее:

Гдѣ солнце рака согрѣваетъ, а соловей вѣки не поетъ, соботка была запалена въ черномъ лѣсѣ. Такъ то матки намъ подали (передали), сами также отъ другихъ переняли, чтобы на день святаго Яна (Юанна) всегда соботка пылала (горѣла).

Празднованіе на югѣ. На Украинѣ, Подолѣ и въ Волини въ день Купало (Купайло) дѣвушки, послѣ захожденія солнца, собираются въ избранное мѣсто и приносятъ большую вѣтку вербы или ивы, которую предварительно украшаютъ цвѣтами и лентами; тутъ утвердивъ ее въ землѣ, ходятъ вокругъ ея, припѣвая жалобныя пѣсни.

Такая пляска продолжается болѣе часа, послѣ чего молодые парни, стоящіе въ сторонѣ, бросаются на вербу и не смотря на защиту охраняющихъ ее дѣвушекъ, выдергиваютъ изъ земли и обрываютъ, чѣмъ и оканчивается весь обрядъ.

Скачка чрезъ огонь. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Малороссіи, существовалъ обычай прыгать чрезъ купальскіе огни, или чрезъ кучи жгучей крапивы; обрядъ этотъ, какъ говоритъ проф. Снегиревъ, происходилъ такъ: предварительно дѣлали болвана или куклу и украшали его голову вѣнкомъ и съ такимъ чучелой въ рукахъ, перепрыгивалъ каждый чрезъ огонь или траву, припѣвая:

Купала на Ивана,
Та купався Иванъ,
Та въ воду упавъ;
Купала на Ивана и прочее.

Пассекъ говоритъ такъ, въ своемъ описаніи о праздникѣ въ Малороссіи, слѣдующее:

Дѣвушки, за недѣлю до Иванова дня, начинаютъ запѣвать пѣсни, относящіяся до праздника Купалы; а наканунѣ Иванова дня, предъ закатомъ солнца дѣвки и молодки, въ праздничномъ платѣ, съ вѣнками на головѣ изъ травы и цвѣтовъ, (сѣкира) перевитыхъ кануферомъ (калуферомъ) и другими ду-

шистыми травами, собираются вокруг срубленного дерева, преимущественно черноклена и, схватясь за руки, поют:

Ой Маланичка, Петривачка:
Не выпалась наша дивочка!
Не выпалась, не наигралась
И съ казаченькомъ не настоялась.
Къ череди ¹⁾ шла, задремала,
На пеньки ноги посбивала,
На шпичьки очи повыймала!
А вже корови у диброви ²⁾,
А вже телята пасуть хлопьята ³⁾,
А вже вивци ⁴⁾ на крутіи горцы ⁵⁾.

Послѣ того ставятъ подъ деревомъ куклу, сдѣланную изъ соломы, довольно большой величины, причемъ она должна быть непременно одѣта въ женскую рубашку; голову этой куклы убираютъ лентами, шею—монистами (ожерельемъ) и кукла эта называется „*Купала*“ а дерево, подъ которымъ ее помѣщаютъ *Марена*.

Въ другихъ мѣстностяхъ обычай дѣлать куклы, какъ языческое преданіе, уничтоженъ временемъ или вліяніемъ духовенства, то тамъ куклу замѣняетъ дерево, на которое вѣшаютъ вѣнки и намисты. Устроивъ, такимъ образомъ своего *Купалу*, зажигаютъ близъ его солому и начинаютъ пѣть нѣжно и протяжно:

Ходыли дивочки коло маренѣчки
Коло мою Вудыло ⁶⁾ Купала;
Гратыми ⁷⁾ сонечко на Йвана
Накупався Йванъ, та въ воду впавъ.
Купала подъ Йвана.

При пѣніи этой пѣсни всѣ участвовавшіе въ торжествѣ, увѣнчаны вѣнками; послѣ того прыгаютъ чрезъ огонь разложенный на возвышеніи.

¹⁾ череда—стадо. ²⁾ диброва—дубрава. ³⁾ хлопьята—ребята. ⁴⁾ вивцы, вивца—овцы, овца. ⁵⁾ горцы—горки.

⁶⁾ Вудыло—водный, мокрый, влажный. ⁷⁾ Гратыми—играть.

Нужнымъ находимъ замѣтить, что обычай дѣлать куклу изъ соломы принадлежитъ понятно къ обычаю древнему и языческому; но есть преданіе, что будто бы обычай съ куклой возникъ отъ событія съ дочерью одного пана, Анной, которая будто бы утонула въ Дунаѣ *). Когда вечеромъ подъ Ивановъ день, украинцы приносили дерево и куклу къ водѣ и пропоютъ пѣсню, тогда начинаютъ бросать съ себя вѣнки въ воду или закидывать ихъ въ воду или на дерево; вслѣдъ затѣмъ кидаютъ и дерево и куклу, а сами начинаютъ прыгать черезъ огонь; только не многіе уносятъ съ собою вѣнки домой, чтобы повѣсить ихъ въ сѣняхъ, для сохраненія себя отъ непредвидѣнной напасти **).

Лысая гора. Беспѣдка Петра Великаго. Бѣлый пѣтухъ. Въ Малороссіи и до нынѣ кладутъ на окнахъ, хоть и даже на порогахъ дверей жгучую крапиву съ цѣлю защитить себя отъ нападенія вѣдьмъ, которыя дѣлаются болѣе опасными, въ эту ночь. Повѣрье говоритъ, что въ эту ночь Бабы-яги, вѣдьмы и колдуньи собираются на Лысую Гору, или *чертово беремище* подъ Кіевомъ, гдѣ у нихъ бываетъ совѣщаніе ежегодно, также таинственные обряды и превращенія, какъ въ Польшѣ подъ Сендомиромъ на *Lusa Góra*; а въ Сѣверной Германіи на Брокенѣ въ Валпургіеву ночь. Въ старой Ладогѣ, при рѣкѣ, впадающей въ Волховъ, Купальское ликованіе ежегодно совершается при огнѣ на горѣ Городищѣ. Огонь этотъ въ Новгородской окрестности былъ въ старину извѣстенъ подъ именемъ *живаго огня, льснаго* или *царя огня*, наконецъ *лъкарственнаго*.

Издатель *Абевени*, упоминаетъ, что въ 12 верстахъ отъ С.-Петербурга, по Рижской дорогѣ, существовала до 40 года (можетъ быть и по сейчасъ) старая липа, которой вѣтки переплетясь съ вѣтвями другихъ деревъ, составили природную бесѣдку, въ которой останавливался отдыхать Петръ I. На этомъ мѣстѣ, наканунѣ Иванова дня собирались ижорки и проводили здѣсь всю ночь съ воплями и пѣніемъ при раскладенномъ огнѣ, а на послѣдокъ сжигали бѣлаго пѣтуха, который какъ извѣстно, у древнихъ скандинавовъ—считался пламенемъ по его

*) Эта Анна, созвучна съ Римской Церерой (*Anna perenna*).

***) Московскій Наблюдатель. 1838 г. № 3.

красному гребню. Люнебургскіе Венды совершали подобный же обрядъ.

Ивановъ цвѣтъ. Въ Малороссіи, какъ и повсюду, существуетъ повѣрье, мало по малу переходящее въ сказку, что будто бы наканунѣ Иванова дня, въ ночь цвѣтеть папортникъ или папарышь (иначе качедыжникъ). Что онъ въ эту ночь сіяетъ огненнымъ пламенемъ и освѣщаетъ мѣстность; что если только его сорвать и бѣжать домой, не оглядываясь, чтобы ни кричала сзади адская сволочь (бѣсы), то этотъ цвѣтъ дастъ возможность его обладателю открывать клады и получить богатство.

Откуда возникло это сказаніе, трудно вообразить; по всему можно думать, что невозможность цвѣсти папортнику въ явь, какъ растенію тайнобрачному (возьмемъ хоть грибы, которые тоже не цвѣтутъ видимо) не есть ли насмѣшка, ради того, что никому молъ не нужно рассчитывать на слѣпое счастье, а пользоваться только трудомъ и отъ него получать средства къ жизни.

Впрочемъ, есть предположеніе, что на папортникъ садится самецъ свѣтлагося червячка, или свѣтляка, который ночью, какъ извѣстно, даетъ отъ себя фосфорическій свѣтъ; не это ли и породило басню? Червячекъ этотъ тоже носить названіе „Иванова“.

Цълебныя травы. На Ивановъ день знахари отыскиваютъ „Разрывъ Траву“, которая извѣстна и нѣмцамъ подъ именемъ *Spring — wurzel*, противъ которой, говорятъ, будто бы не устоитъ ни одинъ замокъ. Въ эту же ночь собираютъ на муравьиныхъ кучахъ масло въ сосудъ, которое признается цѣлительнымъ средствомъ противъ разныхъ недуговъ. Изъ цвѣтовъ въ это время собираютъ „*Купаленку*“ (*Trollium europaeus*) *Медвѣжье ушко* (*Verbascum*), Богатенку (*Erigeron asce*), которую, въ Новгородской губерніи, поселяне собираютъ въ стѣну на имя каждаго изъ сцмы, замѣчая, что если чей цвѣтокъ скорѣе завянетъ, тому, или умереть въ этотъ годъ, или захворать. Тогда же подъ корнемъ Чернобыльника открываютъ земляной уголь, который употребляютъ между простолюдинами, какъ врачество отъ падучей болѣзни и черной немочи, исцѣляемой и корнемъ сего растенія. Въ рукописномъ травникѣ въ началѣ XVIII вѣка упоминается о какой-то травѣ Архилинѣ, про которую сказано, что кто ее рветъ на Рождество св. Іоанна

Предтечи сквозь золотую, или серебряную монету (гривну) и кто ее носить на себѣ, тотъ не боится ни діавола, ни еретика, ни злаго челоуѣка, „а растеть она при большой рѣкѣ“.

Купанье на Ивана Купалу. Вообще на Купалу собираются и всѣ лекарственныя травы и коренья, приходящія въ зрѣлость къ этому времени. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской губерніи, около старой и новой Ладоги и Тихвина, на Ивановъ день топятъ бани и, воткнувъ въ вѣники собранную ими траву Иванъ да Марья, парятся на этотъ праздникъ съ цѣлю получить здоровье. Въ Антоніево-Дымскомъ монастырѣ изстари, и по нынѣ простой народъ собирается купаться въ тамошнемъ озерѣ и съ тою же цѣлю купаетъ больныхъ лошадей.

Въ Переяславль-Залѣскомъ, по народному преданью, тамъ, гдѣ нынѣ храмъ Пресвятыя Богородицы Владимірской, простолюдинами называемой Купальницей, будто бы прежде стоялъ истуканъ Купало, почему даже самая ярмарка называется *Купальницей*. Въ это время купаются на озерѣ Клещинѣ и водятъ по берегамъ круги съ пѣснями, которыя сочинены исключительно только на это время.

Толокчи въ ступѣ. Въ Нерехтѣ и въ окружности былъ такой обычай: Наканунѣ Купала, вечеромъ, дѣвушки, собравшись къ одной изъ своихъ подругъ, толкли въ ступкѣ ячень, разумѣется сообща, причемъ пѣли пѣсни; а на другой день по утру изъ этого ячменя варили кашу, называемую *кутьюю*, которую вечеромъ того дня, заправивши масломъ, съѣдали. Послѣ того, взявъ отъ телѣги переднія колеса, возили на оси нѣкоторыхъ изъ подругъ по селенію и по полямъ съ пѣснями, схватясь руками за оглобли. Такія поѣздки совершались до утренней росы. Причѣмъ дѣвушки умывались этою росой, чтобы быть красивѣе и здоровѣе.

Въ Москвѣ также существовалъ обычай париться вѣниками съ цвѣткомъ Иванъ да Марьей и ѣсть кутью, что свидѣтельствуеъ проф. Снегиревъ.

Москва и Кокуева слобода. Въ Москвѣ изстари славится вода на трехъ горахъ, и эта мѣстность была не менѣе славна своимъ гуляньемъ въ Ивановъ день. Лѣтъ 100 тому назадъ, съѣзжались многія татарскія семейства и, расположившись по берегамъ гагаринскихъ прудовъ, разводили огни и пировали.

Кокуева слобода, нынѣ Нѣмецкая, и ручей *Кокуя*, текущій изъ Краснаго пруда чрезъ Нѣмецкую слободу въ Язу, напоминаетъ Финскій Кокуй.

Крапивный кустъ. Въ Харьковской губерніи вечеромъ, подъ день Ивана Купала, собираются и ставятъ въ какомъ нибудь мѣстѣ крапивный кустъ (прежде зажигали соломѣ) и перескакиваютъ чрезъ него туда и сюда; во время этихъ скачковъ, поютъ:

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чимъ минни, моя мати, торговати?
Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чимъ минни, моя мати, торговати?—
Позыву я свекорка продавати—
Роднова батника куповати.
Здишевила свекорка, здишевила—
Роднова батинку не купила.
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чимъ минни, мати, торговати?
Повизу я свекруху продавати,
Родную мати куповати.
Здишевила свекруха здишевила,
Родной матинки не купила.
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чимъ минни, моя мати, торговати?
Повизу я диверька продавати,
Риднова братика куповати;
Здишевила диверька, здишевила,
Риднова братика не купила.—
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чимъ минни, моя мати, торговати?
Повизу я зовыцу (золовку) продавати—
Ридную систрицу куповати.
Здишевила зовыця, здишевила,
Ридной сестрицы не купила!

Я Р И Л О.

Слово это понятно въ сейчасъ существующемъ: *яръсть*, *яръстный*, а также *ѣра*, *ерникъ*. *Ярило*, или *Ерило* созвученъ

съ греческимъ *Аресъ*, съ санскритскимъ *ари*, — враждебный, вражескій, врагъ, съ латинскимъ *ира* (*ira*) гнѣвъ, съ греческимъ *Еросъ* — любовь и вождельніе и сходенъ съ обоими по своимъ свойствамъ: мужества, или буйства и сладострастія. *Ярило*, по мнѣнію проф. Снегирева, однозначителенъ съ Туромъ и Тельцомъ, вошедшимъ въ весеннее созвѣздіе. Какъ звѣрь, Туръ (буйволъ) былъ всегда представителемъ ярости, силы и мужества. Пѣвецъ Игоревъ (см. Слово о Полку Игоревѣ), какъ выше замѣчено, совокупляетъ, оба эти понятія, съ намѣреніемъ усилить одно другимъ: *Яръ—Туръ*, *Буй—Туръ*, и Гомеръ Аресу также придаетъ эпитетъ *ἄοῦρος*—ярый, буйный. Рѣка Днѣстръ у Турокъ и Молдаванъ до сихъ поръ называется *Туръ*. У древнихъ грековъ и Римлянъ иногда рѣки сравнивались съ Туромъ по ярости волнъ и реву, который онъ производятъ подобно мычанью.

Между Вицдійскими и Иларійскими божествами встрѣчается *Яръ* и *Яровидъ*, сравниваемый съ *Аресомъ*. У Далматовъ и до сихъ поръ воспѣваютъ *Яра*; можно думать, что *Эротъ* близокъ къ *Ярилу* по созвучію. Мало того: Яръ вошелъ въ собственныя имена, что замѣчаемъ въ именахъ славяно-Руссовъ, напримѣръ: Ярославовъ, Яромировъ, Ярополковъ и пр. Кроме того во многихъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи встрѣчается празднованіе Ярилъ, которое встрѣчается также и въ названіи нѣкоторыхъ урочищъ; таковыя встрѣчаемъ въ Тихвинскомъ и въ Валдайскомъ уѣздахъ подъ названіемъ *Яриловичи*. Въ Черниговской и Костромской губерніяхъ, въ послѣдней близъ Чухломы есть Ярилово поле, подъ Кинешмою—Ярилова роща, гдѣ даже бываетъ гульбище подъ Ярилову (должно быть недѣлю). Въ Оренбургской губерніи, въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, есть *Ярилово*. Наконецъ нашъ *яровой* посѣвъ, *яровое* не подлечитъ ли общему значенію въ смыслѣ названія?

Ярый, Яровитый, Яркій на русскомъ нарѣчій вообще выражаетъ характеръ съ требованіями, незнающими препятствій, стремленія, не знающія предѣловъ. Во всякомъ случаѣ въ физическомъ мнѣ—*Ярило*, мы можемъ соединить то, что принадлежитъ веснѣ и ея благотворному вліянію на природу—мужество силу и вождельніе. Весною все это оказывается и всего лучше. Не мудрено, что начало года въ древности

начиналось съ весны, потому можетъ быть, что съ весны оживляется природа, и какъ бы оживаетъ. Не потому ли у насъ нѣсколько раскаленныхъ углей въ печи, называются жаромъ, (*Словакс. и Чешс. Gar.*) иногда говорятъ „яркій огонь“. Этими словомъ выражаютъ высшую степень свѣта, его силу и прочее.

Костромское Ярило. Въ Костромѣ, долгое время существовало обыкновеніе, во всевятское заговѣніе хоронить Ярилу. Похороны эти были до глупости безобразны, такъ напримеръ, какой нибудь бѣднякъ, нищій бралъ на себя порученіе хоронить куклу мужчины, съ чрезвычайно развитыми принадлежностями производительности, положенную въ гробикъ, а пьяная, а подчасъ можетъ быть и трезвая, но суевѣрная женщины провожали этотъ гробикъ и нелицемѣрно плакали.

Ярилинъ праздникъ. Близъ Галича есть поклонная гора; она находится близъ села Туровскаго; тамъ, какъ говорятъ, поклонялись Мерянскому идолу Ярилъ, да и до нынѣ, въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, Галичане собираются праздновать и гулять.

Въ началъ нынѣшняго столѣтія, тамъ поступали такъ: подпавали мужичка и шутили съ нимъ какъ хотѣли, требуя отъ него изображать собою Ярила.

Нужно однакожъ замѣтить, что не вездѣ Ярилинъ праздникъ обозначенъ однимъ числомъ, или однимъ временемъ. Въ селеніяхъ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ, бываетъ этотъ праздникъ, то въ день всѣхъ Святыхъ, то на другой день Петрова дни. Во Владимірѣ на Клязьмѣ—въ Троицынъ день за Лыбедью, у Паталина моста. Въ Нижегородской губерніи, празднованіе Ярилы 4 іюня, соединяется съ ярмаркою, и къ этому дню, поселанки вырабатываютъ деньги пряжею на лакомства и наряды. Въ Твери, празднество Ярилъ или Ярулъ, уничтоженное ревностью Архипастырей: Меѳодія и Амвросія въ XIX вѣкѣ, начиналось съ перваго воскресенія, послѣ Петрова дня, въ Трехсвятскомъ саду, на рѣчкѣ Лазурь, куда вечеромъ, собиралась молодежь, изъ горожанъ и другихъ жителей, слободъ и посада, и плясали *бланжу*, (танецъ изъ 8 паръ), подъ балабайку или другой инструментъ. Пользуясь этой возможностью туда отпускали, по нынѣшнему мѣщанки, а по

прежнему рѣпужницы, (вѣроятно отъ словъ рѣпу жрутъ, или отъ рѣпы живутъ) своихъ дочерей понеувѣститъся.

Погребеніе Ярилы. Такое смѣшное въ наше время событіе, торжествовалось лѣтъ за 100 въ Калязинскомъ уездѣ, по дорогѣ къ Троицѣ, въ мѣстности Мерли или Нерли, подъ старою сосною.

Въ Чистопольскомъ уездѣ, въ г. Савинѣ, цѣлую ночь пѣли и плясали въ честь Ярилы. Въ Воронежѣ до 1763 года, ежегодно отправлялся предъ заговѣньемъ Петрова поста, до вторника втораго поста, народный праздникъ или игрище *Ярило* — остатокъ какого нибудь древняго языческаго торжества. Въ эти дни, на бывшую площадь въ городѣ, за старыми Московскими воротами, стекались горожане и мѣстные жители и составляли родъ ярмарки: къ этимъ днямъ, въ домахъ, по городу дѣлались приготовленія, какъ бы къ великому празднеству; на мѣстѣ избранномъ для удовольствія появлялся человекъ избранный обществомъ; его украшали цвѣтами, лентами, обвѣшивали колокольчиками, на голову ему надѣвали колпакъ, тоже раскрашенный и украшенный лентами. При этомъ такого человека румянили, бѣлили, а въ руки давали позвонки (погремушки). На голову надѣвали высокій колпакъ, иногда изъ бумаги, украшали его лентами. Въ этомъ нарядѣ, подъ именемъ Ярилы, ходилъ онъ по городу, сопровождаемый молодежью обоого пола.

Это празднество сопровождалось играми и плясками, лакомствомъ и пьянствомъ, особенно кулачнымъ боемъ; Препод. Тихонъ уничтожилъ этотъ праздникъ.

П Е Т Р О В К И.

Петровки, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называются *Петровки*, на старинномъ языкѣ: *Петрово говейно*. Вообще Петровъ постъ издревле имѣлъ большое значеніе, какъ въ отношеніи хозяйственномъ, такъ и въ другихъ случаяхъ.

Въ Петровки, въ деревняхъ начинается кипучая дѣятельность; она состоитъ въ *помочахъ*, *толокахъ*, то есть унавоживаніи полей и сѣнокошеніи.

Въ народной пословицѣ о времени Петрова поста, говорится: „*съ Петрова дни—красное льто, зеленъ покосъ, зарниша хлѣбъ заритъ*“. Съ Петрова дня наступаютъ „*Петровскія жары*“. Съ этой поры начинаютъ колоть барановъ, или какъ говорятъ крестьяне: „*съ Петрова дня барашкамъ лобъ*“. Сознывая значеніе этого времени, въ народѣ говорятъ: „*до Петрова дни—женское льто*“, съ котораго дѣятельность женщины требуетъ и поле и изба.

Въ коммерческомъ смыслѣ, Петровъ день тоже имѣетъ большое значеніе, такъ какъ въ этотъ день, или около этого времени, бывали всегда *Петровскіе торги*, то есть ярмарки, которыя существуютъ и понынѣ во многихъ мѣстахъ Россіи.

Въ юридическомъ отношеніи Петровъ день бывалъ срокомъ суда, днемъ взиманія пошлинъ, а также срокомъ платежа оброковъ и податей. Говоря о платежѣ податей, нельзя не сказать, что есть и по сейчасъ, Петровъ день служитъ днемъ уплаты у крестьянъ.

Гулянье на Наливкахъ. Въ Стоглавѣ упоминается, что въ Москвѣ, въ понедѣльникъ *Петрова поста*, въ Москвѣ ходили на Наливки, на бѣсовскія потѣхи. Въ одной лѣтописи *) сказано, что „о праздницѣ Св. Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла своею сѣтію діаволъ запинаетъ чрезъ колыски и качели; на нихъ же бо колыщущесея и приключается вѣзпапу упустити на землю, убиватися и злѣ безъ покаянія душу свою испущати“.

Иностранцы, какъ напримѣръ: Олеарій, Христофоръ Ангело, Нейгебауеръ, удивляются, что русскіе, въ теченіи года, держатъ женъ и дочерей въ заперти, рѣдко отпуская даже къ роднымъ въ гости, или въ церковь, въ Петровъ день позволяють имъ гулять, качаться на качеляхъ, водить хороводы и пользоваться другими забавами.

Народная жертва. На границѣ Вельскаго и Тотемскаго округовъ, близъ верховья рѣки Ваги, въ приходѣ Кочеварской волости существуетъ преданье, что будто въ этотъ праздникъ каждый годъ выбѣгалъ олень изъ лѣсу; народъ, принимая оленя за даръ Божій, закалывалъ его и, разнявъ на части, приготавливалъ себѣ обѣдъ.

*) Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи. Ч. I. Спб. 1798 г.

Это продолжалось, какъ говорить преданіе, нѣсколько лѣтъ, но когда появленіе оленя прекратилось, то поселяне стали вмѣсто оленя готовить себѣ обѣдъ, убивая для этой цѣли быка.

Это обыкновеніе бываетъ, въ первое воскресенье послѣ Петрова дня. Предъ обѣдней, убивъ быка, купленнаго на счетъ всей волости, разнимаютъ его на части и варятъ въ большихъ котлахъ; послѣ обѣдни и молебна, священникъ со всѣми богомольцами вкушаетъ этихъ яствъ.

Проводы весны. Въ Саратовской губерніи, наканунѣ Петрова дня *проводяютъ весну*. Мужчины и женщины рядятся разнаго рода шутами и привязываютъ нѣсколько телѣгъ одну къ другой гусемъ, катаются на нихъ, изъ конца въ конецъ селенія и заключаютъ праздникъ хороводами. Въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ, это бываетъ въ заговѣніе Петровскаго поста.

Кромѣ того носятъ по селенію весну, т. е. наряженную куклу изъ соломы, при чемъ поютъ пѣсни и, затѣмъ бросаютъ ее въ рѣку.

Ночныя гулянки. Въ Тверской губерніи, съ перваго воскресенья послѣ дня, Св. Петра и Павла, начинаются ночныя гульбища, называемыя *Петровками*, которыя продолжаются до Перваго Спаса. Въ Кашинѣ, въ Петровъ день, бываетъ гуляніе у Клобукова монастыря, близъ Петропавловской церкви, при родникѣ, изъ котораго умываются для здоровья. Про этотъ родникъ есть преданіе, что будто бы въ глубокую старину тутъ стоялъ истуканъ Купала. Тамъ же бываетъ въ Петровке родъ ночнаго маскарада, во время котораго молодые пары завязываютъ свои лица платками, чтобы ихъ не узнали дѣвушки, которыя тоже гуляютъ съ полуоткрытымъ лицомъ. Нерѣдко во время этихъ маскарадовъ происходятъ рукопашные бои и драки, вслѣдствіе разныхъ интимныхъ исторій, оскорбленій и проч.

Караваніе солнца. *Облуна.* Въ Тулѣ, въ Петровъ день, гуляніе называется *Облуною* *). Тульскіе поселяне еще съ вечера отправляются въ поле *караванить солнце*, убѣжденные тѣмъ, что солнце въ это время играетъ, также, какъ и въ

*) См. Пѣсни русскаго народа. Ч. 2. 1838 г.

Свѣтлое Воскресеніе. Это убѣжденіе раздѣляютъ и въ Ярославской губерніи.

До восхода солнца, поселянки собираются на возвышенное мѣсто и проводятъ всю ночь, въ пѣсняхъ и играхъ. Съ первымъ появленіемъ солнца приступаютъ къ наблюденію. Когда почудится, что солнце играетъ, поселянки выражаютъ радость громкимъ крикомъ, и потомъ возвращаются домой, съ полною увѣренностію, что видѣли играющее солнышко. Если покажутся первые лучи небеснаго свѣта, запѣвало начинается, а прочіе подхватываютъ слѣдующую пѣсню:

Ой Ладѡ! ой Ладѡ! на курганѣ
Соловей гнѣздо завиваетъ,
А иволга развиваетъ.
Хоть ты вей, не вей соловей!
Не быть твоему гнѣзду совитому,
Не быть твоимъ дѣтямъ вывожатымъ,
Не летать имъ по дубравѣ,
Не клевать имъ яровой пшеницы!
Ой Ладѡ! ой Ладѡ!

Камнепочтеніе. Въ Одоевскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи находятся два камня *Башѣ* и *Башиха* или *Баши*, которыхъ чествуютъ жители около Петрова дни. Башѣ и Башиха находятся въ селѣ Башевѣ и верстахъ въ 25 отъ Одоева, а саженьяхъ въ 50 отъ церкви, близъ дороги на пахотномъ полѣ. Мѣсто, гдѣ находятся эти камни, имѣетъ довольно значительную возвышенность. Фигура этихъ камней обыкновенная, неправильно квадратная и небольшихъ размѣровъ. Между собою они лежатъ параллельно, на разстояніи одинъ отъ другаго не болѣе 1½ аршинъ. Тамошніе жители утверждаютъ, что Башѣ и Башиха были люди, мужчина и женщина; по мнѣнію однихъ—мужъ и жена, а по другимъ кумъ и кума, или *Бошѣ* и *Бошиха*. Также почитаютъ Баша, за татарскаго сановника, который съ женою крестился, благочестиво умеръ и погребенъ на этомъ мѣстѣ. Два камня съ востока приплыли Окою и Упою, и сами пришли лечь на могилѣ Башей *).

*) Башѣ и Башиха слово Монгольское, означаетъ голову, начало. Это титулъ начальника.

О началѣ превращенія ихъ извѣстно только то, что они, какъ герои своего вѣка, во время войны повздорили между собою и Башиха за непокорность своему Башѣ, получила ударъ сапогомъ. Отъ этого удара, говорятъ, видна была долгое время ступня, а прежде, и гвозди каблука.

Есть также на Башихѣ рубцы, о происхожденіи которыхъ, думаютъ различно. То говорятъ, что Башѣ рубилъ Башиху шашкою, а по другимъ сказаніямъ, что будто бы какой то помѣщикъ изъ любопытства узнать породу камней, рубилъ ихъ топоромъ. Слѣдствіемъ такой попытки было, сказываютъ, бесплодіе того поля, на которомъ стоятъ эти памятники, ослѣпленіе помѣщика и смерть его послѣ продолжительной болѣзни. Рассказываютъ, что отъ ударовъ этого помѣщика на камнѣ появились красныя пятна.

Народъ убѣжденъ, что въ Башахъ кромѣ мстительности за обиду, замѣчаютъ и чудодѣйственную и благодѣтельную силу на тѣхъ, которые къ нимъ прибѣгаютъ за помощію и потому въ лѣтнее время, около Петрова дня, народъ стекается въ село толпами, сперва служатъ молебень Божіей Матери—Умиленію, а потомъ ходятъ кланяться камнямъ, какъ бы на могилы усопшихъ родственниковъ.

Послѣ сего обряда у камней Башей оставляютъ вещи, деньги, волну (шерсть), холстъ и прочее, что потомъ собираетъ ктиторъ (церковный староста) и это жертвованіе поступаетъ въ церковь.

Нѣкто изъ жителей Одоева пожелалъ на этомъ мѣстѣ построить церковь, и камни эти положить въ основаніе храма. Но таковыя покушенія строителя сопровождалось, будто бы, чудомъ, т. е., когда эти камни подвезены были на мѣсто храма, по мнѣнію другихъ, когда хотѣли опредѣлить величину ихъ и открыть сторону, находящуюся въ землѣ, то они по мѣрѣ усилія подрыть ихъ, осаживались внизъ и старались остаться сокрытыми. Впрочемъ сихъ чудесныхъ рассказовъ никто утверждать не беретъ. Всякій, напротивъ, рассказывая что нибудь, извѣстное ему, готовъ повѣрить всему, что говорятъ другіе объ нихъ, лишь бы было въ рассказѣ что нибудь новое, дивное.

Рассказывали, что будто бы Баши многимъ въ сновидѣніяхъ открываютъ повелѣніе искать ихъ помощи. Такъ напр., когда

въ одномъ домѣ вымерли всѣ овцы, то хозяйкѣ дома было открыто повелѣніе поклониться означеннымъ камнямъ, взять изъ подъ нихъ земли; то овцы перестанутъ умирать, что по исполненіи предписаннаго, оправдалось на дѣлѣ.

Гдѣ берутъ землю, тамъ образовалась большая яма. Земля эта еще полезна для размноженія скота и отъ порчи, по народному убѣжденію. Осколки отъ Башей почитаются врачевствомъ отъ зубной боли.

Разсказываютъ про одного крестьянина, который будучи пьянымъ, надругался надъ Башами, за что былъ наказанъ отнятіемъ рукъ и ногъ и не прежде получилъ исцѣленіе, какъ раскланявшись съ Башами.

Всего вѣрнѣе предположить, что камни эти остатки Татарскаго времени, и скорѣе всего напоминаютъ памятники, смыслъ которыхъ утраченъ.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЕ ПРАЗДНИКИ И ПРОСТЫЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ДНИ.

Земледѣльческіе праздники составляютъ отрадную пору отдыха послѣ обременительнаго труда. Всѣ эти праздники вообще были общи у всѣхъ народовъ и основаны на ихъ вѣрованіяхъ и нравахъ. У евреевъ эти праздники считались священными, какъ напримѣръ праздникъ *житъ первородныхъ и седмицъ*. Въ этотъ день приносились въ числѣ жертвъ два хлѣбца изъ новыхъ житъ и снопъ соломы, какъ знакъ начала жатвы. У египтянъ, грековъ и римлянъ съ земледѣльческими работами соединены были нѣкоторые священные обряды и пирушки, такъ какъ эти народы искусство земледѣлія считали дѣломъ божественнымъ, высокимъ по его благому значенію для жизни человѣческой. И по сейчасъ, китайскій богдыханъ поощряетъ земледѣліе личнымъ трудомъ, давая тѣмъ знать своимъ подданнымъ, трудъ земледѣльческій заслуживаетъ вниманіе великихъ и сильныхъ міра по его великимъ благотворнымъ дѣламъ.

У Римскаго народа было до 12 земледѣльческихъ боговъ. Между славянскими племенами въ древности еще появилось искусство земледѣлія и у Балтійскихъ славянъ главнымъ праздникомъ былъ *Святovidовъ*, который совершался у нихъ послѣ

жатвы. Этому божеству приносился въ жертву *праникъ*. и по количеству меда въ рогѣ у кумира. заключали о сборѣ жатвы, урожаѣ или о неурожаѣ.

Подобно римской Церерѣ, греческой Димитирѣ, такъ у Славяно-русовъ представительницей земледѣлія была *мать-земля* и снедаже принадлежитъ *даждь-богъ*, милостивецъ, который мы находимъ въ числѣ боговъ князя Владимира, а также *Волоса*, которому и до сихъ поръ, въ Южной Россіи, старухи завиваютъ *бородку*; затѣмъ погода и т. п.

Но съ того времени, какъ христіанство водворилось въ русской землѣ, покровителями земледѣльческихъ занятій очутились уже не народныя божества язычества, но Святые Православныя церкви.

Вотъ перечень замѣчательныхъ дней: *Аксинья* (Ксенія) — полудимница 24 января, день, съ котораго считаютъ начало второй половины зимы. *Василій* — капельникъ 28 февраля, начало первыхъ оттепелей. *Авдотья* (Евдокія) плющиха — 1 марта потому такъ названа, что съ этого времени плющится или осѣдаетъ снѣгъ. *Дарья* (Дарія) — г... прорубница, или з... проруби, 19 марта. На рѣкахъ, прудахъ, около прорубей вытанвааетъ въ это время скопившійся въ продолженіи цѣлой зимы пометъ животныхъ. *Иродіонъ* — ледоломъ — 8 апрѣля. На значительныхъ рѣкахъ трескается и начинаетъ проходить ледъ. *Егоръ* (Георгій) — скотопасъ, водопасъ. Егорій съ гвоздемъ — 23 апрѣля, тогда выгоняютъ скотъ на паству, бываетъ вскрытіе и полноводіе рѣкъ. *Степанъ* (Стефанъ) — ранопашецъ, 26 апрѣля — начало самой ранней вспашки полей подъ посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ. *Еремій* (Иеремія) — запрягальникъ 1 мая, день, съ котораго чаще всего начинается вспашка и засѣвъ полей яровымъ хлѣбомъ. *Орина* (Ирина) — разсадинца, 5 мая, время посѣва капусты въ разсадинки: хозяйки начинаютъ поливать рассаду. *Никола* (Николай) травной, вешной, весенній, 9 мая. Около этого времени чаще всего появляется первая зелень на лугахъ, и посѣвъ яровыхъ, весной въ полномъ разгарѣ. *Дукерья* (Гликерія) — комарница 13 мая, обозначаетъ время появленія комаровъ. *Сидоръ* (Исидоръ) сивирякъ, сѣверный, 14 мая. Около половины мая начинаютъ дуть холодныя сѣверныя вѣтры, продолжающіеся недѣли двѣ. *Олена* (Елена) леносѣвка,

ленница 21 мая, начинают сѣять ленъ. *Θеодосія* (Θеодосія) колосеница 29 мая. Около этого дня начинается идти въ колосъ озимый хлѣбъ. *Еремій* (Ермій)—распругальникъ 31 мая—конецъ посѣва яровыхъ хлѣбовъ. Выпряжка воловъ и лошадей изъ рабочихъ хомутовъ и ярма. Если нѣкоторые и продолжаютъ у безпечныхъ хозяевъ, то у самыхъ нерадивыхъ. *Акулина* (Акилина)—задери хвосты, сдери хвостка, 13 іюня. Около этого дня появляется много мошекъ, комаровъ, оводовъ, пауковъ, и другихъ насѣкомыхъ, беспокоящихъ лошадей и скотъ, отъ чего онъ бѣгаетъ по пастбищу и часто даже прибѣгаютъ домой, отхлестываясь хвостомъ. *Аграфена* (Агрипина)—купальница, 23 іюня. Начало купанья въ рѣкахъ, такъ, какъ вода въ это время начинаетъ нагрѣваться въ рѣкахъ и озерахъ. *Афимья* (Евфимія) — стожарница, 11 іюля. Въ эту пору на покосахъ во множествѣ появляются стоги или зароды сѣна. Собственно же сѣнокосъ начинается ранѣе, съ первыхъ чиселъ іюля и преимущественно съ Прокофьева дня (8 іюля). *Иудъ* и *Трифонъ* — безсонники, 23 іюля; къ этому времени созрѣваютъ ранніе посѣвы озимаго и даже яроваго хлѣба, и наступаетъ жатва хлѣбовъ; между тѣмъ сѣнокосная страда еще продолжается, надобно поспѣвать во всѣхъ работахъ и потому много спать не приходится. *Авдотья* (Евдокія) — малпнуха—4 августа, начало сбора малины. *Никита*—рѣпорѣзъ, 15 сентября, начало сбора рѣпы. *Спиридонъ*—солнцеворотъ, поворотъ 12 декабря. Такъ какъ считается съ 10 декабря солнечное солнцестояніе, когда солнце вступаетъ въ знакъ Козерога. Съ этого времени говорятъ, начинаютъ прибывать дни; съ этого времени солнце на лѣто, зима на морозы.

Какъ въ первые вѣка міра пастухи и земледѣльцы оканчивали свои работы, смотря по распусканію деревъ, или по паденію листьевъ, такъ и у нашихъ простолюдиновъ есть въ природѣ свой календарь, по которому они пріурочиваютъ свои труды, игры и шествія, иногда приходящіеся и въ дни праздниковъ церковныхъ.

У всѣхъ народовъ августъ, славянскій серпѣнь, или заревъ, былъ посвященъ богинѣ жатвы. Еще и понынѣ въ Сициліи, въ праздникъ этого мѣсяца увѣнчиваютъ колосьями образъ Богоматери. Въ Англіи первый день августа (первый Спасъ) назы-

вается словом *latnas*—составленный из двух древне-саксонских словъ, значущимъ *жатва пироговъ*, такъ какъ было въ обычаѣ въ этотъ день приносить въ храмъ пироги изъ новаго хлѣба.

Въ южной Исландіи и Норвегіи, 24 августа, по окончаніи сѣнокосовъ, поселяне, заколовъ теленка или барашка даютъ работникамъ пирушку, которая продолжается всю ночь, сопровождаемая пѣснями и плясками.

Въ Германіи, Испаніи и Франціи конецъ жатвы также сопровождается пиршествомъ, играми и другими потѣхами.

Подобное же обыкновеніе существуетъ и у насъ въ Россіи, гдѣ въ августѣ празднуютъ *Госпожинки* *). *Оспожинки* или *Спозжинки* (отъ слова спожать, спожинать). Въ Торжкѣ этотъ день называется Спозжиница, въ лѣтописяхъ *Госпожинъ день*.

По свидѣтельству Валсамона, писателя XII столѣтія въ Греціи, приносили къ Патріарху на благословеніе плоды 6 августа, а въ странахъ болѣе сѣверныхъ 15 августа **).

Въ Бѣлоруссіи, въ праздникъ Успенія Божіей Матери, извѣстный подъ названіемъ „*Большая Прецистая*“ и во многихъ Великороссійскихъ губерніяхъ приносятъ, какъ говоритъ проф. Снегиревъ, хлѣбъ изъ новаго жита или колосья, а гдѣ и соты, а въ Малороссіи и мясо. Нынѣ же повсюду медовое разговѣніе считается 1-го числа августа, плодовое 6 августа.

Въ Костромской губерніи въ Нерехотскомъ уѣздѣ при посѣвѣ и началѣ жатвы, крестьяне, входя на полосу, молятся на три стороны, исключая сѣверной, откуда нѣтъ солнца, а только дуютъ холодные вѣтры.

Когда же будутъ сжаты яровой хлѣбъ и рожь, то оставляютъ небольшой клочъ не сжатаго хлѣба, по ихъ словамъ: „*волотка на бородку*“. Тутъ можетъ быть имѣется въ виду волотка, волоть волокино, но кому на бородку—другой вопросъ... Можетъ поговорка эта происходить со временъ незапамятныхъ и принадлежить язычеству, когда почитали Волоса и поклонялись ему, какъ богу, имѣющему попеченіе надъ скотомъ.

При окончаніи жнитва на своей полосѣ, последнею горстью

*) Отъ поста въ честь Успенія Господня Богородицы 15 августа.

**) Новая скрижаль. Изд. 2. Москва, 1806 г.

сжатой соломой, старшій въ семействѣ, обравъ все серпы у своей семьи, обвертываетъ ихъ и, принеся домой кладетъ въ передній уголъ, и все при этомъ молятся.

Нѣкоторые являютъ обыкновеніе, послѣ того, какъ ихъ полоса совершенно сжата, кататься на ней, приговаривая: *„Живка! живка! отдай мою силку, на пѣсть, на мѣлонъ, на колотило, да на молотило и на криво веретѣно“*.

Во многихъ мѣстахъ Успенскій постъ считается *бабымъ льтомъ*, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отъ Успеньева дня до Ивана Постнаго.

Дежень. Въ Шенкурской и Вельской округахъ въ Августъ и сентябрь оканчивается жатва хлѣба. Послѣ ржи, пшеницы и ячменя жатва заключается овсомъ. по большей части, около Натальи овсяницы (св. св. Адриана и Наталіи, 26 августа). Тогда жнецы несутъ на себѣ съ поля снопы овса, сопровождаемая шествіемъ пѣснями. Этотъ снопъ ставятъ въ сутки, то есть подъ образа въ передній уголъ. потомъ садятся, какъ хозяйки съ хозяйкой, такъ равно и сотрудницы за столъ, на которомъ главное кушанье дежень, то есть толокно, замѣшанное на кисломъ молокѣ, или на водѣ. Потомъ нечисляютъ всю жатву *суслонами* *). Затѣмъ гости—сотрудники, поблагодаривъ хозяйку за *сладкій дежень*, расходятся по домамъ. Въ Пермской губерніи ѣдятъ дежень болѣе за наужипомъ, то есть за полдникомъ.

Опашка. Въ Макарьевѣ на Уижѣ опашка составляетъ земледѣльческое торжество и составляетъ чередовую въ августъ и въ сентябрь. Въ одной отчинѣ опашку празднуетъ одноотчинки, въ другой другая и т. д. Причемъ всей деревней варятъ общее пиво, потомъ раздѣляютъ его по домамъ. Въ праздникъ, или въ воскресенье крестьяне сходятся въ церковь; каждый хозяинъ приноситъ въ нее плечо баранины или пѣтуха, а священникамъ даютъ хлѣбъ; потомъ поютъ общій молебенъ, наконецъ по домамъ угощаютъ сродниковъ и всѣхъ изъ того околотка, которые при разставаніи приглашаютъ къ себѣ на *опашку*.

*) Суслонъ числится для ржаной жатвы въ 13 сноповъ, а для яровой—въ 6 сноповъ.

Имянинникъ. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, какъ только измолотятъ хлѣбъ, что обыкновенно приходится около дня Феклы—Заревницы, тогда овинъ называютъ *имянинникомъ* и варятъ для него домолотную кашу молотильщикамъ, по ихъ поговоркѣ: *хозяину хлѣба ворошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ.*

Чучело. представитель окончанія жатвы. Въ Саратовѣ при уборкѣ хлѣба, крестьяне сдѣлавъ изъ соломы куклу, наряжаютъ ее въ кумачный сарафанъ, на голову надѣваютъ головной уборъ (чутлюкъ), на шею—ожерелье или бусы, и украсивъ, смотря по средствамъ, несутъ это чучело вдоль по селенію, гдѣ вокругъ его составляется хороводъ съ плясовыми пѣснями *).

Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ въ Пожинки, по окончаніи жатвы, весь народъ собирался въ поле дожинать послѣдніе загоны и, когда уже бывало свяжутъ послѣдній снопокъ, который назывался у нихъ *имянинникомъ*, тогда наряжали его въ сарафанъ и кокошникъ, и съ пѣснями несли на господскій дворъ. (Описывается время крѣпостной зависимости). Здѣсь господа подчивали жнецовъ виномъ и поздравляли ихъ съ окончаніемъ жатвы.

Въ Смоленской губерніи въ Юхновскомъ уѣздѣ съ послѣднимъ снопомъ продѣлывали такія штуки: привязавъ къ снопу нѣчто въ родѣ рукъ, надѣвали на него бѣлую пасовку, сверху кичку; а въ Дорогобужскомъ уѣздѣ—накидку, и двѣ бабы несли съ пѣснями и плясками это чучело на помѣщичій дворъ, гдѣ одна изъ нихъ съ особыми припѣвами свѣла снопокъ вѣникомъ.

Въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ вмѣсто этого маскараднаго обычая крестьяне подносили помѣщикамъ коровай, за что получали приличное угощеніе.

Дожинки. Въ Бѣлоруссіи и въ Малороссіи, во всей Литвѣ и въ землѣ Жмудской, кромѣ *госпожинокъ*, или какъ тамъ называютъ, *Госпожинки*, извѣстны досѣвки, по окончаніи сѣянія и дожинки, отправляемая обыкновенно въ исходѣ лѣта; тамъ по окончаніи полевыхъ работъ, на которыя приглашаются окрестные жители работать безвозмездно, они отправляются въ домъ къ хозяину и подносятъ ему и женѣ его вѣнки, сплетен-

*) Заимствовано изъ письма г. Струкова.

ные изъ колосьевъ, и тамъ, послѣ угощенья поютъ и пляшутъ до глухой ночи.

Въ Гродненской губерніи, вообще на Украинѣ, Подолѣ и въ Волинѣ, при празднованіи дожинокъ въ деревняхъ, по сжатіи послѣдняго снопа, съ пѣснями сплетаютъ вѣнокъ и кладутъ его на голову красивѣйшей дѣвнцы, которая должна вручить этотъ вѣнокъ хозяину жатвы, и поздравить его съ окончаніемъ жнитва и пожелать ему долголѣтія.

Июньрцескіе праздники жатвы. У Черемисъ изъ земельческихъ праздниковъ особенно извѣстенъ *Ага Найрамъ*, тоже, что у Татаръ *Сабанной* праздникъ, отъ сабана — родъ сохи. *Ага* происходитъ отъ Черемискаго слова *ага* — полоса или часть земли данная для посѣва и отъ *найрамъ* — праздникъ, собственно въ честь божества Юмассе, управляющаго хлѣбородіемъ; онъ слылъ божествомъ напольнымъ отъ того, что сборище бываетъ на полѣ, тогда, какъ начинаютъ орать землю подъ яровой хлѣбъ. Ага-Найрамъ бываетъ не въ одно время въ разныхъ мѣстахъ; но окончательно большой праздникъ отправляется въ субботу предъ Пятидесятницею. Тогда Картъ или Уставщикъ, обязываетъ каждаго къ назначенному дню приготовить кушанье и питье, которое они ставятъ на вѣтви пихты (нулга): Картъ, зажегши костеръ дровъ, читаетъ молитву о плодородіи, потомъ, взявъ горящую головню, очищаетъ остьненіемъ ею принесенное кушанье и питье. Послѣ сего обряда садятся пировать, и по окончаніи пиршества, всѣ, начиная съ Карта, ходятъ къ огню бросать въ него куски отъ общей трапезы, приговаривая: „будь спору“.

Этотъ обрядъ оканчивается иногда присягою или испытаніемъ (тобыла), при коемъ ставятъ восковую свѣчу на землю и кладутъ липовую палку; тогда всякій долженъ цѣловать землю и переходить черезъ палку. Кто сего не исполнитъ, того считаютъ за отступника. Послѣ сего всѣ расходятся по домамъ.

Въ другой праздникъ *Упура Найрамъ*. (Упура — новое пиво), соответствующій спожникамъ или госпожникамъ и отправляемый или въ концѣ іюля, или въ началѣ августа, варятъ пиво изъ новаго хлѣба и ходятъ другъ къ другу желать счастливаго окончанія и успѣха жатвы.

Помочь. Иначе помощь, въ своевременной *) уборкѣ хлѣба съ полей, истинно христіанская цѣль. Бываетъ, что малосемейные, но зажиточные люди приглашаютъ къ себѣ народъ; а часто и просто богатые люди приглашаютъ, чтобы ускорить сборъ хлѣба съ полей. На помощь рѣдко, кто отказывается, потому во первыхъ, что весело, многолюдно и легко убрать хлѣбъ, ну а потомъ слѣдуетъ обильное угощенье, смотря по возможности и средствамъ приглашающаго на эту помощь.

Но если помощь собираетъ вдова, то, по словамъ И. Лепехина, см. дневныя записки 1868 и 69 г., въ прежнее время не взыскивали никакого угощенія. Такъ какъ вдовъ и сиротъ міръ снабжалъ всѣмъ, что нужно было для такого пиршества и даже давалъ сѣно, дровъ и лучины. Шли охотно на помощь послѣ обѣдни въ воскресенье, придерживаясь пословицы: „*на вдовой домъ хоть щепу кинь, все душь спасенье*“, или „*съ міру по ниткѣ — голому рубашка*“.

Помочи въ разныхъ губерніяхъ имѣютъ особое значеніе; но во всякомъ случаѣ, вся эта весьма благодѣтельная круговая помощь оканчивается угощеніемъ. Откуда это переняли русскіе, неизвѣстно, но если, судя по слову *Толока*, равнозначащему съ словомъ *помочь*, то первое производится отъ древне-прусскаго слова *Talsk* то есть — плата за трудъ угощеніемъ.

Капустница. Въ русскихъ деревняхъ и селахъ есть обычай осеніе и мужскіе женскіе труды обрабатывать сообща или помочами, что имѣетъ ту хорошую сторону, что дѣла идутъ успѣшнѣе, особенно въ тѣхъ семействахъ, гдѣ малоллюдно, или рабочихъ сильныхъ и здоровыхъ рукъ очень мало. Въ Сибири, особливо въ Пермской губерніи, по сказаніямъ, существуютъ *полотушки* или полотье на грядкахъ, *потрепушка* или трепаніе льна. *Супрядки* пряжи и льна. *Назьмы* или унавоживаніе и — тому подобное.

Замѣчательнъ въ Россіи обычай рубить капусту общими силами. Это составляетъ родъ семейнаго хозяйственнаго праздника. Особливо въ Сибири поводомъ къ простонароднымъ *вечеркамъ* служатъ *капустка*, то есть рубка капусты, на которую приглашаютъ сосѣдокъ. Тѣ, явивъ въ домъ, поздравляютъ

*) См. Русскіе простонародные праздники. Вып. VI, Москва. 1937 г.

хозяекъ съ капусткой, какъ съ праздникомъ. Къ этому времени варятъ пиво и готовятъ обѣдъ, но особливо ужинъ, оканчивающийся плясками и пѣснями. Главнымъ блюдомъ ужина и обѣда былъ *пирогъ хлѣбальный*.

Въ приволажскихъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, на Капустницы собираются также дѣвушки въ лучшихъ нарядахъ, и переходя съ пѣснями изъ дома въ домъ, получаютъ угощеніе, чѣмъ Богъ послалъ. Подобные обычаи существуютъ въ Германіи и Франціи при сборѣ винограда и также при его выжиманіи.

Ильинъ день. День св. Пророка Ильи празднуется 20 іюля. Народъ этого святаго считаетъ грознымъ, какъ потому, что около этого дня бываютъ грозы; а потому еще, что онъ строгъ въ отношеніи къ дню своей памяти и не велитъ, будто бы, въ этотъ день работать, грозя молніею. *Святой Илья зажинаетъ живо* говоритъ пословица. Это значитъ, что около этого времени начинается жатва. Кромѣ того ильинъ день считается началомъ переменъ погоды, такъ какъ съ этого времени появляются дожди; а потому есть поговорка: *на Илью до обѣда лето, а послѣ обѣда — осень*.

Св. Илья пророкъ, по мнѣнію народа, слишкомъ строгъ въ отношеніи народной распущенности, и потому народъ въ этотъ день вообще религіозенъ и боится его мщенія огнемъ. Такъ по суевѣрію считаютъ, что Илья пророкъ управляетъ громомъ и молніею и въ то время, когда слышны раскаты грома въ воздухъ, народъ набожно крестится и вѣритъ, что это ѣдетъ Илья пророкъ на своей огненной колесницѣ.

Въ день святаго пророка Ильи, Пермьки собираются въ сей день изъ двухъ или трехъ деревень въ одну, приводятъ съ собой быка или теленка и колютъ, потомъ варятъ и съѣдаютъ всею обществомъ. Цѣль этого обычая умиловитъ эту жертвою пророка. Въ этотъ день нигдѣ не выгоняютъ скоть, вѣря и другихъ увѣряя, что въ это время по лѣсу свободно ходятъ ядовитые гады и хищные звѣри *).

По всему видно, что Илья пророкъ заступилъ мѣсто древ-

*) См. Абевага стр. 206. М. 1786 г. *Русскіе Простонар. Празд.* вып. 1. 1837 г. М. свид. Лепехина, стр. 189.

няго Перуна, Славянскаго бога грома и молніи, или Юпитера Римлянъ. Потому, что у Литовцевъ и по сейчасъ, когда громъ гремитъ, говорится: „Перкунъ ѣдетъ на своей колесницѣ“.

Въ Пермской губерніи, въ часовни которыя посвящены св. Ильѣ, Пермяки приносятъ жаренныя или печеныя козьи и бараньи головы съ горохомъ, служатъ святому угоднику молебны, прося у него защиты козамъ, баранамъ, гороху и подъ видомъ его всему растущему на поляхъ и огородахъ. Горохъ употребляется при этомъ случаѣ потому, что онъ есть единственный плодъ, который тамъ созрѣваетъ къ Ильину дню. Головы и горохъ въ видѣ подарковъ поступаютъ священно-церковно-служителямъ *).

Первый Спасъ.

Первый Спасъ, 1-го августа Происхожденіе древъ Креста Господня, первый осенній праздникъ, тоже уважается въ народѣ, какъ день съ котораго начинается первый торжественный посѣвъ; этотъ день считается медовымъ розговѣньемъ **), такъ какъ къ этому дню вырѣзываютъ соты. Въ этотъ день бывають крестные ходы, святятъ воду на рѣкахъ и служатъ тамъ молебны. Въ деревняхъ пчеловоды приносятъ медъ въ церковь и святятъ.

Въ Пермской губерніи, Пермяки моютъ и купаютъ послѣ водосвятія приводимыхъ и приносимыхъ дѣтей, причемъ снятыя съ дѣтей рубашки бросаютъ въ воду, а надѣваютъ новыя. Точно также купаютъ лошадей, чтобы они были крѣпче и здоровѣе.

Юрьевъ или Егорьевъ день.

(Весенній и осенній).

День Святаго Георгія Побѣдоносца празднуется по веснѣ 23 апрѣля, а по осени 26 ноября, и весьма чтимъ въ простомъ народѣ.

*) Пермскій сборникъ. Книжка II, 1860 г. Москва.

***) Впрочемъ въ некоторыхъ мѣстахъ разговляются медомъ въ день Преображенія (второй Спасъ) вмѣстѣ съ плодами.

Въ этотъ праздникъ по веснѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *закликали весну*, такъ какъ этотъ день былъ срокомъ хозяйственныхъ условій и временемъ выгона скота, почему народъ и называетъ Егорья-скотопасомъ, покровителемъ домашняго скота и пастуховъ. Св. Георгій почитается даже и турками по словамъ проф. Снегирева, такъ въ этотъ день открывается пастушескій годъ и празднуется семейнымъ пиршествомъ, на которомъ съѣдаютъ первенца изъ стада *).

Скандинавы св. Георгію придавали почти тѣже самыя качества, которыми обладалъ ихъ богъ *Одинъ* или *Торъ*, а *Славянской—Перунъ*.

У Скандинавовъ даже было преданіе, что Торъ или Туръ одержалъ побѣду надъ дракономъ; когда по низверженіи въ Скандинавіи язычества, былъ поставленъ образъ арх. Михаила, то народъ сталъ смѣшивать дѣйствія и лица того и другаго. Изображенія эти остались на древнихъ храмахъ Скандинавіи.

Наконецъ день весенняго Георгія и осенняго Михаила Архангела служили въ Германіи, а потомъ и у насъ въ Россіи, сроками наймовъ полевыхъ работъ; эти дни сопровождалсь въ Даніи, Германіи и Швеціи различными языческими обрядами, и по сейчасъ въ Литвѣ и Польшѣ существуетъ этотъ порядокъ въ рабочихъ срокахъ.

У Сербовъ, въ день св. Георгія рано по утру, еще до солнечнаго восхода начинаютъ купаться. Этотъ день, статутомъ Маріи Терези, (*Urbarium*. 1791 г.), назначенъ былъ крестьянину срокомъ для перехода отъ одного господина къ другому, какъ то бывало и у насъ въ Россіи до введенія крѣпостнаго права (XVII в.), а въ день Св. Михаила срокъ для предварительнаго съ обѣихъ сторонъ объявленія.

Сербы, Илрійцы, Далматы и Черногорцы въ день св. Георгія поютъ молебень на колодцахъ и родникахъ, и окропивъ св. водою скотъ, гонятъ его вербою въ поле, какъ то бываетъ и въ Россіи.

У Карпатской Руси въ Берегскомъ, Угочскомъ, и Унгварскомъ Жупанствахъ въ Венгріи, выгоняется скотъ въ ночь Юрьева дня на самой зарѣ, и въ это время, по ихъ мнѣнію, будто

*) Voyage dans la Grèce, par. T. C. Pouqueville, à Paris, 1820 г.

бы снимается власть вѣдьмъ надъ рогатымъ скотомъ. Понятно, что скотъ, выбравшись на паству, и на свѣжій кормъ, по натурѣ своей будетъ здоровѣе, чѣмъ зимою, закупоренный въ хлѣвахъ и въ сырости, въ несвойственной и чужой атмосферѣ, зараженной гнилью и газами. Если не вѣдьмы, то сами хозяева, часто виною болѣзни и слабости скота въ зимнее время.

Отъ Юрьева до Дмитріева дня, полгода былъ срокъ у Болгаръ, Турокъ и Сербовъ. Въ Болгаріи въ дни св. Георгія, св. Параскевы и св. архангела Михаила приносятъ этимъ святымъ въ жертву агнца, которому къ рогамъ прилѣпивъ по свѣчкѣ и окуривъ его ладаномъ, рѣжутъ его надъ сосудомъ такъ, чтобы ни капли крови не попало на землю; этой кровью накладываютъ на маленькихъ дѣтей кресты на лбу, щекахъ и на подбородкѣ.

Потомъ, зажаривъ агнца, съѣдаютъ съ молитвою, а кости зарываютъ въ землю. То же дѣлается съ нѣкоторыми перемѣнами въ Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ.

Въ Минской губерніи, въ Юрьевъ день святятъ хлѣбъ.

Въ Малороссіи празднуется, какъ весенній такъ и осенній Георгій, ибо праздникъ церковный въ честь освященія храма Георгія на златыхъ воротахъ установленъ былъ въ Кіевѣ въ подражаніе греческому. Тамъ употребителенъ былъ законный обычай перехода крестьянъ отъ помѣщика къ другому, и тамъ даже родилась поговорка: „Отъ тоби бабо и Юрьевъ день“, то есть *вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день*.

Въ Костромской губерніи въ Чухломскомъ и Кологривскомъ уѣздахъ, объ Егорьевъ днѣ ведется поговорка: „*Въ полѣ стадо юнать и Егорья окликать*“.

Тамъ Егорьевское окликанье состоитъ въ слѣдующемъ:

Мы вокругъ поля ходили.
Егорья окликали.
Макарья величали.
Егорій ты нашъ храбрый.
Макарій преподобный!
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ.
Въ лѣсу и за лѣсомъ.

Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго!

Нѣкоторые историки приводятъ на разсмотрѣніе свои догадки, что Игорь, не есть-ли Егоръ, происшедшее отъ Георгія.

Прасковія-Пятница.

Память святой великомученицы Параскевы совершается 28 октября, и во всей Россіи она именуется „пятницею“, хотя не всегда день этотъ приходится въ пятницу. Почти во всей Россіи въ большемъ уваженіи пятницы, отчасти потому, что по пятницамъ, во многихъ мѣстахъ Россіи бываетъ базаръ или ярмарки, которые существуютъ и по сіе время, которую и посвящаютъ Пятницѣ-Прасковіи.

Какъ весною на красную горку, такъ и особенно осенью родительскіе поминки усопшихъ встрѣчаются вмѣстѣ со свадьбами въ Россіи. И въ ту и въ другую пору невѣсты сироты выходятъ на могилы родителей прощаться и просить себѣ благословенія на свою судьбу.

Такъ какъ свадьбы осенью начинаются, по большей части, съ Покрова Пресвятыя Богородицы, то Покровъ и почитается покровителемъ брачныхъ союзовъ, такъ ровно и Пятница—Прасковія, у простаго народа, не только въ великой, но и въ красной Руси. Сельскія невѣсты приговариваютъ: *Батюшка Покровъ, мою голову покрой!* *).

Олицетворяя *Пятницу* народъ особенно празднуетъ ей; въ обѣтныя пятницы на работахъ, во временныя, послѣ Пасхи,

*) Swiata Pokrowo!ko!

Pokryj Holowon'kce.

Въ Милской губерніи:

Swiaty Pokrow, Pokrow!

Pokrow ziarnli i wadu,

Pokryj mienie molodu.

то есть: Свята Покровонко

Покрой головонку.

или:

Святій Покровъ, Покровъ!

Покровъ землю и воду

Покрой мене молоду.

по разнымъ мѣстамъ собирается на ярмарки или торги, на которые, по преданію, вывозили изображеніе Св. Параскевіи, обвѣшанное платками и лентами.

Въ духовномъ регламентѣ (уставѣ) замѣчено, что въ Малороссіи, въ Стародубскомъ полку, въ пятокъ (пятницу) водятъ жонку простоволосу, подъ именемъ пятницы и водятъ въ хорѣ церковномъ и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дарами и со упованіемъ нѣкія пользы. Самыя часовни съ образами Прасковіи Пятницы, стоящія обыкновенно на перекресткахъ, слывуть обыкновенно *пятницами*.

Нужно замѣтить, что, какъ Прасковія, такъ и Пятница, какъ то слилось въ народномъ понятіи и стало неразлучно, между тѣмъ женщины особенно возлюбили эту святую угодницу, и прибѣгали къ ней, какъ и сейчасъ прибѣгаютъ со всевозможными мольбами и надѣясь на нихъ, дѣлають разные обѣты, особенно по случаю разныхъ неблагопріятныхъ случаевъ въ жизни. Составителю приходилось не разъ въ жизни видѣть, какъ по обѣту, женщины ходили на голыхъ колѣнкахъ вокругъ часовни по жгучему песку. Обѣтъ чрезвычайно тяжелый, но вмѣстѣ съ тѣмъ, должно думать, непріятный и для Бога, который предписалъ беречь тѣло или плоть и не посягать на нее, такъ какъ уничтожать ее есть—самоубійство.

Семеновъ день.

(Бабые лѣто).

Сентябрь мѣсяць съ XV вѣка, или лучше со времени Собора для уложенія церковной Пасхалии, на XIII тысячелѣтіе, считался первымъ мѣсяцемъ въ году до 17-го года.

Въ началѣ этого мѣсяца праздновалось у Египтянъ новолѣтіе. У Персовъ—рожденіе Миеры. Въ древности—сентябрь, седьмой мѣсяць отъ марта и девятый отъ января, назывался *Руенемъ*. *Руиномъ* или *Ревдиомъ*. По мнѣнію Добровскаго, названіе это возникло отъ рева вѣтровъ, которые начинаютъ съ этого времени дуть *). Впрочемъ Сербы, называя этотъ

*) Ся. Руководство къ Пасхалии. Соч. Пр. А. П. Тажелова. 1830 г.

мѣсяць *Руемъ* или *Рюемъ* производили это слово отъ желтого дерева *Rhus Cotinua*, которое употребляется въ красильномъ дѣлѣ, такъ какъ и самый желтый цвѣтъ они называютъ руевно, руино. Сентябрь, какъ извѣстно, отличается отъ прочихъ мѣсяцевъ желтизною древесныхъ листьевъ.

Въ нашихъ народныхъ и въ другихъ актахъ, и до нынѣ въ простомъ народѣ, 1 сентября извѣстно подъ именемъ Семена лѣтопроводца, отъ празднуемаго въ этотъ день нашею церковью П. О. Симеона перваго Столпника. По увѣренію Преп. Нестора, въ память этого угодника былъ въ Кіевѣ построенъ храмъ.

Начиная съ 1-го сентября, по день Рождества Пресвятыя Богородицы, 8 сентября, наз. *Семеонскою*. Съ 1-го сентября начинается *Бабы лѣто* или *лѣто на проводѣ до Аспасова дня* или до *Рождества Богородицы* *).

Лѣтопроводецъ, какъ русскій Янусъ, провожалъ старое и встрѣчалъ новое лѣто. У Славянъ, напр. Чеховъ и Сербовъ извѣстно *Babi leto* (Баби лѣто), на польскомъ *Babie lato* значить ясная, ведреная продолжительная погода; а у Малоросовъ Бабыно лѣто.

У нѣмцевъ это время называется *Старушечьимъ лѣтомъ* или *Марьины пряжа*, *Марьины пятинки*—такъ какъ въ это время на лугахъ, пожняхъ и на деревьяхъ, въ хорошую погоду носятя тонкія нити паутинъ.

Въ Костромской губерніи, по поводу этихъ паутинъ, существуетъ замѣчаніе, что если въ бабы лѣто луга опутываются паутинникомъ, а гуси гуляютъ стадами, и скворцы долго не отлетаютъ, то осень будетъ протяжною и ведреною.

Въ подмосковныхъ селеніяхъ, подъ Семеновъ день тушатъ огонь въ избахъ, а съ восхожденіемъ солнца вздуваютъ снова.

Съ этого же дня начинаютъ засиживать вечера въ деревняхъ, а въ городахъ мастеровые работать съ огнемъ, то есть по вечерамъ **). Можетъ быть потому это время называется

*) Аспасовъ день, вѣроятно происходитъ отъ Спаса; такъ какъ съ 1 до 8 сентября, продолжается служба Спасу.

***) Въ Кіевѣ засидки, то есть начало работы при свѣчахъ, называется „Женить Семена“.

бабьимъ лѣтомъ, что съ этого дня, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, бабы затыкаютъ кросны (узкій холстъ), съ этого времени начинаютъ мять и трепать пеньку, мять ее и стлать ленъ и берутся за веретено, то есть съ этого времени начинаютъ женскія работы и рукодѣля, *когда Семейнъ день, съмена долой*, то есть прекращается полевой трудъ, и самыя сѣмена высыпаются изъ оставшихся на полѣ колосьевъ на землю.

Съ этого же дня, дѣлаются въ деревняхъ кромѣ обыкновенныхъ посидѣлокъ, сопровождаемыхъ пѣснями и сказками дѣлаются *опашки, братчины, сытчины*, гдѣ всѣмъ міромъ варится пиво и стряпается кушанье для пиршества; а въ Аспасовъ день оканчивается во многихъ мѣстностяхъ, заламываніемъ ульевъ.

Лѣтопроводецъ считается днемъ, съ котораго оканчивается существованіе мухъ, таракановъ, клоповъ и другихъ насѣкомыхъ. По этому случаю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ напримѣръ: въ Серпуховѣ и Туль, существовало обыкновеніе въ этотъ день хоронить мухъ. Для сего дѣвушки и молодыя женщины дѣлали изъ свеклы и рѣдкки коробочки или гробики, и хоронили мухъ, а въ Туль, въ щенахъ хоронили таракановъ и притворно плачутъ, разодѣтыя какъ можно лучше, это служитъ хорошимъ случаемъ молодымъ людямъ высматривать невѣсть и засылать сватовъ.

Этотъ день былъ до XVIII столѣтія въ Россіи днемъ торжественнымъ, днемъ начала новолѣтія, днемъ когда Государи наши являлись предъ народомъ, и гдѣ народъ являлся, внося оброки и дани; такъ въ книгѣ называемой „Потребникъ мужской“, (изданіе 1639 года), помѣщенъ уже *чинъ провозжденія лѣту*, или *начало индикта, еже есть новое лѣто*. Этотъ торжественный обрядъ былъ совершаемъ въ Москвѣ. Патриархомъ Филаретомъ, въ присутствіи Царя предъ народомъ *), который съ жадностію сходилъ со всѣхъ концовъ Москвы, видѣть Царскія свѣтлыя очи. На Ивановской площади между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами поставлялись два аналоя съ паволоками, выносили аналой съ

*) Библіотека для чтенія 1836 г. Январь „Новый годъ“ въ Москвѣ.

образомъ Св. Симеона Столпника. Тамъ съ правой стороны отъ благовѣщенія устранивали Царское шатерничье мѣсто съ павлоками, а патріаршее съ коврами.

По окончаніи утренней службы въ Успенскомъ Соборѣ, патріархъ выходилъ съ клиромъ и св. образами въ западныя двери и становился на дворѣ, предъ церковными вратами на востокъ, гдѣ совершалось молитвословіе, „во еже благословити вѣнецъ лѣта благостию Своею“. Послѣ того Царь подходилъ къ Св. Евангелію, конемъ знаменовался, принималъ благословеніе отъ Патріарха, который сперва осѣнивъ его животворящимъ крестомъ, а потомъ благословивъ рукою, спрашивалъ о Царскомъ его здоровіи.

Потомъ Святитель и Царь, занимали приготовленные имъ мѣста на красной площади между Успенскимъ и Архангельскимъ соборами, гдѣ совершаемо было молебствіе съ водосвятиемъ; въ заключеніи сего Патріархъ, сошедши съ своего мѣста привѣтствовалъ Царя рѣчью, въ которой краснорѣчивыми словами выражалъ пожеланіе Царю и всѣмъ его вѣрно-подданнымъ Благословенія Божія, здравія и благоденствія *). Послѣ сего Патріархъ, осѣнивъ Царя крестомъ и святою водою, а затѣмъ весь народъ, возвращался съ духовенствомъ въ Успенскій соборъ. Между тѣмъ Царь привѣтствовалъ народъ милостивымъ словомъ, на что народъ отвѣчалъ: „Здравствуй, здоровъ буди на многія лѣта надежа—Государь“.

Бѣднымъ и нищимъ раздавалась царская милостыня, чтобы они молились о его многолѣтнемъ здоровіи. При колокольномъ звонѣ Царь шелъ къ обѣдинъ въ Благовѣщенскій соборъ.

Семеновъ день былъ также днемъ судныхъ сроковъ, какъ мы сказали ранѣе. Въ этотъ день какъ жители Москвы, такъ и другихъ городовъ становились на личный судъ предъ государемъ. Мѣстомъ для этого суда, чаще всего былъ Приказъ Большаго Дворца. Здѣсь разбирались такія дѣла, которыхъ не могли рѣшить Намѣстники, прикащики, городовые и волостители. Такой судъ назывался *Судомъ Божиимъ*, такъ какъ, по народному убѣжденію, то вѣдалъ Богъ да Государь.

На судъ должны были являться къ сроку. Неявившійся счи-

*) См. Русскіе престонародные Праздники. М. вып. II. 1839 г.

тался виноватымъ; правому или оправданному давалась *правая работа*.

Оброки также собирались къ этому времени, такъ какъ къ этому времени оканчивались полевья работы.

Покровская суббота.

Такъ считается ближайшая суббота къ первому числу октября. Она празднуется въ то время, когда кончается „*Страда*“ то есть полевая работа и каждый крестьянинъ—земледѣлецъ получаетъ средство жить и лучше и шире, чѣмъ въ другое время года. Эта же суббота празднуется, какъ день поминовения усопшихъ родственниковъ, объ обрядѣ такихъ дней мы скажемъ ниже. У Пермиковъ эта суббота равняется съ обрядами Троицкой субботы. Но какъ эта суббота и какъ первый осенній праздникъ, послѣ тяжелыхъ полевыхъ работъ празднуется три дня и довольно шумно.

Къ этому дню, какъ и къ Семикъ и къ Масляницѣ, у бѣднаго и у богатаго бываетъ много приготовленій относительно пищи и питья и въ домашнемъ быту. Моютъ полы и стѣны въ избахъ, чистятъ лопатой полы въ сѣняхъ, крыльцахъ, и вообще готовятся также, какъ къ большому празднику.

ОБРЯДЫ ВО ВРЕМЯ ПОМИНОВЕНІЯ УСОПШИХЪ.

(Дни поминовенія).

Поминовеніе усопшихъ родственниковъ, введено въ нашу христіанскую религію, по нашему мнѣнію, на основаніи воспоминаній, быть можетъ, на памяти о лицахъ, заслужившихъ себѣ доброе имя по части своей дѣятельности, знаменитости которыя успѣли поддержать честь и имя своему потомству. Дѣйствительно весьма важно для поддержанія не только родовой гордости, но даже просто для своей родословной, знать, кто былъ дѣдъ? прадѣдъ? отъ кого я произошелъ? и прочее, это даже интересуется простолюдина. Каждый человекъ изъ за этой родословной вѣтви, имѣетъ часто большую родню; тоже самое воззрѣніе имѣетъ законъ церковный для каждаго вступающаго въ бракъ, здѣсь конечно и безспорно имѣется въ виду свя-

тое уваженіе къ родной семьѣ а также къ памяти родичей, которую чтить предписываетъ намъ христіанскій законъ. И такъ, память объ отжившихъ свое время жизни, у насъ укореняется непременно вслѣдствіе какой либо особенности дѣяній или же вслѣдствіе подвиговъ, полезной дѣятельности и т. д. Такъ мы помнимъ историческую жизнь Ивана Грознаго, Петра I, Екатерину, какъ замѣчательныхъ царствовавшихъ особъ, извѣстныхъ по ихъ дѣятельности; не менѣе того помнимъ: Суворова, Кутузова и другихъ по своимъ воинскимъ подвигамъ. Но вѣдь, помнимъ, благоговѣемъ и только. За своихъ же родичей мы возсылаемъ къ Богу теплыя молитвы и даже въ извѣстные дни служимъ панихиды, даже за тѣхъ, которые вообще жили въ бѣдности и вовсе не были историческими лицами въ государствѣ.

Въ этомъ случаѣ намъ необходимо съ вопросомъ о поминовеніи усопшихъ лицъ обратиться къ исторіи, не почерпнемъ ли мы тамъ какихъ свѣдѣній; а вѣдь это весьма важно потому что иначе никакъ не можемъ понять хорошенько, почему мы поминаемъ лицъ усопшихъ, совершенно исчезнувшихъ съ лица земли, извѣстныхъ только по имени.

Въ объясненіе всего вышесказаннаго, мы послѣдуемъ разнымъ писателямъ:

Мишле говоритъ, что погребеніе чловѣка выражаетъ его сочетаніе съ матерью землею, его кормилицею, что памятники суть стражи его, и земли. Это конечно не ново, напротивъ старо даже: мысль о памятникѣ ясно говоритъ о томъ, что онъ воздвигается для того, чтобы было всегда возможно найти мѣсто, гдѣ похороненъ трупъ, а по надписи узнать кто онъ и когда умеръ. Затѣмъ: хоронить трупъ, значитъ прямо сохранить себя или другаго отъ заразы, такъ какъ на поверхности земли разлагающіеся трупы—вредъ и порча воздуха, а слѣдовательно и дыханія. Мишле увлекается въ идеализмъ, избѣгая истины.

Но въ основахъ самой древней изъ религій было то, что по смерти смертнаго, остается навсегда нѣчто такое, что связуетъ міръ внѣшній съ міромъ духовнымъ. Чествованіе при погребеніи умершаго было вмѣняемо въ священную обязанность, какая налагалась природою, божествомъ и волею

самихъ умершихъ, такъ, по вѣрованію Римлянъ, согласномъ съ Этрусскимъ ученіемъ, тѣни (должно быть также, какъ по нашему души), являлись три раза въ году на землю: въ концѣ августа, и въ началѣ октября и ноября. Дни этого таинственнаго сообщенія мертвыхъ съ живыми почитались *черными* или *священными*. Въ это время не предпринимали никакихъ важныхъ дѣлъ (*atri*).

Точно также и въ Россіи, по старому народному повѣрью, въ промежутокъ времени между Казанскою и Дмитріевымъ днемъ, или осеннею Родительскою, не начинается свадебъ по случаю неблагоприятнаго исхода.

Праздникъ *всѣхъ душъ*, у Римлянъ или (*festum omnium animarum*) хотя языческой, сталъ въ началѣ X вѣка, отправляться Римско-Католическою церковью.

4 ноября ежегодно и совершенно совпадать съ нашей осенней родительскою особенно исполняемая народомъ. Этотъ праздникъ сопровождался молитвами и приношеніями объ усопшихъ и, какъ говоритъ одинъ нѣмецкій ученый, былъ основанъ на вѣрованіи въ чистилище.

Праздникъ Всѣхъ Святыхъ, который считается 1 ноября, еще и донынѣ сопровождается языческими обрядами у Шотландцевъ, и у сѣверныхъ поселянъ Германіи, и почитается какъ позднѣйшее начало зимы; въ это время зажигаютъ огни (засидки) и считаютъ ихъ огнями мира и спокойствія покойниковъ и въ память сихъ послѣднихъ. Также и въ Даніи,—какъ мы находимъ, 2 ноября празднуютъ память душъ *Sialudag* и замѣчательно то, что въ это же время Египтяне и Персы, какъ о томъ свидѣлствуютъ Гомеръ, тоже ублажали тѣни усопшихъ.

У Римлянъ существовали заупокойные, нынѣ извѣстные подъ именемъ: *silicernia. infernae. coenae ferabs*, точно также у Грековъ *περιδιπλα, ἐναυιδῆα*. Какъ жертвамъ усопшимъ, или по тогдашнему понятію „тѣнямъ“, которымъ они приносили ежегодно въ дни поминокъ или родительскихъ (*parentaba*) на гробницы вино, медъ, масло, ящцы, плоды и цвѣты. Точно также и древніе евреи *иждивали хлѣбы свои при гробъ праведныхъ* *),

*) См. Товін IV. стр. 17.

преломляли въ стenanіи хлѣбы на гробѣ родителей и вкушали чашу утѣшенія *).

Такъ воспоминаетъ исторія о древнихъ поминовеніяхъ. Что же касается до Христіанскихъ поминковъ, то онѣ, по словамъ пр. Снегирева, были остатками блаженнаго поминовенія христіанскихъ мучениковъ, трапезами любви, искаженными впоследствии злоупотребленіемъ **).

Св. Августинъ въ бесѣдѣ своей de sanctis удивляется невѣрью и суевѣрью тѣхъ, которые ставятъ на гробы покойниковъ кушанье и питье въ томъ убѣжденіи, что души усопшихъ вкушаютъ сіи приношенія.

Въ оправданіе такого народнаго убѣжденія, скажемъ, что всѣ языческіе народы были полны вѣры въ то, что и за гробомъ кушаютъ.

Византійскіе писатели упоминаютъ объ одномъ пиршествѣ VI вѣка въ честь мертвыхъ (тризна). въ которое греки напали на славянское войско. въ то время занятое сими обрядами, и разбили его ***).

Нужно замѣтить о славянскихъ тризнахъ кое что. У насъ въ исторіи часто повторяется слово „Тризна“. Это слово сходно съ богемскимъ *tríz-neni*—*умерщвление, терзаніе*, объясняется въ словарѣ Памвы Берынды—*поединкомъ*: а *Ширмпрствомъ*, по словамъ пр. Нестора. Изъ этого видно, что тризна сопровождалась борьбою и нерѣдко такими терзаніями, которыя сопровождались даже убійствами или увѣчьемъ, понятно, что эти утѣхи были между прочимъ—кулачки. По древнимъ обычаямъ у нѣмцевъ, наследникъ умершаго долженъ былъ тридцать дней поминать покойника по церковному обряду и въ тоже время выставлять у себя въ окошкѣ тѣ кушанья, которыя любилъ или вообще питался усопшій.

Пиръ козла. Литовцы долго спустя послѣ язычества собирались въ извѣстное время на кладбища и тамъ приносили подземнымъ богамъ медъ (сыченый), молоко, пиво. и оканчивали тризны такимъ же обычаями, какіе бывали во время похоронъ.

*) Иеремія. XVI 7—8. XXII 9—18.

**) Ся. Дни Богослужбное Правос. Грек. Росс. церкви Соч. М. Дебольскаго. Спб. 1838 г.

***) Stittere. Memoriae Populorum. t. II p. 61.

Въ старину эти поминки, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, назывались *пиромъ козла*, котораго нѣкоторые славянскіе народы чтили. Здѣсь въ качествѣ жреца и пѣвца присутствовалъ гусярь, а у Чеховъ *Koslar* (козярь) то значитъ, колдунъ, вѣщунъ, чародѣй.

Отрада душъ. Въ Литвѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, предъ наступленіемъ *поминальнаго* или задушнаго дня, простой народъ заказываетъ обѣдню цѣлымъ семействомъ, и въ церквѣ раздають милостыню бѣднымъ, а потомъ по окончаніи обѣдни идутъ на кладбище, гдѣ около получаса громко рыдають надъ могилами своихъ родственниковъ и вечеромъ возвращаются домой, гдѣ и поминають усопшихъ; тайкомъ готовится пирушка въ часовнѣ, или въ пустомъ домѣ близъ кладбища, тамъ дѣлають столъ съ разными блюдами и напитками и вызываютъ души покойниковъ, зажигая вино, и лень, и по цвѣту пламени судятъ о явленіи душъ; призываютъ слѣдующимъ образомъ: „Чего потребуешь, душечка, чтобы попасть на небо? Не хочешь явства и питья, оставь насъ въ покоѣ; а если не слушаешь просьбы, то во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! видишь господній крестъ! аквишь!

Въ понятіи простаго народа что пѣсни, явства, и причитанія будто бы доставляютъ отраду душамъ, находящимся въ чистилищѣ и что будто души покойниковъ за это, живымъ внушаютъ полезную мысль или совѣтъ.

Въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ по близости кладбища, тамъ пиръ устраивается въ домѣ. Когда столъ оканчивается, хозяинъ дома беретъ утиральникъ, то есть полотенце и одинъ конецъ его вывѣшиваетъ за окно, а на другомъ концѣ его ставитъ рюмку водки, или стаканъ воды и кладетъ по кусочку всѣхъ кушаньевъ, приготовленныхъ въ честь воспоминанія умершихъ родственниковъ и знакомыхъ. Повѣрье говоритъ, что къ утру все пропадаетъ, а что остается, то отдають нищимъ *).

Тоже самое исполняли Евреи въ свои семидневныя *Босины*. У нихъ для очищенія грѣховъ приносился въ жертву по жребію козель, а другой въ пустынѣ сталкивался или сверху горы **).

*) Lud Polski. pr. L. Golebiowskiego. Warchawa. 1830 г. Не поддерживали ли это суевѣрное повѣрье: мыши, кошки, или просто голодные прохожіе?

***) См. Иудейскія письма къ Волтеру. ч. V и VI пер. Снегирева М. 1836 г.

Поэтому, замѣчаетъ проф. Снегиревъ, пиръ и чествованіе козла у Литовцевъ и Славянъ должны быть заимствованы отъ Евреевъ.

Вмѣстѣ съ дѣдами или *большими Осенинами*, въ Минской и смежныхъ съ нею губерніями, обыкновенно отправляютъ 6 ноября прикладыны, т. е. обкладываніе могилъ дерномъ. Малыя и среднія Осенины празднуются въ Госпожгу.

Что касается до слова Осенины, то въ старомъ русскомъ языкѣ такъ называлось осеннее время, что упоминается въ рукописяхъ. Эта часть года считалась удобной, какъ въ Малой, такъ и въ Бѣлой Руси для совершенія всякихъ торжественныхъ и важнѣйшихъ въ семейномъ быту обязанностей, сюда принадлежали между прочимъ: поминки, свадьбы и т. п.

Въ православной церкви считается семь Вселенскихъ панихидъ:

- 1) Въ пятницу вечера предъ постомъ Филипповымъ.
- 2) Въ субботу предъ Рождествомъ Христовымъ.
- 3) Въ Мясопустную недѣлю.
- 4) Марта 15.
- 5) Въ субботу предъ сошествіемъ Св. Духа.
- 6) Въ субботу предъ Петровымъ днемъ.
- 7) Въ субботу предъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы.

Поминальные дни. Но главные, общіе народныя поминки совершаются только въ день радуницы или Пасхи усопшихъ, въ Троицкую субботу, въ Дмитровскую субботу (по осени) и въ Покровскую субботу.

Въ церковномъ уставѣ, изданномъ въ 1668 году предписывается 1 октября, посылать на убогіе дома архимандритовъ и прочее духовенство для совершенія общихъ панихидъ.

Совершеніе поминувеній въ Дмитровскую субботу, установлено послѣ Куликовской битвы, по совѣту преподобнаго Сергія, Великаго княземъ Димитріемъ Иоанновичемъ Донскимъ, и ежегодно отправляется между 18 и 26 числами октября для празднованія памяти воиновъ, положившихъ животъ въ этой битвѣ. А по указу Императрицы Екатерины II, 1769 г. августа 17, чинъ этого поминувенія перенесенъ на 29 августа, въ день усѣкновенія главы св. Иоанна Крестителя Господня.

Дмитровская суббота свое названіе получаетъ кромѣ имени

Донскаго, какъ установителя, также отъ имени св. Димитрія Селунскаго, празднуемаго церковью 26 октября.

Въ Костромской губерніи и въ смежныхъ, Дмитровская суббота называется *Дядовой*. Тамъ существуетъ повѣрье, что если въ эту родительскую будетъ оттепель на раннемъ зазимье, то на „*дядовой недѣли родители отдохнутъ*“.

Дмитровская родительская болѣе чѣмъ другія уважается народомъ, какъ по удобству времени, такъ и по обилію въ эту пору всякаго продовольствія, наконецъ по старинному обычаю. Въ это время поселяне пекутъ пироги, блины, а въ Смоленской губерніи, лепешки изъ тѣста разныхъ клиновидныхъ формъ, также кутью, (иначе канунъ) кисель съ сытою и молокомъ, брагу или пиво.

По окончаніи панихидъ одѣляютъ священниковъ и причтъ пирогами и блинами и это обыкновеніе обратилось въ народную поговорку: *не всегда поповымъ ребятами Дмитріева суббота*.

Въ дни поминовеній обыкновенно приходятъ на кладбище и послѣ заупокойныхъ панихидъ, кто чѣмъ можетъ, поминаютъ покойниковъ. Въ кормчей книгѣ запрещены были всякія пированія, попойки и возліаніе вина и напитковъ; но однакоже обычай пировать на могиллахъ усопшихъ родственниковъ остается существующимъ и до сихъ поръ.

Причитанія по усопшимъ. вытье. голошеніе: Такъ вообще называется плачь по покойникѣ, но не безмолвный, не простой истерическій безмолвный припадокъ, допускающій потерю слезъ часто безъ звука, или сопровождаемый всхлипываніемъ и временамъ стонами. Нѣтъ, это печальная пѣснь потери, лишенія, которой авторъ, самъ потерпѣвшій или понесшій лишеніе. Авторами такихъ причтаній преимущественно женщины деревенскія. Женщина или дѣвушка, обливаясь горячими слезами объ умершихъ родственникѣ или родственницѣ, и будучи не въ состояніи затанць въ себѣ душевной тревоги, упадаетъ на гробъ, или на могилу, гдѣ скрыты дорогіе ея сердцу останки, и то ударяя себя въ грудь, то обнимая гробъ, то ударяясь объ могилу плачетъ, выражая на распѣвъ въ формѣ старинныхъ народныхъ пѣсенъ. слово сказанное ею отъ души, отъ сердца и часто глубоко прочувствованное, иногда даже носящее въ себѣ глубокой отпечатокъ народной легендарности.

Вотъ напримѣръ, какъ плачетъ дочь по отцѣ *).

Со восточной со сторонушки
Подымались да вѣтры буйные
Со громами да со гремучими,
Съ молоньями да со палючими;
Пала, пала съ небеси звѣзда
Все на батюшкину на моголушку...
Расшиби-ка ты, громова стрѣла,
Еще матушку да мать—сыру землю!
Развались ко ся ты, мать—земля,
Что на всѣ четыре стороны!
Скройся-ко **) да гробова доска,
Распахнитеся да бѣлы саваны?
Отвалитесь да ручки бѣлыя
Отъ ретива отъ сердечушка.
Разожмитесь, да уста сахарныя!
Обернись ко ся да мой родимый батюшка
Перелетнымъ ты, да яснымъ соколомъ,
Ты слетайко-ся да на синее море,
На синее море, да Хвальинское,
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со бѣлова лица ржавщину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой етъ да на высокъ теремъ,
Все подъ кутисе да подъ окошечко,
Ты послушай-ко родимый батюшко,
Горе горькихъ нашихъ пѣсенокъ.

Старуха по старикъ.

На кого ты, милый мой, обнадѣялся?
И на кого ты оположился?
Оставляешь ты меня, горе горькую,
Безъ теплова своого гнѣздышка!...
Не отъ кого то горе горькой.

*) Заимств. изъ *Пермская сборника*, книжка II, стр. 128. 1860 г.

**) Откройся, разверзись.

Нѣту мнѣ слова ласкова,
Нѣтъ то мнѣ слова привѣтлива.
Нѣтъ то у меня, горе горькіе,
Ни роду то, ни племени,
Ни поильца мнѣ, ни кормильца...
Остаюсь то я, горе горькая,
Старымъ то я, старешенька,
Одна, да одинешенька.
Работать мнѣ—изможенья нѣтъ.
Нѣтъ то у меня роду—племени;
Не съ-кѣмъ мнѣ думу—думати,
Не съ-кѣмъ мнѣ слово молвити:
Нѣтъ у меня милова ладушки *).

Нѣтъ сомнѣнія, чему конечно найдутся у насъ указанія, что причитанія и вой, шедшихъ за гробомъ, принадлежатъ, къ обрядамъ языческимъ. Петръ I по случаю кончины царицы Маріи Матвѣевны, супруги царя Θεодора Алексѣевича, въ 1715 году, запретилъ при погребеніи выть, приговаривать и рваться надъ умершимъ **).

Еще у древняго Гомера упоминаются причитанія надъ трупомъ Гектора. Литовцы также при погребеніи усопшихъ употребляли *причитанія* сходныя, съ русскими простонародными, въ которыхъ выражали сожалѣнія и предлагали вопросы покойнику съ тѣмъ, что выражали нѣчто въ родѣ укоризны за потерю жизни, или за преждевременный переходъ въ другую жизнь, говоря въ причитаніяхъ укоръ покойнику за смерть.

У нихъ также въ третины, девятины, сорочкины дѣлались поминки и сопровождалсь *пирушками* ***).

Но все это не столь важно, какъ важно то замѣчаніе г. Снегирева, что обыкновеніе дѣлать пированія въ честь усопшихъ было общимъ у всѣхъ языческихъ народовъ и у народа Божія, какъ то видно изъ пророка Іереміи (XVI, 6. 7) и другихъ.

*) Ладушка—мужъ.

***) См. Русскіе простон. Праздники. 1837 г. выпускъ IV. Стр. 190.

****) Сверхній Архивъ 1824 г. Литовская Мифологія.

Похороны и помники сопровождаются *прошеньем* или причитаньями, въ которыхъ плачевнымъ речитативомъ были достоинства умершаго, и жалобы осиротѣвшихъ; такимъ образомъ Балтійскіе латыши и финны въ XIII вѣкѣ, тайно совершая свои языческіе обряды во глубинѣ заповѣдныхъ лѣсовъ, плакали надъ умершими, которымъ клали въ могилу пищу, питье, топоръ и нѣсколько денегъ съ подобными причитаніями: „Поиди бѣднякъ въ лучшей міръ, гдѣ не нѣмцы тобою, а ты нѣмцами будешь повелѣвать! вотъ и деньги тебѣ на дорогу, во запасъ и оружіе.“

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ.

Кажется нѣтъ въ мірѣ ни одного болѣе торжественнаго пиршества, которое можно сравнить со свадебнымъ обрядомъ, началомъ и совершеніемъ брака, началомъ и вѣнцомъ любви, о которомъ молодые головы поэтизируютъ за нѣсколько лѣтъ прежде, избирая въ своей фантазіи подходящій идеалъ, пока не находятъ его.

Каждый народъ имѣетъ свои взгляды и обычаи на обрядъ брака. Но какъ молодые мужчины, такъ и женщины у насъ на Руси (изъ простонародья), не смотря на всю простоту ихъ незатѣйливаго быта жизни, понимаютъ, что значитъ вѣчная связь, — даруемая вѣнцемъ; связь съ лицомъ неузнаннымъ, часто съ порочнымъ, законченная вѣнцемъ — неразрывно до конца жизни того или другаго. Всѣ дѣвушки это понимаютъ ранѣе супружества, но рассчитываютъ на бракъ, какъ на лотерею, извѣстно, не всегда надежную.

Дѣвушки, какъ извѣстно, прибѣгаютъ къ гаданіямъ, часто весьма неблагоприятнымъ; сироты въ Радоницы ходятъ на могилки своихъ родителей прощаться и просятъ себѣ благословенія на судьбу свою. *Покровъ* и Пятница *Прасковія* считаются покровительницами невѣстъ въ простомъ народѣ. Невѣсты, заботясь о своей будущности и объ хорошемъ житьѣ-бытьѣ (худо-го никто не желаетъ) во время праздника Покрова молятся: „*Батюшка, Покровъ, мою голову покрой!*“ Въ Красной Руси поютъ:

„Swiata Pokrowónko!
Pokryj holowónku!“

То есть: „Святая Покровка
Покрой головонку!“

Въ Минской губерніи. поютъ:

Swiaty Pokrow, Pokrow!
Pokryw ziarnlu i wadu,
Pokryj mienie molodu.

Здѣсь мы высказываемъ начертаніе склада желанія молодыхъ лицъ, ищущихъ средствъ достигнуть брака, или просто соединиться бракомъ безъ всякихъ преднамѣренныхъ желаній; но только потому, чтобы не отстать отъ сверстницъ. Молодая дѣвушка и до сихъ поръ конфузится при счетѣ лѣтъ и та, которая выходитъ поранѣе торжествуетъ, какъ будто она побѣду одержала, но это еще не значить благополучіе жизни.

Въ разныхъ странахъ сѣверной Россіи свадебные обряды весьма разнообразны и многочислены до того, что представляютъ вообще картины чрезвычайно живыя вообще, и къ тому же весьма разнообразныя по своей характерности. Здѣсь представляется самая полная этнографическая картина съ ея повѣрьями и обрядами, и что главное, здѣсь-то и отсвѣчивается символъ и та аллегорія обрядовъ, которые уже потеряны въ смыслѣ народномъ и существуютъ только по исполненію, какъ обычай.

Эта народная піеса, ежедневно повторяемая, вообще интересна, такъ какъ нигдѣ она не характеризуется лучше всего, какъ въ свадьбахъ; здѣсь вы слышите и видите жизнь и веселье, умилительныя и трогаящія душу черты изъ народнаго быта и тѣ религіозныя обычаи, съ которыми слиты всѣ эти обряды. Здѣсь сливается старое съ новымъ, религіозное съ народнымъ, а печальное съ веселымъ.

Обычай похищать дѣвицъ. Этотъ обычай, по словамъ Нестора существовалъ у Русскихъ Славянъ, такъ напримѣръ: у Радомичей, Вятичей. Сѣверяны были *игры между селы*, то есть между полей, а не между селъ; здѣсь во время игръ пѣсенъ и плясокъ мужчины выбирали себѣ невѣсть и уводили къ себѣ въ дома.

Въ воспоминаніе этого до христіанскаго обычая древней Руси, у насъ осталась древняя пѣсня прососѣянія, начинающаяся такъ: „А мы просо сѣяли, сѣяли“.... Древляне уводили къ себѣ дѣвицъ, какъ въ древности Римляне Сабинянокъ. Самое выраженіе играть свадьбу напоминаетъ древнія игры, чѣмъ начиналось пріобрѣтеніе неvěсть.

Преслѣдованіе обычаевъ духовенствомъ. Во время свадебъ въ старину всегда присутствовали глумотворцы (шутники), органики, гусельники (гуслияры). Обычай этотъ существуетъ и по нынѣ; не разъ церковь возставала противъ такихъ порядковъ, которые суть прямо слѣды язычества и хотѣла отдѣлать всѣ обычаи предъ вѣнчаніемъ и по вѣнчаніи, но этого было нельзя искоренить, такъ какъ самый актъ основанный въ своемъ будущемъ на любви и согласіи, на семейномъ счастьи вызывалъ на веселье.

Кромѣ языческой стихіи, оставшейся въ свадебныхъ обрядахъ, сюда же вошли обычаи и отъ другихъ народовъ во времена позднѣйшія.

Покупка дѣвицъ. Геродотъ упоминаетъ о древнемъ обычаѣ Египтовъ, пришедшихъ изъ Илиріи. Здѣсь, говоритъ этотъ историкъ, въ извѣстное время дѣвушки, достигшія совершеннолѣтія сходились, въ сопровожденіи своихъ родителей, въ одно мѣсто, туда же стекались молодые люди и вообщемъ мужчины и покупали дѣвицъ. Не отсюда ли и мы заимствовали до сихъ поръ существующій обрядъ покупать неvěсть или выкупать, причѣмъ женихъ даритъ дѣвушекъ?

Греческіе и Римскіе обряды. Въ Греческихъ и Римскихъ обрядахъ бракосочетанія *) мы находимъ вѣнки, обручальныя кольца, покрывала (въ родѣ нашихъ вуали или фаты) соединеніе рукъ, свѣчи, свадебныя дары и пр. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это сходно съ христіанскими обрядами при самомъ совершеніи брака. Венера, какъ покровительница браковъ и союзовъ любви, называлась *Suada* и *Babia* (свада и бабіа), представляемъ читателямъ раздѣлать съ нами мнѣніе, не находятъ ли они сходства въ словѣ *свада* съ свадьбой, а въ словѣ *бабіа*—баба. Этого мало: Русскіе обычаи говорятъ, что и по сейчасъ

*) J. Sauberti de Sacrificiis veterum Lugd. Bat. 1699 г.

молодыхъ осыпають хмѣлемъ, зерномъ и даже деньгами; смыслъ понятенъ: чтобы молодые жили счастливо, сыто и богато: но откуда возникъ этотъ обычай? опять отъ грековъ и римлянъ, а также отъ древнихъ Пруссовъ.

Говоря о заимствованіи обычаевъ русскими, мы уже не можемъ не сказать о томъ, что русскій каравай, какъ символъ бракосочетанія, тоже заимствованъ у Римлянъ. У Римлянъ, какъ извѣстно, новобрачные, при торжественномъ бракосочетаніи, должны ѣсть пирогъ, приготовленный изъ муки, размѣшанной на водѣ посоленной, и меда.

Сниманіе сапога. Въ русскомъ коренномъ обычаѣ водилось и по сейчасъ мѣстами водится, что новобрачная должна разувать своего супруга. Этотъ обычай въ древности, вообще говоря, изображалъ покорность, рабское отношеніе, даже униженіе, потому что, кто же снимаетъ другому сапоги, если не человѣкъ вполне подчинившійся. Изъ исторіи мы знаемъ, что этотъ обычай былъ даже во времена Владиміра и то, что дочь Полоцкаго князя не захотѣла его разуть *).

Въ Германіи во времена Лютера былъ тотъ же обычай, чтобы въ первую ночь брака снимала молодая супруга сапогъ и клала его на небо постели (въ изголовье), какъ знакъ господства супруга надъ женою **). мужчины надъ женщиной (порабощенной).

Омарій и Гербенштейнъ ***) говорятъ о томъ, что въ ихъ пребываніе въ Москвѣ, даже на княжескихъ и боярскихъ бракахъ, совершался обычай разуванія и тоекратное удареніе плеткою, которую вмѣстѣ съ гостинцемъ клали въ ларчикъ. Обрядъ этотъ продолжался въ Литвѣ до Ягеллона и до нынѣ сохраняется въ крестьянскомъ быту.

Куничное на свадьбѣ. Въ старыхъ свадебныхъ обычаяхъ упоминается должно быть тоже какое нибудь языческое преданіе. Куница въ свадебныхъ обычаяхъ есть памятникъ норманскихъ налоговъ. Если сказать куна, копа (kopa, kupo), что значитъ—женщина, это высказывается по исторіи, сборъ ново-

*) Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды, вып. IV. 1837 г.

**) I. G. Graevii, Thesaurus Antiquitatum Romanorum.

***) Lud Polski p. L. Gołebiewskiego. 1830 г.

брачныхъ крестьянъ и вообще — простолюдиновъ. Куница, какъ мы увидимъ, осталась существенной единицей въ нашихъ просто-народныхъ пѣсняхъ свадебнаго характера. Въ южно-русскихъ пѣсняхъ невѣста уподобляется иногда *черной куницей*, а женихъ — *черну собою*.

Мы должны припомнить изъ исторiи, что въ Россiи до введенiя монеты металлической, предметомъ денегъ были преимущественно мѣха; отсюда возникаютъ слова: куна, поль-куны, поль ушка (полушка, мѣдная мелкая монета). Если въ послѣдствiи явился металлическiй чеканъ, то, разумѣется, была воспроизведена и сравнительная оцѣнка и, какъ должно думать нарицанiе счета удержалось тоже, которое существовало при кожаныхъ деньгахъ.

Отсюда возникаетъ сравненiе молодыхъ людей то съ куницей, то съ сободемъ, какъ оцѣнка достоинствъ, и сейчасъ у насъ существуетъ поговорка: *„взлмнетъ — рублемъ подаритъ“*.

Было извѣстно не въ одной Россiи, но во всей Европѣ, *дѣвичье купиное, свадебная куница*, выраженiе, согласовавшееся съ значенiемъ окупа за невѣсту, выраженiе, равняющееся смыслу крѣпостнаго права и порабощенiя женщины *). Что существуетъ и по сейчасъ, въ нѣкоторыхъ губернiяхъ Россiи.

Свадебныя птицы. Еще въ язычествѣ, у Литовцевъ, въ первый день бракосочетанiя, мужъ раздиралъ принесенную ему на постель жареную куропатку, часть которой давалъ вѣсть своей супругѣ. У Нѣмцевъ въ среднiе вѣка, давали новобрачнымъ жареную курицу, которая называлась: *брачною* или *любовною*. Жареную курицу (кура вечерняя), въ первый день подносили новобрачнымъ и въ Россiи, какъ то видно изъ описанiя старинныхъ свадебъ XV столѣтiя. Въ Москвѣ и по сiе время дарятъ молодыхъ парой живыхъ гусей въ ленточкахъ, а даже иногда и лебедей, а въ старину на столахъ княжескихъ молодымъ подавали жареныхъ лебедей. Есть повѣрье въ народѣ, что только и можно вѣсть лебедей новобрачнымъ.

Головной уборъ новобрачной. Извѣстно, что въ Россiи,

*) Въ послѣдствiи *кунами* или *куницами* назывались въ Литвѣ цѣпи, въ которыя заковывались при входѣ дѣвицы, при церковномъ входѣ за нарушенiе цѣломудрiя.

новобрачной надѣвають на голову кокошникъ, кокуй или кикю. расплетаютъ косу на двое, съ извѣстными при этомъ пѣснями. Обычай этотъ, по видимому, перенятъ у татаръ, какъ думаютъ Плено Карпинъ и Брунна; но Гримъ говоритъ, что и у нѣмцевъ было обыкновеніе, у новобрачной не распускать волосъ, а связывать ихъ на головѣ и прикрывать чепцомъ. Тертуліанъ говоритъ, что у язычниковъ было обыкновеніе женщинамъ являться покрытыми, у евреевъ—тотъ же обычай, у русскихъ фата изображаетъ, и до днесь символъ стыдливости и скромности. По этому можно заключить, что всѣ наши старинные обряды, отчасти исчезнувшіе, отчасти существующіе и по нынѣ, не имѣютъ полнаго характера новости, или своеобразности, но скорѣе заимствованіе путемъ вліянія отъ другихъ народовъ.

Баня, мѣха и солома брачной ночи. Къ числу народныхъ обычаевъ, существовавшихъ даже въ царскихъ и боярскихъ домахъ, принадлежали: мытье въ банѣ наканунѣ свадьбы и послѣ ея, также постилка ржаныхъ сноповъ, вмѣсто постели и усаживаніе молодыхъ на мѣха. Мытье въ банѣ выражало чистоту брачнаго ложа и вообще чистоплотность, спанье на снопахъ—прибытокъ въ домѣ, а на мѣхахъ сидѣніе—богатство. Таковые обычаи существуютъ и по нынѣ.

Вскрываніе молодыхъ. Со введеніемъ нѣкоторыхъ европейскихъ обычаевъ Петромъ Первымъ, многіе старинные обычаи были воспрещены и между прочимъ *вскрываніе молодыхъ* запрещено указомъ. Петръ Первый, старинную свадьбу съ ея причудами обратилъ въ шутку, что видно изъ свадьбы папы, и шута Шанскаго *).

Предосторожности и примѣты свадебныя. Свадьбы, какъ обыкновенно чаще всего бываютъ, или о святкахъ, или близъ Семика. Такъ покрайней мѣрѣ объясняется Красная горка по веснѣ и рождественскіе праздники (купальскія гаданія). Нужно замѣтить, что всѣ свадебные обряды сопровождались да и по сейчасъ сопровождаютъ различнаго рода предосторожностями отъ лихаго глаза, или отъ лихаго челоуѣка. Мы найдемъ мѣсто поговорить отъ этомъ впоследствии, а сейчасъ скажемъ, что описанія могли быть и справедливыми при томъ складѣ дѣла и

*) См. стр. 127 Русс. Прост. Празд. и обряды. М. 1839 г.

при томъ воззрѣніи на предметъ, въ какомъ онъ находится. Потрудитесь посмотрѣть часть вторую и третью.

Свадебныя пѣсни, въ отношеніи ихъ значенія. Кто не знаетъ, кто не слыхалъ свадебныхъ пѣсенъ? кто не понимаетъ ихъ значенія? все это очень просто до наивности. У Римлянъ дѣвicy пѣли пѣсни до полуночи, у спальни новобрачныхъ. А у русскихъ весь свадебный обрядъ сопровождается пѣснопѣніемъ, какъ то видно изъ величаній и пѣсней во время сговора, дѣвичника и т. п.

Въ характерѣ этихъ пѣсенъ вообще высказывается приготвленіе къ обязанностямъ жены и хозяйки, изображеніе замужней жизни; иногда выраженіе тоски дѣвичей при воспоминаніи о томъ, какъ волей неволей, она должна оставить домъ родителей. Вообще такъ называемыя „свадебныя пѣсни“ содержатъ въ себѣ отбѣтки старинныхъ обычаевъ, а въ нѣкоторыхъ припѣвахъ упоминаются Ладо, Туръ и Лея, какъ Славянскіе боги любви и радостей. Въ нихъ встрѣчаются: спнее море, горячъ камень, терема и свѣтлицы, скатерти браныя, караван, перепечи, сахарныя явства, гривны и проч. и тѣмъ указываютъ на свое старинное происхожденіе.

Суженый. Происхожденіе этого слова надобно производить отъ судьбы, которая посылаетъ невѣсту жениха. Самое слово „невѣста“, означаетъ — неизвѣстная, невѣдомая—указываетъ уже на тотъ русскій обычай, когда дѣвушку женихъ могъ видѣть только послѣ вѣнца, въ качествѣ новобрачной, точно также и невѣста своего суженаго, такъ какъ оба молодые сочетались бракомъ по волѣ не своей, а родительской. Отсюда понятно, что называя въ старину вѣнчаніе „*Судомъ Божиимъ*“, видѣли въ этомъ обрядѣ заневѣдомо сочетаніе молодыхъ людей на вѣки, до могилы, возлагая свои надежды на Бога, который Самъ въ этомъ случаѣ *присуждаетъ* имъ брачный вѣнецъ.

Свадебное причитаніе, голосованіе. Есть суевѣріе, что будто бы невѣсту необходимо въ дѣвичникъ и передъ свадьбой плакать, основываясь на старинной поговоркѣ: „*не плачешь за столбомъ, будешь плакать за столбомъ*“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и по сіе время существуютъ причитанія или голосованія, такъ напримѣръ, по словамъ профессора Снегирева, въ Верховожскомъ посадѣ, Сватаньемъ.

невѣста накрытая фатою, среди подругъ — двѣицъ садится на возвышенное мѣсто съ искусною причитальщицей и начинаетъ *причитать*, то есть говорить напѣвнымъ голосомъ приличное слово или привѣтъ отцу и матери, братьямъ, сестрамъ и всѣмъ родственникамъ, прощается съ своимъ домомъ и, если ее выдаютъ на чужбину, то и съ подругами.

Свадьба съ трубами. На свадьбахъ русскихъ царей и важныхъ бояръ, кромѣ пѣсенъ, играли въ трубы зурны, какъ то извѣстно изъ описанія свадебъ въ XVII вѣкѣ *). Подобныя свадьбы, такъ и назывались *свадьбы съ трубами*. Царь Алексѣй Михайловичъ, во время бракосочетанія своего съ Натальей Кириловною, велѣлъ вмѣсто трубъ и органовъ, пѣть своимъ государевымъ пѣвчимъ, дякамъ, всѣмъ станицамъ по перемѣнно строчные и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и тріудей хорошіе стихи, со всякимъ благочиніемъ. Совершеніемъ церковнаго обряда, окончились пѣсни и главные обряды свадьбы.

*Деревенскіе обычаи **).* Изъ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ свадьбѣ самымъ дѣятельнымъ лицомъ, по возложенной на него обязанности это—дружко. Онъ распоряжается всѣмъ, что только принадлежитъ свадьбѣ и свойственнымъ свадьбѣ обычаямъ. Каждая мѣстность имѣетъ свои особенности и отгѣнки и дружкѣ (шаферу) эти обычаи должны быть извѣстны, какъ свои пять пальцевъ; онъ долженъ быть и знатокъ въ обычаяхъ, и пѣсенникъ, и весельчакъ, и плясунъ, вообще ловокъ, смысленъ, а также и не дуренъ собою и въ обращеніи.

Вотъ какъ описываютъ свадебный обрядъ, записанный въ селѣ Бурщевѣ на Волгѣ въ Нерехотскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи.

Когда все готово, дружко ѣдетъ ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ съ той и другой стороны бракосочетающихся и отъ имени жениха и невѣсты зоветъ всѣхъ въ гости, привѣтствуя при этомъ обычнымъ рѣмованнымъ наговоромъ:

Бью челомъ бачко... (имя отчество).

Бью челомъ мачка... (имя отчество).

*) См. опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ. г. Успенскаго. 1818 г. Ч. I.

***) Извлечено изъ кн. Русскіе простонародные Праздники. 1839 г. Вып. IV.

Къ новобрачному князю,
Къ молодой княгинѣ,
Хлѣба кушати.

Когда дружно объѣдетъ всѣхъ и приготовитъ весь повѣздъ
со стороны жениха къ невѣстѣ собранный, то первоначально
обращается къ отцу и матери, говоря:

Еста! сватушка коренной и сваханька коренная,
Вы сродниковъ созывали,
Харобрый повѣздъ собирали,
Новобрачнаго князя снаряжали,
Въ цвѣтно платье одѣвали,
За столы дубовые сажали:
За столами за дубовыми,
Сидятъ гости собранные
Пьютъ, прохлаждаются,
Храбрымъ поступомъ похваляются:
У тебя де, сватушка, на дворахъ на широкіехъ
Стоять кони запряженные,
Во дороженьку припасенные,
Стоять кони поминаются,
Съ широка двора порываются,
Новобрачнаго князя дожидаются.
Новобрачный князь собирается,
Во цвѣтно платье наряжается,
Стоитъ на рѣзвыхъ ногахъ,
Просить родительскаго благословенія:
Благословите, сватушко, свое дитя,
Изъ мѣста стать,
Святымъ помолиться!

Благословляйте!

Изъ за столовъ итти изъ за дубовыхъ,
Изъ за скатертей изъ за браныхъ,
Изъ за ѣствицевъ изъ за сахарныхъ,
Изъ за питьецовъ изъ за медвяныхъ,
По горенкѣ итти, по новой,
Черезъ порогъ переступить,
По мосту по колоновому,

По лѣстницѣ по брусчатой,
Широкимъ дворомъ идти,
Ко добру коню придти,
На добра коня садиться,
Съ широка двора съѣзжать,
Гладкой улицей проѣзжать,
Въ чисто поле выѣзжать;
По лугамъ ѣхать по зеленымъ,
По цвѣтамъ по лазоревымъ
Цвѣтки разцвѣтали,
Поднебесныя пташки распѣвали,
Новобрачнаго князя увеселяли;
Ѣдетъ де нашъ новобрачный князь
По свою новобрачну княгиню,
Сужену взять, ряжену взять,
По Божьему велѣнью—
По царскому уложенью
По господскому приказанью
По мірскому приговору.

Благословляйте!

Дружка, покончивъ эту стихотворную рѣчь обращается къ гостямъ:

Еста добрые люди!
Гости полюбовные!
Званые и не званые!
Усатые и бородатые!
Холостые не женатые!
У воровъ приворотнички!
У дверей притворнички!
По полу ходючи,
По середѣ стоячи,
Изъ кута по лавкѣ,
По кривой, по скамейкѣ!

Благословляйте!

Потомъ, увидя молодыхъ женщинъ, говоритъ имъ:

Молоды молодки!
Хорошія походки,

Куны шубы,
Соболины пухи,
Съ поволоками глаза,
Съ помали голова.
Золоты кокошки,
Серебряны сережки,
Дочери отецки,
Жены молодецки!

Благословляйте!

Послѣ сего дружка, вставъ, привѣтствуетъ дѣвицъ:

Красныя дѣвицы!
Пирожныя мастерицы,
Чесаныя головы,
Обутыя голени
Криночныя блудницы
Сметанку снимали,
Кокурки мѣсили
Подъ застрегъ хоронили,
Постушковъ дарили.

Благословляйте!

Наконецъ дружка, обращается къ малымъ ребятамъ; говоритъ:

Еста! малые ребята
Свинные . . . !
Кривые желудки,
Жимолостныя ноги
Броховичныя рожи,
.
.

Благословляйте!

Потомъ дружка ѣдетъ съ женихомъ къ невѣстѣ. Не доѣхавъ до селенія, въ которомъ живетъ она, оставляетъ повѣздъ въ полѣ, а самъ съ подружіемъ пріѣзжаетъ на дворъ къ свату. Сватъ встрѣчаетъ ихъ съ пивомъ въ рукахъ дружка, принявъ пиво, говоритъ такого рода прибаутку:

Еста! сватушка коренной.
Я иду самъ—третій съ ковшомъ.

Рѣзвы ноги съ подходомъ,
Бѣлы руки съ подносомъ,
Ковшикъ съ питьемъ,
Голова съ челобитьемъ;
Ковшикъ тебѣ принять да пить,
Послѣ того здоровью быть.
Въ ручки, въ ножки,
Въ буйцу голову,
Въ ретиво сердечко.
Ковшикъ прими и вкушай,
А меня тамъ въ горницѣ
Выслушай!

Затѣмъ, входя въ горницу, дружка говоритъ:

Еста! сватушка и свахонька коренные,
Намъ сватъ и сваха приказали про васъ распросить,
Про свое рассказать:
Нашъ сватъ и сваха добры и здоровы
По сяковъ день и по сяковъ часъ.
Какъ васъ Богъ несетъ?

Потомъ дружка присядетъ на нѣсколько минутъ за столъ. Вставши беретъ пиво и потчуетъ свата, повторяя сказанный предъ симъ приговоръ и прибавя къ нему просьбу, чтобы поскорѣе собрать невѣсту. Послѣ сего, по соизволенію отца, сажаетъ невѣсту за столъ, и поднося свату пива, проситъ, чтобы онъ далъ невѣстѣ стража. Этотъ стражъ сидитъ близъ невѣсты до самаго пріѣзда жениха. Коль скоро такое распоряженіе исполнилось, дружка говоритъ:

Еста! сватушка, я дружка съ поддружемъ
Пріѣхалъ къ тебѣ на широкой дворъ,
Широки двory осматривалъ,
Новы стойницы опрастывалъ,
Добро коня въ путь поворачивалъ,
За точеные столбы привязывалъ.
Ваша милость встрѣчали,
Въ нову горницу звали.
Я ходилъ въ нову горницу,
Богу помолился, съ вашей милостью поклонился,

Ваша милость встрѣчали,
За дубовые столы сажали,
Посидѣль, погостилъ,
Что надо себѣ получилъ.
Новобрачну княгиню за столъ посадилъ,
Не такъ просто уѣзжалъ,
А сторожа оставлялъ,
Богу помолился,
Съ вашей милостью простился,
Изъ новы горницы выходилъ,
На новой дворъ выступалъ,
Къ добру коню приходилъ,
На добра коня садился,
Съ широка двора съѣзжалъ,
Широкія улицы проѣзжалъ,
Въ чисто поле заѣзжалъ,
Храбрый поѣздъ свой искалъ,
Мой храбрый поѣздъ
Стоить въ чистомъ поле за далече,
За темными лѣсами,
За зелеными лугами,
За черными грязями,
За быстрыми рѣками,
Подъ ходячими облаками.
Подъ чистыми звѣздами,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцомъ,
Подъ лебединымъ крылышкомъ,
Подъ полотнянымъ шатеркомъ:
Пьютъ, ѣдятъ изъ чаши мѣдвяной,
И хваля, про свата выпрашиваютъ:
Если-ста дворы широкіе?
На дворахъ столбы точеные?
Кольца золоченныя?
Ясли крашеные?
Ковры шелковые?
Ну, сватушка! у меня ѣдетъ великъ поѣздъ.
Сто вершниковъ
Пятьдесятъ толешниковъ...

А рюмочку поднесешь, такъ и убавлю; а другую поднесешь, такъ и въ половину убавлю; а третью поднесешь, такъ и самъ по себѣ прѣйду.

Сватъ привѣтствуетъ, говоря, что онъ всѣхъ радъ принять. Послѣ сего отправясь дружка за женихомъ, привозить его къ невѣстѣ. Сватъ встрѣчаетъ, сажаетъ за столъ. Послѣ дружка вставши, говоритъ, тоже какой нибудь соотвѣтствующій приговоръ, расположенный стихами, какъ на примѣръ:

Еста, сватушка, коренной!
И сватушка коренная!
Благословляйте новобрачнаго князя—
Съ новобрачною княгиней.
Изъ мѣста встать,
Богу помолиться,
Добрымъ людямъ поклониться,
У отца и матери благословиться,
Изъ-за столовъ идти изъ-за дубовыхъ,
Изъ-за скатертей изъ-за браныхъ,
Изъ-за ѣствецевъ медвяныхъ,
По горенкѣ идти по новой,
Черезъ порогъ переступить,
По мосту по калиновому,
По лѣсенкѣ по брусчатой,
Широкимъ дворомъ идти,
Къ добрымъ конямъ придти,
На добрыхъ коней садиться,
Съ широка двора съѣзжать,
Гладкой улицей прѣзжать,
Ѣхать по чистымъ полямъ.
По зеленымъ по лугамъ,
По лазоревымъ цвѣтамъ;
Цвѣтки расцвѣтали,
Поднебесныя пташки распѣвали,
Новобрачныхъ увеселяли,
Ѣдетъ новобрачный князь,
Съ новобрачною княгиней,

Ко вѣнчанію:

Подъ вѣнцемъ стоять,
Законъ Божій принять,
Суженую взять,
Ряженую взять,
По Божью повелѣнію,
По Царскому уложенію,
По господскому приказанію,
По мірскому приговору
Благословляйте!

Тѣже наговоры или пѣсни повторяетъ дружка предъ каждымъ лицомъ прежде, чѣмъ должно вѣхать къ невѣстѣ. Когда же возвратятся отъ вѣнчанья въ домъ, посидя за столомъ и кончивъ его, дружка встаетъ и говоритъ:

Еста, сватушка коренной,
И свахонька коренная!
Благословляйте своихъ дѣтей
На подклѣть идти,
Подъ шубой спать,
Подъ куньей спать,
Кунью шубу въ ногахъ топтать
.
Здоровенько спать,
Веселенько встать.

Потомъ привѣтствовалъ онъ всѣхъ гостей и бывшихъ дружка оканчиваетъ всю церемонію свадебнаго обряда.

Пермскія свадьбы. Пермьки женятъ сыновей очень рано. „Едва минетъ зонкъ“, то-есть, когда парню будетъ восемнадцать лѣтъ, то уже отецъ и мать помышляютъ о томъ, чтобы дать ему помощницу. Поэтому рѣдко пермякъ достигаетъ 25 лѣтъ въ холостомъ состояніи и развѣ отъ того, что живетъ въ крайней бѣдности, въ сиротствѣ, или уже слишкомъ некрасивъ собою. Ранняя женидба — непремѣнный произволъ родителей и желаніе имѣть въ домѣ работницу, а иногда удержать шалуна сына отъ противозаконныхъ шалостей.

Сватовство пермяковъ. Пермькамъ свадьба представляетъ сложность въ разнаго рода предварительныхъ операціяхъ; нужно испросить дозволеніе у своего начальства и у приходскаго

священника, когда отецъ прискиваетъ своему сыну невѣсту. Подобнаго рода свадьба всегда рѣшается безъ участія жениха, стало быть по старинному обычаю, и ограничивается только совѣтомъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ, съ которыми и повершается совѣтъ и судьба будущаго благосостоянія ближайшаго ихъ родственника.

Случается, что женихъ узнаетъ свою суженую только на рукобитѣ, а иногда и въ день свадьбы; рѣдко случается, чтобы молодой пермякъ самъ подговаривалъ себя невѣсту. Отецъ жениха, самъ подговариваетъ себя дѣвушку съ богатымъ приданымъ, причемъ ищетъ характера, и благонравія въ подмѣченной имъ дѣвицѣ.

Послѣ окончательнаго рѣшенія—какую дѣвушку сватать, начинается самое сватовство (корасемъ). Это дѣло всегда принадлежитъ старшему въ семействѣ, или за неимѣніемъ, крестному отцу, а то одному изъ старшихъ родственниковъ и вообще человѣку опытному въ подобныхъ дѣлахъ.

Принявшій на себя обязанность свата, наряжается въ праздничное платье и ѣдетъ въ домъ невѣсты, лѣтомъ—верхомъ, а зимой въ саняхъ, и непременно покрытыхъ рогожей.

Сватъ, или по пермяцки сватовщикъ, при входѣ въ домъ открываетъ двери избы въ три приема. Сначала, отворивъ немного, снова затворяетъ дверь на глухо, потомъ открываетъ вторично и опять тотчасъ затворяетъ, наконецъ въ третій разъ уже открываетъ дверь совсѣмъ.

Во время входа въ избу, перенеся чрезъ порогъ правую ногу, сватъ пристукиваетъ о порогъ пятой и потомъ уже ступаетъ на полъ комнаты. Это пристукиваніе, по суевѣрному понятію пермяковъ, нужно для успѣха дѣла. Выйдя изъ подъ полатей, которыя, какъ обыкновенно высятся близъ входа, сватъ молится Богу, ставъ подъ матицу, молча кланяется хозяевамъ и садится на лавку и до тѣхъ поръ молчитъ, пока хозяинъ не спроситъ его о причинѣ прихода, и тутъ уже въ отвѣтъ на вопросъ его начинается по русски *), либо по пермяцки гово-

*) См. Пермяк. Сборникъ. 1860 г. Книжка II. Нужно замѣтить, что у Пермяковъ существуетъ свой языкъ, на которомъ они говорятъ. По увѣренію автора, женщины почти не умѣютъ говорить по русски.

рить о дѣлѣ. Предлагая жениха, котораго, какъ и водится, расхваливаетъ до нельзя. Отецъ или мать на эти слова отговариваются сколько могутъ тѣмъ, что и дѣвка молода, и выдать рано, пусть поробить дома и пр.

— Коли нибудь отдавать жо; дѣвка родилась—вѣкъ держать не будешь... Женикъ нашолся стоящей, лучше не найдется; у него всякой скотъ, пакота (пашня) дѣбра, клѣбъ изъ сусека не выводитца.

— Да она не приготовила ишшо ни подарковъ, ни лѣпоти, (верхней одежды) нѣтъ у нее ни каптана; ни сарапана.

— Для че намъ каптанъ, для че сарапанъ?... Намъ нужна короша работнича.

— Какже, безъ каптана нельзя; годъ, другой понаровимъ, все же здѣламъ; сево годы (въ этотъ годъ) намъ не годъ отдавать.

Такъ начинается первое сватовство, починъ дѣлу. Но если отецъ невѣсты окончательно почему либо не захочетъ отдавать невѣсты, то говоритъ свату: У меня нѣтъ невѣсты; испи ее въ другомъ домѣ, а ко мнѣ съ этимъ дѣломъ (сватаньемъ) не приходи. А если кошъ, приходи за просто за бражкой.

Вообще отецъ невѣсты на первыхъ порахъ бываетъ въ отвѣтахъ уклончивъ, и свату нужно не одинъ разъ прѣхать, какъ говорится, съ добрымъ словомъ, чтобы получить окончательное согласіе и согласится съ отцемъ на счетъ рукобитья и сговора.

Если же невѣста не желаетъ выдти за предложеннаго жениха, то отецъ отказываетъ во второй или третій разъ.

Замѣчательно, что сватовъ не угощаютъ у невѣсты, не смотря на то, что сваты сидятъ тогда отъ 3 до 5 часовъ.

Пермячки рѣдко сохраняютъ дѣвство, но женихи на это не обращаютъ особеннаго вниманія и не объгаютъ, а напротивъ берутъ съ охотою и даже беременныхъ, расчитывая, что мирень*), скоро работникъ будетъ. Рассказываютъ и такія вещи, что отцы основали такое убѣжденіе: въ семьѣ считая дочерей своихъ невинными, оскорбляются сватовствомъ, бранятъ и даже

*) Незаконнорожденный, мірской мальчикъ. Сп. Ж. М. В. Д. статья Рогова.

выгоняють сватовъ, иногда даже колотятъ, говоря: „Что разь дочь моя пенна?“ то-есть виновная (отъ слова пеня, вина).

Въ день, назначенный для рукобитья, сватовщикъ беретъ у жениха вина, пива, рыбный пирогъ и съ этими дарами является въ домъ невѣсты, въ сопровожденіи одного изъ родственниковъ или родственницъ. Но самъ женихъ рѣдко бываетъ на рукобить и входитъ въ домъ, только по желанію невѣсты.

И тутъ уже, послѣ полного изъявленія согласія, въ день, назначенный для рукобитья, отецъ притворно отпѣкивается. И только родственники невѣсты, напоминаютъ ему о данномъ словѣ, заставляютъ тѣмъ, какъ будто удержаться отъ отказа и дать согласіе.

Тутъ сватъ ставитъ съ виномъ посуду кромѣ одной, которую оставляютъ на нужды невѣсты! Отецъ ея приказываетъ зажечь свѣчу предъ иконою и принести хлѣбъ и соль на столъ. Затѣмъ всѣ въ избѣ молятся съ минутой времени. Затѣмъ отецъ заходитъ за столъ, къ столу, подходитъ сватовщикъ и берутся правыми руками и проговоривъ: „Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ,“ сватовщикъ говоритъ отцу: „Смотри сватъ, ней—мѣй другаго слова! попятись—отдашь безчестіе, я отступлюсь—я плачу“.

Съ одной стороны товарищъ сватовщика, а съ другой мать невѣсты, разнимаютъ руки; это служить, какъ бы поручительствомъ въ томъ, что между сватами дѣло начато и утверждено при свидѣтеляхъ.

Послѣ того сватъ угощаетъ всѣхъ присутствующихъ водкою; а отецъ, выйдя изъ за стола, проситъ садиться. Потомъ появляется нарядная невѣста и обноситъ всѣхъ водкою принесенною *на нужды* сватомъ и даритъ всѣхъ подарками преимущественно своего рукодѣля и не дорогими. А гости отдариваютъ за то деньгами. Если тутъ присутствуетъ женихъ, то онъ тоже получаетъ подарокъ.

Послѣ даровъ, сватовщика и сопровождающаго или сопровождающую его угощаютъ нарочно, приготовленнымъ для нихъ праздничнымъ обѣдомъ, состоящимъ преимущественно изъ рыбнаго пирога, студени, шей, двухъ трехъ жаркихъ, иногда меда. Во время обѣда угощаютъ всѣхъ безразлично званыхъ и незваныхъ пивомъ и виномъ привезеннымъ сватомъ, причемъ на-

питковъ не жалѣютъ, а богатый отецъ невѣсты иногда расходится до того, что и своимъ виномъ угощаетъ: Разъѣзжаются уже поздно ночью.

Когда на рукобитъѣ бываетъ женихъ, то во время даровъ и столованія соблюдаются обрядности, поются пѣсни, также, какъ и въ день свадьбы.

Это рукобитье у Пермиковъ замѣняетъ просватанье. Сначала его, по день пирожнаго стола включительно, въ домахъ жениха и невѣсты никому не даютъ денегъ взаймы и даже вещей и предметовъ и невѣста считается просватанною. Начиная съ этого дня въ домъ приглашается вытница (плакальщица, причитальщица) и подруги.

Вытница, это лицо очень важное въ свадебномъ дѣлѣ. Обыкновенно въ эту должность идутъ:—или старыя дѣвушки или замужнія женщины хорошо знающія пѣть свадебныя пѣсни и руководить хоромъ дѣвушекъ, разумѣется она должна обладать пріятнымъ голосомъ и манерою пѣть.

Вытницей она называется не потому, что сама плачетъ, а потому, что во время ея пѣнія невѣста „воетъ“, то есть плачетъ.

Хорошія вытницы очень рѣдки и, потому у Пермиковъ онѣ въ большомъ уваженіи.

Въ теченіи времени, начиная съ рукобитья до вѣнца, какъ вытница такъ и дѣвушки, если не постоянно, то все таки и не рѣдко, посѣщаютъ невѣсту и помогаютъ ей готовить подарки, какъ невѣстѣ такъ и самой роднѣ жениха.

Въ первые дни послѣ рукобитья всѣ родственники, начиная съ стороннихъ и ближнихъ приглашаютъ по очередно къ себѣ невѣсту съ вытницею и съ подругами къ себѣ въ гости, для чего присылается такъ называемый „зватый“. Невѣста угощаетъ этого *зватаго* виномъ и даритъ его, тѣльникомъ, (крестомъ), и двумя поясами. Для выхода въ гости, она одѣвается по праздничному и вплетаетъ въ косу разноцвѣтныя ленточки. Ставъ среди избы съ подругами и запѣвалой (вытницей), онѣ поютъ пѣсню отцу, въ которой испрашиваютъ его благословенія въ дорогу, куда онѣ приглашаются, причемъ невѣста кланяется отцу въ ноги. Отецъ даетъ благословеніе и затѣмъ тоже, съ приличными измѣненіями пѣсня обращается къ матери и къ другимъ старшимъ въ домѣ.

Получивъ отъ всѣхъ благословеніе, невѣста отправляется въ гости въ сопровожденіи всѣхъ своихъ подругъ, если близко — то пѣшкомъ, а если далеко и зимою, — въ саняхъ, а лѣтомъ — верхомъ. При этомъ подруги берутъ съ собой сидѣнье невѣсты — войлокъ и подушку и дорогой распѣваютъ разныя прогослосныя пѣсни.

Если невѣста ѣдетъ къ теткѣ, то подойдя къ переднему крыльцу, дѣвушки ея сопровождающія стелютъ войлокъ передъ избныя двери и ставши на него виѣсть съ невѣстой поютъ:

Не хотѣла ты матушка,
На мосту меня заморозить.
Прищипало мои ноженьки рѣзвыя
Къ мосту, да къ калиновому;
Прищипало мои ручки бѣлыя
Ко скобѣ да ко желѣзною.

Тетка, между тѣмъ, постлавши въ избѣ къ порогу войлокъ, выходитъ въ сѣни съ туясомъ теплой браги для невѣсты и сопровождающихъ ея подругъ. Невѣста при этомъ падаетъ теткѣ въ ноги, а дѣвушки поютъ краткую пѣсню о кручинѣ невѣсты, что она въ послѣдній, хоть и не въ первый разъ къ ней приходитъ. Мысль пѣсни, понятно, выражаетъ тоску о дѣвической жизни.

Поднесенную брагу, разумѣется, пьютъ всѣ; войлокъ и подушку вносятъ въ избу. Молятся, кланяются, съ женскимъ поломъ цѣлуются и садятся. Хозяйка съ своей стороны дорогихъ гостей угощаетъ брагой, пивомъ, виномъ, пельменями и другими кушаньями. Въ холодное время, чтобы скорѣе разогрѣть невѣсту, подносятъ ей теплое пиво съ перцемъ. Коль скоро дѣвицы будутъ угощены всѣмъ до сыта, то онѣ поютъ пѣсню, въ которой отъ лица невѣсты славятъ тетку, благодарятъ за угощеніе и выхваляютъ ея кушанья до нельзя, и не только одной теткѣ, но каждому порознь члену въ домѣ. За это чествованіе каждый въ домѣ даритъ невѣсту деньгами отъ 1 копѣйки даже до 20 копѣекъ, кромѣ тетки, которая даритъ невѣсту шамшурою.

Затѣмъ поются пѣсни разнаго рода, и тетка получивъ отъ невѣсты холстъ на рукава, тѣльникъ и два пояска, а хозяину

порты или опояску съ тѣльникомъ и двумя поясками и другіе предметы. Все дѣло въ томъ, что вся ііеса посѣщенія тетки или даже другихъ родственниковъ состояла въ прославленіи пѣснями.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней передъ свадьбою, отецъ жениха, или за смертью отца старшій и ближній его родственникъ—сватовщикъ пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты условиться о днѣ свадьбы, что значитъ по пермячки—*держать совѣтъ*.

Онъ опять привозитъ съ собою вина, пива, рыбный пирогъ и челпанъ, завернутые въ платокъ и обвитые тѣльникомъ и двумя поясками. Вино поступаетъ къ отцу, а пирогъ съ платкомъ, тѣльникомъ и поясками, матери невѣсты. За эти подарки мать посылаетъ такіе же гостинцы отъ лица невѣсты къ жениху. Невѣста угощаетъ дорогаго гостя виномъ, которое получила при рукобитѣ, а также пивомъ, брагой и обѣдомъ.

За день, или за два до свадьбы отецъ жениха совѣщается съ семьей, кого поставить въ поѣзжане и особливо въ вѣжливцы *).

Поѣздъ составляется такимъ образомъ: Крестный отецъ, старшій братъ или дядя жениха—тысяцкіе или бояре. Крестная мать, или старуха тетка, замужняя сестра въ—свахи. Младшіе братья и знакомые жениха—въ дружки, и подружки; а какой нибудь колдунъ, знахарь—въ вѣжливцы. „Присутствіе колдуна или вѣжливца, по мнѣнію Пермяковъ, отвращаетъ отъ поѣзда великой злой умыселъ или злаго врага“ и т. п.

Въ это время суевѣрные Пермяки особенно опасаются, не оборотилъ бы кто свадебжанъ—въ звѣрей или птицъ. Поэтому вѣжливецъ долженъ быть силенъ въ колдовствѣ; оттого людей годныхъ для этой должности весьма мало и вѣжливецъ становится чрезвычайно важнымъ лицомъ на свадьбѣ—его почитаютъ больше всѣхъ поѣзжанъ.

Избранные въ поѣздъ приглашаются наканунѣ свадьбы въ домъ жениха. Приглашеніе это дѣлается со стороны отца, брата или дяди жениха, получающіе по этому случаю названіе „зватыхъ“.

Каждому приглашаемому „зватый“ привозитъ въ подарокъ

*) Вѣжливецъ—знахарь, которому поручается оберегать молодыхъ отъ порчи, дурнаго глазу и отъ прочаго.

челпанъ хлѣба и кусокъ говядины, но чаще сырую баранью лопатку. Въ тоже время своего рода приготовленія происходятъ въ домѣ невѣсты.

Въ послѣдній день передъ свадьбой (въ дѣвишникъ) невѣсты расплетаютъ косу и водятъ ее въ нарочно истопленную баню, а передъ тѣмъ какъ ее вести, поютъ пѣсни, испрашивая родительскаго благословенія и тоже благословенія братьевъ, сестеръ и всѣхъ другихъ членовъ семейства.

При всемъ этомъ, невѣста кланяется всѣмъ въ ноги безразлично, начиная со старшихъ.

Въ баню отправляются съ пѣснями, точно также, какъ и возвращаясь изъ бани. При встрѣчѣ мать, возвращающихся изъ бани невѣсту и подругъ, подчуеъ брагою и благословляетъ словомъ, а за тѣмъ слѣдуетъ ужинъ, послѣ котораго дѣвушки опять поютъ благодарственную пѣсню отъ имени невѣсты, и, выйдя изъ за стола и ставъ среди избы всѣ поютъ съ невѣстою опять пѣсню, содержаніе которой заключаетъ въ себѣ просьбу къ отцу о дарованіи благословенія на житье въ дальней сторонущкѣ. Отецъ, благословляетъ дочь; она при этомъ даритъ ему, что нибудь изъ бѣлья съ новымъ приговоромъ, а за тѣмъ всѣмъ роднымъ въ домъ. Эту пѣсню повторяютъ матери, дядьямъ, теткамъ, братьямъ, сестрамъ и другимъ взрослымъ домочадцамъ, а затѣмъ невѣста дѣлаеъ всѣмъ подарки. Когда же пѣсни кончается, невѣста кланяется въ ноги вытницѣ и даритъ ее холстомъ или рукавами.

Вслѣдъ за этимъ, дѣвушки садятъ невѣсту на лавку и въ послѣдній разъ заплетаютъ ей косу съ ленточками, сопровождая это припѣвами, сообразными времени.

Потомъ, съ одной, или съ двумя подругами, невѣста ложится за столъ на лавку противоположную дверямъ, къ которой на этотъ разъ приставляется скамейка; прочія дѣвушки, если онѣ одной деревни съ невѣстой, уходятъ домой,—если же дальнія, то ложатся, на полъ и на полати.

Между тѣмъ у жениха, наканунѣ свадьбы, въ избѣ моютъ полъ и застилаютъ ихъ соломой съ тѣмъ понятіемъ, чтобы молодой не бѣдно жилъ съ женой и не „голо“, а богато, или по народному выраженію „толсто“. По вечеру женихъ ходитъ въ баню, Впрочемъ безъ всякихъ обрядностей.

Въ день свадьбы, лишь только проснется невѣста, какъ дѣвушки опять начинаютъ отъ лица невѣсты пѣть пѣсню, въ которой говорится, что: „будто бы постель невѣсты уплыла по синю морю, что она не могла ее поймать, а что поймалъ ее одинъ удалый добрый молодецъ и положилъ на свою кроватушку“. А потомъ поютъ дѣвицы, каждому изъ членовъ семейства невѣсты, тоже отъ ея имени, гдѣ высказывается сожалѣніе, что не она имъ стлала постель въ горѣ и кручинушкѣ, и сомнѣваются хорошо ли спали ночевали, тотъ или другой членъ семейства. Затѣмъ невѣста встаетъ и опять проситъ благословенія умываться, снаряжаться, подъ золотымъ вѣнцомъ стояти, законъ Божій пріяти, съ чужь-чужениномъ, и опять падаетъ въ ноги отцу и матери, которые, по обыкновенію опять благословляютъ невѣсту словами: „Богъ благословитъ!“ Послѣ того невѣста вмѣстѣ съ дѣвушками спускается въ подполицу—въ голбець—одѣваться. Сначала она умывается съ мыломъ, потомъ она надѣваетъ чистую рубашку, новую и лучшую съ бѣлыми рукавами, китайникъ, на плечи шаль, или ситцевый платокъ, на голову—ленту и сверху фату, на ноги чулки и коты. Но прежде всего этого, по народному суевѣрью, опоясывается по голому тѣлу лыкомъ, подъ пазуху правой руки кладетъ по немногу льна, шерсти, мыла и на грудь три кренделя или три пряничка. По мнѣнію Пермиковъ, лыко—защита отъ колдуновъ и уроковъ (припадковъ;) ленъ, шерсть и мыло выражаютъ желаніе молодой носить всегда льняную и шерстяную одежду и ходить чисто и богато; кренделями выражается та мысль, чтобы у мужа никогда не переводился хлѣбъ и сытая жизнь. Такимъ образомъ одѣвши невѣсту, дѣвушки вмѣстѣ съ нею поютъ выходя изъ подполицы пѣсню, гдѣ отъ лица невѣсты выражаютъ сребра и здоровья Царю и Царицѣ и его малымъ дѣтушкамъ, а потомъ родимымъ отцу и матери, потомъ за себя молодешеньку съ желаніемъ счастья великаго; приэтомъ на самомъ дѣлѣ кладетъ по земному поклону предъ образами.

Окончивъ это моленіе, дѣвушки съ невѣстою садятся на лавки и поютъ:

Наглядись ка родимый батюшка

На меня, на молодешеньку.

Хорошо ли я снарядилась

По Божьи въ церкви ѣхати,
Подъ златой вѣнецъ ставати,
Законъ Божій прияти
Со чужимъ то со чужениномъ?

Эту пѣсню повторяютъ матери, роднымъ братьямъ и сестрамъ, а также и присутствующимъ родственникамъ. Затѣмъ продолжаютъ:

Я тебѣ, батюшка,
Бью челомъ, низко кланяюсь:
Я была у тебя, батюшка,
Мадымъ то малешенька,
Возлѣ лавочки ходила,
Со по стульчикамъ бѣгала,
Бралъ ты меня, батюшка,
На свои ручки бѣлая;
Поднималъ ты меня батюшка,
Выше буйной головушки;
Говорилъ ты мнѣ, батюшка:
„Не отдамъ я тебя, мила дочь,
Ни за князя, ни за боярина;
Посажу я тебя, мила дочь,
Во сады, во зеленые;
Обтыню я тебя, мила дочь,
Тынинами желѣзными;
Покрою тебя, мила дочь,
Камкою трубчатою;
Осыплю тебя, мила дочь,
Мелкимъ частымъ жемчугомъ.“
Вотъ сижу я у тебя, батюшка,
Во кути, за занавѣсой:
Обтынилъ ты меня, батюшка,
Кумушками, да подружками:
Покрылъ ты меня, батюшка,
Тоскою да кручинушкой;
Обсыпалъ ты меня, батюшка,
Слезами, да горючими.

Въ продолженіи этой пѣсни, невѣста плачетъ не шутя. По окончаніи этой пѣсни, дѣвушки расплетаютъ невѣстѣ косу и вновь поютъ пѣсню, такого содержанія, гдѣ говорится между прочимъ о томъ, что невѣсту беретъ раздумье: „*Кому оставить свою русу косу и дѣвью красоту?*“, Оставить ли родимому батюшкѣ,—тотъ пропѣетъ все это во царевомъ кабакѣ за едину чарочку, оставить ли родимой матушкѣ,—та охоча ходити и гуляти; а потому обронить въ черную грязь, и, наконецъ—рѣшается оставить русу косу въ церкви Божіей, за престоломъ Богородицы, гдѣ ей будетъ „*мѣсто и мѣстичко, и жительство и красованьицо*“.

Послѣ такой пѣсни начинается ожиданіе жениха съ поѣздомъ.

Поѣзжане пріѣзжаютъ къ жениху, смотря по времени года, верхомъ, въ саняхъ, или на телѣгахъ и всегда съ большимъ звономъ. Къ пріѣзду поѣзжанъ, женихъ бываетъ уже одѣтъ. Бѣлье его бываетъ бѣлое, зипунъ черный и сапоги. Въ первый сапогъ женихъ кладетъ копѣйки три мѣдныхъ, и всегда полушками. Ко времени отпуска жениха, мать, или старшая въ домѣ родственница, приносятъ на столъ, накрытый скатертью, челпанъ хлѣба, назначенный для благословенія жениха, соль пиво и брагу и зажигаетъ предъ Иконами свѣчи. Женихъ молится, кланяется отцу и матери въ ноги, испрашивая благословенія и, прочитавъ Иисусову молитву, становится за столъ, къ которому съ той же молитвой подходятъ всѣ поѣзжане и отдають, одинъ за другимъ, жениху чрезъ столъ обѣими руками принесенные подарки или гостинцы. Они состоятъ изъ печеной лопатки, или куска сырой свинины, и всегда на хлѣбѣ, причемъ, каждый говоритъ: „Прими-ко князь молодой, дорогіе подарки“, и сопровождаютъ молитвой: „Господи Иисусе Христе“ и прочее. На это женихъ отвѣчаетъ каждому: „аминь—твоей молитвѣ“, затѣмъ принимаетъ тоже обѣими руками, гостинцы, кладетъ ихъ сначала на голову, потомъ на столъ и подчууетъ каждого поѣзжанина пивомъ и брагой, рѣдко виномъ, творя Иисусову молитву и приговаривая: „Пей-ка на здоровье (такой-то). На это конечно отзывается каждый поѣзжанинъ, къ которому обращается женихъ, словомъ: „Аминь—твоей молитвѣ и принявъ стаканъ, кланяется жениху, приговаривая: „Дай тебѣ Господи долги вѣка, счастье великое, жить да быть, да счастья

нажить, скота, живота, хлѣба—соли, княгиню—молодицу получить, съ княгиней въ церковь ѣхати, подъ златыми вѣнцами стояти, законъ Божій принять!“ и затѣмъ каждый угощаемый пьетъ. Мать, или старшая родственница жениха уноситъ со стола гостинцы въ кутъ.

По приглашенію хозяина, всѣ поѣзжане, долженствующіе его сопровождать, садятся за столъ и по обѣ стороны жениха. Тысяцкій справа, а слѣва сваха, впрочемъ это зависитъ отъ расположенія избы; но вообще свахѣ даютъ одно изъ мѣстъ съ краю стола, по ближе къ кути. Женихъ во все время сидитъ или на войлокѣ, или на подушкѣ. Прежде, чѣмъ отправить жениха съ поѣзжанами къ невѣстѣ, поѣзжанъ угощаютъ рыбнымъ пирогомъ, затѣмъ ухую, въ скоромные дни — бараньей лопаткою, а послѣ всего, какъ знакъ окончанія закуски—приносятъ каравай. Что касается до жениха, то онъ по обычаю—въ это время ничего не ѣстъ, хотя поѣзжане услаждаютъ во время закуски то пивомъ, то брагой. Послѣ закуски поѣзжане приготавливаются къ невѣстѣ, причѣмъ дружка опять таки благословясь, говорить:—„Садитесь отецъ на отцово, мать на материно“. По его предложенію родители жениха заходятъ за столъ тоже съ молитвой и дружка начинаетъ, благословясь, говорить:

„Отецъ родимый! мать родимая! у васъ въ дому во свѣтлой свѣтлицѣ, во новой горницѣ, за новымъ столомъ, за скатертью шитой—браною, князь молодой сидѣлъ съ полкомъ—съ поѣздомъ, съ тысяцкимъ, съ боярами, съ дружкой и съ подружкой; не проситъ у васъ князь молодой, ни злата ни серебра, а проситъ вашего благословенія—къ княгинѣ—молодицѣ ѣхати, княгиню—молодицу получить, съ княгиней — молодицей до Божьей церкви доѣхати, подъ златымъ вѣнцомъ стояти, законъ Божій принять. Чѣмъ его благословите? ласковымъ словомъ, или низкимъ поклономъ, или Божьимъ образомъ, или хлѣбомъ съ солью?

Отецъ и мать въ это время выходятъ изъ за стола; отецъ беретъ икону изъ передняго угла, а послѣдняя—челпанъ хлѣба со стола и становятся предъ столомъ спинами къ переднему углу; женихъ кладетъ предъ образами три поясныхъ поклона, а два земныхъ, потомъ падаетъ въ ноги отцу и матери. Роди-

тели благословляютъ жениха—сына то образомъ, то хлѣбомъ попеременно, говоря: „Дай Господи тебѣ княгиню—молодицу получить—законъ Божій принять!“

Такой же обрядъ, и тотъ же порядокъ исполняютъ надъ женихомъ старшіе въ домѣ послѣ отца съ матерью, братья и сестры жениха, иногда старшіе въ семействѣ и тысяцкій, какъ почетный членъ жениха и чаще всего родственникъ.

Но вотъ, далѣе: Образъ кладутъ за пазуху жениха, а челпанъ беретъ дружка. Затѣмъ всѣ поѣзжане и женихъ, въ сопровожденіи своихъ родителей, родственниковъ и гостей выходятъ заднимъ крыльцомъ во дворъ, гдѣ опять съ молитвой садятся, каждый на свое мѣсто, кто на чемъ пріѣхалъ, кромѣ дружекъ, которые всегда бываютъ верхами. Колдунъ, или вѣжливецъ, между тѣмъ ворчитъ про себя заговоръ, обходитъ всѣхъ лошадей, передвигаетъ экипажи, потрясываетъ колокольцы и бубенчики (шаркунцы). Хоть и глупо съ одной стороны вѣряться вѣжливамъ, но съ другой стороны нельзя и не приглашать простымъ людямъ такихъ знатоковъ дѣла въ предохраненіе могущаго произойти несчастія отъ простыхъ причинъ.

Отецъ жениха угощаетъ поѣзжанъ виномъ, въ случаѣ состоятельности обходя „подачей“ всѣхъ три раза. Вслѣдъ за отцомъ, мать и братъ жениха подносятъ пиво и брагу. Дружка творитъ молитву и говоритъ: „Тысяцкій воевода! приготовился ѣхать или не приготовился“. Тысяцкій отвѣчаетъ: „да или нѣтъ“, въ послѣднемъ случаѣ значитъ, что онъ ждетъ подачи, которая и повторяется. Въ продолженіи этого, дружки, обращаясь къ жениху, поютъ пѣсни, вопрошая жениха: „куда ты молодецъ снаряжаешься со полкомъ, со поѣздомъ“ и пр. По окончаніи пѣсни дружка опять спрашиваетъ тысяцкаго: „приготовился или не приготовился?“ тысяцкій отвѣчаетъ на это, приготовился. Тогда дружка, какъ и прежде, сотворивъ молитву: „Господи Иисусе“, говоритъ: „отецъ родимый, милые братья, милые сестры, гости званые и незваные! благословите нашего князя молодого, ясна сокола, со всѣмъ полкомъ, съ поѣздомъ и пр. къ княгинѣ—молодицы ѣхати и пр.“ приглашаемые всѣ отвѣчаютъ: „Богъ благословить!“ послѣ благословенія, дружки поютъ: „соколы вы, соколы, соколы перелетные! и пр.“ а потомъ „бояре. вы бояре. бояре пріѣзжіе и пр.“ и поѣздъ от-

правляется къ невѣстѣ, причѣмъ дружко везетъ къ невѣстѣ подарки. Нѣкоторые подарки весьма оригинальны по назначенію—вино для отпирателя воротъ у невѣстѣ, и для угощенія, отца и прочихъ. Пиво—въ лагунѣ, рыбный пирогъ обвязанный поясками, для матери невѣсты и для сестеръ; ячные пироги или тоже рыбные, для вытницы съ дѣвушками и наконецъ челпанъ хлѣба, свой или чужой, китайникъ, фаты, коты, чулки и мыло со вдавленною въ него монетою для невѣсты.

Свадебный поѣздъ, обыкновенно составляется изъ нечетнаго числа поѣзжанъ большею частью изъ 7 или 9 человекъ: жениха, тысяцкаго, двухъ, трехъ бояръ, одного или двухъ дружекъ, поддрузья, свахи и вѣжливца. Тронувшись съ мѣста, поютъ: „Какъ по морю, морю синему, по синему, по хвалынскому, плыль селезень и пр.“ Подѣзжая къ дому невѣсты поютъ: „У нашего добра молодца, черны кудри увиваются, увиваются, завиваются на три сторонушки и пр.“ Въ домѣ же невѣсты въ это время поютъ: „Погляжу я молодешенька, вдаль да во чистое поле и пр.“

Въ этой пѣснѣ высказывается и похвала поѣзжанъ въ отношеніи ихъ богатства, и въ тоже время, близкая тоска о разлукѣ съ роднымъ домомъ, и жизни съ чужь-чужениномъ и просьба невѣсты охранить домъ отъ нашествія супостатовъ—разлучниковъ.

Въ это время обыкновенно поѣздъ уже у воротъ дома. Дѣвушки прячутся въ кути. Невѣста садится противъ печи на лавку, покрытую войлокомъ или подушкой. Это служитъ примѣтой или желаніемъ, жить не бѣдно.

Дружки жениха подойдя къ окну, читаютъ три раза „Господи Іисусе“ невѣста отвѣчаетъ: „Аминь.“

— Отецъ родимый! мать родимая! звали ли гостей? ждали ли гостей? спрашиваетъ дружко.

— Звали, звали! отвѣчаетъ хозяинъ.

— Бьемъ челомъ, снова говоритъ дружко.

— Было ли сватовство? было ли любовство? было ли обрученіе?

— Было, отвѣчаетъ хозяинъ.

— Отецъ родимый! мать родимая! у насъ князь молодой, ясный соколъ со всеѣмъ полкомъ, со всеѣмъ поѣздомъ, тысяцкій

съ боярами, дружко съ поддружемъ, сваха съ проводничкомъ стоятъ подъ окномъ, подъ небеснымъ облакомъ,—дозволили намъ, дружкамъ, спроситься: во время ли или не во время мы прѣехали?

— Во время—отвѣчаетъ хозяинъ.

— Будетъ ли приказано намъ—къ золотому вашему столбу, къ серебряному кольцу—коней привязать, али во дворъ заѣхать?

— Во дворъ заѣзжать.

— Будетъ ли довольно у воротъ воротниковъ, у дверей придверниковъ?

— Будетъ.

— Будетъ ли конямъ сѣна до ушей, овса до копытъ?

— Будетъ.

— Нѣтъ ли на дворъ свињи горласты, собаки кусасты? гуся зубаста? Свиней во хлѣвъ загоните, собакъ на цѣпь привяжите, гусей въ стало запряте. Намъ прикажите, али сами исполните?

— Сами.

— Нѣтъ ли въ домъ курицы летучей? запряте въ шестокъ, чтобы она по избѣ не летала, сажу не спускала, цвѣтно платье не марала.

— Нѣтъ.

— Кто будетъ ворота отворять? отецъ или мать, братья али сестры, али гости званые, али не званые, али люди прихожіе, али намъ, дружкамъ прикажете?

— Братъ отворить, отвѣчаетъ хозяинъ.

Это порученіе падаетъ на дядю или на другихъ мужчинъ—родственниковъ.

Когда посланный отправится отворять ворота, то въ избѣ, предъ образами зажигаютъ одну или двѣ свѣчи, и дѣвицы въ это время поютъ небольшой куплетъ, выражающій упрекъ отцу за то, что онъ не послушавшись ее, молодой дѣвушки, отворилъ ворота и впустилъ ея разлучниковъ и супостатчиковъ.

Нѣкоторые изъ веселыхъ и богатыхъ отцевъ, нарочно въ началѣ или въ концѣ разговора съ дружкой, стрѣляютъ по поѣзду холостымъ зарядомъ, причемъ иногда лошади пугаются и сбрасываютъ сѣдоковъ, къ общему удовольствію и смѣху.

Потомъ поѣздъ заѣзжаетъ во дворъ, къ заднему крыльцу.

Отпиравшему ворота, дружка даетъ въ особой посудѣ вино съ кошушку, и съ Иисусовой молитвой, кладетъ нагайкой крестъ на воротахъ и на ближнемъ къ нему углу дома. Поѣзжане и женихъ выходятъ изъ повозокъ или спѣшиваются, снимаютъ верхнюю одежду и складываютъ ее въ повозки, или на сѣдла.

Дружка кладетъ за пазуху восковую свѣчку, а на особое блюдо для отца невѣсты, ставитъ вино. Для матери кладетъ пирогъ съ рыбой, для невѣсты—челпанъ, и одинъ, а иногда вмѣстѣ съ подружіемъ, идетъ въ избу. Здѣсь онъ молится Богу, произноситъ Иисусову молитву и говоритъ: „Становитесь—отецъ на отцово мѣсто, мать на материно“—и, когда отецъ и мать станутъ рядомъ за столъ, продолжаетъ: „Руки съ подносомъ, ноги съ подходомъ, головы съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ. Идутъ отъ нашего князя молодого, яснаго сокола, дорогіе гостиночки, честны—не малы примете, аль не примете?“

— Примемъ—отвѣчаютъ отецъ и мать.

Дружка снимаетъ съ блюда слѣдующій имъ подарокъ, кладетъ его на столъ, потомъ продолжаетъ: „Идутъ къ княгинѣ—молодицѣ отъ нашего князя молодого, яснаго сокола, дорогіе гостиночки, честны—не малы: какъ прикажете—на столъ положить, али намъ поднести?“

— Ты, дружка, самъ поднеси, говоритъ отецъ.

— Со свѣтомъ, или безъ свѣту?

— Со свѣтомъ, обыкновенно, отвѣчаетъ отецъ.

— „Свѣчи воску яраго отъ насъ, а свѣтъ летучій отъ отца и материнной душъ“,—говоритъ дружка, и вынимаетъ изъ за пазухи свѣчку зажигаетъ ее отъ свѣчей предъ иконами и идетъ въ куть къ невѣстѣ, говоря: „Дѣвицы—пѣвицы, пирожныя мастерицы, старыя старушки, молодыя молодки! подвиньтесь, отсторонитесь отъ княгини—молодицы, чтобы мнѣ на правую ножку не наступить, чулокъ не замарать, башмакъ не разорвать, въ бѣлу грудь не толкнуть, безчестія не хватить.“

Невѣста съ дѣвушками встаетъ на ноги; дружка сотворивъ Иисусову молитву, продолжаетъ: „Княгиня—молодица! становись ко ты на рѣзвы ножки, на куньи лапки; прими ка ты отъ нашего князя молодого, яснаго сокола, дорогіе подарочки, добрыя гостиночки.“

Въ отвѣтъ на это дѣвушки поютъ отъ лица невѣсты: „Не приму я безъ роднаго батюшки отъ чужь чуженна дорогіе подарочки, которые разлучатъ меня изъ дома родительскаго“.

Дружка опять творитъ молитву и проситъ отца благословить невѣсту на принятіе даровъ отъ жениха. Отецъ изъ за стола даетъ благословеніе. Затѣмъ точно также пѣсня повторяется матери невѣсты и прочимъ ея родственникамъ, каждому особенно и по старшинству. Всѣ родственники благословляютъ невѣсту на принятіе подарковъ и, тогда уже невѣста принимаетъ подарокъ ей слѣдуемый—челпанъ. Она поднимаетъ челпанъ на голову, потомъ отломивъ отъ него кусочекъ, даетъ матери, а затѣмъ помѣщаетъ въ близъ стоящую коробку; на блюдо дружкѣ для передачи кладетъ свой челпанъ для жениха.

Загасивъ свѣчу и положивъ ее на грядку съ отдарками невѣсты, дружка возвращается во дворъ. Невѣстинъ челпанъ бываетъ черствый и мягкій. Отъ черстваго женихъ также отламываетъ небольшой кусокъ и съѣдаетъ его. Взаимное отдариваніе челпанамъ имѣетъ свой тайный смыслъ. Женихъ даетъ понятіе невѣстѣ, что у него будетъ достаточно хлѣба для прокормленія жены и семейства. А невѣста своимъ подаркомъ оказываетъ, цѣломудренна ли она? Цѣломудренная посылаетъ жениху самый черствый хлѣбъ, а нарушившая дѣвство—мягкій. Съ какою цѣлю обнаруживается такой порядокъ—объяснить можно только тѣмъ развѣ, что у пермяковъ нарушенное дѣвство не означаетъ особеннаго проступка или паденія чести дѣвушки, какъ и у Японцевъ.

Отдавъ жениху невѣстинъ челпанъ, дружка кладетъ на блюдо другіе подарки невѣстѣ: китайникъ, фату, коты, чулки, мыло и вмѣстѣ съ женихомъ и другими поѣзжанами входитъ въ сѣни, отворяетъ двери въ три приѣма, и прочитавъ молитву, говоритъ черезъ порогъ невѣстиной свахѣ: „свашенька, ты матушка! приступись поближе, поклонись пониже, не будь ты драчлива, не будь ломлива, будь жалостлива, будь приступлива!“ Невѣстина сваха тихонько подходитъ къ дверямъ со стаканомъ вина или пива; изъ сѣней низко кланяется ей женихова сваха, тоже со стаканомъ пива. Когда невѣстина сваха подойдетъ къ порогу и перенесетъ черезъ него одну ногу, дружки выводятъ ее въ сѣни и запираютъ двери. Здѣсь свахи

мѣняются стаканами и, поцѣловавшись, выпиваютъ пиво. Тогда женихъ съ повозомъ входятъ въ избу. Дружка, прочитавъ обычную молитву, говоритъ: „У насъ князь молодой, ясный соколъ, стоитъ среди пола, среди дубоваго,—просить мѣста. Благословите-ка отецъ и мать—ему мѣсто!“—„Вотъ мѣсто здѣсь“, говоритъ отецъ, указывая на лавку въ переднемъ углу, а самъ выходитъ изъ за стола.

Тысяцкій окупаетъ мѣсто, оплачивая его деньгами отъ 3 до 20 копѣекъ серебромъ. Женихъ садится. Дружка беретъ съ грядокъ свою свѣчку, зажигаетъ ее и, прочитавъ молитву говоритъ: „Идетъ отъ нашего князя молодаго, яснаго сокола къ княгинѣ молодежи, бѣло мыло, злато серебро, цвѣтно платье, сини чулочки, красные башмачки. Бѣло мыло—на умыванье, злато-серебро—на уживанье, цвѣтно-платье на одѣванье, сини чулочки, красные башмачки—на обуванье, кому прикажете поднести?“

— Невѣстѣ поднесите, отвѣчаетъ отецъ.

Дружка читаетъ молитву, входитъ въ куть вмѣстѣ съ вѣжливецемъ и обращается съ такими словами къ невѣстѣ: „княгиня ты, молодица! ты прими отъ нашего князя молодаго, яснаго сокола, бѣло мыло, злато серебро, цвѣтно платье, сини чулочки, красные башмачки“.

Во время этихъ словъ вѣжливецъ, или знахарь, беретъ съ полу солому и подкидываетъ ее подъ ноги невѣстѣ съ огражденіемъ отъ уроковъ и призоровъ.

Невѣста принимаетъ дары, также, какъ прежде, испрашивая благословеніе всѣхъ домашнихъ, какъ выше было сказано.

Послѣ поднесенія даровъ, дружка говоритъ: „у меня отъ свѣчки руки горятъ“; на это ему отвѣчаютъ подаркомъ отъ невѣсты, то-есть ширинкой, платкомъ или поясками, съ которыми онъ выходитъ отъ невѣсты и присоединяется къ повозу. Невѣста, какъ и прежде, садится въ кути противъ печи на лавку. Вѣжливецъ, почерпнувъ ковшемъ воды изъ кадки, даетъ ей умыться въ устраненіе уроковъ и призоровъ, а иногда даже и самъ ее умываетъ. Женихова сваха покупаетъ невѣсту у дѣвушекъ за гривенникъ, потомъ одѣваетъ ее въ платье и обувь, привезенные отъ жениха и, сотворивъ молитву, беретъ обѣими руками фату, обноситъ ее по солнцу вокругъ головы,

относитъ на сторону и встряхиваетъ; повторяетъ это три раза и наконецъ надѣваетъ фату на голову. Это дѣлается для за-щипченія головы отъ всего худаго, напущеннаго. Нужно за-мѣтить, что невѣста съ утра въ платьѣ, но было въ обязан-ности ея надѣть подарокъ жениха сверхъ своего собствен-наго, даже если женихово будетъ короче и даже кромѣ платья необходимо надѣть всѣ подарки жениха. При такомъ обыкно-веніи на невѣстѣ кромѣ двухъ платьевъ въ день свадьбы на-дѣто двѣ фаты, двѣ рубашки и двое чулковъ, а башмаки всегда подарокъ жениха. Теперь двойное одѣваніе выводится.

Если женихъ изъ далека, то невѣста вѣнчается въ своемъ платьѣ.

Послѣ одѣванія, мать невѣсты даетъ невѣстѣ подаренный ей пирогъ съ рыбой и невѣста кладетъ его за пазуху.

Лишь одѣнется невѣста, какъ дружка, послѣ обычной мо-литвы, спрашиваетъ отца:

— Будетъ ли поѣздъ стоять, или за столъ сядетъ?

— За столъ сядетъ, говоритъ отецъ.

— Есть ли у васъ столы дубовы, столешники кедровы, скатерти—шиты—браны?

— Есть.

— Есть ли нашему князю молодому, ясному соколу, съ пол-комъ, съ поѣздомъ, тысяцкому съ боярами, свахѣ съ провод-ничкомъ, чего нибудь закусить?

— Будетъ.

— Есть ли у васъ на дубовыхъ лавкахъ войлоки валены, подушки пуховы, на столѣ пироги рыбны?

— Есть.

— Гдѣ обручатся: въ кути за занавѣской, али за столомъ?

— За столомъ.

— Сколько денегъ за обрученье?

— Сколько положите.

При этомъ тысяцкій кладетъ, смотря по состоянію жениха отъ двадцати копѣекъ до рубля. Эти деньги поступаютъ въ пользу невѣсты. Гдѣ сидѣтъ жениху и невѣстѣ, на то мѣсто кладутъ войлокъ и на него подушку. Исключая дружекъ по-ѣзжане заходятъ за столъ, но не садятся; садится только вѣж-ливецъ въ углу стола и молчить.

Дружка продолжает спрашивать:

— Нашъ князь молодой, ясный соколъ стоитъ за столомъ на рѣзвыхъ ножкахъ, на куньихъ лапкахъ, бьетъ челомъ, низко кланяется; ему ни пьется, ни ѣтся, онъ тоскуетъ, горюетъ о своей княгинѣ—молодицѣ. Батюшка родимый! изъ кути изъ за занавѣсы вывести княгиню—молодицу время или не время?

— Время, отвѣчаетъ отецъ.

— Кому прикажите?

Порученье выводить невѣсту возлагается на брата, если у ней есть, а нѣтъ, то на дядю, то отецъ сообразно съ тѣмъ и отвѣчаетъ дружкѣ.

Выводящій невѣсту, помолясь Богу и вслухъ прочитавъ молитву, проситъ благословенія выводить невѣсту у каждого изъ родственниковъ невѣсты, начиная по старшинству. Получивъ благословеніе, беретъ отъ иконъ свѣчку и идетъ въ куть, гдѣ дѣвушки отъ лица невѣсты поютъ каждому члену семейства пѣсню, гдѣ та отказывается выдти безъ родимаго батюшки или матушки безъ родительскаго благословенія и тотъ, кто былъ названъ въ пѣснѣ, обязанъ подходить къ невѣстѣ, принять земной поклонъ отъ невѣсты и дать благословеніе. Тогда только избранный выводитъ невѣсту за конецъ платка, называемаго „выкупомъ“, который держитъ невѣста въ рукахъ; подводитъ ее къ столу, вмѣстѣ съ ней молится Богу, обводитъ вокругъ стола, нарочно отодвинутаго отъ лавокъ, ставитъ возлѣ жениха со стороны кути и, передавая ему конецъ платка, говоритъ: „у меня невѣста была послушна и почетна, держи ее такъ, чтобы она и тебя слушала и у тебя была честна“.

Въ это время женихова сваха иногда заходитъ въ куть и ударивъ поднятыми вверхъ руками говоритъ три раза: „обманули—провели!“

Дѣвушки просятъ у дружки рыбный пирогъ, называемый (юръ—кучикъ) *), который онъ и отдаетъ съ головы, ставши на стулъ такъ, что дѣвушки принуждены бывали подпрыгивать; затѣмъ поютъ пѣсню:

*) По пермячки: юръ—голова, кучикъ—кожа.

Охъ, ты утка, ты уточка
Съра мала перепелица!
Ты зачѣмъ рано выходила
Изъ тепла гнѣзда утичьа,
На луга на зеленые и проч. и затѣмъ:
Охъ, ты дѣвка, ты дѣвица,
Ты къ чему рано во замужъ пошла?

И затѣмъ въ этой пѣснѣ излагается весь вышеописанный обрядъ и что отдалъ ее братаецъ маленькій, на вѣки на долгіе, на годы несчетные.

Когда женихъ получить невѣсту, тысяцкій угощаетъ всѣхъ виномъ и первую рюмку подносить выводящему невѣсту, потомъ подносить по рюмкѣ отцу и матери и затѣмъ всѣмъ остальнымъ, конечно взрослымъ членамъ семейства и родственникамъ невѣсты, причѣмъ дружка называетъ по имени и отчеству каждого, кому подносится вино и говоритъ молитву „Господи Исусе“.

Послѣ этого угощенія весь поѣздъ садится, и тутъ начинается закуска, состоящая изъ трехъ блюдъ, рыбнаго пирога, какой нибудь похлебки, въ скоромные дни—щей, и въ постные—ухи, и изъ челпана; иногда же— у зажиточныхъ въ скоромные дни подаютъ: пирогъ, студень, щи, три жаркихъ и въ заключеніе челпанъ. Всякое кушанье подаютъ подъ прикрытіемъ деревяннымъ блюдомъ, по требованію дружки, который при этомъ подсказываетъ разные прибаутки. Снимаетъ покрышку съ каждого блюда тысяцкій, а потомъ хозяйка уже безъ требованія дружки, приноситъ челпанъ въ знакъ того, что пора окончить закуску. При этомъ ѣдятъ только поѣзжане, но прежде ѣли и женихъ съ невѣстой.

Пока продолжается закуска, дружки угощаютъ всѣхъ родныхъ невѣсты, дѣвушекъ и вытницу пивомъ, которое они привезли съ собою отъ жениха.

Предъ окончаніемъ закуски, дѣвушки поютъ пѣсню для жениха, бояръ, свахи и для каждого поѣзжанина особенно, кромѣ тысяцкаго, конечно съ переменною въ словахъ. Эта пѣсня содержитъ, такъ называемое величаніе, гдѣ выхваляютъ гостей. Тысяцкому же особенно, какъ воеводѣ, причѣмъ говорятъ, что „нынѣ онъ воюетъ съ головою со невѣстиною, со буйною“.

Когда окончится закуска, дѣвушки цѣлуютъ поѣзжанъ; за пѣсни и поцѣлуи поѣзжане дарятъ дѣвушекъ отъ гроша до 3 копѣекъ. Конечно тотъ поѣзжанинъ, который поцѣлуетъ дѣвушекъ и не подаритъ какъ и вездѣ, вознаграждается на-смѣшкою.

Пермячки въ этомъ случаѣ, поютъ:

Создай тебѣ Господи
Дочерей, сорокъ-вѣщицъ,
Сыновей, черныхъ вороновъ!

Поѣзжане, покончивъ закуску выходятъ изъ-за стола и становятся среди избы; а вмѣсто жениха и невѣсты на тѣже мѣста садятся отецъ и мать невѣсты. Посидѣвъ немного, они выходятъ изъ-за стола. Дружка читаетъ Иисусову Молитву, потомъ говоритъ: „Отецъ родимый! Мать родимая! Приступите, благословите своихъ чадъ—во Божью церковь ѣхати, законъ Божій приняти, подъ золотыми вѣнцами стояти, чуденъ крестъ цѣловати“.

Послѣ этого предложенія, немедленно начинается благословеніе иконой, которую отецъ снимаетъ съ божницы, и—хлѣбомъ, который мать беретъ со стола. Икона и хлѣбъ передается невѣстиной свахѣ. Дружки берутъ изъ передняго угла войлокъ или подушку, на которой женихъ съ невѣстой сидѣли за столомъ. Къ этому времени женихово пиво обыкновенно выпивается. Родители невѣсты въ пустую посуду наливаютъ свое пиво, чтобы имъ угостить поѣзжанъ послѣ вѣнца у церкви.

Здѣсь, какъ въ прочихъ губерніяхъ Россіи, дѣлаютъ подруги такъ: садятся, которая изъ нихъ успѣетъ на подушку или войлокъ и не трогаются съ мѣста, требуя выкупа.

Отъ имени жениха, тысяцкій выкупаетъ захваченную вещь, для чего овладѣтельница ея даютъ одинъ или два мѣдныхъ гривенника. Затѣмъ женихъ, невѣста и поѣзжане выходятъ изъ избы на дворъ въ сопровожденіи родителей, гостей и дѣвушекъ. послѣднія поютъ:

Жарко камню въ горѣ лежучи,
Тошно сердцу батюшкину:
Милу дочь со двора повели.
За ней коробья понесли;
Конь говоритъ: не сvezу.

Земля говорить: не здыну (не подниму),
Вода говорить: утоплю.

А выйдя на дворъ:

Кругомъ, кругомъ солнышко обошло,
Рядомъ, рядомъ бояре ѣхали,
Со березы вершины вершиночку сломили;
Стой-ко, стой, береза безъ вершины,
Живи, живи, батюшка, безъ дочери.

Ту же пѣсню поютъ матери, сестрамъ, братьямъ и другимъ родственникамъ.

На дворъ женихъ беретъ въ охапку невесту и самъ усаживаетъ ее въ сани вмѣстѣ со свахой, вдвоемъ, а самъ верхомъ ѣдетъ вмѣстѣ съ невестой, или вмѣстѣ съ тысяцкимъ въ саняхъ, тутъ подъ жениха укладываютъ войлокъ и перину для сидѣнія, а подъ невесту подушку. Если лѣтомъ, то привязываютъ войлоки и подушки къ сѣдламъ, для чего эти вещи укладываютъ въ мѣшки и привязываютъ къ сѣдламъ въ торока.

Но не сейчасъ еще трогается поѣздъ въ дорогу. Поѣзжане выходятъ на дворъ и усаживаются, какъ то было и на дворѣ жениха. Ихъ нужно угостить; въ это время дѣвушки поютъ трогательныя пѣсни, окруживъ жениха и невесту.

Между тѣмъ вѣжливецъ обходитъ кругомъ всѣ сани, телѣги, верховыхъ лошадей, экипажи, и все до мелочей отчетливо въ томъ предположеніи, нѣтъ ли гдѣ колдовства, и въ то же время нашептываетъ тотъ или другой заговоръ. Наконецъ братъ, или дядя невесты отворяетъ ворота и поѣздъ отправляется въ церковь въ томъ же порядкѣ, какъ отъ жениха. При выѣздѣ изъ двора, дружки крестообразно хлещутъ нагайкой ворота невесты и ближайшій уголъ дома; хозяинъ въ слѣдъ поѣзду иногда стрѣляетъ.

Послѣ того дѣвушки въ сопровожденіи вытницы возвращаются въ опустѣлую избу невесты и усѣвшись на то мѣсто, гдѣ, только что сидѣла невеста, закусываютъ пирогомъ, полученнымъ отъ дружекъ и расходятся по домамъ, если церковь далеко, а если близко, то бѣгаютъ смотреть на вѣнчанье.

Но вотъ ужъ и поѣздъ тронулся; однако не проходитъ трехъ

минуть, какъ дружки возвращаются къ дому и подь окномъ отца невѣсты спрашиваютъ:

— Нѣтъ ли у васъ отъ насъ обиды, всѣ ли чашки-ложки цѣлы?

— Обиды нѣтъ, все цѣло, отвѣчаетъ отецъ.

Тогда одинъ изъ дружекъ, сотворивъ молитву, говоритъ: „Насъ желаешь или не желаешь?“ Если отецъ на этотъ вопросъ отвѣтитъ—„не желаю“, то дружки возвращаются къ поѣзду; а если скажетъ—„желаю“, то входятъ въ домъ, гдѣ ихъ угощаютъ пивомъ или брагой. Послѣ двухъ, трехъ стакановъ дружки уѣзжаютъ, сказавъ на прощанье: „спасибо! прощай!“

Если домъ жениха далеко, то отецъ съ матерью отправляютъ съ братомъ или дядей ея вещи для подарковъ новой роднѣ въ большой столъ.

Пермяки очень суевѣрны и потому въ обычаѣ осталось во время свадебнаго поѣзда каждому встрѣчному кланяться всѣмъ поѣздомъ, разумѣется съ тою мыслью, чтобы того не оскорбить, а умилоствитъ и расположить въ свою пользу.

Когда поѣздъ приблизился къ церкви, свахи ставятъ жениха и невѣсту рядомъ и даютъ имъ держаться руками за концы ширинки и въ этомъ положеніи ведутъ ихъ въ церковь.

Тысяцкій на данные женихомъ деньги покупаетъ, какъ для бракосочетающихся, такъ и для поѣзжанъ свѣчи, кромѣ вѣжливца, который стоитъ у дверей и безъ свѣчи.

Когда надлежитъ священнику подвести бракосочетающихся къ налою, невѣстина сваха кладетъ ей подъ ноги пару поясковъ, а поѣзжане окружаютъ молодыхъ, причемъ каждый держитъ свѣчку, обернувши нижній конецъ ея, кто въ кусокъ холстины, кто въ платокъ, чтобы не капать на полъ воска.

По окончаніи вѣнчанья, свахи покрываютъ голову молодой, или молодухи фатами, поэтому она, какъ нужно полагать вѣнчается безъ фаты, и уводятъ ее съ женихомъ въ сторону или въ уголъ церкви, гдѣ надѣваютъ на нее шемшуру (женскій головной уборъ), не заплетая косъ, а молодая, вынувъ изъ-за пазухи спрятанный рыбный пирогъ, ѣстъ его съ мужемъ, если только не помѣшаетъ имъ священникъ съ крестомъ для сопровожденія ихъ изъ церкви. Въ послѣднемъ случаѣ молодые

ѣдятъ пирогъ за оградой, гдѣ тоже распиваютъ пиво и поѣзжане.

Послѣ свадьбы поѣздъ отправляется въ домъ жениха; въживецъ точно также слѣдитъ за порядкомъ и спокойствіемъ, стараясь изслѣдовать, нѣтъ ли гдѣ препятствія для вѣреннаго его попеченію поѣзда. Но если по дорогѣ встрѣтится кабакъ, то поѣздъ непременно остановится и тысяцкій, купивъ водки, угощаетъ всѣхъ поѣзжанъ не исключая молодыхъ.

Поѣздъ, въѣхавъ во дворъ жениха, принимается родителями и родственниками жениха; послѣдній встрѣчаетъ молодыхъ съ образомъ, мать съ хлѣбомъ-солью, братья и сестры съ пивомъ и брагою, причемъ родню молодаго встрѣчаютъ на заднемъ крыльцѣ очень много постороннихъ лицъ. Все чинно и хорошо, только является при этомъ иногда одинъ выходящій изъ ряда обычай: мать жениха часто встрѣчаетъ молодыхъ въ вывороченной мѣхомъ на изнанку шубѣ, повязавъ голову грязными тряпицами и лохмотьями съ единственною цѣлью показаться молодухѣ страшною и тѣмъ внушить къ себѣ боязню, въ видахъ возбудить послушаніе, или же безпрекословное рабство. По приказанію отца молодымъ и поѣзжанамъ подаютъ по стакану пива и браги, а иногда вина. Всѣ заходятъ въ избу. Отецъ съ матерью становятся близъ стола лицомъ къ дверямъ, когда нужно всѣмъ входить въ избу. Молодые, не доходя до отца съ матерью двухъ шаговъ, молятся на образъ, который держитъ отецъ и послѣ трехъ земныхъ поклоновъ подходятъ подъ благословеніе отца и матери образомъ и хлѣбомъ. Отецъ ставитъ образъ въ божницу, а мать хлѣбъ на крытый скатертью столъ. Образа, которые были и съ молодыми, тоже уставляются въ божницу, а челпаны ставятъ на столъ. Вскорѣ затѣмъ свахи уводятъ молодыхъ зимою на печь, лѣтомъ въ куть, гдѣ и окручиваютъ молодыхъ, то-есть расплетаютъ ей косу на двѣ и надѣваютъ на голову шамшуру, повязывая ее, какъ должно платкомъ. Потомъ уже вводятъ молодыхъ въ избу и ставятъ передъ столъ. Потомъ отецъ распоряжается всѣмъ, начиная съ молодыхъ послѣдняго гостя садиться за столъ, и молодые садятся такъ, чтобы были лицомъ къ дверямъ, на войлокъ и подушку. Подлѣ жениха сажаютъ тысяцкаго, рядомъ съ невѣстой ея сваха. Дружко произноситъ обычную

молитву и требует подачи кушаньевъ и начинается ужинъ. Молодые въ знакъ единодушія ѣдятъ одной вилкой и одной ложкой попеременно, пьютъ вино и брагу изъ одного стакана, вино изъ одной рюмки пополамъ. У богатыхъ за каждымъ кушаньемъ, бываетъ круговая подача вина всемъ застольникамъ, у людей средняго состоянія черезъ кушанье, а у бѣдныхъ только три раза, въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ стола. Но пиво и брага непременно подаются дружкоймъ всемъ за каждымъ кушаньемъ. Виномъ всегда угощаютъ сами молодые; для этого они за каждой круговой встаютъ на ноги; молодой наливаетъ рюмку вина изъ штофа, а молодая подноситъ ее на тарелкѣ. За каждой новой круговой, гости не пьютъ до тѣхъ поръ, пока молодые не изопьютъ сами вина. При каждой подачѣ, гости поздравляютъ съ законнымъ бракомъ, желая счастливой согласной жизни, цѣлуя и даря ихъ деньгами каждый разъ отъ 3 до 20 коп. сер. каждый. Ужинъ состоитъ въ скромные дни изъ рыбнаго пирога, студени, щей, трехъ жаркихъ (бараньей лопатки, утки и индѣйки) и челпана. Въ постные дни — изъ пирога, судачины съ уксусомъ, ухи изъ свѣжей рыбы, сиговъ, киселя, меду и челпана.

Замѣчательно требованіе дружки слѣдующаго кушанья по окончаніи прежде поданнаго: „Отецъ родимый! Мать родимая! У насъ князь молодой, соколъ ясный, съ княгиней—молодицей, сидятъ за столомъ дубовымъ и скатертью шитой—браною и тысяцкій воевода—просятъ перемену. Поднашивай!“ Нѣтъ переменны—челпанъ на столъ, поклонъ воздай! Мы отъ хлѣба соли сыты, отъ пива и браги пьяны и веселы. Что въ рукахъ вожено, во дворъ пущено, во хлѣвъ рощено, что есть въ печь, все носи на плечъ. Вы не сможете. мы дружки подскочимъ и поможемъ.

Къ концу ужина всѣ побѣжжане напиваются и набѣдаются до послѣдней крайности. Молодые пьютъ и ѣдятъ весьма умеренно, сохраняютъ непоколебимое спокойствіе, молчатъ, скромничаютъ, сидятъ степенно и важно. По окончаніи ужина гости пляшутъ и поютъ.

Спустя какой нибудь часъ, молодыхъ ведутъ спать въ подклѣтъ въ сопровожденіи отца, матери, свахи и всѣ побѣжжане, включительно съ вѣжливцемъ и дружекъ; послѣдніе приносятъ

въ подклѣть рыбный пирогъ, пиво, брагу, иногда вино. Отецъ и мать называютъ молодую „хозяйкою“, предоставляя ей право угощать всѣхъ свадебжанъ питьемъ и пирогами, а вѣжливецъ подаетъ свой собственный пирогъ съ рыбой, который онѣ ѣдятъ вмѣстѣ, въ знакъ того, что они мужъ и жена съ этого времени, вѣтъ общій хлѣбъ и жить въ единомудшіи. Поѣзжане пьютъ и закусываютъ отъ дружекъ и цѣлуютъ молодыхъ по три раза, дая каждый разъ мѣднымъ пятакомъ или гривенникомъ. Молодая по просьбѣ поѣзжанъ, произнеся Іисусову молитву, разуваетъ мужа, сначала съ правой ноги, и вынутый изъ сапога пятакъ, или другую какую монету, беретъ себѣ. Этимъ выражается начало повинновенія и покорности мужу, а со стороны мужа будущее расположеніе къ подругѣ жизни, которую надѣется неоставить безбѣдною и содержать достаточно. Верхнее платье молодой снимаетъ самъ. Затѣмъ гости изъ подклѣта уходятъ. Остаются только вѣжливецъ и свахи. Раздѣтую до рубашки невѣсту сваха и вѣжливецъ просятъ обнять и поцѣловать мужа и уложить его въ постелю, потомъ по ихъ же предложенію молодая ложится рядомъ. Когда это исполнится, свахи отъ радости пляшутъ. Вѣжливецъ поправляетъ и укладываетъ молодыхъ въ постель, обходитъ вокругъ постели съ нашептываніемъ. И въ заключеніе говоритъ молодымъ: „Слово мое крѣпко! Дай Богъ совѣтъ и любовь, да великаго счастья!“ Затѣмъ всѣ молодыхъ оставляютъ до утра. Между тѣмъ пированіе гостей идетъ далеко за полночь. Здѣсь всѣ пляшутъ, поютъ, кричатъ, цѣлуются, даже самъ важный вѣжливецъ предается общему веселію. Потомъ ближніе отъѣзжаютъ, а дальніе остаются у жениха ночевать.

Утромъ къ молодымъ отправляется вѣжливецъ будить ихъ; а потомъ свахи, чтобы удостовѣриться справедливо ли то, въ дѣйствительности, если молодой получилъ черствый хлѣбъ отъ невѣсты; но когда невѣста наканунѣ дарила мягкимъ хлѣбомъ, то свахи не ходятъ. Молодая одѣвается и одѣваетъ молодаго въ чистое бѣлье, привезенное ею въ подарокъ молодому; затѣмъ умываются.

Въ этотъ день бываетъ большой столъ. Часовъ въ девять, время крестьянскаго обѣда, молодые, всѣ семьяне, поѣзжане здѣсь оставшіеся и дружки обѣдаютъ запросто и безъ вина.

Кушаньевъ немного, вина нѣтъ; здѣсь опять молодые ѣдятъ одною ложкою, вилокъ и кушанья по прежнему подаютъ закрытыми. Этимъ кончается малый столъ; въ это время дружка, принявъ приданое невѣсты, если его не принималъ наканунѣ, беретъ кстатѣ подарки отъ родителей жениха на подарки въ большой столъ *), и, затѣмъ ѣдетъ приглашать всѣхъ ближнихъ наканунѣ бывшихъ поѣзжанъ. Тестя и тещу весьма рѣдко приглашаютъ; къ столованью бываетъ чловѣкъ до тридцати, такъ какъ тутъ приглашаются и не бывшіе на свадьбѣ гости; но это у богатыхъ.

Коль скоро соберутся къ большому столу, молодая ставитъ среди комнаты лохань или другую нечистую посуду, беретъ въ ковшъ воды, полотенце и мыло и приглашаетъ чрезъ дружка всѣхъ умытъ руки **), начиная со свекра и свекрови и кончая послѣднимъ гостемъ. Въ этомъ простомъ обрядѣ таится тотъ смыслъ, гдѣ новобрачная выражаетъ готовность на покорность, услуги и смиреніе не только передъ мужемъ но и предъ всѣми его родственниками. Послѣ того, какъ всѣ послѣ умыванія рукъ стоятъ, молодая прибавъ ковшъ, ведро, полотенце и мыло, и становится рядомъ съ молодымъ, среди избы и даритъ свекра, свекровь и всѣхъ присутствующихъ. Въ то время когда молодая изъясняетъ намѣреніе подарить тестя, дружка отъ ея имени, говоритъ послѣ обычной молитвы: „Отецъ родимый! Мать родимая! Приступись поближе, поклонись пониже! Будь ты не крикливъ, будь ты не ломливъ, а будь жалостливъ, будь милостивъ, будь приступчивъ. Прими-ко отъ нашего князя молодого, новобрачнаго яснаго сокола и княгини—молодицы дорогіе подарки. Княгиня—молодица по чистому полю бы гуляла, куницъ бы имала, лисицъ бы ловила, тебя бы шелкомъ подарила. Она по чистому полю не гуляла, куницъ не имала, лисицъ не ловила,— что напряла, что выткала, тѣмъ тебя и даритъ. Не осуди за малые подарочки!“

Молодые подходятъ къ отцу и матери и кланяются по череду въ ноги. Въ это время сваха подаетъ молодой, а дружка—молодому на блюдахъ, первая—дары, послѣдній вино въ

*) Это бываетъ, если родители невѣсты живутъ въ одномъ селеніи или близко.

***) У нихъ говорится „побѣздить руки“.

рюмкѣ, пиво и брагу въ стаканахъ домашняго дѣла (приготовленія), сыръ въ кусочкахъ, каравай (привезенные вмѣстѣ съ приданымъ) и мѣдную монету. Дружка при этомъ говоритъ: „Князь молодой новобрачный, ясный соколъ и княгиня—молодица просятъ тебя сыръ крошный покушать, стаканъ пива, стаканъ браги, рюмку пива испить, усы утереть златомъ-серебромъ, да рубль платить“. Отецъ принимаетъ дары, пьетъ вино, пиво, брагу, закусываетъ сыромъ и караваемъ, третъ усы и бороду мѣдною монетою и поцѣловавъ молодыхъ, отдариваетъ деньгами, которыя кладетъ на блюдо. Затѣмъ получаетъ дары мать, а потомъ и домочадцы, родственницы, поѣзжане и всѣ званые гости. Отдарочныя деньги молодая беретъ себѣ. Окончивъ раздачу подарковъ молодые отправляются въ куть. Награды эти раздаются болѣе или менѣе цѣнныя, но ограничиваются рубашками, штанами, платками, опоясками, холстомъ на рукава, тѣльниками, полотенцами, не болѣе, даже у богатыхъ невѣстъ, притомъ награды эти соответствуютъ важности значенія родства награждаемаго лица.

Затѣмъ накрываютъ обѣденный столъ, который по продолжительности обряда раздачи подарковъ, начинается около трехъ часовъ. Часу въ четвертомъ отецъ молодого приглашаетъ молодыхъ и гостей садится за столъ.

Большой столъ бываетъ такой же какъ и наканунѣ и вся обрядность та же, съ тою только разницей, что гости не цѣлуютъ и не дарятъ молодыхъ. Столованіе продолжается отъ 4 до 6 часовъ. Этотъ обѣдъ зависитъ отъ частаго повторенія подачи пива, вина и браги и также отъ многихъ переменъ кушаньевъ разнаго рода, но въ заключеніе всего, какъ и наканунѣ—челпанъ.

Въ концѣ обѣда дружка замѣчаетъ отцу и матери молодого: Не пора ли молодыхъ спать уложить? Отецъ говоритъ „не пора“. Только послѣ третьяго вопроса дружки въ этомъ же родѣ, отецъ изъявляетъ свое согласіе и тогда столованье оканчивается. Молодые поклонясь, трижды въ поясъ, трижды въ землю, и потомъ опять трижды въ поясъ, падаютъ отцу и матери въ ноги и просятъ благословенія. Въжливецъ ведетъ молодыхъ спать въ подклѣтъ, куда вноситъ рюмку вина или стаканъ пива и, нашептавъ въ напитокъ и отплюнувъ въ сторону

даетъ имъ пить; потомъ какъ и вчера, уложивъ молодыхъ спать, уходитъ. Гости, между тѣмъ, продолжаютъ по прежнему пирושку и развѣзжаются по своимъ домамъ, кромѣ вѣжлива и дружки, которые остаются. Черезъ полчаса или черезъ часъ дружка, по порученію отца и матери, отправляется въ подклѣтъ и зоветъ молодую въ избу, гдѣ по приказанію свекрови заводитъ хлѣбъ или брагу къ завтрашнему дню и опять отправляется спать.

На третій день свадьбы бываетъ *пирожный столъ*, гдѣ молодые подчуютъ гостей пирогами своего издѣлія въ знакъ того, что она желаетъ съ новой родней водить хлѣбъ-соль и въ тоже время свое искусство. Но пироги только—слава, на самомъ же дѣлѣ, она участвуетъ также въ приготовленіи прочихъ блюдъ. Для этой цѣли молодые встаютъ рано, оба ходятъ за водою, за дровами, и если время зимою, то молодой прорубаетъ новую прорубь на рѣкѣ. Молодая кладетъ дрова въ печь, затапливаетъ и затѣмъ занимается важнымъ блюдомъ обѣда, приготовленіемъ пирога, или хлѣба на ячныхъ сочняхъ и мететъ избу, выбрасывая изъ избы солому, а прочіе домашніе опять забрасываютъ избу соломою, съ цѣлью испытать терпѣніе молодой.

Утромъ, въ 9 часовъ, домашніе обѣдаютъ запросто, а черезъ нѣсколько времени въ домъ молодаго собираются родные, знакомые и сосѣди. Всѣхъ приглашаютъ за столъ, въ это время молодые не садятся, такъ какъ обязаны подавать гостямъ кушанья, а молодой угощать разнаго рода напитками. Блюды готовится почти столько же, что и наканунѣ: студень, щи, одно или два жаркихъ, сыръ съ караваемъ и пироги. Питья: брага, пиво, иногда вино. При первой чаркѣ вина, гости поздравляютъ молодаго съ молодой доброй хозяйкой, *пирожной мастерицей*, а отца и мать съ невѣсткой, съ вѣрной замѣной. Пьютъ много и всѣ бываютъ очень веселы.

Въ продолженіе обѣда прибываютъ и новые гости. Отпочивавъ первыхъ, молодые собираютъ столъ для вновь прибывшихъ, потомъ третьихъ и такъ далѣе и нерѣдко продолжаютъ обѣдъ до вечера.

Съ окончаніемъ пирожнаго, жизнь молодыхъ вступаетъ въ свои права обыденной жизни до, такъ называемыхъ, *хлѣбинъ*.

Такъ называемыя хлѣбины бывають въ разные сроки, но преимущественно исполняютъ въ день масляницы, или Рождества. До этого времени зять не бываетъ у тестя. Хлѣбины справляютъ въ обѣихъ породнившихся домахъ. Прежде они исполняются у родителей невѣсты, которые зовуть къ себѣ молодыхъ, а потомъ отправляются къ нимъ и сами. Какъ и въ день свадьбы, тесть и теща встрѣчаютъ на дворѣ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью, пивомъ и брагой.

Въ обѣихъ домахъ угощаются обѣдомъ или ужиномъ по праздничному съ пивомъ, брагой и виномъ. Но у тещи существуетъ еще обычай угощать зятя блинами, *блины для зятя*, отъ чего у насъ до сихъ поръ осталась шуточная пѣсня: „*Теща для зятя блины пекла* и пр.“ Дѣло происходитъ такъ: теща подаетъ на столъ блины, покрытые блюдомъ и платкомъ. Молодой снимаетъ платокъ и беретъ себѣ, а вмѣсто его кладетъ деньги копѣекъ 30, потомъ снимаетъ и блюдо. Поцѣловавъ тестя и тещу молодые ѣдятъ блины. Въ доказательство любви къ тещѣ, по ея просьбѣ, послѣ первыхъ двухъ блиновъ молодой долженъ съѣсть нижній блинъ, не трогая верхнихъ и не проливъ масла, для этого молодой накрываетъ блины блюдомъ и быстро повертываетъ къ верху нижнее блюдо. Въ этомъ искусствѣ теща усматриваетъ степень ловкости молодого.

Что касается до значенія угощенія блинами, то Пермьки объясняютъ такъ: Платокъ—ея дѣвство, блины—дочь. Взятіе платка и раскрытіе блиновъ—удостовереніе въ сохраненіи дѣвства до замужества. Деньги—окупъ за дѣвство, цѣлованіе—благодарность за соблюденіе дочери. Если молодой недоволенъ своей женой, то онъ не снимаетъ платка и блюда, не ѣстъ блиновъ и не цѣлуетъ родителей жены. Но это у Пермьковъ бываетъ, какъ говорятъ—рѣдко.

Былыя свадьбы. Тайныя свадьбы. Самокрутка. Подобныя свадьбы вообще совершаются безъ согласія родителей, такъ сказать по тайной любви и соглашенію молодыхъ людей, тогда какъ на это нѣтъ, и даже не ожидаютъ, родительскаго благословенія. Есть нѣсколько предлоговъ къ такому вѣнчанью: любовь между неравными по состоянію или богатству; хитрость жениха, воспользоваться приданнымъ невѣсты, а часто и ея капиталомъ, долгое безбрачіе дѣвушки,—сучная жизнь ме-

жду золовокъ, преслѣдованіе мачихи, а часто—прикрыть беременность. Впрочемъ—бываетъ и такъ, что часто родители сами потворствуютъ бѣглымъ свадьбамъ во избѣжаніе расходовъ.

Во всякомъ случаѣ дѣвушка сама принимаетъ участіе въ побѣгѣ и даже, если можетъ, то даже предварительно препроводитъ чрезъ вѣрнаго человѣка къ жениху свое приданое, а потомъ ужъ сама убѣжитъ. Въ домѣ жениха свадьба эта считается формальною.

Послѣ такого вѣнчанія молодые отправляются къ родителямъ невесты, кланяются въ ноги и просятъ прощенія. Въ нѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ, отецъ ударяетъ молодыхъ по спинѣ плетью и приказываетъ встать, за тѣмъ прощаетъ и благословляетъ образомъ и хлѣбомъ—солью. Даже, если молодая бѣглянка не взяла ничего изъ своего приданого, то родители невесты отдаютъ при этомъ его. Впрочемъ есть и характерные отцы, но и тѣ со временемъ отдаютъ назначенную долю дочери, вѣнчавшейся самокруткой.

Свадьбы великорусскія. *) Старинныя свадьбы въ коренной Руси, совершались при слѣдующихъ условіяхъ: Передъ поѣздомъ въ церковь, жениха и невесту сажали рядомъ на соболей или вообще на мѣхъ какой либо, и затѣмъ свахи чесали имъ обоимъ волосы, обмакивая гребень въ винѣ, или въ меду (крѣпкомъ для питья) для чего, то или другое питье держалъ въ ковшѣ нарочный. Потомъ ихъ, осыпали хмѣлемъ, или зернистымъ хлѣбомъ вмѣстѣ съ деньгами **) затѣмъ зажигали брачныя свѣчи, которыя бывали слишкомъ по пуду у богатыхъ и полегче у менѣе зажиточныхъ. Свѣчи эти зажигали богоявленскою свѣчею. Въ церкви, во время вѣнчанья, жениху и невестѣ подъ ноги камку или другую матерію, или другую мягкую рухлядь. Въ церковь возили съ собою посудину съ хлѣбнымъ виномъ, изъ которой священникъ давалъ пить жениху и невестѣ три раза. При третьемъ разѣ женихъ бросалъ стклянку съ виномъ на полъ и топталъ ее ногами. Затѣмъ, слѣпивши объ брачныя свѣчи, ставили въ кадку со пшеницей въ сѣнникѣ, въ головахъ постели новобрачныхъ, на цѣлый годъ.

*) Позорище странныхъ и смѣшныхъ обрядовъ при бракосочетаніи. Г. Г. 1797 года. Спб.

**) Хмѣль, хлѣбъ зерновой и деньги вмѣстѣ смѣшанные назывались *осыпаломъ*.

Сѣнникъ, гдѣ молодые спали, убирался такимъ образомъ: По всѣмъ четыремъ стѣнамъ этого помѣщенія ставили иконы, во всѣхъ четырехъ углахъ втыкали по стрѣль, а на каждой изъ нихъ по соболю, или по куницѣ съ калачемъ. На лавкахъ по угламъ ставили по сосуду (оловянному) съ медомъ. Самый брачный одръ (постелю) дѣлали на двадцать одномъ снопѣ. (Какъ и у Пермьяковъ, нечетъ уважался).

Какъ только подадутъ на столъ послѣднее кушанье, то есть жаркое, то дружка, обернувъ блюдо съ жаркимъ, а также калачъ и солонку скатертью, относилъ въ сѣнникъ къ постели, куда вслѣдъ за ними отводили и молодыхъ. Въ дверяхъ сѣнника посаженный отецъ, сдавъ съ рукъ на руки новобрачную мужу ея, дѣлалъ ей пристойное нравоученіе и давалъ совѣты какъ жить въ супружествѣ. По прибытіи молодыхъ къ постели, жена тысяцкаго, одѣтая въ то время въ двѣ шубы, одна, какъ слѣдуетъ, другая на выворотъ, осыпала ихъ осыпаломъ (зерномъ, деньгами и хмѣлемъ), кормила молодыхъ на постели.

На другой день по утру, члены свадьбы являлись въ сѣнникъ, стрѣлою поднимали одѣяло новобрачныхъ и осматривали по извѣстнымъ признакамъ непорочность новобрачной.

Совершивъ глупое наблюденіе разумѣется изъ простаго любопытства и ради сплетней, которыя есть всегда въ народной семьѣ скоро угасаютъ, хотя живо возгораются, предметъ которыхъ никого при томъ не интересуется кромѣ новобрачнаго; свахи водили молодыхъ въ баню, куда теща зятю присылала платье нужное для того, чтобы достигнуть до покоевъ, а потомъ кормила ихъ кашею. Со стороны молодой слѣдовало всѣхъ собравшихся гостей кормить овощами и разными предметами. Въ порядкѣ церемоній брачнаго торжества было, чтобы женихъ держалъ за руку невесту, гдѣ бы только ни приходилось ему представляться вмѣстѣ съ нею во время брачнаго торжества, иначе всѣ предрекали непріятный бракъ и несогласіе въ супружествѣ.

Старые обряды, какъ и ранѣе видѣли, существуютъ, но уже измѣнены во многомъ. *) Наканунѣ дня брака призываютъ въ

*) Это говорится въ книгѣ, изданной въ 1797 г. подъ названіемъ: „Позорище странныхъ и смѣшныхъ обрядовъ“. Г. Г. Слб. Цезарь Семенъ Котельниковъ.

домъ жениха шести или семи лѣтъ мальчика, который укладываетъ въ ларчикъ, для подарка невѣсты, всѣ галантерейные предметы, какъ то: румяна, бѣлила, духи, опахало, перчатки и проч. Этотъ ларчикъ, заперевъ, отвозить въ тотъ же вечеръ женихъ вмѣстѣ съ ключемъ къ невѣстѣ, и оба они сидятъ потомъ въ шубахъ, въ знакъ благополучія.

Но вотъ наступаетъ другой день, день поѣзда въ церковь; избранный со стороны невѣсты мальчикъ обуваетъ невѣсту новую обувь и продаетъ ея косу за гривну, за полтину или за рубль, словомъ торгуется, сколько можетъ выторговать и побольше дать цѣны.

Новобрачныхъ укладываютъ спать въ пустой хороминѣ, притомъ въ удаленной и въ нетопленной, не смотря на холодъ. Говорятъ даже, что для новобрачныхъ строили такіе покои, на потолки которыхъ и земли не клали.

Подъ постелю клали ржаные снопы или солому, примѣта или обычай, сказанный нами выше. Молодая должна разувать молодого въ первую ночь свадьбы и у него подъ пятой правой ноги всегда бывало нѣсколько мѣдныхъ денегъ, а въ лѣвомъ сапогѣ плетка. Отъ молодой зависѣло взяться за правую, или за лѣвую ногу, такъ, какъ мужа необходимо требовалось разувать. И вотъ, ежели она по своей оплошности, застыбчивости или робости, хваталась за лѣвую ногу, то молодой вынуть изъ за сапога плетку, хлесталъ ее. Но если она бралась за правую ногу, то деньги которыя были въ сапогѣ, она брала себѣ.

На другой день бракосочетанія, ежели молодая не была цѣломудренна, то дружка, взявъ стаканъ съ дырою на днѣ, зажималъ его пальцемъ, и наливъ его какимъ либо напиткомъ подносилъ ея матери; коль скоро мать брала стаканъ, онъ отнималъ палецъ, и напитокъ вытекалъ.

Такая укоризна матерямъ и сейчасъ идетъ къ лицу. Старина наша была не глупа. Если женихи брезгаютъ недостойными дѣвушками, а особенно, если по неосторожности одинъ такой вступилъ съ упавшей дѣвушкой въ бракъ, то конечно вся вина падаетъ на мать, и стаканъ съ дирой—укоризна слабымъ родителямъ. Изъ этого можно заключить хоть немного, но вѣрно то, что для воспитанія дочери—прежде всего внушеніе вѣры и

что нѣтъ лучшаго качества въ замужествѣ, какъ ея непорочность, которой не брезгаютъ, ни князья, ни бояре, ни ученые люди. Отсутствіе дѣвства, для жениха внушаетъ на всю жизнь ревность и это рождаетъ много непріятностей въ жизни, которая тянется до пятидесятихъ годовъ, то есть до времени привычки, когда угасаетъ любовь; но согласіе супружеское необходимо для поддержанія семейныхъ выгодъ, интересовъ и для воспитанія дѣтей. Вотъ тутъ и нужна школа жизни, но мудрая. Воспитывать дѣтей, дѣло важное. Нужно ихъ воспитать, нужно ихъ учить. Воспитать—направить, учить наукъ, развить разумъ, дать свѣтское понятіе или цѣль въ жизни. Про мальчика говорить нечего.

Вотъ цѣль родителей и преимущественно матери, такъ, какъ мужъ чаще занятъ пропитаніемъ, а не воспитаніемъ семьи.

Въ наше время, если дали дѣвушкамъ свободу, позволили имъ являться въ свѣтъ, романсами великихъ поэтовъ внушили имъ великое значеніе любви, намъ нечего удивляться, что онѣ, читая какого нибудь заграничнаго новаго философа начинающаго страдать ипохондріей, сумасшествіемъ, или какою нибудь овладѣвающею его идеею, вретъ съ три короба и смущаетъ прочихъ, а дѣвушки читаютъ и на усь мотають, а изъ этого извлекають свои теоріи и путають всѣ системы.

Свадьбы въ Малороссіи. У малороссовъ свадьбы происходятъ такъ: Сынъ, пришедшій въ возрастъ, объявляетъ своему отцу подъ веселую руку, что такая то дѣвушка недурна, ему нравится и охотно бы женился, если она пойдетъ за него.

Тогда отецъ приглашаетъ двоихъ своихъ родственниковъ уже пожилыхъ, а иногда сосѣдей и предлагаетъ имъ намѣреніе сына. Сынъ имъ низко кланяется и вмѣстѣ съ отцомъ проситъ ихъ, чтобы онѣ приняли на себя трудъ сходить къ отцу избранной дѣвушки, посватать дочь за него. А получа отъ нихъ согласіе, вручаетъ каждому изъ нихъ по посоху въ знакъ полномочія ихъ и посольства, и нарочно приготовленный хлѣбъ, и провожаетъ ихъ за ворота. Такіе сваты называются *старостами*.

Старосты, являсь въ домъ невесты, кладутъ этотъ хлѣбъ на столъ и потомъ привѣтствуютъ хозяина. Хозяинъ приглашаетъ ихъ сѣсть, заводитъ о чемъ либо разговоръ; они, отвѣчая на

все крѣпко постукиваютъ посохами, напоминая тѣмъ, какъ бы нетерпѣливое желаніе спрашивать о причинѣ ихъ прихода, при чемъ стараются объяснить съ нимъ кратко и прямо, если хозяинъ нарочно медлитъ такимъ вопросомъ. Хозяинъ, выслушавъ предложеніе и, если оно ему нравится, отправляется въ хижку (клѣть) къ женѣ своей, объясняется съ ней объ этомъ предметѣ и призвавъ дочь свою, родители спрашиваютъ ее нравится ли ей женихъ?

Узнавъ отъ дочери, что женихъ нравится, вводятъ ее къ сватамъ; тутъ она каждому изъ сватовъ подноситъ по ручнику или полотенцу на деревянной тарелкѣ въ знакъ того, что она принимаетъ ихъ предложеніе. Старосты, принявъ дары, перевязываютъ ихъ черезъ плечи и оставивъ хозяину въ залогъ своего посольства хлѣбъ и получивъ въ замѣнъ его другой, отправляются въ домъ жениха съ радостною вѣстью.

Женихъ, видя своихъ возвращающихся посланниковъ, съ знакомъ согласія чрезъ плечо, встрѣчаетъ ихъ у воротъ и вводитъ къ отцу, гдѣ, по общему съ невѣстными родителями согласію, назначается день бракосочетанія. Съ этого дня женихъ ежедневно посѣщаетъ невѣсту, къ которой во всѣ эти дни ходятъ ея подруги; но во все время до свадьбы, пѣсенъ не поютъ, да и даровъ до этого времени женихъ невѣстѣ не возитъ. Женихъ имѣетъ позволеніе, если желаетъ съ невѣстой быть на единѣ и даже ночевать, при чемъ строго воспрещено, предпринимать, что либо противное цѣломудрію невѣсты.

Въ Малороссіи также существуетъ прекрасный обычай не помогать приданого. Женихъ въ этомъ случаѣ предоставляетъ все это на волю будущаго тестя.

Бракосочетаніе у нихъ бываетъ обыкновенно въ воскресенье, по сему наканунѣ, въ субботу, бываетъ у невѣсты дѣвишникъ, приглашаются подруги или дружки, изъ которыхъ одна называется на всю свадьбу *свѣтилкою*. Ея обязанность во время стола сидѣть въ большомъ углу и держать на саблѣ, увитой калинными вѣтвями съ ягодами, восковую свѣчу *тройчатку*.

Вечеромъ, къ ужину, пріѣзжаетъ женихъ съ *боярами* (молодыми товарищами) къ невѣстѣ, гдѣ противъ ихъ сажаютъ за столъ подругъ невѣсты. Въ это время женихъ раздаетъ дары

родителямъ и сродникамъ невѣсты, а дружки поютъ свадебныя пѣсни. Послѣ ужина начинается пляска подъ скрипку и пляшутъ до полуночи.

Бояре и подружки отправляются въ воскресенье съ женихомъ и невѣстою къ утрени, а послѣ обѣдни вѣнчаются. Послѣ вѣнца женихъ съ боярами и съ поѣзжанами (съ бесѣдою) ѣдетъ къ себѣ въ домъ, тогда, какъ молодая съ своими подругами отправляется къ своему отцу въ домъ.

У жениха обѣдаютъ все бояре съ свѣтилкою, свахою, старостами и маршалками *), при чемъ сваха и свѣтилка, въ знакъ особеннаго почета, пришиваютъ боярамъ, старостамъ и скрипачу къ шапкамъ изъ красныхъ лентъ квѣтки (цвѣтки), за что получаютъ отъ нихъ по копѣйки или по двѣ. Послѣ обѣда родители жениха садятся на шубу, кверху шерстью, и держатъ въ рукахъ каравай хлѣба; сынъ кланяется въ ноги сперва отцу, а потомъ матери и проситъ позволенія ѣхать къ невѣстѣ; благословивъ хлѣбомъ и солью, родители его отпускаютъ и молодой со всеми своими гостями отправляется къ невѣстѣ.

По приближеніи къ дому дружка и подружій, давъ знать о семъ отцу и матери невѣсты, кладутъ на столъ хлѣбъ, и стклянку водки. Мать, подаривъ имъ по ручнику, велитъ вѣзжать во дворъ, среди котораго всегда ставится столъ, накрытый скатертью, а на немъ квашню, хлѣбъ и посуду съ водкой. Выходитъ теща встрѣчать жениха въ вороченной шубѣ, сидя на вилахъ или кочергѣ и, держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ, который послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, подаетъ она зятю, а сей, не сходя съ лошади выливаетъ все на гриву лошади и потомъ отдаетъ пустой горшокъ старшему боярину, который по принятіи бросаетъ его въ сторону, причемъ ежели горшокъ разобьется, то родится сынъ, а если уцѣлѣетъ — то дочь.

Какъ только женихъ сойдетъ съ лошади, то братъ невѣсты или какой либо близкій и молодой родственникъ, сѣвъ на лошадь жениха, рыщетъ по улицѣ во всю конскую прыть; за нимъ гонятся на лошадяхъ бояре, а настигши ведутъ лошадь на тотъ дворъ, гдѣ подчуютъ его на конѣ виномъ, при чемъ

*) Дружками со стороны жениха.

подносившій говоритъ ему: *прошу выкушать!* а тотъ, не принимая чарки съ виномъ, только кланяется. Дружко выпиваетъ эту чарку самъ, и наливъ другую снова подносить; но онъ опять не беретъ; дружко потомъ спрашиваетъ: что ему надобно? „Денегъ“ отвѣтствуетъ онъ, тогда дружко подаетъ ему на тарелкѣ нѣсколько копѣекъ; невѣстинъ братъ, принявъ деньги, выпиваетъ вино и сходить съ лошади. Тутъ его слегка стегаютъ прутикомъ, но братъ невѣсты успѣваетъ убѣжать къ сѣннымъ дверямъ, и, взявъ обнаженную саблю или палку, садится рядомъ съ невѣстою.

Между тѣмъ, женихъ со свахою и свѣтилкою стоятъ въ сѣняхъ за порогомъ. Невѣстина мать, выйдя съ зажженою восковою свѣчею, зажигаетъ ею свѣчу въ рукахъ у свѣтилки. потомъ цѣлуются черезъ порогъ съ нею. Тогда дружко, съ позволенія старосты, вводитъ жениха въ избу, гдѣ сидитъ съ своими подругами невѣста и ея братъ съ обнаженной саблей.

— Дружко спрашиваетъ брата жениха: ты зачѣмъ здѣсь?

— Сестру берегу, отвѣчаетъ тотъ.

— Она не твоя, а наша, говоритъ дружко.

— А если она ваша, говоритъ братъ, то заплати, за нее то, что я на нее употребилъ.

— А что ты на нее употребилъ?

— Весьма много, отвѣчаетъ братъ, а именно: Въ пятнадцать лѣтъ пребыванія ея въ нашемъ домѣ, она съѣла и выпила: пять бочекъ бураковъ (свеклы), три бочки капусты, четыре вола (быка), шесть кабановъ (откормленныхъ барановъ), десять овецъ, сто гусей, двѣсти куръ, семьдесятъ пять утокъ, двадцать кулей хлѣба, пять бочекъ пива, двѣ бочки меду, пять бочекъ горѣлки и пр.

Дружко, выслушавъ все это, вынимаетъ изъ кармана двѣ или три копѣйки и положивъ ихъ на деревянную тарелку, на которой уже стоитъ налитая чарка вина, подносить ее продавцу, а этотъ видя мало денегъ не уступаетъ и продолжаетъ торговаться до пяти, а иногда до десяти копѣекъ. Получивъ то, чего желалъ, выходитъ изъ за стола, за который на его мѣсто садится женихъ до того времени, безмолвно стоявшій по среди комнаты и смотрѣвшій на сцену торговли.

Невѣста бываетъ въ это время одѣта, въ шитую узорами

бѣлую холстинную сорочку, поверхъ которой пестрая шерстяная плахта (юбка), красная запаска (передникъ, фартукъ), сверхъ всего суконный смурый или бѣлый кафтанъ. Козловые, красные съ желѣзными подковками или высокими ободками, сапоги подбитые гвоздями. На головѣ двѣ завитыя изъ природныхъ волосъ косы; около которой повязаны шелковыя разныхъ цвѣтовъ ленты съ висящими по спинѣ длинными концами. На шею обыкновенно надѣваютъ красную монисту (нѣсколько королевовыхъ нитокъ) и мѣдный, или серебряный крестъ; на рукахъ кольца. Костюмъ жениха—суконный смурый кафтанъ, того же цвѣта шаровары, шерстяной пестрый поясъ, суконная съ околышкомъ черной овчины шапка, и на ногахъ сапоги сильно смазанные смальцомъ (саломъ) или дегтемъ. Въ одномъ сапогѣ лежитъ мѣдная или серебряная монета, на рукѣ перстень или кольцо. По кафтану красный кушакъ, за которымъ заткнутъ красивый шитый платокъ.

Послѣ описанной купли невѣсты, какъ новобрачные, такъ и его поѣзжане сидятъ за столомъ. Вскорѣ отецъ и мать невѣсты также и родственники невѣсты, войдя къ нимъ съ налитыми виномъ стаканами подчуютъ ихъ и всю бесѣду. Потомъ дружка испрашиваетъ позволенія у старосты, на раздачу подарковъ отцу, матери и всѣмъ родственникамъ невѣсты. И такимъ образомъ отцу дается хлѣбъ, матери сапоги, родственникамъ хлѣбы и платки, а дружкамъ (подругамъ) по горсти орѣховъ и по два бублика (кренделя).

Равнымъ образомъ женихъ и невѣста, дарятъ всѣхъ родственникововъ хлѣбами и платками, а бояръ, каждаго по шитому или тканому бумагою платку. Потомъ дружка проситъ позволенія у старосты или посаженнаго отца, на то, чтобы поплясать новобрачнымъ и прочимъ на дворѣ, и получивъ разрѣшеніе послѣ троекратной просьбы, пляшутъ подъ звуки скрипки до времени обѣда, къ которому также являются съ позволенія старосты или посаженнаго отца.

Столъ покрывается сверхъ *кылма* (ковра) скатертью. На немъ ставятся деревянныя бѣлыя, или красныя тарелки, и ложки съ нѣсколькими ножами, но безъ вилокъ. Передъ женихомъ и невѣстою ставится одна тарелка, положены крестообразно двѣ ложки и цѣлый ржаной, осыпанный солью, хлѣбъ. Посреди

стола, лежит куличъ—(каравай), который накрытъ крестообразно же двумя утиральниками, съ вышитыми по концамъ красною бумагою, и который осѣняется еловою вѣткою, въ него воткнуто. Позади новобрачныхъ въ углу, гдѣ иконы, стоитъ сабля съ зажженными восковыми свѣчами—принадлежность свѣтллки.

Какъ только принесутъ первое кушанье, состоящее изъ лаши со свиной и курицей, отецъ и мать невѣсты, подчуютъ гостей и сами пьютъ за здоровье молодыхъ, которые во весь обѣдъ не пьютъ и не ѣдятъ. Такимъ же образомъ при борщѣ, жаркомъ и при другихъ кушаньяхъ повторяютъ пить. Въ продолженіи обѣда невѣстина сестра, или родственница, снявъ съ жениха шапку, пришиваетъ къ ней сдѣланный изъ розовой ленты цвѣтокъ, а между тѣмъ, поетъ приличную по сему предмету пѣсню, за что получаетъ въ награду нѣсколько копѣекъ. Предъ концомъ обѣда, дружка по благословенію старосты, прочитавъ „Отче нашъ“ и снявъ съ кулича ручки, беретъ одинъ себѣ, а другой отдаетъ подружому. Потомъ, перевязавшись своимъ черезъ плечо, разрѣзаетъ куличъ по частямъ, и рассылаютъ куски всѣмъ присутствующимъ за столомъ. Каждый, получивъ кусокъ, долженъ за него дать какую нибудь мелкую монету на разживу новобрачной. Послѣ обѣда начинается пляска и продолжается до вечера.

Въ сумерки входятъ въ избу и начинаютъ ужинать, который идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и обѣдъ. Послѣ ужина подруги невѣсты, простясь съ нею и откланявшись всей веселой бесѣдъ, расходятся по своимъ домамъ, получивъ при томъ въ подарокъ, по горсти орѣховъ и нѣсколько бубликовъ каждая. Старшую же подругу, провожаютъ молодые люди (бояре) при пѣннн, пляскѣ и музыкѣ, до самага двора. Когда подруги удалятся, собираютъ ужинъ для молодыхъ въ особенномъ уединенномъ мѣстѣ, иногда и въ чуланѣ. Въ это время дружки и свахи собираютъ невѣстино приданое и укладываютъ, смотря по времени года, въ телѣгу или сани, и посадя потомъ туда невѣсту съ свѣтллкою и свахою, везутъ въ домъ жениха; самъ женихъ ѣдетъ по правую сторону верхомъ, сопровождаемый боярами. Женихъ, вскорѣ по отъѣздѣ изъ дома тестя, ударяетъ новобрачную нѣсколько разъ плетью по спинѣ, говоря: „Покидай нравы отца и матери, а привыкай къ моимъ“.

При самомъ отъздѣ въ домъ жениха, среди воротъ зажигается куль соломы, чрезъ огонь котораго провозятъ повозку невѣсты и всѣ слѣдующіе верхами за нею. Потомъ новобрачные входятъ въ избу, кланяются отцу и матери и опять садятся за ужинный столъ, со всѣми гостями и тѣмъ же порядкомъ, какъ въ домѣ невѣсты. Послѣ ужина дружко со свахой и родственниками, ведетъ ихъ въ подклѣтъ, гдѣ оставляютъ ихъ однихъ. Здѣсь невѣста разуваетъ жениха и беретъ деньги изъ сапога себѣ, а мужъ въ это время, бьетъ ее голенищемъ по спинѣ. Потомъ ложатся они на посланной на полу соломѣ, покрытой килимомъ или войлокомъ, который служитъ имъ вмѣсто одѣяла. Послѣ нѣкотораго времени молодой призываетъ дружку и объявляетъ ему, что жена его сохранила дѣвство до сегодня, а этотъ послѣдній объявляетъ это всей бесѣдѣ съ доказательстами на лицо. Затѣмъ ей тотчасъ подають другую сорочку. Тутъ происходитъ новое веселье, пляска и пѣсни; потомъ гости жениха, отправляются въ домъ родителей невѣсты бьютъ посуду, окна, ломаютъ столы, лавки, причемъ родители жениха вмѣсто того, чтобы обижаться, награждаютъ полотенцами и платками гостей, за радостную вѣсть о благополучіи дочери. Получивши дары, гости отправляются опять въ домъ жениха, и тамъ шумно проводятъ день до разсвѣта.

На другой день снова собираются къ жениху гости. Утру рано, приходитъ старшій бояринъ къ новобрачной, и взявъ у нея красную запаску, то есть передникъ, выставляетъ его высоко на шесть, какъ флагъ, надъ домомъ молодаго, въ знакъ цѣломудрія новобрачной.

Потомъ дружки, свахи, бояре, родственники, сосѣди и проч., подъ предводительствомъ одного дружки, отправляются въ домъ старшей подруги новобрачной, и ставятъ на столъ хлѣбъ и посуду съ водкой, та съ своей стороны ставитъ на столъ кушанье и подчууетъ посѣтителей имъ, и водкою; поѣвши и выпивъ, гости выходятъ на дворъ, пляшутъ и поютъ, и такъ повторяется тоже у всѣхъ подругъ невѣсты. Отпраздновавъ всѣхъ по порядку, гости возвращаются въ домъ жениха и просятъ у отца позволенія вести молодыхъ въ церковь. Отецъ надѣваетъ на молодую кибалку (наметка). Коль скоро достигнутъ они церкви, то дружко, поддружій и другіе оставя ихъ на *цельн-*

тарь (монастырь), все безъ исключенія поютъ пѣсни и идутъ въ домъ священника, гдѣ поставя на столъ хлѣбъ и водку, просятъ его, чтобы онъ ввелъ молодыхъ въ церковь. Священникъ, получа надлежащую за то плату, склоняется на ихъ просьбу, вводитъ съ молитвою въ церковь, читаетъ молитву, благословляетъ молодыхъ и надѣваетъ послѣ того на голову молодой серпанку (фату), потомъ, окропя того и другаго св. водою отпускаетъ съ миромъ.

Гости возвращаются въ домъ отца жениха. Тамъ сажаютъ молодыхъ за столъ, туда является и свекоръ и, тыча палкою въ глаза, спрашиваетъ; „не слѣпа ли она“, но потомъ снявъ съ нея серпанокъ подчуевъ ее виномъ. Затѣмъ дружка угощаетъ молодыхъ хлѣбомъ, намазаннымъ сотовымъ медомъ, а потомъ всѣхъ гостей *).

Послѣ обѣда, съ позволенія старосты выходятъ все на дворъ, для пѣнія и пляски, которую начинаетъ дружка. Потомъ старшій бояринъ, положи на тарелку нѣсколько денегъ и поставя чарку вина, подноситъ молодой, которая принявъ деньги и выпивъ вино, начинаетъ съ нимъ плясать; такимъ образомъ она перепляшетъ со всеми. Потомъ гости, войдя въ избу, садятся за столъ, гдѣ отецъ и мать ихъ подчуютъ; потомъ дружка, испрося благословеніе у старосты и прочитавъ „Отче нашъ“, разрѣзываетъ куличъ и подноситъ куски отцу и матери, родственникамъ и вообще всемъ гостямъ, которые съ своей стороны для обзаведенія молодыхъ хозяйствомъ, дарятъ ихъ разнаго рода скотомъ, птицей и другими предметами домашняго хозяйства.

По окончаніи этого угощенія дружка, взявъ *стульки* (пирогѣ безъ начинки, лепешки), также вареную, а иногда и не вареную курицу, и обложивъ ее вѣтвистою калиною и красными бумажными нитями, идетъ съ молодымъ и со всею свадебною бесѣдою съ пѣніемъ и музыкой къ тестю; а по прибытіи туда, ставитъ курицу и пироги на столъ.

Тесть и теща угощаютъ зятя и всѣхъ его сопровождавшихъ, чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время дружка, разрѣзавъ курицу подаетъ: тестю пару пироговъ и куриную головку, тещѣ

*) Не отъ этого ли первый мѣсяцъ молодыхъ называется „медовымъ?“

столько же пироговъ и гузку, то есть заднюю часть, а прочимъ гостямъ по ломтю пирога и по куску курицы. Послѣ сего теща отправляется со всѣми гостями къ отцу ея зятя и тамъ всѣ поужинавъ, веселятся всю ночь.

Во вторникъ, собираются всѣ гости, исключая бояръ (бывшихъ товарищей молодого), и подругъ невѣсты, къ обоимъ сватамъ; и хѣдя компаніями изъ дому въ домъ, подчуютъ другъ друга кушаньями и вообще шумно веселятся.

Такое свадебное пированіе продолжается цѣлую недѣлю. Не смотря, по видимому на большіе расходы, вся свадебная пирушка въ теченіи недѣли, въ старину обходилась съ обѣихъ сторонъ въ 34 рубля 20 коп. ассигнаціями *).

Свадьбы на Уралѣ. У Уральскихъ казаковъ въ обыкновеніи у сговоренной невѣсты, съ начала сговора до самой свадьбы, гостить всѣмъ ея подругамъ, гдѣ сходятся молодые люди, поютъ и пляшутъ съ дѣвушками. Въ дѣвичникъ женихъ приноситъ своей невѣстѣ въ подарокъ платье, и весь женскій уборъ, а невѣста отдариваетъ эти подарки шапкою, сапогами, рубашкою и шароварами.

Послѣ вѣнчанія невѣсту везутъ въ телѣгъ, сзади ея сидитъ мать и сваха, пальцы которой унизаны бываютъ кольцами. Обѣ онѣ прикрываютъ невѣсту полотенцемъ, чтобы никто не видалъ ее. Предъ телѣгою идетъ женихъ съ отцемъ и дружкой, а позади ея ѣдутъ верхомъ на лошадяхъ пріатели и родные жениха. Одинъ изъ нихъ на шестѣ, подобно знамени несетъ полосатую плахту (юбку).

Свадьба у Донскихъ казаковъ. У Донскихъ казаковъ, за невѣстою не бываетъ никакого приданого, напротивъ женихъ обязанъ одѣть невѣсту съ головы до ногъ.

Свадьбы у Камчадаловъ. Камчадалы — древніе обитатели обширнаго полуострова Камчатки. Образъ женидбы у Камчадаловъ слишкомъ страненъ и дикъ. Когда Камчадалъ захочетъ жениться, то ищетъ себѣ невѣсты въ чужомъ острожкѣ, и, высмотрѣвъ по своему характеру дѣвушку, приходитъ къ ея родителямъ, изъясняется предъ ними въ своемъ сердечномъ расположеніи къ ихъ дочери и проситъ ихъ пожить у нихъ

*) По свѣдѣ составленной въ 1777 г., то есть 9 руб. 57 к., на наши деньги.

нѣсколько времени, на что тѣ легко соглашаются. Иногда даже не объясняется съ родителями, а просто такъ поступаетъ, и прослуживъ нѣсколько времени просить за услугу—дочь.

Во время службы, чтобы понравиться родителямъ дѣвушки, онъ показываетъ необыкновенное усердіе, ловкость и проворство, даже удалство. По истеченіи условленнаго срока, молодой Камчадалъ добивается позволенія *хватать невьсту*. Если поведеніе его будетъ хорошо, и онъ понравится родителямъ, сродникамъ и невьстѣ, то ему позволяется хватать, если же нѣтъ, то труды его вознаграждаются какою либо вещью, и онъ долженъ оставить ихъ острожекъ (селеніе). Случается, что онъ остается и безъ всякаго вознагражденія.

Камчадалъ, получившій позволеніе хватать невьсту, всѣми силами старается улучшить время, подстеречь невьсту одну, или съ немногими женщинами; между тѣмъ, какъ со стороны женщинъ и дѣвушекъ селенія, принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы сохранить невьсту отъ нападенія, такъ что рѣдко ее оставляютъ.

Къ тому же ее въ это время одѣваютъ въ двѣ, три хоньбы (одежда изъ собачьей шкуры), потомъ опутываютъ отъ колѣнъ до мышекъ рыболовными сѣтями, по которой увиваютъ ремнями, такъ крѣпко, что она рѣшительно лишена всякаго свободнаго движенія. Опутываніе и укручиваніе невьсты служитъ къ тому, чтобы защитить дѣвушку отъ молодаго человѣка, которому необходимо для полученія ея въ жены, прикоснуться къ голому ея тѣлу, а для того разрушить своею ловкостью всѣ преграды къ тому. Если только представится къ тому возможность, онъ стремительно кидается къ дѣвушкѣ, старается разорвать ремни и сѣтку, но тутъ невьста и дѣвки поднимаютъ крикъ, визгъ, схватываютъ его за волосы, царапаютъ его лицо, бьютъ, и всѣми силами стараются отбить невьсту, хотя сама невьста окончательно не дѣлаетъ при этомъ никакого сопротивленія. Если женихъ, преодолевъ всѣ препятствія, успѣлъ коснуться рукою до голаго тѣла, съ него этого довольно, онъ побѣдитель и самъ отходитъ отъ нея, а затѣмъ всѣ бабы и дѣвушки разбѣгаются, между тѣмъ невьста умилнымъ голосомъ говоритъ своему жениху „*ни, ни!*“ чѣмъ и заключается весь бракъ у Камчадалъ.

Рѣдко случается, чтобы Камчадалъ съ разу достигъ своей цѣли. Бывали случаи, что ему приходилось пробовать свою ловкость нѣсколько разъ, и каждый разъ получать ушибы и царапины, для излѣченія которыхъ требовалось время. Бывали случаи, что бѣднякъ семь лѣтъ добивался своей невѣсты и во все это время служилъ безвозмездно, а бывали такіе примѣры, что послѣ неудачныхъ попытокъ бѣдный женихъ былъ поруганъ своей невѣстой и бабы овладѣвъ имъ, сбрасывали съ балагановъ.

Кто схватаетъ свою невѣсту, тотъ получаетъ всѣ права мужа, и на другой или на третій день увозитъ ее въ свое селеніе. Для празднованія же брака онъ возвращается, спустя нѣсколько времени, къ роднымъ жены.

Что касается до женидбы на вдовахъ, то здѣсь не встрѣчается никакихъ препятствій кромѣ одного согласія съ той или другой стороны.

Мордовскія и Чувашскія языческія свадьбы. Когда отецъ хочетъ женить своего сына, то посылаетъ къ отцу невѣсты постороннихъ людей, чтобы спросить: желаетъ ли онъ выдать дочь свою за *такого то*? И если послѣдуетъ благопріятный отвѣтъ, то родители жениха и невѣсты, договаривались о *калымѣ* (выкупѣ), также—кому держать первую попойку и сколько чего употребить при ней. Калымъ полагался смотря по состоянію 8, 9 или 10 рублей ассигнаціями. Потомъ отецъ и мать жениха просятъ невѣстину родню въ гости въ домъ ея; а изъ своей родни никого не принимаютъ.

Въ назначенной для того день званые гости собираются, причемъ ихъ угощаютъ.

Только въ самый день бракосочетанія объявляютъ жениху и невѣстѣ, о томъ.

Родители жениха пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты, которая въ то время уже совсѣмъ одѣта по праздничному и приготовлена къ браку. Вся церемонія и важность ея заключается единственно въ томъ, что отецъ, взявъ за руку дочь свою, а мать въ руки хлѣбъ и соль, вручаютъ дочь свою съ хлѣбомъ-солью свекру и свекрови.

Невѣста, поблагодаривъ родителей своихъ за понесенные ими труды и хлопоты о воспитаніи ея и притомъ заплакавъ

о родительскомъ домѣ и родственникахъ, покрывается бѣлымъ холстомъ до пояса и въ этомъ видѣ выводится своимъ братомъ изъ отеческаго дома до саней, или телѣги. Прочая родня ея, проводивъ ее до половины дороги и встрѣтивъ родню женихову, возвращается, такъ какъ на брачномъ пиру съ невѣстной стороны родни не бываетъ.

Какъ только пріѣдутъ въ домъ жениха, то его братъ, или ближайшій сродникъ, взявъ невѣсту за руку вводитъ въ избу и сажаетъ за столъ. Потомъ зовутъ жениха, который нахлобучивъ шапку, садится подлѣ нея. Отецъ его, при собраніи всѣхъ сродниковъ и другихъ гостей, взявъ поставленный на столѣ пирогъ аршина въ полтора, поднимаетъ его и концемъ его поднимаетъ покрывало у невѣсты, говоря между тѣмъ: „Вотъ тебѣ свѣтъ! Будь счастлива къ хлѣбу, животу и размноженію семьи“. Потомъ переимѣняетъ онъ ей имя: Мезява, большая, Сернява, средняя, Вежава, меньшая и такъ далѣе по старшинству сочетающихся сыновей своихъ. Тогда женихъ и сродники увидятъ невѣсту, такъ какъ и она ихъ всѣхъ. Послѣ сего начинается пирушка, которая продолжается смотря по средствамъ. Въ этомъ состоитъ весь обрядъ ихъ таинства брака.

Нынѣ ихъ браки какъ христіанскіе, сопровождаются новыми обычаями близкими къ нашимъ. Обыкновенно въ день свадьбы надѣваютъ на невѣсту красное платье или кумашникъ, красную рубашку и красные сапоги. На всѣ пальцы обѣихъ рукъ надѣваютъ разноцвѣтные перстни съ привѣщенными къ нимъ небольшими цѣпочками, къ которымъ привѣшены серебряныя или мѣдныя копѣйки. Голову ея прикрываютъ красною фатою такъ, чтобы видѣть лица ея нельзя было. Предъ нею ставятъ скамейку, на которую ставятъ хлѣбъ, соль и ведро пива; подлѣ ея садится пожилой мужчина съ иконою, предъ которою мальчикъ держитъ свѣчу. Между тѣмъ всѣ сродники ея, подходя къ ней одинъ по одному, подклоняютъ головы свои подъ фату ея, которыхъ она порознь оплакиваетъ. Въ продолженіи сей церемоніи одинъ играетъ на гудкѣ; а прочіе по своему обыкновенію приплясывая поютъ: *вой! вой!* При этомъ подчуютъ пивомъ или медомъ всѣхъ безъ изыятія предстоящихъ, и всякъ въ честь себѣ вмѣняетъ быть при этомъ пьянымъ. Со стороны здѣсь не бываетъ гостей, кромѣ отца и брата, свахи и двухъ

дружекъ. Должность свахи и одного дружки состоятъ въ томъ, чтобы подносить напитки.

Другой дружка, стоя предъ невѣстою въ безмолвіи, держитъ въ правой рукѣ обнаженную саблю, которою время отъ времени махая, ударяетъ въ потолокъ или матицу.

Между тѣмъ у печки, на столѣ кладутъ постелю и все прочее приданое, на которомъ садится невѣстина сестра, или иная ея подруга, у которой дружка долженъ выкупать приданое.

Коль скоро невѣста оплачетъ всѣхъ своихъ сродниковъ, то немедленно начинается церемоніальное шествіе къ вѣнцу. Во первыхъ идетъ дружка съ саблею, потомъ невѣстина мать или бабушка со свѣчю, а за нею отецъ или ближайшій сродникъ съ иконою.

Тутъ берутъ невѣсту, кто за поясъ, кто за ноги и выносятъ изъ избы на дворъ. Между тѣмъ она, какъ бы не охотно оставляя домъ своихъ родителей, старается всѣми силами противиться этому выходу изъ дома. То схватится за матицу, то за косякъ дверей, то за скобу и съ такою силою, что окружающіе ее должны бывають употребить всѣ силы для того, чтобы раздвинуть руки. Коль скоро вынесутъ ее во дворъ, то дружка вооруженный саблею кричитъ, чтобы всѣ зрители стояли рядомъ и чтобы никто не выходилъ ей навстрѣчу, что принимается за дурной знакъ.

Между тѣмъ у избы запирають двери и никого оттуда не выпускають, пока не посадятъ невѣсту въ сани, или въ повозку, и покрывають бѣлою скатертью съ бахромою. Поѣздъ слѣдуетъ такъ: сперва отецъ или братъ жениховъ, потомъ невѣста со свахою и дружкой, въ одной повозкѣ, затѣмъ подруги ея и вся свита ѣдетъ только до половины дороги; а отсюда сопровождаетъ ее поѣздъ жениха до самой церкви, гдѣ дожидается женихъ.

Когда окончится вѣнчаніе, впереди всѣхъ ѣдетъ женихъ, а за нимъ невѣста, послѣ того и весь поѣздъ. По прибытіи домой, женихъ тотчасъ, принявъ невѣсту, ведетъ въ избу; но прежде, нежели входятъ въ нее, становятся оба одною ногою на порогъ избы, гдѣ ставятъ горячую съ хмѣлемъ сковороду на ногу сперва жениху, а потомъ невѣстѣ. Женихъ сбрасываетъ ее ногой, потомъ тоже дѣлаетъ и невѣста. За отбрасы-

ваніемъ ногою сковорода съ хмѣлемъ тщательно наблюдаютъ всѣ домашніе и выводятъ свои заключенія о будущемъ новобрачныхъ. Чѣмъ далѣе отлетитъ сковорода отъ ноги невѣсты, тѣмъ она будетъ сердитѣе и сварливѣе; а чѣмъ ближе, тѣмъ смириѣе и добрѣе. Если сковорода упадетъ вверхъ дномъ то думаютъ, что новобрачные будутъ несчастливы, и обратно дномъ къ низу—полное благополучіе.

Затѣмъ, женихъ, невѣста и всѣ гости входятъ въ избу; садятся за столъ и пируютъ; но при этомъ пиршествѣ никого изъ родни новобрачной не бываетъ. Сама же невѣста тотчасъ убираетъ голову по дѣвичьи, какъ до сего ходила, и потомъ ходитъ такъ до того времени, пока не увидится съ отцемъ или матерью, или вообще съ тѣмъ, кто ее выдавалъ за мужъ, а затѣмъ ужъ лишается всѣхъ дѣвичьихъ украшеній.

У нѣкоторыхъ мордовцевъ есть обычай раздавать крутую кашу всѣмъ сбѣжавшимся съ деревни смотрѣть молодыхъ, по чумичкѣ на человѣка, кому въ шапку, кому въ полу, а иному и за пазуху.

У Чувашъ, живущихъ по Волгѣ, если кто вздумаетъ жениться, долженъ послать свата въ домъ невѣсты и торговаться съ отцемъ на счетъ выкупа. Не знаемъ какъ теперь, но лѣтъ 90 тому назадъ, цѣна тамошнимъ невѣстамъ простиралась отъ двадцати до пятидесяти рублей ассигнаціями. Бѣдняки покупали въ то время женъ, платя десять, пять рублей, а богатые платили до осмидесяти рублей на ассигнаціи. Приданое невѣсты обыкновенно состоитъ изъ разнаго скота, домашней утвари и одежды, соразмѣрно, или почти соразмѣрно съ выкупомъ. Впрочемъ это въ другихъ мѣстахъ называется калымомъ (выкупомъ, а у чувашъ называется *Хота*, сватовство).

По заключеніи торга бываетъ поѣздъ съ дарамн. Женихъ, пріѣзжая съ родителями къ невѣстѣ, представляетъ договорную сумму денегъ, причемъ даритъ новыхъ родственниковъ рубахами, платками, или холстомъ; а для благополучія въ сочетаніи, хозяевамъ—пшеничный хлѣбъ и небольшое количество меду—сырца, которое поднося, держитъ противъ солнца и творитъ молитву. Въ этотъ же день послѣ веселой пирушки условятся на счетъ дня брака.

Въ этотъ день невѣста сидитъ въ гостепріимной избѣ за

отгородкою съ закрытымъ лицомъ. Но въ известное время выходитъ оттуда, и ходитъ вокругъ избы съ печальнымъ выраженіемъ лица, между тѣмъ, какъ ея подруги носятъ предъ нею пиво, хлѣбъ и медъ — сырецъ. Когда такимъ образомъ она обойдетъ три раза вокругъ избы, то женихъ, сорвавъ съ нея покрывало цѣлуетъ ее и мѣняется съ нею перстнями. И съ того времени она называется обрученною. Послѣ того невѣста, угостивши гостей хлѣбомъ, пивомъ и медомъ уходитъ опять за перегородку, гдѣ женщины, снявъ съ нее худую дѣвичью шапку надѣваютъ бабью, поновѣе, называемую хущю.

При раздѣваніи, какъ и другихъ русскихъ племень, невѣста должна разувать жениха. На слѣдующій день происходитъ слѣдствіе, сохранила ли молодая свое дѣвство, если не сохранила, то стыдятъ молодую стаканомъ съ продыравленнымъ дномъ, какъ уже ранѣе было описано (см. стр. 161) и все кончается смѣхомъ, безъ непріятныхъ для молодой послѣдствій.

Въ этотъ день молодая принимаетъ гостей какъ хозяйка, и день проводится въ пѣсняхъ и пляскахъ подъ музыку, веселѣе перваго.

Свадьбу играютъ по большей части у жениховыхъ родителей. Гости съ своей стороны никогда не ходятъ безъ съестнаго и напитковъ, а кромѣ того кладутъ на поставленный на столѣ хлѣбъ съ воткнутой въ него стрѣлою, кто что можетъ изъ денегъ, на раззаводъ молодыхъ.

Въ прѣжнее время чуваша — христіане вѣнчались спустя долгое время послѣ этихъ обрядовъ.

Черемисскія языческія свадьбы. Когда черемисы были идолопоклонники, то въ той избѣ, гдѣ предположено было свадебное торжество, на столѣ домашняго своего идола, предъ которымъ *Картъ* совершалъ моленіе. Потомъ дѣлали обѣдъ, а за окончаніемъ его предавались веселью, состоящему въ пляскѣ, пѣсняхъ и музыкѣ на гусяхъ, или на волянкѣ. Въ то время, какъ *Картъ* *) читалъ свою молитву, въ другой избѣ невѣсту наряжали въ замужнее женское одѣяніе, снявъ покрывало, надѣвали на нее нарядную женскую шапку, или повязку. Затѣмъ женихъ, взявъ ее за руку, отводилъ ее въ гостепріимную избу,

*) Жрецъ.

гдѣ она во все время моленія Карта стояла на колѣняхъ, а затѣмъ, вставши, раздавала дары и подносила всѣмъ гостямъ пиво или медъ. По окончаніи всего этого она отправлялась опять въ ту избу, гдѣ была.

Въ вечеру невѣста раздѣвалась сама, но ложилась, какъ то недобровольно и по принужденію. Уложивъ молодыхъ, бабы запирали подклѣтъ.

На другой день, по утру, въ сопровожденіи женщинъ входилъ въ подклѣтъ одинъ изъ пожилыхъ мужчинъ, избранный вмѣсто отца молодой, держа въ рукъ предобрую плеть. И если онъ усматривалъ въ молодой, что либо противное доброй чести до ея замужества, то поднималъ плеть и общалъ ею вознаграждать на другой день, и конечно это наказаніе исполнялось. Такъ же поступали и молодые только позднѣе, по окончаніи всѣхъ свадебныхъ обрядностей.

Третій день препровождали они также въ пирушкахъ и весельѣ. Предъ удаленіемъ всѣхъ, каждый, выпивъ стаканъ пива или водки, бросалъ въ него какую либо монету, въ подарокъ молодымъ.

Мало бываетъ и нынѣ между черемисами браковъ, гдѣ бы не примѣшивались эти языческіе обряды.

Татарскія свадьбы. У татаръ русскихъ существуетъ въ основѣ одно и то же, согласно религіи, но встрѣчаются нѣкоторыя различія въ частности ихъ обрядности. У татаръ по рѣкѣ Черемхану, которая впадаетъ въ Волгу при Сингелеевѣ, существуетъ такой обычай при свадьбахъ: Когда женихъ или его родители выберутъ невѣсту, то сватаютъ ее тоже, какъ и прочіе, чрезъ постороннихъ лицъ и послѣ согласія съ той и другой стороны, начинаютъ толковать о калымѣ. У нихъ даже бѣдняки должны платить довольно тяжелый калымъ. И женскому полу нѣтъ принужденія выходить замужъ, а потому невѣстинъ отецъ при началѣ сватовства спрашиваетъ дочь: „охотно ли она идетъ, нравится ли ей женихъ? Только ея согласіе рѣшаетъ дѣло. Затѣмъ приглашаютъ муллу, который прочитавъ молитву разрѣшаетъ ей сидѣть съ женихомъ за занавѣсой, потомъ гости пьютъ и веселятся. Но только тогда женихъ воленъ взять свою невѣсту, когда заплатитъ ея отцу калымъ сполна. Между тѣмъ женихъ воленъ тайно, время отъ времени, посѣщать невѣсту, повольничать немного, но

въ права мужа вступать ни подъ какимъ предлогомъ не допускается *).

По уплатѣ полнаго калыма, невѣстинъ отецъ приглашаетъ гостей на пирь, и погулявъ до пьяна, они развѣзжаются по домамъ; а женихъ съ невѣстою и другими сродниками, взявъ все приданое невѣсты уѣзжаетъ въ свой домъ. Потомъ призывается мулла, и начинается бракъ. Бракъ ихъ очень кратокъ и простъ. Молодые сидятъ или въ другой избѣ, или тутъ же за занавѣсомъ. А мулла, не видя новобрачныхъ, спрашиваетъ трижды у присутствующихъ: „женился ли такой-то?“ Ему отвѣчаетъ дружка: „женился!“ тоже троекратно называя по имени жениха.

Потомъ мулла спрашиваетъ о невѣстѣ троекратно: „вышла ли такая-то замужъ за такого-то?“ дружка тоже на каждый его вопросъ,—что вышла такая то? Наконецъ мулла читаетъ молитву и тѣмъ кончается процессъ брака.

По прошествіи двухъ или трехъ дней, зять приглашаетъ къ себѣ въ домъ тестя и всю родню молодой жены для пираванія; гости собираются и каждый изъ нихъ приноситъ что либо въ подарокъ новобрачнымъ.

Свадьбы у Казанскихъ и Оренбургскихъ татаръ совершаются такъ же почти, какъ вышесказано. Также поступаетъ и мулла при совершеніи брака. Замѣчательно то, что у нихъ существуетъ дѣвичникъ, куда собираются подруги и родные, поютъ пѣсни и оплакиваютъ перемѣну состоянія невѣсты, которая въ это время сидитъ съ закрытымъ лицомъ. Между тѣмъ двое мужчинъ отъ лица невѣсты поютъ пѣсню, содержаніемъ которой то, что „она перемѣны этой желаетъ“. Наканунѣ брачнаго дня къ вечеру, посадя невѣсту на коверъ, относятъ невѣсту въ тотъ домъ, гдѣ должна быть свадьба, и тутъ она видится съ новыми своими родственниками.

У этихъ татаръ, потеря дѣвства до замужества считается величайшимъ безчестіемъ. Гнѣвнаго характера женихъ имѣетъ право во время самой свадьбы сорвать съ своего тестя и тещи свои подарки.

*) Уплата по частямъ и тайное посѣщеніе женихомъ невѣсты, у нихъ называется *хожденіемъ за пазуху*. Молодой человекъ въ это время можетъ удобнѣе узнать невѣсту и если замѣтитъ, что либо предосудительное, засвидѣтельствованное дружки, прекращаетъ сватовство и получаетъ деньги назадъ.

Свадьбы сибирскихъ (чулымскихъ) татаръ. Эти татары также посылаютъ свата. Сватъ отправляясь по дѣлу сватовства беретъ съ собою новую трубку (китайскую), набиваетъ ее китайскимъ табакомъ, а придя туда, объявляетъ причину прихода и тотчасъ оставляетъ тамъ свою трубку и табакъ, самъ удаляется куда то, на короткое время. По возвращеніи, если онъ замѣтитъ, что трубка не была въ употребленіи, то считаетъ это за отказъ, а если усмотрѣно, что курено, то принимается торговать невѣсту на платье, мягкую рухлядь, скотъ и на проч.

Свадьба совершается въ новой юртѣ, брачное ложе молодыхъ—войлокъ. Если новобрачная виновата предъ своимъ мужемъ, то она никакой обиды отъ мужа не терпитъ, но молодой украдкой уходитъ и не ранѣе возвращается, какъ раздѣлавшись добрымъ порядкомъ съ похитителемъ ея чести. Потомъ все предается забвенію.

Въ день свадьбы у нихъ тоже происходятъ пирушки и веселье съ пѣснями, пляскою и музыкой. Кромѣ того женихъ занимается борьбою съ родственниками невѣсты и если успѣетъ всѣхъ ихъ побороть безъ посторонней помощи, то заслуживаетъ огромное общее одобреніе.

Калмыцкія свадьбы. У этого народа, исповѣдующаго ламаистую вѣру, женидба дѣтей совершается по волѣ родителей. Но прежде, чѣмъ принимаются за сватовство, обращаются къ *Гелюну* (своему жрецу) объявляютъ ему имена жениха и невѣсты, годъ, мѣсяцъ и число рожденія каждаго изъ нихъ, и гелюнь справляется въ книгѣ судебъ (*сударь*), а потомъ имъ объявляетъ соизволеніе *Бурхановъ*, ихъ боговъ, или не успѣхъ брака. Въ последнемъ случаѣ бракъ никогда не состоится. Развѣ только задарятъ гелюна, тогда онъ постарается умилостивить своихъ боговъ.

Такимъ образомъ, получивъ соизволеніе своего жреца, договариваются при свидѣтеляхъ обѣихъ сторонъ о колымѣ, который состоитъ изъ выкупа со стороны невѣсты. Она должна привести за собою: новую кибитку, по нѣскольکو всякаго скота и ясырь (прислугу).

Бракъ, гелюнь совершаетъ во время новаго мѣсяца съ обыкновенными своими обрядами: сперва приводитъ жениха и не-

вѣсту къ бурханской присягѣ во взаимной вѣрности; потомъ выведя ихъ изъ кибитки, приказываетъ имъ глядѣть на солнце, а самъ читаетъ молитву; при чемъ женихъ и невѣста кладутъ земные поклоны.

Наконецъ—гелюнь, по совершеніи надлежащихъ молитвъ, возлагаетъ на жениха и невѣсту руки, тѣмъ и кончается вся церемонія. Потомъ сажаютъ невѣсту въ кибитку за занавѣсъ; а женихъ садится впереди.

Родственники обѣихъ сторонъ, взявшись за сырую овчину съ двухъ сторонъ, начинаютъ, что есть силы тянуться, между собою и чья сторона перетянеть, значитъ та должна угощаться на счетъ противоположной побѣжденной стороны. Обыкновенно съ одной стороны тянутся одни жениховы родственники, а съ другой невѣстины.

При началѣ пирушки вводятъ невѣсту въ ея кибитку, гдѣ она съ прочими женщинами и дѣвушками при игрѣ на чебыдзѣ, волюнкѣ и гудкахъ, веселится. Въ это время воспрещается видѣться со свекоромъ и старшею жениховой родней, а отца своего не прежде посѣтить, какъ по прошествіи года и тогда уже получаетъ она отъ него надлежащій свой *най* (удѣль или участокъ) состоящій въ верблюдахъ, разномъ скотѣ и прочемъ.

У калмыковъ Уральскихъ часто сговариваютъ дѣтей не только младенцами, но даже тогда, когда жены ихъ беременны, если только родятся у одного сынъ, а другаго—дочь.

Сочетаются бракомъ еще по четырнадцатому году. За два года до свадьбы позволяется жениху ходить играть съ невѣстою. Но ежели она до свадьбы забеременѣетъ, то—женихъ, или его отецъ, долженъ удабривать родителей невѣсты подарками, не смотря даже, что послѣдовало обрученіе.

Договоры съ невѣстинымъ отцомъ и матерью насчетъ выкупа за нее, производится до свадьбы. Съ своей стороны ея родители приготавливаютъ въ приданое платьѣ, разныя домашнія вещи, постелю, войлоки, одѣяла и кибитку изъ бѣлаго войлока.

Предъ бракомъ справляются у Гелюна, на счетъ благополучнаго для брака дня, когда и совершаютъ потомъ бракъ. Предъ началомъ брака, когда невѣста въ сопровожденіи родителей и родственниковъ пріѣзжаетъ къ жениху и ставятъ новую кибитку, то прибывшій въ домъ гелюнь, при всемъ поѣздѣ, чи-

таетъ нѣкоторыя молитвы; невѣсть, по его приказанію, расплетаютъ косы, и волосы заплетаютъ только на двѣ. Затѣмъ, гелюнъ беретъ шапки у жениха и у невѣсты, отходитъ въ поле и окуриваетъ ихъ ладономъ, при чтеніи ему извѣстныхъ молитвъ, возвратясь отдаетъ дружкѣ женихову, а свахѣ—невѣстину шапку и приказываетъ надѣть молодымъ.

Послѣ этого брака начинается пирушка, на которую мясо для пира жертвуетъ отецъ невѣсты. Затѣмъ невѣсту оставляютъ въ кибиткѣ у жениха, въ которую нѣкоторое время не дозволяется входить никому съ ея стороны, кромѣ матери и сродницъ.

Многоженство и разводъ калмыкамъ возбраненъ, хотя бывали примѣры и нарушенія этихъ правилъ. Въ последнемъ случаѣ разводъ по неудовольствію того или другаго супруга между знатными калмыками. Говорятъ, что если желаніе развода слѣдовало со стороны жены, то мужъ раздѣвалъ жену до нага и гналъ со двора плетью *). Но болѣе благоразумные калмыки отпускали жену не только съ честію, но даже дѣлали для ея родственниковъ пирушку и награждали скотомъ и лошадьми.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

*) См. Позорище странныхъ суевѣрій. 1797 г.

ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Примѣты. *Храмъ трещитъ* (домъ трещить, стѣны)—выживаеъ изъ дома. *Ухозвонъ, кости подъ колликами свербятъ*— путь будетъ. *Длани свербятъ* (ладони чешутся)— деньги имѣтъ; *очи свербятъ*,—плакать. *Воронограй, курокликъ* (пѣніе курицы)— худо будетъ. *Утица крикнетъ, гусь гогочетъ*—окомигъ, (дрожь въ рѣсницѣхъ). *Ониъ бучитъ* (трескъ дровъ), *песъ воетъ, мышенискъ* (пискъ мышей), мышь порты грызетъ (вообще платье); *кошка въ окнѣ мышница устранитъ*,—сонъ страшень. *Сльпца встрѣтитъ*—изгорить нѣчто; *огонь пищитъ, искры изъ огня, кошка мяукнетъ*—падетъ человекъ; *свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волъ реветъ, трава шумитъ, древо скрипитъ, сорока поцекоцетъ, дятелъ жселна* (долбитъ дерево); *стѣнощелкъ* (черви въ стѣнахъ); *жаба воркуетъ **).

Эти послѣднія примѣты служили или предвозвѣстниками перемѣны погоды или удачи охоты.

Дымъ въ избѣ высоко ходитъ (*въ курной*)—къ погодѣ.

Мышь въ жильѣ высоко гнѣздо совѣтъ—снѣгъ великъ будетъ и погода будетъ.

Берегъ подымается, и море личится, и *вѣтры* сухіе и мокрые тянутъ и *облака* дождевыя, снѣжныя и вѣтренныя, и *громъ* гремитъ, и *буря* вѣетъ, и *льсъ* шумитъ, и *древу о древо* скрипаетъ, и *волки* воютъ, и *бѣлки* скачутъ—моръ будетъ и война возстанетъ, и вода прибудетъ, и плодовъ въ лѣтѣ въ коемъ не будетъ, или умалится **).

*) См. Русс. Вѣстникъ 1842 г. 2.259).

**) Рун. Сборникъ Рукон. № 374.

Суевѣріе беременныхъ женщинъ. Смѣлая и суевѣрная женщина, будучи беременна и желая узнать, кого она родитъ, давала изъ рукъ своихъ медвѣдю, конечно медвѣдю ручному, такихъ встарь водили скоморохи на потѣху,—хлѣбъ, медъ, водку, и ожидала, какой голосъ или звукъ издастъ медвѣдь: если онъ рыкнетъ—женщина родитъ дѣвицу, а если замычитъ то—мальчика *).

Объ образованіи младенца, тоже образовались полуязыческія, полухристіанскія убѣжденія. Одно описаніе говоритъ, что человекъ состоитъ изъ восьми частей: сердце отъ камня, тѣло отъ персти, кости отъ облакъ, жилы отъ мглы, кровь отъ чернаго моря, теплота отъ огня, очи отъ солнца, духъ отъ Святаго Духа **).

*Зарожденіе въ младенцѣ духа ***).* Говорится, будто бы во время беременности женщины, ея Ангелъ Хранитель беретъ части: у земли, или у воды, или у желѣза, или у камня, или у древа, или у огня, или у всякія вещи смертныя, и возьметъ отъ того камень материнъ и кинетъ на отроча то, и отъ того зарождается въ немъ духъ.

*О человѣческихъ свойствахъ, (Темпераментъ) ****).* Человѣческія свойства зависятъ (былое увѣреніе), отъ преобладанія какой нибудь изъ восьми частей состава его тѣла: отъ земли тѣло: тотъ человекъ темень и не говорливъ; отъ моря—кровь въ человекѣ, и тотъ человекъ прохладенъ; отъ огня—жарь: тотъ человекъ сердитъ; отъ камня—кость: тотъ человекъ скупъ, не милостивъ; отъ солнца очи: тотъ человекъ богатыреватъ и безстрашенъ; отъ вѣтра дыханіе: тотъ человекъ лепоуменъ; отъ облака мысль: тотъ человекъ похотливъ; отъ свѣта—свѣтъ: тотъ человекъ святъ, не мыслитъ земнаго, но мыслитъ небесное.

Хозяйственныя примѣты противъ червя. Возьми вѣникъ, которымъ отъ оводовъ отмахивалися, покрапливай капусту и—червь выйдетъ.

*) Ружанц. Сборникъ Рукоп. № 374.

**) Ружанц. музей № 358.

***) Погод. Сборникъ. Публичная Библіотека № 1315.

****) Тамъ же.

Для удачи въ пчеловодствѣ. Возьми осетровую кость и воткни въ улей къ пчеламъ и больше пчелы водятся и пасутъ (несутъ) медь изъ чужихъ улей и бортей *).

Хозяйств. примѣта противъ надежда скота. А коли скотъ умреть, и ты съ умершаго скота сыми кожу, продай, да на тѣ пенязи купи сковроду желѣзную, да ѣшь самъ съ нее всякую явству—скоть твой не станетъ мереть.

Хозяйств. примѣта на счетъ купли коня. А коли купишь коня и ты, или вымѣняешь, и дай ему изъ рѣшета ясти въ ступу,—будеть добра.

Камень противъ отравленія. Есть камень синь, въ жабѣ—черепахѣ, а носить она у себя въ головѣ, и кто тотъ камень выиметь изъ жабы и держитъ у себя во устѣхъ, и не боится человекъ никакого окорму, а коли окормятъ и тотъ камень подержи во устѣхъ.

Для успѣха въ работѣ. Время предъ восходомъ солнца, считалось особенно знаменательнымъ: тогда ходили купаться, мыли платье, ткали и пряли, вертели масло и дѣлали другія домашнія работы, думая, что дѣланное до солнечнаго восхода имѣеть что-то особенно важное **).

Орловъ камень, змѣиные рожки, рога единорога. Къ симпатическимъ средствамъ принадлежали, въ XVII вѣкѣ, орловъ камень, рога единорога и змѣиные рожки. Орлову камню, по современному суевѣрью, Богъ далъ дивныя угоды таковы, что не свѣдущимъ людямъ нельзя про него и вѣры взять. „Воображали“ что этотъ камень, находятъ въ орловомъ гнѣздѣ. А держитъ орелъ тотъ камень, въ своемъ гнѣздѣ, будто бы для обереганія дѣтей своихъ, потому что тотъ камень оберегаетъ отъ всякихъ притчей, отъ повѣтрія, и отъ всякихъ золь ***). Рогъ единорога считался рѣдкимъ и драгоценнымъ средствомъ, не только для исцѣлѣнія отъ тяжелыхъ болѣзней, но и для поддержанія цветущаго здоровья вообще на всю жизнь. Это вѣрованіе о рогѣ единорога распространили иностранцы въ XVII вѣкѣ, и самъ Царь Алексѣй Михайловичъ въ 655 г. соглашался за три та-

*) *Прилож.* къ 2-й книжкѣ Пермскаго Сборника.

**) Рум. Музей. Рук. № 374.

***) Буслаева, о Народн. поэзи, стр. 28.

кіе рога заплатитъ десять тысячъ рублей соболями и мяскою рухлядью *). Разсказывали, что онъ длиною, до шести пядей и свѣтелъ **). Небогатые не могли имѣть такихъ дорогихъ средствъ и употребляли, такъ называемые змѣиные рожки. Ихъ толкли въ порошокъ и давали пить въ случаѣ какой нибудь внутренней болѣзни. Эти змѣиные рожки очень часто (и вѣроятно всегда) были ничто иное, какъ простыя кости ***).

Примѣты для воду скота. Если хочеть скота много держать, то медвѣжью голову пронеси сквозь скоть, на Ивановъ день до солнца, и вкопай среди двора и скоть будетъ вестись.

Тоже. Аще кто животину купить приводную, мерина или корову, и приведши ко двору велѣтъ растянуть поясъ женскій отъ верен до верен, да замокъ положить къ веревѣ, а колоду замочную къ другой веревѣ, и проведши животину сквозь замокъ, замкнуть и поясъ взять, опоясаться и черезъ мужской поясъ, животину водить же отъ верен до верен растянувши ****).

Отчего въ деревнѣ не ѣдятъ телятину. Во многихъ городахъ и деревняхъ, суевѣры почитаютъ грѣхомъ ѣсть телятину. Смысль этого понятія происходитъ съ одной стороны отъ того, что новотѣльные коровы, лишась своихъ ососковъ, теряютъ молоко, изъ чего и явствуетъ, что воздержаніе отъ яденія телятины въ сельскихъ жителяхъ происходитъ не отъ суевѣрія, но отъ доброй экономіи *****). Но можно считать еще и ту причину отчего не ѣдятъ телятъ, потому что теленокъ — бычокъ, или телка — предметъ будущихъ выгодъ; между тѣмъ, какъ крестьянинъ можетъ довольствоваться въ скоромные дни мясомъ свиней и барановъ, и то по праздникамъ, которыхъ въ году не особенно много, благодаря постамъ.

Мищеніе за неопрятность. Кто, не соблюдая чистоты въ домѣ или во дворѣ, кладетъ свой пометъ, гдѣ попало, и особа та неизвѣстна, то берутъ изъ печи раскаленное уголье и

*) А. Н. IV. 242. **).

***) А. И. II. 46.

****) Буслаева, О народной поэзіи, стр. 35.

*****) Абелева, русскихъ суевѣрій.

сыплють на тотъ пометъ, вѣря точно, что все сѣдалище опаршивѣеть *).

Примѣты и обряды при родахъ. Когда женщинъ наступитъ время родить, то часъ рожденія стараются утаить, вѣря, что отъ того женщина родить легко, а въ противномъ случаѣ тяжело. Родильную молитву, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ деревни отъ церквей отдалены, давали въ шапку; посланный, возвратясь въ избу къ родильницѣ, встряхаетъ изъ шапки, и тѣмъ очиститъ. Кормятъ за столомъ отца новорожденнаго кашею, кума и другія женщины: такимъ образомъ, отецъ высылается на сіе время вонъ; потомъ, взявъ столовую ложку, кладутъ въ нее по пропорціи: горчицы, перцу, хрѣну, соли, уксусу, сорочинскаго пшена, то есть каши бабкиной и обсыпаютъ сахаромъ, принудятъ это съѣсть хозяина, знаменуя тѣмъ, чтобы и оный, что нибудь при сихъ родахъ претерпѣлъ болѣзненнаго, такъ, какъ и роженица. По многимъ городамъ родня посылаетъ къ роженицѣ, такъ называемую *порушку*; она дѣлается изъ сухой разваренной малины, подслащенной сахаромъ или медомъ: сей порушки, посылается всегда по кружкѣ отъ всякаго родственника, и по большому круглому пирогу.

Въ Мордвѣ, существуетъ обычай беременнымъ женщинамъ рожать въ банѣ, подъ предлогомъ, что въ нагрѣтой банѣ рожать легче. Въ баню эту, кромѣ бабушки никто не входитъ. Послѣ благополучнаго исхода, бабушка оповѣщаетъ отца и родственниковъ о рожденіи младенца, но не допускаетъ до свиданія съ новорожденнымъ до тѣхъ поръ, пока бабушка не напечетъ блиновъ, не сваритъ крутой каши. Такимъ образомъ приготовивъ столъ, приглашаетъ отца и родственниковъ младенца, и тутъ назначается имя ребенку бабушкою, часто по имени перваго встрѣчнаго или встрѣчной.

У Калмыковъ, когда приходится женщинѣ быть на сносяхъ, тогда избираютъ здороваго мощнаго калмыка, котораго чествуютъ каждый день, хорошею по ихъ обыкновенію пищею, о которой выше сказано: и какъ скоро начнутся у роженицы потуги, тогда дюжій угощенный калмыкъ садится на полъ среди кибитки и роженицу посадивъ на колѣни, жметъ ее об-

*) *Абвега* русскихъ суевѣрій. 1786 г.

хватомъ своихъ рукъ, начиная отъ грудей и опуская ихъ до самаго лона. Это давленіе продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока младенецъ начнетъ показываться, котораго калмыцкая бабушка, сидя передъ роженицею на цыпочкахъ, караулитъ и, какъ скоро покажется младенецъ, то даетъ знать около стоящимъ, которые палятъ изъ пистолетовъ, дабы нечаяннымъ выстрѣломъ испугать роженицу, и тѣмъ споспѣшествовать къ роженію. Дюжаго калмыка за труды гостятъ, дня два или три и, подаривъ овцею или жеребенкомъ, отпускаютъ; бѣдные, которые не въ силахъ нанять дюжаго калмыка, двойное имѣютъ средство: первое состоитъ въ томъ: у роженицы въ то время, когда начинаются потуги, утробу перетягиваютъ широкимъ ремнемъ и давятъ сверху внизъ; черезъ что бываетъ имъ облегченіе; послѣднее средство кажется имъ значительнымъ облегченіемъ, третье средство состоитъ въ томъ, что роженица беретъ палку, къ которой придѣлана широкая развилка; роженица ложится животомъ, и давитъ оной, сколько достанетъ силъ до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится отъ бремени; при всѣхъ сихъ способахъ къ облегченію родовъ случается что роженицы послѣ родовъ долгое время бываютъ безъ чувствъ, а нныя и долго страждутъ разными отъ того болѣзнями, но крѣпкая ихъ природа все преодолеваетъ; и рѣдко между ими слышать можно, чтобы женщина замучилась родами. Впрочемъ, никакихъ увеселеній, пиршествъ при родахъ не бываетъ, напр. при родахъ русскихъ женщинъ и другихъ народовъ Европы *).

*) Авебега русскихъ суетвѣрій. 1796 г., стр. 278.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НАРОДНЫЯ ЗАВЛУЖДЕНІЯ.

СУЕВѢРІЯ И ЛОЖНЫЯ УБѢЖДЕНІЯ.

Къ чему бы отнести, что не только у насъ на Руси, но и во всей Европѣ, существуетъ такъ много суевѣрныхъ искаженныхъ понятій и убѣжденій? Кажется ихъ можно бы уничтожить, но, къ несчастію, ихъ одно поколѣніе передаетъ другому изъ вѣка въ вѣкъ, со всеми ихъ мелочами, обрядностями, приписывая часто совершенно ничтожнымъ вещамъ, непонятныя чудеса. Какъ судить о тѣхъ людяхъ, которые убѣждены, что если попадетса попъ на встрѣчу—жди неудачи, или о тѣхъ, кто распространяетъ такое глупое убѣжденіе? А между тѣмъ есть люди, которые принадлежатъ къ лицамъ развитымъ, даже къ кругу образованныхъ?

Понятно, что простолюдины, или люди не получившіе никакого образованія наследовали такія понятія отъ отцевъ и дѣдовъ, ихъ единственныхъ наставниковъ и учителей, а также можетъ быть эти внушенія укрѣпились общими убѣжденіями той среды, въ которой они постоянно вращались и вращаются; такъ какъ эта среда, тоже съ своей стороны, развивалась, училась и зрѣла, подъ кровомъ суевѣрныхъ и неразвитыхъ родителей, дѣтей природы. Конечно никто и не думалъ изъ числа ихъ, чтобы обсудить, усумниться, а тѣмъ паче провѣрить, справедливъ ли тотъ или другой примѣръ изъ числа суевѣрныхъ свѣденій и предразсудковъ? слѣпо вѣрить тому, что говорилъ ему отецъ или дѣдъ, тоже убѣжденный въ своихъ вѣрованіяхъ своимъ отцомъ и дѣдомъ, нельзя. Тутъ безъ со-

миѣнія нельзя было ожидать провѣрки. Простолудинъ боится сомнѣваться въ томъ, въ чемъ убѣждена, чему вѣритъ его семья, его среда; если онъ вѣритъ, что чертъ всегда бываетъ съ рогами, съ капытами, съ крыльями, то они даже во время болѣзни ему грезятся не иначе, какъ въ этомъ костюмѣ, хотя какъ ни убѣждай, что чертъ или дьяволъ, есть изображеніе зла.

Но отчего же люди болѣе развитые, даже люди образованные не чужды разныхъ предразсудковъ? вотъ задача, которую рѣшить не легко.

Прежде всего должно помнить, что дитя въ первые годы сознанія своего собственнаго „я“ въ смыслѣ существованія, конечно, бываетъ чрезвычайно любопытно. Его все увлекаетъ, на всемъ онъ останавливаетъ свой взоръ, и онъ теревбитъ свою няню, спрашивая; что? какъ? да почему? Маленькій мозгъ работаетъ, память его такъ же впечатлительна, какъ дѣятель, свѣжъ мозгъ при самыхъ чувствительныхъ нервахъ. Ребенокъ надобдаетъ нянѣ, всегда или почти всегда необразованной и часто съ слабыми понятіями о самыхъ простыхъ предметахъ, а иногда даже съ такими, которыя совершенно ложно, искаженно передаются впечатлительной памяти дитяти. Но вотъ тотъ же ребенокъ рѣзвится, играетъ, прыгаетъ подвергая ежеминутно свою няню заботѣ о сохраненіи ребенка отъ ушиба, увѣчья и неминуемой отвѣтственности. Няня устаетъ, гоняясь за шалуномъ или шалуней, и наконецъ принимается за хитрости, не понимая сама конечно, что рѣзвость, прыганье, бѣготня этого дитяти, есть требованіе природы, неизбежная при ростѣ и развитіи организма; эта та же гимнастика, которой нечуждо даже ни одно изъ молодыхъ животныхъ. Чтобы успокоить дитя, чтобы скорѣе уложить его въ постельку, та же безтолковая няня пугаетъ его букой, буканомъ, игошей, кикиморой и на вопросъ ребенка; что это за бука? няня рассказываетъ страшный разсказъ о букѣ, или о другомъ какомънибудь страшномъ врагѣ, изъ міра фантазій, напримѣръ о людоедѣ. Ребенокъ въ страхѣ закрывается, воображеніе работаетъ; вотъ онъ спитъ; но фантастическіе страшные сны преслѣдуютъ его въ часы ночи. Дитя часто кричитъ во снѣ, просыпается и нерѣдко случается, что и на яву память возобновляетъ ему нянькину сказку съ ея ужасами.

Наступаетъ утро, сказка оживаетъ въ юной памяти, какъ что-то рѣзкое, выдающееся, новое, и всѣ герои ея представляются явственно, какъ на яву и на долго. Видя, какъ успокоительно дѣйствуетъ на малютку сказка, нянька, для того, чтобы и самой каждый разъ предаться поранѣе покою, говоритъ ему новую, затѣмъ опять новую сказку и такимъ образомъ укрѣпляетъ въ памяти дитяти идею о невѣдомыхъ злыхъ духахъ, разнаго рода, которые вредили людямъ, животнымъ, губили людей, ѣли ихъ. Такіе пелѣные рассказы все-конечно доводили ребенка до того, что онъ начиналъ бояться ночью и даже вечеромъ, пугаться то того, то другаго и трудно было наконецъ выжить изъ ребенка эту робость, этотъ страхъ родителямъ, которыми начинила ему голову усердная няня! Трудно было искоренить предрасудки и убѣжденія, которымъ она убѣдила его вѣровать въ юномъ возрастѣ. Они такъ проникали въ плоть и кровь ребенка, что искоренить ихъ не было возможности, особливо, если при томъ, какъ нибудь одно изъ ея убѣжденій случайно оправдывалось надъ нимъ.

Говоря о няняхъ, мы знаемъ и даже скажемъ въ своемъ мѣстѣ, что сами родители иногда развиваютъ такія убѣжденія въ дѣтяхъ.

Много значать хорошія книги для чтенія дѣтей и добрые наставники, которые стараются разоблачить всѣ предрасудки, которые не довольствуются однимъ упражненіемъ памяти, но и разума. Что же хорошаго выходило изъ того, что вырабатывался на свѣтъ человѣкъ, въ памяти котораго укрѣпились цѣлые томы, который могъ, какъ попугай говорить обо всемъ томъ, что когда то вычиталъ, а между тѣмъ не можетъ провѣрить того разумомъ справедливо ли оно, сообразно ли съ современными понятіями науки? Такъ на примѣръ: Въ одной старой естественной исторіи говорится о томъ, что когда-то водились рогатые зайцы, оказывается, что такихъ не было на свѣтѣ, а только были изъ нихъ уроды, которыхъ челюсть нижняя, будучи выдвинута впередъ, допускала возможность длиннымъ рѣзцамъ зайца свободно расти далеко выше лба и изображать такимъ образомъ подобіе роговъ.

Всему на слово вѣрить нельзя, могутъ и ученые люди увлекаться и заблуждаться, нужно все изслѣдовать, а чего нельзя,

то уяснить себѣ, добиваться истины, чтобы не ошибиться. Предположите, что учитель заставляетъ переводить ученика, что нибудь изъ Плинія о естественной исторіи рыбъ: тамъ, въ одномъ мѣстѣ разсказывается, что есть родъ морской миноги называемой *цеточа*, которая одарена такою необычайною силою въ зубахъ и мускулахъ, что можетъ остановить корабль. Тамъ же найдутъ, что корабль, на которомъ ѣхалъ Антоній на Аукціумскую битву, былъ внезапно остановленъ одною изъ подобныхъ миногъ; тоже происшествіе случилось съ Періандромъ и Калигулою, такъ, что мореплаватели, желающіе скорago хода на морѣ должны были остерегаться встрѣчи съ миногамп.

Умный наставникъ долженъ и самъ не убѣждаться, согласно современному изученію животнаго царства, въ излишнемъ легковѣрїи ученаго Плинія. Мы уже знакомы со всѣми родами миногъ (*Petromyzida*), которые даже не въ силахъ остановить руку повара, а не только корабля. Да притомъ, что же за корабль, который при своемъ теченіи не могъ бы увлечь миногъ.

Напримѣръ, у насъ существуетъ убѣжденіе, что левъ бонется пѣтушинаго голоса. Сообразно ли это съ дѣйствительностью? если онъ бонется, то его боязнь должны раздѣлить и кошки, принадлежащія къ одной съ нимъ породѣ; между тѣмъ, какъ кошки пѣтуховъ не боятся. Мало того: были опыты въ звѣринцахъ, гдѣ львы выражали самое искреннее желаніе скушать пѣвца, а вовсе не боялись его и если случалось что пѣтуха пускали въ клетку, то пѣтухъ былъ всегда побѣжденъ. А между тѣмъ о такихъ храбрыхъ симпатическихъ свойствахъ пѣтуха увѣряли Римскіе и Греческіе писатели.

Также Геродотъ, Ксенофонтъ, Плутархъ, Титъ Ливій, Еліанъ, Светоній, Плиній, Антоній, Мела и др. говорили о существованіи странъ, гдѣ есть люди одни, съ собачьими и оленьими головами, другіе, безъ глазъ, третьи, съ одною ногою, на которой скачутъ, а когда захотятъ бѣжать, то становятся двое вмѣстѣ и держатся за руки; наконецъ четвертые, совсѣмъ безголовые *). Изъ тѣхъ же писателей вы узнаете, что рысь мо-

*) Геродотъ говоритъ, также на сѣверѣ есть люди, которые спятъ полгода, а полгода живутъ дѣятельною жизнью.

жетъ смотрѣть сквозь стѣну; что лебедь поетъ передъ своею смертью, что крокодилъ подражаетъ дѣтскому крику и тѣмъ привлекаетъ легковѣрныхъ и сострадательныхъ людей. Говорятъ, что Аннибалъ разсѣкъ Альпы помощію укуса, а что Ахиллесъ расшаталъ Ахиллесовы столбы и образовалъ Гибралтарскій проливъ.

Все это должно быть, уважая древнихъ писателей, разсмотрѣно наставникомъ предварительно, прежде, чѣмъ объяснено своимъ ученикомъ. Если въ древности наука почему либо была слаба, то теперь уже разработана. Римляне и Греки, разумѣется были слабѣе насъ въ географіи, потому, что не могли безъ компаса, пароходовъ и паровозовъ проѣзжать такія громадныя пространства, да притомъ только силою своихъ копій и мечей завоевали много; а съ этимъ вмѣстѣ ужъ и пути къ открытіямъ и изслѣдованіямъ. Зато въ другихъ отношеніяхъ они были хороши и остались нашими учителями. Но это не касается нашего труда и опять воротясь послѣ сказанныхъ нами словъ замѣтимъ, что Римскіе ученые излагая все, какъ историки-наблюдатели, указали намъ многое и этимъ многимъ дали направленіе болѣе или менѣе своимъ послѣдователямъ, собратамъ по наукѣ, по торному пути, разсмотрѣть яснѣе то, что казалось неясно. Непосвященный въ науку, вѣровалъ старинѣ, изложенной на страницахъ желтаго пергамента, никогда не изслѣдовавъ правду, и вѣрилъ до смерти. Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ чудесъ, который открылъ намъ силу пара, могущественную силу магнетизма, электричества, наградилъ фотографією, фонографомъ, телефономъ, микрофономъ, съ объясненіемъ даже дѣйствія силы, каждый изъ насъ долженъ быть далекъ отъ предразсудковъ, суевѣрій и всякаго рода заблужденій, покоряясь наукѣ, которая идетъ болѣе прочнымъ и прямымъ путемъ.

У насъ въ Россіи вѣрятъ въ колдуновъ, какъ въ людей, водящихся съ чертями всякаго рода. Любопытно бы было, если бы хоть одного изъ нихъ подвергнуть дѣйствию тока, какого нибудь электрическаго прибора, чтобы онъ сказалъ. Ужъ навѣрное отказался бы отъ всѣхъ чертей и дьяволовъ и сознался бы, что онъ лгунъ ради наживы.

И такъ, чтобы молодую душу образовать, нужно дѣйствовать на нее вліятельно и благоразумно каждому наставнику.

Съять чистое зерно, а не плевелы, говорить только то, что какъ посѣянное доброе зерно дастъ хорошую полезную жатву, а не внушать недоброе, не страшать тѣмъ, что дѣлаетъ впечатлѣніе на всю жизнь. Наука дала много примѣровъ совершенно уничтожающихъ предрасудки. Напримѣръ, порча не дѣйствуетъ на образованныхъ людей, а существуетъ только въ простомъ народѣ между неразвитыми поселянами. Это почему? да потому, что наставники, или не имѣютъ объ этомъ понятія, на лекціи никто имъ не говорилъ объ этомъ и они чужды того, что не вошло въ ихъ программу, разумѣется по этому случаю не распространяются съ своими учениками; конечно молчать лучше, чѣмъ распространяться о миногахъ Плинія.

Нынѣ разныя суевѣрныя убѣжденія „на слово“ считаются неприличнымъ, такъ что даже объ образованномъ человѣкѣ думаютъ какъ о неучѣ.

ОТКУДА ВОЗНИКЛО ЧАРОДѢЙСТВО И СУЕВѢРІЕ.

Во все времена и у всѣхъ народовъ умъ человѣческой имѣлъ стремленіе ко всему чудесному, таинственному и старался открыть и изслѣдовать то, что для него было загадочнымъ и необъяснимымъ. Видя свои силы слабыми и сознавая чувства ограниченными, противъ могущественныхъ силъ природы, онъ невольно боялся ихъ вліянія и дивился; а все то, что ему было непонятно относилъ къ тайной высшей силѣ.

Чѣмъ менѣе развитъ человѣческой умъ, тѣмъ ему кажется шире область чудеснаго и сверхъестественнаго. Онъ удивляется всему сверхъестественному и въ тоже время находитъ необходимымъ вѣрить, что есть невидимая сверхъестественная сила, которая управляетъ всѣми видимыми, но непонятными явлениями, которая одарена высшимъ разумомъ и могуществомъ. Люди относились къ невидимой, могущественной отвлеченной силѣ съ благоговѣніемъ, съ робостью и съ полнѣйшимъ уваженіемъ, и не только къ ней одной, но и ко всѣмъ тѣмъ явлениямъ, которыя ихъ удивляли и становились для нихъ необъяснимыми. Со временемъ силу эту, признавъ за божество, управлявшее ими самими, воздвигали ей алтари, избирали изъ среды себя достойныхъ, которые управляли дѣлами богослуженія и

такимъ образомъ жрецъ являлся между народомъ и божествомъ, между землею и небомъ, посредникомъ. Какъ удостоенный посредничества, его признавали ближе всего къ всемогущему, все устроившему и все обладающему и часто давали ему первыя права и всевозможныя преимущества. Такимъ образомъ мы видимъ у индѣйцевъ: тамъ каста жрецовъ или браминновъ, по ихъ убѣжденію, произошла изъ мозга Брами, а потому эта каста была первенствующая предъ прочими, заслуживала народное почтеніе и почиталась мудрѣйшею. У персовъ маги (ихъ жрецы) также считались потомками ихъ законодателя Зороастра или Зердуста, а ихъ божество Митра, источникомъ свѣта и всего существующаго въ мірѣ.

Почти у всѣхъ народовъ всегда существовало убѣжденіе, что верховное божество существовало не одно въ своемъ невещественномъ отвлеченномъ мірѣ, но было окружено ему подвластными божествами такими же, какъ и оно, безплотными и невидимыми духами, происшедшими отъ его свѣта и власти. Нѣкоторые изъ этихъ второстепенностей по существу своему были менѣе совершенныя, чистыя, находились между верховнымъ свѣтомъ и людьми. Далѣе, нѣкоторые изъ духовъ уже утратили свою чистоту, хотя все таки не утратили своего могущества и безсмертія. Вотъ изъ этого то созданнаго людьми понятія, возникаетъ существованіе духовъ чистыхъ и нечистыхъ, духовъ свѣта и тьмы, добрыхъ и злыхъ, вліяющихъ на дѣла міра и людей.

Изъ этого же ученія о мірѣ духовъ, современемъ произошли всѣ суевѣрія, таинства и чародѣйскія сумазбродства, которыя встрѣчаемъ у Египтянъ, Халдѣевъ, Пифагорійцевъ, Индусовъ, у Симона волхва, почерпнувшаго свое ученіе въ Александрійской школѣ и другихъ.

Всѣ волшебныя знанія вообще почерпнуты были изъ одного и того же источника, существовавшаго на востокѣ, гдѣ была школа *тайныхъ наукъ*. Эта магія потомъ распространилась повсюду въ различныхъ ея отрасляхъ и видоизмѣненіяхъ, и во всякомъ случаѣ поражала своею сверхъестественностью.

Такъ напримѣръ, греческій философъ и геометръ Пифагоръ, кромѣ своихъ математическихъ вычисленій, занимался тайными науками.

Всѣ мнимыя чудеса дѣлались при помощи знаній недоступныхъ для народа и хранились въ тайнѣ въ рукахъ жрецовъ или мудрецовъ и конечно составляли нѣкоторымъ образомъ обманъ или случайность, которымъ умѣли воспользоваться жрецы, какъ напримѣръ Пифіей и все изъ собственныхъ выгодъ.

Когда христіанская религія вступила въ свои права, тогда измѣнился прежній строй и бытъ народовъ, и борьба завязалась между одряхлѣвшимъ язычествомъ и христіанствомъ, по поводу новаго вѣроученія. Здѣсь все пришло въ колебаніе и открылась самая благопріятная почва для развитія всего чудеснаго и сверхъестественнаго. Въ это время умолкли совсѣмъ оракулы, прекратились чудныя явленія въ языческихъ капищахъ. Зато въ это время явились чудодѣи *), которые въ большихъ городахъ предсказывали будущее и подъ открытымъ небомъ производили различныя продѣлки; особенно эти зрѣлища производились въ Римѣ, въ первый вѣкъ христіанской эры. Тамъ являлись въ это время Симонъ, волхвъ изъ Самаріи, ученикъ Александрійской школы, который до того удивлялъ народъ римскій и сенаторовъ, что его признали за одного изъ боговъ и даже воздвигли ему на берегу Тибра статую съ надписью: *Simoni deo sancto* (Симону богу святому). Объ немъ упоминаетъ даже св. мученикъ Іустинъ. Тамъ же удивлялъ Римлянъ и Апполоній Тианскій.

Весьма понятно, что народъ могъ повѣрить этимъ чудесамъ и уважать этихъ людей, ставя ихъ выше обыкновенныхъ. При паденіи язычества, жрецы, бывшіе главными хранителями мистическихъ тайнъ, изгнанные изъ своихъ убѣжищъ, разнесли свои знанія и продѣлки по всему міру. Вотъ та причина, по которой первые вѣка христіанства, такъ изобиловали чародѣями и волшебниками. Но покинувъ священные притворы и подземелья храмовъ, волшебство потеряло большую часть своего величія и блеска и опустилось съ своего пьедестала, гдѣ оно было доступно многимъ избраннымъ. Мало по малу весь жреческій порядокъ измѣнился отъ забвенія такъ же, какъ и скрытое ихъ научное значеніе и наука превращалась въ простой фокусъ или обманъ.

*) Тауматурги.

Но въ этомъ положеніи чародѣйство все еще сохраняло сильное вліяніе на невѣжественныя массы въ мрачный періодъ умственного потемнѣнія въ средніе вѣка. Церковь преслѣдовала волшебниковъ, или по крайней мѣрѣ обманщиковъ, какъ проповѣдниковъ древняго язычества, такъ какъ еще въ первые вѣка христіанства было много язычниковъ, которые фанатически защищали свое вѣроученіе и старались всѣми мѣрами возстановить падшее идолослуженіе и фетишизмъ, идя въ разрѣзъ цѣлямъ христіанства, употребляя при томъ волхованія и производя мнимыя чудеса предъ народомъ, чтобы возбудить въ народѣ страхъ и уваженіе. Такимъ образомъ въ средніе вѣка, несмотря на всеобщую побѣду христіанскаго вѣроученія въ лѣсахъ Галліи и Германіи, Скандинавіи и Земляхъ финскихъ, также какъ въ Греціи и Римѣ въ темные средніе вѣка оставались непросвѣщенные истинной вѣрой язычники съ своимъ таинственнымъ знаніемъ. Такихъ язычниковъ было еще до половины населенія Европы. Весьма легко понять изъ этого, что нѣкоторые обычаи языческіе еще вліяли на новыхъ христіанъ, или, какъ укоренившееся въ нихъ суевѣріе не могло быть побѣждено сразу, то если новые христіане совершенно оставили поклоненіе идоламъ, но не могли совершенно покинуть нѣкоторыхъ убѣжденій и слѣдовъ язычества, такъ что и по сей часъ въ памяти легенды, сказанія германцевъ, скандинавовъ, британцевъ, саксовъ, финновъ и славянъ въ своей канвѣ имѣютъ языческіе обычаи, хотя измѣненные въ своей формѣ. Такъ напримѣръ, если язычники имѣли множество боговъ и полубоговъ, которые покровительствовали и управляли морями, сушей, рѣками, полями, лѣсами, ручьями, хозяйствомъ, то у первыхъ христіанъ въ Германіи были: Кобольты, Троялы, Эльбы и Гномы, во Франціи—Фен, въ Англіи—Дизии и др., въ Шотландіи и Ирландіи—Эльфы, Броуны и др. въ Греціи наяды, Дриады, Неренды. У Славянъ—лѣшіе, домовые, русалки, яги-бабы, кикиморы, игоши, водяные и пр. Всѣ эти духи, по понятію суевѣровъ, вмѣшивались въ дѣла людей и побольшей части причиняли по мнѣнію людей—зло. Кажется откуда бы христіанамъ вынести такія суевѣрія, не христіанское же ученіе тому причиною, чтобы распространять идею о существованіи духовъ—обитателей темнаго царства. Такимъ образомъ у

христіанъ укоренилась вѣра въ существованіе злыхъ духовъ, чаще вредныхъ.

Какъ въ язычествѣ жрецъ былъ посредникомъ между богами и человѣкомъ, такъ въ христіанствѣ волшебникъ, колдунъ—лицомъ посредствующимъ между людьми и духами, которыхъ христіане называли нечистыми, или злыми, сопричисляя ихъ къ обитателямъ ада, подвластнымъ дьяволу, за ихъ злая направленія противъ людей. Какъ жрецъ былъ, по народному мнѣнію, въ силахъ умлостивить боговъ и входилъ въ тѣсныя сношенія съ ними, такъ и колдунъ, по народному убѣжденію, входитъ въ подобныя же сношенія съ враждебными человѣку духами. Если прежде жрецъ, по мнѣнію народа, умлостивлялъ боговъ для народнаго благополучія, то колдунъ, напротивъ, по мнѣнію христіанъ, могъ обращаться къ злымъ духамъ съ тѣмъ, чтобы причинить то или другое зло человѣку, такъ какъ духи тьмы или дьяволъ неспособенъ на добро, потому, что самъ злой врагъ творенія Божія, всегда готовый къ разрушенію Его созданія.

Отсюда можно вывести, что въ первые вѣка христіанства, ученые язычники угрожали христіанамъ именемъ боговъ—мщеніе, и сами совершали мщеніе своими средствами, какъ могли, христіанамъ. Страдая и обманывая разными фокусами, всегда вредными, эти жрецы, или ихъ послѣдователи—язычники пугали народъ, наживались и даже увлекали обратно изъ христіанства въ язычество. съ цѣлью заслужить милость оставленныхъ боговъ. Понятно, что измѣнившіе христіанству, сокрушали, уничтожали и топтали ногами святыя символы христіанской вѣры, какъ напримѣръ думаютъ наши русскіе люди о колдунахъ, продавшихъ душу дьяволу. Вотъ простая и вѣрная исторія происхожденія волшебства, корень его можно всегда найти въ язычествѣ, враждебномъ христіанству въ эпоху борьбы этихъ вѣръ.

Прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ водворилось христіанство въ Европѣ; понятіе о жрецахъ и о язычествѣ забылось, но волшебники и колдуны существовали въ народѣ. Если ихъ преслѣдовали, то простой народъ ихъ, какъ уже мы сказали, боялся, притворно уважалъ этихъ злодѣевъ и такое понятіе существовало въ сильно развитомъ видѣ отъ VI до XIII вѣка. Дьяволъ, какъ духъ зла, какъ само зло, первоначально

не имѣлъ никакой воображаемой формы, но мало по малу, по милости шарлатановъ, по милости людей, распространявшихъ ядъ, противный духу христіанства, демонъ принялъ уже болѣе опредѣленныя формы и видъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его клеветы—духи, существовавшіе повсюду и наводнявшіе всѣ углы, приняли опредѣленныя ясныя формы, и въ наше время все уже доведено до утонченности такъ, что художники изображаютъ ихъ почти безошибочно, основываясь на сказаніяхъ и писателей прошедшихъ вѣковъ, и чѣмъ живѣе и ярче рисуются эти образы, тѣмъ онѣ впечатлительнѣе дѣйствовали на умы народа.

КОЛДУНЫ И ЧЕРНОКНИЖНИКИ.

По всеобщему убѣжденію, демонъ—падшій духъ, немѣющій формы видимой, между тѣмъ, какъ вліяніе духа ощутительно для человѣка. Духъ добра вліяетъ на человѣка благотѣльно, между тѣмъ; какъ духъ зла дѣйствуетъ на нравъ противоположно, растлѣвая нравы и раздувая порочныя страсти.

Если дѣйствуютъ оба духа разомъ, то, по мнѣнію гностиковъ, развиваютъ въ человѣкѣ сомнѣніе, недоумѣніе, вопросъ, борьбу чувствъ. Вліяніе духа ощутительно и если матеріалисты отрицали существованіе этихъ силъ враждебныхъ между собою, то во всякомъ случаѣ зло и добро существуютъ на свѣтѣ такъ же, какъ два противоположные полюса магнита, катодъ и анодъ въ электричествѣ, какъ полезныя и вредныя работы въ механикѣ и пр.

Человѣкъ, будучи еще въ началѣ своего развитія, уже чувствуя вліяніе на умъ со стороны возмущающей, или успокоивающей силы, по своему выражалъ эти вліянія въ формѣ басни, а художественное настроеніе олицетворяло эти психическія вліянія посредствомъ статуй и другихъ изображеній: такъ, видимъ у грековъ—олицетвореніе жизни и страстей въ формахъ людей болѣе или менѣе изящныхъ формъ, выражая тѣмъ міръ существенный и человѣческія страсти. Въ Египетской и Индійской мнѣологіи мы видимъ изображеніе людей, звѣрей, птицъ и другихъ фигуръ. Хотя эти изображенія для многихъ темны во многомъ неразобранны, но и здѣсь та же мысль борьбы между

зломъ и добромъ, владычество Творца надъ вселенной и господство страстей надъ человѣкомъ.

Совсѣмъ другое мы замѣчаемъ въ Славянской мнѳологiи, хотя результатъ былъ въ послѣдствiи одинъ и тотъ же, какъ и у западныхъ народовъ Европы. Древнiе невѣжественные славяне, вопреки грекамъ, римлянамъ и другимъ народамъ, приносили въ жертву не только скотъ, но и людей. Изображали своихъ боговъ страшными, безобразными, съ рогами, длинными ушами и боялись своихъ боговъ, какъ сильныхъ, грозныхъ и страшныхъ и жертвами своими думали ихъ умилостивить, дабы избѣжать ихъ гнѣва. Жрецы, стоявшiе въ главѣ народа, изъ своихъ выгодъ требовали различнаго рода жертвъ и распространенiемъ лжебожiя, сами поддерживали этотъ страхъ къ богамъ въ своемъ народѣ. По этой причинѣ, когда во времена св. Ольги и св. Владимiра, Христіанская вѣра проникла въ Россiю, то она не повсюду и не сейчасъ подавила славянское язычество, что видимъ изъ борьбы Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ, который, по сказанiямъ, былъ никто иной, какъ бѣглый жрецъ, скрывшiйся въ лѣсахъ, что и могло случаться со многими жрецами и многими идолопоклонниками, державшимися упорно своего язычества и бѣжавшими отъ преслѣдованiя, такъ какъ при этомъ начала возникать вражда между новыми христіанами и язычниками и образовались двѣ партiи, поддерживаемыя духомъ убѣжденiя. У Христіанъ укрѣпилась мысль, что язычество ложно, что язычники вѣрятъ и поклоняются духу злобы. Съ своей стороны язычники, ослабленные притѣсненiями правительства, искали случая всячески вредить христіанамъ и вотъ почему въ нашихъ старинныхъ сказкахъ и легендахъ язычники признаются за поклонниковъ злаго духа, потому что поклоняются духу злобы *) и будто бы имѣли сношенiе съ злыми духами или сатаною; такъ какъ жрецы у славянъ назывались волхвами **) то самое идолослуженiе называлось „волхвованiе“, которое въ послѣдствiи получило значенiе волшебства.

Нельзя не отдавать справедливости и тому мнѣнiю, что во

*) Славяне поклонялись Чернобогу, или Лютобору, богу злобы.

**) Названiе древнее, происшедшее отъ древняго бога, именуемаго *Вологомъ*, которому тоже приносили въ жертву людей.

времена св. Владиміра и послѣ него еще были тайныя капища, гдѣ совершались языческія мессы, и куда можетъ быть ходили не одни язычники, а ложно—христіане, не подавившіе въ себѣ безслѣдно прежнихъ убѣжденій и, потому являлись для испрашивания себѣ у боговъ милости, помилованія, или за совѣтомъ къ волхву, который съ своей стороны употреблялъ все хитрости или обманы, чтобы удовлетворить колеблющагося христіанина и убѣдить его въ силу ложныхъ боговъ. Даже самыя вѣрныя христіане для узнанія своей судьбы, или изъ другихъ корыстныхъ цѣлей, чего разумѣется не могли добиться отъ христіанскихъ пастырей церкви, обращались къ волхвамъ, и тѣ не отказываясь, открывали тайну будущаго и вообще старались удовлетворить ихъ, чтобы только поддержать уваженіе въ языческой вѣрѣ. Такимъ образомъ на Руси укрѣпилось убѣжденіе въ силу чаръ, въ волхвованіе и въ возможность при помощи злаго духа производить чудеса. А затѣмъ возникла боязнь къ колдунамъ, людямъ отвергнувшимъ истиннаго Бога и поклонявшагося сатанѣ. Понятно, что язычники того времени, вооруженные злостію противъ новой религіи и ея послѣдователей, не щадя средствъ, гдѣ только была возможность, губили христіанъ, если не открыто, то тайно подстрекаемые своими волхвами.

Точно такое же броженіе умовъ по причинѣ водворенія христіанства между язычниками и таже самая вражда возникла въ западной Европѣ; чѣмъ болѣе возрастало число угодниковъ, тѣмъ болѣе появлялось колдуновъ и чародѣевъ, какъ отступниковъ истинной христіанской вѣры.

Истинная Христова вѣра, проповѣдуя вѣру надежду и любовь въ истиннаго Бога, и любовь къ ближнему, незлобіе и вообще добродѣтель, не удовлетворяла даже обращенныхъ христіанъ; они помнили, что жрецы—язычники, населяя священныя дубравы, или совершая свою мессу богамъ, въ тоже время умѣли предсказывать будущее, врачевали болѣзни, насылали и снимали порчу съ людей и скота, возбуждали стихіи и даже умѣли превращать людей въ животныхъ своими заговорами и заклятіями. Они знали множество метеорологическихъ примѣтъ, силу и дѣйствіе многихъ полезныхъ и вредныхъ травъ, которыми умѣли пользоваться, и весьма вѣроятно, что они иногда при-

мѣняли въ своихъ дѣйствіяхъ животный магнетизмъ, хотя можетъ быть совершенно безсознательно. Вызываніе тѣней усопшихъ и духовъ тоже было ихъ обычнымъ дѣломъ, о чемъ до насъ дошли самыя положительныя свидѣтельства. чѣмъ удостоверяетъ насъ св. писаніе, когда волшебница вызвала по просьбѣ Саула тѣнь Самуила. А между тѣмъ, кроткая христіанская религія не допускала въ своихъ догматахъ ничего противуестественнаго, никакой злобы, а требовала отреченія отъ зла и внушала кроткую любовь, челоуѣколюбіе, и прощеніе обидъ. Кроткіе христіанскіе пастыри дѣйствительно кромѣ своей миссіи и служенія Богу, подавали совѣты, даже нѣкоторые врачевали болѣзни; но было ли въ духѣ христіанства производить все то, что видѣлъ народъ въ тонкихъ обманахъ своихъ прежнихъ волхвовъ?

Можетъ быть и сѣтоваль, что нѣтъ прежнихъ жрецовъ, обладавшихъ такимъ могуществомъ, которымъ не обладаютъ новые учителя вѣры... И вотъ стали появляться люди къ услугамъ новыхъ христіанъ и начали изслѣдовать и изучать науку волхвовъ, къ сожалѣнію, будучи даже отъ рожденія христіанами; это началось съ первыхъ вѣковъ христіанства, но развилось послѣ VIII и IX столѣтія. Въ концѣ XIII вѣка существовало уже много книгъ о чародѣйствѣ, на языкахъ: арабскомъ, латинскомъ, итальянскомъ, французскомъ, голландскомъ, англійскомъ и др. Но говорятъ, что такихъ книгъ болѣе всего было въ Германіи и Голландіи. Эти книги назывались черными книгами, а кто ими занимался и изучалъ магію—чернокнижникомъ, что значило — „колдунъ, чародѣй“. Чтеніе этихъ книгъ, такъ распространилось, что превратилось въ своего рода манію (страсть) и въ довольно большихъ размѣрахъ на западѣ Европы. Въ книгахъ этихъ преимущественно излагались правила, какъ вызывать духовъ и какъ повелѣвать ими.

Страсть къ чернокнижію развилась до такой степени, что сдѣлалась любимымъ занятіемъ папы Сильвестра II, Льва III, и Гонорія III. Нѣкоторые германскіе императоры, короли, князья, знаменитые ученые, какъ-то Альбертъ Великій, занимались чернокнижіемъ и заставляли злыхъ духовъ (будто-бы?) повиноваться ихъ приказаніямъ. Чародѣи и колдуны, по мнѣнію того времени, до того размножились, что изъ десяти челоуѣкъ непременно предполагался одинъ колдунъ.

Существовало въ западной Европѣ такое мнѣніе, что каждый колдунъ обязуется демону дѣлать всѣмъ людямъ зло, за то только, чтобы пользоваться для себя всѣми земными благами, то-есть могуществомъ и богатствомъ, и въ знакъ такого союза, онъ писалъ подѣ диктовку сатаны договоръ на пергаментѣ, изъ кожи мертвеца—удавленника, собственной кровью. Дьяволъ кромѣ этого договора (будто-бы) накладывалъ печать на тѣло своего союзника и въ замѣнъ того награждалъ его требуемымъ, на все время заключеннаго договора. Печати дьявола не причиняли боли, какъ говоритъ Исторія инквизиціи.

Наконецъ, въ XV столѣтіи чародѣйство достигло высшей степени своей славы. Начиная отъ владѣтельныхъ особъ до послѣдняго поселяннина всѣ читали съ жадностью черныя книги: куда принадлежали между прочимъ: *Красный Драконъ*, *Эхиридионъ* папы Льва III и Гримуаръ паны Гонорія VI, *Черный воронъ* или *чародѣйныя творенія* Альберта Великаго. Даже прелаты были не лишены этого любопытства.

Договоръ съ демономъ. Трудно было придумать болѣе глупую сказку, какъ сойтись человѣку съ демономъ, человѣку облеченному плотью — съ духомъ безплотнымъ, лишеннымъ языка, ощущенія, внѣшнихъ, осязаемыхъ, опредѣленныхъ формъ. А между тѣмъ, есть преданіе, что какъ въ западной Европѣ (см. выше), такъ равно и у насъ на Руси вѣрили, что колдуны и ихъ сношенія съ дьяволомъ существовали. Человѣкъ честолюбивый, бѣдный, или злой продавалъ душу дьяволу и пользовался полученными взаменъ того земными благами.

Но какимъ же образомъ можно было увидѣть дьявола и говорить съ нимъ? Скорѣе, и всего правдивѣе, въ первые вѣка обращались къ языческимъ жрецамъ, или ихъ послѣдователямъ и тамъ, отрекаясь отъ всего святаго, начиная съ христіанской религіи и кончая презрѣніемъ ко всѣмъ святымъ принадлежностямъ *) предъ врагомъ христіанства, научались волхвованію, и то, какъ говорятъ, предварительно подвергаясь отъ волхва

*) Есть повсемѣстное повѣрье, что тотъ, кто хочетъ быть колдуномъ долженъ носить трое сутокъ натѣльный крестъ подѣ пятой, не молиться, не креститься. Отсюда видно, что это преданіе существуетъ со времени язычества, со времени его борьбы съ христіанствомъ.

испытаніямъ, какъ то дѣлали египетскіе жрецы съ новопосвященными. Можетъ быть жрецы, или волхвы, въ это время замаскировываясь дѣйствительно брали подписки кровью и составляли съ новопосвященными договоръ, въ которомъ, между прочимъ онъ долженъ былъ душою и тѣломъ принадлежать имъ, и стремиться всѣми силами идти наперекоръ христіанскимъ стремленіямъ, сѣять зло, вредить и причинять всевозможный вредъ своимъ противникамъ. За что получаетъ знаніе и начинаетъ волхвовать, будучи посвященъ въ таинство. Это понятіе, или предположеніе, идетъ какъ нельзя лучше къ понятіямъ той эпохи, когда языческіе жрецы на закатѣ дней своего существованія стремились удержать за собою свое могущество, первенство и славу.

Но были такіе случаи, что человекъ впадалъ въ болѣзнь, отъ неудачъ въ жизни, или просто, будучи вздорнаго характера отъ природы, рѣшался идти наперекоръ судьбѣ и, какъ сумасшедшій, забывши Бога, искалъ крайностей. Часто такіе эксцентрики и безъ помощи договора съ демономъ, творили зло обществу, вмѣсто того, чтобы быть его полезнымъ членомъ и увлекаясь этимъ зломъ находили, какъ эгоисты, въ этомъ своего рода удовольствіе.

Такихъ вредныхъ людей народъ клеймилъ колдунами, сообщниками дьявола, тогда какъ они вовсе не видавали чертей, но если дѣлали зло, то вслѣдствіе ненависти къ людямъ и зависти къ благосостоянію и славѣ другихъ.

Но были мечтатели—безумцы, которыхъ хотя и живое воображеніе постоянно рисовало мрачныя картины жизни изъ міра отвлеченности *). Эти люди скорѣе и чаще могутъ впасть въ припадки болѣе или менѣе болѣзненные (ипохондрія). Ихъ постоянная задумчивость придаетъ самымъ интереснымъ проявленіямъ въ жизни, мрачный колоритъ: этимъ человекомъ овладѣваетъ неудовольствіе, переходящее въ досаду; его ничего не радуетъ, не утѣшаетъ, и—такимъ образомъ несчастный больной, ни въ чемъ не находя успокоенія, кончаетъ съ жизнью, и кончаетъ не по своему собственному произволу, а по болѣзни. Мрачному мечтателю, никогда ни въ чемъ не ви-

*) Какъ напр. Мельмотъ—Скиталецъ.

дѣвшему радости, въ тяжелые давящiе его грудь дни, иногда даже являются призраки, съ которыми онъ въ болѣзненномъ забытiи входитъ въ разговоръ, какъ то часто бываетъ, изъ чего суевѣрные люди часто заключаютъ, что онъ колдунъ, тогда какъ этотъ несчастный требуетъ лекарства и доктора. Этотъ человекъ готовъ сознаться, что онъ заключилъ договоръ съ демономъ, если его спросятъ объ этомъ.

Про колдуновъ и чародѣевъ есть тысячи легендъ и разнообразныхъ басенъ, въ самомъ разнообразномъ видѣ. Въ среднiе вѣка различали ихъ, раздѣляя ихъ на благодѣтельныхъ и злыхъ волшебниковъ и волшебницъ.

Волшебники и волшебницы, на западѣ Европы, имѣли свои замки, экипажи, запрягались голубями, лебедями, драконами, змѣями, извергающими дымъ, пламя, искры и другими фантастическими тварями, и каждый изъ нихъ повелѣвалъ сонмомъ духовъ. Въ арабскихъ легендахъ и сказкахъ также встрѣчаемъ благодѣтельныхъ волшебниковъ и пустышниковъ, могущественныхъ генiевъ и также злыхъ. Рыцарскiе романы: „Рихардетъ“, „Непстовый Роландъ“, „Ричардъ львиное сердце“ и проч. описываютъ эпоху средневѣковыхъ заблужденiй, придающихъ большую важность талисманамъ, амулетамъ и волшебникамъ. Тамъ говорится, что благодѣтельныя волшебницы обладали, какъ и благодѣтельные волшебники, красотой лица, умомъ и могуществомъ; они поощряли и награждали храбрость и добродѣтель; карали зло и вели ожесточенную борьбу съ злыми волшебниками и генiями, продолжавшуюся иногда нѣсколько вѣковъ, при чемъ добродѣтель всегда дѣлается побѣдительницей.

Въ этихъ фантастическихъ бредняхъ, созданныхъ предрассудками вѣка, есть отчасти своя доля правды, доказываемая тѣмъ, что между добромъ и зломъ въ здѣшнемъ мiрѣ всегда ведется непримиримая война или вражда съ начала мiротворенiя, но что рано или поздно, а все же добродѣтель, какъ истина, восторжествуетъ.

Вотъ любопытное изслѣдованiе господиномъ Глаголевымъ, напечатанное изъ *Гродненскихъ вѣдомостей* въ *Воскресный Досугъ* *), которое мы помѣщаемъ отъ слова до слова; это касается русскихъ колдуновъ XIX столѣтiя.

*) Воскресный Досугъ, томъ VI, № 137.

Онъ раздѣляетъ колдуновъ на слѣдующія градаціи:

- 1) Колдуны случайные.
- 2) Колдуны по неволѣ.
- 3) Колдуны по убѣжденію и
- 4) Колдуны злоумышленные.

1) *Случайнымъ, простымъ колдуномъ* прослыть требуется очень и очень немного, напримѣръ имѣть какой нибудь бросающійся въ глаза недостатокъ тѣлесный, или излишество, даже отдѣльный клокъ волосъ, случайно выросшій на головѣ, или на бородѣ: если при томъ мужикъ смѣтливъ, то очень легко воспользоваться этимъ обстоятельствомъ; стоитъ лишь повести ему жизнь противъ принятаго обыкновенія, то есть, ложиться спать тогда, когда другіе бодрствуютъ и наоборотъ — вставать, когда люди ложатся спать, не чесать бороды и не расчесывать волосъ на головѣ, говорить вздоръ, вообще дѣлать разныя несообразныя штуки, затѣмъ нашептывать какую ни есть небылицу. Подобнаго рода колдуны-обманщики безвредны.

2) *Колдуны по неволѣ.* Эти люди, которые производятся по неволѣ другими.

Примѣръ пояснить дѣло: Въ полуверстѣ, отъ одной деревни находилась небольшая мельница содержимая крестьяниномъ Антономъ Петровымъ. О немъ ходила молва, что это такой дока, какихъ рѣдко сыскать, впрочемъ хотя и колдунъ, но колдунъ добродѣтельный, зла никому не дѣлаетъ, а все добро. Это былъ старикъ лѣтъ 65, добрый, умный, смѣтливый, веселый и набожный до того, что слово „чертъ“ никогда имъ не употреблялось и, если ужъ необходимо было сказать это слово, то онъ замѣнялъ это названіемъ „черный“.

Петровъ самъ рассказывалъ, какъ его дураки произвели въ колдуны: лѣтъ пять тому назадъ былъ въ нашей деревнѣ парень здоровый и бойкій; вотъ пріѣзжаетъ онъ разъ на мельницу молотъ рожь; лѣтомъ на мельницѣ вообще бываетъ работы мало, вотъ я и хаживалъ обѣдать и ужинать домой въ деревню. Это было уже къ вечеру, я и говорю: послушай Ванюха, я пойду ужинать въ деревню, побудь здѣсь пока. „Хорошо говоритъ. Я ему шута и говорю:—Ты, молъ не боишься остаться одинъ на мельницѣ?“— „А кого я буду бояться, ко мнѣ хоть самъ черной (чертъ) приходи, я и тому ребра

переломая“, отвѣчалъ онъ. Это мнѣ не понравилось; ну, думаю я, постой же, испробую тебя, каковъ ты таковъ? — Хорошо, говорю, запри же двери-то на крючокъ. Потомъ я вмѣсто деревни обошелъ кругомъ, да подъ колесами и пробрался подъ мельницу, лицо вымаралъ грязью, а на голову надѣлъ вершу, что изъ прутьевъ плетутся, и полѣзъ въ творило, гдѣ колеса мажутъ; лѣзу помаленьку, Иванъ же, слышавъ шорохъ, отступилъ шага на два и сталъ креститься, а я вдругъ высунулся до половины да и рожу еще такую скорчилъ; тутъ Иванъ не выдержалъ и со всѣхъ ногъ бросился въ дверь, сшибъ ее съ крючка и безъ оглядки подралъ прямо въ деревню.

Сбросивъ вершу я кричу: „Иванъ! Иванъ!“ — куда ты? Только пятки мелькаютъ. „Вотъ тебѣ думаю и пошутилъ, теперь и оставайся безъ ужина“. Нечего дѣлать, поѣлъ я хлѣбца, прихлебнулъ водицей, и легъ спать. На другой день поутру, слышу кто-то ходить и покрикиваетъ. Э, думаю, смѣльчакъ мой пришелъ. Отворилъ я дверь, гляжу: Иванъ. — „Что же“ говорю, „такъ то караулятъ?“ — Да что, дядя Антонъ, озябъ до смерти, пошелъ погрѣться, отвѣчаетъ Иванъ, а между тѣмъ спѣшить скорѣе лошадь запречь, да на меня, какъ-то странно посматриваетъ; я ни гугу, знай подметаю мельницу. Запрегъ онъ лошадь и сейчасъ уѣхалъ. Я такъ и думалъ, что дѣло тѣмъ и кончится, анъ вышло не такъ. Дня черезъ три является ко мнѣ одна старуха и бухъ мнѣ въ ноги: — „Батюшка, помоги“ говорить. Что, молъ, такое? „Ваську моего испортили“. Какъ испортили? — Да вотъ какъ, кормилецъ: Вчера, послѣ ужъ полудень, везъ онъ сѣно. Жара страшная. Вотъ подлѣ дороги идетъ Матрена съ водою, онъ и попроси напиться; напившись же я говоритъ: „Спасибо бабка“. — „Не на чемъ“ говорить; „а при случаѣ припомни“. — Припомню, говорить. Отъѣхавъ сажень десятокъ вдругъ ему подъ сердце и подступило, едва могъ лошадь отпречь и прямо на печь. Мы собрались ужинать, ключемъ его, нейдетъ, а самъ все мечется; поутру я было ему яичко поднесла, не беретъ; такъ сдѣлай милость помоги! „Да чтожъ я то тутъ могу сдѣлать?“ — „Батюшка“, такой-сякой, „помоги!“ а сама — все въ ноги. „Постой!“ думаю, „дамъ я ей земляничнаго листа“ я, знаешь, самъ его употребляю, когда занеможетъ; возьмешь, поставишь самоварчикъ, да обольешь

(листь) кипяткомъ, да чашекъ десять и выпьешь, а допрежь ты стаканчикъ вина хватишь, надѣнешь тулупъ да на печь; вотъ потъ тебя и прошибетъ; а къ утру и встанешь, какъ встрепанный“. Постои, „говорю, я тебѣ травки вынесу“, и вынесъ пучка два, да и рассказалъ ей, что съ ней дѣлать. Гляжу, на другой день она опять ко мнѣ и опять въ ноги. — Что молъ, али опять худо съ Васькой-то?—Какое, говоритъ худо, онъ уже поѣхалъ на покось.—Ну и слава Богу. Она межъ тѣмъ холста мнѣ эдакъ аршинъ пять суеть.

— „Что ты“, молъ, „Богъ съ тобой! куда мнѣ?“ Возьми, да возьми! Злость меня взяла, говорю:—Отдай, молъ, въ церковь! Послушалась и ушла. Что же, батюшка мой! и сталъ я замѣчать, что какъ завидятъ только меня, всѣ кланяются еще издали. Что это, думаю, за чудеса такія? Сперва я все ту же травку давалъ, всю почти передавалъ; ничего, выздоравливають, а тамъ уже ворожить стали ходить; я сначала сердился на нихъ и гонялъ, не тутъ то было; ломаютъ, да и только. Ужъ больно стали надоѣдать: я и пошелъ къ священнику, да и поразсказалъ въ чемъ дѣло; священникъ посмѣялся, да и сказалъ: „Ну, ты невольный колдунъ, терпи, нечего дѣлать! народъ не скоро переломитъ, предоставь все времени“.

Колдуны по убѣжденію. Колдуны по убѣжденію, по словамъ г. Глаголева, сами убѣждены въ дѣйствіи заговоровъ. Заговоры передаются младшимъ въ семействѣ, или друзьямъ, и при томъ съ завѣтомъ, что тайны никому не открывать. Но мы объ заговорахъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Г. Глаголевъ сообщаетъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, какой онъ замѣтилъ или самъ, или слышалъ изъ достовернаго источника. Вотъ что дѣлаютъ смѣтливые колдуны или просто деревенскіе шалуны. Извѣстно, что деревенскія лошади счастливѣе чутьемъ городскихъ, такъ какъ пасутся въ полѣ, на волѣ и пользуются болѣе дарами щедрой природы, чѣмъ наши выѣздныя лошадки, какъ барышни, годныя только порисоваться на бѣгу, какъ на балѣ, и затѣмъ въ теплой конюшнѣ жевать овесъ и пить тепловатую водицу.

(Одаренная богатымъ чутьемъ деревенская лошадь, хоть не въ холѣ воспитанная, лучше слышитъ слѣды и сѣраго волка, и мохнатого медвѣдя издалика, и чуткая по природѣ, всегда

принимаетъ свои мѣры, если только она свободна отъ воли человѣка; но если ею управляетъ человѣкъ, то конечно она бѣется при видѣ животнаго ей вреднаго и враждебнаго, даже часто погибаетъ вслѣдствіе повиновенія рукамъ, управляющимъ браздами.

На основаніи богатаго обонянія лошадей, колдуны дѣлаютъ такія продѣлки, напримѣръ: чтобы остановить поѣздъ свадебный, или вообще на бѣгу лошадей, употребляютъ слѣдующія средства: берутъ свѣжаго жира или крови отъ какого либо хищнаго звѣря (ближе всего отъ медвѣдя, или волка), и намазываютъ ими камни, которые разбрасываютъ по дорогѣ. Лошади, почуявъ запахъ звѣря, начинаютъ упрямиться и бѣситься, а особенно молодыя.

Это средство особенно употребляется при свадебныхъ поѣздахъ и до того сдѣлалось обыкновеннымъ въ простонародь, что стоитъ только кому либо перейти дорогу во время свадебнаго поѣзда, какъ дружка станетъ упрашивать его перейти дорогу обратно, даже водкой и брагой поподчуетъ его при этомъ *).

Вотъ одинъ случай колдовства: Зажиточный крестьянинъ купилъ у другаго крестьянина дворовую собаку, очень злую и привязалъ ее на цѣпь. Но собака вовсе не хотѣла лаять у новаго хозяина, свернется калачикомъ и лежитъ въ такомъ положеніи. Мужикъ обратился къ колдуну съ просьбой помочь этому горю. Колдунъ сначала поломался, какъ водится, поставили ему шкаликъ, и тогда онъ объявилъ, что не пришло еще время, и когда оно наступитъ онъ самъ придетъ.

Недѣли черезъ двѣ колдунъ является. „Подержите собаку, говоритъ“. Собаку подержали; колдунъ взялъ собаку за хвостъ и чѣмъ то помазалъ его. Собаку пустили; сперва она по своему, свернулась калачикомъ, но въ ту же минуту вскочила, дико залаяла и стала метаться на цѣпи; потомъ опять хотѣла свернуться, и опять вскочила, словно ошпаренная. Съ тѣхъ поръ собака стала лаять и сдѣлалась опять отличною собакою.

А ларчикъ просто открывался: Колдунъ помазалъ корень хвоста у собаки свѣжимъ волчьимъ жиромъ; собака чуть кос-

*) См. свад. обряды Пермьковъ. Часть 1-ая.

нется носомъ хвоста, послышитъ запахъ и съ яростью начнетъ лаять. Мало по малу собака, привыкнувъ къ новому хозяину, перестала скучать и дичиться.

Злоумышленные колдуны. Это колдуны самые опасные и на нихъ должно быть обращено вниманіе полиціи. Это просто мошенники. Они очень часто разъѣзжаютъ по деревнямъ (говоритъ г. Глаголевъ), и подъ видомъ выкурки чертей и домовыхъ, окуриваютъ и опанваютъ народъ одуряющими зельями, преимущественно бѣленой и дурманомъ и, пользуясь опьяненіемъ своихъ жертвъ, обираютъ ихъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ священнику села К., привѣзжаютъ двое неизвѣстныхъ людей, повидимому купцовъ, довольно подозрительной наружности; одинъ изъ нихъ при огромномъ ростѣ и атлетическомъ сложеніи казался необыкновенно сильнымъ.

Они обратились къ священнику съ просьбою покормить у него лошадь и напитокъ чаю. Священникъ пригласилъ ихъ на дворъ и попросилъ самихъ въ комнату. Великанъ сталъ хлопотать около лошади, а товарищъ его, повидимому, хозяинъ лошади, войдя въ горницу просилъ поставить самоваръ, и вмѣстѣ со священникомъ сталъ пить чай, во время котораго сыпалъ въ самоваръ какой то порошокъ и на вопросъ священника, „что онъ дѣлаетъ“, отвѣчалъ, что въ комнатѣ чувствуется тяжелый запахъ, а потому не мѣшаетъ подсыпать купительнаго порошка.

Такъ, какъ выходящій изъ самовара дымъ противнымъ не оказался, то слова гостя казались вѣроятными. Между тѣмъ, купецъ по временамъ, что-то выпивалъ изъ находившейся при немъ бутылки; священникъ полагалъ, что у него ромъ, или водка, тѣмъ болѣе, что лицо купца дѣлалось все краснѣе и краснѣе; за собой же священникъ не замѣчалъ, что онъ мало по малу теряетъ сознание. Мать его (священника), старуха лѣтъ сто, уже потеряла сознание; а жена, будучи занята по хозяйству, то входя, то выходя, сохранила болѣе самосознанія, чувствовала только бѣненіе сердца, наконецъ, взглянувъ изъ спальни въ комнату, увидѣла, что мужъ ея даетъ деньги купцу, а тотъ проситъ еще и самоваръ, обѣщаясь отдать все на обратномъ пути. на что священникъ изъявляетъ согласіе. Она хотѣла

выйти изъ комнаты, чтобы позвать сосѣдей, но увидѣвъ великана въ дверяхъ, до такой степени испугалась, что лишилась чувствъ.

Великанъ не постоянно находился въ комнатѣ, но выходилъ на улицу и на дворъ, вѣроятно для того, чтобы не вошелъ, кто либо изъ постороннихъ.

Вскорѣ оба незнакомца сѣли въ телѣгу, взявши съ собою 10 рублей, самоваръ и еще кое какія другія вещи. Священникъ машинально вышелъ ихъ провожать и, когда вдохнулъ въ себя нѣсколько разъ свѣжаго воздуха, который, какъ онъ послѣ сказывалъ, казался ему усладительнымъ, самосознаніе и память стали ему возвращаться, тогда онъ бросился въ комнату, нашелъ жену и мать почти въ безчувственномъ положеніи, отворилъ двери, вспрыскивалъ больныхъ водою, и съ трудомъ привелъ ихъ въ чувство. Головная боль продолжалась около недѣли.

Всегда нужно осматриваться относительно наркотическихъ веществъ, скажемъ мы въ заключеніе, потому, что изъ исторіи Индійцевъ и Римлянъ мы видимъ, что тамъ такія куренія были въ 'большомъ ходу, тоже самое куреніе производилось и въ средніе вѣка при вызываніи тѣней и духовъ, особенно въ то время, когда употребляли волшебный фонарь.

Злонамѣренные колдуны нашего времени, особенно практикуютъ въ нашихъ русскихъ деревняхъ удачнымъ угадываніемъ украденныхъ лошадей, опредѣленіемъ мѣстности и ихъ нахожденіемъ, и все это устраивается посредствомъ стачки колдуновъ съ конокрадами. Хитрые обманщики помогаютъ злымъ и и негодяямъ ядовитыми зельями, съ намѣреніемъ мщенія за обиду, и находятъ себѣ въ нашемъ отечествѣ обильную профессію и, хотя не всегда достигаютъ своей цѣли, то чаще всего губятъ несчастныхъ, награждая ихъ такими болѣзнями, о которыхъ даже врачи не имѣютъ никакого понятія.

Грубые поселяне, со слишкомъ поверхностными понятіями о христіанской любви и высокой христіанской добродѣтели, считаютъ себя уже добрыми христіанами, если каждое воскресенье ходятъ въ церковь, мало понимая, а иногда и вовсе не понимая суть молитвъ на славянскомъ языкѣ, произносимыхъ во время божественной литургіи.

Проповѣдей въ селахъ и деревняхъ не говорится. можетъ на это нѣтъ ли еще и запрещенія, не знаемъ и умываемъ руки; но во всякомъ случаѣ не мѣшало бы крестьянамъ по праздникамъ хоть катихизисъ читать. Впрочемъ это дѣло не наше, на то есть іерархія; но во всякомъ случаѣ, каждый крестьянинъ, по обязанности совершая св. Таинство покаянія и св. Причащенія думаетъ, что тѣмъ сдавъ ежегодно извѣстные грѣхи, онъ совершенно правъ и освобождается отъ отвѣтственности предъ Всемогущимъ и потомъ, на основаніи своего мнимаго очищенія грѣховъ, вновь предаются новымъ размолвкамъ въ семействѣ, между знакомыми. враждовать съ сосѣдями, пьянствовать и даже воровству всякаго рода, какъ напр. конокрадству, самому вредному для земледѣльческаго хозяйства. Конечно при такой грубой обстановкѣ нашего народа и въ настоящее время происходятъ разнаго рода преступленія, существуютъ вредные колдуны для вреда и наводненія ужаса въ средѣ народа, которые посредствомъ разнаго рода ему извѣстныхъ составовъ и зелій отравляютъ, или какъ говорятъ, портятъ народъ, то по собственному желанію, то по просьбѣ другихъ изъ личнаго ихъ мщенія. Все это противно духу религіи и сильно отзывается грубыми остатками древняго язычества, закоснѣлаго въ народѣ. Будь простой народъ начитаннѣе, знай онъ основательнѣе религію, кромѣ однихъ обрядностей, нравы ихъ были бы мягче и не было бы такихъ злодѣевъ. Отчего въ столицахъ мы не слышимъ о существованіи колдуновъ и не боимся никакой порчи? Оттого конечно, что въ столицахъ народъ развитѣе, гуманнѣе, да и полиція, не боясь мщенія, преслѣдуетъ закономъ распространеніе обманщиковъ и злодѣевъ.

Легенды о колдунахъ въ Россіи. Простой народъ, мало знакомый съ таинствами окружающей ихъ природы, скорѣе вѣритъ въ чудесное и невозможное, тогда какъ все можно объяснить при помощи науки, а особенно знаетъ тотъ же мужикъ, котораго зовутъ знахаремъ или колдуномъ. Конечно, если бы онъ былъ призванъ къ допросу и сказалъ бы откровенно, чѣмъ онъ прославился въ народѣ, то онъ чистосердечно бы открылся, что ничѣмъ въ особенности, а что знанія его заключаются въ томъ то, и томъ, которымъ онъ и орудуетъ

бессознательно, благо дѣло пошло. Часто къ колдуну, являюся скорѣе за медицинской помощію, чѣмъ къ священнику. Колдунъ ни въ чемъ не отказываетъ за щедрый подарокъ, хотя немножко и *полюмается*, а дастъ хоть какое зелье и отъ чего угодно, сопровождая для пущей важности какимъ либо нашептываніемъ или наговоромъ, иногда упоминая въ наговорѣ, сатану. Получатель или получательница этого зелья дрожитъ отъ близости такого человѣка, по тому мнѣнію, что колдунъ окруженъ сатанинской силой, и имѣетъ несомнѣнную вѣру въ чудеса своего покровителя. Дѣло кончается тѣмъ, что получившій изъ рукъ покровителя зелье, даетъ въ питье, или пищу, своему недругу и свойство яда долго ли скоро — ли. но прозведетъ свое дѣйствіе.

Яды данные колдунами, не убиваютъ, но употребляли сильные наркотическіе яды, или такіе изъ нихъ, которые губительно вліяютъ на нервную систему, или на другія системы человеческого организма. Такимъ образомъ больной (испорченный) получаетъ или вредныя сыпи, судороги, твердыя опухоли (килы, грыжи). Яды эти, колдуны готовятъ преимущественно изъ извѣстныхъ имъ травъ. Понятно, что человѣкъ, занимающійся такими вредными операціями, проникнуть до мозга костей зломъ и ненавистью къ человечеству; говорятъ въ народѣ, что самое выраженіе лица изобличаетъ колдуна; и даже рассказываютъ слѣдующія примѣты: колдунъ имѣетъ мутный взглядъ, свинцово-сѣрое лицо, сросшіяся и напущенныя брови, злую улыбку, медленный съ разстановкою голосъ, небрежную прическу, морщинистый лобъ, взглядъ свирѣпый изъ подлюбы, сутуловатость, походку неторопливую и задумчивость; говоритъ вообще мало и хрипло, за то, какъ говорятъ, любитъ постоянно что-то ворчать, или шептать, всегда любитъ выпить.

Такъ описываютъ наружность колдуна. Теперь выведемъ свое умозаключеніе, такъ: Представимъ себѣ деревенскаго мужика, которому пришлось хоть однажды помочь больному и поставить на ноги. Въ деревнѣ какія болѣзни? чаще всего простудныя лихорадки, горячки, положимъ, что есть множество другихъ, какъ-то: оспа, сифилисъ, тифъ. Но вообразимъ, что мужикъ излѣчилъ простуду, узнавъ отъ кого либо случайно о средствахъ лѣченія, какъ мы выше сказали. смородинымъ

листомъ, стаканомъ водки и печкою *). Его это обрадовало, потому, что въ часы досуга мужичекъ разсчитываетъ и впредь при удачѣ имѣть побочный доходъ; но суевѣрный народъ послѣ нѣсколькихъ удачъ мужика, клеймитъ его названіемъ знахаря или колдуна, потому, что никакъ не можетъ вѣрить, чтобы простой мужикъ могъ познакомиться съ какимъ либо знаніемъ кромѣ земледѣлія. Даже мельники у нихъ почти всѣ колдуны, потому, что знакомы съ ея устройствомъ, скотники или скотницы умѣющіе врачевать скоть—тоже. Понятно изъ этого, что случайный врачъ, разъ ославленный связями съ чертомъ, онъ самъ сознаетъ, что если и можетъ быть терпимъ, но никогда не можетъ быть любимъ, и поэтому онъ, разстроенный своимъ положеніемъ и общимъ о немъ невыгоднымъ мнѣніемъ, часто вовсе не заботится о себѣ, объ домѣ, какъ хорошій хозяинъ, а предается пьянству или съ горя, или по склонности. При такомъ хозяйствѣ конечно хозяйство утрачиваетъ и свои выгоды и пользу для его семейства, и нерѣдко бѣдность дѣлается удѣломъ этого парія, часто по глупости своихъ односельчанъ. Нерѣдко этотъ человекъ озлобляется и тогда въ своемъ глупомъ невѣжествѣ ищетъ средства мстить и находитъ нерѣдко. Вотъ тутъ то изъ него вырабатывается настоящій колдунъ, то-есть человекъ вредный для общества. Во всякомъ случаѣ трудно намъ думать, что онъ входитъ въ сношенія съ дьяволомъ. Если, какъ говорятъ, онъ проводитъ ночи безъ сна, то скорѣе можно подозрѣвать, что онъ опасается, что его темныя дѣла откроетъ кто-либо предъ лицомъ правосудія и что онъ, долго-ли, коротко-ли, но получитъ должное возмездіе. Впрочемъ, онъ остерегается и своихъ односельчанъ, даже боится ихъ, что за свои дѣянія легко могутъ его побить смѣльчаки. Съ этой цѣлью ими же, этими колдунами, выдумана сказка, что будто-бы колдуны неуязвимы, а чтобы нанести ему побой, то нужно бить по его тѣни въ томъ предположеніи, что подъ видомъ тѣни ходятъ за нимъ нечистые духи. На самомъ же дѣлѣ колдуны, поддерживая такое мнѣніе въ народѣ тѣмъ оберегаютъ свою спину и тѣло отъ ударовъ злобствующихъ враговъ и, если случится, что какой либо озорникъ по-

*) См. статьи г. Глаголева.

пробуетъ ударить колдуна, то послѣдній всегда, какъ говорятъ, выдержитъ ударъ терпѣливо и засмѣется при этомъ, не желая разумѣется, измѣнить мнѣнію народа, напротивъ же, кто станетъ бить его тѣнь, то онъ будетъ всячески кривляться и кричать; конечно эта комедія спасаетъ его личность отъ не-пріятности побоевъ и увѣчья.

Понятно, что злой человѣкъ не наследуетъ царства небеснаго, а поэтому, тоже нужно и о колдунѣ, котораго вредное вліяніе на людей извѣстно его ближнимъ и сосѣдямъ, то они окончательно увѣрены въ томъ, что онъ уже на землѣ осужденъ на вѣчное мученье, и теперь даже достояніе сатаны, стоитъ только умереть ему.

Люди эти стали рѣдки. Съ развитіемъ образованія повсюду и грамотности, въ деревняхъ и селахъ, съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ и проведеніемъ ихъ по всемъ направленіямъ, наши русскія захолустья и глушь стали оживляться: вмѣстѣ съ эмансипаціей началось тѣсное сближеніе всѣхъ классовъ общества; удешевленіе сообщеній съ главными городами, или такъ сказать съ торговыми пунктами, сдѣлало крестьянъ развязнѣе, бодрѣе, гуманнѣе, и дало многимъ изъ нихъ: средства къ правильному развитію понятій, новую жизнь, новыя права. Увидѣвъ паровозы, пароходы, телеграфы, фотографіи, народъ сталъ понимать тверже, что эти предметы стоятъ большаго вниманія, чѣмъ какой нибудь барноволокной безграмотный колдунъ и его дѣйствія. Къ тому повсюду стали назначаться учителя, образоваться школы для распространенія грамотности, и самые священнослужители по характеру своего воспитанія стали иначе смотрѣть на свою паству; а все это много повліяло на крестьянъ до сихъ поръ, въ будущемъ разумѣется будетъ еще лучше, иначе, водворившаяся повсюду грамотность и общая воинская повинность благотѣльно повліяетъ на простой народъ и конечно искоренятся суевѣрные обряды, а съ тѣмъ вмѣстѣ улучшатъ жизнь, поставивъ народъ на добрую почву при новыхъ началахъ.

Смерть колдуна. Вотъ какъ рассказываютъ въ русскомъ народѣ о томъ, какъ умираетъ колдунъ, или колдунья, портившіе народъ. Колдунъ, какъ бы долго не жилъ — не вѣченъ, когда же приступить къ его одру безжалостная съ косою въ

рукъ, ему, понятно, какъ всякому злодѣю, страшно за себя, такъ какъ онъ только и находилъ удовольствіе въ томъ, что жилъ и губилъ тѣхъ, кто нечаянно попадался ему подъ руку. Какова же ему придется жизнь за гробомъ? Остается одно: горькое раскаяніе во грѣхахъ, это правда! Но гдѣ же какія либо добрыя дѣла его, которыя могли бы облегчить угрызающую совѣсть, облегчить, успокоить душу, которая сейчасъ оставить тѣло, которая должна скорбѣть. Здѣсь конечно предсмертныя страданія не пройдутъ безъ галлюцинаціи и разнаго рода иллюзій для умирающаго. Какъ и всегда, въ предсмертной агоніи многихъ умирающихъ, совѣсть колдуна, какъ и всякаго другаго злодѣя, требуетъ примиренія со всѣми, кого онъ зналъ, кого онъ обидѣлъ; ему этого хочется ради того, чтобы облегчить свою душу, совѣсть... ему хочется, чтобы ктонибудь при его физическихъ страданіяхъ присутствовалъ изъ постороннихъ или домашнихъ. Но, увы! въ эту для него безнадежную минуту, еще скорѣе чѣмъ въ какую другую, овладѣваетъ ужасъ умами суевѣрныхъ, не исключая и ближнихъ его. Всѣ узнаютъ объ этомъ въ селеніи и въ одинъ голосъ говорятъ: „колдунъ окольваеаъ“, при чемъ крестятся и чураются. Бывало не мало примѣровъ, что мнимые колдуны, или вѣрище злодѣи эти, умирали посредствомъ петли. Впрочемъ меланхолики и иппохондрики также часто кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Нельзя же всѣхъ, кто золъ, нелюдимъ, скученъ, считать какимъ то чародѣемъ; часто на человека говорятъ только одну напраслину.

Есть повѣрье въ народѣ, что земля не принимаетъ тѣла колдуна. Говорятъ такъ: Если колдунъ ежегодно ходилъ въ церковь говѣть, принималъ Св. Дары, то колдуна можно, по усмотрѣнію духовника, хоронить по христіански, а особенно богатаго. Но говорятъ такъ: что несмотря на похороны, исполненные по христіански, обрядъ похоронъ для его души тяжелъ и приноситъ ей страданіе *).

Когда окончится обрядъ похоронъ колдуна, то послѣ сто-

^{*)} Здѣсь опять отзывается преданіемъ старины глубокой, когда послѣдователи язычества, хотя и приняли Христову вѣру, но въ душѣ были преданы своей прежней; на это и намекаетъ легенда.

лованія гости разъязжаются и семья остается въ полномъ неудовольствіи и горюетъ, полна паническаго страха.

Хожденіе тьми колдуна. Если колдунъ не передалъ никому своей тайны колдовства, то въ народъ говорятъ, будто бы опасеніе домашнихъ оправдывается, то-есть, что они и послѣ смерти его еще не совсѣмъ съ нимъ разстались; далѣе, говорятъ, будто бы въ теченіи дня у нихъ раздается стукъ, трескъ, ходьба по комнатамъ, кого-то невидимаго, потомъ,—говоръ, котораго нельзя хорошенько разобрать, а потомъ, съ наступленіемъ глухаго времени отъ начала одинадцатаго часа до двухъ, слышится отвореніе запертыхъ дверей и иногда является привидѣніе, всѣмъ ясно видимое въ видѣ мертвеца, сегодня или вчера похороненнаго, что страшно поражаетъ домашнихъ и наводитъ ужасъ тѣмъ болѣе ужасный, что они уже ранѣе были парализированы ожиданіемъ или предвѣстьемъ новаго ужаса.

Какъ, обыкновенно, по рассказамъ, это посѣщеніе повторяется недѣли двѣ, и домашніе до того истомляются такими безпорядками въ домѣ производимыми, то разнаго рода стукомъ, шумомъ и говоромъ, а то посѣщеніемъ похороненнаго мертвеца, что прибѣгаютъ къ сосѣдямъ, но послѣдніе иногда сами страдаютъ тѣмъ же недугомъ, то-есть имъ самимъ приходится видѣть сосѣда, который ѣсть, пьетъ, а иногда и пляшетъ, между тѣмъ на могилѣ его иногда видятъ огонекъ, горящій въ родѣ свѣчки. Какъ бы то ни было, будь это свѣтлякъ, будь это фосфорическій огонь, выходящій отъ труна, сквозь поры, насыпи свѣжей земли, будь это глаза волка или росомахи, любягильницы разрывать труны, для народа представлялось одно.—что похоронили колдуна и всѣ эти признаки еще болѣе подкрѣпляли ихъ убѣжденіе. Можетъ быть шумъ, трескъ происходилъ отъ того, что, или домъ садился, или можетъ быть отъ мороза трещали бревна дома; иногда случалось что сильный вѣтеръ вылъ въ ближнемъ лѣсу; изслѣдовать естественную причину никому не хотѣлось, а между тѣмъ воображеніе работало до болѣзни мозга, до галлюцинаціи.

Подозрительнаго мертвеца (колдуна) всѣмъ міромъ откапывали изъ земли, и даже иногда находили лежащаго ничьямъ, или внизъ лицомъ, это подавало новую мысль къ тому, чтобы ду-

мать о немъ, какъ о колдунѣ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, онъ былъ просто мнимо-умершій отъ лютаргическаго сна (замеръ, по русскому выраженію) и потомъ проснулся въ могилѣ.

Въ деревняхъ и сейчасъ не рѣдкость, что хоронятъ покойниковъ въ теченіи сутокъ, а особенно во время лѣтней страды, когда съ мертвецомъ некогда хороводиться: то сѣнокосъ великъ, убратся надо, то боятся, что отъ жары изъ колоса зерно перезрѣвши осыпится, во время жнитва.

Обыкновенно, чтобы колдунъ лежалъ спокойно въ могилѣ и не тревожилъ живыхъ, вонзаютъ трупу между лопатокъ осинный колъ и тѣмъ, по мнѣнію народа, посѣщеніе колдуна прекращается.

Если же, какъ говорятъ, въ простомъ народѣ, покойный колдунъ былъ одинокъ, то-есть жилъ вполнѣ бобылемъ, то не смѣетъ явиться къ сосѣдямъ и блуждаетъ по кладбищу, разумѣется, пугая суевѣрныхъ земляковъ.

Впрочемъ, народное преданіе говоритъ, что тотъ изъ колдуновъ, кто успѣетъ передать младшему себя свое ремесло передъ смертью, тотъ умираетъ хорошо и спокойно, и трупъ не требуетъ клина, какъ и обыкновенный человѣкъ, — какъ добрый христіанинъ. Передача знаній происходитъ по большей части передъ самой смертью и народное повѣрье говоритъ такъ: Колдунъ, продавая душу дьяволу, получаетъ отъ послѣдняго столько нечистыхъ духовъ на службу, сколько тому нужно по условію, чтобы отступнику достигъ до условнаго значенія своего величія.

По смерти, подвластные демоны должны оспротѣть безъ работы, такъ, какъ имъ при жизни колдуна давалась постоянная работа, на которую они буквально обречены Люциферомъ (княземъ тмы). Говорятъ, что демоны во время смертной агоніи умирающаго, тормозятъ тѣло покойника и видя, что тѣло пусто и безъ души, то временно, даже будто бы вступаютъ въ его пустое тѣло и ходятъ, олицетворяя человѣка со всѣми его признаками, иногда даже весельчака, а то строгаго, сообразно съ характеромъ покойника, съ тѣмъ только исключеніемъ, что такой псевдо-покойникъ лишается въ характерѣ религіозности и остается неуловимымъ, какъ духъ.

Передача колдовства. Каждый изъ колдуновъ, зная, какъ ему трудно разстаться съ жизнью, а душу дьяволу, по общему повѣрью, старается отдать свое право колдовства и вреда, кому нибудь, если не по знакомству, или по родству, то хотя *обманомъ* и не *за-знать*.

Передача колдовства внуку (легенда). Однажды умирающій колдунъ передалъ свое колдовство внуку.

Дѣло было вотъ какимъ образомъ, какъ говоритъ преданіе: Старикъ-дѣдъ, замѣшанный въ какихъ-то плутняхъ и за-служившій имя— „колдуна“ умираетъ, оставляя по себѣ потомство. Всѣ его удаляютъ, брезгуютъ. Онъ самъ видитъ это, лежа на смертномъ одрѣ, и ухищряется, обращаясь къ мальчику лѣтъ 8 или 10 его внуку, мальчику бойкому, который во все время былъ къ нему привязанъ.

— Внучекъ! поди сюда! кличетъ старикъ внука въ припадкѣ своей предсмертной агоніи.— „Што дѣдушка?“— „На-ко возьми внучекъ!, возьми!...“

Внучекъ взялъ отъ дѣда-колдуна вѣникъ и вышелъ отъ него; въ это самое время внучекъ ощутилъ, что то особенное. Внуку пришлось спать, ему грезятся небывалые до сего дня сны и онъ просыпается, словно отъ лихорадки. Затѣмъ, послѣ просонья ему представляются вдругъ безобразныя, пугающія дѣтское воображеніе личности, требующія у него работы.

Бѣднякъ промаялся до утра съ своими дрянными снами, недавшими покоя и всталъ, какъ отуманенный. Ночныя грезы онъ передалъ своимъ родителямъ, или воспитателямъ и указалъ на вѣникъ. Это еще болѣе встревожило семью, разумѣется напуганную событіемъ и суевѣрную по простотѣ и грубости образования.

Это былъ не сонъ, а явь, во время котораго страдалъ ребенокъ, котораго мучили духи, переданные не въ вѣникъ, а съ вѣникомъ, и принявшимъ этотъ вѣникъ безъ молитвы, конечно потому, что вѣникъ предметъ ничего не заслуживающій и не стоящій никакого вниманія.

Въ семьѣ подумали и рѣшили поѣхать къ колдуну, чтобы разрѣшить дѣло и рассказали случившееся, предварительно подаривъ его милость.

Колдунъ, хорошо удовлетворенный благодарностью и подаркомъ сказалъ:

— Вотъ что: пусть, когда шишиги будутъ просить работы, сынъ вашъ прикажетъ къ утру разобрать по зернышку куль овса, куль пшеницы, куль гречихи; а зерна эти нужно перемѣшать передъ вечеромъ и разсыпать по амбару.

Родители такъ и сдѣлали: Но черти къ утру все собрали, и зерна очутились разобранными и высыпанными въ кули. По окончаніи этого опять потребовали чертенята у мальчика работы. Родители мальчика опять обратились къ колдуну и рассказываютъ:—такъ и такъ... кормилецъ! Опять съ доукой!.. колдуну опять влетѣлъ гостинецъ.

— Ну, ладно! приготовьте бездонную кадку да ушата два песку и вотъ, пусть, они въ бездонную кадку воды нальютъ, а изъ песку веревки выютъ.

Родители подготовили и песку и бездонную кадку, но черти и это порученіе исполнили. Опять къ колдуну.

Колдунъ, слишкомъ благодарный за всѣ награды, посовѣтовалъ такъ сдѣлать:

— Если и это не беретъ, сказалъ онъ, „то пусть онъ раскидаетъ мѣшокъ овсяной муки, бросая горстью на всѣ стороны и потомъ закреститъ на всѣ четыре стороны. Когда нечистые явятся къ нему, то пусть онъ велитъ муку въ мѣшокъ собрать до пылинки“. Родители мальчика возвратились и приказали при себѣ исполнить приказаніе колдуна.

Мальчикъ исполнилъ, что приказано, и вечеромъ распорядился ватагою адской сволочи. Нечистая сила пошла собирать муку, но видно эта работка была имъ не подъ силу, болѣе не возвращались.

Говорятъ, что демоны прислуживающіе человѣку, и подпавшіе ему подъ власть, не имѣютъ вида сатировъ, какими ихъ малюютъ на лубочныхъ картинахъ, или черныхъ муриновъ, страшныхъ эфіоповъ, но что они представляются колдуну въ видѣ маленькихъ человѣчковъ.

По народному повѣрью, передача колдовства можетъ быть производима и другими средствами. Рассказываютъ, что нѣкоторые берутъ у колдуновъ колдовство, изъ любви къ профессіи; при этомъ говорятъ, что человѣкъ, получившій отъ колдуна искусство колдовать, теряетъ добродѣтель и всѣ добрыя качества и дѣлается злымъ, ненавистникомъ, съ момента по-

лученія. Разумѣтся. не нужно смѣшивать колдуна съ знахаремъ; разница между ними та, что колдунъ, — отщепенецъ вѣры, не носитъ креста, не ходитъ въ церковь, а если и ходитъ для виду, то не молится, если причащается, то не глотаетъ Святые Дары, всѣмъ вредитъ, но не пользуется. напротивъ знахарь — человекъ совершенно другаго закала, онъ истинный христіанинъ, онъ врачъ и благодѣтель для всей окрестности, но не врагъ, онъ не портитъ, а выгоняетъ порчу, на что у него есть свои приемы. Вообще нужно сказать, что тамъ, гдѣ нѣтъ близко врачей, знахари съ успѣхомъ дѣлаютъ свое дѣло и нерѣдко помогаютъ даже лицамъ довольно значительнымъ. Такъ изъ біографіи графа Граббе *) видимъ, что его вылечилъ простой знахарь.

Народное понятіе о порчи. По народному повѣрью колдунъ, стараясь удалить отъ себя подвластныхъ себѣ духовъ, безпокоившихъ его требованіями работы, портитъ народъ тѣмъ, что будто бы разгоняетъ ихъ, посылая къ людямъ ихъ мучить въ разныхъ видахъ, разумѣтся къ тѣмъ, которые, чѣмъ нибудь досадили колдуну; такимъ образомъ народъ объясняетъ кликушъ или порченныхъ. Это люди, которыхъ будто бы мучаютъ духи, преслѣдующіе повсюду; тотъ человекъ, на котораго указалъ колдунъ, страдаетъ или душою. или чувствами и нравственно. Въ этихъ болѣзняхъ души, малодоступныхъ врачамъ, прибѣгаютъ къ колдуну, но по мнѣнію многихъ, тотъ колдунъ, который берется вылечить порчу, будто бы не вылечиваетъ ее, а приставляетъ къ больному болѣе сильнаго духа, чтобы ослаблять вредное вліяніе перваго.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ И КАЗНЬ КОЛДУНОВЪ.

Преслѣдованіе колдуновъ инквизиціей. Мы уже сказали, что на западѣ Европы, въ XV столѣтіи, манія на колдовство достигла своего полнаго апогея. За то инквизиція (духовный судъ) дѣятельно преслѣдовала колдуновъ, считая чародѣйство совершенно равнымъ еретичеству, отступничеству отъ Бога, и величай-

*) См. „Война Россіи съ Турціей“. П. Гарковенко.

шимъ изъ преступленій на свѣтъ. Если заблуждались тѣ, кто занимался чародѣйствомъ, не менѣе того заблуждались и инквизиторы, усердно вѣря въ существованіе чертей и разныхъ безплотныхъ духовъ, и въ сношенія людей съ этими духами. Даже нельзя было допускать мысли, по нашему мнѣнію, чтобы почтенные патеры, кардиналы и прелаты могли бы быть до такой степени невѣжественны, чтобы могли вѣрить тому, что въ наше время считается пустяками и безсмысліемъ.

Во всякомъ случаѣ, кромѣ видимаго стремленія уничтожить охоту къ чернокнижію въ народѣ, почтенными Іезуитами овладѣло желаніе пріобрѣтать имущество, оставшееся послѣ казненныхъ въ свою пользу. Такимъ образомъ къ числу жертвъ погибшихъ на кострѣ принадлежали: Министръ французскаго короля Филиппа Красиваго, Ангерранъ де Мариньи, знаменитая Орлеанская дѣвственница и множество другихъ невинныхъ жертвъ отъ руки палача, или на кострѣ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Синимъ бородою, Жиль де Лавалемъ, маршаломъ Франціи *).

Какъ ни сильно было развито чародѣйство и какъ ни жестоко оно преслѣдовалось, но никто такъ жестоко не нападалъ на еретиковъ, какъ папа Иннокентій VIII, который своею жестокою буллою (папскій указъ), отъ 4 декабря 1484 года, противъ волшебства и всякаго сношенія съ нечистыми духами. Послѣ этой буллы, усердные служители папскаго престола, до того усердно работали, что на ау-то-дафе приводили толпы колдуновъ (мнимыхъ разумѣется) и полились рѣки невинной крови, едва изсякшія въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ.

Этотъ папа поручилъ преслѣдованіе чародѣйства особой комиссіи инквизиціоннаго суда, предсѣдателемъ которой былъ назначенъ Яковъ Шпренгеръ, профессоръ богословія въ Кельнѣ. Усердный профессоръ немедленно занялся сочиненіемъ руководства для слѣдствія и суда, по дѣламъ волшебства; плодомъ

*) Жиль де Лаваль, владѣтель Резавъ Машкулъ, если и былъ сожженъ, какъ чародѣй, то это была со стороны инквизиторовъ тоже ошибка; это былъ скорѣе человекъ помѣшанный на алхиміи и философскомъ камнѣ. Но какъ злодѣй, онъ былъ достоинъ сожженія потому, что погубилъ до 150 мальчиковъ и до столько же беременныхъ женщинъ, вырѣзывая изъ ихъ чрева, нерожденныхъ дѣтей.

усилія этого ученаго фанатика, полубезумца, полузлодѣя, былъ знаменитый „*Malleus maleficarum*, или молотъ злодѣевъ“. Со времени изготовленія этого сочиненія, оно было утверждено кодексомъ для розысканія и наказанія мнимыхъ волшебниковъ. Дѣти были должны доносить на отцовъ, братья на братьевъ; супруги должны были обличать одинъ другаго. Кромѣ того, одного доноса даже безъ свидѣтелей было достаточно, чтобы арестовать и подвергнуть его суду и пыткамъ, почему почти каждый обвиненный, хотя и совершенно невинный, былъ въ дѣйствительности человѣкомъ, безвозвратно погибшимъ. Обвиненнаго подвергали пыткамъ. Если онъ, для избѣжанія нестерпимыхъ мукъ, сознавался въ мнимомъ преступленіи, его взводили на костеръ, какъ колдуна, или одержимаго бѣсомъ (бѣсноватаго, порченаго), если онъ не признавался, то погибалъ отъ мученія пытки, потому, что всѣмъ не сознававшимся были пытки, одна послѣ другой жесточе и невыносимѣе.

Дѣятельность агентовъ папы Иннокентія коснулась не только одного Рима и его областей, но проникла во Францію, Германію, Швейцарію, въ какой то пандемоніумъ, гдѣ на каждой горѣ совершались шабаши вѣдьмъ и гдѣ рѣдкій не былъ причастенъ чародѣйству, какъ злодѣй, или какъ жертва. Костры пылали и кровь лилась рѣками. Дель Рио рассказываетъ, что въ 1515 году, въ одной Женевѣ казнено было до 500 уличенныхъ въ чародѣйствѣ лицъ. По словамъ Бартоломео де Спины, въ томъ же году, въ приходѣ Комо, сожжено ихъ до тысячи, и въ послѣдовавшіе за тѣмъ два года по нѣсколько десятковъ въ каждый мѣсяцъ. Ремигій съ самодовольствіемъ объявляетъ, что въ теченіе 15 лѣтъ, (1580 по 1595) сжегъ до 900 колдуновъ, обоого пола. Въ царствованіе короля Карла IX, колдунъ Труазешель, въ одномъ Пуату, оговорилъ болѣе 1200 человѣкъ виновныхъ въ чародѣйствѣ и увѣрялъ, что ихъ болѣе трехъ сотъ тысячъ въ одной Франціи. По словамъ Бодена или Бодинуса, при Карлѣ IX казнено болѣе тридцати тысячъ человѣкъ.

Не смотря на эти ужасныя бойни, Франція все же была назади предъ Германіей, гдѣ папскія буллы, производили ужасныя опустошенія.

Вслѣдъ за Иннокентіемъ VIII, противъ чародѣйства возстали:

Александръ VI, Левъ X и Адрианъ II. Съ наибольшимъ усердіемъ работали инквизиторы въ Барбергъ. Падеборнъ, Вюрцбургъ и по всему протяженію владѣній нынѣшняго Баварскаго королевства; впрочемъ и другія части Германіи, также принесли свою дань ужасному заблужденію людей умныхъ и ученыхъ, какими считались папы и іезуиты, и вообще ученые монахи Рима.

Хауберъ, въ своей *Волшебной библіотекѣ* приводитъ списокъ 157 лицъ обоего пола, уличенныхъ въ чародѣйствъ и казненныхъ въ Вюрцбургъ съ 1627 г. по 1629 г. въ 29 приемовъ. Но замѣчательно, что въ числѣ этихъ лицъ были: дѣти отъ 7-ми до 9-ти и 12-ти лѣтъ, да старики и старухи отъ 70 до 107 лѣтъ; тутъ же были четырнадцать кафедральныхъ викаріевъ, два знатныхъ молодыхъ дворянина, сенаторъ Штольценбургъ, Эмма Гобель, первая Вюрцбургская красавица, и 20 другихъ дѣвушекъ, изъ которыхъ двѣ слѣпыхъ и четыре глухонѣмыхъ. Въ Линденскомъ округѣ, изъ 600 жителей, казнено въ 4 года (1660—1664 г.) за волшебство 30 человекъ; въ другихъ мѣстахъ Германіи, погибло въ это время, болѣе ста тысячъ человекъ, за то же мнимое преступленіе.

Упорство и ужасъ этихъ гоненій были виною, что увѣренность въ возможности, противуестественныхъ сношеній съ злыми духами распространилась на всѣ классы общества и на всѣ возрасты. Она породила извращеніе умственныхъ способностей, извѣстное подъ именемъ галлюцинацій и дѣйствующее иногда эпидемически на цѣлыя массы. Этимъ болѣзненнымъ состояніемъ мозга, объясняются вынужденныя (а иногда и добровольныя) признанія несчастныхъ о ихъ посѣщеніяхъ шабашей и пиршествъ злыхъ духовъ; и не только судьи и свидѣтели, но и самые подсудимые, раздѣляя общее настроеніе и помраченіе разсудка, считали фантастическія видѣнія, порожденныя разстройствомъ воображенія, за дѣйствительные факты. Мудрено ли послѣ этого, что судьи съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей справедливости, посылали на костеръ несчастныхъ, хотя по сущности невинныхъ, но убѣжденныхъ въ своей мнимой виновности.

Не всегда, однакожъ, признаніе въ дѣйствительности чародѣйскихъ занятій было вслѣдствіе умственнаго разстройства:

весьма часто пытка вырывала признаніе у обвиненнаго. Вотъ одинъ изъ примѣровъ *):

„Одинъ Вестфальскій дворянинъ, чѣмъ-то досадилъ своему сосѣду, который изъ мщенія сдѣлалъ на него доносъ въ чародѣйствѣ. Обвинитель утверждалъ, что упомянутый дворянинъ выходитъ по ночамъ изъ дому, оборачивается волкомъ (оборотнемъ), и рыская по окрестностямъ, давитъ и загрызаетъ прохожихъ. Несчастнаго обвиненнаго схватили и, продержавъ три недѣли въ тюрьмѣ, привели къ допросу. Несмотря на все желаніе судей найти мнимаго чародѣя виновнымъ, невозможно было отыскать никакихъ уликъ. Но случай помогъ инквизиторамъ: Свидѣтельствуя состояніе обвиняемаго, открыли, что у него на лѣвомъ плечѣ есть родимое пятно, которое оказалось нечувствительнымъ къ уколу иголкой. Этого вполне было достаточно, чтобы заподозрить обвиняемаго въ дѣйствительности сношеній его съ дьяволомъ; такъ какъ родимое пятно было признано печатью дьявола. Несчастнаго подвергли пыткамъ; но онъ былъ человѣкъ сильного характера, твердый и, не соглашаясь сознаться въ небываломъ преступленіи, съ мужествомъ перенесъ страшныя мученія.

Наконецъ, одинъ изъ судей придумалъ дать измученной жертвѣ отвара травы—красавица, (*atropa belladonna*) и тогда, подѣ влияніемъ ложныхъ видѣній, развитыхъ этимъ наркотическимъ ядомъ, подсудимый, во временномъ умопомѣшательствѣ, взвелъ на себя, всевозможныя преступленія и сознался во всемъ, чего только хотѣли. Показанія его записали при свидѣтеляхъ. Придя въ себя онъ вновь съ твердостью сталъ отстаивать свою невинность; но его не хотѣли слушать, и принявъ во вниманіе совершенное предъ судомъ признаніе, сочли его за нераскаяннаго злодѣя и живаго сожгли на кострѣ“.

Не удивительно, что, при такомъ порядкѣ вещей, люди богатые жертвовали своимъ имуществомъ, чтобы подкупить судей, но судьи сперва раззоряли подозрѣваемыхъ, а все таки послѣ осуждали и казнили.

Ранѣе было указано, что перѣдко обвиняемые сами признавались въ своихъ преступленіяхъ, сами довѣряя своимъ соб-

*) Разсказъ Дель—Рю. Извѣстнаго демоолога.

ственнымъ разсказамъ и убѣжденные въ дѣйствительности своихъ мнимыхъ преступленій. Разумѣется этого нельзя было объяснить иначе, какъ болѣзненнымъ состояніемъ мозга и организма. Но какъ было объяснить страшное сходство въ показаніяхъ лицъ различнаго возраста, образованія и званія? Какимъ образомъ люди, совершенно другъ съ другомъ незнакомые, описывали свои небывалыя оргіи на шабашахъ съ чертями и рисовали предъ судьями почти тождественныя картины, безъ предварительнаго соглашенія и во вредъ себѣ.

Впрочемъ, нѣкоторые находятъ, что тутъ мало удивительнаго. Въ средніе вѣка господствовало довольно однообразное мнѣніе о колдовствѣ, привидѣніяхъ, шабашахъ злыхъ духовъ, и тому подобныхъ предметахъ таинственнаго и безплотнаго темнаго міра. Не мудрено, что на допросахъ, люди изнуренные заключеніемъ и страданіями, часто полупомѣшанные заключеніемъ и страданіями, объясняли предметы тождественнымъ образомъ. Этому способствовалъ и самый обрядъ допросовъ, совершавшихся однообразно, по сочиненному Шпренгеромъ съ товарищами, руководству. Самъ судья облакалъ вопросы въ форму обусловливающую большую часть вопросовъ такъ, что подсудимому, по большей части, оставалось говорить или— „да“ „или нѣтъ“. При страшномъ обрядѣ допросовъ, сопровождавшихся пыткой, несчастный въ вынужденныхъ своихъ сознаніяхъ, невольно, хотя и весьма естественно, принималъ настроеніе духа и ходъ идей, какіе желалъ найти допрашивающій.

Преслѣдованіе колдуновъ въ Россіи. Россія также заплатила тяжелую дань суевѣрію. Языческіе жрецы, игравшіе у древнихъ славянъ, какъ и повсюду, роль волхвовъ, неохотно, какъ уже мы и сказали, уступали вводимому въ Россію Христіанству. Въ народѣ старинныя повѣрья и обычаи не только утратились вдругъ, но и по сіе время, какъ мы уже упомянули въ первой части нашей книги, замѣтны въ своихъ остаткахъ обычаевъ, пѣсенъ и обрядовъ.

Высшіе представители духовенства употребили все зависящія отъ нихъ средства, чтобы уничтожить въ народѣ суевѣрную довѣренность къ колдунамъ, вѣдьямамъ и волхвованію, о чемъ свидѣлствуютъ многіе памятники. Кирикъ XII вѣка,

митрополитъ Фотій въ своемъ посланіи къ Новгородцамъ, въ 1410 году, Царская окружная грамота 1648 года и *Домострой* строго воспрещаютъ всякое сношеніе съ волхвами.

Въ извиненіе русскому народу на счетъ убѣжденія въ знахарей и другихъ лицъ, занимавшихся мнимо противнымъ занятіемъ, скажемъ одно: когда христіанство въ Россіи укрѣпилось вполне, то народъ еще далеко не достигъ не только образованія, но и грамотныхъ было очень мало. Во врачахъ чувствовался крайній недостатокъ, даже нѣкоторые изъ царей умирали отъ чирьевъ, которые превращались въ злокачественныя язвы, по недостатку въ опытныхъ врачахъ. Къ кому же было обратиться народу простому, необразованному, даже грубому, въ своихъ болѣзняхъ, въ своихъ неудачахъ? Разумѣется и обращались къ человѣку, болѣе или менѣе знакомому съ недугами; часто иногда, кто нибудь давалъ остатки лекарства, которымъ самъ излечился, или подавалъ тотъ же совѣтъ другому больному, которымъ самъ пользовался. Успѣхъ кого нибудь въ дѣлѣ врачеванія разносился далеко. Со временемъ человѣкъ, въ глазахъ простаго народа, дѣлался извѣстнымъ, и, видя въ этомъ свою пользу, старался замаскировать средства, сопровождая свои эксперименты наговорами, таинственными дѣйствіями и тѣмъ, разумѣется, себя ставили дурно предъ правительствомъ и въ глазахъ простаго народа, облекая свои естественныя дѣйствія во что-то таинственное. Простой селянищъ, оправившійся всецѣло, по наущенію своего духовнаго пастыря, во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ видѣлъ промыслъ Божій, а даже, если и случалось получить помощь отъ знахаря, или колдуна, то онъ отмаливался, задавалъ себѣ извѣстное число поклоновъ, а все таки въ душѣ благословлялъ своего цѣлителя, хотя, подозревалъ, по невѣжеству человѣка того вѣка, что его цѣлитель—колдунъ. Страшно думать въ наше время и сопричислять врача къ колдунамъ, но однакоже по духу времени, по таинственности колдуновъ, по ихъ закрытымъ таинственнымъ операціямъ, и по невѣжеству вѣка, всѣхъ русскихъ знахарей считали какими-то изуверами.

Дѣла о волшебствѣ издревле принадлежали въ Россіи завѣдыванію духовной власти, и чародѣевъ сжигали въ костръ, точно также, какъ и въ западной Европѣ, въ чемъ увѣряетъ

Карамзинъ. Въ 1227 году, по сказанію лѣтописца, въ Новгородѣ четыре волхва были приведены на архіерейскій дворъ и тамъ сожжены, несмотря на заступничество бояръ. Въ началѣ XV столѣтія, было сожжено во Псковѣ десять *вѣщцѣхъ жонкохъ* (колдуній, вѣдьмъ). Въ повѣсти о волхвованіи, написанной для Іоанна Грознаго, утверждается необходимость сжигать чародѣевъ. Котошихинъ говоритъ, что въ его время, мужчинъ за волшебство и чернокнижничество сожигали, а женщинъ за волшебство, живыхъ по грудь закапывали въ землю, отчего онѣ умирали на другой, или на третій день. Эта форма наказанія за чародѣйство согласовалась съ общимъ народнымъ убѣжденіемъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Такъ, въ старину, во время повальныхъ болѣзней, зарывали въ землю женщину, подозрѣваемую міромъ въ наведеніи болѣзней своими волхвованіями.

Похитительницы росы. Въ Малороссіи и до нашего времени сохранилась легенда о томъ, какъ одна чародѣйка была сожжена за то, что похищала росу; преданье это сохранилось въ пѣснѣ, гдѣ говорится, что дѣвица—чародѣйка пекла змѣй и варила зелье, чтобы этимъ волшебнымъ снадобьемъ отравить своего роднаго брата; братъ узналъ объ этомъ и, снявъ съ сестры голову, сжегъ ея трупъ, и пепель развѣялъ по чистому полю *).

Въ XVII столѣтіи, за ворожбу и чародѣйство, менѣе виновныхъ ссылали въ дальніе монастыри на покаяніе, или въ ссылку.

Какъ убѣжденіе въ нечистую силу, такъ равно и увѣренность въ возможность сношенія чловѣка съ дьяволомъ, долго жили во всей Европѣ, равно какъ и въ Россіи. Много погибло несчастныхъ мученическимъ путемъ, къ числу которыхъ принадлежали оговоренные по злости, по мщенію, изъ корысти воспользоваться ихъ наслѣдствомъ, богатствомъ; много погибло по собственному своему невѣжеству, много погибло безумцевъ, идіотовъ, можетъ быть иногда и злодѣевъ—отравителей въ дѣйствительности, но во всякомъ случаѣ не колдуновъ, и вся эта громадная масса людей, погибла отъ невѣжества властей: кто знаетъ, не пробуждалось ли въ народѣ желаніе изученія

*) Смори сказаніе русскаго народа. Сахарова. Т. I, стр. 13. Тоже: Даль, въ Иллюстраціи, годъ I, стр. 415.

природы, познанія къ наукамъ, которое встрѣтило противудѣйствіе, какъ и всякое открытіе въ наше время. Извѣстно, что мнимые колдуны позже превратились *алхимиками*, а потомъ въ наше время химиками и физиками. Теперь не удивляетъ насъ электричество, магнетизмъ, фотографія и различныя ихъ полезныя примѣненія, но будь это встарь—тогда бы сожгли знаменитаго изобрѣтателя, какъ колдуна. Быть можетъ въ числѣ множества жертвъ погибло много умныхъ, великихъ людей. Но обратимся къ дѣлу:

„Въ Крестоцѣловальныхъ записяхъ на вѣрность царямъ Василью Шуйскому и Михаилу Ѳеодоровичу, клялись не посылать вѣдуновъ и вѣдуній на государство лихо и ихъ государей на слѣдъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру, никакого лиха не посылати и слѣду не вынимати“ *). Отсюда видно что и цари наши не были чужды вѣрованія въ колдовство и чародѣйство.

Наговорщица на хмѣль. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ была отправлена въ Псковъ грамота съ запрещеніемъ покупать у литовцевъ хмѣль, потому, что посланные за рубежь (границу) объявили о бабѣ колдунѣ, или вѣдунѣ, находящейся въ Литвѣ и наговаривающей на хмѣль, съ намѣреніемъ навести на Русь моровое повѣріе **).

Въ 1625 г. велѣно было выслать изъ Верхотурья въ Москву, переселенца Якова вмѣстѣ съ *воровскимъ зельемъ*. Дѣло было такое, что Яковъ сознался, когда его, вѣроятно по подозрѣнію, обыскали, и нашли коробку багровой травы, три корня, да комокъ чего-то, то онъ сознался, что все это онъ получилъ отъ колдуна *Степанки*.—*Козьи ноги*.

Такой же процессъ былъ въ 1680 году, по наговору иноземца Зинки (Зиновія) Ларіонова ***). Одинъ подсудимый объявилъ, что ему положили связку травъ, въ то время, когда онъ былъ пьянъ до безчувствія и сидѣлъ въ кабакѣ. Его пытали и потомъ били батогами, чтобы ему впредь было не повадно ****).

*) Москвитянинъ 1844 г. № 1, стран. 246.

***) Акт. Археол. Комм. Томъ III. № 197.

****) См. Акт. Юрид. № 30.

*****) Не повадно—чтобы онъ не повадился къ тому, не привыкъ, чтобы не пристрастился, не получилъ бы охоту.

Московскія ворожейки. Косный разводъ. Старые архивы богаты актами, по части *вдовскихъ дѣлъ*. Порывшись въ нихъ мы находимъ, что въ Москвѣ, въ XVII вѣкѣ, жили бабы—ворожейки, къ которымъ прѣзжали даже боярскія жены просить помощи противъ ревности, или холодности мужей, а также совѣтоваться о любовныхъ интригахъ, или о способахъ извести супруговъ. Не правда ли, что въ наше время не нужно прибѣгать къ чертямъ, чтобы дать тотъ, или другой совѣтъ, при однихъ свѣденіяхъ химіи? Невѣста Михаила Феодоровича, Марія Хлопова, и невѣста Алексѣя Михайловича, Евфимія Всеволожская, по свидѣтельству современныхъ актовъ, были *испорчены* злыми людьми (вѣроятно изъ зависти). По дѣлу послѣдней, посланъ былъ въ Кириловъ монастырь, подъ крѣпкое начало крестьянинъ Мишка Ивановъ за *чародѣйство, за косной разводъ и за наговоръ*, отъ котораго пострадала невѣста.

Корень противъ ненависти мужа. Въ 1635 году случилось такое дѣло: одна изъ придворныхъ женщинъ, мастерица по вышиванію золотомъ, по имени Антонида Чашникова, по нечаянности выронила изъ кармана, сидя во дворцовой палатѣ, *корень невѣдомо какой*. Это уже возбудило подозрѣніе на мастерицу, достигло до царя; до какой степени и въ Россіи понятіе о колдовствѣ развилось въ тѣ мрачные вѣка—немыслимо! Самъ царь, издавъ приказъ, которымъ было предписано: *сысковать на крѣпко означенную мастерицу, и окольничій Стрѣшневъ, и дьякъ Таракановъ сыскали*, то есть пытали бѣдную женщину, зараженную тѣмъ же суевѣріемъ, какъ и всѣ, не исключая владыкъ земли.

На пыткѣ несчастная Чашникова показала, что дала этотъ корень жинка Танька (женщина по имени Татьяна), для того, чтобы мужъ Чашниковой былъ добрѣе и пересталъ ее бить. Призвали на судъ вышесказанную Таньку, которая сказала, что корень этотъ называется *обратимъ* и располагаетъ мужа къ женѣ любовью. Лиха же объ онѣ супротивъ государя и его семейства не умышляли. Чашникову съ мужемъ сослали въ Казань, а Таньку съ мужемъ, на Чаронду.

Порча на сльдѣ. Спустя три года, тоже при дворѣ, одна изъ мастерицъ, именно Марья Сновидова, показала на свою подругу, тоже мастерицу Дарью Ломанову, будто бы послѣдняя

сыпала песокъ на слѣдъ царицы. И тутъ явились жонки-колдуньи Настасыца да Манка—Козлиха и другія, которыя мужей къ жонкамъ привораживаютъ. Всѣхъ пытали въ томъ, что не имѣли ли они чего либо противъ государя и его семейства? Пытка была производима огнемъ, но несмотря на такія ужасныя мученія, ничего не оказалось кромѣ вздорныхъ нашептываній. Однако же послѣ такой пытки, когда уже не было никакихъ средствъ продолжать ихъ больше, и средства пытокъ истощились, сослали Ломанову съ мужемъ въ Пелымъ (въ Сибири), Манку-Козлиху въ Солнкамскъ, слѣпую Феклицу съ мужемъ въ Вятку, а слѣпую Дуньку въ Соль-Вычегодскъ, всѣхъ же соприкосновенныхъ къ дѣлу мастерицъ выгнали изъ дворца *).

Обвиненіе боярина Матвѣева въ чародѣйствѣ. Все выше-сказанное темнѣетъ противъ выдающагося дѣла, какимъ можно счесть обвиненіе, знаменитаго русскаго боярина, Артамона Сергѣевича Матвѣева, въ чародѣйствѣ. На него показали злобствующіе, что будто бы онъ съ докторомъ Стефаномъ, запершись въ палату, читали *черную книгу* и будто, по показанію обвинителей, въ это время являлись къ нимъ нечистые духи. По этому доносу Матвѣевъ былъ сосланъ въ заточеніе съ отнятіемъ у него всѣхъ имѣній и боярскаго сана. Будучи въ заточеніи, бояринъ Матвѣевъ много писалъ царю, патриарху, и ближнимъ своимъ боярамъ, но долго не могъ добиться успѣха. Въ одной изъ подобныхъ челобитенъ (прошеній) Матвѣева, онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее:

„При государѣ царѣ и великомъ князѣ, Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, такожде ненависти ради, подкинули письмо воровское на боярина И. Д. Милославскаго, будто онъ имѣетъ у себя перстень волшебный думнаго дьяка Грамотина, и по тому воровскому (обманному, мошенническому, вообще подложному) письму немного не пришелъ въ конечное раззореніе... А при царѣ... Алексѣѣ Михайловичѣ... Извѣтъ былъ... о волшебствѣ на боярина С. Л. Стрѣшнева, и за тотъ отвѣтъ страдалъ безвинно, честь была отнята и сосланъ въ Вологду... да и многихъ... такихъ воровскихъ писемъ было, а нныя и въ смертномъ страхѣ были...“

*) См. „*Комета*“ ст. Забѣлина. 1851 г.

Нужно замѣтить, что въ воинскомъ уставѣ, изданномъ въ 1716 году, сказано, что если кто изъ воиновъ будетъ черно-книжникъ, заговорщикъ ружья и богохульный чародѣй, то наказывать его шпицрутенами и заключеніемъ въ желѣзахъ, или сожженіемъ. Въ толкованіи же указали, что сожженіе есть обычная казнь чернокнижниковъ, входящихъ въ обязательство съ дьяволомъ *).

Страсти и ужасы, возникшіе по вѣрѣ въ колдовство и чародѣйство начали ослабѣвать послѣ реформы Петра Великаго и при томъ въ высшемъ классѣ общества, состоящемъ изъ разныхъ націй. Въ наше время во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ, да также и въ Россіи, принято считать волшебство за выдумку, за эпидемію вѣковъ, требующую жертвъ невѣжеству, и съ этого времени эта безумная попытка мести и ненависти потеряла въ народѣ свой ужасающій характеръ, а въ законѣ характеръ преступленія. Колдуны уже болѣе не сообщники дьявола, а обманщики, и если попадаются, то ихъ судятъ, какъ за обманы.

Прекращеніе преслѣдованія колдуновъ путемъ инквизиціи. Вотъ, наконецъ, и люди образумились, стали понимать суть чародѣйства. Нужно сказать, что вмѣстѣ съ чародѣями жгли и бѣсноватыхъ. Въ Вюрцбургѣ, пока жгли нищихъ - старухъ и жарили бѣдныхъ дѣтей, все обходилось хорошо, и судьи были окончательно правы въ своихъ поступкахъ, но когда дѣло дошло до лицъ знатнаго общества, то взгляды на волшебниковъ и чародѣевъ нѣсколько измѣнились.

Инквизиціонная система между тѣмъ все-таки держалась; народъ палили, умерщвляли пытками самыми жестокими, пока, наконецъ, не нанесло первый ударъ, и ударъ жестокой, сочиненіе Фридриха Спе, написанное дворяниномъ и іезуптомъ въ добавокъ, въ 1631 году. Впрочемъ, были и ранѣе: Віерусъ, Антони, Редживальдъ, Скоттъ, которые наложили значительный ударъ инквизиціи. Книга даровитаго іезуита произвела такое сильное впечатлѣніе на Филиппа Шенбрунскаго, бывшаго тогда епископомъ вюрцбургскимъ, что когда этотъ епископъ впоследствии сдѣлался майнскимъ архіепископомъ — курфюрстомъ,

*) Ся. Полное собраніе законовъ. Т. V. № 3006. Глав. I, арт. 1 и 2

то уничтожилъ въ своихъ владѣнiяхъ всякое преслѣдованiе чародѣйства. Этому, весьма разумному примѣру владѣтельной духовной особы, послѣдовалъ герцогъ Брауншвейгскiй и многiе другiе изъ государей германскихъ. А послѣднiе по крайней мѣрѣ смягчили строгость наказанiй и ограничили употребленiе пытки при допросахъ.

Въ 1701 году дѣло дошло до того, что Томарiусъ рѣшился публично защищать предъ Галдскимъ университетомъ свою диссертацию о невозможности чародѣйства, „какъ преступленiя“. Тезисъ этотъ былъ принятъ съ большимъ одобренiемъ и снискалъ благосклонное вниманiе общественнаго мнѣнiя, хотя менѣе чѣмъ за столѣтiе передъ тѣмъ, подобная диссертациа могла привести автора въ тюрьму инквизици.

Сочиненiе Томарiуса чрезвычайно успѣшно содѣйствовало къ уменьшенiю преслѣдованiя мнимыхъ колдуновъ, хотя не совершенно прекратило его. Въ послѣдствiи замѣчаемъ, что въ 1739 г., въ Сегединѣ, въ Венгрии были пытаны 13 человекъ и затѣмъ сожжены на кострѣ, за исключенiемъ одного умершаго ранѣе казни. Тѣ же сцены повторились и въ Бамбергѣ, пока, наконецъ процессъ Марiи Ренаты, обвиненной въ составленiи волшебныхъ зелий не возбудилъ ропота и неудовольствiя народа то такой степени, что сами инквизиторы были принуждены бѣжать, опасаясь за свою личную безопасность.

Въ Швейцарiи судебное преслѣдованiе волшебства прекратилось еще въ концѣ XVII столѣтiя, и послѣднiй колдунъ въ Женевѣ, погибъ на кострѣ въ 1652 году, тѣмъ не менѣе, въ 1786 году, въ Глорисскомъ кантонѣ, одна старуха была приговорена къ смерти за сношенiя съ злымъ духомъ. Сомнительно, впрочемъ, чтобы эта несчастная дѣйствительно была казнена.

Въ 1682 году Людовикъ четырнадцатый призналъ тоже, что колдовство—обманъ, и эдиктомъ своимъ предписалъ судить колдуновъ, какъ распространителей суевѣрiя и обманщиковъ, распространителей сверхъестественныхъ чудесъ и суевѣрiй. Этотъ эдиктъ былъ изданъ вслѣдствiе протеста нормандскаго парламента, сдѣланнаго по поводу отмены казни одного лица, приговореннаго за волшебство. Въ этомъ протестѣ парламентъ умолялъ короля о позволенiи продолжать судебное преслѣдованiе и казни колдуновъ.

Въ Англіи преслѣдованіе волшебства было не менѣе энергично и продолжительно. Грей, издатель *Худибраса* писалъ, что онъ своими глазами видѣлъ списокъ пяти тысячъ казненныхъ за волшебство, во время *долгаго парламента*. *Халдудъ* и *Шуазель* почтили драматическимъ воспоминаніемъ несчастныя жертвы, казненные за волшебство въ Ланкаширѣ, безумнымъ злодѣемъ Робинсономъ. Ученый Халь (Hale) осудилъ на смерть Эми Доней (Али Дону) и Розу Каллендусъ въ 1664 году, при главномъ судѣ Хонтъ, судьи оправдали старуху Маннингъ, противъ которой были гораздо полнѣйшія показанія, но умный Хонтъ, доказалъ публично всю нелѣпость чародѣйства. Этотъ примѣръ до такой степени благотворно подѣйствовалъ, что всѣ десять процессовъ о колдовствѣ, случившіеся отъ 1614 по 1701 годъ окончились оправданіемъ обвиненныхъ. Потомъ какого то колдуна присяжные осудили на основаніи самыхъ сумасбродныхъ указаній, не взирая на ученые доводы извѣстнаго судьи Поуеля (Powell). Неразрѣшенная глупость присяжными свидѣтелями, скорѣе мало разобранная, непрочувствованная, рѣшилась сама собою при помощи Пауеля, и приговоренный къ казни былъ освобожденъ.

Съ того времени, когда стали преслѣдовать волшебство и чародѣйство въ Европѣ, всѣ государства торопились одно за другимъ посчитаться между собою числомъ жертвъ принесенныхъ на алтарь безумія и сумасбродства; но прошло время и Англія, въ лицѣ какого нибудь доктора Хускинсона, похваляется тѣмъ, что она ранѣе другихъ государствъ на свѣтѣ перестала преслѣдовать волшебство. Пусть бы говорила, да такъ и дѣлала; а то извольте видѣть: Еще въ 1716 году мистрисъ Хэпксъ (Hicks) была повѣшена вмѣстѣ съ своею девятилѣтнею дочерью; чѣмъ же несовершеннолѣтняя дочь виновата? Случай этотъ былъ въ Хоннингтонѣ. Мать и дочь обвинили въ связяхъ съ дьяволомъ, говорили, что намыливая по утрамъ чулки, притягивали къ себѣ грозу. Также нашли, что у ребенка были изъ черной кожи башмачки съ красною подошвой, и это признали за подарокъ дьявола, какъ по сочетанію двухъ адскихъ цвѣтовъ, краснаго и чернаго, такъ и по запаху отъ кожи.

Англія тоже отдала свой долгъ невѣжеству; юристъ Бар-

рингтонъ считаетъ, что въ Англіи казнено и различнымъ образомъ уничтожено (повѣшено, сожжено и другой каръ предано) до 30000 лицъ обоого пола, въ числѣ котораго предано до 140 дѣтей менѣе десятилѣтняго возраста. Потомъ, смертная казнь за колдовство была уничтожена въ Англіи, въ 1766 году, и замѣнена позорнымъ столбомъ и тюрьмою за „*Вызываніе злыхъ духовъ и за стараніе войти съ ними въ сношеніе*“. Даже въ 1809 и 1827 году въ Англіи существовали процессы, гдѣ возводились обвиненія въ колдовствѣ.

Суевѣрная Шотландія особенно отличилась колдунами и, сколько запомнимъ, въ XIII вѣкѣ славились чародѣи: Михаилъ Скоттъ, Тома Херсильдоунъ, Лордъ Саулисъ, но судебное слѣдствіе противъ волшебства началось не ранѣе царствованія Маріи Стюартъ. Графиня Леммисъ (Glamis), фаворитка Іакова I, была казнена за чародѣйство и составленіе зелей. Чрезвычайно мудрено понятъ, къ чему стремились люди; можетъ быть выражалось желаніе свѣта, просилась наука, но это ужасно, если они рвались въ ту минуту, когда угрожали смертью.

Вальтеръ Скоттъ говоритъ, въ своей демонологіи, что серъ Люисъ Балгаптонъ, предсѣдатель шотландскаго уголовного суда спросилъ у колдуна Ричарда Грэхэма (Graham), можетъ ли онъ ему показать черта?

Колдунъ отвѣчалъ утвердительно и вызвалъ нечистаго духа, до того натурального, что бѣдный судья испугался и вскорѣ умеръ. Нельзя думать, что это вѣрно, тутъ было что нибудь особенное, исторія умалчивается, и мы въ подобныхъ случаяхъ можемъ не вѣрить.

Вотъ представляется еще другой примѣръ: Въ 1568 году, судили Элизу Пирсонъ; архіепископъ Патрикъ Андамсонъ, будучи тяжело боленъ, посылалъ въ тюрьму просить колдунью вылечить его, посредствомъ волшебства. и въ награду за это обѣщалъ ей свое покровительство.

Изъ этого можетъ каждый понять, какой взглядъ на колдунью имѣли даже важныя лица, да наконецъ, до какой степени эти важныя лица проникли науку, если просили помощи у простыхъ бабъ? Одно только извинительно и даже годилось бы принять кому слѣдуетъ. къ свѣденію: изученіе народной

ботаники и ея полезныхъ медицинскихъ свѣденій, извѣстныхъ въ народѣ и чѣмъ-то не нравившейся въ средѣ медиковъ. Не дурно, очень не дурно нашимъ медикамъ, какъ и литераторамъ. (Последніе, спасибо имъ, много способствовали нашей литературѣ, какъ исторической, такъ и поэзіи) изучить эту статью и раскрыть свойство тѣхъ еще не открытыхъ травъ, которыми богаты наши лѣса.

Впрочемъ, мы еще не кончили наше описаніе: Кромвель въ 1659 году, въ одномъ Глоро (Glasdom), сжегъ за разъ сто десять человекъ, будто бы имѣвшихъ какія то сношенія съ нечистою силою. Право уголовного суда, предоставлено было не только обыкновеннымъ судилищамъ, но и помѣщикамъ, ихъ управителямъ и даже пасторамъ. Они безъ аппеляціи могли присуждать волшебниковъ къ смерти, и потомъ ихъ вѣшать и жечь.

Замѣчательно, что Карлъ II уничтоживъ большую часть Кромвелевскихъ постановленій, не только оставилъ во всей силѣ законы противъ колдуновъ, но еще усилилъ противъ ихъ.

Преслѣдованіе противъ колдуновъ ослабѣло съ 1662 года и даже нѣкто Джемсъ Уельтъ, былъ публично наказанъ за доносъ о чародѣйствѣ. Но въ 1678 году, опять казнили десять женщинъ признавшихся въ связи съ адскими духами. Последний судебный приговоръ съ адскими духами, былъ произнесенъ въ 1708 году 3 мая. Колдуна Эльстета Руля, выгнали изъ отечества, а сообщницу его колдунью сожгли на кострѣ.

ВѢДЬМЫ И ШАБАШИ ИХЪ.

Изъ всего того, что было сказано ранѣе, какъ нашими писателями, такъ равно и иностранными, выводимъ: Иностранцы писатели говорятъ до того согласно съ нашими русскими, не писателями, а сказаніями и повѣрьями, что мы рѣшаемся дать общее понятіе, какъ о вѣдмахъ, такъ равно и шабашахъ, и ручаемся за согласность въ общемъ хотя, такъ сказать, мѣстомъ празднованія вѣдьмъ, были: то вершины горы Броккенъ, то Лысой горы близъ Кіева, а то и Блокула въ Швеціи.

Западные вѣдьмы. Вообще вѣдьмамъ назывались колдуны или вѣдуны, которымъ приписывали способность портить лю-

дей и входить въ плотскія сношенія съ дьяволомъ. Колдуны, и преимущественно колдуньи, ложась въ постель, натирались мазью, составъ которой сталъ теперь довольно извѣстенъ; она состояла изъ слѣдующихъ предметовъ специально наркотическихъ. Тутъ были: Акониѣ или Борецъ (*aconitum napellus*), Красавица (*atropa belladonna*), Бѣлена (*hyosciamus niger*). *) Черемица (*helleborus niger*). Дурманъ (*datura stramonium*), Вѣдьмина трава (*cicuta luteola*) и можетъ быть много другихъ, производящихъ на тѣло и мозгъ наркотическое опьяненіе. Намазавшійся такою мазью, погружается въ глубокой сонъ исполненный разныхъ грезъ и воображалъ, что онъ верхомъ на помелѣ, или ухватѣ, отправляется на шабашъ. Тамъ ему представлялся дьяволъ въ видѣ чернаго козла, сидящій на камнѣ или гнѣломъ пшѣ; случалось впрочемъ, что злой духъ, являлся въ видѣ мужчины весьма высокаго роста, въ одеждѣ черной съ краснымъ, съ козлиными ногами. Но лицо злаго духа въ человѣческомъ образѣ, никто не могъ видѣть. Предъ козломъ совершалось поклоненіе самымъ мерзостнымъ образомъ, котораго мы не рѣшаемся высказать. Довольно того, что здѣсь совершался полный разгулъ разврата. Потомъ начинались танцы людей съ чертями, принявшими формы лягушекъ, козловъ, и мгновенно превращавшихся въ красивыхъ молодыхъ людей. Танцевали, обыкновенно спина со спиною. За танцами слѣдовалъ роскошный ужинъ, во время котораго совершались разныя пародіи на обряды Христіанской церкви, напирѣръ: крестили жабъ, вѣнчали жида съ лягушкою и совершали множество гадостей не только противныхъ духу христіанскаго вѣроученія, но даже законамъ природы. Послѣ ужина совершались различныя мерзости. Наконецъ, каждый изъ посѣтителей, утомясь излишествами всякаго рода, пресыщенный вполнѣ, вдругъ невѣдомо какимъ путемъ возвращался и просыпался въ своей постелѣ.

Шабашы происходили каждую ночь, но преимущественно съ субботы на воскресенье и разнообразились только видами грѣховъ и совершаемыхъ гадостей. Главный годовой шабашъ праздновался въ ночь на Ивановъ день. Въ эту знаменитую

*) Бѣлена возбуждаетъ въ сонномъ человѣкѣ ощущеніе летанія по воздуху.

волшебствомъ ночь, черти, по увѣренію колдуновъ, приобрѣтали самую высшую силу и бродили съ вечернихъ до утреннихъ сумерекъ. Суевѣрные люди не выходили въ эту ночь со двора, а благочестивые, проводили эту ночь въ молитвѣ и чтеніи духовныхъ книгъ. Въ это же время колдуны, приносили дьяволу жертву, желая что нибудь получить отъ него, какъ милость. Жертвами этихъ сумасшедшихъ изувѣровъ нерѣдко были: кровь новорожденныхъ младенцевъ, нерѣдко вырѣзанныхъ изъ утробы матери, волосъ, ногти, черныя кошки, или черныя козлы; даже облаты католической эвхаристіи, тайно удержанной во рту.

Двойное зрѣніе. Такъ, напримѣръ, въ Шотландіи долгое время вѣрили, что для полученія двойнаго зрѣнія, то есть, получить особый даръ видѣть то, чего не видятъ прочіе, нужно сжечь сорокъ кошекъ, это дѣлали такъ: съ пятницы на субботу, избирали пустынное мѣсто, и припасали нужное количество дровъ; ровно въ полночь колдуны читали заклинаніе надъ 40 кошками, которыхъ посвящали высшему злему духу; когда заклинанія были окончены, тогда колдунъ бралъ заостренный желѣзный пруть или деревянную палку, и медленно жарилъ надъ огнемъ живую. Понятно, что кошка въ мученіяхъ умирала, мяуча страшнымъ образомъ. Послѣ послѣднихъ стонувъ, колдунъ, бросалъ кошку въ костеръ и начиналъ поочередно ту же операцію надъ прочими.

Боль и страданія кошекъ вслѣдствіе заклятій, будто бы, симпатически переходили на того духа, которому преданы были животныя. Мучимый демонъ, высылалъ изъ ада подчиненныхъ ему бѣсенятъ, которые являлись въ видѣ призраковъ — кошекъ, но онъ, не обращая вниманія на всѣ ухищренія демона, продолжалъ уничтожать животныхъ и послѣ сороковой, будто бы, приобрѣталъ двойное зрѣніе. Но если онъ желалъ получить отъ демона что либо болѣе важное, то продолжалъ свою адскую операцію цѣлыхъ трое сутокъ, безъ перерыва. Тогда къ нему являлся самъ демонъ, въ видѣ огромнаго чернаго кота и исполнялъ все, что требовалось колдуномъ *).

Шведскій процессъ надъ вѣдьмами. Вотъ одинъ замѣча-

*) Въ Шотландіи, этого рода жертвоприношеніе называлось Тейхеръ (Taighern).

тельный процессъ, о которомъ пишетъ Хотинскій. Въ Мора, въ Швеціи, въ 1669 году нашли множество дѣтей съ нервными припадками безумной фантазіи, что будто бы всѣ они летаютъ на гору Блокулу, на шабашъ вѣдьмъ. Нужно сказать, что для шведскихъ вѣдьмъ, эта *Черная* скала была тоже, что *Лысая* для русскихъ вѣдьмъ. Гора эта находится посреди моря, между Смаландомъ и Оландомъ. Названіе свое она получила отъ колдуновъ, которые умѣли вызывать бурю, вѣтеръ, грозу; ихъ называли блокула, блакула. Въ этомъ обвиняли колдуній, сильно расплодившихся въ тѣхъ мѣстахъ. Вѣсти дошли до короля, который назначилъ особую комиссію, для изслѣдованія. Колдуньи показали, что они уносили дѣтей на Блокулу для служенія дьяволу, который являлся туда одѣтымъ въ сѣрое платье, красные панталоны и чулки, и имѣлъ при этомъ рыжую бороду. Онъ ѣздили туда верхомъ на разныхъ животныхъ, даже на людяхъ. Каждая колдунья, записывала собственною кровью свое имя, въ книгу сатаны. Потомъ, лишенный званія пасторъ, переводилъ ихъ въ дьявольскую вѣру. За ужиномъ на шабашъ, онъ ѣлъ щи, свиное сало, овсянку, масло и сыръ. Потомъ начиналась пляска, сопровождаемая ссорами и драками. Вѣдьмы плясали вокругъ дьявола и дрались помелами, ухватами, кольями и т. далѣе. Если же, которая изъ нихъ не правила черту, то онъ, выхвативъ изъ подъ нее импровизированную лошадь, сильно колотилъ вѣдьму, тѣ же, которыя нравились, провожали съ нимъ ночь. Когда злой духъ бываетъ боленъ, (вотъ какъ!) то вѣдьмы служили ему сидѣлками.

Русскія вѣдьмы и Мары. Женщины, занимающіяся колдовствомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, называются *Марами* *). Ихъ различаютъ на наследственныхъ, которымъ наука колдовства идетъ по наследству, и ученыхъ, выучившихся отъ другихъ вѣдьмъ, или маръ. Последнія, по повѣрью народа, опаснѣе первыхъ: ихъ полетамъ на Лысую гору, народное повѣрье приписываетъ единственно цѣль совѣщаній съ собирающейся тамъ нечистою силою, дѣлать зло человѣку. Доеніе

*) Напр. въ Воронежской губ. Священникъ магистръ Федоръ Никоновъ. У Киргизовъ — *Ддэса-Абугаръ*.

или выдаиваніе коровъ. народъ также относитъ преимущественно къ вѣдмамъ ученыхъ. Страстныя охотницы до молока, онѣ наносятъ вредъ каждому домохозяину, истощая его коровъ. Говорятъ, вѣдма можетъ донть коровъ, несмотря ни на какое разстояніе, стоить ей только очертить кругъ на землѣ съ заговоромъ и въ центръ его воткнуть ножъ. Молоко (будтобы) задуманной ею коровы потечетъ изъ него само собою.

Ночь на Ивана Купалу считается самую опасною отъ нападенія вѣдмъ: домохозяева принимаютъ всѣ мѣры, чтобы оградить отъ нихъ свой скотъ; они кладутъ въ окнахъ извъ крапиву, какъ противудѣйствующій предметъ чародѣйству вѣдмъ, вѣшаютъ на дверяхъ хлѣбовъ убитую сороку, или приплѣпливаютъ срътенскія восковыя свѣчи.

Вѣдмы производятъ колдовство чрезъ заговоры и наговариваніе разныхъ травъ, которыя онѣ собираютъ преимущественно въ ночь на Ивана Купала. Травы эти (папоротникъ, бѣлоголовникъ, шалфей, плакунъ, дурманъ, адамова голова, Иванъ да Марья, чертополохъ, подорожникъ, полынь и пр.) въ рукахъ обыкновенныхъ людей не имѣютъ такой силы, какъ въ рукахъ вѣдмъ; тѣ, приготовляя изъ нихъ мази и натирая имъ свое тѣло, могутъ принимать по желанію виды различныхъ животныхъ, напримѣръ свиньи. Если поймать такую вѣдму-оборотня и бить ее на отманъ осиновымъ коломъ, то она непременно приметъ свой настоящій видъ. Толкуютъ, будто въ это время вѣдма откажется отъ своего ремесла. Легенды о вѣдмахъ говорятъ, что онѣ одарены возможностью превращать и людей въ животныхъ, или въ птицъ.

Смерть, какъ колдуну, такъ равно и вѣдмѣ; приходится плоха. Одно средство для облегченія умирающаго въ этомъ случаѣ—поднять надъ его постелью доску въ потолокъ, или слегу, отъ чего думаютъ, душа скорѣе освободится отъ тѣла колдуньи, или колдуна (говорится безразлично).

Со смертью вѣдмы, не прекращаются еще ея сношенія съ землею; ненавистница при жизни, она, по мнѣнію суевѣровъ остается долгое время ненавистницею рода людскаго и послѣ смерти. Какъ и колдуны онѣ встаютъ изъ гробовъ и ходятъ по землѣ; избавиться отъ нихъ можно только однимъ—вколотить въ могилу и въ самый трупъ—основной колъ.

Мало того, что сейчас сказано о вѣдмахъ, про нихъ говорили, что онѣ отнимаютъ плодородіе земли, приносили безплодіе и голодъ, вредили произростанію овощей и плодородію животныхъ. Портили не только свадьбы, но даже скотъ.

Защита противъ вѣдмъ и колдуновъ. Противъ колдуновъ и вѣдмъ нашлись люди, которые составили заклинанія и заговоры. Въ этихъ заклинаніяхъ они просили защиты противъ бабыхъ зазоръ и чернокнижія, отъ заговорнаго кудесника, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи—вѣдуны, отъ вѣдмы Кіевской и отъ сестры ея Муромской. Нужно замѣтить, при этомъ, что прежде вѣрили, будто бы слѣпые находятъ лучше всѣхъ зрячихъ—траву, „не чуй вътеръ“, которая очень пригодна для колдуновъ.

Противъ колдуновъ и вѣдмъ употребляли траву чернобыльникъ, крапиву, и плакунъ—траву, которая и сей часъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ адамовой головою и Петровымъ крестомъ, у Москворѣцкихъ воротъ и на Глаголь продается за хорошую цѣну.

18 января у вѣдмъ бываетъ праздникъ; а потому люди суевѣрные, принимаютъ знахаря ровно въ полночь, чтобы заговорить трубы, забить подъ княжекъ колъ, насыпать на заignetку золу изъ семи печей; все это, разумѣется, дѣлается съ цѣлью отвратить дурныя наклонности колдуній и вѣдмъ, стремящихся ко злу противъ всего человѣчества.

Чѣмъ же дѣйствовали вѣдмы? а вотъ чѣмъ—травами. Вѣдмы по почамъ собирали различныя зелья и варили ихъ въ горшкѣ, а потомъ съ паромъ вмѣстѣ уносились въ трубу, когда готовое зелье, закипитъ. Для такого аэростатическаго зелья онѣ варили шалфей, руту и терличъ; послѣдняя трава, какъ говорятъ, способна была для превращеній.

По народному повѣрью, вѣдмы, какъ и другіе колдуны, могутъ не только превращать себя, но и превращать людей въ животныхъ и даже въ неодушевленные предметы.

Вѣдма получила свое названіе отъ того, что она „вѣдуныя“, знающая, свѣдующая; названье происходитъ отъ глагола „вѣдать“ знать. Поэтому она ничто болѣе, какъ знахарка. Но пылкое воображеніе жителей юга Россіи, гдѣ родина вѣдмъ *),

*) Понятіе о вѣдмахъ, о ихъ сборищахъ и шабашахъ непременно возникло съ запада Европы. Намъ негдѣ было иначе получить такое понятіе.

придало много особенности этим колдуньям. Про вѣдьмъ говорятъ, что онѣ имѣютъ хвостъ *), могутъ летать по воздуху, превращаться въ сорокъ, оборачиваться въ свиней и другихъ животныхъ, перекинувшись черезъ двѣнадцать ножей. Не мало объ нихъ говорили и говорятъ. Толкуютъ, что будто бы вѣдьмы любятъ послѣ своей смерти сосать кровь изъ младенцевъ и молодыхъ людей, обоого пола.

Про нихъ говорятъ также и много хорошаго: напримѣръ говорятъ, что вѣдьмы гостепріимчивы, ласковы и хороши; это, разумѣется, до русскихъ колдуній касается, что и говорили русскіе солдаты. Но если медаль обратить на изнанку, то она, скажетъ другое: Онѣ подчасъ, какъ женщины, бываютъ очень пугливы. Говорятъ, чтобы напугать вѣдьму и обезоружить ея дѣйствія, нужно въ той избѣ, гдѣ она находится, въ крестъ оконной рамы, въ косякъ дверей, служащій перекладиной, или же въ грядку, подъ столомъ, воткнуть ножъ, и колдунья будетъ покорна. Можно всего вѣрнѣе думать, что вѣдьма, какъ женщина, побоится за себя и свою жизнь, при видѣ того, кто такъ безцеремонно упражняется съ смертоноснымъ орудіемъ.

Скорѣе всего вѣдьмами въ старину называли деревенскихъ бабокъ — повитухъ, знакомыхъ съ различными приемами и въ другихъ болѣзняхъ, свѣденія о которыхъ особенно нужны при ихъ спеціальности. Если такія женщины въ старину получили названіе знахарокъ или вѣдьмъ, то есть вѣдуній, свѣдущихъ, то конечно не въ бранномъ или презираемомъ смыслѣ, а если это слово со временемъ получило дурное значеніе, то, вѣроятно, вслѣдствіе дурныхъ событій и уже въ послѣдствіи слово „Вѣдьма“ стало браннымъ.

Хотя нѣтъ данныхъ, но можно предполагать, что понятіе о вѣдьмахъ возникаетъ со времени язычества и также можно думать, что Лысая гора въ старину имѣла капище, куда сходились жрецы и вѣдьмы. Такъ думаетъ и Снегиревъ **), при описаніи 1 мая.

Оборачиваніе вѣдьмъ въ животныя. Говорятъ въ народѣ, что вѣдьма или колдунья, желая обратиться въ какое либо жи-

*) Нѣсколько лишнихъ позвонковъ на протяженіи позвоночнаго столба.

***) См. Русскіе простои. Празд. Часть III, стр. 87.

вотное, перекувыркивается через двѣнадцать ножей. Про нихъ говорятъ также, что онѣ иногда превращаются въ копны сѣна.

Отчего нѣтъ сороки въ Москвѣ *). Въ Москвѣ существуетъ повѣрье, что сороки оттого въ Москву не залетаютъ, что св. Алексій, митрополитъ Московскій, заклалъ ихъ, замѣтивъ подъ видомъ сороки—вѣдьму. Говорятъ также, что часто въ старину, снимая шкуру съ медвѣдицы, находили тамъ бабу въ сарафанѣ.

Вѣдьмино селеніе **). Въ деревняхъ вѣрятъ, какому то особенному предчувствію, по которому поселяне будто узнаютъ о пребываніи среди ихъ вѣдьмъ, люди свѣдующіе въ примѣтахъ, люди умѣющіе ихъ растолковать, придумали признаки, указывающіе прямо не на людей, а на землю. По этимъ признакамъ владѣтель земли, или самъ имѣеть сообщеніе съ духами, или его жена вѣдьма, (колдунья). Такіе признаки по увѣренію знахарей есть слѣдующіе:

Въ лѣтнее время поселяне, выходя на работу, часто замѣчаютъ на лугахъ или зеленые или желтые круги. Увидѣвши это, они прежде всего узнаютъ, чье это поле? Много ли поломалось кося? Потомъ распускаютъ молву, что круги появились недавно, а прежде ихъ не было; самъ хозяинъ, если онъ старикъ, поверстался въ колдуны, на этихъ кругахъ; что старая женщина въ семействѣ, покумилась съ вѣдьмами; что вѣдьмы собираются плясать сюда каждую ночь. Но какъ мужчины всегда скоро избавляются отъ нареканій, то вся вина падаетъ на женщинъ. Слѣдствіемъ такого подозрѣнія бываютъ, вообще, отчужденіе, ненависть, мщеніе, худые толки, пересуды. Такая новость для знахарей, есть золотой кладъ. Людей, прибѣгающихъ за совѣтомъ, они предостерегаютъ отъ бѣды, ихъ ожидающихъ, увѣряя, что они сами видѣли, какъ новая вѣдьма хочетъ извѣсть всю деревню. Распуская такіе слухи, знахари каждый вечеръ, принимаютъ посѣтителей съ поклонами, съ подарками и просьбою защитить ихъ отъ вѣдьмы. Знахарь, собравши со всей деревни припасы, идетъ въ поле, скапываетъ круги съ земли и тѣмъ дѣло оканчивается.

*) Абевега.

**) Сказ. Русск. народа. Сахарова. Томъ I. Изданіе третье 1841 г.

Пѣсни вѣдьмъ. Въ сказаніяхъ Сахарова помѣщены слѣдующія пѣсни вѣдьмъ, которыя онѣ поютъ при полетѣ на шабашъ къ Лысой горѣ. Эта *абракадабра*. Въ демонологіи она имѣетъ слѣдующую форму:

а
 а б
 а б р
 а б р а
 а б р а к
 а б р а к а
 а б р а к а д
 а б р а к а д а б
 а б р а к а д а б р
 а б р а к а д а б р а
 а б р а к а д а б р
 а б р а к а д а
 а б р а к а
 а б р а
 а б р
 а б
 а

Въ народѣ существуетъ такое понятіе, что будто бы при каждомъ звукѣ вылетаетъ по одному духу изъ ада. Говорятъ также, что абракадаброю лечатъ отъ лихорадки. Слово абракадабра давно извѣстно въ Европѣ и Азіи. Еврейскіе магики вмѣсто слова *абракадабра* принимали слово *абракаданъ*. Одни производили это слово отъ Сирійскаго ідола, другіе отъ персидскаго *авраксаксъ*, означающаго бога солнца—Митру, нѣкоторые составляли изъ расположенія словъ числа 1, 2, 100, 1, 60, 1,200, что составляетъ 365, число дней солнечнаго года.

Въ заповѣдныхъ преданіяхъ поселянъ есть повѣрье, что какой то казакъ забравшись на Лысую гору подслушалъ пѣсню

вѣдьмъ; на шабашное сборище, узнавши объ открытіи, утопило казака въ рѣкѣ. Съ тѣхъ поръ эта пѣсня гуляетъ по бѣлому свѣту и передается чародѣямъ только вѣдьмамъ. Нѣтъ никакой возможности постигнуть смыслъ этихъ словъ: вотъ они:

К у м а р а.

Пихъ, пихъ, запаламъ, бада,
Эшехомо, лаваса, шпббода.

К у м а г а.

А. а. а. — о. о. о. — і. і. і. — э. э. э.
у. у. у. — е. е. е.
Ла, ла, собъ, лі, лі собъ, лу лу собъ!

Ж у н ж а н ъ.

Вихада, ксара, гуятунъ, гуятунъ
Лифа пррада, гуятунъ, гуятунъ.
Наппалимъ, вапшба, бухтара.
Мазитаиъ, руахаиъ, гуятунъ.

Ж у н ж а н ъ.

Яндра, кулайнеми, яндра.

Я н д р а *).

Д О М О В Ы Е.

*Происхожденіе домовыхъ **).* Богъ, при столпотвореніи Вавилонскомъ наказалъ народъ, дерзнувшій проникнуть тайну его величія, смѣшеніемъ языковъ; а главныхъ изъ нихъ, лишивъ образа и подобія своего, опредѣлилъ на вѣчныя времена сторожить воды, лѣса, горы и пр. Кто въ моментъ наказанія находился въ домѣ, сдѣлался—домовымъ, въ горахъ—горнымъ духомъ, въ лѣсу—лѣсовикомъ. Повѣрье прибавляетъ, что не-

*) Пѣсни вѣдьмъ на неизвѣстномъ языкѣ, можетъ быть даже на необычномъ, можно читать въ Сказ. Русск. Нар. Сахарова. Можно ли вѣрить тому что онѣ заимствованы отъ какого нибудь народа?

**.) Въ Воронеж. губ.

смотря на силу грѣха, раскаяніе можетъ обратить ихъ въ первобытное состояніе, поэтому народъ видитъ въ этихъ безтѣлесныхъ существахъ, падшихъ людей и придаетъ имъ чело-вѣческія формы и свойства. У Вотяковъ домовой называется— *албастъ*.

По общимъ понятіямъ, домовой представляетъ духъ безкры-лый, безтѣлесный и безрогій, который живетъ въ каждомъ домѣ, въ каждомъ семействѣ. Отъ сатаны онъ отличается тѣмъ, что не дѣлаетъ зла, а только шутитъ иногда, даже оказываетъ услуги, если любитъ хозяина, или хозяйку. Онъ предъ кончи-ною кого нибудь въ семействѣ, воеетъ, иногда даже показы-вается кому нибудь изъ семейства, производитъ стукъ, хлопаніе дверями и пр. По общему повѣрью, живетъ онъ по зимамъ близъ печки, или на печи, а если у хозяина есть лошади и конюшня, то помѣщается близъ лошадей. Если лошадь ему нравится, то домовой холитъ ее, заплетаетъ гриву и хвостъ, даетъ ей кор-ма, отъ чего лошадь добрѣетъ, и напротивъ, когда ему живот-ное не по нраву, то онъ ее мучаетъ и часто заколачиваетъ до смерти, подбиваетъ подъ ясли и пр. Отъ этого мнѣнія многіе хозяева покупаютъ лошадей той масти, которая *ко двору*, то есть любима домовымъ.

Если домовой полюбилъ домашнихъ, то онъ предупреждаетъ въ несчастіи, караулитъ домъ и дворъ; въ противномъ же слу-чаѣ, онъ бьетъ и колотитъ посуду, кричитъ, топаетъ и пр.

Тому, кого любитъ, завиваетъ волосы и бороды въ косы, а кого не любитъ, то ночью щиплетъ до синяковъ. По этимъ синякамъ судятъ, о какой нибудь непріятности особенно, если синякъ больно. Также наваливается во время ночи на спящего и давитъ его, такъ, что въ это время цельзя или пошевелиться, ни сказать слова. Обыкновенно эта *стѣнь* наваливается на того, кто спитъ на спинѣ, въ это время спрашиваютъ, къ худу или къ добру, а домовой отвѣчаетъ мрачнымъ голосомъ— „да“ или „нѣтъ“.

Говорятъ, что онъ не любитъ зеркалъ, также козловъ, а равно тѣхъ, кто спитъ близъ порога, или подъ порогомъ. Иногда слышать, какъ онъ, сидя на хозяйскомъ мѣстѣ зани-мается хозяйской работой, между тѣмъ, какъ повидимому ни-чего этого не видно. Особенно любитъ домовой жить въ ба-

няхъ и париться, а также въ ригахъ и въ другихъ теплыхъ мѣстахъ, тоже его слышать и въ театрахъ.

Въ простомъ народѣ къ домовому питають уваженіе, такъ что мужичекъ бонтя его чѣмъ либо оскорбить и даже остерегается произнести его имя безъ цѣли. Въ разговорахъ не называютъ его домовымъ, а „дядушкой, хозяиномъ, *набольшимъ* или *самимъ*“. При переходѣ, или переѣздѣ изъ дома въ другой, непремѣнною обязанностью считаютъ въ послѣднюю ночь, предъ выходомъ изъ стараго дома, съ хлѣбомъ-солью просить домоваго на новое мѣсто. Хозяйство каждаго, по ихъ мнѣнію, находится подъ вліяніемъ домоваго. Говорятъ, что домовою не любятъ лѣнливыхъ, особенно вѣтренныя мельницы.

Если домовою не будетъ любить хозяина, то онъ начинаетъ проказить; въ этомъ случаѣ предъ порогомъ дома зарываютъ въ землю черепъ, или голову козла. Вотъ такъ называютъ домоваго *Албастъ* или *Коболтъ* и вѣрятъ, что домовою живетъ въ старыхъ домахъ, которые они сжигаютъ.

В о д я н ы е.

Водяной, водяникъ, живетъ въ водѣ, откуда онъ выходитъ рѣдко; его любимымъ мѣстомъ рѣчные омуты, да притомъ близъ водяныхъ мельницъ. Водяному приписываютъ тоже значеніе, что и домовому, чему служить доказательствомъ пословица: „*дядушка водяной, начальникъ надъ водою*“. Ему также приписываютъ власть надъ русалками, которыя поэтому не составляютъ самобытнаго божества. Народъ олицетворяетъ водянаго старикомъ, постоянно покрытымъ болотною травою. Водяной тоже требуетъ себѣ уваженія. Местъ его заключается въ порчѣ мельницъ, въ разгонѣ рыбы, а иногда, говорятъ, онъ посягаетъ и на жизнь человека. Ему приписываютъ сома, какъ любимую рыбу, на которой онъ разъѣзжаетъ и которая ему доставляетъ утопленниковъ. За это сома называетъ народъ— чертова лошадь.

Л ѣ ш і й.

Лѣсовикъ, лѣшій, олицетворяется сходно съ домовымъ. Власть лѣшаго ограничиваютъ одними лѣсами; а жилищемъ его пред-

полагають густые камыши и лѣсныя труппы. Лѣшій, какъ и домовой, можетъ явиться къ человѣку въ разныхъ видахъ, но онъ всего чаще показывается дряхлымъ старикомъ. Ему приписываютъ то, что онъ любитъ кричать въ лѣсу, пугая тѣмъ народъ, заводитъ, и когда шутка удастся, то хохотать и хлопать въ ладоши. Если кого онъ заведетъ въ лѣсу, то народъ думаетъ, что стоитъ только вывернуть всю одежду на изнанку, чтобы выдти изъ лѣсу. Лѣшій, это русскій Фавнъ или Сатиръ. У Вотякъ лѣшій называется „Алидъ“. Вотяки думаютъ, что онъ имѣетъ одну ногу, и ту на выворотъ, пяткою впередъ, одинъ большой глазъ и также одну преобладающую титку, которую всунувъ человѣку въ ротъ, его задушиваетъ. У Черемисъ—*Видашъ*—покровитель звѣрныхъ промысловъ.

Кикимвры, кикиморы, шишиморы, шишиги.

Такъ называются, по народному суевѣрью, духи низшаго разряда, тоже принадлежащія къ домашнимъ духамъ.

У древнихъ славянъ, кикимвра была ночное божество сонныхъ мечтаній. Нынѣ кикимрами или кикиморами называютъ некрещенныхъ, или проклятыхъ во младенчествѣ матерями дочерей, которыхъ уносятъ черти, а колдуны сажаютъ ихъ къ кому нибудь въ домъ; кикиморы хотя бываютъ невидимы, но съ хозяевами говорятъ и обыкновенно по ночамъ прядутъ. Онѣ если не дѣлаютъ живущимъ въ домѣ вреда, то производятъ такой шумъ, что пугаютъ и беспокоятъ. Говорятъ, что нѣкоторые плотники и печники, осердясь на того хозяина, который долго не отдаетъ заработанныхъ денегъ, сажаютъ ему кикиморъ въ домѣ, отчего происходитъ такой шумъ и разнаго рода дурачество невидимой силы, что хоть бѣги изъ дома. Но лишь только домохозяинъ расчтается, все прекратится само собою.

Шишиморы, шишиги, это беспокойные духи, которые стараются съозорничать надъ человѣкомъ, въ то время, когда тотъ торопится и что либо дѣлаетъ безъ молитвы. Сюда также относятъ *шошъ*, то-есть безрукаго, безногаго, невидимаго духа, который тоже признается большимъ озорникомъ, кото-

рому нѣкоторые суевѣры клали за столомъ лишнюю ложку и кусокъ хлѣба.

Проклятыя дѣти.

Въ народѣ упорно развито убѣжденіе, что есть особенныя существа, живущія невидимо на землѣ, иногда, впрочемъ, показываются, или могутъ превращаться въ какое либо животное, а также причинять людямъ вредъ. Это дѣти—проклятыя родителями.

Въ самомъ дѣлѣ, уже не говоря о томъ, что суевѣрный страхъ можетъ развивать всякаго рода уродливую фантазію, такъ какъ у страха глаза велики, но, оно расходится съ понятіемъ, что судъ и проклятіе принадлежать Богу.

Между тѣмъ въ дѣйствительности у родителей грубыхъ, не имѣющихъ никакого понятія о воспитаніи, часто срываются съ языка слова: „чтобъ тебя чертъ побралъ! будь ты проклятъ!“ или подобную этому брань, и кому же это произносится? дитяти, который, рѣзвясь, поупрямился, или просто мѣшаетъ родителямъ въ ихъ занятіи. Если и простой брани не должно произносить ребенку, а дѣлать внушеніе съ ласкою, то проклятіе уже, конечно, совсѣмъ непозволительно уже по одному христіанскому чувству.

Въ народѣ существуетъ повѣрье, что проклятыя дѣти пропадаютъ, а особенно тѣ изъ нихъ, которыя были рождены и не крещены, или и ходящія, безъ креста. Дѣти, какъ говоритъ повѣрье, уносятся стариками и куда—неизвѣстно. Говорятъ, что этотъ старикъ ихъ поитъ и кормитъ, отпускаетъ гулять, словомъ, заботится, какъ нѣжный отецъ. Но кто этотъ таинственный старикъ, гдѣ воспитываетъ дѣтей—неизвѣстно. Говорятъ, что онъ кормитъ всѣми тѣми явствами, которыя хранятся у христіанъ безъ молитвы, и беретъ будучи невидимымъ; точно также поступаетъ съ бѣльемъ и платьемъ, въ которое одѣваетъ дѣтей.

Легендамъ подобнаго рода можно придать давность отъ временъ язычества. Весьма немудрено думать, что древніе жрецы, скрываясь отъ христіанъ въ лѣсахъ, брали заблудившихся въ лѣсу дѣтей подъ свое покровительство и воспитывали въ духѣ

язычества, чтобы поддержать молодыми свѣжими силами угасающее языческое вѣрованіе.

Вотъ разсказъ одной женщины *), который передаемъ, хотя за достовѣрность его ручаться и не можемъ, а только можемъ судить изъ этого, насколько у насъ въ Россіи жива вѣра въ чудесное, и вѣра въ оборотней и кикиморъ, и какъ эти убѣжденія крѣпко укрѣпились въ народѣ:

„Я была маленькою“, разсказывала она, „лѣтъ пяти или шести, когда къ моей теткѣ, въ нашемъ же домѣ, поздно вечеромъ, когда дяди дома не было, постучался какой-то прохожій; тетка уже завернула ноги на палати и хотѣла ложиться спать; я, услыша въ волоковое окно стукъ и, считая что это пріѣхалъ дядя, поспѣшила къ окну и отворила.

— Дай испить кормилица.

— Поди далѣ, тамъ подадутъ, сказала тетка моя въ отвѣтъ на просьбу и приказала затворить окно.

— Ну, помни же это, голубушка, пригрозилъ прохожій и пошелъ далѣе.

Теткѣ моей было не жалко дать испить, продолжала разсказщица, оправдывая поступокъ родственницы, да она боялась потому, что дорога-то наша была столбовая, такъ и частенько таки на ней пошаливали въ старину-то. А оставалась-то она одна съ дѣтьми, даже о ту пору и работники-то въ полѣ за-ночевали. Дѣло-то было страдное. Мало думая объ угрозы проходаго, тетка уработавшись до сыта, скоро заснула.

На утро другаго дня воротился и дядя. Тетка отворила ворота и онъ вѣхалъ въ нихъ, не слѣзая съ телѣги. Но вотъ что было вдоmekъ при этомъ: съ нимъ вмѣстѣ вѣхала во дворъ змѣя, пестрая, красивая, которая въ это время вилась на ступицѣ и тутъ же пропала, какъ скоро телѣга переѣхала чрезъ отваленную подворотню.

Тетка ахнула, дядя испугался и, схвативъ кнутъ, сталъ бросаться изъ угла въ уголъ, чтобы ее захлестануть; тетка же смотрѣла во всѣ стороны, но змѣя, словно сквозь землю провалилась. Такъ и не нашли змѣю.

*) Бывшей крестьянки князя Х. изъ одного подмосковнаго села, старушки около 70 лѣтъ, Аграфены Кулцовой и по днесь еще здравствующей. *Составитель.*

Съ этой-то поры стали замѣчать въ домѣ что-то странное, говорила старуха, какъ будто что-то невидимое, но живое между нами жило и дѣлаетъ во всемъ помѣху. То горшки, которымъ нужно стоять въ печи, найдутъ подъ печкою, то какая нибудь посуда вывалится изъ рукъ, то вещь какая очутится гдѣ нибудь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ей быть не слѣдуетъ, напримѣръ, лапотъ въ горшкѣ со щами. Словомъ, было каждый день по столыку проказъ, што и не выговоришь; между тѣмъ подозрѣвать было некого. Стали съ сосѣдями объ этомъ дѣлѣ думать, да гадать, да и дома матушка съ батюшкой совѣтоваться, говорить Купцова. Подумали и рѣшили позвать колдуна изъ одной деревни верстъ за пятнадцать, чтобы онъ дѣло разрѣшилъ, да изъ головы долой. Вѣдь и то: на всѣхъ думно, а кто виноватъ—не знаемъ. Колдунъ пріѣхалъ; а ужъ предъ этимъ накрыли на столъ, поставили на столъ самоваръ, приготовили чай, графинъ настойки; домъ у тетки былъ зажиточный.

Колдунъ былъ старикъ высокій, дородный, одѣтъ въ синемъ халатѣ, въ поярковой шляпѣ; оглядѣлся и сѣлъ въ передней уголь. Дядя и тетка принялись угощать гостя и просить помочь горю, о которомъ ему ранѣе обо всемъ было рассказано.

— Ничево, ничево!... это дѣло плевое, намъ и не такія дѣла приходилось обламывать, говоритъ колдунъ, а самъ такъ и погоняетъ рюмка за рюмкой въ свою утробу.

Посидѣлъ съ полчаса, а можетъ быть и болѣе, все ничего... только, вдругъ смотрятъ, а на потолокъ висятъ пара лаптей и мотаются.

— А! пошучиваетъ.... Погоди, погоди!... Вотъ я тебя!... И пропустилъ еще рюмку для храбрости. Потомъ взглянулъ на свою шляпу, а она вся изрѣзана, такъ что на голову надѣть нельзя. Колдунъ вспылилъ и началъ шептать какіе-то паговоры.

Не тутъ-то было. Правда, лапти съ потолка упали на полъ, за то у колдуна оказались сапоги и шаровары на ремешки изрѣзанными.

Колдунъ схватилъ унавшіе съ потолка лапти, выбѣжалъ въ сѣни; тамъ надѣлъ ихъ и опроретью припустился скорымъ шагомъ по улицѣ.

— Что же, кормилецъ? Помогли!

— Нѣтъ, тутъ посильнѣе меня, я не въ силахъ... хвастать нечего... и съ этими словами ушелъ.

Погоревали дядя съ теткой и рѣшились завтра отправиться къ священнику просить его, чтобы онъ отслужилъ въ домѣ молебень. Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Съ утра прибрали избу, накрыли столъ скатертью, приготовили что нужно и отправились къ священнику, которому и рассказали все дѣло. Священникъ давно уже слышалъ объ этомъ и тѣмъ съ большею охотою пожелалъ исполнить желаемое, что былъ хорошъ съ семействомъ моего дяди.

Лишь только пришли въ избу священникъ и причтъ въ сопровожденіи дяди и тетки, какъ увидѣли, что на печи стоятъ образа вынутые изъ божницы передняго угла, и предъ ними разставлены горячія восковыя свѣчи.

Вотъ тебѣ и разъ! вскричала тетка сплеснувъ руками.

— Ну что же, замѣтилъ священникъ, на всякомъ мѣстѣ Владычество Его, и началъ молебень.

Прошло нѣсколько времени послѣ этого и все стало, какъ будто тише.

Однажды лѣтомъ мы, ребятенки бѣгали по лугу за деревней, какъ вдругъ увидѣли между нами дѣвочку, которая съ мѣсяцъ, не болѣе, умерла. Мы маленькія, что понимали, она съ нами гуляла, играла, и мы ее кликали по прежнему Сашей.

Только я и нѣкоторые изъ насъ, воротясь домой, рассказали домашнимъ, что видѣли покойную Сашу; а дома большаки и говорятъ:— Сашутка мѣсяцъ, какъ въ могилкѣ, какъ же она къ вамъ играть придетъ; а мы — свое. Вотъ кто-то изъ бабъ и научилъ насъ спросить у дѣвченки, откуда та взялась, когда ее схоронили.

Такъ и было: на другой день опять увидали эту загадочную Сашу. Она опять стала играть съ нами. Мы въ огарыши, и она въ огарыши, мы вѣнки плестъ, и она... Саша! да вѣдь ты умерла!... Неужто ты опять изъ земли вышла? спрашиваемъ мы.

— Нѣтъ! Я не умерла... Я Саша, да не та.

— Какая же ты?

— Я та Саша, что живу у Груниной тетки.

„Я какъ ни была глупа“ говорила разскащица, „но взяла въ голову:“ какая такая Саша? У меня такой сестры нѣтъ, да

и у нихъ—тоже. Теткины дѣти тоже сказали: „Ну, что ты врешь, у насъ тебя нѣтъ, гдѣ ты у насъ живешь?“

— А я подъ лавкой, а то на печи.

— Ну, нѣтъ, мы не знаемъ.

Распросы съ новой игрой прекратились; только игра кончилась, Саша невѣсть куда пропала... Теткины дѣти по приходѣ въ избу даже стали искать дѣвченку и разумѣется не нашли.

— Саша! да гдѣ же ты? крикнулъ кто-то изъ ребятишекъ.

— „Я здѣсь!“ раздался тоненькій голосокъ гдѣ то въ избѣ, и затѣмъ все кончилось.

Все было пересказано ребятишками дядѣ и теткѣ и они начали серьезно подумывать объ этомъ странномъ событіи; а между тѣмъ тихонько ребятишкамъ наказали хорошенько пораспросить страшную дѣвченку, какъ только случится ее видѣть.

Изъ распросовъ дѣтей, родные мои получили такія свѣдѣнія:

„Я та самая Саша, сказала дѣвочка, которая постоянно озорничаетъ, я проклятая матерью, меня унесъ дѣдушка и вотъ сюда къ вамъ послалъ, за то, что прохожему хозяйка не дала воды испить; а какъ попала я къ вамъ, вы меня видѣли, о ту пору я змѣей обернулась. А озорничаю я потому, что вы мнѣ ни ѣсть, ни пить не даете; давайте мнѣ помягче спать, ставьте мнѣ подъ лавку поѣсть, а то, вотъ я и обнослась... Дѣвочка своимъ сверстницамъ показала, кой-гдѣ прорѣхи на бѣльѣ, и тетка узнавъ объ этомъ, стала ставить подъ лавку пищу и дѣтское чистое бѣлье класть. Но замѣчательно, что никто изъ большихъ ее не могъ видѣть; какъ только, кто хотѣлъ ее подкараулить, вороватый оборотень тотчасъ превращался въ клубъ пыли, въ клочекъ сѣна, уносился въ сторону и пропадалъ.

Нѣсколько разъ подучали дѣтей, обманомъ выстричь на темени крестомъ волосы, *) по ни креста надѣть, ни на головѣ подстричь.

Однажды, на вопросъ дѣтей:—когда она уйдетъ? та отвѣ-

*) Въ народѣ есть повѣрье, что если такого рода оборотню или кикиморъ выстричь крестообразно волосы на темени, то онъ дѣлается настоящимъ человекомъ, лишившись силы превращенія, и тогда его можно окрестить.

чала: „Я уйду спустя три года послѣ пожара“.— А развѣ будетъ пожаръ? „Да“—Ты зажжешь? „Нѣтъ, такое польно падетса,“ отвѣчалъ оборотень.

Пожаръ дѣйствительно былъ, какъ разсказывала Купцова. Много сгорѣло всякаго добра у тетки; только благодаря родственникамъ, наши успѣли скоро построиться. Однажды, кажется о лѣтнемъ Николѣ, тетка послѣ обѣдни, на пути къ дому зашла въ кабакъ, купила полштофъ водки, да кой-какой закуски и пришла къ моей матери, къ своей родной сестрѣ, значить.

— Пойдемъ-ка сестрица ко мнѣ, сказала тетка, я и самоварчикъ поставлю, встрѣтимъ по радушному праздникъ.

— Э, полно Горюша! ужъ и такъ на тебя Божье попущеніе, чай лѣтъ семь... Измаялась ты, говоритъ моя матушка.

— Богъ попустилъ за грѣхи, да вѣдь Онъ и милостивъ, сестрица. Мать собралась и пошли обѣ въ новый теткинъ домъ. Что же тамъ: Робята ейные на крыльцѣ возятся да балуются, дома никого ничуть, а на столѣ, какъ въ избѣ вошли, на чистой скатерти готовъ самоваръ, полштофъ вишневки, закуска теплая, по деревенски, а кто все это уладилъ—никто не знаетъ. Дядя въ это время былъ въ Москвѣ.

Старухи только ахнули и послѣ не узнали, кто такое чудо сдѣлалъ для новоселья. Съ этой поры кончились проказы оборотня—видно, что она, оставляя навсегда пріютъ нашъ, отъ своего усердія сдѣлала угощеніе.

„Лѣтъ десять маялись, говорила разскащица, кажись бы и дѣла все тѣ же и все шло своимъ чередомъ, а вотъ пока эта кикимора въ домѣ жила, такъ и деньги то бьли, какъ то не споры. Наконецъ все пошло послѣ этого, какъ слѣдуетъ.“

Оборотни, Варкулаки, Вовкулаки.

Оборотни, у Болгаръ *Варколаки*, или *Полтеники*, у Малороссовъ *Вовкулаки*, въ Россіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *Бука*, у грековъ (*υχνάυτθαι*) вообще возникли со временъ язычества, а со времени введенія христіанства, вступили въ область демонологіи и сейчасъ существуютъ у всѣхъ европейскихъ народовъ самыя многочисленныя разнообразныя сказки

объ этихъ баснословныхъ существахъ. Обратней вообще нѣкоторые изображаютъ какими то чудищами, такъ на примѣръ у грековъ—оборотнемъ воображаютъ тощаго колдуна, съ головою осла, и хвостомъ обезьяны *). У нихъ вѣрятъ, что въ мрачныя зимнія ночи оборотни, особливо со дня Рождества Христова до Богоявленія, шляются повсюду, и пугаютъ людей. *Онокентавры*, похожіе на черныхъ альфовъ, по мнѣнію Датчанъ, Норвежцевъ и Шведовъ. Нечистыя твари, это по мнѣнію простаго народа, ни что иное, какъ жиды ослопоклонники, ищущіе Мессіи, съ тѣмъ, чтобы убить его, еще въ колыбели. Послѣ водоосвященія воздухъ очищается отъ этихъ чудищъ, при чемъ они мгновенно исчезаютъ.

У насъ, какъ мы ранѣе сказали, это проклятыя или некрещеныя дѣти, наконецъ вѣдьмы, принимаютъ разные вещественныя виды по желанію; но разсказываютъ, что колдуны могутъ обращаться и другихъ въ волковъ.

По народнымъ сказаніямъ, такихъ превращеній бываетъ нерѣдко. Вѣрятъ и такимъ сказкамъ, что будто бы цѣлые свадебныя поѣзда превращаются въ волковъ. Давно говорятъ, что Марія Мнишекъ, будто бы превратилась въ сороку; но если вѣрять въ такія превращенія, то все же лучше иносказательно. Такъ на примѣръ: если вѣрять, что человѣкъ превращается въ волка, то значить, что онъ измѣняется своимъ нравомъ, пріобрѣтаетъ жадность, злобу и превращается въ дерзкаго хищника.

Въ народѣ говорятъ такъ: каждый оборотень, превращенный обаяніемъ колдуна въ волка, имѣетъ полное сознаніе, что онъ человѣкъ, и не пользуется инстинктами животнаго, кромѣ одной внѣшности. При томъ говорятъ, что оборотню очень легко возвратитъ настоящій человѣческій видъ, если только надѣтъ на него снятый съ себя поясъ, на которомъ должны быть сдѣланы узлы, при навязываніи которыхъ, нужно сказать каждый разъ: „Господи помилуй“. Говорятъ, будто бы при этомъ шкура спадаетъ и предъ избавителемъ является человѣкъ.

Но вотъ въ чемъ задача: кому пожелается сдѣлать такой опытъ! Это также мудрено, какъ злодѣя возвратитъ на путь добродѣтели.

*) Ср. Taciti. Hist. V. 3, 4.

Б А Б А - Я Г А.

Подъ этимъ именемъ почитали Славяне адскую богиню изображаемую страшилищемъ сидящимъ въ желѣзной ступѣ, имѣющей желѣзный пестъ. Ей приносили кровавую жертву, думая что она питаетъ ею двухъ своихъ внучекъ, которыхъ ей приписывали и услаждается при этомъ, пролитіемъ крови.

Подъ вліяніемъ христіанства народъ забывалъ своихъ главныхъ боговъ, припоминая только второстепенныхъ и особенно тѣ миѣы, которые имѣютъ олицетворенныя явленія и силы естества, или символы житейскихъ потребностей. Такимъ образомъ баба-яга изъ злой адской богини превратилась въ злую старуху-колдунью, подчасъ людоедку, которая живетъ, всегда, гдѣ нибудь въ лѣсу, уединенно, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Подобно вѣдмамъ, она посѣщаетъ шабашъ вѣдмъ, летаетъ на Лысую гору, но только не на помель, а въ ступѣ и пестомъ слѣдъ замечаетъ, говоритъ грубо; когда дома, то проводитъ большую часть времени, сидя на печи. Злая старуха, какъ человѣкъ хозяйственный, кромѣ ступы и песта, что замѣняло въ старину мельницу, имѣетъ тоже kota. Вообще о бабѣ-ягѣ остались только слѣды въ народныхъ сказкахъ и ея миѣя сливается съ миѣомъ вѣдмъ.

Ш а м а н и з м ъ *).

Шаманы большей частью бываютъ у Якутовъ, Коряковъ, Тунгусовъ, Бурятъ и у всѣхъ сибирскихъ инородцевъ, кромѣ Камчадаловъ, у послѣднихъ каждая старуха и баба и каждый коехчучъ считается волхвомъ и толкователемъ. При шаманствѣ камчадалы не одѣваются ни въ особенное для того платье, не бьютъ въ бубны, но нашептываютъ на рыбу шаглу, на сладкую траву, на тоншичь и тѣмъ лечатъ болѣзни, отвращаютъ

*) Сер. Авебега Русс. Суевѣрій. Шаманизмъ отъ санск. слова состраданіе, видоизмѣненіе одной изъ индійскихъ вѣръ, которой придерживаются Самоѣды, Камчадалы, Тунгусы, Бурята и др. Они вѣрятъ въ вышняго Бога и во второстепенныхъ боговъ, а также и въ бѣса, какъ духа злобы.

несчастіе и предвѣщаютъ будущее. Но что они говорятъ, то есть, въ чемъ состоятъ эти наговоры, это содержатъ въ глубокой тайнѣ.

Вызываніе бѣсовъ и гаданіе. Главнымъ образомъ шаманство состоитъ въ томъ, что двѣ бабы садятся въ уголъ и безпрестанно шепчутъ, при чемъ у одной изъ нихъ привязана на ногѣ крапивная нитка, украшенная красною шерстью, и она качаетъ этою ногою. Если эту ногу покажется легко поднимать, то она считаетъ это благополучнымъ знакомъ, а если тяжело, то успѣха не предвидится. Между тѣмъ призываетъ къ себѣ бѣсовъ словами: „гушь! гушь!“ и скрежещетъ зубами, а какъ явится привидѣніе, то захохотавши, кричитъ: хай! хай! Если привидѣніе чрезъ полчаса пропадаетъ, то она говоритъ: „шики!“ то есть—„нѣтъ“. Тогда другая ея помощница поощряетъ первую и уговариваетъ не бояться, а прилежно подмѣчать и поминать явленія. Нѣкоторые увѣряютъ, что во время грома и молніи, Билукай (богъ грома) сходитъ къ шаманкамъ, вселяется въ нихъ, и помогаетъ предсказывать.

Если кому нибудь случится неприятность, неудача въ промыслѣ или тому подобное, то камчадалъ приходитъ къ старухѣ, или даже къ своей женѣ, и та начинаетъ шаманить, то есть разгадывать причину неуспѣха. Важной причиной ставится какое нибудь отступленіе отъ исполненія суевѣрія.

Тогда согрѣшившій, чтобы очистить свой грѣхъ, вырѣзываетъ изъ дерева идольчика и относитъ въ лѣсъ, гдѣ и ставитъ его на дерево.

Шаманки производятъ свои гаданія также и въ праздники, когда грѣхи очищаются; при чемъ шепчутъ, курятъ, махаютъ, отираютъ тоншичемъ, отговариваютъ (отчитываютъ) пришедшихъ въ иступленіе.

Примиреніе ребенка съ бѣсами. Если, у которой нибудь изъ камчадалокъ, родится дитя во время бури или ненастья, то, въ то время, когда дитя будетъ въ состояніи говорить, надъ нимъ ворожатъ или шаманятъ съ цѣлью, примирить его на будущее время съ бѣсами, такимъ образомъ:

Въ жестокую бурю раздѣваютъ ребенка до нага, даютъ въ руки морскую раковину, которую ему, поднявъ къ верху, велятъ съ нею обѣжать вокругъ юрты, балагана и собачьей ко-

нуры, говоря слѣдующія слова, обращаясь къ Белюкаю и къ другимъ врагамъ: „Раковина привыкла не къ прѣсной, а къ соленой водѣ, а вы меня очень мочите и хотите влагою меня погубить; видите, что на мнѣ нѣтъ платья и что я весь дрожу“.

По окончаніи этого примиряется съ бѣсами, а въ противномъ случаѣ бываетъ причиною погодъ и ненастья, по мнѣнію камчадаловъ.

Разгадываніе камчадалами сновъ. Камчадалы чрезвычайно любячъ разгадывать сны, такъ, что по утру у нихъ первымъ по видѣніи сна, заключать объ успѣхѣ или неудачѣ предстоящаго труда. О нѣкоторыхъ снахъ, они имѣютъ полное убѣжденіе въ ихъ неизмѣняемости; такъ напримѣръ: Если видятъ на тѣлѣ паразитовъ (извѣстныхъ насѣкомыхъ), то нужно ожидать къ себѣ казаковъ. Очищать желудокъ отъ естественныхъ нечистотъ, —прібытіе гостя изъ камчадаловъ. Спать съ женою — счастье въ промыслѣ.

Кромѣ того камчадалы упражняются въ хиромантіи, (гаданіе по ладони), но свой секретъ никому не говорятъ.

Шаманы у Тунусовъ. У шамановъ (жрецовъ) этого народа болѣе церемоній при совершеніи гаданій и разныхъ обрядовъ. Когда кто приходитъ спрашивать у чародѣя о какомъ либо дѣлѣ, то прежде всего нужно, чтобы шаману впередъ было заплачено за его трудъ, условленная плата. Потомъ шаманъ надѣваетъ на себя особенный костюмъ, увѣшанный посредствомъ колець разными желѣзными и мѣдными кусками, изображеніями птицъихъ, звѣриныхъ и рыбныхъ фигуръ, изъ желѣза и жести; на руки надѣваетъ желѣзныя медвѣжьи рукавицы, но голову нѣчто въ родѣ желѣзнаго шлема съ желѣзными рогами. Потомъ лѣвою рукою, беретъ небольшой барабанъ, и палкою, обтянутой въ шкуру полевой мыши шаманъ, барабанить и прыгаетъ накрестъ ногами, причемъ всѣ его побрякушки производятъ нестройные и непріятные звуки. Въ это же время онъ посматриваетъ къ верху въ дымовое отверстіе своей кибитки, безпрестанно кричитъ, барабанить, звонить, стараясь всѣми силами, чтобы всѣ его привѣски гремѣли какъ можно больше, и до тѣхъ поръ продолжаетъ свое искусство, пока не увидитъ въ вышесказанное отверстіе черной птицы, про которую сказываютъ, что она прилетаетъ и са-

дится на кибитку шамана, во время его пляски. Какъ скоро, онъ увидитъ его птицу, то тотчасъ приходитъ въ безсиліе, внѣ себя падаетъ на землю, и лежитъ въ неподвижномъ положеніи до $\frac{1}{2}$ часа. Придя въ чувство, онъ говоритъ вопрошителю отвѣтъ на вопросъ, и тунгусы вѣрятъ шаманамъ, не смотря на то, что птицу видитъ только одинъ жрецъ.

Шаманы у Самоѣдовъ. точно также, развѣ съ нѣкоторыми измѣненіями въ обрядности, предсказываютъ пророческіе отвѣты.

ПРИМѢТЫ И СИМПАТІИ.

Примѣты, повѣрья и симпатіи на Руси возникли не всѣ въ Россіи. Эти суевѣрныя убѣжденія остались издревле, какъ наслѣдство вліявшихъ чѣмъ либо на нашихъ предковъ народами, съ которыми они волей или неволей должны были сблизаться и заимствоваться разными обычаями, предрасудками, примѣтами и тому подобнымъ, что конечно и въ наше время существуетъ въ простомъ народѣ, которымъ хотя и простительны нѣкоторыя заблужденія, но непростительно тѣмъ, кто имѣетъ право и возможность вліять на нихъ, и силой святой истинны внушать, что эти примѣты и симпатіи остались слѣдами языческаго невѣжества. Еще встарь преслѣдовали такія заблужденія; кто не догадается, что старинныя черныя наши книги, къ которымъ относятся: *Волховникъ*, *Чаровница*, *Мысленикъ*, *Колядница*, *Громникъ*, *Острологъ*, *Острономія*, или *Звѣздочетіе*, *Путникъ* (кн. о значеніи встрѣчъ), *Вороноградъ* (значеніе полета птицъ), *Шестокрылъ*, *Аристотелевы врата*, *Рафли* и т. п. Всѣ не русскаго происхожденія, такъ напримѣръ: *Острономія*, *Острологъ* — произведеніе запада, *Вороноградъ* или *птицеволхованіе* — этрусско-римская авгурія, и прочее. Наконецъ, сколько у насъ до сихъ поръ, сохранилось примѣтъ сходныхъ съ Римскими, напримѣръ, *здравствование при чиханіи* (*sternutatio*), *звонъ въ ушахъ* (*timutus aurium*), *чесотка зубовъ* (*pruritus dentium*), просыпка соли на столъ и т. п. Все это существуетъ въ нашихъ примѣтахъ и тождественно съ прежними римскими обычаями. О чемъ упоминалъ и Овидій, Плиній, и въ свое время въ харатейныхъ спискахъ пр. Несторъ;

онъ говоритъ слѣдующее: „Нарицающіеся хрестьяне, а погански живуше—друзіи же и зачиханью вѣрують. еже бываеть на здравіе главѣ *)).

Дурной глазъ, сглазъ, призоръ очесъ или изурочиваніе. Римляне тоже вѣрили *сглазу*, такъ что было у нихъ особенное божество *Fascinus*, предохранявшее отъ этого даже младенцевъ (*custos infantium*). У тѣхъ изъ нихъ было въ обычаѣ оговариваться и отплевываться, когда кто хвалилъ ихъ дородность, красоту, силу, или другія тѣлесныя качества. У Римлянъ, какъ и у насъ, были тоже *черныя* или *злые* дни. Между повѣрьями пѣмцевъ существуетъ также, между прочимъ, слово *сглазить* или *изурочить*, *beschreien*.

Весьма немудрено, что русскіе пріобрѣли это понятіе о *сглазѣ* и усвоивъ, присоединили ихъ къ своимъ убѣжденіямъ. Теперь въ русскомъ простонародѣ крѣпко укоренилась вѣра въ *дурной глазъ*. Всѣ родильницы (къ стыду, часто изъ вышшаго купеческаго сословія) въ теченіи шести недѣль укрываютъ ребенка отъ посѣтителей и не пускаютъ къ нему никого кромѣ ближайшихъ родныхъ. А если кому нибудь приведется нечаянно увидѣть новорожденнаго и похвалить его красоту, полноту, или здоровье, то нѣжныя суевѣрныя матери, крѣпко боятся за ребенка, боясь дурнаго глаза, видѣвшаго младенца. Но если же ребенокъ заболѣетъ, совершенно отъ другихъ причинъ, то его спрыскиваютъ съ угольна. Въ Испаніи и въ Италіи тоже повѣрье существуетъ: тамъ особенно боятся цыганскаго глаза, такъ, что когда цыганка, взглянетъ на новорожденнаго младенца, то матери, или кормилицы, подсовываютъ ей подъ носъ кукишъ. Черные глаза вообще считаютъ опаснѣе сѣрыхъ, или голубыхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно пожалуй допускать *и сглазъ* такъ, напримѣръ, если молодой человекъ страстно посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, которой онъ понравился, а та съ своей стороны отвѣтила томнымъ взоромъ и, если при томъ, вспыхнула, то понятно, что она не могла затантъ въ себѣ того чувства, которое проникло вмѣстѣ съ искрою взгляда, заронившеюся въ ея сердце. Были, есть и будутъ эти примѣры; но тутъ сглазъ переработался въ жела-

*) Карамзинъ, Ис. Гос. Росс. томъ II, прим. 113.

ніе любить и принимаетъ уже не волшебный, не враждебный, или ненавистный характеръ, а характеръ вспыхнувшей страсти.

Пожалуй можно *смазз* считать магнетизмомъ зора, но сколько намъ доподлинно извѣстно, вліяніе дѣйствія можетъ быть коротечно и не имѣть дурныхъ послѣдствій, притомъ на магнетизмъ врачеваніе бесполезно.

У древнихъ также было убѣжденіе, что глаза имѣютъ большую силу вліять на людей, и преимущественно глазамъ Василиска приписывали обаятельную силу и до того вредную, что люди отъ его взгляда умирали. Это убійственное животное, по описанію, имѣло тѣло дракона и пѣтушину голову, а затѣмъ крылья. Можно предполагать, что преданье это принадлежитъ къ баснословной древности, провѣрить которую очень трудно. Мы знаемъ одно, что и доказано наукою, были въ допотопномъ періодѣ драконы и крокодилы равно какъ и мамонты громаднхъ размѣровъ, были чудовищныя галеопитеки отсюда понятно, что человѣку, увидѣвшему опасность, некогда было примѣчать подробности чудовища, оставалось только спастись, или умирать. Крокодилъ очень быстро бѣжитъ, и у насъ принято говорить: „конь летитъ, какъ стрѣла“. Можетъ быть это слово—сравненіе. Египтяне, боготворившіе Ниль, боготворившіе крокодила, оставили на память намъ сказку о крокодилѣ, въ видѣ Василиска, быстро бѣгавшаго, какъ по водѣ такъ и по сушѣ. Василискъ упоминается даже въ одномъ изъ псалмовъ Давида.

Въ наше время, путешествующіе по Индіи говорятъ, что у гремучей змѣи свирѣпъ и обаятеленъ зоръ. По ея смертоносности ужаленія, конечно каждый и неробкій можетъ подвергнуться испугу и можетъ въ этомъ случаѣ оцѣпенѣть, причемъ, устремивъ свой зоръ на животнаго, обнаружить испугъ предъ хитрой ядовитой змѣей, чѣмъ она и воспользуется, чтобы ужалить человѣка.

Открытие вора у Камчадаловъ. Когда будетъ нужно отыскать вора между Камчадалами, тогда убиваютъ, такъ называемаго каменнаго барана и жгутъ его становыя жилы въ присутствіи многочисленнаго собранія и своихъ шамановъ. Они увѣрены, что вору такъ же сведетъ жилы, какъ сводятъ на огнѣ жилы барановъ.

День Благовѣщенія. Суевѣры увѣрены, что въ этотъ день птица гнѣзда не вьетъ, а если завьетъ, то у ней отнимутся крылья, и она будетъ въ силахъ только ходить; а между тѣмъ, если въ этотъ день воръ, что либо украдетъ, то ему будетъ на весь годъ—удача.

Свербеніе бровей. Свербятъ брови—къ прїѣзжему, смотрѣть на потныхъ лошадей, кланяться дорожному, иногда благодарить его за одолженіе.

Булавку давать—не должно, чтобы не раздружиться; а ужъ если нельзя обойтись, то сперва уколоть того въ руку, кому давать приходится.

Волосы и ногти хранить было въ обычаѣ у нѣкоторыхъ суевѣровъ, которые думали, что на томъ свѣтѣ придется за каждый волосокъ отдавать отчетъ. При расчесываніи оставить прядь волосъ не заплетенною, значило—дорога изъ дома.

Водяной воробей. Такъ называется птичка, водящаяся въ Сибири; она питается водяными червями и довольно ловко достаетъ ихъ изъ воды, при чемъ остается совершенно сухою. Есть суевѣрное убѣжденіе, что намазавшись жиромъ этого воробья, или кровью его намазать члены, то они на вѣкъ защищены отъ мороза. Суевѣры считаютъ водянаго воробья, и вообще воробьевъ, проклятою птицею по той причинѣ, что они въ то время, когда Христа распинали, приносили опять ко кресту тѣ гвозди, которые ласточки у Римлянъ уносили; вслѣдствіе будто бы этого событія воробьи имѣютъ на ногахъ невидимыя оковы и не могутъ шагать, а прыгаютъ.

Воронъ—предсказатель. Если воронъ сядетъ на куполь или колокольню храма, въ той церкви будетъ отпѣваться покойникъ, тоже и въ томъ домѣ, кто либо умретъ, на кровлѣ котораго сядетъ и прокаркаетъ воронъ.

Воскъ изъ дому выносить самому не должно, такъ какъ какъ это убыль пчеловодству.

Противъ заговореннаго отъ пули. Заговореннаго отъ пули, по народному повѣрью, можно убить серебрянной или золотою пулею; но также можно облѣплять пулю воскомъ, и стрѣлять; тогда тоже чародѣй противъ ея силы своей противопоставить не можетъ.

Оспа и борьба съ нею. Въ старину Сибирскіе инородцы

считали оспу не за болѣзненную эпидемію, а за враждебнаго духа, который наслаждается мученьемъ и потомъ, питается ихъ тѣлами. Разсчитывая этого духа умилостивить, приносили ему въ жертву скотину, взамиѣнъ человѣка. Остяки, Тунгусы и Якуты, надѣются обмануть демона оспы, они зажигали пакладенный на щеки и на носъ трута, чтобы сдѣлались отъ того на лицѣ ямы, какъ рябины, въ томъ мнѣніи, чтобы духъ оспы думалъ, что уже на этомъ человѣкѣ оспа была. Кроме того, инородцы во время эпидеміи оспенной удаляются въ густые лѣса, желая спрятаться и оставляютъ свои дома пустыми. Мало того, они не выѣзжаютъ ни на опушку лѣса, ни на дорогу. Затѣмъ, укрѣпляются засѣкою, а зимою — снѣжными валами и устраиваютъ самоострѣлы, какіе бываютъ на лосей или оленей. Русскіе старовѣры и по сіе время, прививаніе оспы считали антихристовою печатью, и чтобы избѣжать оспопрививанія прятали дѣтей отъ оспопрививателей подъ печь и въ подполье.

Встрѣча. У насъ на Руси существуетъ и по сіе время у суевѣровъ повѣрье, что если встрѣтятся: понъ, монахиня, монахъ, женщина, дѣвица, свинья, или лысая лошадь, то въ предпринятомъ пути успѣха не будетъ. А когда же кто встрѣтится съ полными ведрами, или съ ушатомъ воды, то—успѣхъ въ намѣреніи.

Браниться въ Егорьевъ день—не совѣтуютъ потому повѣрью, что того убьетъ громомъ.

Глаза свербятъ, или зудъ подъ глазами, значитъ въ тотъ день—плакать.

Голубь въ окно влетитъ — быть пожару, или кому нибудь умереть; иногда быть вѣстямъ.

Беззвѣздныя ночи. Если на Рождество Христово и Богоявленіе, не будутъ видимы на небѣ звѣзды, то, по понятію простаго народа, на этотъ годъ сѣять гороха не нужно, по предвѣстію плохаго урожая; напротивъ того, если ночи звѣздныя, то нужно.

Громовая стрѣла. Въ первой части было нами упомянуто, что простой народъ еще и до сихъ поръ увѣренъ, что когда слышатъ раскаты грома, значитъ, то ѣдетъ Илья пророкъ, на огненной колесницѣ и убиваетъ діавола, который въ то время укрывается, обращаясь при этомъ въ разные виды, а особливо

во младенцевъ, просить у людей укрыться; но ежели бы демонъ и за Икону Божию спрятался, то образъ пощаженъ не будетъ. Громовая стрѣла, убивъ льявола, уходитъ въ землю и тамъ пролежавъ три года скрытно, потомъ объявляется въ видѣ продолговатаго пальцеобразнаго кремня. Его употребляютъ въ случаѣ колотья, окачиваютъ его водою, и этою водою обливаютъ больного. Пожилые простолюдины, вѣрятъ, что кто всегда ѣсть гнилой хлѣбъ, тотъ не будетъ бояться грому. Услышавъ же первый разъ по зимѣ громъ, дѣвушки умываются съ серебра, надѣясь получить красоту, бѣлизну тѣла и здоровья.

Дождь. Кто въ дождь выѣдетъ—предвѣстие благополучной дороги, какъ и во всякомъ предпріятіи.

Дока. Мастеръ своего дѣла. Знахарь, цѣлящій болѣзни и выгоняющій порчу.

Дорога. Въ старину не совѣтовали выѣзжать въ понедѣльникъ: неудача въ поѣздкѣ; и когда заяцъ, дорогу перебѣжитъ. Ежели кто желаетъ скорѣе видѣться съ отъѣзжающимъ въ дорогу, тотъ, возвратясь къ порогу, долженъ оглянуться въ слѣдъ отъѣзжающему лицу.

Жельзница или *Бышенка* рыба, водящаяся въ Волгѣ въ огромномъ количествѣ, считается опасною, будто бы поѣсть ее, то сойдешь съ ума, а потому ее бросаютъ обратно въ воду, или отдають Мордвѣ и Чувашѣ, которые ѣдятъ и съ ума не сходятъ. Почему это?

Примѣта о посылѣ по жукамъ. Нѣкоторые весною ловятъ жуковъ и примѣчаютъ: ежели у него на переднихъ ногахъ болѣе зародышей, то должно въ лѣто сѣять ранѣе, и тотъ сѣвъ будетъ лучше; ежели на среднихъ, то должно сѣять въ среднюю пору, а ежели на заднихъ, то поздній сѣвъ будетъ выгоднѣе.

Почему должно работать на заговѣнье. Такъ какъ старухи будто бы увѣряли, что можно получить заусеницы, или ноготѣду.

Примѣта надъ замками. Суевѣрная старухи кладутъ подъ порогъ передъ приходомъ отъ вѣнна молодыхъ, незапертые замки, а потомъ, когда тѣ перешагнуть, защелкиваютъ ихъ, ключъ же бросаютъ въ воду, или въ колодезь, съ тѣмъ убѣжденіемъ, чтобы мужу съ женою жить согласно. Тоже дѣлаютъ при пер-

вомъ прїѣздѣ жениха въ домъ невѣсты, чтобы свадьба была успѣшнѣе и выгодный женихъ не отказался.

Задушеніе младенца на постели. Часто и теперь случается, что безпечная, хмѣльная а иногда уработавшіяся до устанка и дремоты женщины, лежа на постели, *засыпали* грудныхъ младенцевъ до смерти, придавивъ ихъ всѣмъ тѣломъ. Въ народѣ по этому давно распространилось, откуда неизвѣстно, повѣрье, что кромѣ непростительнаго грѣха для матери, ребенокъ не наследуетъ небеснаго царствія. Разумѣется это приводило неутѣшную мать въ страшную печаль. Для искупленія младенца, будто бы, нужно было провести матери три ночи въ храмѣ и молиться, стоя въ начерченномъ кругу рукою священника, разумѣется, испытывая всѣ ужасы отъ нашествія злыхъ духовъ.

Зеркало держать въ комнатѣ, грѣхъ, по увѣренію старовѣровъ, потому что оно дано дьяволомъ и доказываютъ слѣдующей легендой:

Какой-то старецъ, спасаясь въ пустынь, прочелъ слѣдующія слова: „Просите и дастся вамъ“. Пустынникъ усумнился, и желая удостовѣриться, что все ли получить можетъ, чего захочетъ, пошелъ къ какому-то царю просить руки его дочери. Царь, почудясь такому требованію, сказалъ о томъ своей дочери, которая тоже подивилась не мало и потомъ сказала: „Такъ какъ это дѣло необыкновенное и чрезвычайное, то должно, чтобы старецъ, если хочетъ жениться на мнѣ, оказалъ бы мнѣ чрезвычайную услугу и принесть бы въ подарокъ такую вещь, въ которой бы я всю себя видѣть могла“. Это желаніе было высказано царевною еще въ то время, когда зеркала не были выдуманы. Монахъ, узнавъ отъ царя такое требованіе, пошелъ искать такой вещи. Долго ходилъ онъ по лѣсамъ, наконецъ вступилъ въ пустыню, никѣмъ необитаемую. „Посидѣвъ въ ней нѣсколько времени, онъ начинаетъ слышать стонъ. Старецъ окликнулъ и получилъ въ отвѣтъ: „Почтенный старче! сжался на мое страданіе, ибо я уже нѣсколько лѣтъ заключенъ въ этомъ рукоомойникѣ, выпусти меня изъ этой темницы, въ которую заключилъ меня тоже одинъ старецъ, и я тебѣ за это услугу, чѣмъ пожелаешь“. Старецъ, прежде чѣмъ освободить изъ рукоомойника заключеннаго, сталъ требовать отъ него вознагражденія тою вещью, которой требовала отъ него ца-

ревна чрезъ царя. Заключенный общалъ, и старецъ, снявъ съ рукомойника крестъ, выпустилъ черта. Дьяволъ въ скоромъ времени принесъ къ нему зеркало, которому старецъ, взявъ въ руки, чрезвычайно подивился. но когда, увидѣлъ въ немъ себя съ морщинами, сѣдинами, дряхлаго и слабого, отложилъ навсегда намѣреніе жениться. Однако зеркало спесъ къ царю и тутъ же, отказавшись отъ своего слова, сталъ молиться о своемъ прегрѣшеніи въ томъ, что возымѣлъ сомнѣніе противу священнаго писанія. И такъ, какъ зеркало доставлено впервые старцу дьяволомъ, то самыя крѣпкіе старовѣры долгое время не имѣли въ своихъ домахъ зеркалъ.

Огненные змѣи. Воздушный метеоръ, который часто видимъ несущимся по воздуху въ видъ длинной и широкой ленты изъ красноватыхъ искръ, летящей, или наклонно, или горизонтально. Русскіе люди считаютъ его злымъ духомъ или огненнымъ змѣемъ, посѣщающимъ въ вечернее, или ночное время вдову, или дѣвицу, скучающихъ одинокой жизнью, послѣ недавней потери мужа, или друга жизни, и нерѣдко носящимъ къ нимъ золото. Онъ является къ нимъ всегда принимая видъ любимаго человека, котораго онъ потеряли, и обаяніе, говорятъ, было такъ сильно, что онъ свыкались съ той мыслью, что онъ дѣйствительно живъ, а не умеръ. Потомъ лица, которыхъ посѣщалъ этотъ змѣй, худѣли и, сойдя съ ума, нерѣдко, будто бы, кончали съ жизнью самоубійствомъ. Отъ того добрые и набожные, видя этотъ метеоръ, всегда кричали: „аминь, аминь, рассыпся!“

Въ народѣ существуетъ такое убѣжденіе, что посѣтителя, какъ духа, не видятъ и не слышатъ, между тѣмъ, какъ оболъщенная злымъ змѣемъ дѣвушка, или женщина, слышно какъ разговариваетъ съ нимъ. По ея разговору съ невидимкою, заключаютъ, что она говоритъ съ змѣемъ, или съ дьяволомъ, не иначе. Стараются уговаривать ее, призываютъ почтенныхъ людей, священниковъ, молебствуютъ и прочее, пока на нее, не подѣйствуетъ сила убѣжденія и молитвы; потомъ даютъ ей крестъ тѣльный на тесьмѣ, совѣтуя его тихонько надѣть на опаснаго посѣтителя. Если она послушается, то хотя и не успѣетъ надѣть. но въ три, въ четыре, въ пять разъ повторенія этой попытки, демонъ ее оставитъ и страдающая этой галлюцинаціей поправится.

Икать тяжело — быть обругану, легко — помянулъ кто нибудь.

Имя дать новорожденному. Въ старину бѣгали за ворота и спрашивали перваго встрѣчнаго, или встрѣчную, смотря по полу ребенка, и какъ встрѣчному лицу было имя, такое давали и новорожденному, вѣря, что дитя будетъ отъ того имѣть счастливую будущность. Тоже до нѣкотораго времени скрывали данное имя младенцу, замѣняя его ложнымъ чьимъ либо именемъ, чтобы колдунъ не испортилъ, или не превратилъ въ оборотня.

Имянины праздновать. Въ старину, когда имянинникъ садился за столъ, давали ему пирогъ съ кашею и разламывали его надъ головою имянинника, чѣмъ на него болѣе сыпалось каши, тѣмъ считалась жизнь его счастливѣе въ теченіи года. Въ этотъ день необходимо нужно что либо разбить и, если посуды никто не разбивалъ, то нужно было нарочно разбить хоть рюмку. Въ старину, въ Москвѣ, былъ обычай со стороны имянинника посылать утромъ своимъ знакомымъ по сгибню.

Каша. Когда варившаяся въ печи каша поднимется выше краевъ горшка и будетъ имѣть наклонность назадъ печи, то это былъ суевѣрнымъ признакомъ счастья и изобилія, а когда въ устье печи, — потерю, уронъ, раззореніе дому.

Комета и ея значеніе въ народѣ. Явившаяся и проходящая комета, а особливо съ хвостомъ, въ простомъ народѣ имѣетъ общественное несчастіе, то-есть моръ, голодъ, или войну и т. п. Въ иностранныхъ же государствахъ приписывали движеніе такихъ небесныхъ тѣлъ — несчастію одного ихъ государствъ. Въ 837 году, отъ Рождества Христова, явившаяся комета навела несказанный ужасъ на Людовика Кроткаго. Этотъ суевѣрный государь прибѣгнулъ къ астрономамъ, закладывая монастыри и умеръ два года спустя, послѣ того отъ страха при видѣ полного солнечнаго затмѣнія. Въ 1264 году, историки того времени, явившуюся комету, приняли за предзнаменованіе смерти Папы Урбана IV. Въ 1456 году, явившуюся комету Папа Каллистъ велѣлъ проклинать особо сочиненною молитвою, а также и Турокъ, которыхъ завоеванія такъ устрашали его. Въ 1686 году, бывшую комету почитали за предзнаменованіе подобныхъ печальныхъ происшествій. Вотъ

какимъ суевѣріемъ и старинные европейскіе лѣтописцы были преисполнены.

Чудо отъ коровы въ Казани *). Это было предъ взятіемъ его и повѣствуется такъ: „Родися отъ коровы дѣтище чело-
„вѣскимъ образомъ, его же видѣши татарове и снидошася
„мнози видѣти его, и внѣзапу дѣтище перемѣнися въ совер-
„шенна мужа возрастомъ и яко вооруженъ видяшеся и глаго-
„лаше зрящимъ на него, паденіе Казани; и совѣщаша татарове
„убити его, и абіе невидимъ бысть“.

Кошка. Есть одна домашняя примѣта. Когда кошка моется къ себѣ лапкой—быть гостямъ, а когда спитъ рыльцемъ подъ брюхо—къ непогодѣ или къ холоду.

Кузнечикъ куетъ. Когда онъ заберется въ жилые покои, будетъ трещать, то значить, по народному повѣрью, выживаетъ хозяевъ изъ дома. Въ столичныхъ баняхъ они хотя и полные хозяева, а не выживаютъ хозяевъ, а про деревенскія и говорить нечего, тамъ ихъ зимою десятки, не только въ баняхъ, а и по избамъ.

Курица пѣтухомъ поетъ — не къ добру; тогда суевѣрные хозяева свертываютъ ей голову и бросаютъ чрезъ порогъ, приговаривая: „на свою голову, не пой курица пѣтухомъ“. Отсюда даже возникла пословица: „*Не пой курица пѣтухомъ, не бранись баба съ мужикомъ*“.

Отламывать лишній кусокъ хлѣба, когда есть недоѣденный кусокъ, означаетъ, по примѣтамъ старожиловъ, что кто нибудь изъ родныхъ того человѣка голоденъ.

Ладонка. Въ предохраненіе отъ колдовства и сглаза подвязываютъ на томъ же шнуркѣ, вмѣстѣ со крестомъ сумочку съ ладономъ. А тѣ, кто родился въ сорочкѣ, носятъ ее до смерти.

Ладонь чешется — по мнѣнію суевѣровъ, — въ тотъ день деньги считать. Если правая—получать, а лѣвая—отдавать.

Ласточка. Есть примѣта, что если кто убьетъ ласточку (которая признается хозяйкою, домахою, домовиткою), или также голубя, синичку, пиголицу, то тотъ не будетъ счастья имѣть въ скотоводствѣ. Тоже толкуютъ, что если ласточка

*) Слѣт. Абевега русскихъ суевѣрій—1786 г., стран. 226.

нечаянно подлетитъ подъ корову, то у той коровы будетъ кровавое молоко *).

Лихоманка, лихорадка. Простой народъ, лихорадкѣ, преимущественно происходящей отъ сильной простуды, которая по своей прикосновенности съ нервами производитъ ознобъ, бредъ, а также по ея, разновидности, раздѣляетъ ее на двѣнадцать дочерей Иродовыхъ и даетъ имъ слѣдующія названія: *Трясовица, Огневица, Знобья, Пералея, Горькуша, Крикуша, Чернетья, Пухляя, Желтья, Дряхляя, Дремляя...* (двѣнадцатая не разобрана). Въ другомъ заговорѣ читаемъ слѣдующія ихъ имена: *Гньтица, Плетья, Месора, Шатая, Черная, Тьнная, Дида, Лада, Омуга, Утляха, Персанда.* Въ третьемъ заговорѣ противъ лихорадки читаемъ названія этихъ 12 сестеръ лихорадокъ, чисто по свойствамъ простуды раздѣленнымъ: *Зеленая, Желтая, Внутренняя, Дуная, Водяная, Студеная, Огненная, Знобительная, Животная, Костоломная. Гньтуха спящая, Камлуга* или *Камуха.* Какъ бы имъ названія не были даны, но крѣпко въ народѣ повѣрье, что лихорадка существуетъ въ различныхъ видахъ и формахъ, одолеваетъ человѣка при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, упорно преслѣдуетъ и держится въ немъ, противодѣйствуя лѣкарствамъ. И могучая фантазія русскаго человѣка, вдохновеннаго самою природою, создала новый мифъ, это двѣнадцать сестрицъ лихорадокъ, страшныхъ, какъ Мегерьъ бичующихъ грѣшныхъ въ аду, которые мучаютъ русскихъ бѣдныхъ людей; противъ ихъ есть и лѣкарства, есть и заговоры. Народъ такъ воображаетъ **). Лихорадки крылаты, ихъ земля держитъ въ своихъ челюстяхъ на цѣпяхъ, какъ ненавистницъ человѣческаго рода; но когда ихъ спускаютъ, то эти дѣвы безъ милости нападаютъ на людей. Онѣ столь вредны, что когда имъ много дѣла, то онѣ однимъ мечтательнымъ поцѣлуемъ причиняютъ трясовицу и обитаютъ въ одержимыхъ лихорадками; и счастливъ тотъ, къ кому прикоснется лихорадка въ то время, когда и безъ того много

*) Какъ извѣстно ласточка, бойко летая, ловитъ маленькихъ настькомыхъ. Можетъ быть когда нибудь поймала на вымѣ коровы муху и острымъ носикомъ повредила вымя, вотъ и пошла прищѣта.

**.) См. Абевера Русс. Суевѣрій. 1786 г., стран. 230.

больныхъ, такъ какъ онѣ, будучи заняты дѣломъ и перелетая отъ одного къ другому, не поспѣваютъ трясти безостановочно, а даютъ время отдохнуть болящимъ; вотъ этими недосугами и объясняетъ народная фантазія, лихорадки перемежающіяся. Далѣе говорится, что сестрицы эти по деликатности сложенія и нѣжности восточнаго происхожденія, слишкомъ брезгливы: онѣ боятся собачьихъ удавокъ, свиныхъ гнѣздъ, блохъ, если кто съестъ не за знать въ хлѣбѣ, абракадабры (пѣсни въдѣмъ) и т. п. заговоровъ (см. ниже). Сибиряки, страдающіе лихорадкою, предъ приходомъ ея (когда она перемежающаяся), зачерниваютъ у себя лицо, а иногда и все тѣло и надѣваютъ на себя чужую гуню, дабы сей злой духъ его не узналъ, или бы испугавшись его, отсталъ.

Локоть чешется—на новомъ мѣстѣ спать.

Лошадь. (разныя примѣты.) Если дорогой распряжется лошадь—въ домѣ нездорово или—жена невѣрна. У Черемисовъ по годовымъ праздникамъ приносятся въ жертву бѣлые кони, послѣ жертвы они мясо ѣдятъ, предварительно очистившись и помывшись. У пожарныхъ командъ есть повѣрье, что если лошади сверхъ ожиданія, повернуть не въ ту улицу, куда ихъ направляютъ, то значить быть въ этой мѣстности пожару; тоже скоро быть близъ погорѣвшаго дома пожару, когда кони не стоятъ на мѣстѣ и бьютъ копытами; тоже говорятъ, что быть въ городѣ пожару, когда онѣ въ конюшнѣ не стоятъ смирно. Лошадь любитъ домовой дѣдушка, когда она подѣ цвѣтъ волосъ на головѣ и бородѣ хозяина. Лошадь боится ласки, которая сосетъ кровь изъ гривы и головы лошади. Лошадь любитъ козла, который своею вонью и въ тоже время, пользуясь свободой изгоняетъ всѣхъ вредныхъ животныхъ.

Луна. По народному повѣрью луна имѣетъ вліяніе на лунатиковъ (ночеходовъ), на менструацію женщинъ (въ извѣстное время), на ростъ растений и развитіе цвѣтовъ, на приливы воды въ моряхъ, наконецъ, на перемѣну погоды: Мордва почитаетъ луну нѣкоторымъ божествомъ и, увидя ее въ первый разъ новой, кланяются и просятъ, чтобы она ниспослала имъ во время своего правительства счастье, только жертвы ей не приносятъ. Кто увидитъ новую луну съ правой стороны, тотъ, по старымъ русскимъ повѣрьямъ, будетъ въ теченіи мѣсяца

получать доходъ, прямо, ни то, ни се, а съ лѣва — расходъ, Также совѣтуютъ при видѣ новой луны держаться за деньги, чтобы цѣлый мѣсяцъ была прибыль.

Лучина. Есть у нѣкоторыхъ изъ простаго народа примѣта, что кто бьетъ домашнихъ или дѣтей лучиною, тому будетъ грѣхъ, потому, что отъ этого можетъ высушить всѣхъ семейныхъ въ домѣ.

Мышь. Мышь укуситъ кого въ домѣ, тому непріятность или несчастіе. Если попортитъ какой нибудь товаръ — къ скорой продажѣ или прибыли. *Летучая мышь.*—Суевѣрные люди носили ихъ въ сушеномъ видѣ за пазухой, ради здоровья или счастья. Или заваривали кипяткомъ и такую воду давали для исцѣленія больнымъ, лежащимъ въ гнетицѣ или въ горячкѣ дѣтямъ.

Лягушка. Уральскіе казаки долго были того убѣжденія, что если во время багрения рыбы на Уралѣ попадется кому лягушка на багоръ, которыя тамъ встрѣчаются очень велики, тому не удастся поймать ни одной рыбы, хотя бы онъ нѣсколько разъ, мѣнялъ и мѣста, и багры. Суевѣры думаютъ, что если имѣть крючекъ и вилочку отъ пары лягушекъ, то можно заставить каждаго по желанію чувствовать къ себѣ любовь или ненависть.

Беременная женщина. Въ старину увѣряли, что беременной женщинѣ непремѣнно нужно было отстранять отъ себя всѣ непріятности и предметы непріятнаго вида, звѣрей, безобразныхъ людей; въ противномъ случаѣ она могла родить ребенка, лицо или образъ котораго могло имѣть большое сходство съ животнымъ, или тѣмъ уродомъ, котораго она часто видѣла, или котораго испугалась.

Такое убѣжденіе было всеобщимъ даже во время ученыхъ Плинія и Галлена, которые увлекшись существующими въ народѣ разсказами, занесли въ своихъ ученыхъ замѣткахъ случаи, изъ которыхъ мы помѣщаемъ два *).

„Я зналъ, говоритъ Галленъ, одного некрасиваго мужчину горбатаго, и довольно похожаго на Езопа. Боясь быть родоначальникомъ такого же уродливаго потомства, онъ приказалъ написать красиваго, хорошо сложеннаго мальчика, и такую кар-

*) О заблужденіяхъ и предрасул. Сальга. Сиб. 1856 г.

тину повѣсилъ въ углубленіи кровати такъ, чтобы жена въ извѣстныхъ случаяхъ, могла имѣть его передъ глазами. Ожиданіе супруга увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: жена родила красиваго мальчика, совершенно похожаго на портретъ, на который она смотрѣла въ извѣстныхъ случаяхъ⁴.

По словамъ Плинія, одна знакомая ему дама родила слона потому, что во время беременности съ большимъ вниманіемъ смотрѣла на этого животнаго. Другая дама по той же причинѣ разрѣшилась отъ бремени маленькимъ львенкомъ. Въ гелленическихъ хроникахъ Семпта разсказывается, что одна знаменитая римлянка, находившаяся въ тѣсныхъ связяхъ съ папою Мартиномъ IV, будто бы родила сына мохнатаго, какъ волченокъ и съ когтями, какъ у хищнаго звѣря. Объясняется будто бы тѣмъ, что у Папы было много картинъ изображавшихъ различныхъ животныхъ; эти картины и послужили къ рожденію мохнатаго сына. Послѣ этого случая папа приказалъ снять ихъ, боясь, чтобы прекрасная римлянка не произвела затѣмъ цѣлое поколѣніе мохнатыхъ. Сальве опровергая эти басни, между прочимъ всѣмъ вѣрующимъ въ подобныя сказки, совѣтуетъ беременнымъ женщинамъ посѣщать *Французскій Институтъ* и пристально смотрѣть на всѣхъ членовъ ученаго заведенія. Захочетъ ли она, чтобы сынъ ея былъ историкомъ, она можетъ глядѣть на бюстъ Вертота или Сенъ-Реая. А чтобы онъ былъ геометромъ—на бюстъ Паскаля и такъ далѣе.

Медвѣдь. По народному преданію, медвѣдь былъ прежде человекомъ и доказывается тѣмъ, что онъ можетъ ходить на заднихъ лапахъ, и сходные съ человѣческими глаза, что любитъ медъ и водку и пр. А остяки и другіе инородцы особенно медвѣдя уважаютъ, и шкуръ его отдаютъ большую учтивость; такъ что, если убьютъ медвѣдя, то поютъ предъ трупомъ извинительныя пѣсни ради того убѣжденія, что медвѣдь на томъ свѣтѣ будетъ вмѣстѣ съ ними, то, чтобы тамъ не отомстилъ своему убійцѣ.

Противъ уроковъ младенцевъ. Если кто замѣтитъ матери, что младенецъ ея красивъ, или здоровъ, словомъ—похвалить, то суевѣрная мать, чтобы не взяли младенца уроки, облизываетъ ему три раза лицо и каждый разъ сплевываетъ на землю. Тоже дѣлаютъ съ ребенкомъ въ баняхъ.

Суевѣрное разрѣзываніе слѣда. Въ то время, какъ только ребенокъ встанетъ впервые на ножки, мать, или другая женщина схватываетъ ножъ и торопится поскорѣе провести по полу этимъ ножемъ между ступней ребенка, ради того, чтобы разрѣшить нехождение и разрѣзать невидимые пути. Но эта опасная поспѣшность часто сопровождалась порѣзомъ пальцевъ ребенку.

Молчаніе. Когда въ компаніи вдругъ всѣ замолчатъ, то говорятъ, что въ это время пролетѣлъ ангелъ. Также говорятъ, что если кто, сидя въ компаніи, вдругъ положитъ ногу на ногу, то послѣдуетъ молчаніе.

Кому изъ святыхъ, когда нужно молиться въ разныхъ случаяхъ. Въ особенныхъ случаяхъ и въ нуждахъ простой народъ обращается специально къ разнымъ угодникамъ: напр. о избавленіи отъ чумы и эпидиміи иконъ Боголюбской Б. М.—отъ зубной боли—св. Антипію, какъ зубному исцѣлителю; отъ вора и обидчика—Іоанну войственнику; для спорости въ наукѣ, или при начатіи грамоты—Космѣ и Даміану; отъ головной болѣзни — Іоанну Предтечѣ. Отъ лихорадки есть много молитвъ (см. заговоры). О лошадяхъ молятся Фролу и Лавру. Объ овцахъ—св. Анастасіи, о сновидѣніяхъ и о снѣ—св. девяти Мученикамъ, о разрѣшеніи отъ трудныхъ родовъ—св. Анастасіи узоразрѣшительницѣ; о совѣтѣ и любви между мужемъ и женою—св. Евангелистамъ; о исцѣленіи больнаго—образу Всѣхъ Скорбящихъ; на морѣ отъ бури—св. Николаю Чудотворцу; о благополучной ловлѣ рыбы св. Ап. Петру; о коровахъ — св. Власію; о скотѣ—св. Георгію Побѣдоносцу; о бездождіи—св. Ильѣ пророку; о свиньяхъ—св. Василию Великому; о пчелахъ—свв. Зосимѣ и Савватію; о курахъ—св. Сергію; о гусяхъ—св. Никитѣ мученику; объ укрощеніи гнѣва въ человѣкѣ—св. пророку и царю Давиду.

Мухоморъ и его дѣйствіе. Мухоморъ, какъ извѣстно, ядовитый грибокъ, годный только для уничтоженія мухъ, когда его истолочь, или изрѣзать, полить патокою и поставить въ комнату, при томъ съ открытыми окнами, иначе вредный газъ можетъ принести сильную одуряющую головную боль. Но у Камчадаловъ мухоморъ считается богомъ пьянства и начальникомъ ядовитыхъ зелей и употребляютъ его въ водкѣ для питья на-

стоеннымъ. На камчадаловъ этотъ напитокъ, какъ и на ихъ шамановъ, производитъ одуряющее дѣйствіе, на кого веселящее, на кого пасмурное; вообще представляются при этомъ привидѣнія и призраки. Въ моментъ наркотическаго вліянія мухомора, камчадаламъ, какъ и отъ бѣлены, скважины представляются большими проходами, соломина—бревномъ, лужа воды—озеромъ. Мысли тоже бываютъ самыя разнообразныя въ это время, смотря по дозѣ употребленія этого напитка; въ малыхъ приѣмахъ онъ дѣйствуетъ, какъ приѣмъ хашиша или опиума, располагаетъ къ веселости, смѣху, дѣлаетъ человѣка отважнымъ; но безъ умѣренности—напитокъ этотъ располагаетъ камчадаловъ на самоубійство, такъ, что было множество примѣровъ, что они давились, или топились. За ними на ихъ оргіяхъ всегда большой надзоръ.

Насѣдку сажать—нужно класть подъ нее яйца изъ шапки, или изъ шубы, вообще изъ мѣховой вещи, чтобы было приплода больше *).

Несчастнаго въ домъ не держать. Въ народѣ есть повѣрье, что несчастному ни въ чемъ, какъ самому не спорится, такъ равно онъ и въ постороннемъ семействѣ водворяетъ несчастье. Несмотря на состраданіе къ бѣдственному положенію суевѣрные удаляютъ его отъ себя, а между тѣмъ причиняютъ сами ославленному несчастье.

Обливаніе водою. Въ старину, во времена язычества Славяне, какъ рѣкамъ, морямъ, и источникамъ, такъ даже и колодцамъ приносили жертвы для умилоствленія боговъ съ цѣлью умноженія разныхъ плодовъ, а нерѣдко и людей бросали въ воду. Въ память этого древняго идолослуженія и нынѣ еще изувѣры и суевѣры въ первый день Святыя Пасхи и въ другіе праздники, когда кто проспится заутреню, обливаютъ водою, или сталкиваютъ въ рѣку, или озеро.

Святыя колодцы, святыя озера. У насъ на Руси и по сіе время существуютъ св. озера, св. родники, которыхъ воду предпочитаютъ цѣлительною, купаются въ ней и бросаютъ на дно такихъ бассейновъ деньги, дорогія серьги, кольца, браслеты и прочее. Языческій отпечатокъ жертвоприношенія, хотя

*) Понятно, чтобы яйца не были слишкомъ остужены, это примѣта хозяйственная.

и немислимъ въ наше время, но бессознательный обычай упорно удерживается. Если боги изгнаны, то въ чью же пользу поступаютъ такіе, часто дорогіе подарки?

Обмираніе, летарія. Обмираніе существуетъ довольно часто, это похоже на продолжительный обморокъ; онъ продолжается не только два, три дня, но мѣсяць, годъ, и какъ удостоверяетъ исторія, даже не одинъ вѣкъ. Примѣры летаргическаго сна мы видимъ даже въ житіи святыхъ; а о временной смерти мы послѣ скажемъ особо. Наши русскіе простолюдины, которымъ приходилось видѣть и слышать воспрянувшихъ отъ такого чудеснаго сна, сказываютъ, что уснувшаго въ летаргій водили по мытарствамъ, спрашивали о земныхъ дѣлахъ отчета, что этому челоуѣку приходилось видѣть адскія муки и прочее. Все говорилъ онъ (летаргикъ), только не могъ сказать трехъ словъ, о которыхъ ему было строго запрещено, но кѣмъ? тоже не могъ открыть. По народному сказанію летаргики оживаютъ не надолго. Утомленный организмъ, безъ воспріятія столь долгое время пищи, не выдерживаетъ.

Обмороченіе—значитъ представленіе вещи не такъ какою она кажется, а въ какомъ нибудь другомъ видѣ, такъ напримеръ—деньги представляются лягушками или мышами.

Обнова. Тотъ, кто бывало плюнетъ на платье нечаянно, тотъ надѣялся непременно получить, или спить обнову. Бѣлыя пятна на ногтяхъ пальцевъ—тоже обозначаютъ обновы, по величинѣ ихъ судятъ о цѣнности этихъ обновъ.

Осина. Осиню народъ признаетъ проклятое дерево, за то, что на немъ, по преданію, удавился Іуда Предатель и потому на этомъ деревѣ, хотя бы даже, если вѣтру нѣтъ, происходитъ шелестъ листьевъ, оно же имѣетъ по суевѣрному понятію чрезвычайную силу противъ колдуновъ и когда такому умершему и встающему изъ могилы осиновый колъ вколотятъ между плечъ, то колдунъ прекращаетъ свое загробное странствованіе.

Пауки. По народному русскому повѣрью всѣ пауки вредны отъ мала до велика. Что будто бы кто нечаянно съестъ паука, тотъ будетъ страдать водяною или опухолью въ животѣ.

Кому садиться въ переднемъ углу. Передній уголъ вообще назначается въ церемонные дни свадьбы жениху съ невѣстою

и почетнымъ особамъ; вообще попамъ и дуракамъ. Попамъ принадлежитъ по преимуществу ихъ сана, а дуракамъ по ихъ гордости.

Переносе чешется—о покойникъ слышать.

Прищелмитъ въ дверяхъ свою одежду—значитъ быть еще разъ въ этомъ домъ.

Забить гробовую крышку въ томъ домъ, откуда вынесли покойника, значитъ—быть въ томъ домъ другому покойнику въ скоромъ времени.

Плюнуть на себя нечаянно—имѣть напраслину, или къ скорой обновѣ.

Паденіе полна. Если кто, неся къ печкѣ, выронетъ полно—быть гостямъ; то же вѣрятъ, если горящая головешка вывалится изъ печки.

Понедѣльникъ. Въ этотъ день не любятъ денегъ давать, работы заказывать, изъ дома ѣхать и наконецъ многіе боятся мясное ѣсть, во избѣжаніе неприятностей, или неуспѣха въ дѣлахъ, считая это день несчастнымъ. Конечно послѣ шумныхъ оргій и кутежа, когда руки трясутся, голова болитъ, деньги промотаны, то придется не только отказаться отъ всякихъ предпріятій и намѣреній, но даже отъ пищи, кромѣ хлѣба съ водою.

Поперхнуться при употребленіи пищи или питія значитъ, что, кто нибудь къ поперхнувшемуся спѣшитъ объѣдать.

Узнать цѣны хлѣба по колосу. По увѣренію суевѣрныхъ людей достаточно только посмотреть на колосъ. Если колосъ начинаетъ цвѣсть отъ вершины, то цѣна на хлѣбъ будетъ высокая, если съ середины, то—средняя, если съ низу, то—низкая.

Собака воетъ. По народному повѣрью, собака воетъ, или къ пожару, или къ покойнику, или къ своей смерти. Къ пожару—воетъ вверхъ мордой, къ покойнику—внизъ, а къ своей смерти—сиди, или лежа. Если на кого собака потянется—то къ обновѣ.

Саванъ шить надобно на живую нитку и отъ себя, иначе весь домъ перемретъ, по увѣренію суевѣровъ.

Свинья. Когда свинья опоросится, то не должно на эту семью смотреть дурнымъ глазомъ, иначе свинья пережретъ всѣхъ поросятъ. Пынь признано гораздо лучшимъ, отнимать отъ нее поросятъ на нѣкоторое время, или надѣвать на нее намордникъ.

Свистъ. Суевѣры утверждаютъ, что свистѣть—отвращать отъ себя ликъ Богородицы, а свистѣть въ домъ—опустѣніе. Вообще свистъ не принятъ въ обществѣ и въ семействахъ въ наше время, какъ непріятное, неуважаемое безпокойство нашего слуха.

Скопа. Такъ, у простаго народа, называлась смертоносная птица, которой ядъ заключался въ когтяхъ, который она впускала своей жертвѣ. Нужно думать, что подъ видомъ этой птицы, подразумѣвалась какая нибудь эпидемическая смерть.

Скоромъ. Встарину, въ посты, твердо соблюдаемые нашими предками, боялись упоминать слово мясо или говядина, а называли *скоромъ*, и притомъ приговаривали: „Помяни *Господи на Свѣтло Христова Воскресенье*“ или „на *Рождество Христова*“.

Соль просыпать—быть ссорѣ, во избѣжаніе ея нужно разсмѣяться или дать себя ударить по лбу.

Сорочка, въ сорочкѣ уродился, кто считается счастливымъ особенно тогда, когда былъ рожденъ заключеннымъ въ пузырь съ головы до ногъ, какъ въ яйцѣ. Эту тонкую перепонку, зашиваютъ въ тряпочку или засмалвываютъ въ медальонъ, носятъ вмѣстѣ со крестомъ на шнурѣ, вѣря, что это дастъ на всю жизнь счастье рожденному.

Домъ, зданіе строить, кто намѣренъ, то держитъ въ головѣ первое, чтобы обновить его свадьбой, иначе есть убѣжденіе, что хозяинъ дома умретъ. Потомъ—чтобы не устраивать ворота, а слѣдовательно окна на ночь, то есть на сѣверъ потому, что тогда черти хозяйна выживутъ. Хотя это не точно, но однакоже съ сѣвера постоянно дуютъ холодные вѣтры и никогда не восходитъ солнце, слѣдовательно такъ устроенное помѣщеніе можетъ быть холодно и сыро отъ вѣтровъ, особенно осеннихъ, будетъ слышнѣе свистъ и вой вѣтра особенно близъ лѣса, а лѣсные осенніе мотивы вѣтра, тяжелы для всякаго, даже и для того, который смѣется суевѣрію.

Стѣны трещатъ—домовой выживаетъ. См. *Домовой*.

Предчувствіе таракановъ.—Говорятъ, что они уходятъ изъ того дома, которому скоро горѣть; но скорѣе всего, что они всегда оставляютъ тѣ покои, гдѣ холодно, и кушанье отъ нихъ хорошо накрывается, а также и провизія, которую они лю-

бятъ. Это замѣчено и надъ мышами, которыя не любятъ, чтобы все пряталось, отъ ихъ ненасытной прожорливости.

Телятину есть—грѣхъ. На этомъ убѣжденіи телятъ, крестьяне не ѣдятъ; но есть много такихъ существующихъ въ народѣ грѣховъ, которыхъ здѣсь и не перечислить и которые основаны не на духъ религій, а на экономическихъ или гигиеническихъ началахъ, точно такъ, какъ у Татаръ и жидовъ, ѣсть свинью. Какъ татары такъ и жида получили свою религію на юго-востокѣ, тамъ гдѣ существовалъ южный палестинскій жаръ, гдѣ свиньи отъ недостатка воды и лужъ заболѣвали проказою и развивали благодаря неряшливости обитателей, заразу на людяхъ.

На этомъ то основаніи, жидамъ и магометанамъ подъ видомъ грѣха, (разумѣется грѣхъ умышленно развивать болѣзнь, какъ на людяхъ, такъ и на себѣ. Себѣ будетъ самоубійцей и другимъ убійцей) ѣсть свиней. Но у насъ ѣсть телятину запрещено должно быть бабами—экономками при другихъ началахъ: стельныя коровы, лишаясь своихъ сосуновъ, теряютъ молоко. Изъ чего и значитъ, что воздержаніе отъ телятины сельскихъ жителей происходитъ не отъ суевѣрія, а изъ экономіи чисто хозяйственной со стороны старухъ; но кромѣ того, со стороны мужчинъ, тоже имѣется въ виду выгода вырастить теленка — бычка, на семѣна, а телушечку, на племя, да на добычу молочка; выростутъ и копѣечку намъ дадутъ. Вотъ отчего телятина у насъ, у крестьянъ, грѣхомъ считается, а баранина ничего... Вѣдь баранъ хоть шерстку и даетъ, да крестьянинъ съ него и шкурку деретъ, а себѣ тулупъ шьетъ, а безъ шкурки, баранъ чловѣку на съденіе данъ. Вотъ мужичекъ по праздникамъ только баранинкой и занимается, а ни телятиной, ни говядиной, ни, ни! развѣ свининкой, аль поросятинкой, ну это другое: свинья кромѣ щетины да поросятъ ничего не даетъ: ни молока, ни сливокъ, ни творога, ни масла... Скотина безрогая, безталанная!

Угорь—поганая рыба, змья. Простой народъ, не уважаетъ угря, признавая въ немъ рѣчную змью, какъ по наружнымъ ея признакамъ, такъ и по тому, что будучи разрѣзанъ на куски угорь обнаруживаетъ движеніе въ каждой отрѣзанной части, точно также какъ змья, да и потому наконецъ, что онъ жи-

веть въ нечистой водѣ, кормится дрянью. Тогда, говорятъ, его ѣсть можно, когда въ семи городахъ рыбы нѣтъ, а на дворѣ *масляница*. Точно также не любятъ въ Костромской губерніи рыбу, похожую на налима, но немного красноватѣе въ отгѣнкахъ, которая зовется *пискунъ*, а народъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ называетъ ее позорнымъ словомъ.

Уроды. Въ Россіи людей-уродовъ, въ старину, эксплуатировали въ свою пользу всѣ тѣ, кто любилъ даромъ собирать съ народа деньги, ничего не дѣлая и собирая на урода добровольное пожертвованіе, питался до смерти урода, или самъ до смерти своей благодушествовалъ въ жизни, пользуясь своей жертвой. Такими уродами, а также и калѣками, равно изуродованными калѣками искусственно, занимались въ старину Ростовцы (Ярослав. губерніи). Между тѣмъ Якуты, по своимъ понятіямъ, почитаютъ всѣхъ уродовъ не только изъ среды животныхъ, но даже людей, исчадіями дьявола и стараются ихъ уничтожить. Но у Якутовъ вѣра составляетъ видоизмѣненіе Ламайской вѣры. Между тѣмъ мы видимъ, что и Китайцы, сохранившіе вѣру ламайскую въ ея чистотѣ, тоже уничтожаютъ своихъ младенцевъ — уродовъ, что имъ даже не запрещено будто бы, тогда, какъ указомъ богдыхана запрещено истреблять зародышей во чревѣ матери.

Утопленникъ—жертва водяного или русалокъ. Простой народъ говоритъ, что эти всѣ утопленники не имѣли креста, купались или въ полдень, или въ полночь,—самое опасное время, потому, что русалки или водяной пуще всего въ это время дебоширятъ. Говорятъ, утопленникъ сидитъ на днѣ рѣки или вообще на днѣ другаго какого резервуара, или бассейна на корточкахъ, и какъ обмершій (по понятіямъ новѣйшаго изслѣдованія науки) хватаетъ неловкихъ водолазовъ въ охапку и тѣмъ затопляетъ ихъ. Искусство нырковъ или водолазовъ въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы утопленниковъ брать сзади и за волосы и съ нимъ вмѣстѣ подняться, то-есть вынырнуть къ берегу. По разсказамъ многихъ ловкихъ водолазовъ, мастеровъ своего дѣла по части изслѣдованія русла рѣкъ, если они видѣли утопленника, то непременно въ спячемъ положеніи и на корточкахъ, будь то женщина, или муштина. Но когда въ утопленникѣ пузырь лопался, то жен-

щина всплывала по теченію рѣки на спинѣ, а мущина кверху спиною.

Ужъ, домашняя змья. Ужа считаютъ неопаснымъ змѣемъ. Деревенскіе жители говорятъ, что онъ живетъ въ южной Россіи подъ полами жилыхъ домовъ, и выходитъ изъ подъ полу въ ту пору, когда маленькіе ребятки, сложа ножки, ѣдятъ съ молокомъ кашу. Случалось слышать рассказы такого рода: „ребятенки молоко на полу хлѣбаютъ, а ужи въ чашку къ нимъ молоко пить залѣзаютъ. Ребята, какъ привычный къ ужамъ, народъ, ужей, то одинъ, то другой ложкой: — хлоп! ну вотъ ужи опять и скрылись подъ полъ, не ужаливъ дѣтей“. Мы не можемъ сказать, гдѣ ужи вредны. По изслѣдованіямъ Симашко они безвредны... Народный говоръ слѣдующій: *) Ужъ въ сѣнокосъ и другую страдную пору, когда люди имѣютъ отдыхъ, посреди поля или въ лѣсахъ, шщутъ будто бы такихъ мѣстъ, гдѣ водятся ужи. Тутъ они разсчитываютъ мѣста совершенно безопасными отъ вредныхъ змѣй; есть повѣрье, что змья влѣзаетъ въ горло и сонному человѣку представляется будто онъ глотаеъ что-то холодное. Какъ бы то ни было, но по суевѣрію, а можетъ быть и по убѣжденію народа, ужъ такихъ змѣй отгоняетъ. Народъ спитъ безопасно отъ змѣй вредныхъ довѣряясь гнѣзду ужей, что, по народному сказанью, и оправдывается. Ужъ отгоняетъ такихъ змѣй прочь и не отходитъ отъ человѣка; а иногда вползши на грудь, лежитъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ проснется. Когда кто на ужа наступитъ, да если успеетъ сказать: *ахъ! ненарокомъ!* то ужъ не ужалитъ, вообще ужъ не ядовитый змѣй; но нѣкоторые, вѣроятно смѣшная ужа съ другими змѣями, ихъ считаютъ ядовитыми; но напротивъ это полезныя животныя, какъ истребители мышей, лягушекъ, птичекъ и проч. Говорятъ, что отъ ужаленія ядовитой змѣй стоитъ только окунуться въ воду ранѣе ее.

Утопленникъ нечаянный—другое дѣло, но тотъ кто нарочно утонулъ, по старинному, поминать на молитвѣ за упокой считалось за грѣхъ для поминателя. Говорятъ, что вынутаго изъ воды утопленника нужно непременно откачивать, но не класть на землю: если положить на землю замершаго, то онъ непре-

*) Абевсга русскихъ суевѣрій.

мѣнно умереть, несмотря на разнаго рода растиранія щетками, щекотанія и прочее. Но медицина отрицаетъ откачиваніе на бочкахъ, на рукахъ, на коврахъ.

У камчадаловъ почитается за грѣхъ, избавить утопающаго; у нихъ есть убѣжденіе, что кто вытащитъ утопающаго изъ воды, тотъ самъ утонетъ; тоже освободить занесеннаго въ дорогъ—считается за грѣхъ.

Уши горятъ. У кого горятъ уши, того гдѣ нибудь въ то время переговариваютъ, то-есть подсмѣиваютъ; когда-жъ въ ушахъ звонить, то загадавъ что нибудь, спрашиваютъ, въ какомъ ухѣ звонить?

Филинъ. Эта птица въ народѣ считается пагубною, потому что предвѣщаетъ несчастіе (будто бы); когда птица эта прилетѣвъ на уголь какого нибудь дома, начнетъ кричать. Суевѣрные люди носятъ при себѣ ея когти, чтобы охранить себя отъ чародѣйства.

Фортуна. Фортуна, богиня счастья; ее повсюду изображаютъ на шарѣ, съ повязкою на глазахъ, держа въ рукахъ рогъ изобилія, изъ котораго сыпались разные предметы.

Франкъ масоны. Извѣстное братство, существовавшее до начала нашего столѣтія въ большой силѣ. Наши простолюдины про масонъ, говорятъ вотъ какія странныя вещи: тотъ, кто вступитъ въ члены Франкъ масонскаго ордена, тотъ неотступно долженъ исполнять всѣ условія ордена, состоящія въ томъ, чтобы не измѣнять его тайнамъ и не оставлять его для этой цѣли; будто бы вступающій долженъ дать рукописаніе своею кровью, а съ него его же кровью пишутъ портретъ и вѣшаютъ на стѣнѣ совѣта франкмасонской логи. Если портретъ почернѣетъ, то значить вступившій измѣнилъ сектъ. Тогда стоитъ только одному изъ членовъ выстрѣлить въ портретъ, и оригиналь его немедленно умереть въ ту минуту, несмотря ни на какое разстояніе. Тоже говорятъ, что кто подслушаетъ что либо у Франкъ Масоновъ тайно, тотъ оглохнетъ. Въ народѣ называли ихъ фаръ—мазоны.

Чуранье. *чураться* говорить „чуръ меня“. значитъ ограждать себя отъ предстоящей опасности, напримѣръ отъ дьявола, а иногда въ играхъ. Чуръ, у древнихъ Славянъ былъ богомъ хранителемъ межей, полей, пашень и властителемъ надъ чер-

тами. Поэтому то его всегда, какъ оберегателя, призывали въ крайней опасности и старались заручаться.

Юпка (примѣта). Если у замужней женщины при надѣваніи юпка завернется, то это, по суевѣрію бабъ, считается, что въ тотъ годъ, та женщина родитъ.

Яица (примѣта). Подъ насѣдку назначенныя яйца не должно переносить чрезъ рѣку, или каналъ, потому что отъ того не будетъ цыплятъ, а нужно непременно въ шапкѣ переносить съ мѣста на мѣсто, чтобы куры были съ мохнатыми ногами и съ хохлами.

Ячмень на глазъ—чирышекъ, если сядетъ на глазу, то чтобы онъ уничтожился, стоитъ только не въ примѣту тому, кто его имѣетъ, слегка плюнуть въ больной глазъ, или поднести къ больному глазу кукишъ, говоря: „*ячмень, ячмень! вотъ тебѣ кукишъ, что хочешь, то и купишь, купи себѣ топорокъ, съки себя попережъ*“ и увѣряютъ, что отъ этого болѣзнь скоро проходитъ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПРИМѢТЫ.

Изстари существуютъ примѣты, освященныя вѣками, которыя передаются изъ вѣка въ вѣкъ, какъ заповѣдь. Эти примѣты основанныя на климатическихъ условіяхъ, отчасти атмосферическихъ и астрономическихъ, приблизительно вѣрны для средней полосы Россіи. Мы будемъ руководствоваться въ этомъ случаѣ примѣтами, располагая ихъ помѣсячно *).

Январь. 5. Яркія звѣзды подъ крещеніе породятъ бѣлыхъ ярокъ. **6.** На Крещенье день теплый—будетъ хлѣбъ темный. Если на воду идутъ (на Иорданъ) въ туманъ—хлѣба будетъ много. На крещенье мятель—на Святой мятель. Мететь снѣгъ (въ этотъ день) хлопьями—къ урожаю. Звѣздная ночь—урожай на горохъ и ягоды. **8.** Коли на Омеляна (Емеліана) подуетъ отъ Кіева—лѣто грозно. **10.** На Григорія Нисскаго иней на стогахъ—къ мокрому году. **18.** На Аѳонасіа ломоноса—береги носъ (морозы). Помело метлой на маслину—придетъ государыня мятельная. Въ полдень солнце—весна ранняя. **22.** Ти-

*) Примѣты эти взяты изъ календаря Алексѣя Алексѣевича Гатцука.

мофьевскіе морозы—ползимы. 24. На Аксинью полузимницу дорогу перемететь—кормъ подмететь. Ведро—весна красная. Какова Аксинья, такова и весна.

Февраль. Февраль бокогрѣй, воду подпустить, а Мартъ подбереть. 2. На Трифона звѣздно—весна поздняя. Срѣтенскіе морозы и оттепели. Какова погода на Срѣтенье, такова и весна. На Срѣтенье снѣжокъ—весной дожжокъ. Капель—урожай на пшеницу. Отъ 3 до 11—семь крутыхъ утренниковъ: три до Власія, четыре послѣ Власія. 11. Св. Власія—сшиби рогъ съ зимы. Власьевскіе морозы. 15. Онисима Овчарника, окликають звѣзды для плодородія овецъ. 28. Василия капельника.

Мартъ. И Мартъ на носъ садится (Морозъ). Ни въ Мартѣ воды, ни въ Апрѣль—травы. Коли въ Мартѣ снѣжокъ за долинами—урожай на огородину и ярицу. 1. Пролѣтье, Авдотья Плющиха, подмочи порогъ. Пришли Евдокѣи—мужику затѣи. Евдокія весну сряжаетъ. Красный день Евдокии—урожай на огурцы и грузди. Новичекъ на Евдокию съ дождемъ—быть лѣту мокрому. На Евдокею снѣгъ—урожай; теплый вѣтеръ—лѣто мокрое; сѣверно—холодное лѣто. Съ Евдокен погоже—все лѣто пригоже. Съ Евдокен вѣтры и вихри. Отколь вѣтеръ въ Евдокеи, оттоль и во все лѣто. 2. На Ѳедота наносъ—все сѣно снесешь (долго травы не будетъ). 4. Герасима грачевника. Коли грачи прямо на гнѣздо летять—дружная весна. 9. Сорокъ мучениковъ—сорокъ утренниковъ (впереди будетъ). 17. Алексѣя—съ горъ вода. Каковы на Алексѣя теплаго ручьи—такова и пойма. 25. Весна на Благовѣщеніе—много морозовъ впереди. На Благовѣщеніе дождь—родится рожь, морозъ—урожай на грузди, гроза—къ теплomu лѣту и орѣхамъ, мокро—къ грибамъ. Зимній путь кончается или за недѣлю—до Благовѣщенія или спустя недѣлю—послѣ Благовѣщенія.

Апрѣль. Въ Апрѣль земля прѣтеть. Апрѣль съ водою—Май съ травою. Апрѣль снитъ да дуетъ,—тепло бабамъ сулить, а мужикъ глядитъ, что-то будетъ. 1. Марья зажги снѣга, заиграй овражки. Коли разливъ—травы много. 5. Пришоль Федулъ—теплекъ раздулъ. 12. Василья Парійскаго—весна землю парить. 15. На св. Пуда—доставай пчелъ изъ подъ спуда. 16. Прины—сѣй капусту на разсадникахъ. 18. На Козьму—сѣй морковь и свеклу. 23. Егорій съ росой, Никола съ травой,

Егорій съ тепломъ, Никола съ кормомъ. Егорій съ ношей, Никола съ возомъ. Юрій запасаетъ коровъ, Никола коней. Коли на Юрія березовый листь въ полушку, къ Успенью клади хлѣбъ въ кадушку. Юрій (Георгій) весну начинаетъ, а Илья лѣто кончаетъ. На Юрья дождь—скоту легкой годъ, а гречи не родъ. На Юрья роса не надо овса; снѣгъ (крупа)—уро- жай на гречу. Морозъ—будетъ просо, овесъ и гречи хороши. Ясно утро—ранній сѣвъ, ясный вечеръ—поздній сѣвъ. **30.** Теплый вечеръ и звѣздная ночь—къ урожаю и ведрому (су- хому) лѣту.

Май. Мѣсяць май—коню сѣна дай; а самъ на печь полѣзай. Коли въ маѣ дождь—будетъ и рожь. Май холодный—годъ хлѣбо- родный. **1.** Коли на Еремѣя погоже—уборка хлѣба пригожъ. **2.** Борисъ—соловьиный день. На Бориса—самъ боронися. Бор- исъ и Глѣбъ—сѣютъ хлѣбъ. **5.** Ирины разсадницы. **6.** Иова горошника, росенника, большая роса—къ урожаю огурцевъ. **8.** Ивана пшенишника. **9.** Николая вешній—праздникъ конюховъ. Лягушка квачетъ — овесъ скачетъ. Сади картофель. **11.** На Мокія мокро, или туманно—все лѣто мокро. Выходъ солнца багряный—все лѣто грозное. **13.** Лукерья комарницы. **14.** Про- шли Сидоры—прошли сиверы. **15.** На Пахомія бокогрѣя позд- ний овесъ и пшеницы. Пришолъ Пахомъ — понесло тепломъ. **18.** Семь дѣвъ сѣютъ ленъ.—Пришелъ Ѳедотъ—берется земля за свой родъ. Коли на Ѳедота на дубу макушка съ опушкой— будешь мѣрять овесъ кадушкой. **19.** На Ивана долгаго—сажай огурцы. **21.** На Олену—сѣй ленъ, ярицу, гречу, ямень, сѣй огурцы. **23.** Леонтія огуречника. **26.** Съ Иванова дня пошли медвяныя косы. **29.** Феодосіи колосяницы.

Іюнь. Конецъ полѣтѣя — начало лѣта. **1.** Красно утро на Устина—красный наливъ ржи. Дождливый и пасмурный день— урожай на ленъ и коноплю. **3.** На Луку полуденный вѣтеръ— къ урожаю яровыхъ; сѣверозападный — къ сырому лѣту; во- сточный—къ повѣтріямъ. На Троицкой недѣли дождь—много грибовъ. **8.** Гроза на Федора лѣтняго—плохая уборка сѣна. **12.** Петра солнцеворота, капустника. Солнце за зиму,—лѣто на жары. **13.** Акулины гречишницы (гречиху сѣютъ на недѣлю до Акулины, либо за недѣлю послѣ). **23.** Акулины купальницы. **24.** Ивана купала—1-й покосъ. До Иванова дня просите дѣтки

дождя у Бога, а послѣ Ивана я самъ упрошу. Сильная роса на Ивана—къ огурцамъ. 27. На Сампсона сѣногной дождь—7 недѣль дождь. 29. Съ Петрова дня красное лѣто—зеленый покосъ. Зарница хлѣбъ зорить, коли дождь на Петровъ день—сѣнокосъ мокрый. На Св. Петра день дождь—урожай не дурной, два дождя—хорошій,—три—богатый.

Іюль. Сѣнозарникъ, страдникъ. 1. Начало покоса. Кузьма и Демьяны пришли — на покосъ пошли. 8. Коли на Казанскую черница (черника ягода) поспѣла—поспѣла и рожь. Зажинъ ржи. 12. Св. Прокла—отъ росы поле промокло, (великія росы. 19. Коли на Макрину мокро—страда (полевая работа) ненастная. 20. Илья жниво зачинаетъ, лѣто кончаетъ. Начинаются утренники. На Ильинъ день до обѣда—лѣто послѣ обѣда—осень. До Ильина дня въ сѣнѣ пудъ меду, послѣ Ильина дня пудъ навозу (значить хорошо сѣно скосить до Ильина дни, поспѣшить надо, а то гнить будетъ). 22. На Марью—сильныя росы—льны будутъ сѣры и косы. 25. Коли утренникъ холодный, и зима холодна. 29. Пронеси Господи Калинника морокомъ (туманомъ), а не морозомъ.

Августъ. Овсы да льны въ августъ смотри. 1. Во что Макавеи, въ то и разговѣнье. Съ перваго Спаса хорошая роса. 3. На Исакія вихри—къ крутой зимѣ. 6. Со втораго Спаса начало засѣва озими. Пришелъ второй Спасъ, бери рукавицы про запасъ. (Значить могутъ и руки озябнуть). Осенины. 10. Коли на Лаврентія вода тиха, осень будетъ тиха, и зима безъ вьюги. 15. Оспожинки, обжинки. На Успенъ огурцы солить; на Сергія капусту солить. 16. Третій Спасъ хлѣбный. Съ 15—29. Молодое бабье лѣто. Сѣй озими до Фрола. 18. Фрола и Лавра—лошадиный праздникъ. Начало утренниковъ. 23. На Св. Луппа, овесъ морозомъ лупить. Первые заморозки (лупенскіе). Коли брусника поспѣла и—овесъ дошелъ.

Сентябрь. Сентябрь заревникъ. (Зарень). Много желудей—къ теплой зимѣ и плодородному лѣту. 1. Въ Семенъ день—сѣвалка съ плечъ. Осенины, первая встрѣча осени. Бабье лѣто по Спасовъ день. (8 числа) Бабій праздникъ и бабьи работы. Не постно оно, осень сухая. Много тепетника—осень ясная, зима холодная. 8. Малая пречастая Пасиковъ и Луковъ день. Осенины. Вторая встрѣча осени. 11. Всякому лѣту аминь.

14. Вздвиженье — кафтанъ съ плечь сдвигаетъ, тулупъ надѣваетъ. Начало капустныхъ вечеровъ, или капустниковъ. **15.** Никиты гусепролета, рѣпорѣза. Стрижка овецъ. **18.** Коли журавли полетятъ, то будетъ на Покровъ морозъ, а нѣтъ, то позже. **24.** Ѳеклы заревницы—замолотки. **27.** Савватія—пчельника.

Октябрь. Октябрь—грязникъ, ни колеса, ни полоза не любить. Поздній листопадъ—на тяжелый годъ. Коли листь съ дуба и березы упалъ чисто—легкій годъ, нечисто—къ строгой зимѣ. Листъ ложится на земь вверху изнанкой (мохнатой стороной)—къ урожаю. Хорошая отава—къ озими. Первый снѣгъ за сорокъ дней до зимы. Ива рано инеемъ покрылась—къ долгой веснѣ. **1.** Покровъ — первое позимье. Вѣтеръ съ востока—зима холодная. Не покрыть Покровъ снѣгомъ—не покроетъ и Рождество. **7.** Съ Сергія зима начинается. Съ Матрены (1 ноября), черезъ четыре седмицы, становится. **9.** Іаковъ Братъ Господень, крупичу пошлетъ. **14.** На Грязниху порошокъ — грязь. 4 Селины до зимы. **28.** Прасковьи Льянницы. **29.** Авраамія печерника, Настасьи стригольницы.

Ноябрь. Снѣгу надуеть—хлѣбъ придуеть, вода разольется—сѣна наберется.—Мокрый снѣгъ на озимь,—тотъ же наземь. Безъ воды зима не станетъ. Первый прочный снѣгъ въ ночи и на мокрую землю. Коли ледъ на рѣкѣ становится грудями—будутъ хлѣба груды. **1.** Козьма, Демьянъ съ мостомъ—Никола—съ гвоздемъ. Козьма Демьянъ—закуеть, Михаила раскуеть. **8.** Михаила съ полумостомъ. Коли на Михаила закуеть—на Николу раскуеть. **9.** Съ Матрены зима встаетъ на ноги. **11.** Ѳедоръ Студить, землю студить. **12.** Коли дождь—то оттепели до Введенія. **15.** Гурій на пѣгой кобылѣ (грязь и снѣгъ). **16.** На Матвѣя земля прѣе. **21.** Введенье ломаетъ леденье. Введенскія оттепели. Введенскіе морозы зиму не ставятъ. **26.** Юрій съ мостомъ, а Никола съ гвоздемъ.

Декабрь. Большой иней, бугры снѣга, глубоко промерзлая земля—къ урожаю. Коли снѣгъ привалить вполоть къ заборамъ—плохое лѣто; коли есть промежутокъ—урожайное. **4.** Трещитъ Варюха — береги носъ да ухо! (Морозъ). Варвара моститъ, Савва востритъ (или салитъ), а Никола гвоздитъ. Коли въ Николинъ день слѣдъ замаетъ.—дорогъ не стоятъ. **9.** Опока

на деревьях—къ урожаю. 12. Спиридона Солнцеворота. Солнце на лѣто—зима на морозъ. 16—17. Иней—теплые святки. Коли на Агея сильный морозъ, то онъ простоятъ до Крещенія. 24. Какова опока на деревьяхъ, таковъ будетъ цвѣтъ на хлѣбъ. 25. Ясный день—къ урожаю. Небо звѣздисто—къ большому приплоду скота, къ ягодамъ и гороху. Тропинки черны—къ урожаю гречи.

Народныя примѣты по солнцу и облакамъ.

Солнце съ красною зарею заходитъ, а съ свѣтлою восходить—къ ведру и ясному дню. Красная вечерняя заря—къ вѣтру. Въ тучу, темное облако садится—къ дождю. Въ туманъ—тоже. Сильно при закатѣ сияетъ—къ большому вѣтру. Тупые и рѣдкіе лучи солнца при закатѣ или восходѣ—къ дождю.

Свѣтлое облако предъ восходомъ солнца—хорошій день. Темноватое—пасмурный или дождливый. Мѣняющее цвѣта облако—къ дождю. Красныя облака—къ дождю. При полудневномъ вѣтрѣ—къ порывистому вѣтру и непогодѣ. Если же при этомъ лучи солнца темнѣютъ, то ожидай грозы. Кучею облака при восходящемъ солнцѣ—къ переменной погодѣ. Изъ темнаго облака солнце появляется съ большимъ жаромъ—къ грозѣ. Солнце паритъ и тишина въ воздухѣ—къ большой грозѣ и дождю. Краснаго цвѣта солнце на восходѣ—къ большому вѣтру. Солнце въ туманѣ—къ дождю. Различнаго цвѣта лучи восходящаго солнца—къ пасмурной, или къ дождливой погодѣ. Тоже предвѣщаетъ желтый, бѣлый, или зеленой восходъ солнца. Кругъ около солнца не раздѣляющійся при исчезновеніи—къ доброй и сухой погодѣ. Если кругъ разорвется, то со стороны разрыва кольца, будетъ вѣтеръ. Если кругъ темноватый, зимою—предвѣщаетъ стужу, лѣтомъ—дождь и вѣтеръ. Кругъ зеленоватый или красноватый предъ восходомъ, или заходомъ солнца—дождь, или вѣтеръ на нѣсколько дней.

По лунѣ. Если вѣтеръ въ три дня, обглядится, то весь мѣсяцъ будетъ ведряный. Когда мѣсяцъ родится внизъ рогами (къ югу), то зимою будетъ теплый, а лѣтомъ жаркій мѣсяцъ; когда рогами вверхъ, то зимою холодный, а лѣтомъ вѣтряный.

Рога къ вѣтру, но нижній крутой, верхній отлогій, то первая половина мѣсяца зимой холодная, лѣтомъ вѣтреная; если же верхній рогъ круче, а нижній отложе, то та же примѣта на вторую половину мѣсяца.

Рога луны остры и ярки—къ ведру. Круты—къ морозу, Отлоги рога—къ ненастью. Тусклый мѣсяць—къ мокроти. Ясный—къ суху. Въ синевѣ—къ дождю; въ краснѣ—къ вѣтру, съ ушами—къ морозу. Ясная, кругловатая луна—зимой къ стужѣ. Лѣтомъ—къ ведру. Кольцо вокругъ луны—къ вѣтру.

По звѣздамъ. Когда млечный путь свѣтитъ, то будетъ хорошая погода. Когда же кажется, что звѣзды въ немъ словно бѣгутъ, то будетъ вѣтеръ. Черные круги около звѣздъ—къ дождю. Бѣлые и красные—къ ведру. Темные, зеленые и блѣдные круги—къ дождю. Сильно блестятъ звѣзды лѣтомъ—къ жарѣ.—Зимой—къ морозу. Темнѣютъ—къ переменной погодѣ, вѣтру и грозѣ. Мало звѣздъ видно—къ пасмурной погодѣ и дождю; а откуда лучи звѣздъ будутъ длиннѣе оттуда будетъ вѣтеръ.

По воздушнымъ явленіямъ. Громъ зимой—къ сильнымъ вѣтрамъ. Пушистые иней—къ ведру. Вечерняя роса—къ ведру. Туманъ падаетъ (не поднимается)—къ ведру, поднимается—къ ненастью. Высокая и круглая радуга—къ ведру, пологая и низкая—къ ненастью. Большіе дождевые пузыри—къ ненастью и пушечу дождю. Ранняя роса лѣтомъ, а осенью иней—къ ведру. Дымъ столбомъ—къ морозу или къ ведру. Когда дымъ безъ вѣтру бьетъ къ землѣ, лѣтомъ—къ дождю, зимой—къ снѣгу.

По животнымъ. Скотъ ложится подъ кровлю—къ ненастью, а на дворѣ—къ ведру. *Свинья* чешется—къ теплу. Визжитъ—къ ненастью; солону таскаетъ—къ бурѣ. *Лошадь* храпитъ—къ ненастью, фырчетъ—къ дождю, трясетъ головой и закидываетъ къ верху—къ ненастью. *Собака* валяется—къ ненастью. Траву ѣстъ—къ дождю. *Кошка* лижется—къ ненастью. Кошка моется, лижетъ лапу—къ ведру; Морду хоронитъ—къ морозу, либо—къ ненастью; въ печурку садится—къ морозу, непогодѣ; скребетъ полъ—къ вѣтру и мятели; стѣну деретъ—къ непогодѣ. Крепко спитъ—къ теплу; лежитъ брюхомъ или рыльцемъ кверху—къ теплу.

Дворовая птица ощипывается—къ ненастью.

Курица на одной ногѣ стоитъ—къ стужѣ. Насѣдка сажаетъ подѣ себя цыплятъ—къ ненастью.

Вороны въ кучу собираются—къ ненастью, купаются—тоже; каркають стаей лѣтомъ—къ ненастью; зимой—къ морозу.

Воробы въ пыли купаются, или щебечуть—къ дождю. *Ласточки* низко летаютъ—къ дождю, а высоко—къ ведру.

ЗАКЛИНАНІЯ, ЗАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ, МОЛИТВЫ, ПОДХОДЫ, ПРИГОВОРЫ и проч.

Знахари, пользующіеся большой довѣренностью въ простомъ народѣ, употребляютъ заговоры и другіе обряды только для того, чтобы прикрыть таинственностью свои дѣйствія; въ сущности врачебное искусство, которое по преимуществу состоитъ въ знаніи свойствъ нѣкоторыхъ травъ. Народъ же, по склонности своей къ суевѣрію, допускаетъ и даже съ охотою вѣрить этому шарлатанству, которое по времени сдѣлалось преобладающимъ, такъ, что въ настоящее время ни одинъ знахарь не приступитъ къ леченію безъ заговора, или какой либо маскирующей дѣйствіе обрядности. Обряды, эти тутъ не имѣютъ никакого значенія въ сущности, но много вліяютъ на народъ, пробуждая въ немъ вѣру въ несомнѣнность акта.

Допустивъ при леченіи обряды, народъ легко допустилъ знаніе знахарями таинственныхъ словъ, которыя имѣютъ силу осуществлять желаемое. Сила этого слова, по мнѣнію народа, заключается въ самомъ словѣ и времени, когда оно произносится. Основываясь на этомъ, народъ излеченіе болѣзней относитъ не къ травамъ, а къ словамъ и обрядамъ, сопровождающимъ леченіе.

Принадлежности знахарства, употребляемыя при леченіи, ворожбѣ, отдуваніи, нашептываніяхъ и пр. слѣдующія: печная глина, уголь, соль, зерна хлѣбныя, и проч. Принадлежности эти, какъ видно, сходны съ принадлежностями колдуновъ, но они, по повятію народа, имѣютъ особое значеніе: у первыхъ, соль, уголь, и прочее по вліянію злыхъ духовъ, принимаетъ въ себя вредное начало для человѣка; у знахарей же напротивъ: освященные силою слова, они служатъ на пользу; напр.,

уголь употребляется для излеченія отъ сглаза, соль отъ желудочныхъ болѣзней и т. д.

Заговоры отъ истеченія крови.

1. Знахарь крѣпко сжимаетъ указательнымъ и большимъ пальцемъ рану и произноситъ до трехъ разъ, отплевываясь послѣ каждого раза въ правую сторону: „Дернъ дерись, земля крѣпись, а ты кровь, у раба (имя рекъ) уймись“. или же говоритъ такъ: 2. „На морѣ Океанѣ, на островѣ на Буянѣ, дѣвица краснымъ шолкомъ шила; шить не стала, руда (кровь) перестала“. Эти слова тоже говорятся три раза, не переводя духа, а иначе кровотеченіе можетъ усилиться *).

3. *Чтобы не шла кровь изъ раны.* При порубѣ, или при другихъ случаяхъ, когда кровотеченіе считается опаснымъ, три раза наговариваютъ шепотомъ слѣдующія слова и послѣ каждого раза на рану сплевываютъ:

„Лягу благословясь, стану перекрестясь; выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота; погляжу въ чистое поле— ѣдетъ изъ чистаго поля богатырь, везетъ вострую саблю на плечъ, сѣчетъ и рубитъ онъ по мертвому тѣлу, не тече ни кровь, ни руда изъ энтова мертваго тѣла. (*Записалъ А. Шешкинъ въ Кемскомъ уездѣ.*)

4) *Заговоръ отъ крови.* Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Доселева было при Агарянѣ царѣ, небо мѣдно и земля желѣзна и не дала плоду отъ себя. Какъ утихнулись и ужахнулись рѣки и ручьи и малые источники, такъ бы утихнулась у раба б. Н. кровь горячая и щепота, и ломота, и много пособляешь всѣмъ моимъ словомъ, какъ ключъ небо, а замокъ земля, аминь, аминь, аминь, (*Записалъ помощ. Миссіонера Батраковъ, въ с. Ухтостровѣ, Холмогор. уѣз., Арх. губ.*).

5. *Заговоръ отъ поръза.* На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ бѣлъ, горючъ камень Алатырь, на томъ камнѣ, Алатырь, сидитъ красная дѣвица, швея мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, руда желтую, зашиваетъ

*) См. *Очерки повѣрій, преданій, примѣтъ и таданій.* Вор. губ., свящ. магистръ Никоновъ.

раны кровавыя. Заговариваю, я раба (такого-то) отъ порѣзу. Булатъ прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань *).

6. *Отъ истеченія крови.* Въ Мѣшовскомъ уѣздѣ, надъ обрѣзаннымъ, или порубленнымъ мѣстомъ, знахари говорятъ три раза: „Летитъ воронъ чрезъ Черное море, несетъ нитку шелковинку; ты нитка оборвись, а ты кровь уймись. Послѣ того каждый разъ дуютъ на порѣзанное мѣсто. (*Сообщено П. Евстигньевымъ ***).

7. *Заговорить кровь.* „Фу ты, Боже мой! ни крови, ни раны,—чистая рана, ни синей опухоли. Ни ножомъ не сѣклся, ни топоромъ, никакимъ инструментомъ и нѣтъ у раба Божія (имя рекъ), ни щипоты, ни ломоты, ни синей опухоли. (*Доставилъ г. Никольскій изъ гор. Мезени ****).

8. *Чтобы не шла кровь изъ раны.* Конь младъ, человекъ старъ. Ты, руда, стань, болѣе не капь у раба Божія (имя рекъ). (*Записано г. Шешенинымъ въ Кемскомъ уѣздѣ*).

9. *Чтобы не шла кровь изъ раны.* Баба шла по дорогѣ, собаку вела за собой; баба пала, собака пропала; руда стань, больше не кань. (*Записалъ Шешенинъ въ Кемскомъ уѣздѣ*).

10. *Если какой либо человекъ посячетъ, что-нибудь у себя, то заговариваетъ кровь, или щипоту.* Стану я рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за воротами. Въ чистомъ полѣ стоитъ святъ окіанъ-камень, на святомъ окіанъ-каменѣ сидитъ красная дѣвица съ шелковой ниткой, рану зашиваетъ, щипь унимаетъ и кровь заговариваетъ у раба Божія (имя рекъ), и чтобы не было ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, тѣмъ моимъ добрымъ словомъ ключъ и замокъ отнынѣ до вѣку, аминь. (*Нарядъ Устьпод. Удѣльн. Прав. о доставл. въ арх. Удѣльн. Конт. Этнограф. свѣд. 1847 г. по описи № 60*).

1. *Заговоръ отъ недуговъ красной дѣвицы, въ болѣзни любовнаго молодца.* Ложилась спать я, раба Божія (такая-то), въ темную вечернюю зорю, темнымъ темно; вставала я (такая

*) Связаніе Русс. Нар. Сахарова. Спб. 1841 г. Т. I.

***) См. Таянств. чары. Изданіе Леухина.

****) См. Труды Этногр. Отдѣла. 1878 г. Книга V. вып. II.

то) въ красную утреннюю зорю, свѣтлымъ свѣтло; умывалась свѣжею водою; утиралась бѣлымъ платомъ. Пошла я изъ дверей до двери, изъ воротъ въ ворота, и шла путемъ дорогою, сухимъ сухопутьемъ, ко Окіанъ-морю, на святъ островъ; отъ Окіанъ—моря узрѣла и усмотрѣла, гляючи на востокъ красного солнышка въ чисто поле, а во чистомъ полѣ узрѣла и усмотрѣла: стоитъ семибашенный домъ, а въ томъ семибашенномъ домѣ, сидитъ красная дѣвица, а сидитъ она на золотомъ стулѣ, сидитъ уговариваетъ недуги, на колѣняхъ держитъ серебряное блюдечко, а на блюдечкѣ лежатъ булатные ножички. Взошла я раба (такая-то) въ семибашенный домъ, смиреннымъ смиреншенько, головой поклонилась, сердцемъ покорилась и заговорила: Къ тебѣ я пришла красна дѣвица съ покорищемъ объ рабѣ (такомъ-то), возьми ты красна дѣвица съ серебрянаго блюдечка булатные ножички въ правую руку, обрѣжь ты у раба (такого-то) бѣлую мякоть, ощипли его и обери: скорби, недуги, уроки, пригороки, затяни кровавыя раны, чистою и вѣчною своею пеленою. Защити его отъ всякаго человѣка: отъ бабы вѣдуни, отъ дѣвки простоволосыя, отъ мужика одноженца, отъ двоеженца, отъ троюженца, отъ черноволосаго, отъ рыжеволосаго; возьми ты, красная дѣвица, въ правую руку двѣнадцать ключевъ и замки двѣнадцать замковъ, и опусти эти замки во Окіанъ—море, подъ Алатырь камень. А въ водѣ бѣлая рыбица ходитъ и она бы тѣ ключи подхватила и проглотила; а рыбаку бѣлыя рыбицы не поимывать, а ключевъ изъ рыбицы не вынимать, а замковъ не отпирывать. Недужился бы недугъ у раба (такого-то), по сей день, по сей часъ, какъ вечерняя и утренняя заря станеть потухать, такъ бы у моего друга милаго всѣмъ бы недугамъ потухать и, чтобы недугъ недужился по сей часъ, по мое крѣпкое слово, по его вѣкъ. (*Сказаніе Русс. нар. Сахарова. Томъ I. из. III. 1841 г.*)

2. *Заговоръ красной дѣвицы, о сбереженіи въ дорогѣ полюбовнаго молодца.* Ложилась спать я (такая-то), въ темную вечернюю, позднимъ поздно; вставала я въ красную утреннюю зарю ранымъ рано; умывалась ключевою водою изъ горнаго студенца; утиралась бѣлымъ платомъ родительскимъ. Пошла я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота и вышла въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ охорошилась, на всѣ четыре сто-

роны поклонилась, на горячъ камень Алатырь становилась, крѣпкимъ словомъ заговорила, частыми звѣздами обтыкалась, темнымъ облакомъ прикрывалась. Заговариваю я, раба такая-то, своего полюбовнаго молодца (такого-то), о сбереженіи въ дорогѣ; крѣпко на крѣпко, на вѣкъ, на всю жизнь. Кто изъ дугу всю выщиплетъ и выѣстъ, изъ моря всю воду выпьетъ, и не взалкаетъ и тотъ бы мое слово не превозмогъ, мой заговоръ не расторгъ. Кто изъ злыхъ людей его обзорочить и обпризорочить, и околдуеть, и испортить, у нихъ бы тогда изо лба глаза выворотило въ затылокъ; а моему полюбовному молодцу (такому-то)—путь и дороженька, доброе здоровье на разлукѣ моей. (*Сказ. Рус. Нар. Сахар., тамъ же*).

3. *Заговоръ на путь—дороженьку.* Ёду я изъ поля въ поле, въ зеленые луга, въ дальнія мѣста, по утреннимъ и вечернимъ зарямъ; умываюсь ледяною росою, утираюсь, облакаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звѣздами. Ёду я во чистомъ полѣ, а во чистомъ полѣ растетъ *одолень*—трава. Одолень—трава! Не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы самокрутки *). Одолень трава! одолѣй ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, сквернаго не мыслили, отгони ты чародѣя, ябедника. Одолень—трава! одолѣй мнѣ горы высокія, доли низкіе, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пеньки и колоды. Иду я съ тобою, одолень трава, къ Окіанъ морю, къ рѣкѣ Іордану, а въ Окіанъ-морѣ, въ рѣкѣ Іорданѣ, лежитъ бѣлъ горячъ камень Алатырь. Какъ онъ крѣпко лежитъ предо мною, такъ бы у злыхъ людей языкъ не поворотился, руки не поднимались, а лежать бы имъ крѣпко, какъ лежитъ бѣлъ горячъ камень Алатырь. Спрячу я тебя, Одолень трава, у ретивова сердца, во всемъ пути, во всей дороженьки. (*Сказ. Русс. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*).

ЗАГОВОРЫ О ТОСКѢ.

1. *Заговоръ отъ тоски.* На морѣ на Кіянѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, подъ дубомъ мокрецкимъ сидитъ рабъ

*) Самокрутками называютъ дѣвушекъ вышедшихъ замужъ безъ согласія и благословенія родителей.

Божій (имя) тоскуя, кручинится въ тоскѣ невѣдомой и въ грусти незнаемой, въ кручинѣ недосказанной. Идутъ 8 старцевъ со старцемъ незваныхъ, непрошенныхъ; гой ты, еси рабъ Божій (имя), со утра до вечера кручинный ты, что, по что сидишь такой на полой полянѣ, на островъ Буянъ, на морѣ Кіянъ! И рѣче рабъ Божій (имя) 8 старцамъ со старцемъ: нашла бѣда среди околицы, залегла во ретиво сердце; щемить, болитъ головушка, не миль свѣтъ ясный, постыла вся родушка. Воззовиши всѣмъ старцемъ со старцемъ грознымъ грозно, начали ломать тоску, бросать тоску за околицу, кидма кидалась тоска, отъ востока до запада, отъ рѣки до моря, отъ дороги до перецутья, отъ села до погоста; нигдѣ тоску не приняли, нигдѣ тоску не укрыли; кинулась на островъ на Буянъ, на море на Окіанъ, подъ дубъ мокрежкой. Заговариваю я раба (имя) отъ наносной тоски, по сей день, по сей часъ, по сію минуту, слово мое никто не превозможетъ не аеромъ, *) ни духомъ. (*Изъ рукописи г. Д. Книголюбова*).

Заговоръ матери отъ тоски по родномъ сынъ. Разрыдалась я родная, раба (такая-то), въ высокомъ теремъ родительскомъ съ красной утренней зари во чисто поле глядячи, на закатъ ненагляднаго дитятки, своего яснаго солнышка (такого-то). Доспѣла я до поздней вечерней ночи, до сырой росы, въ тоскѣ, въ бѣдѣ. Не взмилилось мнѣ крушить себя, а придумалось мнѣ заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ загорнаго студенца; стала я среди лѣса дремучаго, очертилась чертою прозорочною, и возговорила зычнымъ голосомъ: Заговариваю я своего ненагляднаго дитятку (такого-то) надъ чашею брачною, надъ свѣжею водою, надъ платомъ вѣнчальнымъ, надъ свѣчею обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платомъ вѣнчальнымъ его уста сахарные, очи ясные, чело думное, ланиты красныя, освѣщаю свѣчею обручальною его становой кафтанъ, его осанку соболиную, его подпоясъ узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко

*) Аеромъ—воздуховъ.

ненаглядное, свѣтлѣ солнышка яснаго, милѣ вешняго дня, свѣтлѣ ключевой воды, бѣлѣ яраго воска, крѣпче камня горючаго, Алатыря. Отвожу я отъ тебя: черта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ чужаго домоваго, отъ злаго водянаго, отъ вѣдьмы Кіевской, отъ злой сестры ея Муромской, отъ моргуньи русалки, отъ треклятыя бабы-яги, отъ летучаго змѣя огненнаго, отмахиваю отъ ворона вѣщаго, отъ вороны каркуньи, защищаю отъ кашеи ядуна, отъ хитраго чернокнижника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи—вѣдуньи, а будь ты, мое дитятко—моимъ словомъ крѣпкимъ—въ нощи и въ полунощи, въ часу и въ получасьи въ пути и дороженькѣ, во снѣ и на яву укрыть отъ силы вражіей, отъ нечистыхъ духовъ, сбережень отъ смерти напрасныя, отъ горя, отъ бѣды, сохранень на водѣ отъ потопленія, укрыть въ огнѣ отъ сгорѣнія. А придетъ часъ твой смертный и ты вспомани, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про нашъ хлѣбъ-соль роскошный; обернись на родину славную, ударь ей челомъ седмерижды семь, распростись съ родными и кровными, припади къ сырой землѣ и засни сномъ сладкимъ, непробуднымъ. А будь мое слово, сильнѣ воды, выше горы, тяжелѣ золота, крѣпче горючаго камня Алатыря, могучѣ богатыря. А кто вздумаетъ моего дитятко обморочить и узорочить, и тому скряться за горы Араратскія, въ бездны преисподнія, въ смолу кипучую, въ жаръ палючій. А будутъ его чары, морочанье его—не въ морочаніе, узорочаніе его—не въ узорочаніе. (*Сказаніе Русскаго Нар. Сахарова. Томъ I. Рус. Чернокнижніе. Стр. 19*).

3. *Заговоръ матери въ наносной тоскѣ своей дитятки.* На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, подъ дубомъ мокрецкимъ, сидитъ дѣвица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится, во тоскѣ невѣдомой, во грусти недознаемой, во кручинѣ недосказанной; идутъ семь старцевъ съ старцемъ, незванныхъ, непрошенныхъ. Гой, ты еси дѣвица красная, со утра до вечера кручинная! Ты что, по что сидишь на полой полянѣ, на островѣ на Буянѣ, на морѣ на Океанѣ? И рѣче дѣвица семи старцамъ со старцемъ: нашла бѣда среди околицы, залегла во ретиво сердце, щемить, болитъ головуш-

ка, не миль и свѣтъ ясный, постыла вся родушка. Возопиша семь старцевъ со старцемъ грознымъ—грозно, учили ломать тоску за околицу; кидма кидалась тоска отъ востока до запада, отъ рѣки до моря, отъ рѣки до перепутья, отъ села до погоста, и нигдѣ тоску не укрыли; кинулась тоска на островъ на Буянь, на море на Окіанъ, подъ дубъ мокрежкой. Заговариваю я родная матушка (такую-то) свою ненаглядную дятку (такую-то) отъ наносной тоски по сей день, по сей часъ по сію минуту. Слово мое никто не превозможетъ ни аеромъ, ни духомъ. (*Сказаніе Русс. Народ. Сахарова. Томъ I. 1841 г.*)

4. *Заговоръ красной дѣвицы отъ тоски.* Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, отъ пути до перепутья, пролегала путь—дороженька, всѣмъ дорогамъ старшая и большая, по той дорожкѣ шли дщери Иродовы, несли во рукахъ пруты ивовы, а шли онѣ въ мѣръ кости сушить, тѣло знобить, недугами мучить. Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, на путяхъ и перепутьяхъ выростала травушка со муравушкой, на той травушкѣ со муравушкой сидѣла тоска со кручиной, а сидѣли онѣ да подумывали: какъ бы людей крушить, сердца щемить, свѣта не возлюбить.

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, среди бѣлокаменной Москвы стоитъ теремъ боярскій, въ томъ теремѣ боярскомъ сидитъ во тоскѣ красная дѣвица по незнаемой бѣдѣ.

Вы, дщери Иродовы, не ходите по пути по дороженькѣ на мѣръ кости зномить, тѣло сушить, людей мучить, а идите вы во чисто поле на травушку со муравушкой, что на ту травушку, гдѣ сидитъ тоска со кручиной, и велите вы тоскѣ со кручиной, чтобы онѣ изгнали изъ ретива сердца красной дѣвицы, у рабѣ (такой-то), наносную тоску, а не покорится вамъ тоска, ино вы учините бить во пруты ивовы. Заговариваю симъ моимъ заговоромъ крѣпко на крѣпко; а кто мой заговоръ воздолѣетъ, и ему провалиться сквозь тарь-тарары. (*Сказаніе Русс. Нар. Сахарова, тамъ же*).

5. *Заговоръ отъ стѣни, задумчивости и отъ тоски и печали.* Крестъ, крестомъ крестъ, человекъ родися, крестъ водрузися и сатана связася, Богъ прославися, во имя Отца, и

Сына, и Святаго Духа, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь (напиши крестъ + и въ немъ сін слова и повѣсь на крестъ).

ЗАГОВОРЫ ВОИНСКІЕ.

Заговоръ отъ пицалей и стрѣлъ. За дальними горами есть Окіанъ—море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, завѣщаетъ и заповѣдываетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: Желѣзу, укладу, булату красному и синему, сталл, мѣди, проволокъ, свинцу, олову, серебру, золоту, каменьямъ, пицалямъ и стрѣламъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ, большой завѣтъ: Подите вы желѣзо, каменья и свинець въ свою мать землю отъ раба (такого-то), а дерево къ берегу, а перья въ птицу, а птицу въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море, сокройтесь отъ раба (такого-то), а велитъ онъ ножу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пицалямъ, стрѣламъ, борцамъ, быть тихимъ и смирнымъ. А велитъ онъ, не давать выстрѣливать на меня всякому ратоборцу изъ пицали, а велитъ схватить у луковъ тетивы и бросить стрѣлы въ землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, тверже булату, платье и колпакъ крѣпче панцыря и колчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи подъ бѣлъ—горючь камень Алатырь. А какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса крѣпки. (*Сказанія Русс. Нар. Сагарова. Томъ I. См. Нар. Пред. о чернокнижїи*).

2. *Заговоръ отъ ратныхъ орудій.* Летѣлъ орелъ изъ-за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, кинулъ громовую стрѣлу во сыру землю. И какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, отъ громовой стрѣлы—полюмя, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливалъ сплнный дождь, что имъ покорились и поклонились селитра, порохъ, смирнымъ смирнехонько. Какъ дождь воды не пробилъ, такъ бы меня (такого-то) и моего коня искры и пули не пробивали, тѣло мое было бы крѣпче бѣлаго камня. И какъ отъ воды камни отпрыдаваютъ и пузыри отскакиваютъ, такъ бы отъ ратныхъ орудій прыдали отъ меня стрѣлы и порохъ-селитра.

Слово мое крѣпко! (*Тамъ же, у Сахарова. Сж. Рус. Нар. Сахарова*).

3. *Заговоръ отъ пули свинцовыхъ, мѣдныхъ, каменныхъ.* Въ высокомъ терему въ понизовскомъ, за рѣкою Волгою, стоитъ красная дѣвица, стоитъ, покрашается, добрымъ людямъ похваляется, ратнымъ дѣломъ красуется. Въ правой рукѣ держитъ пули свинцовыя, въ лѣвой мѣдныя, а въ ногахъ каменныя. Ты, красная дѣвица, отбери ружья: турецкія, татарскія, нѣмецкія, черкесскія, мордовскія, всякихъ языковъ и супостатовъ *), заколоти ты своею, невидимою рукою ружья вражія. Будетъ ли стрѣлять изъ ружья, и ихъ пули были бы не въ пули; а пошли ты эти пули во сыру землю, во чисто поле. А былъ бы я на войнѣ невредимъ, и мой конь былъ бы цѣлъ и невредимъ; а была бы моя одежда крѣпче панцыря. Замыкаю мои приговорныя словеса замкомъ; и ключъ кидаю въ Окіанъ-море подъ горючь камень Алатырь. Какъ морю не усыхать, камня не видать, ключей не доставать, такъ меня пулямъ не убивать до моего живота, по конецъ вѣка. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова, тамъ же*).

4. *Заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.* Мать сыра земля, ты мать всякому желѣзу, а ты желѣзо поди въ свою мать землю, а ты древо, поди въ свою мать древо, а вы перья подите въ свою мать птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а рыба поплыви въ море; а мнѣ бы рабу (такому то) было бы просторно по всей землѣ. Желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь на меня не ходите бороться ушми и боками. Какъ мятелица не можетъ прямо летѣть, такъ бы всѣмъ вамъ немочно ни прямо, ни тяжело падать на меня и моего коня и приставать ко мнѣ и моему коню. Какъ у мельницы жернова вертятся, такъ бы желѣзо, укладъ, сталь и мѣдь вертѣлись бы кругомъ меня, а въ меня не попадали. А тѣло бы мое было отъ васъ не окровавлено, душа не осквернена. А будетъ мой приговоръ крѣпокъ и дологъ. (*Сж. Рус. Нар. Сахарова, тамъ же*).

5. *Заговоръ ратнаго челоуька идущаго на войну.* Выкатило красное солнышко изъ-за моря Хвалынскаго, выходилъ мѣсяць

*) Супостать—отъ слова супоставленный, супротивъ поставленный, супротивный то есть—врагъ, непріятель.

изъ-подъ синя неба, собирались облака изъ далека, собирались сизы птицы во градъ каменный, а въ томъ градъ каменномъ породила меня мать родная (такая то), а рожая, приговаривала: будь ты мое дитятко цѣль и невредимъ, отъ пушекъ, цищелей, стрѣль, борцовъ, кулачныхъ бойцовъ: бойцамъ тебя не требовать, ратнымъ орудіямъ не побивать, рогатиною и копіемъ не колоть, топоромъ и бердышемъ не сѣчь, обухомъ тебя бить—не убить, ножемъ не уязвить, старожилымъ людямъ въ обманъ не вводить, молодымъ парнямъ ничѣмъ не вредить, а быть тебѣ передъ нимъ соколомъ, а имъ дроздами. А будь твое тѣло, крѣпче камня, рубаха, крѣпче желѣза, грудь, крѣпче камня Алатыря; а будь ты: въ домѣ добрымъ отцомъ, во полѣ молодцомъ, въ рати удалцомъ, въ міру на любованьѣ, на брачномъ пиру безъ малаго ухищренья, съ отцемъ съ матерью во миру, съ женою во ладу, съ дѣтьми во согласіи. Заговариваю я свой заговоръ матернимъ заповѣданьемъ; а быть ему во всемъ, какъ указано, во вѣки ненарушимо. Рать могуча, мое сердце ретиво, мой заговоръ всему—превозмогъ. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова, тамъ же*).

6. *Заговоръ ратнаго чловѣка, идущаго на войну.* Выхожу я во чистое поле, сажусь на зеленый лугъ, во зеленомъ лугу есть зелья могучія, а въ нихъ сила видима-невидимая. Срываю три былинки: бѣлыя, черныя, красныя. Красную былинку метать буду за Окіанъ-море, на островъ на Буянь, подъ мечъ кладенецъ; черную былинку покачу подъ чернаго ворона, того ворона, что свилъ гнѣздо на семи дубахъ, а во гнѣздѣ лежитъ уздечка бранная съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за поясъ узорчатый, а въ поясъ узорчатомъ зашить, завить колчанъ съ каленой стрѣлой, съ дѣдовской, татарской. Красная былинка притащитъ мнѣ мечъ кладенецъ, черная былинка достанетъ уздечку бранную, бѣлая былинка откроетъ колчанъ съ каменной стрѣлой. Съ тѣмъ мечемъ отобью силу чужеземную, съ той уздечкой обратю коня яраго, съ тѣмъ колчаномъ, со каленой стрѣлой, разобью врага супостата. Заговариваю я ратнаго чловѣка, (такого то) на войну съ симъ заговоромъ. Мой заговоръ крѣпокъ, какъ камень Алатырь. (*Сказаніе Рус. Нар. Сахарова, тамъ же*).

7. *Заговоръ ратнаго чловѣка, идущаго на войну.* Подъ мо-

ремь подь Хвалынскимъ стоить мѣдный домъ, а въ томъ мѣдномъ домѣ закованъ змѣй огненный, а подь змѣемъ огненнымъ лежитъ семипудовый ключъ отъ княжева терема Володимірова, а во княжемъ теремѣ Володиміровомъ сокрыта сбруя богатырская, богатырей Ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ. По Волгѣ широкой, по крутымъ берегамъ, плыветъ лебедь княжая со двора княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Ты, лебедь, полети къ морю Хвалынскому, заключи змѣя огненного, достань ключъ семипудовой, что ключъ отъ княжева терема, терема Володимірова. Не моимъ крыльямъ долетать до моря Хвалынскаго, не моей мочи расклевать змѣя огненного, не моимъ ногамъ дотащить семипудовый ключъ. Есть на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ воронъ, всѣмъ воронамъ старшій братъ; онъ долетитъ до моря до Хвалынскаго, заключетъ змѣя огненного, притащитъ ключъ семипудовый; а воронъ посаженъ злою вѣдьмою Кіевскою. Во лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору стоить избушка, ни шитая, ни крытая, а въ избушкѣ живетъ злая вѣдьма Кіевская. Пойду ль я въ лѣсъ стоячій, въ боръ дремучій, взойду-ль я въ избушку ко злой вѣдьмѣ Кіевской. Ты, злая вѣдьма Кіевская: вели своему ворону слетать подь море Хвалынское, въ мѣдный домъ, заклевать змѣя огненного достать, семипудовый ключъ. Заупряжилась, закорачилась злая вѣдьма Кіевская о своемъ воронѣ. Не моей старости бродить до моря до Окіана, до острова до Буяна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ заповѣднымъ достать ворону тотъ семипудовой ключъ. Разбилъ воронъ мѣдный домъ, заклевалъ змѣя огненного, досталъ семипудовой ключъ. Отпираю я тѣмъ ключемъ княжой теремъ Володиміровъ, достаю сбрую богатырскую, богатырей Ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ. Во той сбруи не убьютъ меня ни пищали, ни стрѣлы, ни бойцы, ни борцы, ни казанская, ни татарская рать. Заговариваю я раба (такого то) ратнаго человѣка, идущаго на войну симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ! (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова, тамъ же*).

8. *Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.* На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, сидитъ добрый молодець, по неволѣ заточенъ. Къ тебѣ я прихожу, добрый молодець, съ

покоримъ. Выдаютъ меня родные братья во княжю рать, одинокаго, неженатаго, а во княжьей рати мнѣ по добру не жити. Заговори меня своимъ молодеческимъ словомъ. Радъ бы стоять въ полѣ за тебя горькаго сиротину, да крѣпка моя неволя, да горька моя истома. Заговариваю я раба (такого то) идти на войну во всемъ потому, какъ заповѣдалъ мнѣ родной отецъ. А будешь ты ратнымъ человѣкомъ, ино будь сбережень: отъ топора, отъ бердыша, отъ пищали, отъ татарскія пики, отъ краснаго булата, отъ борца, единоборца, отъ бойца врага-супостата, отъ всей поганой, татарской силы, отъ казанской рати, отъ литовскихъ богатырей, отъ черныхъ Божіихъ людей, отъ бабьихъ зазоръ, отъ хитрой немочи, отъ всѣхъ недуговъ. И будетъ тебѣ топоръ, не въ топоръ, бердышь не въ бердышь, пицаль не въ пицаль, татарская пика не въ пикю, поганая татарская сила не въ силу, казанская рать не въ рать, черные Божіе люди не въ люди, бабки зазоры не въ зазоры, богатыри не въ богатыри, недуги не въ недуги. Кручусь, верчусь отъ топоровъ, бердышей, пищалей, пикъ, бойцовъ, борцовъ, татарской силы, казанской рати, черныхъ Божіихъ людей. Отмахнусь по сей вѣкъ, по сей часъ, по сей день. (*Сказаніе Рус. Народа Сахарова, тамъ же*).

9. *Заговоръ ратнаго челоуька, идуцаго на войну.* Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной водой, утрюсь сырой землей, завалюсь за каменной стѣной, Кремлевской. Ты, стѣна Кремлевская! бей враговъ супостатовъ, дюжихъ татаръ, злыхъ татарченковъ, а былъ бы я изъ нея цѣлъ, невредимъ. лягу я поздно, вечерней зарей, на сырой зарѣ, во стану ратномъ; а въ стану ратномъ есть могучи богатыри князей породы, изъ дальнихъ странъ, со ратной русской земли. Вы богатыри могучи, перебейте татаръ, полоните всю татарскую землю; а я былъ бы изъ-за васъ цѣлъ и невредимъ. Иду я во кровавую рать татарскую, бью враговъ и супостатовъ; а былъ бы я цѣлъ и невредимъ. Вы, раны тяжелыя; не болите; вы раны бойцовъ меня не губите, вы пищали меня не десятирите, а былъ бы я цѣлъ и невредимъ. Заговариваю я (раба такого то) ратнаго челоуька, идуцаго на войну, симъ моимъ крѣпкимъ наговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ! (*Тамъ же. Т. I. Ск. Рус. Нар. Сахарова*).

10. *Заговоры ратнаго челоувѣка, идущаго на войну.* Завяжу я рабъ (такой-то), по пяти узловъ всякому стрѣльцу не мирному, невѣрному на пищаляхъ, лукахъ и всякомъ ратномъ орудіи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замѣните всѣ пищали, опутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія. И стрѣльцы бы изъ пищалей не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, всѣ ратныя оружія меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча, сила могуча змѣиная сокрыта, отъ змѣи двундесять главаго, того змѣи страшнаго, что прилетѣлъ со Окіанъ-моря, со острова Буяна, со мѣднаго дома, того змѣи, что убить двундесятью богатырями подѣ двундесятью дубами; въ моихъ узлахъ защиты моей мачихою змѣиныя головы. Заговариваю я раба (такого-то) ратнаго челоувѣка, идущаго на войну моимъ крѣпкимъ заговоромъ, крѣпко на крѣпко. (*Тамъ же. Т. I. См. Ск. Рус. Нар. Сахарова.*)

ЗАГОВОРЫ ЛЮБОВНЫЕ.

1. *Заговоръ молодца на любовь красной дѣвицы.* На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ тоска; бьется тоска, убивается тоска, съ доски въ воду, изъ воды въ полымя, изъ полымя выбѣгалъ сатанина, кричитъ: „Павушка Романея, бѣги поскорѣе, дуй рабѣ (такой-то) въ губы, въ зубы въ ея кости и пакости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, чтобы раба (такая-то) тосковала всякій часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полуночамъ; ѣла бы не заѣла, пила бы не запила, спалабы, не заспала, а все бы тосковала, чтобы я ей былъ лучше чужаго молодца, лучше роднова отца, лучше родной матери, лучше роду племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью- семью замками, семьюдесятью- семью цѣпами, бросаю ключи въ Окіанъ море, подѣ бѣлъ горючъ камень Алатырь. Кто мудренѣй меня взыщется, кто перетаскаетъ песокъ изъ всего моря, тотъ отгонитъ тоску. (*Сказ. Русс. Нар. Томъ I. Сахарова. 1841 г.*)

2. *Заговоръ для любви.* Исполнена еси земля дивности. Какъ на морѣ, на Окіанѣ на островѣ на Буянѣ есть горючъ камень Алатырь, на томъ камнѣ устроена огнепалимая баня; въ той банѣ лежитъ разжигаемая доска, на той доскѣ, тридцать три

тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски и бросаются тоски изъ стѣны въ стѣну, изъ угла въ уголь, отъ пола до потолка, оттуда чрезъ всѣ пути и дороги и перепутья, воздухомъ и аеромъ. Мечитесь тоски, киньтесь тоски въ буйную ея голову, въ тыль, въ ликъ, въ ясныя очи, въ сахарныя уста, въ ретиво сердце, въ ея умъ и разумъ, въ волю и хотѣнье, во все ея тѣло бѣлое, и во всю кровь горячую, и во всѣ кости, и во всѣ суставы, въ 70 суставовъ, полусуставовъ и подсуставовъ; и во всѣ ея жилы въ 70 жилъ, полужилъ и поджилковъ, чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала во всякъ день, во всякъ часъ, во всякое время; нигдѣ-бъ пробыть не могла, какъ рыба безъ воды. Кидалась бы, бросалась бы изъ окошка въ окошко, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на всѣ пути и дороги, и перепутья съ трепетомъ, туженьемъ, съ плачемъ и рыданьемъ, зѣло спѣшно шла бы и рыдала и пробыть безъ того ни минуты не могла. Думала бѣ объ немъ не задумала, спала бѣ не заспала, ѣла бы не заѣла, пила бѣ не запила и не боялась бы ничего, чтобы онъ ей казался милѣе свѣту бѣлаго, милѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрасныя, милѣе всѣхъ, и даже милѣе сна своего во всякое на молоду, подъ полнь, на перекроѣ и на исходѣ мѣсяца. Сіе слово есть утверждѣніе и укрѣплѣніе, имъ же утверждается и укрѣпляется, и замыкается. Аще ли кто отъ человѣкъ, кромѣ меня, покусится отмыкать страхъ сей, то буди, яко червь въ свинцѣ орѣховомъ. И ничѣмъ, ни аеромъ, ни воздухомъ, ни бурей, ни водою дѣло сіе не отмыкается. (*Тамъ же. Томъ I. 1841. Сл. Русс. Нар. Сахарова*).

3. *Заговоръ полюбиваго молодца на любовь красной дѣвицы.* За моремъ, за Хвалынскимъ, во мѣдномъ городѣ, во желѣзномъ теремѣ сидитъ добрый молодецъ, заточенъ во неволѣ, закованъ въ семьдесятъ-семь цѣпей, за семьдесятъ-семь дверей, а двери заперты семьюдесятью замками, семьюдесятью крюками. Никто добра молодца изъ неволи не ослобонитъ, никто добра молодца до сыта не накормитъ, до пьяна не на поить. Приходила къ нему родная матушка (такая-то) во слезахъ горючихъ, поила молодца сытой медовой, кормила молодца бѣлоснѣговой крупой, а кормивши молодца сама приговаривала: не скакать бы молодцу по чисту полю, не искать бы молодцу

чужой добычи, не свыкаться бы молодцу съ буйными вѣтрами, не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускать бы молодцу калену стрѣлу по поднебесью, не стрѣлять бы во бѣлыхъ лебедей, что лебедей княжихъ, не доставать бы молодцу мечъ кладенецъ врага—супостата; а жить бы молодцу во терему родительскомъ, со отцемъ, со матерью, съ родомъ-племенемъ. Ужъ какъ возговорить добрый молодецъ: не чисто поле меня сгубило, не буйны вѣтры занесли на чужую добычу, не каленой стрѣлой доставалъ я бѣлыхъ лебедей, не мечемъ-кладенцемъ хотѣлъ я достать враговъ—супостатовъ, а сгубила молодца воля молодецкая, во княжемъ терему надъ дѣвицей красной (такой-то). Заговариваю я, родная матушка (такая-то) полюбовнаго молодца (такого-то) на любовь красной дѣвицы (такой-то). Вы вѣтры буйные, распорите ея бѣлу грудь, откройте ея ретиво сердце, навейте тоску со кручиною; чтобы она тосковала и горевала: чтобы онъ ей былъ милѣе своего лица, свѣтлѣе яснаго дня, краше роду племени, привѣтливѣе отца съ матерью; чтобы онъ казался во снѣ и на яву, въ день и полдень, въ ночь и полночь; чтобы онъ ей былъ во пригожество красное, во любовь залучную; чтобы она плакала и рыдала по немъ, и безъ него бы радости не видала, утѣхъ не находила. Кто камень Алатырь изложетъ, тотъ мой заговоръ превозможетъ. Моему слову конецъ на любовь красной дѣвицы (такой-то). (*Томъ I. Сказ. Русс. Народа. Сахарова. 1841 г.*).

4. *Заговоръ на любовь.* На морѣ на Окианѣ есть бѣлъ горючъ (свѣтящійся) камень Алатырь, никѣмъ невѣдомой, подъ тѣмъ камнемъ сокрыта сила могуча, и силы нѣтъ конца. Выпускаю я силу могучу (на такую-то) красную дѣвицу; сажаю я силу могучу во всѣ составы, полусоставы, во всѣ кости и полукости, во всѣ жилы и полужилы, въ ея очи ясны, въ ея щеки румяны, въ ея бѣлу грудь, въ ея ретиво сердце, въ утробу, въ ея руки и ноги. Будь ты, сила могуча въ (такой-то) красной дѣвицѣ пенсходно; а жги ты сила могуча, ея кровь горячую, ея сердце кипучее на любовь къ (такому-то) полюбовному молодцу. А была бы красная дѣвица (такая-то) во всея послушна полюбовному молодцу (такому-то), по всю его жизнь. Ничѣмъ бы красна дѣвица не могла отговориться

ни заговоромъ, ни приговоромъ, и не могъ бы ни старъ чловѣкъ, ни младъ отговорить ее своимъ словомъ. Слово мое крѣпко, какъ бѣлъ горячъ камень Алатырь. Кто изъ моря всю воду выпьетъ, кто изъ поля всю траву выщиплетъ, и тому мой заговоръ не превозмочь, силу могучу не увлечь.

5. *Какъ приворотить дѣвку.* Наговоръ на пряникъ. Истопи баню жарко и войди въ нее; когда взопрѣешь, возьми чистую тряпицу, сотри потъ и выжми тряпицу на пряникъ. Когда станешь потъ стирать, тогда глаголи трижды сей заговоръ:

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стояло древо; на томъ древѣ сидѣло семьдесятъ, какъ одна птица; эти птицы щипали вѣти (вѣтви), эти вѣти бросали на землю; эти вѣти подбирали бѣсы и приносили къ Сатанѣ Сатановичу. Ужъ ты худъ бѣсъ! кланяюсь я тебѣ и поклоняюсь, — сослужи мнѣ службу и сдѣлай дружбу: зажги сердце (имя рекъ) по мнѣ (имя рекъ) и зажги всѣ печенья и легкое, и всѣ суставы по мнѣ (имя рекъ), буди мое слово крѣпко, крѣпче трехъ булатовъ во вѣки! (*Вели пряникъ съѣсть*) *).

6. *Наговоръ на любовь на пряникъ.* Взойди въ баню и глаголи трижды со вниманіемъ: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь. На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на рѣкѣ Ярданѣ, стояла гробница, во той гробницѣ лежала дѣвица. Раба Божія (имя рекъ)! Встань, пробудись, въ цвѣтно платьѣ нарядись, бери кремень и огниво, зажигай свое сердце ретиво по рабѣ Божіемъ (имя рекъ) и такъ зажигай крѣпко, и дайся по рабѣ Божіемъ (имя рекъ) въ тоску, въ печаль, какъ удавшему (удавленнику) въ петлѣ, такъ бы рабѣ Божіей (имя рекъ) было бы тошно по рабѣ Божіемъ (имя рекъ). Какъ утопшему въ морѣ, такъ бы рабѣ Божіей (имя рекъ) было бы тошно по рабѣ Божіемъ (имя рекъ), какъ душа съ тѣломъ разстается во вѣки, аминь. Утверждаю Иисусомъ Христомъ, и Пресвятою Госпожею Богородицею, и всею небесною силою, во вѣки, аминь. Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.

*) Народные заговоры собр. Афоняевымъ. См. Летопись Русской Литературы. 1862 г.

Отца—аминь, Сына—аминь, Святаго Духа—аминь. *Дай пряникъ състь **).

6. *Заговоръ на любовь дьвушки ***). Лягу я, рабъ Божій (имя рекъ) помолясь и встану перекрестясь, и пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, подъ чистыя звѣзды, подъ лунь (луну) Господень. И лежатъ три дороги: и не пойду, ни на право, ни на лѣво; пойду по средней дорогѣ, и та дорога лежитъ черезъ темный лѣсъ. Въ темномъ лѣсу стоитъ древо тоски; тоскуетъ и горюетъ тоска, печалуется (печалится) и поселяю я ту тоску въ рабу Божию (имя рекъ); взойди въ ея бѣлое тѣло и въ ретиво сердце, и въ русыя косы, въ кровь горячую—въ руду кипучую, чтобы она по рабѣ Божию (имя рекъ) тосковала, и все бы она обо мнѣ думала; въ питьѣ бы она не запивала, въ ѣствѣ бы она не заѣдала, во снѣ бы она не засыпала и завсегда бы она меня, раба Божія, на умѣ держала. Какъ солнцу и мѣсяцу помѣхи нѣтъ, такъ бы и моему заговору помѣхи не было. Аминь, аминь, аминь.

7. *Слова присушить дьвицу*. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, выйду въ чистое поле, въ широкое раздолье; на встрѣчу мнѣ, среди чистаго поля и широкаго раздолья семьдесятъ буйныхъ вѣтровъ, семьдесятъ вихоревъ и семьдесятъ вѣтровичъ и семьдесятъ вихоровичъ. Пошли они на святую Русь зеленаго лѣсу ломать, и на полѣ изъ корени вонъ воротить, и пещеры каменныя разжигать. И тутъ, я, рабъ Божій (имя рекъ) помолюсь имъ и поклонюсь: о вы, есте: 70 буйныхъ вѣтровъ, 70 вихоревъ, и 70 вѣтровичъ и 70 вихоровичъ. Не ходите вы на святую Русь, зеленаго лѣсу ломать, изъ корней вонъ воротить и пещеры каменныя разжигать, подьте вы, разожгите у рабы Божіей (имя рекъ) бѣлое тѣло, ретивое сердце, памятную думу, черную печень, горячую кровь, жилы и суставы, и всю ей, чтобы она раба Божія (имя рекъ) не могла бы ни жить, ни быть, ни пить, ни истъ, ни слова говорить, ни рѣчи творить безъ меня раба Божія, (имя рекъ). Какъ меня она,

*) Лѣтоп. Русс. Народ. Литер. Заговоры. Афоняшева. 1862 г.

***) Тоже Афоняшева.

раба Божія (имя рекъ) увидитъ, или гласъ мой услышитъ, то бы радовалось ей (ея) бѣлое тѣло, ретивое сердце, памятная дума, черная печень, горячая кровь, кости и жилы, и всѣ у ней суставы веселились. И какъ ждетъ народъ Божія владычнаго праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія и звону колокольнаго, такъ бы она, раба Божія (имя рекъ), дождалась: на который день она меня не увидитъ, или гласа моего не услышитъ, такъ бы она сохла, какъ кошенная трава съ поля; какъ не можетъ быть рыба безъ воды, такъ бы не могла бы быть она безъ меня, раба Божія (имя рекъ). Тѣмъ моимъ словамъ и рѣчамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь. (*Изъ стариннаго рукоп. Сборника, полученнаго изъ с. Ваймуи Холмогор. ульзда* *).

8. *Присушить дѣвицу на пряникъ.* Молодой человекъ, желающій возбудить къ себѣ любовь непреклонной дѣвицы, идетъ къ знахарю, съ просьбой присушить къ нему ту, которая была къ нему равнодушна.

Колдунъ вынимаетъ пряникъ и, принявъ таинственный видъ, начинаетъ, поводя глазами, и расширяя по временамъ ноздри, заговаривать на этотъ пряникъ: Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Стану я, рабъ Божій Н., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, въ чисто поле за дворами; взмолюся тремъ вѣтрамъ, тремъ братьямъ: Вѣтеръ Моусей, вѣтеръ луна, вѣтеръ буйный вихоръ! дуйте и винтите по всему бѣлому свѣту и по всему міру крещеному, распалите, разожгите, и сведите рабыню Н. со мною, съ рабомъ Божиимъ Н., душа съ душой, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотью, хоть съ хотью, не уроните той моей присухи, ни на воду, ни на лѣсъ, ни на землю, ни на скотину: въ воду сроните—вода высохнетъ, на лѣсъ сроните — лѣсъ повянетъ; на землю сроните—земля сгоритъ; на скотину сроните—скотина посохнетъ. Снесите и донесите, вяжите и положите въ рабицу Божию (имя рекъ), въ красную дѣвицу, въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хоть и въ плоть: чтобы красная дѣвица не могла безъ меня, раба Божія (имя рекъ), ни пить, ни быть, ни

*) Смѣш. *Труды Этнограф. Отдѣла.* См. книгу V. Вып. второй. 1878 г. При Москов. Университетѣ.

дневать, ни часа часовать; о мнѣ, рабѣ Божиѣмъ (имя рекъ), тужила бы и тосковала и никогда бы не забывала. Есть въ чистомъ полѣ, сидитъ баба сводница, у бабы сводницы стоитъ печь кирпичная, въ той печи кирпичной стоитъ кунганъ литръ, въ томъ кунганѣ литрѣ всякая вещь кипитъ, перекипаетъ, горитъ, перегораетъ, сохнетъ и сосыхаетъ. И такъ бы о мнѣ, рабѣ Божиѣмъ Н., сердцемъ кипѣла, кровью горѣла, и не могла бы безъ меня, раба Божія Н., ни жить, ни быть, ни дня дневать, ни часа часовать, ни питіемъ отпиться, ни думьемъ отдуматься, и ни въ парной банѣ отпариться. Тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, аки ключъ на церкви. Во имя Отца и Сына, и Св. Духа, аминь, аминь, аминь.

Стану я, рабѣ Божій Н., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами въ чистое поле на три розтани, помолюся я, рабѣ Божій, тремъ братьямъ, тремъ вѣтрамъ: первый братъ, вѣтръ восточный, второй вѣтръ—западъ, третій вѣтръ—сѣверъ! Внесите тоску и сухоту въ рабицу Божію Н., чтобы она о мнѣ, рабѣ Божиѣмъ, сохла и тоскнула; не могла бы и дня дневать, ни часа часовать, отнынѣ и до вѣка и во вѣки, аминь, аминь, аминь!

Получивъ отъ колдуна пряникъ, молодой человекъ долженъ отдать его своей возлюбленной. Если это ему удастся, то она—побѣждена. (*Записано А. Харитоновымъ въ Шенкурскомъ уездѣ **).

9. *На присушеніе ***). Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь.

На Русской и на Нѣмецкой землѣ есть огненный царь, высушилъ рѣки и озера, и мелкія источины, и какъ въ нынѣшнихъ вѣтрахъ (высушилъ) такъ бы сохла раба Божія Н. по рабу Божію Н. двадцати четырехъ часу денныхъ и ночныхъ, на новцѣ мѣсяцѣ и на перекроѣ мѣсяцѣ, и во вся меженны (промежуточные) дни; и не могла бы ни жить и ни быть, ни истъ раба Божія Н., безъ меня раба Божія Н.: въ семидесяти суставахъ и въ семидесяти жилахъ, въ подпятное жилие и въ

*) См. *Труды Этнограф. Отдѣла*. Император. Общества любителей Естеств. Антроп. и Этнограф. при Московс. Универс. 1878 г. Книга V. Выпускъ второй.

**) Тамъ же, стр. 140.

подколѣнномъ жилѣ, и въ пространной жилѣ, въ.... *) и вездѣ бы сохло и болѣло, по мнѣ, рабѣ Божиѣмъ Н. Еще есть въ чистомъ полѣ стоитъ Феоклисть, да все высохло; днемъ на солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ и при частыхъ звѣздахъ, и при частыхъ дождикахъ въ семидесяти суставахъ, и въ семидесяти жилахъ, и въ подколѣнномъ жилѣ, и въ пространной жилѣ въ..... и вездѣ бы сохло у рабы Божіей Н. Двадцать четыре часу ночныхъ и дневныхъ, на утренней зарѣ, на вечерней зарѣ, на новцѣ мѣсяцѣ и на ветхи мѣсяцѣ, и на перекроѣ мѣсяцѣ, во вся меженные дни, не могла бы она, раба Божія Н., безъ меня, р. Б. Н. ни жить, ни быть. Есть въ чистомъ полѣ, печь мѣдная, наложено дровъ дубовыхъ, какъ отъ тѣхъ дровъ дубовыхъ сколь жарко разгорается, и такъ бы разгорѣлось у рабы Б. Н., по мнѣ рабу Б. Н., 24 часу денныхъ и ночныхъ, на новцѣ мѣсяцѣ и на ветху мѣсяцѣ, во вся меженные дни, не могла бы она р. Б. безъ меня ни жить и ни быть. Всѣмъ моимъ словамъ ключъ и замомъ, аминь, аминь, аминь.

Трижды плюнь, а говорить на соль, или на пиво, или на пряникъ, или на вино. *(Списано со старинной рукописной тетрадки изъ Шинезускаго уѣзда г. Хромцовымъ).*

10. *Присушить дѣвку.* Выйду я на улицу, на Божій свѣтъ, посмотрю въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ есть 77 мѣдныхъ, свѣтлыхъ каленныхъ печей, на 77 на мѣдныхъ, на свѣтлыхъ каленныхъ печяхъ по 77 яги-бабъ, у тѣхъ у 77 яги-бабъ, есть по 77 дочерей, у тѣхъ у 77 дочерей есть по 77 клукъ и по 77 метель. Помолюся и покорюся я, р. Б. Н., этимъ яги-бабовымъ дочерямъ: „ой еси! вы яги-бабовы дочери, присушите и прилуците рабу Б. Н. къ рабу Б. Н., метлами слѣды запашите, клуками заключите, бейте, убивайте подпятную жилу, бейте убивайте подколѣнную жилу, бейте убивайте корекорнстый дубъ, бейте убивайте мѣдны калены печи. Коль горять пылко и жарко мѣдныя печи, такъ же бы раба Б. (имя рекъ) пеклась и калилась во всякое время, во всякъ часъ, утра рано, вечера поздно, о середки дня, о полуноци, о утренней зарѣ и на вечерней, на нову и на ветху мѣсяцу, и на перекроѣ мѣсяцѣ; не могла бы она р. Б. Н. ни жить, ни быть, ни пить, ни

*) Извѣстный Membrum.

исть, во снѣ не засыпала, въ питіи не запивала, во ѣдѣ не заѣдала, съ добрыми людьми во бесѣды не засиживала, все меня, р. Б. Н., на умѣ держала; и казался бы я, р. Б. Н., свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца, краснѣе красна солнышка, любе отца, матери, толще и матерѣй всего міру крещенаго. Вѣтры вѣтероцки, буйны вихроцки, спущу я съ вами свои слова, свою статію, на свою сторону, гдѣ ее найдете, тутъ ее возьмите,— на широкой улицѣ, во мшаной хороминѣ, во дверяхъ, воротцакахъ.

(Этотъ заговоръ, кажется незаконченный, списанъ со старинной тетрадки, доставленной г. Хромцовымъ изъ Пинежскаго уѣзда, въ Труды Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э. 1878 г.).

11. *На разженіе сердца у дѣвицы.* Стану я неблагословясь, пойду не перекрестясь, изъ избы не дворами, изъ двора не воротами, въ чисто поле. Въ томъ полѣ есть Окіанъ-море, въ томъ морѣ есть Алатырь камень, на томъ камнѣ стоитъ столбъ отъ земли до неба огненный, подъ тѣмъ столбомъ лежитъ змѣя жгуча, опалюча. Я той змѣй, поклонюсь и покорюсь: Ой еси, ты змѣя! не жги, не пали меня, полетай подъ восточную сторону, въ высокъ теремъ, въ новый покой (покой), пухову перину, шелкову подушку, къ дѣвицѣ Н., разожги и распали у той дѣвицы бѣлое тѣло, ретивое сердце, черную печень, горячую кровь, всѣ подпятныя и занокотныя жилы; чтобы она, дѣвица Н., не могла ни жить, ни быть, часу часовать и минуты миновать; по утру вставала—обо мнѣ бы вздыхала, пошла—ко мнѣ бы Н., величала, ни съ кѣмъ бы она думы не думала, мыселъ не мыслила, плоду не плодила, плодовыхъ рѣчей не говорила, ни съ отцемъ бы, ни съ матерью, ни съ родомъ, ни съ племенемъ, кромѣ меня, р. Б. Н., все бы она, дѣвица Н., со мной, р. Б. Н., думу думала, мысли мыслила, плодъ плодила, плодовая мысли говорила, на ветху и на нову мѣсяцу, и на перекроѣ мѣсяцу. Будьте тѣ мои слова, недоговорены, переговорены, всѣ сполна говорены, ключъ симъ словомъ въ зубы, замокъ—въ ротъ. *(Доставилъ въ Труды Этнографическаго отдѣла 1878 г. П. А. Ивановъ изъ г. Пинети).*

12. *На разженіе дѣвичью сердца.* Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы две-

рями, изъ двора воротами, въ чистое поле, погляжу и посмотрю подь восточную сторону; подь восточной стороной стоитъ есть три печи. Печка мѣдна, печка желѣзна, печка кирпична. Какъ онѣ разожглись распалились отъ неба до земли, разжигаются небо и земля и вся подвселенная, такъ бы разжигало у р. Б. (имя рекъ) къ рабу Божию (имя рекъ) легкое и печень, и кровь горячу, не можно бы ей ни жить, ни быть, ни пить, ни истъ, ни спать, ни лежать, все на умѣ меня держать. Недоговорены, переговорены, прострѣлите мои слова, пуще востраго ножа и рысяго когтя. (*Записалъ помощникъ миссіонера Батраковъ въ с. Ухтостровъ* *).

13. *Слова, тоску напуститъ, присушитъ дѣвокъ.* Четыре зарницы, четыре сестрицы: первая Марья, вторая Марфа, третья Марина, четвертая Макрида; подьте вы, сымайте тоску и великую печаль съ гостей, съ властей, со кручинныхъ, но тюремныхъ людей, солдатовъ-новобранцевъ и съ малыхъ младенцевъ, которые титьку сосали и отъ матерей остались; наложите ту тоску и тѣлесную сухоту, великую печаль, на рабу Божию (имя рекъ), чтобы она, раба Божія (имя рекъ), безъ меня, раба Божія (имя рекъ), не могла бы она ни жить, ни ходить, ни лежать, не спать, все по мнѣ рабъ Божиємъ (имя рекъ) тосковать; тѣмъ словамъ и рѣчамъ ключенныя слова, аминь, аминь, аминь. (*Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ села Ваймуш, Холмогорскаго уѣзда* *).

14. *Слова, тоску напускать.* Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле; въ чистомъ поле стоитъ изба, въ избѣ изъ угла въ уголь лежитъ доска, на доскѣ лежитъ тоска. Я той тоскѣ, рабъ Божій (имя рекъ), помолюся и поклонюся: о, сія тоска, не ходи ко мнѣ, рабу Божию (имя рекъ), поди тоска, навались на красную дѣвницу, въ ясныя очи, въ черныя брови, въ ретивое сердце, разожги у ней, рабы божіей (имя рекъ), ретивое сердце, кровь горячую по мнѣ, рабъ Божиємъ

*) См. Труды Этнограф. Отд. Императорскаго общ. люб. Естествознанія, Этногр. и Антропол. 1878 г. Кн. V. томъ II.

**) Пом. тутъ же.

(имя рекъ), не могла бы ни жить, ни быть. Вся моя крѣпость, аминь, аминь. (*Изъ стараго рукописнаго сборника с. Ваймуи. Холмогорс. ульзда*).

15. *Навести тоску*. Встану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле, стану на западъ хребтомъ, на востокъ лицомъ, позрю, посмотрю на ясное небо; со ясна неба летитъ огненна стрѣла; той стрѣлѣ помолюсь, покорюсь и спрошу ее: „куда полетѣла огненная стрѣла?“ „Во темные лѣса, въ зыбучія болота, во сырое коренье!“ „О ты, огненна стрѣла! воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на Святой Руси красна дѣвица (имя рекъ), полетай ей въ ретиво сердце, въ черную печень, въ горячую кровь, въ становую жилу, въ сахарныя уста, въ ясныя очи, въ черныя брови, чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнцѣ, на утренней зарѣ, при младомъ мѣсяцѣ, при вихрѣ-холодѣ. На прибылыхъ дняхъ и на убылыхъ дняхъ, отнынѣ и до вѣка. (*Шенкурс. ульзда*).

16. *Присушать дѣвокъ* (наговоръ на пищу и питье). Держитца, сохнетъ, прочь не отходить. Какъ малый младенецъ отъ матери прочь не отходить, держится, сохнетъ по всякій часъ и на всякое время, какъ косякъ косяка держитца, прочь не отходить, такъ бы держалась раба Божія (имя рекъ) крѣпко и плотно прочь отъ меня, раба Божія (имя рекъ), не отходила, держалась и сохла крѣпко; какъ двери отъ ободверины не отходятъ, держатся крѣпко, какъ печная доска отъ печи прочь не отходить, такъ бы не отходила раба Божія (имя рекъ) отъ меня, раба Божія (имя рекъ), сохла, горѣла, прочь не отходила во всякій часъ, во всякое время. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду на широкую улицу, пойду въ чистое поле, въ чистомъ полѣ красное солнце грѣетъ и огрѣваетъ сыроматерую землю; отъ краснаго солнца сохнетъ и обсыхаетъ роса медвяная, такъ бы сохло и обсыхало ретивое сердце у рабы Божіей (имя рекъ) по мнѣ рабъ Божиємъ (имя рекъ). Какъ красное солнце огрѣваетъ сыроматерую землю, щепитце и колитца, и сохнетъ, какъ хмѣль вьетце и тянетце по сыроматерой земли, такъ бы вялось и тянулось ретивое сердце по мнѣ, рабъ Божиємъ (имя рекъ) на всякой часъ,

на всякое время. Пойду я рабъ Божій по зарю Марью, по зарю Маремьянію, ко Господню престолу, на Господнемъ престолѣ мати Марія и Маремьянія; приду я къ тебѣ рабъ Божій (имя рекъ), низко помолюся и поклонюся, какъ на тебѣ нетлѣнныя ризы держатся, такъ бы держалась, раба Божія (имя рекъ). Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ) подлѣсинье: есть въ морѣ ковыль щука, безъ воды не можетъ ни жить, ни быть, ни дня, ни ночи, ни малой часъ. Поди, та тоска, въ семьдесятъ жилъ, въ семьдесятъ составовъ, во становья въ дѣтъ жилы, и въ едину въ попятную, и спяновую жилу. Тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ. Брошу замокъ въ морскую пучину, тѣмъ моимъ словамъ ключа не бывать и того замка не отпирать. Аминь, аминь, аминь. (*Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуи, Холмогорскаго уѣзда*).

17. *Наговоръ на присушеніе*. Какъ рабъ Божій Н. любитъ рабу Божию Н., такъ чтобы и раба Божія Н., не могла безъ него ни жить, ни пить, ни исъ, и любила, и почитала его лучше отца и матери, бѣлаго мѣсяца и краснаго ясна солнышка, вѣки по вѣки, отнынѣ до вѣку, аминь. (*Доставилъ г. П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги*).

18. *Для присухи* (мужчины). Изъ свѣтлаго вѣника берется прутокъ, который кладутъ на порогъ двери, въ которую пройдетъ тотъ, для кого назначена присуха. Какъ только перешагнутъ черезъ пруть, то (пруть) убирается (положившими его) въ такое мѣсто, гдѣ его никто не могъ бы видѣть. Потомъ пруть берутъ и кладутъ въ жарко натопленной банѣ на полкъ приговаривая:

„Какъ сохнетъ этотъ пруть, пускай сохнетъ по мнѣ рабъ Божій такой-то“. (*Доставилъ г. Никольскій изъ Мезени*).

19. *Старинное заклинаніе на любовь*. Стану отрокъ (имя рекъ) не благословяся, пойду не перекрестяся, изъ избы не дверми, изъ двора не воротами, и пойду въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ и три, и два и одинъ: бѣсъ Сава, бѣсъ колдунъ, бѣсъ Асаулъ, и я сойдуся поближе, отрокъ (имя рекъ), и поклонюся пониже а.... (вырвано нѣсколько словъ). Вы тридевятъ бѣсовъ три, два и одинъ бѣсъ Сава, бѣсъ Колдунъ и бѣсъ Асаулъ, и какъ вы служили Ироду царю, и такъ послужите мнѣ, отроку (имя рекъ), пойдите по городамъ и по уѣз-

дамъ, и по деревнямъ, избирайте тоску и сухоту, со звѣрей и съ птицы и съ рыбы и со всякаго званія людей, и снесите ту тоску и сухоту въ отроковицу (имя рекъ), въ ясныя очи, въ черныя брови, въ румяное лице, въ сахарныя уста, въ горячую кровь, въ черную печень, въ тридевять жилъ и въ одну жилу, во становую, въ подпятную... (оторвано), чтобы отроковица (имя рекъ) не могла бы ни жить, ни быть, ни день по солнцу, ночью по мѣсяцу. Какъ младенецъ безъ матернаго молока жить не можетъ, такъ бы жила отроковица (имя рекъ); безъ воды жить не можетъ ни днемъ, ни ночью, ни въ которую пору. Есть въ чистомъ полѣ, стоитъ дубъ сорочинской и подъ тѣмъ дубомъ сорочинскимъ есть тридевять отроковицъ, изъ подъ того дуба сорочинскаго выходитъ Яга-баба и пожигаетъ тридевять сажень дубовыхъ дровъ и коль жарко, и коль ярко разгоралось тридевять сажень дубовыхъ дровъ и столь жарко.... (вырвано) разгоралась отроковица (имя рекъ), разгорались ясныя очи и черныя брови, и румяное лицо, сахарныя уста, ретивое сердце и горячая кровь, черная печень, семдесятъ жилъ и семдесятъ суставовъ и семдесятъ одинъ суставъ, чтобы отроковица (имя рекъ) безъ отрока (имя рекъ) не могла бы съ себя тоски и сухоты снять, въ парной банѣ паритце, не могла бы въ чистомъ полѣ разгулятца и прѣснымъ молокомъ нахлѣбатце, ни сномъ отоспатце, въ бесѣди не отси-дѣтце. И тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, и замокъ замкну, и снесу замокъ въ Окіянь-море подъ Латырь камень. (*Списанъ со старинной рукописи, доставленной изъ Пинежскаго уѣзда г. Хромцовымъ*).

20. *На разожженіе сердца у дѣвицы.* Встану не благословясь, пойду не перекрестясь въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ терновъ кустъ; а въ томъ кусту сидитъ толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебѣ, толстой бабѣ, сатаниной угодницѣ и отступлюсь отъ отца, и отъ матери, отъ роду и племени. Поди, толстая, баба разожги у красной дѣвицы сердце по мнѣ, рабѣ (имя рекъ). (*Заговоръ этотъ выписанъ изъ стариннаго дѣла, бывшей Архангелогородской Губернскаго канцеляріи. Дѣло значитъ по секретной описи подъ № 251-мъ 1734 г. и названо: Присланный ево Императорскаго Величества изъ С.-Петербургской канцеляріи Тай-*

ныхъ и Розыскныхъ дѣлъ, указъ Кезотской волости о крестьяннѣ Трофимѣ Поповѣ).

21. *Заговоръ на тоску добру молодцу по красной дѣвицѣ.* Стану я, раба (такая-то), благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, пойду въ чистое поле, въ подвосточную сторону, въ подвосточной сторонѣ стоитъ изба, среди избы лежатъ доска, подъ доской тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго свѣта дожидается, бѣлый свѣтъ красное солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня, рабу такую-то, дожидался, радовался, и веселился, не могъ бы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть; ни на утренней зарѣ, ни на вечерней; какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ материна молока, безъ материна чрева не можетъ жить, такъ бы рабъ такой-то, безъ рабы такой-то, не могъ бы жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зарѣ, ни на вечерней, ни въ обыденъ, ни въ полденъ, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ, ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся тоска, въѣдайся тоска въ грудь, въ сердцѣ, во весь животъ рабу, такому-то, разростись, и разродись по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ костямъ ноетой и сухотой по рабъ такой-то. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*).

22. *Напустить тоску парню (по дѣвицѣ).* Пойти въ баню, послѣ паренья стать на тотъ вѣникъ, которымъ парились и говорить:

Выйду изъ парной байны, стану своимъ бѣлымъ бумажнымъ тѣломъ на шелковъ вѣникъ; дуну и плюну въ четыре вѣтра буйныхъ. Попрошу изъ чиста поля четырехъ братьевъ, — четыре птицы востроносы и долгоносы, окованы носы. Лети изъ чистаго поля бѣлый кречетъ, вострый ножъ и остро копье; садись бѣлый кречетъ рабу Божию (имя рекъ) на бѣлы груди, на ретиво сердце, рѣжь же его бѣлы груди тѣмъ же вострымъ ножемъ, коли же его ретиво сердце тѣмъ же вострымъ копьемъ; вынимай изъ его ретива сердца, изъ черной печени, и изъ всей крови горячей еще тоску и кручину. Полети бѣлый кречетъ, понеси бѣлый кречетъ, всю тоску и кручину, на воду не опусти, на землю не урони, на стужѣ не позноби, на вѣтрѣ не посуши, на солнцѣ не повянь; донеси всю тоску-кручину,

всю сухоту, чахоту и юноту велику до раба Божія (имя рекъ), гдѣ бы его завидѣть, гдѣ бы его слышать, хошь бы въ чистомъ полѣ, хошь бы при разстанѣ великомъ, хошь бы при путяхъ-дорогахъ, хошь бы въ парной байнѣ, хошь бы въ свѣтлой свѣтлицѣ, хошь бы за столами дубовыми, хошь бы за скатертями перчатными, хошь бы за кушаньями сахарными, хошь при мягкой постели, при высокомъ сголовѣ, хошь при крѣпкомъ сну. Садись бѣлый кречетъ на рабу Божию (имя рекъ), на бѣлы груди, на ретиво сердцѣ, рѣжь его бѣлы груди, тѣмъ же вострымъ ножемъ, коли его ретиво сердце тѣмъ же вострымъ копьемъ, клади въ его бѣлы груди, въ ретиво сердце, въ кровь кипучую всю тоску кручину, всю сухоту, всю чахоту, всю вяноту великую во всю силу его могучую, въ хотъ и плотъ его въ семдесятъ семь жилъ, въ семдесятъ семь суставовъ, въ становой его суставъ, во всю буйную голову, въ лицо его бѣлое, въ брови черныя, въ уста сахарныя, во всю красоту молодецкую. Рабъ бы Божій (имя рекъ) чахъ бы чахотой, сохъ сухотой, вялъ вянотой, въ день по солнцу, въ ночь по мѣсяцу на полну и на ветху, въ перекрой мѣсяцу, во всѣ межные дни, въ утренни и вечерни зори, на всякій часъ и минуту. Какъ май мѣсяцъ мается, такъ бы рабъ Божіей (имя рекъ) за рабой Божіей ходилъ да маялся. Не могъ бы ее ходить и переходить, никакимъ словомъ обходить, вѣкъ по вѣки, и рабъ Божій (имя рекъ) по рабъ Божіей (имя рекъ) не могъ бы ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на новцу, ни на полну, ни на ветху, ни на перекрой мѣсяца, во всѣ межны дни. Какъ май мѣсяцъ мается, также бы рабъ Божій (имя рекъ) за рабой Божіей (имя рекъ) ходилъ и маялся, и не могъ бы онъ ее ни коимъ словомъ ходить и переходить, и не могъ бы безъ ее ни пить, ни ѣсть, ни жить, ни быть. Эти мои наговорны слова, которы договорены, которы переговорены, которы назади остались,—берите мои слова вострѣе востраго ножа, вострѣе копья, вострѣй сабли, ярѣй ключевой воды. И этимъ моимъ наговорнымъ словомъ заключенныя слова ключъ и замокъ, ключъ щукъ, замокъ въ зубы,—щука въ морѣ. Нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Доставилъ въ Труды Этног. Отдѣла г. Никольскій изъ г. Мезени*).

23. *На прилученіе парня.* Пойду я въ чистое поле, есть

въ чистомъ полѣ бѣлый кречеть. Попрошу я бѣлаго кречета: слеталъ бы онъ въ чистое поле, въ синее море, въ крутыя горы, въ темныя лѣса, въ зыбучія болота и попросилъ бы онъ окаянную силу, чтобы дала она ему помощи сходить ему въ высокій теремъ и застать его хошь бы середка темной ночи соннаго. И сълъ бы бѣлый кречеть на бѣлую грудь, на ретиво сердце, на горячую печень и вложилъ бы рабу Божию (имя рекъ) изъ своихъ окаянныхъ устъ, чтобы онъ не могъ безъ рабы Божіей (имя рекъ) ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть. (*Доставилъ въ Труды Этног. Отдѣла. V кн. Томъ II. г. Никольскій изъ г. Мезени*).

24. *На людскую любовь* (чтобы пріобрѣсти общую любовь). Стану я рабъ Божій по утру, благословясь и перекрестясь; выйду я въ чистое поле, погляжу на всѣ четыре стороны: на восточной сторонѣ стоитъ святая церковь. Какъ на эту церковь смотрятъ и зарятся, такъ бы на раба Божія смотрѣли и зарились старыя старушки, старые старики, маленькіе ребята, красныя дѣвицы, молодыя молодицы, смотрѣли и зарились на раба Божія (имя рекъ), будьте слова мои крѣпки и емки, какъ ключи подземельные, аминь.

Это заклинаніе употребляется для привлеченія любви, какъ дѣвушекъ, такъ и всѣхъ вообще людей. (*Записано въ гор. Онезь*).

25. *На любовь дѣвушекъ и всѣхъ людей*. Наговорить на кольцо или на крестъ, и положить себѣ за пазуху, или въ платокъ.

Собирайтесь народъ, люди добрые, ко честному Христову празднику. Какъ глядятъ на кресты, да на маковки, на мать Пресвятую Богородицу, на различный образъ, такъ бы на раба Божія Н. глядѣли и смотрѣли старые старики, молодые мужики, старыя старухи, молодыя молодухи, красныя дѣвицы, малые робятки; такъ бы раба Божія Н. глядѣла и смотрѣла; такъ бы рабъ божій Н. (имя заговаривающаго) казался краше краснаго солнца, чище чистаго серебра, будьте мои слова, тверды и крѣпки, на вѣки нерушимы. Ключъ въ воду, а замокъ въ руки. (*Записано въ г. Онезь*).

Остудные, противу любовные заговоры.

1. *На остуду между молодцом и дѣвицей.* Какъ мать быстра рѣка Волга течеть, какъ пески со песками споласкиваются, какъ кусты, со кустами свиваются, такъ бы рабъ (такой-то) не водился съ рабой (такой-то) ни въ плотъ, ни въ любовь, ни въ юность, ни ярость; какъ въ темной темницѣ и въ клѣвницѣ, есть нежить простоволоса, и долговолоса, и глаза выпучивши; такъ бы раба (такая-то) казалась ему (такому-то) простоволосой и долговолосой и глаза выпучивши; какъ у кошки съ собакой, у собаки съ росомахой, такъ бы и у раба (такого-то) съ рабой (такой-то) не было согласія ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ набѣдокъ. Слово мое крѣпко. (*См. Сказанія Р. Н. Сахарова. Т. I. 1841 г.*).

2. *Остудныя слова.* Эти слова употребляются для того, чтобы сдѣлать немилымъ кого либо, или разлучить съ другомъ. Обыкновенно (въ Мезени) они наговариваются на землю, взятую между двухъ горъ, или на воду взятую, тогда оба берега считаются горами. Эту землю даютъ въ какомъ либо кушаньѣ. Для большей дѣйствительности, прибавляютъ въ нее мелко изрубленные медвѣжьи когти. Вотъ на этотъ случай заговоръ:
„Стану не благословясь, выйду не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ двора не воротами,—мышьей норой, собачьей тропой, окладнымъ бревномъ; выйду на широку улицу, спущусь подъ круту гору, возьму отъ двухъ горъ земельки; какъ гора съ горой не сходится, гора съ горой не сдвигается, такъ же бы раб. (имя рекъ) съ р. Б. (имя рекъ) не сходился, не сдвигался. Гора на гору глядитъ, ничего не говоритъ, такъ же бы р. Б. (имя рекъ) съ р. Б. (имя рекъ) ничего бы не говорилъ. Чуръ отъ дѣвки, отъ простоволоски, отъ жонки, отъ бѣлоголовки, чуръ отъ стараго старика, чуръ отъ ерети-ковъ, чуръ отъ еретицъ, чуръ отъ ящеръ-ящерицъ. (*Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени*).

3. *Заговоръ на остуду между мужемъ и женой.* Стану я не благословясь, пойду я не перекрестясь не дверьми, не воротами, а дымнымъ окномъ, да подвальныймъ бревномъ, положу шапку подъ пату, подъ пату, не на сыру землю, да въ

черный чоботъ; а въ томъ чоботъ побѣгу я въ темный лѣсъ, на большо озерцо; въ томъ озерцѣ, плыветъ челнище, въ томъ челнищѣ сидитъ чертъ съ чертищей; швырну я съ подъ пяты шапку въ чертища. Что ты чертище, сидишь въ челнищѣ съ своей чертищей? Сидишь ты чертище прочь лицомъ отъ своей чертищи; поди ты чертище къ людямъ въ пепелище, посели чертище свою чертище къ такому то въ избище, не какъ ты, чертище съ своей чертищей живутъ людища мирно любовно, другъ друга любятъ, чужихъ ненавидятъ. — Ты чертище вели чертищѣ, чтобъ она чертища распустила волосища; какъ жила она съ тобою въ челнищѣ, такъ жилъ бы (такой-то) со своей женой въ избищѣ. Чтобъ онъ ее ненавидѣлъ. Не походя, не подступя, разлилась бы его, ненависть по всему сердцу, а у ней по тѣлу, на рожество, не могла бы ему ни въ чемъ угодить и опротивѣла бы ему своей красотой, омерзела бы ему всѣмъ тѣломъ. Какъ легко мнѣ будетъ (отступить) отъ тебя, какъ легко достать шапку изъ озерца тебѣ чертищу, хранить шапку въ озерцѣ, отъ рыбы, отъ рыбака, отъ злаго колдуна, чтобы не могли ее ни рыбы съѣсть, ни рыбака достать, ни злой колдунъ отколдовать на миръ и на ладъ. И вмѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ я слюну. (См. *Сказанія Русскаго Народа, Сахарова. Томъ I. 1841 г. Русское Чернокунижје*).

4. *На остуду.* Ручей съ ручьемъ сбѣгается, гора съ горой не сходится, лѣсъ съ лѣсомъ сростается, цвѣтъ съ цвѣтомъ слипается, трава развивается. Отъ той травы цвѣтъ сорву, съ собой возьму, выйду на долину, на такую большу тропину, возьму себѣ землю, сяду подъ лѣсину, выйду на широкій лугъ, посмотрю на всѣ четыре стороны, нейдетъ ли р. Б. (имя рекъ) и кину, и брошу я въ чисто поле; и какъ гора съ горой не сходится, такъ бы и р. Б. (имя рекъ) не сходился и не сдвигался. (*Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени*).

5. *На разлученіе.* Зайду я во широкій дворъ, во высокій домъ, запишу я (имя рекъ) остуду велику, остудился бы р. Б. (имя рекъ) отъ р. Б. (имя рекъ), чтобъ онъ былъ ей ни на глаза, ни днемъ ни ночью, ни утромъ, ни вечеромъ; чтобы онъ въ покой, она изъ покоя, онъ бы на улицу, она бы съ улицы, такъ бы она ему казалась, какъ люта медвѣдица. И въ

какомъ бы она ни была платьѣ, хоть въ цвѣтномъ, хоть въ держимомъ (будничномъ, рабочемъ) все бы онъ не могъ ее терпѣть и кажинный бы разъ не сносилъ бы съ ея зубовъ своихъ кулаковъ. Хоть бы ладно она дѣлала, а ему все бы казалось не ладно, и хошь бы по уму дѣлала, а ему бы казалось не по мыслямъ. Пошелъ бы онъ по улицѣ, разогналъ бы грусть тоску кручину съ чужими людьми, и пошелъ бы онъ домой и повалился бы на мѣсто (на постель) и есть у него подружка, ночная подушка и разогналъ бы онъ съ ней грусть, тоску. (*Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени*).

6. *Наговоръ на разлученіе.* Чертъ идетъ водой, волкъ идетъ горой; они вмѣстѣ не сходятся, думы не думаютъ, мыслей не мыслятъ, плоды не плодятъ, плодовыхъ рѣчей не говорятъ. Такъ бы у раба Божія (такіе-то), мыслеть не мысляли, плодовъ не плодили, плодовыхъ рѣчей не говорили, а все бы, какъ кошка да собака жили. (*См. Труды Этног. Отдѣла, кн. V. вытиска II. 1878 г. Сообщено г. Ивановымъ изъ г. Пинет*).

7. *На устудну.* Стану я, рабъ Н., не благословясь, и пойду не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ воротъ не воротами, выйду подвальнымъ бревномъ и дымнымъ окномъ (трубою) въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ бѣжитъ рѣка черна, по той рѣкѣ черной ѣздитъ чертъ съ чертовкой и водяной съ водяночкой, на одномъ челнѣ не сидятъ, и во одно весло не гребутъ, одной думы не думаютъ и совѣтъ не совѣтуютъ. Такъ бы рабъ Б. Н. Съ рабой Б. Н. на одной бы лавкѣ не сидѣли, въ одно бы окно не глядѣли, одной бы думы не думали, одного совѣта не совѣтовали. Собака бѣла, кошка свра—одинъ змѣиный духъ. Ключъ и замокъ словамъ моимъ.

Заговоръ этотъ преимущественно употребляется въ г. Онегѣ, и наговаривается или на воду, или на съѣстное. (*См. Тр. Этн. Общ. при Имп. Моск. Ун. 1878 г. Книг. V. Вып. II Сообщ. С. Огородниковымъ*).

ЗАГОВОРЫ ДЛЯ ПРИЗЫВАНІЯ, ИЛИ ОТОГНАНІЯ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ.

1. *Въ защиту отъ нечистой силы.* Наговори на воскъ и прилѣпи на крестъ отъ враговъ своихъ.

Знаменуйся рабъ Божій (имя рекъ) крестомъ животворящимъ— одесную и ошую, спереди и сзади. Крестъ на мнѣ, рабъ божіемъ (имя рекъ), крестъ передо мною, крестъ за мною, крестъ—дьявола и всѣ враги побѣдиша. Да бѣжатъ бѣсове, вся сила вражія отъ меня, раба божія (имя рекъ), видѣвшу, яко молнію—крестную силу опаляющую. Близъ меня Христосъ и вся сила небесная: Михаилъ, Гавріилъ, Уріилъ и Рафаилъ, архангелы и ангелы, начала, власти, престолы, Господни силы и нерушимо страшные серафимы, и святіи Ангелы—хранители преданные мнѣ на соблюденіе души и тѣлу моему отъ святаго крещенія. А далече отъ меня съ своею темнообразною силою стоитъ, и со всѣмъ человѣки прогнанъ бысть, третью стами и шестидесятью ангелы стали божіи. Молитвъ ради Пречистыя Твоея Матери, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго раба Твоего (имя рекъ)—всегда и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. *(Сообщено Афанасьевымъ См. Лѣтописи Русс. Нар. Лит. 1862 года).*

2. *Заговоръ на отинаніе черныхъ муріевъ.* За моремъ за синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, по срединѣ Окіанъ-моря лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянъ стоитъ дубъ, подъ тѣмъ дубомъ живутъ седмерицею семь старцевъ, ни скованныхъ, ни связанныхъ. Приходилъ къ нимъ старецъ, приводилъ къ нимъ тму темъ черныхъ муріевъ. Возьмите вы, старцы, по три желѣзныхъ рожна, колите, рубите черныхъ муріевъ на семдесятъ семь частей.

За моремъ за синимъ, за моремъ за Хвалынскимъ, посреди Окіана-моря, лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянъ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ стоятъ кади желѣзныя, а въ тѣхъ кадахъ лежатъ тенета шелковыя. Вы старцы ни скованные, ни связанные, соберите черныхъ муріевъ въ кади желѣзныя, въ тенета шелковыя, отъ раба (такого то).

За моремъ за синимъ, за моремъ за Хвалынскимъ, посреди Окіанъ-моря, лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянъ сидитъ птица Гагана, съ желѣзнымъ носомъ, съ мѣдными когтями. Ты птица Гагана сядь у дома, гдѣ стоятъ кади желѣзныя, а въ кадахъ лежатъ черныя муріи, въ шелковыхъ тенетахъ; сиди дружно и крѣпко, никого не подпускай, всѣхъ

отгоняй, всѣхъ кусай. Заговариваю я симъ заговоромъ раба (такого то) отъ черныхъ муріевъ, по сей день, по сей часъ, по его вѣкъ, а будь мой заговоръ дологъ и крѣпокъ. Кто его нарушитъ, того черныя мурія съѣдятъ. Слово мое крѣпко! (*Сказанія Русскаго Народа, Сахарова. Томъ I. 1841 г. Черно-книжіе*).

3. *Заговоръ отъ дьявола.* Отъиде дьяволе отъ храму и отъ дому сего, отъ дверей и отъ всѣхъ четырехъ угловъ. Нѣтъ тебѣ, дьяволе, части и участія, мѣста и покою, здѣсь крестъ Господень, Матерь Христова, пресвятая Богородица, святой Петръ, святые Евангелисты, Іоаннъ, Лука, Марка, Матѣей, св. Архангелъ Михаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ, Уріилъ, Угасіилъ, Егудіилъ, Варахаилъ. Силы небесныя ликовствуютъ, здѣсь святые Херувимы и Серафимы, святой Михаилъ нынѣ по всей вселенныя, по нихъ же полки держитъ святой Петръ палицу держа, здѣсь Рождество Предтечи, здѣсь тебѣ, дьяволе, нѣтъ части и участія, мѣста и покою, не дѣлай пакости, дьяволе, всему мѣсту и дому, и человѣку, и скоту, и всѣмъ рабамъ Божиимъ, бѣги отсюда во адъ кромѣшный, гдѣ твой настоящій пріютъ и тамо да обрѣтайся. Слово мое крѣпко, яко камень, аминь, аминь, аминь. (*Изъ рукописной тетради Г. Григорія Данилова Книж-любова*).

4. *Молитва отъ злаго чарованія.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Нравомъ причастникъ и Апостоламъ намѣстникъ, Апостоломъ бывъ, дѣяніе обрелъ еси боговдохновеннѣ, въ видѣніяхъ восходъ, сего ради слово истинны исправляя, вѣры ради пострадалъ еси даже до крови, священномученице Кипріане и Іустиніе, моляте Христа Бога, избавите р. Б. отъ всякаго злаго волхованія и колдованія, отъ врага и супостата, и всякихъ вредовъ, козней и золь, ликъ ангельскій отъ художества волшебнаго обратился богомудре къ познанію божественному, показався еси міру врачъ мудрѣйшій и исцѣленія даруя чествующимъ тя, Кипріане со Іустиною, съ нею же молися челолюбчу владыцъ очиститися и избавитися р. Б. (имя рекъ) отъ всякаго злаго очарованія, обаянія, колдованія и волшебства, козни и всѣхъ злыхъ дѣйствій, отъ сего часу и минуты по весь его вѣкъ и на всю его жизнь, во вѣки и въ вѣкъ, аминь.

5. *Заговоръ отъ змѣя къ жень летающую въ домъ* *) Во всемъ домѣ—гилло магалъ—сидѣла Солнцева дѣва. Не теремъ златой—шингафа, искала дѣва; не богатырь могучъ изъ Ноугорода подлеталъ; подлеталъ огненный змѣй Лифъ, лифъ, зауцапа калапуда. А броня не мѣдяна, не злата; а ширинки на немъ не жемчужены; а шлемъ на немъ не изъ краснаго уклада; а калсна стрѣла не изъ дѣдовскаго ларца. Пицапо фукадалимо коройталима канафо.—Полканъ, Полканъ! разбей ты огненного змѣя; ты соблюди дѣвичью красу Солнцевой дѣвы.—Вихадимо гилло могалъ-дирафъ. Изъ за Хвалынскаго моря летѣлъ огненный змѣй по синему небу во дальнюю деревушку, во теремъ къ дѣвѣ: Могучъ богатырь—Шнялда-Шибулла качилла барайчихо дойцофо карайха дпна.—Во малиновомъ саду камка волжская, а на камкѣ дѣва мертвая, со живою водою, со лютою свекровью, со злымъ свекромъ. Убить огненный змѣй, разсыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору муромскому, по мѣвяной росѣ, по утренней зарѣ. Яниха-шойдега бираха виддо.—А наѣхалъ злой татаринъ и узилъ во полонъ Солнцеву дѣву, во золотую орду, ко лютому Мамаю, ко нехристу басурманскому, ко проклятому барходбю. — Уахама широко.

6. *Заговоръ отъ летающаго змѣя въ домъ.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Встану я раба Божія, перекрестясь, пойду я, раба Божія, благословясь, изъ дому въ дверь, изъ дверей въ ворота; благослови меня Господи Иисусе Христе, и избави меня Господи не хитростью, не мудростью, но Твоею великою силою, Господи помилуй (трижды). Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его .. (до конца). Аллилуйа, аллилуйа, аллилуйа. На морѣ на Кіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на бѣль-горючемъ камнѣ Алатырь, на храбромъ конѣ сидятъ Егорій Побѣдоносецъ, Михаилъ Архангелъ, Илія пророкъ, Николай Чудотворецъ побѣждають змѣя лютаго, огненнаго, который леталъ въ невѣрное царство пожирать людей, убили змѣя лютаго, огненнаго, избавили дѣвицу царскую и всѣхъ людей, и скоть избави и отгоните; и Ты Господи отъ рабы Божіей (имя) и отъ дому

*) Иначе—Чародѣйская пѣсня солнцевыхъ дѣвъ. (См. Сказанія Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г. Чародѣйство. Стр. 17.

ея, летающаго змія огненнаго и духа нечистаго прикасливаго деннаго, ношнаго, полуденнаго и ношнаго и полуденнаго, и утренняго, и вечерняго, часоваго и минутнаго, и всю силу нечистую, отвори его отъ всѣхъ ея думъ и помысловъ, видѣній и мечтаній, дѣйствій и воли. Устрой и утверди, Господи, ея умъ и разумъ, чувство и память на Божеску путь и огради Господи рабу Божию (имя) своимъ крестомъ животворящимъ отъ всѣхъ золь и пакостей, вредовъ и дѣйствій, отъ нечистаго духа и змія огненнаго, запрети ему, Господи, своею силою небесною и словомъ великимъ, чтобы никогда не летати, не ходити, не прикачати, не пришатати, и не бывати вреда, пакости, обиды и зла не творити; спаси и сохрани и помилуй Господи святыми молитвами, и симъ словомъ на всякій день, на всякій часъ и на всякую минуту, врагъ, сопостать, зміи летучій и духъ нечистый отшатнись отъ рабы Божіей (имя) отъ сего время, отъ сего часа, отъ сей минуты и по всю ея жизнь, и по весь ея вѣкъ: полети ты отъ насъ на свое старое время, во озеро Содомъ и Гоморъ и въ бездну преисподнюю, тамо и буди заклятъ вѣчно и безконечно во вѣки вѣковъ, аминь.

7. *Молитва, аще въ домъ мумится.* Господи, Боже спасенія нашего, Сыне Боже живаго, на херувимахъ носимый, превыше всякаго начала, власти, силы и господства; Ты еси великій и страшный надъ всѣми сущими окрестъ Тебѣ. Ты еси поставивый небо, яко камору, Ты еси, сотворивый землю въ крѣпости Твоей, исправивый вселенную въ премудрости Твоей, трясый поднебесную отъ основаній, столпы же ея неподвижны; глаголай солнцу, не возсіяетъ, звѣзды же запечатляя; запрещающей моею и изсушающей морю, изсушающей его; его же ярости таетъ начала и власти, и камени сотрясошися отъ Тебѣ. Врата мѣдныя стерлъ еси, и верія желѣзныя сломилъ еси; крѣпкаго связалъ еси, и сосуды его раздралъ и мучителя крестомъ Твоимъ низложилъ еси, и змія удицею вочеловѣченія Твоего привлекъ еси и узами мрака въ тартаръ посадивъ, связалъ еси. Самъ убо, Господи, утверждение, на Тя, Господи, надежду возлагающихъ, крѣпкая стѣна на Тя уповающихъ; отступити сотвори, отжени и въ бѣгство претвори всяко діавольское дѣйство и всякое сатанинское нахождение, всякъ навѣтъ сопротивный и надлежащія силы отъ крова сего и отъ обдержимыхъ

отъ него, и отъ обходящихъ предъ нимъ, знаменіемъ страшныя на демоновъ побѣды креста Твоего носящихъ и призывающихъ имя Твое благое; ей Господи, легионъ бѣсовъ отгнавый и глухому и нѣмому, демону и нечистому духу удержавшемуся отъ человѣка изыти и исходу невозвратну быти, повелѣвый; все ополченіе враговъ невидимыхъ нашихъ потребивый, вѣрныя же и познавшія тебѣ умудривый, се даю вамъ власть, еже попрайти верху змievъ и скорпievъ и на всю силу вражію. Самъ Владыко, высшій всякаго вреда и искушенія, вся сущія въ дому семъ сохрани и, избавляя ихъ отъ страха ночнаго и стрѣлы летящія, во дни отъ вещи во тмѣ преходящія, отъ страща и демона полуденнаго, до твоей раби, твоя рабыни и младенцы (молодицы?) наслаждающіяся, помощи и ангельскимъ силамъ воинствомъ храними, яко единъ все во единомысліи вѣрно поютъ: „Господь мнѣ помощникъ, не убоюся, что мнѣ сотворитъ человѣкъ и паки не убоюся зла, яко Ты со мною еси, яко Ты еси, Боже, утвержденіе мое, крѣпкій обладатель и князь міра, отецъ будущаго вѣка, и царство Твое и царство вѣчное, и Тебѣ единаго есть царство и сила, и слава со Отцемъ и святымъ Духомъ, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь“. (*Выписано изъ рукописной книжки Григорія Боголюбова*).

8. *Заговоръ отъ бѣсовъ*. Плакунъ! плакунъ! плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало. Не катись твои слезы по чистому полю, не разносись твой вой по синему морю, будь ты страшень бѣсамъ и полубѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ Кіевскимъ; а не дадутъ тебѣ покорища, утопи ихъ въ слезахъ, да убѣгутъ отъ твоего позорища; замкни въ ямы преисподнія. Будь мое слово при тебѣ крѣпко и твердо. вѣкъ вѣкомъ, аминь. (*Выписано изъ рукописной книжки Григорія Боголюбова*).

9. *Противъ черта* (О Святкахъ). Въ Святки отправляются на розстанъ, очертываются три раза, приговаривая за каждымъ разомъ: „За три черты, чертъ, не ходи!“ потомъ слушаютъ, что чудится. (*Записано въ Холмогорскѣ*).

10. *Призываніе домоваго на новоселье*. При переходѣ на житье въ нововыстроенный домъ, семейные хозяева приходятъ въ старый домъ и, раскланиваясь во всѣ четыре угла избы, говорятъ: „Хозяйнушка господинъ! пойдемъ въ новый домъ на богатый дворъ, на житье, на бытье, на богатество“. (*См. Труды*

Этногр. Отдѣла. 1878 г. Кн. V. Вып. второй. Стр. 157. Сообщ. П. А. Ивановымъ изъ г. Пинеги).

11. *Къ домовому.* При переходѣ въ новый домъ, или на новую квартиру, прежде всего вносятъ образъ, квашню съ раствореннымъ тѣстомъ, а потомъ кошку, собственно для домового, приговаривая: „Вотъ тебѣ, хозяинъ, мохнатый звѣрь на богатый дворъ“ (*Карм. кн. для любит. землевѣд. Изд. Геогр. Общ. въ 1848 г. Запѣтк. Верецаина, стр. 312—320*).

12. *Къ домовому, при покупкѣ скота.* Купивши скотинку, крестьянинъ молится вмѣстѣ съ продавцемъ Богу, творить молитву Иисусову, три раза обводитъ вокругъ себя коня, не смѣя держать узды голыми руками, и говоритъ: „Вотъ тебѣ, хозяйнушко, мохнатый звѣрь на богатый дворъ, пой, корми, рукавичкой гладь“ (*Записалъ священникъ Таратинъ въ сель Курьѣ, Холмогорскаго уѣзда*).

13. *Къ домовому, при ввѣдѣ въ стойло скотины.* Вводя вновь купленную скотинку въ стойло, строго соблюдаютъ слѣдующій обрядъ: низко кланяются въ каждый изъ четырехъ угловъ хлѣва, или стойла, и приговариваютъ: „Вотъ тебѣ, хозяинъ, мохнатый звѣрь, моего (или „мого такого то“ кличка скотины) любви, пой да корми. (*Изъ Карман. книжки для любителей землевѣденія. 1848 г. Изъ запѣтокъ Верецаина*).

14. *Тоже.* Когда приводятъ купленную скотину въ хлѣвъ, тогда употребляютъ слѣдующее воззваніе къ домовому: „Дѣдушка, отаманушко, полюби моего чернѣюшка, или пестрѣюшка, (смотря по шерсти) пой, корми сыто, гладь гладко, самъ не шути, и женой не спущай, и дѣтей укликай“ (*Записано въ г. Онезь*).

15. *Заговоръ для того, чтобы видѣть двороваго.* „Дядя дворовой, приходи ко мнѣ не зеленъ, какъ дубравный листь, не синь, какъ рѣчной валъ, приходи такимъ, каковъ я, я тебѣ христовско яичко дамъ“.

Кто хочетъ видѣть двороваго, долженъ первый получить отъ священника, по окончаніи заутрени на Св. Пасху красное яичко и взять изъ церкви свѣчу, съ которой стоялъ у заутрени. Затѣмъ, долженъ ночью, до пѣтуховъ, взявъ въ одну руку зажженную свѣчу, а въ другую красное яйцо, стать передъ отворенною дверью хлѣва и сказать приведенныя выше

слова; дворовой выйдетъ, по виду совершенно подобный произносившему заклятіе. (*Записалъ А. Харитоновъ въ Шенкурск. уездѣ*).

16. *Къ банному*. При выходѣ изъ бани, благодарятъ баннаго словами: „Спасибо тѣ, байнушко, на парной байнечкѣ“. (*Сообщилъ г. П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги*).

17. *При знакомствѣ съ лѣшимъ*. Крестьянинъ, желающій снискать милость лѣшаго, долженъ въ ночь передъ Ивановымъ днемъ отправиться въ лѣсъ и, найдя осину срубить ее такъ, чтобы она вершиной упала на восточную сторону; на пнѣ срубленной осины, ставъ лицомъ на востокъ, онъ долженъ нагнуться и глядя въ отверстіе, образовавшееся между ногами, говорить: „Дядя лѣшій, покажись не сѣрымъ волкомъ, не чернымъ ворономъ, не елью жаровою, покажись такимъ, каковъ я“. (*Запис. А. Харитоновымъ въ Шенкурск. уездѣ*).

18. *Отъ нечистаго*. Отъ Духа Святаго, причастника Христава, Спасова рука, Богородицынъ замокъ, Ангелъ мой, сохранитель мой! Сохрани мою душу, скрѣпи сердце мое; врагъ сатана! поди прочь отъ меня. Есть у меня три листа, написано все Маркъ, да Лука, да Никита великомученикъ; за грѣхи душу мучить, за меня Бога молить. (*Доставлено въ Труды Этногр. Отд. Св. Грандилевскимъ, изъ села Емецка, Холмог. уезда, Арх. губ.*).

Эта молитва отъ нечистаго духа, произносимая ежедневно на сонѣ грядущій, составляетъ предохранительное и заклинательное средство отъ всякаго недуга и скорби.

19. *Молитва отъ нечистаго духа*. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Облекохомся во единого Христа и слова Божія; убойся діаволю, отъиди отъ меня, раба Божія (имя рекъ). Христось воскресе Своею волею, имѣяй силою изгнати тя, страшный и нечистый дьяволю, имѣяй силу Вышняго Бога, Отца невидимаго, Христось погребенъ бысть; Христось воскресе, бѣжи діаволю, побѣдою Отца, и Сына, и Св. Духа, и во вѣки, вѣковъ. Аминь.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Стану я рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду изъ западу въ востокъ. Поднимается царь грозная туча и подъ грозною тучею мечетца царь громъ, царица молнія. Какъ отъ царя грома и отъ ца-

рицы бѣжатъ враги и дьяволы лѣсные, водяные и дворовые, и всякая нечистая тварь въ свои помѣстїя—подъ пень и подѣ колоду, во озера и во омуты, и такъ бы бѣжали и отъ живущихъ во оныхъ хоробахъ, отъ меня, раба Божїя (имя рекъ), бѣжали всякіе враги и дьяволы лѣсные, водяные, и дворовые подѣ пень и подѣ колоду, во озера и во омуты безотпятно, безотворотнo, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣка, аминь.

Христось родися, и роспяся, и воскресе, и въ третїй день воскресенїя и животь дарова всему міру, и мнѣ, рабу Божїю (имя рекъ) крестъ. Крестомъ человекъ родися, Богъ прославися, сатана связанъ бысть съ сильными своими бѣсъ; отъ нынѣ и до вѣка, и до втораго пришествїя Христова, аминь.

Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣъ, сѣдай въ вышнихъ, ходяй по громъ, осянїя силою небесною, призывай воду морскую, къ проливанїю на лице всея земли, праведный самъ судїя врагу нашему, дьяволу, аминь.

Господи, Боже, благослови. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Стану я, рабъ Божїй (имя рекъ), благословясь, и пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за дверьми, подѣ утреннюю зарю и подѣ восточную сторону, ко истинному Господу Саваоѣу, Спасу Иисусу Христу, Сыну Божїю, Царю Небесному, и помолюся я рабъ Божїй (имя рекъ), истинному Господу Богу Саваоѣу, Спасу Иисусу Христу, Сыну Божїю, Царю Небесному и Св. Архангеламъ Михаилу и Гавріилу, шестокрылатымъ херувимамъ и серафимамъ и прочимъ безплотнымъ небеснымъ силамъ, и святому честному пророку Предтечи и крестителю Господню Іоанну, и святымъ четыремъ апостоламъ и евангелистамъ Матѣею, Марку, Лукъ, Іоанну Богослову, и святому пророку Ильѣ Ѳезвитянину: создай, Господи, Свое Божїе великое милосердіе, отъ престола Господня грозную тучу темную, каменную, огненную и пламенную, изъ тое тучи грозной спусти, Господи, частаго дождика.

На небесахъ отъ престола Господня зачинается и поднимается Божїя милость и грозная туча, сильный громъ и молнїя; и спустилъ истинный Господь, Саваоѣъ Богъ, Спасъ Иисусъ Христось, Сынъ Божїй, Царь Небесный, Свое Божїе великое милосердіе, отъ престола Господня; Святый Духъ, царя грома,

парицу молонію; царь громъ грянулъ, царица молнія пламя спустила, молнія освѣтила, раскакались, разбѣжались всякіе нечистые духи. И какъ изъ тья Божіей милости, изъ грозной тучи, изъ сильнаго грома, отъ молніи вылетаетъ грозная громовая стрѣла, и сколь она грозно, и пылко, и ярко, и примчиво діавола изгоняетъ, и нечистаго духа демона К., С., С., Н. *) и мамонта посыльнаго и нахожего у меня, раба Б. (имя рекъ), изъ двора выганиваетъ, камень и древо разбиваетъ, камень и древо разбиваетъ, и какъ отъ тое грозныя громовыя стрѣлы не можетъ камень въ одно мѣсто сростать, древо отростать, и такъ же бы проклятый дьяволъ и нечистый духъ, демонъ К., С., С., Н., и мамонтъ посыльный и нахожій избѣжали бы отъ меня, раба Божія (имя рекъ), отъ сего мѣста прочь за 39 земель, за 39 городовъ, и за тридцать девять морей, и не могли бы меня, раба Божія (имя рекъ), видѣть и не могли бы слышать; и какъ ты и грозныя, огненныя, громовыя стрѣлы боится проклятый дьяволъ и нечистый духъ, демонъ К., С., С., Н., и мамонтъ посыльный и нахожій, и также бы раба Б. (имя рекъ) устрашился и убоялся недруги и мои супостаты (имя рекъ), и всякіе нечистые духи, раскакались и разбѣжались отъ меня, раба Божія (имя рекъ), во свояси: водяной въ воду, а лѣсной въ лѣсъ подъ скрыпучее дерево, подъ корень, и вѣтряный подъ кустъ и подъ холмъ, а дворовой, мамонтъ посыльный и нахожій, и проклятый дьяволъ, и нечистый духъ, демонъ, на свои на старыя на прежнія жилища. И какъ Господь умудряетъ слѣпцы, не видятъ, а все знаютъ, такъ же умудри, Господи, меня, раба Б. (имя рекъ), на нечистыхъ бѣсовъ; гласъ грома Твоего въ колеси, освѣтица молнія твоя, вселенная подвижеса, и трепетна бысть земля, такъ же бы трепетны были нечистые духи отъ меня, раба Божія (имя рекъ); и какъ наши родители въ землѣ лежатъ, не чуютъ звону колокольнаго, ни пѣнія церковнаго, и такъ бы сей мой заговоръ и приговоръ былъ бы крѣпокъ и силенъ во всякое время, до будущаго вѣку, во вѣки.

Крестъ на мѣстѣ, крестъ на рабѣ Божіемъ (имя рекъ), крестъ у меня, раба Божія, и крестомъ Христовымъ діавола проклиная, отступи бѣсъ и діаволъ, и нечистый духъ отъ меня, раба

*) Вѣроятно бранныя слова.

Божія (имя рекъ), отъ сихъ дверей, отъ четырехъ угловъ фатеры моей; здѣсь сидятъ архангелы, ангелы, херувимы, серафимы,—Михаилъ архангелъ и Гавріилъ архангелъ, здѣсь сидитъ Пресвятая Богородица, родшая Творца плотію, Христа Бога Нашего, Царя Небеснаго; Силою Христовою діаволъ буди проклятъ, и нечистый духъ всѣми семью соборами, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Крестъ, хранитель всея вселенныи, крестъ красота церкви, крестъ царямъ держава, крестъ и дьяволамъ прогнаніе отъ раба Божія (имя рекъ). Во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Крестъ креститель, Христовъ хранитель, крестъ — красота, крестъ — церковная высота, крестъ ангеломъ слова, крестъ царю держава, крестъ тверди утверженіе, крестъ бѣсомъ бо язва, крестъ и врагомъ прогонитель, храни мя и милуй, раба Божія (имя рекъ), вветху и въ молоду и въ перекроѣ мѣсяцъ, и ото всякаго врага и сопостата, ото всякаго злаго человѣка, скорби и болѣзни, ненавидящаго и обидящаго человѣка.

Во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Стану я рабъ Божій (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле задворьми, подъ восточную сторону, покорюсь и помолюсь Господу Иисусу Христу и Св. Архангеламъ и Ангеламъ Михаилу и Гавріилу, шестокрылымъ херувимамъ и серафимамъ, и евангелистамъ Матвѣю, Марку, Лукѣ, Іоанну Богослову: какъ васъ боится демонская сила, и какъ смущаетъ небесная стрѣла, молнія и громъ, а также бы устрашилися и убоялися меня, раба Б. (имя рекъ), во всякое время, и такъ бы приговоръ былъ столь силенъ и крѣпокъ, и какъ Господь умудрилъ слѣпцы, не видятъ, а все знаютъ, а также бы у меня, раба Б. (имя рекъ), столь бы силенъ и крѣпокъ мой заговоръ, а сей приговоръ; и какъ наши родители не чуютъ звона колокольнаго, ни пѣнія церковнаго, и столь бы былъ крѣпокъ сей заговоръ, во всякое время до будущаго вѣку, по вѣки, аминь.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. И ставитъ около меня, раба Божія (имя рекъ), самъ истинный Господь Богъ Саваоѣъ, Спасъ нашъ Иисусъ Христосъ, Царь Небесный со Своею Пресвятою Матерью Богородицею, Дѣвою Маріею, и со всею небесною силою, со ангелами, со архангелами, съ

херувимы, и серафимы, со апостолами и пророками, и со святителями, и съ врачами съ безсребренниками, съ мучениками и мученицами, съ страстнотерпцами и со страстнотерпицами, съ преподобными, и съ праведными, и со всѣми святыми, тынъ желѣзный, врата мѣдныя, верей булатныя, замокъ пресвѣтлаго рая, ключъ небеснаго царствія отъ земли до неба, отъ неба и до престола и по земли, отъ востока до запада, отъ запада и до сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта (юга), со всѣхъ четырехъ сторонъ, и заграждаетъ самъ истинный Господь Богъ Саваоѣъ, Спасъ нашъ Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Царь небесный, меня, раба Божія (имя рекъ), отъ всякаго отъ злаго, отъ лихаго челоуѣка и супостата: отъ угроватаго, отъ возгриваго, отъ сопливаго, отъ шедливаго (вѣроятно шелудиваго), отъ киловатаго, отъ сутулатаго, отъ старца и отъ старицы, отъ бѣльца и отъ бѣлицы, отъ чернца и отъ черницы, отъ схимника и отъ схимницы, отъ женки долговолоски, и отъ дѣвки частоволоски, отъ черноволосыхъ, отъ бѣловолосыхъ, отъ русоволосыхъ, отъ сѣдоволосыхъ, отъ пестрыхъ, отъ рябыхъ, отъ волосоватыхъ, отъ слѣпыхъ, отъ хромыхъ, отъ волшебниковъ, отъ волшебницъ, отъ колдуновъ, отъ колдуницъ, отъ вѣдуновъ, отъ вѣдуницъ, отъ кудесниковъ, отъ кудесницъ, отъ порчельниковъ, отъ порченицъ, отъ лихоглазыхъ, отъ лихозубыхъ, отъ лихокровыхъ, отъ лихощербыхъ, отъ Богоотступниковъ, отъ Богоотступницъ, отъ Богоотметниковъ, отъ еретиковъ, отъ еретицъ, отъ вѣщунновъ, отъ вѣщунницъ, и ото всякихъ отъ злыхъ, отъ лихихъ, отъ притчей, отъ скорбей, и отъ болѣзней, отъ щипоты, и отъ ломоты, отъ 12 проклятыхъ Иродовыхъ дочерей, отъ злыя, отъ лихія, отъ лихорадки: отъ Листопухи, отъ Комухи, отъ Лопухи, отъ Каркуши, отъ Пухоты, отъ Хрипоты, отъ Ломихи, отъ Знобихи, отъ Гнятеницы, отъ Огневицы, отъ Трасовицы *); отъ всякія вражія непріязненныя силы, и ото всякаго мечтанія, сатанина угодія, затворяетъ святыя верховныя апостолы, Петръ и Павелъ, тынъ желѣзный вратами мѣдными, и былотными вереями, запирають и замокъ пресвѣтлаго рая, ключемъ небеснаго; и такъ, какъ не бывать въ пресвѣтломъ раю, въ небесномъ царствіи

*) Сравн. названія 12-ти лихорадокъ съ названіями, упомянутыми ранѣе.

проклятому діаволу и волшебнику, и волшебницѣ, колдуну и колдуницѣ, вѣдуну и вѣдуницѣ, кудеснику и кудесницѣ, порченику и порченицѣ, лихоглазому, лихозубому, лихокровому, лихошерстному, Богоотступнику, Богоотметнику, еретику и еретицѣ, вѣщуну и вѣщицѣ, и злomu чelовѣку, лихому супостату, помышлителью нашему, во вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, и такъ бы не бывать на мнѣ, рабѣ Божіемъ (имя рекъ), тѣмъ злымъ, лихимъ притчамъ, скорбямъ и болѣзнямъ, хрипотамъ, ломотамъ, и 12 проклятымъ Иродовымъ дочерямъ, злой лихорадкѣ: Листопухъ, Лопухъ, Комухъ, Коршухъ, Коркушъ, Пухотъ, Хрипотъ, Ломихъ, Знобихъ, Гнятеницъ, Огневщъ, Трясовщъ и всякой вражьей непріязненной силѣ, и всякому мечтанію, сатанинину угодію, во вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. И поставляетъ Господь Богъ Саваоѣ, Спасъ нашъ Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Царь Небесный, у того желѣзнаго тына, у мѣдныхъ вратъ, святаго великаго святителя и теплаго заступника, и скорого помощника, Николая Мирликійскаго чудотворца; и святой великій святитель Христовъ, теплый заступникъ и скорый помощникъ, Николай Мирликійскій чудотворецъ стоитъ у того желѣзнаго тына и у мѣдныхъ вратъ, натягиваетъ свой мѣдный лукъ, накладываетъ булатныя стрѣлы, и стрѣляетъ, и отстрѣливаетъ отъ меня, раба Б. (имя рекъ), всякія злыя и лихія притчи, скорби и болѣзни: щипоту, ломоту, и двѣнадцать Иродовыхъ дочерей, злую, лихую лихорадку: Листопуху, Лопуху, Коршуху, Комуху, Коркушу, Пухоту, Хрипоту, Ломиху, Знобиху, Гнятеницу, Огневицу, Трясовицу и всякую вражью непріязненную силу, и всякое мечтаніе, сатанинино угодіе, стрѣляетъ и отстрѣливаетъ отъ того отъ желѣзнаго тына, отъ мѣдныхъ вратъ, и отсылаетъ вспять, откуда пришли, отъ проклятаго сатаны, изъ преисподней бездны, изъ ада; и назадъ вспять возвратитесь въ преисподнюю, въ бездну, во адъ, къ дѣду своему, къ проклятому сатанѣ.

Глаголи сіе трижды.

Христосъ воскресе, адъ плѣнися и проклятая сатанинская сила побѣдися, и предъ адовымъ замкомъ не отмыкиваться и вратамъ не отвариваться, и такъ же бы впредь на мнѣ, рабѣ Б. (имя рекъ), тѣмъ злымъ лихимъ притчамъ, скорбямъ и болѣзнямъ, щипотамъ и ломотамъ и 12 проклятымъ Иродовымъ

дщерямъ, злой, лихой лихорадкъ: Листопухъ, Лопухъ, Коршухъ, Комухъ, Коркушъ, Пухотъ, Хрипотъ, Ломихъ, Знобихъ, Гнятеницъ, Огневицъ, Трясовицъ и всякой вражьей непріянной силъ, и всякому мечтанію, сатанинину угодію, въ вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку; уповающихъ на Господа Бога Саваоѳа, Спаса нашего Иисуса Христа, Сына Божія, Царя Небеснаго, сотворившаго небо и землю, бѣлый свѣтъ, луну Божію, и красное солнце, утреннюю зарю и вечернюю, младъ свѣтеть мѣсяцъ и частыя звѣзды, и птицы небесныя, и рыбы морскія, и праотца Адама и бабуку Еву, и всю тварь небесную, Истинному Господу Богу Саваоѳу и Спасу нашему Иисусу Христу, Сыну Божію, Царю Небесному, и Его непобѣдимой, непостижимой и божественной силъ слава и держава, честь и поклоненіе; вси возрадуемся въ вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Во храмивъ, въ домъ своемъ возстану я, азъ, р. Б. (имя рекъ), благословясь, умоюся ключевою водою, и говорю: буди вода сія чиста и свята, аки Иорданъ рѣка текущая, а въ ней крестился самъ Иисусъ Христосъ во своихъ свѣтлыхъ ризахъ Иисусовыхъ, утирался убрусомъ своимъ, самъ рекъ: буди убрусъ, аки пелена нетлѣнная Иерусалимскія Богородицы. Украшаюся азъ, рабъ Б. (имя рекъ), саваномъ свѣтлообразнымъ, фалетовы ризы, своей свѣтлообразною зарею, и стану предъ образомъ Божіимъ и святою иконою на мѣсто свое, аки на златый престолъ поднебесный, и реку глаголомъ, и творю молитву Иисусову; изыди глаголь мой изъ устъ моихъ, аки громъ сильный съ каменіемъ, опальнымъ огнемъ, страшнымъ судомъ, изыди духъ изъ устъ моихъ, скорые буйные вѣтры, драло, да пахало и сушило отъ златокованныхъ трубъ Евангелистовыхъ. Помолюся азъ, рабъ Б. (имя рекъ), о своей многогрѣшной душѣ милости о помощи, и упрашиваю и умаливаю по числу херувимовъ и пасущихъ мя, по числу серафимовъ, стерегущихъ мя, и замкните меня, раба Божія (имя рекъ), въ родъ семъ отъ злыхъ челоувѣкъ и пуцайте изъ убрусовъ своихъ на сырую землю, на злыхъ челоувѣкъ, на мятежниковъ и на помышленниковъ, и на мя глаголющихъ, и, спустите изъ убрусовъ своихъ вся погубительная и страшная по земли, по воздуху несчетныхъ тмы ангеловъ,

возглаголите мнѣ, аки сильный громъ грянулъ: не бойся чело-вѣче, рабъ Божій (имя рекъ), и утверждайся въ родъ семь ан-гельскимъ утвержденіемъ, вставъ силы небесныя и замкнувъ градъ въ вышнемъ небесными замками; то вы замкните и ключи положите подъ врата, и стогны града того обтеките со огнен-ными ударами, и около града того обтеките колесницы огненныя. Обѣхали конные и воеводы, небесныя силы, Михаилъ и Гаврі-иль, херувимы и серафимы, и Илья пророкъ, и апостолы, и еван-гелисты съ трубы златокованными, обставъ, и спустивъ около меня раба Божія (имя рекъ), громъ и молнію огненную, ски-петромъ стрѣлы булатныя и рѣки огненныя, отъ востока до запада, отъ юга и до сѣвера, отъ земли и до воздуха; нача силы небесныя меня, раба Б. (имя рекъ), любить и хранить, изо всѣхъ орудій пламенныхъ, изъ убрусовъ и скипетровъ бьти и палити, и громъ мя ради слать, молнію пожигать, су-псстатовъ моихъ стрѣлять, и кто испортитъ, порчи ихъ сжи-гать огнемъ, отъ моего порожденія до исхода души моея. И донеси ю Господи въ руцѣ живу, и сохрани меня раба Божія (имя рекъ) отъ всякія непріязненности дьявольскія, и мною хра-нямо, и во вѣки нерушимо. Аминь, аминь, аминь. *(Говоритъ дважды).* *(Извлечено изъ II. А. Ефименкомъ изъ старинной рукописи).*

ОХОТНИЦКІЕ ЗАГОВОРЫ И МОЛИТВЫ.

1. *Для удачи на охоту.* Господи, Иисусе Христе, Сыне Бо-жій, помилуй меня грѣшнаго (имя рекъ), аминь. Ложусь я, рабъ Божій (имя рекъ) ввечеру, поздно на поздно благословясь и перекрестясь; встаю, рабъ Божій, ранымъ на рано, и умываюсь триденной водой, и утираюсь шитымъ, бранымъ, тонкимъ поло-тенцемъ; пойду, рабъ Божій (имя рекъ), изъ избы дверями, изъ двора воротами; пойду во чисто поле, въ широко раздолье, въ зелену дубраву, и стану я эту збрую ставить на бѣлыхъ и на ярыхъ зайцевъ. Какъ же катятся ключи, притокп во еди-ный ключъ, такъ бы катились и бѣжали всякіе мои драгоцен-ные звѣри: сѣрые, ушастые, долгохвостые волки и черные медвѣди и красныя брунастыя лисицы, и бѣлые и ярые зайцы и зайни (зайчихи); назадъ бы они не ворочались, а посторон-

нихъ бы не бѣгали. Позади носятъ Михаилъ архангелъ и Гавріилъ архангелъ св. своею небесною силою. Во вѣки, вѣковъ, аминь. Создай, Господи, благополучіе. Сей заговоръ глаголи трижды. (*См. Таинст. чары. Москва. 1876 г.*)

2. *Заговоръ охотника на постановныхъ клѣтяхъ для зайцевъ.* Встану я, рабъ (такой-то, засвѣтло, умываюсь ни бѣло, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле, къ лѣсу дремучему; а изъ лѣса дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу двадцать сатаняловъ, двадцать дьяволовъ, двадцать лѣшнихъ, двадцать полкановъ—всѣ пѣшіе, всѣ конные, всѣ черные, всѣ бѣлые, всѣ высокіе, всѣ низкіе, всѣ страшные, всѣ робкіе. Стали предо мной тѣ сатанялы, тѣ дьяволы, тѣ лѣшіе, тѣ полканы, стали на мою услугу и подмогу. Подите вы сатанялы, дьяволы, лѣшіе и полканы, въ (такой-то) островъ, пригоните русаковъ и бѣляковъ на мои клѣти поставныя: сумеречныя, вечернія, ночныя, утреннія, полуденныя, пригоните, остановите, и въ моихъ клѣтяхъ примкните. (*Сказаніе Русскаго Народа, Сахарова. 1841 г. Томъ I. Чернокунижіе. стр. 19—20*).

3. *Для успѣха на охоть.* Нужно взять съ собою кусокъ хлѣба, или мяса, на который наговаривать:

Въ чистомъ полѣ, въ темномъ лѣсѣ, въ туманѣ превеликомъ, есть птица полетуша, есть сѣрые гуси, сизыя утки. У нихъ бы крылья подломились, сами бы опустились, перье оборвалось и сѣли бы на бугоръ высокій, чтобы меня, раба Божія (имя рекъ) не видѣли и стрѣльбы моей не слышали, и долетѣла бы до нихъ дробь, какъ вольное перо. (*Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени, въ Труды Этнограф. Отд. Изд. въ 1878 г. См. кн. V. Выпускъ 2-й*).

4. *На птичью охоту.* Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), къ церкви, погляжу, какъ православные собираются и празднуютъ, и радуются; такъ радуйся, веселися и летай ко мнѣ всякая живущая птица, которая Богомъ, Иисусомъ Христомъ, создана намъ на жертву; такъ не убойся и не утрашися ни меня, раба Божія (имя рекъ), ни лаюшекъ моихъ, кобелей; не моги ты ногой переступить, ни крыломъ встрепенуться до выстрѣла моего. Какъ изъ подъ Ивановской росы человекъ на конѣ не выѣзжаетъ, пѣшій не уходитъ, такъ не улетай отъ меня, ни-

какая благословенная птица. Слово мое крѣпко. Къ тѣмъ словамъ небо и земля—ключь и замокъ. Аминь. (*Зап. А. Харитоновъ, въ Шенкурск. уездѣ. См. Тр. Этног. От. за 1878 г.*).

5. *Охотничьи слова.* Такъ бы у меня, раба Божія (имя рекъ), собака не отбѣгала, птица не улетала, всякая живущая, которая создана у Господа Бога, Иисуса Христа, Царя небеснаго, намъ на жертву благословенная всякая птица: рябь и рябушка, копала и тетерка, и косачушка, сѣрая, малая утица,— какъ птица не можетъ летать отъ гнѣзда своего, отъ дѣтей своихъ, такъ не бойся и не страшись лаюшекъ кобелей моихъ, и меня, раба Божія (имя рекъ), не бойся и не страшись, ни юку оружейнаго, ни дыму пороховаго, ни боя огненнаго. Радуйся птица и веселися по всякъ день, по всякъ часъ и по всякое время: утромъ рано, вечера поздно, въ ветхъ мѣсяцъ, въ новцъ мѣсяцъ и въ меженныхъ дняхъ перекройныхъ. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля, ключь и камень, аминь. (*Записано А. Харитоновымъ*).

6. *Отъ ворона, мѣшающаго охотнику.* Господи Боже, благослови! Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь; пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами; выйду на широкую улицу, съ широкой улицы въ чистое поле, съ чистаго поля въ широкое лукоморье; пойду на свою милую тропу, на свой заводъ. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), становить пасточки, и силышки на благословенную птицу, которая создана намъ на жертву, на ряба и рябушку, копалу и тетеру, косача и косачушку. Проклятая птица, поганый черный воронъ, полети съ моей тропы, съ моего сгодья, за синее море ко Ироду царю; тамъ Иродъ царь бьется, дерется, кровь проливаетъ. Тутъ тебѣ черный воронъ столы разставлены, ѣвства, сподоблены. На моемъ лѣсѣ, на моей тропѣ, на моемъ заводѣ, смоливая спица въ глазъ. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля, ключь и замокъ. Аминь. (*Зап. А. Харитоновъ*).

7. *Чтобы воронъ не пѣлъ попавшихъ въ ловушку птицъ.* Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, въ темные лѣса по своему путику, по своему ухожью. Воззрю я, рабъ Божій (имя рекъ), чернаго ворона и воронцу и слѣпыхъ его родителей; какъ ты, черный воронъ и вороница, не выдаешь въ іюль мѣсяцъ воды въ рѣкахъ, ручьяхъ и озе-

рахъ закліаіемъ Ноя праведнаго, такъ бы ты не видѣлъ у меня. раба Божія (имя рекъ), на моемъ путикѣ, на моемъ ухожьѣ, уловныхъ моихъ тетерь, рябовъ, и куроптей, въ моихъ пастяхъ, въ моихъ слопцахъ, въ моемъ сильѣ, ни сверхъ, ни съ испода. Полети ты, черный воронъ и вороница съ моего путика, съ моего ухожья за синее Окіанъ-море, тамо царь Соломонъ сына женить и дочь замужъ даетъ, убилъ на свадьбу 300 гусей, 300 лебедей, 300 яловичъ, 300 утей; тамъ тебѣ, черный воронъ съ воронихою много будетъ питенья и яденья; а на моемъ путикѣ, на моемъ угодьѣ, нѣтъ тебѣ ни спить, ни съисъ, ни сверхъ, ни съ испода, ни въ день, ни въ ночь, ни на утренней зарѣ, ни на вечерней зарѣ, млада и ветха мѣсяца, ни въ полдни, ни въ перекроѣ и въ меженные дни, ни въ ночные часы, во всѣхъ мѣсяцахъ и во всѣ 24 часа всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Трижды читается*). Есть у меня, у раба Божія (имя рекъ), генеральный стрѣлецъ, Самъ Исусъ Христосъ; у Господа нашего Исуса Христа солнце—лукъ, мѣсяцъ—стрѣла стрѣляетъ, излучаетъ тебя, чернаго ворона и вороницу и слѣпыхъ твоихъ родителей и въ ночь, и по всяку пору. И гдѣ я, рабъ Божій (имя рекъ), тебя чернаго ворона и вороницу, на своемъ путникѣ и на своемъ угодьѣ, увижу, тутъ тебя и подстрѣлю и ухода своего лишу, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Записалъ г. Шабуникъ въ Пинежскомъ уездѣ*).

8. *Противъ злаго чловѣка, на охотѣ*. Стану я, рабъ Божій, благословясь и пойду перекрестясь, пойду по матери по сырой земли, небомъ покроюсь, зарею подпояшусь, звѣздами обтыцусь; злой, лихой чловѣкъ не можетъ неба покрыти и зари потушити, и звѣздъ сосчитати, и на меня, раба Божія, ни зла подумать и лиха помыслить. Злой лихой чловѣкъ зло подумать, поверотись къ нему на корень, положи между языкъ и щеки желѣзна спица: которое слово забыто назади, будь на переди въ лучшемъ мѣстѣ, которое слово прибавлено, то бы къ нимъ пристало; и берите мои слова, вострѣе востраго ножа, вострѣе булатнаго копія, вѣкъ по вѣки. Аминь, аминь, аминь. (*Изъ рукописной тетрадки г. Хромцова, изъ с. Сурь, Пинежскаго уезда*).

9. *Слова утечи*. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Какъ

есть Окіанъ-море, бѣлой камень, на бѣломъ камени самъ Іисусъ Христосъ, самъ бѣлъ и рукавицы бѣлыя, и кнутъ бѣлый, заго-няетъ и залучаетъ всякую птицу. Стань и не усыпай по ут-ренней зари, по вечерней зари, святой Лука залучи, изгони, святой Матѣей замани и залучи, святой Еремѣй закрѣпи отъ всякаго зла и лиха человѣка, отъ зуба и отъ когтя, и отъ всякаго грѣха человѣка. Вся крѣпость Святаго Духа, аминь, аминь, аминь. *(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, изъ с. Ваймуи, Холмогорскаго уѣзда).*

10. *Молитва прикосная на зверя* (на лисицъ). Стану я, рабъ Божій Н., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы въ дверь, изъ дверей во дворъ, изъ двора въ ворота, подъ восточную сторону. Тутъ самъ Іисусъ Христосъ и Пречистая Мати Божія, Богородица. Научи же меня, Господи, ловить и промыслять разныхъ звѣрей: кривоногихъ, черноухихъ, красныхъ, черныхъ лисицъ и бурнастыхъ, каждыхъ ловецкихъ звѣрей. Посылаетъ меня самъ Іисусъ Христосъ къ Егорію Храброму чудотворцу: онъ тебя научить ловить и промыслять звѣрей кривоногихъ, черноушихъ, красныхъ и черныхъ, и бурнастыхъ лисицъ. Я пришелъ къ Егорію Храброму чудотворцу: онъ сидитъ выше тридевяти апостоловъ: научи же меня ловить и промыслять звѣрей кривоногихъ, черноушихъ, красныхъ, черныхъ и бурнастыхъ лисицъ, каждыхъ ловецкихъ звѣрей. По Христову велѣнію не слушайте меня р. Б. Н., Егорій Храбрый чудотворецъ беретъ отъ меня р. Б. Н., веревки, капканы, тугіе луки и самострѣлы донскаго году, снимаетъ и вновь становитъ, и самъ святымъ духомъ наказываетъ и наговариваетъ: Ой еси звѣря, лисицы, подьте, побѣжите отъ тридевяти ловцовъ, отъ тридевяти промышленниковъ къ рабу Б. Н., по своимъ полевымъ тропамъ, продольнымъ и поперечнымъ изъ подъ вычепу, не видѣть ни пружинья, ни капканья, ни под-хода моего, впередъ безъ ускоку, назадъ безъ усмотру, ушкомъ не кивните, глазомъ не мигните, на сторону не скачите. на-задъ не воротитесь, души ваши сквозь ловушки, а туши ваши въ ловушку; ой еси звѣри кривоногіе, черноухи, черны, красны лисицы и бурнасты; ой, еси ловетскія звѣри, лисицы, если не избѣжите сквозь петли и капканы, сквозь тугіе луки и само-стрѣлы. Господь нашетъ съ небесъ огненное пламя, и васъ

лисицъ сожжетъ и спалитъ, не будетъ вамъ уходу, ни въ гору, ни въ воду, ни въ каменны пещеры; вѣкъ отъ вѣку, до скончанія вѣка. Будьте мои наговорныя слова имки, ярки на новчу и на перекрой мѣсяцу. Тѣмъ моимъ наговорнымъ словамъ ключъ и замокъ, ключъ щука, а щука въ море отъ лихихъ людей, отъ завидящихъ, отъ своей думы, во вѣки вѣковъ, аминь. Богъ моя надежда.

Какъ идутъ съ ловли.

Какъ на мой булатный ножъ никто не можетъ думой подумать, мыслью помыслить, рѣчи выговорить, также на меня, р. Б. Н., на всѣ мои капканы и ружья дробовки и винтовки. Иду я, р. Б. Н., съ промысломъ звѣринымъ и птичьимъ за огнемъ забытымъ; ежели завидитъ человѣкъ, черный, черемный, частозубый, рѣдкозубый, женка бѣлоголовка, дѣвка простоволоска, попъ, попадья, дьяконъ, дьяконица, дьякъ, дьячиха, пономарь, пономарица, чернецъ, черница, отъ своей думы, отъ своей молвы и помолвы, отъ товарищевой думы, отъ своей семьи, черъ моей думы, черъ *) моей рѣчи, черъ моей крови отъ колдуна, отъ колдуній, отъ говодуна **), отъ говодуни, отъ всякаго злаго человѣка и всякую злую завидищею кровь, злomu, лхому соли въ глазъ, смолы въ глазъ, дверсты ***) въ глазъ. Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Тѣмъ моимъ словамъ небо—ключъ, земля—замокъ.

Говорить три раза на ножъ, или на сукъ дерева, или на комъ снѣга. Сей грамоты не показывать никому и не сказывать. (*Доставлена въ редакцію Трудовъ Этногр. Отдѣла. Холмогор. мѣщ. Палеховымъ*).

11. *Охотничьи заклинанія на горностаевъ.* Господи. Бже благослови! Стану я, рабъ Божій (има рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ дверей воротами, въ чистое поле за воротами, изъ чистаго поля во темный лѣсъ. Въ темномъ лѣсѣ стоитъ кипарисъ древо; подъ тѣмъ кипарисомъ сидитъ сама Мать Пресвятая Богородица. Держитъ она во своей десной рукѣ три прута: пруть желѣзный, пруть

*) Черъ—чуръ.

**) Говодунъ—волшебникъ.

***) Дресва.

мѣдный, пруть серебряный. Ударю я первымъ прутомъ по сырымъ лѣсамъ, ударю я другимъ прутомъ по мхамъ, по болотамъ: сырые лѣса сшатаются, мхи-болота сколеблются; разбѣжались бѣлые звѣри, горностаи на всѣ четыре стороны; побѣгите вы кривоноги, чернохвосты! Ударю я третьимъ прутомъ бѣлаго мужа, жубрила. Ай, ты бѣлъ мужъ, жубрило, самъ ты бѣлъ и конь подъ тобой бѣлъ; заѣзжай и залучай со всѣхъ четырехъ сторонъ, со стока и запада, и съ лѣта и съ сѣвера: идите со всѣхъ четырехъ сторонъ бѣлые звѣри горностаи; какъ идетъ солнце и мѣсяцъ и частыя мелкія звѣзды и вся луна поднебесная, идетъ неотпятно, такъ идите на мой заводъ, на мои сгодья къ моимъ плашкамъ, бѣлые звѣри горностаи, а минуйте, проходите мои силыа пасти; они не по васъ излажены. Кушайте по плашкамъ мои ѣствы; тѣ мои ѣствы слаще матерняго молока. Къ этому моему слову ключъ и замокъ, отношу я къ Окіанъ-морю. Есть на Окіанъ-морѣ островъ великъ, къ берегу лежитъ бѣлъ горючъ камень Алатырь; подъ камнемъ стоитъ живая щука, пожретъ тотъ мой ключъ и замокъ. Кто кругомъ Окіанъ-море обойдетъ, кто около Окіанъ-моря песокъ вызолетъ, кто изъ Окіанъ-моря воду выпьетъ, кто ту живую щуку добудетъ, ключъ и замокъ мой достанетъ — тотъ мой промыселъ попортитъ. (*Записалъ А. Харитоновъ, въ Шенкурскомъ уѣздѣ*).

12. *На бѣлицью ловлю.* Господи Боже благослови, Отче. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Какъ родился сей рабъ младенецъ, не знаетъ себѣ ни имени, ни вотчины, ни отца, ни матери, ни роду, ни племени; и ни страсти, ни боязни, не имѣетъ въ себѣ ни ума, ни разума, ни на ногахъ скорого и тихаго хожденія, ставанія, скаканія, и ни пути, и ни дороги, ни днины (дня) ни ночи, и тако же бы меня, раба Божія, ни огненнаго моего оружія, и свинцовой пули, ни пороху, ни моей промышленой собаки, бѣлые звѣри, бѣлки и всякія поголовныя птицы не знали бы и не имѣлъ о себѣ ни ума, ни разума, въ ногахъ скаканья, въ крылахъ маханья, и ни страсти, ни боязни въ день, подъ краснымъ солнцемъ, въ ночь и подъ младымъ свѣтлымъ мѣсяцомъ, и находи на ихъ на умъ великой, на древахъ и будьте вы, мои слова, пушкой, бѣлой звѣрю и бѣлой голубой бѣлкѣ и всякой поголовной птицѣ, будьте

крѣпки лепче клею, крѣпче сняго булату Святымъ Духомъ, Божіимъ изволеніемъ, Господнимъ благословеніемъ, всегда, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь; и не пути, и не до-роги, и не днѣ, не ночи, всегда бы были тихи, кротки и сми-рены, тако-бъ передо мною, р. Б., бѣлые звѣри и всякія пого-ловныя птицы кротки и смиренны. *(Извлечено изъ старинной рукописи, доставленной изъ Пинеж. уѣзда. Хромцовымъ).*

ЗАГОВОРЫ И ОБЕРЕГИ ОТЪ ПЬЯНСТВА.

1. *Отъ пьянства.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Хмѣль и вино отступись отъ раба Б. Н. въ темные лѣса, гдѣ люди не ходять и кони не бродять, и птица не летаетъ.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа (дважды), хмѣль и вино выходи на быструю воду, на которой воды люди не ѣздятъ; отъ раба Божія Н. хмѣль и вино поди на буйные вѣтры, ко-торой вѣтеръ по дальности ходитъ. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, привяжись къ лихому человѣку, который на Н. лихо думаетъ, къ тому привяжись, который добра не сдѣлаетъ, отъ меня во вѣки отвяжись. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. *(Выписано изъ старинной рукописи, въ с. Ворзогорахъ, Онежскаго уѣзда).*

2. *Отъ запоя.* Чтобы пьющій запоемъ, уснулъ и послѣ этого пересталъ пьянствовать, нужно взять у него воскъ, на кото-рый наговаривать:

Заря зарница, красная дѣвица, сама мати и царица; свѣтель мѣсяцъ, ясныя звѣзды, возмите у меня безсонницу, бездремот-ницу, полунощницу, среди ночи приди ко мнѣ хоть красной дѣвицей, хоть матерью царицей и сложи съ меня и отведи отъ меня окаянную силу, и дай мнѣ Спасову руку, Богородицынъ замокъ. Ангелъ мой, архангелъ мой, сохрани душу мою, скрѣпи мое сердце, врагъ сатана откажись отъ меня. Крестомъ крещуся, крестомъ ограждаюсь, крестомъ ангела призываю, крестомъ лукаваго отгоняю. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. Знаю Святыя знаменія! *(Доставилъ г. Ни-кольскій, изъ г. Мезени).*

3. *Отъ похмѣлья.* Господине еси хмѣль. буйная голова! не вейся внизъ головою, вейся по солонь по... а зъѣ тебя не знаю,

гдѣ ты живешь, —вверхъ сыра древа влѣзи къ своему господину въ мѣдныя бочки и пивныя; какъ не жить на огнѣ, такъ на семъ человѣцѣ лихія словеса (имя рекъ), аще изопьешь чашу сію, доколѣ мои словесе изъ меня сіи изошли, изъ его, раба Божія (имя рекъ), похмѣлье, господине хмѣль, какъ царь сядетъ во царствіи своемъ: тако и ты сиди на мѣстѣ своемъ, гдѣ родился! (*Пермскій сборникъ. Книжка 2-я. 1860 г.*)

4. *Человѣку похмѣлье умолвить.* Господи хмѣль, буявая голова, не вейся внизъ головою, вейся въ посохъ (посохъ, то есть по направленію движенія солнца), подѣ воргою, а яжъ тебя не знаю, гдѣ живешь, въ верхъ сыра древа, лѣзь къ своему государю, въ медвяныя бочки и пивныя, какъ не лежитъ на огнѣ и такъ на семъ человѣкѣ лихая словеса (у имя рекъ): аще испіеши чашу сію, доколѣ изъ меня словеси сіи изошли, а изъ сего раба Божія (имя рекъ) похмѣлье. Господи хмѣль, какъ царь сидитъ на царствіи своемъ, такъ и ты сиди на мѣстѣ своемъ, государь родись. (*Изъ стариннаго рукописнаго лечебника, доставленнаго г. Колчинскимъ, изъ с. Пинишей, Холмов. уѣзда.*)

5. *Заговоръ отъ пьянства.* Явился еси рабу своему непорочне, самоволне тебѣ превелъ еси отъ пьянства, раба Божія (имя) иже отъ дѣвы тебѣ ради родитесе хотящему, свята вѣнценосца, премудре мученица Вонифатіе, избави, установи, и укрѣпи раба Божія (имя рекъ) отъ всякаго хмѣльнаго питія, и запойства, воздержи его отъ всѣхъ худыхъ дѣлъ и обстояній и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Пустынный житель, и въ тѣлеси ангелъ и чудотворецъ явился еси и богоносецъ, преподобне отче напгъ, Мовсее Муринъ, постомъ, бденіемъ и молитвою небесныя дарованія пріемъ, исцеляюще скорбныя и печальныя, избавляюще пьюція и запойныя, и души вѣрою приходяхъ ти. Слава давшему тебѣ крѣпость и терпѣніе, слава вѣнчавшему тя, слава дѣйствующе тобою всѣмъ исцѣленіе. Избави, устрани, установи и укрѣпи раба Божія (имя) отъ хмѣльнаго запойства и пьянства. Мурины заушивъ и лица демоновъ поплевавъ, мысленныя пріялъ еси, якоже солнце свѣтло свѣтомъ житія своего и ученіемъ, наставляя душу раба Божія (имя рекъ) избави, установи, и укрѣпи отъ всякаго хмѣльнаго пьянства, и запойства, отъ сего часа по

вись его въкъ, до гробовой доски, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. (*Изъ рукописной книжки Григорія Даниловича Книголюбца*).

6. *Заговоръ отъ залога*. Ты небо слышишь, ты небо видишь, что я хочу дѣлать надъ тѣломъ раба (такого-то). Тѣло Матерена печень тезе. Звѣзды вы ясныя, сойдите въ чашу брачную; а въ моей чашѣ вода изъ-за горнаго студенца. Мѣсяць ты красный, зайди въ мою клѣть; а въ моей клѣти ни дна, ни покрывки. Солнышко ты привольное, взойди на мой дворъ; а на моемъ дворѣ ни людей, ни звѣрей. Звѣзды уймите раба Божія (такого-то) отъ вина, мѣсяць отврати раба такого-то отъ вина; солнышко усмири раба такого-то отъ вина. Слово мое крѣпко! (*Сказан. Русс. Народа, Сахарова. Томъ I. 1841 г. См. Чернокижгіе*).

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ПОРЧИ И ОТЪ КОЛДУНОВЪ.

1. *Отъ колдуновъ*. Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле подъ восточную сторону, подъ восточной стороною есть Окіанъ синее море, на томъ на Окіанѣ на синемъ морѣ лежитъ бѣло-латырь камень, на томъ бѣло-латырь камень стоитъ святая золотая церковь, въ той золотой церкви стоитъ золотъ престолъ, на томъ златъ престолъ сидитъ самъ Исусъ Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ Богословъ, Иванъ Предтеча, Георгій храбрый, Николай Святитель Христовъ, угодникъ; я приду рабъ Божій въ чистотѣ, поклонюсь и помолюсь: о, батюшка, истинный Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ Богословъ, Иванъ Предтеча, Георгій храбрый, Николай Святитель Христовъ, угодникъ, обставьте кругъ меня, раба Б., тынъ желѣзный, верей булатны, на 120 верстъ, окомъ не окинуть, глазомъ не увидѣтъ; пропущайте огненную рѣку! Отговариваюсь я, рабъ Божій, отъ колдуна, отъ вѣдуна, отъ колдуньи, отъ вѣдуни, отъ чернова, отъ черемнова, отъ двоежонова, отъ троежонова, отъ двоезубова, отъ троезубова, отъ трубинова, отъ окошечнова, отъ сѣннава, отъ дѣвки простоволоски, отъ бабы отъ самокрутки, отъ всякаго отъ злаго находя челоуѣка. Можетъ ли злой, ли-

хой человекъ заговорить громче громову стрѣлу огненную, молнію, можетъ ли испортить, изурочить мертваго? можетъ ли злой, лихой человекъ, колдунъ, колдуница, еретикъ, еретица, не можетъ громъ, громову стрѣлу, и огненную молнію, не можетъ испортить, изурочить мертваго человека; бралъ бы злой, лихой человекъ, колдунъ, колдуница, еретикъ, еретица своими бѣлыми руками свой булатный ножъ, рѣзалъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми руками, грызъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми зубами; уста мои—зубы, замокъ—языкъ; во имя Отца, и Сына, и св. Духа. Аминь. (*Заг. изв. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1. Ст. Щапова*).

2. *Отъ портежа съ вѣтра.* Берутъ съ трехъ прорубей или колодцевъ воду, которою окачиваютъ больнаго три раза; при черпаніи воду всегда размахиваютъ на посолонь, а почерпнувши приговариваютъ: „Царь рѣчной! дай воды наболтаной, на леготу, на здоровье рабу Божию (имя рекъ). Когда несутъ воду, не здороваются и не говорятъ. (*Записалъ священникъ Розановъ. въ с. Зимней Золотицъ, Арханг. губерніи*).

3. *Заговоръ отъ порчи.* Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Отъ Богородициной молитвы, отъ Иисусова креста, отъ Христовой печати, отъ святыхъ помощи, отъ моего слова, отъиди бѣсъ нечистый, духъ проклятый, на сухія древа, на мхи и болоты и тамъ тебѣ мѣсто. житіе, пребываніе и воля, и тамъ кричи, а не въ рабъ Божию (имя рекъ) самовольничай. Самъ Господь Иисусъ Христосъ, сама мать Пресвятая Богородица, вся небесная сила, Михаилъ архангелъ, Авоидъ? ангелъ, и всѣ святые чудотворцы: Нифонтъ и Марофъ, Кипріанъ, Іустинія, Кононъ, Ісаврійскій, Димитрій Ростовскій, Ілія пророкъ, Николай чудотворецъ, Георгій побѣдоносецъ, и царь Давидъ, Іоаннъ Креститель и Власій, Истоферъ и Никита великомученикъ, и мое слово страшно и заговоръ силенъ; запрещаю тебѣ бѣсъ проклятый, духъ нечистый, нигдѣ не живи и не будь въ рабъ Божию (имя рекъ), выйди вонъ, сейчасъ, и сію минуту, со всѣми порчами и чарами и отъиди отъ рабы сей прочь и поди въ свое мѣсто, гдѣ былъ и куда тебя Господь Богъ, Иисусъ Христосъ, послалъ и гдѣ тебѣ велѣлъ жить, въ бездну преисподнюю, въ землю пустую недѣланную, туда и поди. тамъ и живи, а сію рабу остави навсегда, отъ нынѣ и до вѣка.

Аминь, аминь. аминь. (*Изъ рукописной книжки Гр. Дан. Боголюбова*).

4. *Заговоръ отъ порчи*. Выгоняю я, рабъ Божій, изъ рабицы Божіей (имя рекъ) всякаго нечистаго духа именемъ Господнимъ, Духомъ Святымъ, крестомъ животворящимъ, травою лютой, молитвами Святыхъ; посылаю адскаго князя; выведи изъ сей рабицы (имя рекъ) своего нечистаго духа и дай опять старому хозяину, приברי опять на свои прежнія руки, пошли его въ морскую глубину, заключи его на вѣки въ морской глубинѣ тремя ключами желѣзными, тремя замками булатными. запечатай его тремя печатями Соломоновыми, заключи его тремя заклѣтїями Господними; а ты, нечистой духъ, не стани рабинами (рабынными вѣроятно) телесами въ правдѣ... (*Вырвана, къ сожалѣнію, страница изъ рукописной рукописи г. Гр. П. Боголюбова*).

5. *Заговоръ отъ порчи*. Во имя Отца, и Сына, и св. Духа, аминь. Сей заговоръ не на часъ, не на день, не на мѣсяць, не на годъ, а на вись вѣкъ и на всю жизнь, аминь, аминь, аминь, надъ аминями аминь. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Отъ Бога святыя чудотворцы, преподобные отцы и мученики въ морѣ и возмутися море отъ облакъ, сыдоша съ моря на тридесять поприщъ окаянныхъ, нечистыхъ духовъ, бѣсовъ проклятыхъ, видѣнія діавола. О нихъ же вопрошая ихъ, святыя чудотворцы, преподобные отцы и мученики Нифонтъ и Марофъ, Кипріанъ, Іустинія, Кононь Ісаврійскій и Димитрій Ростовскій, что вы за бѣсы проклятыя пришли молитвою Христовою? Иже рекоша: Мы проклятыя и духи нечистые дѣти сатаны, князя адскаго, и прочихъ вопросиша святыя и великія чудотворцы и преподобные отцы и мученики и рече имъ: по что есть нечистые духи пришли? Они же рекоша: пришли есть мучить родъ человѣчскій христіанскій, кости ломити, разумъ и чувство расшибати. болѣзни и недуги предавати, пакости и вредъ творити, сердце щемити, въ тоску и печаль вдавати, всего разслабляти, владѣніе отнимати, разныя козни дѣйствовати, губити и къ смерти приводити, кто безъ молитвы ходитъ, пьетъ, ѣстъ, и что беретъ, и кто на пирахъ и свадьбахъ бываетъ, тотъ нашъ рабъ и домъ, въ того вселяемся. гнѣздаяся живемъ, въ того насъ и колдуны сажаютъ, и посылаютъ; и возмолятся сін

святые великіе чудотворцы, преподобные отцы и мученицы, Нифонтъ и Марофъ, Кипріанъ, Іустинія, Кононъ Ісаврійскій и Димитрій Ростовскій Богу о болящемъ рабъ (имя рекъ), Господи, Господи, Господи, избави родъ человѣческой отъ сей мучительной болѣзни, порчи. Господь услыша молитву ихъ, посла имъ святой крестъ на прогнаніе, Михаила Архангела, ангела Авоида, Ілію пророка, и Николая чудотворца и учнутъ васъ разными муками мучити, мечами и жезлами желѣзными бити, и стрѣлами поражати, и дающе вамъ ненавидящимъ по тма темъ ранъ и ударовъ на день, они же начаша вопити, великимъ гласомъ молитися святымъ чудотворцы Нифонтъ и Марофъ, Кипріанъ, Іустинія, Кононъ Ісаврійскій, Димитрій Ростовскій, Михаилъ Архангелъ, ангелъ Авоидъ, Ілія пророкъ и Николай чудотворецъ; не мучите насъ, и отпусти насъ въ гульбище наше, и гдѣ мы ваше святое и великое имя услышимъ, отъ того раба (имя рекъ) побѣжимъ, отъ роду его и отъ хранины его никакими кознями не прикоснемся за тридевятъ поприщъ; и вопрошая ихъ святые и великіе чудотворцы, ангелы и архангелы имена назваши, у нечистыхъ духовъ, какъ нареченный, первый рече: имя ми есть Трясунъ. Не можетъ человѣкъ согрѣтиса въ печи, и тоже падаю, роняю, припадки разные навожу; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Второй рече: имя ми есть Огненный. Какъ разжигаются дрова смолистыя въ печи, такъ разжигаю всякаго человѣка сердце, главу; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Третій рече: имя ми есть Сухотной. И той ложится у человѣка у сердца подъ ребромъ и въ боку, аки камень взываетъ, вздохнуть не даетъ, съ души мечетъ сердце, сосетъ и щемитъ, всего крушитъ, мучитъ и сушитъ, на петитъ нѣтъ; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Четвертый рече: имя ми есть *Безумный*. Творю, забываетъ умъ, счетъ не по порядку, не знаетъ людей, съ ума сбродитъ, не пьетъ, не ѣстъ, такъ и одуреность творю; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Пятый рече: имя ми есть, *Давотной*. Къ горлу пристукаетъ, хрипитъ, кашлять не даетъ, у сердца стоитъ, душу занимаетъ и зажимаетъ, ѣстъ не даетъ; и той буде

проклять самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и святыми отцами, аминь. Шестой рече: имя ми *Пухотной*. Надымаю у человекъ брюхо, аки пузырь говяжий, душу занимаю, проговорить не даю, тяжесть дѣлаю; и той буде проклять самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и святыми отцами, аминь. Седьмой рече: имя ми есть *Ломотный*. Ломлю и стрѣляю у человекъ кости, главу, руки, ноги, поясницу и спину, грудь и вездѣ, аки древо сырое ломить; и той буде проклять самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Осмый рече: имя ми есть *Сухой* и *Потаенный*. Въ человекъ кости и всего сушу, самъ таюся и крѣплюсь, и тотъ человекъ, аки древо засыхаетъ и погибаетъ; и той буде проклять самимъ Господомъ нашимъ, Иисусомъ Христомъ и святыми отцами, аминь. Девятый рече: имя ми есть, *Бьснующій*, *Припадочной* и *Родимечно*. Въ человекъ сажу, мучаю, съ мѣста на мѣсто перхожу, клочу, плачу, пугаюся, Божьяго всего не люблю, въ обмороки и въ припадки ударяю, разныя дѣйствія и зло творю, бьюсь, расшибаю; и той буде проклять самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и святыми отцами, аминь. Десятый рече: имя ми есть *Разслабленный*. У человекъ ноги отнимаю, ходить не даю, члены расслабляю, корчу жилы ручныя и ножныя, главу ломить, сердце щемить; и той буде проклять самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Одинадцатый рече: имя ми есть *Пьяный* и *Распутный*. Человекъ въ запой и пьянство распутство и на блуд понуждаю, въ тоску и грусть, задумчивость привожу, въ нощи спать не даю, бѣси приступаютъ, во очахъ визжать и на мѣстѣ не уснетъ; и той буде всѣхъ проклятій самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Двѣнадцатый рече: имя ми есть *Смертный* и сильный начальникъ нечистыхъ духовъ надъ человекъми, страшный мучитель и погубитель въ человекъхъ. Силяюся, мучаю, морю, гублю, разныя пакости и зло творю, все ругаю, горжусь, ненавижу, во чревѣ дѣтей гублю, похоть, плоть и уду владѣніе отнимаю, ничего не боюсь, всякую святыню принимаю, крѣпкій до смерти, вонъ изъ рабы не выхожу; и той буде всѣхъ проклятій, изыди вонъ, аминь. И прочіе многіе рече имя намъ: Многіе есть насъ родовъ и пакосники разныя нечистые духи, проклятый скрадены,

бѣсы, дьяволы, демоны окаянныя и прочія разныя неисчислимыя, вѣдомыя и невѣдомыя пакости, зло и дѣйствія творимъ; и тѣи вси будете прокляты самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и св. отцами. аминь. Побѣжатъ всѣ ненавидящіе нечистые духи отъ роду Христа, отъ роду раба Божія (имя рекъ), призову на васъ архангеловъ, ангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, престоловъ, господствъ, властей, силовъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, преподобныхъ, праведниковъ, угодниковъ и всѣхъ святыхъ, а сира сего ошире, аминь. Крестъ хранитель всей вселенной, крестъ красота церковная, крестъ царемъ держава, крестъ вѣрнымъ утверженіе, крестъ ангеламъ слава, крестамъ бѣсамъ прогонитель и язва. Крестъ порченнымъ и больнымъ избавленіе и исцѣленіе. Главъ, груди, сердцу и животу, рукамъ, ногамъ, тѣлу, составамъ, костямъ, жиламъ, удамъ, частямъ, членамъ, крови, чувству и всему человѣку на исцѣленіе, самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, Михаиломъ, Аводомъ, Іліею, Николаемъ, Нифонтомъ, Марофомъ, Кипріаномъ, Іустиніею, Канономъ, Димитріемъ и всѣми святыми Твоими Господи, Иисусе Христе. Сыне Божій, помилуй грѣшнаго раба Божія (имя рекъ), аминь, аминь, аминь. (*Изъ рук. тетрадки Книголюбова*).

НАГОВОРЫ НА РЫБНУЮ ЛОВЛЮ.

1. Какъ ты, матушка Шорда рѣка, течешь быстро и яро, берега смываешь, травы омываешь, коренья сдираешь, такъ смывай и сдирай съ моей раба Божія (имя рекъ) вшетовки, съ рѣзки и съ мешени. съ огненнаго боя, со всей оружейной приправы, ото всякаго злаго и лихаго, и отъ помышленнаго, отъ колдовства и отъ всей нечистой думы. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля—ключъ и замокъ; аминь. (*Записалъ А. Харитоковъ, въ Шенк. уездѣ*).

2. *Рыбій прикосъ.* Говорить слова на уды и на рыбицу, какую Богъ дастъ:

Буди моя рыбица неприкослива, неурослива, иди ко мнѣ рабу Божию скоро, безпоятно и безповоротно, противъ быстрия воды, осеннія рѣки, назадъ не оглядывайся и въ сторону не отворачивайся, иди ко мнѣ, рабу Божию, ежечасно на утрен-

ней зарѣ и на вечерней зарѣ, въ мои желѣзныя уды, рыбаца налимъ большоголовый, и востроносица щука, красная рыбаца семга, иди ко мнѣ, рабу Божию Н; по всякъ день, и по всякъ на утренней зарѣ и на вечерней зарѣ, въ день подь солнцемъ, а въ ночь подь мѣсяцемъ и подь частыми звѣздами, и подь всею окружностью Божіею... Тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, именовемъ Господнимъ, Духомъ Святымъ, во вѣки вѣковъ аминь. А которое я, рабъ Божій, слово узабылъ, узапмятовалъ, то слово мое буди въ томъ же кругу и вострѣе востраго ножа, булатнаго топора, быстрѣе ключевой воды, именовемъ Господнимъ, Духомъ Святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь, за аминемъ аминь. (*Крест. Леонтьевъ, Холмогор. ульзда*).

3. *Тоже*. Для рыбной ловли и для налимовъ, и для щукъ, и для семги, и для всякой, какую Богъ дастъ на уду.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ дверей воротами, пойду въ чистое поле подь восточную сторону, въ зеленую дубраву, и стану я, рабъ Божій, на восточную сторону лицомъ и помолюся и поклонюся истинному Христу Царю небесному, и буди я рабъ Божій промышленникъ не уросливъ и не прикосливъ отъ своей крови, и отъ своей думы, и отъ буйнаго вѣтра, и отъ своего глаза, и отъ своего сердца, и отъ людской думы, и отъ молвы, отъ людскаго глаза. А кто злой, лютой человекъ подумаетъ на мой добытокъ и на промыселъ и то бы ему себѣ да въ пазуху, а что онъ радѣетъ себѣ, то и мнѣ на мой добытокъ и на промыселъ. По всякъ день, по всякъ часъ и по всяку ночь, и тѣмъ моимъ наговорнымъ словесамъ ключъ и замокъ именовемъ Господнимъ, Духомъ Святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь.

4. *Тоже*. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Небесной Троицѣ, Отцу и Сыну, и Св. Духу, и всѣмъ святымъ ангеламъ и архангеламъ. Отступись, діаволъ отъ всѣхъ дверей и отъ всѣхъ угловъ храмины сія, и отъ всѣхъ узловъ ленныхъ и посконныхъ, и конопляныхъ, и всякихъ разныхъ ловушекъ. Здѣсь тебѣ нѣтъ, ни мѣста, ни части; здѣсь съ нами, съ рыболовами, рабами и рабынями (имя рекъ), честный крестъ Господень, здѣсь Святая Троица: Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, здѣсь Мати Христа Бога нашего Пресвятая Богородица,

держитъ въ правой рукѣ цвѣтъ и траву и даетъ намъ, рабамъ и рабынямъ (имя рекъ) обкуриванія для сохраненія нашей рыбной ловли, льныхъ, посконныхъ и коноплянныхъ ловушекъ, красной рыбы, семги, и бѣлой рыбы, рака и щуки, и проч. Здѣсь начальники силъ небесныхъ: Михаилъ, Гавріилъ и Уріилъ и Рафаилъ, Херувимы и Серафимы и всѣ небесныя силы. Здѣсь святой Іоаннъ Предтеча и здѣсь святые апостолы Петръ и Павелъ, и держатъ во правыхъ рукахъ Адамовъ крестъ, цвѣтъ и траву и золотые ключи и даютъ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ для ради сохраненія нашей рыбной ловли для красной рыбы семги, и бѣлой рыбы, рака, щуки и прочихъ разныхъ, бѣлыхъ рыбъ. И здѣсь всѣ святые апостолы, и три святителя и учителя: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ честный; здѣсь съ нами, съ рабами и рабынями (имя рекъ) св. Николай великій хранитель, и здѣсь русскіе чудотворцы: Алексѣй и Іона; здѣсь мученикъ Агафонъ, здѣсь мученикъ Христовъ Никита. Здѣсь, съ нами съ рыболовами, съ рабами и рабынями (имя рекъ), мученицы Христовы, Екатерина и Варвара, держатъ ладонь и кадило и даютъ (имя рекъ) для обкуриванія льняныхъ сѣтей и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. И всѣ честные ангелы-хранители наши, берегите и стерегите нашу рыбную ловлю на всякъ день, на всякъ часъ и на всяку ночь, въ ветху и въ нову, и въ меженныхъ дняхъ, перекройныхъ, на заживъ дней, и на заживъ ночей. Силою честнаго и животворящаго креста Господня, сохраняй насъ Господи, рыболововъ, рабовъ и рабынь (имя рекъ), на семъ древѣ крестномъ распятый Іисусъ Христовъ. Аминь. (трижды). По благословенію Господню идите святые ангелы ко синю морю, съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте сине море вѣтромъ и вихеромъ и сильною погодою, и разбудите красную рыбу семгу, и бѣлую рыбу и раки и щуку, и прочихъ разныхъ рыбъ, и гоните изъ подъ мху и изъ подъ виченаго куста, и изъ крутыхъ береговъ и желтыхъ кустовъ, и чтобъ она шла бы къ намъ рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ (имя рекъ) въ Местушку рѣку, быструю Двину, и въ разныя рѣки и озера, и во всякіе водяные притоки; и не застоюлась бы на красномъ солнцѣ, и не загулялась бы съ охотной травы. и шла бы къ намъ, въ нашъ рыболовный заводъ, и не боялась

бы и не пятилась нашихъ ленныхъ и посконныхъ, и коноплян-ныхъ сѣтей, и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. Не дайте, святые ангелы, очамъ ея виду, ушамъ ея слыху, и еще свя-тые ангелы сохраните нашу рыбную ловлю отъ уроковъ и отъ прикосовъ, отъ еретика и отъ еретицы, отъ клеветника и клеветницы, отъ мужней жены и отъ вдовицы, и отъ дѣвки простоволоски, и отъ всякаго вѣтреннаго проходящаго чело-вѣка, отнынѣ и до вѣка, аминь. Христось воскресе! (*Запис. А. Харитоновъ, въ Шенк. уездѣ*).

5. *Слова, рыбу лучить*. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Какъ да народъ Божій, православные христіане изъ церкви, съ домовъ и изю всякихъ мѣстъ, и за Спасомъ и за Пресвятой Богородицей идутъ на Иорданъ, и прійдутъ на Иорданъ и станутъ, съ мѣста на мѣсто не перexаживаютъ и не погуливаютъ, также бы ко мнѣ, рабу Божию (имя рекъ), рыба въ лучъ всякая шла: лоси, семги, харьюсы, сиги, щуки, налимы, язи, подъязки, окуни, сороги, и всякая рыба шла съ ямъ, съ плесь и съ травы, изъ лапуги, изъ крежьевъ, изъ ручьевъ, изю всякихъ мѣстъ дресвы и на росити, и прійдутъ въ лучъ и стали бы они, съ мѣста на мѣсто, не перexаживали, и не погуливали на утренней зарѣ и среди ночи темной, не боялись бы они ни козы, ни луча, ни лодки, ни остожья, ни шеста, ни меня, раба Божія (имя рекъ), ни товарища моего кормщика (имя рекъ). Всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Говорить сіе трижды, когда станешь лучить зажигать. (Ночная ловля рыбы при помощи огня).

Какъ престоль Господень стоитъ среди алтаря, не шевелится, такъ бы не шевелиться, не похаживать, также бы у меня, раба Божія (имя рекъ), рыба съ луча не шевелилась и не похаживала на утренней зарѣ и на вечерней, и на среди ночи темной.

И говоритъ сіе трижды, и къ тому-жъ: „какъ попъ стоитъ на ерданъ, не шевелится, и не похаживаетъ, такъ бы и у меня, раба Божія (имя рекъ), и рыба съ лучу не шевелилась и не похаживала на утренней зарѣ, на вечерней и среди ночи темной“. Говорить сіе трижды.

Обережъ: какъ первую рыбу добудешь и съ остроги снимешь и говоритъ въ ротъ ей трижды и плюнуть: чуръ моей

рыбы и чуръ моего промыслу, чуръ моей думы, крови, чуръ меня р. Б. (имя рекъ), промышленника, чуръ моего коршика. И положить рыбу въ лодку и поѣзжай, Богъ въ помощь. (*Въ Труды Этн. Отд. 1878. Отз г. Хромцова*).

6. *Для удачнаго лова рыбы.* Пойду я на быстру рѣку, на ей есть рыбки потрепуши, и спустили бы мы неводъ, какъ шелковъ пожокъ, и въ этотъ неводокъ, въ каждый поводокъ на-скакало бы рыбы, какъ чины *). (*Доставилъ г. Никольскій, изъ города Мезени*).

7. *При наживкѣ червей на крючекъ.* Когда наживляютъ на крючекъ червей, а иногда рыбу, то приговариваютъ: рыба свѣжа, наживка сильна, клюнь, да подерни, ко дну потяни. (*Записано г. Ефименко, въ Холмогорскъ*).

8. *На уженье.* Для того, чтобы на удочку попадалась крупная рыба, поймавши маленькую рыбку, съкутъ съ приговоромъ: Пошли отца, пошли мать, пошли тетку, пошли дядю и т. д. и пускаютъ обратно въ воду, освободивъ отъ крючка. (*Записано г. Елизаровымъ, въ г. Архангельскъ*).

9. *Для удачи на промыслъ.* По благословенію Господню, идите св. ангелы ко синю морю, съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте синее море вѣтромъ и вихремъ и сильною погодою, и возбудите красную рыбу и бѣлую рыбу и прочихъ разныхъ рыбъ и звѣрей морскихъ; и гоните ихъ изъ подъ моху и кустовъ, отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ, и чтобъ они шли къ намъ рыболовамъ и звѣроловамъ (перечисляются имена всѣхъ промышленниковъ), и не заставались бы при красномъ солнцѣ, и не залеживались бы на льдинахъ среди моря и шли бы въ наши заводы, сѣти и ловушки, и не пятались бы нашихъ ленныхъ и конопляныхъ сѣтей и всякихъ разныхъ ловушекъ, и не пужались бы нашихъ выстрѣловъ, и колотушекъ. Не дайте, св. ангелы, тѣмъ звѣрямъ и рыбамъ: очамъ ихъ—виду, ушамъ ихъ—слуху и еще, святые ангелы, сохраните нашу рыбную и звѣриную ловлю отъ уроковъ и отъ прикосовъ, отъ еретика и еретицы, отъ клеветника и клеветницы, отъ мужней жены и вдовицы, и отъ дѣвки простоволоски, и всякаго вѣтренаго, проходящаго челоуѣка и порчельника, отъ

*) Слово „чины“ необъяснено доставителемъ.

нынѣ и до вѣка, аминь. Христосъ воскресе. (*Доставлено г. Никольскимъ изъ Мезени*).

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ЛИХОРАДОКЪ.

1. *Отъ трясы.* Писать по ровну на бумагѣ три имени:
Анѣака, Іугалы, Өатулей.

(*Изъ стариннаго лечебника, доставленнаго свящ. А. Колчинымъ изъ с. Пинищей, Холмог. уѣзда*).

2. *Отъ лихорадки или дрожжалки.* Больной, если хватить силы, идетъ въ лѣсъ, находить осину, кланяется ей и говоритъ:

„Осина, осина, возьми мою тресину, дай мнѣ леготу!“ послѣ того перевязываетъ осину своимъ поясомъ. (*Записалъ Е. Ивановскій, въ Пенкурскомъ уѣздѣ*).

3. *Тоже.* Мать ты моя вечерняя звѣзда, жалуюсь я тебѣ на двѣнадцать, дѣвицъ Иродовыхъ дочерей.

Заговариваютъ по вечернимъ зарямъ, заговоръ читаютъ по три раза, отплеывая послѣ каждаго въ лѣвую сторону съ словами: „Покуда я плюю, потуда бѣ рабу (имя рекъ) хворать. (*Изъ очерковъ Повпрій. Обр. прим. и гад. въ Вор. г., свящ. маи. Өедора Никонова*).

4. *Отъ лихорадки.* Молитва отъ святаго Силинія и Сихайла и четырехъ евангелистовъ: Іоанна Богослова, Марка, Луки, Матѳея. Стоитъ среди моря столпъ камень, у столпа сидитъ Силиній и Сихайло и зреть (съ?) святымъ Силиніемъ въ море: возмущилася вода подѣ небесемъ, изыдоша изъ моря 12 женъ простовласыхъ, и окаянныхъ видѣніемъ ихъ діавольскимъ, и вопрошали ихъ св. Силиній и Сихайло: что есте за жены? и они рекоша ему: а мы есмы трясовицы и дщери Ирода царя. И вопрошаетъ ихъ св. Силиній и Сихайло: „окаянній діаволі! Почто ести семо пришли?“ И они рекоша ему: „мы есми пришли мучите христіанскаго роду: аще хто перепьетъ, того мы мучимъ; аще хто завтрону воскресенскую проспять, Богу ея не молитъ, въ праздники честные блудъ творить, не чистъ ходитъ; рано пьетъ и ѣсть, то ваши (наши) угодники“. И помолился св. Силиній и Сихайло: „Господи, Господи! Избави родъ чловѣчь отъ окаянныхъ діаволой!“ И услыша Господь Богъ

молитву и посла къ нимъ (*то-есть къ трясовицамъ*), Силянiя и Сихайла и четырехъ Евангелистъ: Матѳея, Луку, Марка, Иоанна Богослова—и велѣ мучити ихъ дубцы желѣзными и дати имъ по три тысящи на день ранъ. И они (онѣ?) рекоша и начаша молитися: святiи великiе Силянiй и Сихайло и четыре Евангелиста: „Марко, Лука, Матѳея и Иоаннъ Богословъ! не мучьте насъ! Гдѣ ваши имена святыя да слышимъ и не противимся ни въ коемъ родѣ, въ мужескомъ и въ женскомъ,—и мы того роду, мужескаго и женскаго, бѣгаемъ за тридевять поприщъ. И вопрошаетъ ихъ святый Силянiй и Сихайло и Апостоли, четыре Евангелисты, что ваши имена? Едина рече: мнѣ имя Огнiя: коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ разгорится, аки пламень въ печи, также я разжигая всякаго человѣка. Вторая рече: мнѣ имя Ледиха: я коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ не можетъ въ печи согрѣться. Третья рече: мнѣ имя Желтая—аки цвѣтъ дубравный. Четвертая рече: мнѣ имя Глухнiя: котораго я поймаю, тотъ человѣкъ можетъ быть глухъ быти. Шестая рече: мнѣ имя Юдея: коего я человѣка поймаю, тотъ человѣкъ не можетъ насытиться многими брашномъ. Седьмая рече: мнѣ имя Корчя: коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ корчится вмѣстѣ руками и ногами, не пiетъ, не ѣстъ. Восьмая рече: мнѣ имя Грудя: котораго человѣка изловлю (поймаю) лежу на грудяхъ и выхожу храпомъ внутрь. Девятая рече: мнѣ имя Проклятая: коего человѣка поймаю, лежу у сердца, аки лютая змiя, и тотъ человѣкъ лежитъ друдно (трудно). Десятая рече: мнѣ имя Ломеня: аки сильная буря древо ломить, тако же и азъ ломаю кости и спину. Одинадцатая рече: мнѣ имя Глядѣя: коего человѣка поймаю, тому человѣку сна нѣтъ, и приступитъ къ нему и мутится... Двѣнадцатая рече: мнѣ имя Огнеястра: коего человѣка поймаю стараго, тотъ не можетъ живъ быти“. Молитвами святыхъ апостолъ, ангелъ, Силянiя и Сихайло и четырехъ Евангелистовъ: Матѳея, Марка, Луки и Иоанна Богослова, царь славы Исусъ Христосъ ника (?). Крестъ хранитель вся вселенныя. Крестъ—красота церковная, крестъ—царевъ скипетръ, крестъ—княземъ держава, крестъ—вѣрнымъ утверждение, крестъ—бѣсамъ язва, крестъ трясовицамъ прогнанiе; прогонитесь отъ раба Божiя (имя рекъ) всегда, и нынѣ, и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь. А говорити сiя мо-

литва трижды надъ главою больнаго, положи крестъ въ воду на блюдо, и та вода пити, давати больному. (*См. Пермскій сборникъ. 1860 г. Кн. II. Изъ рукоп. Сб. XVII в.*)

5. *Отъ лихорадки.* На горахъ аеонскихъ стоитъ дубъ мокрецкой, подъ тѣмъ дубомъ стоятъ тринадцать старцевъ со старцемъ Пафнутіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадцать дѣвицъ простоволосыхъ, простопоясыхъ, и рече старецъ Пафнутій съ тремя надесять старцами: кто сіи къ намъ идоша? И рече ему двѣнадцать дѣвицы. Есть мы царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнутій своимъ старцамъ: зломите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зари утреннихъ, по три зари вечернихъ. Возмолились двѣнадцать дѣвъ къ тринадцать старцамъ съ старцемъ Пафнутіемъ. И не почто же бысть ихъ мольба. И начаша ихъ старцы, глаголя: ой, вы еси двѣнадцать дѣвицы! будьте вы трясуницы, водяницы, расслабленныя, и живите на водѣ студеницѣ, въ міръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте. Побѣгоша двѣнадцать дѣвицъ къ водѣ студеницѣ, тресуницами, водяницами, расслабленными.

Заговариваю я раба (такого-то) отъ изсушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадцать дѣвицъ въ тарь-тарары! отидите отъ раба, такого-то, въ лѣса темныя, да древа сухія.

6. *Заговоръ отъ всякой лихорадки.* Во Имя Отца, и Сына, и св. Духа. Сей заговоръ не на часъ, не на день, не на недѣлю, не на мѣсяцъ, не на годъ, а на вись вѣкъ и на всю жизнь, аминь, аминь, надъ аминемъ аминь. Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово, аминь. Отъ Бога, посланный Святый Апостоль Іоаннъ Креститель во Ердане, и возмутися море отъ облакъ, изыдоша пзъ моря на вись свѣтъ многое множество окаянныхъ, простоволосыхъ, безобразныхъ и скаредныхъ женъ сихъ видѣнія діавола бѣлове, онихъ же вопрошая святый, апостоль Іоаннъ Креститель, что вы за жены, проклятой лихорадки Ирода царя и прочихъ, попросиша многихъ святый апостоль, великій Іоаннъ Креститель, кто вы скаредныя? куда идети? и по что есть бѣсови пришли? Онъ же отвѣщаша ему: мы жены трясовицы, лихорадки, кумохи, ворчущи, дочери царя Ирода, жены бѣсовскія, роду нечистаго, насъ главныхъ двѣнадцать, злыхъ, а прочихъ насъ разныхъ нѣс-

колько тысячъ безъ числа есть, знаемыя и незнаемыя. Идемъ мы на всю землю, во весь міръ мучити родъ человѣческой, главы росщипати, кости ломати, сердце щемити, чувство и владѣнія отнимати, разнымъ недугамъ, немощамъ, хворобамъ, убожествамъ, скорбямъ и болѣзнямъ предавати, къ смерти приводити; человѣковъ изнуряти и губити; кто не бережется и безъ молитвы, не благословясь ходитъ, дѣлаеть, пѣеть, ѣсть и грѣхи разные творитъ, и себя не хранитъ, тотъ нашъ и угодникъ, и мы въ него сами вселяемся и живемъ, вредъ и пакость творимъ, что хотимъ, что бѣсы въ челоуѣкѣ творять то и мы, еще вьше ихъ творимъ. Заклинаю я и запрещаю васъ окайнные, скаредныя всѣхъ лихорадокъ именемъ Господа Бога нашего, Исуса Христа, Святыя и Живоначальныя, и Нераздѣлимыя, Единосущныя Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Силою честнаго и Животворящаго Креста Господня, и живоноснымъ Источникомъ Пресвятыя Владычицы Нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи, и всѣхъ небесныхъ силъ безплотныхъ, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, началами, престолами, господствами, властями, силами, и всѣми пророками, и семидесятью апостолами, и евангелистами и всѣми мучениками, преподобными и угодниками, праведниками, и святыми мужеска и женска пола соборами, и ликами, вскорѣ бѣжите отъ раба Божія (имя рекъ) за то поприще въ пустыя лѣса, непроходимыя мѣста, иже же жилище челоуѣкомъ и скотомъ несть, аще же прослушайте мене и не побѣжите отъ раба Божія (имя рекъ) и я призову и попрошу на васъ имя Господне Саваоѳа, Исуса Христа; и возмолися сей святой великій апостоль Іоаннь Креститель Предотеча Богу, о болящемъ рабѣ (имя рекъ): Господи, Господи, Господи! избави родъ человѣческой отъ сей великой мучительной болѣзни. Господь услыша его, молитву святаго апостола, посла апостолу святой крестъ и жезлъ, ему на прогнаіе грознаго воеводу Михаила, архангела Гавріила, Рафаила архангела, ангела Авоила, и Разоила, херувима и серафима, пророковъ Ілію и царя Давида и Соломона, и четырехъ Евангелистовъ; Луку, Марка, Матѳея и Іоанна Богослова, и святыхъ чудотворцевъ и цѣлителей Кузьму и Даміана, Кира, Іоанна, Пантелеймона и Ермолая, Самсона и Деомида, Фокія и Анетиты, Фалалея и Триѳона и Св. мучен-

никъ Теогию, Руфа, Антипатра, Магна, Теодота, Фавиасія, Фелимона, Теостика, Артема, Факія, Теогова, Мага, Фому, Мемнона, Фокія, Марона, Власія, Ермолая, Кирикъ, Јулита, и Фокиня, Прасковія Пятница, Николай Святый, отцы: Антоній и Теоодосій, Изосима и Саватія, Василия новаго и Сахарія и Сахаила, Діонисія нароля, Пимена и Сосини, Сисона и Пафнутія и Крестія? Апласисія? Артемія веркольскаго, Николая чудотворца, Ивана велика, Јосифа прекраснаго и Александра Македонскаго, апостола Петра и Павла; и учнутъ васъ разными муками мучити и тысячами прутьями желъзными бити' и дающе вамъ, ненавидящимъ, по тысячи ударовъ въ день и по тысячѣ ранъ неисцѣльныхъ, тяжкихъ, нестерпимыхъ; онѣ же начаша вопити, великимъ гласомъ молитися: святыя архангелы, и ангелы, евангелисты, пророки, апостолы, мученики и святыя, преподобныя отцы всѣ, не мучите, насъ и отпустите насъ въ гульбище наше, и гдѣ мы ваше святое и великое имя сіе услышимъ и заговоръ сей кто читаетъ и читать станеть, отъ того раба (имя рекъ) побъжимъ, отъ роду его изнутри его и отъ храмены его, и никакими кознями не прикоснемся за тысячу сажень. И вопрошая ихъ святый и великій апостолъ Іоаннъ Предтеча креститель, архангелы, ангелы, пророки, апостолы, евангелисты, мученики, святыя и преподобныя отцы все сіи имена назвать.... (неразобрано) у дѣвиць бѣсовиць, какъ нареченныя. Первая рече: имя мнѣ есть *Женнохолла*, и Трасовица *): Трасу всякаго челоувка, что не можетъ согрѣтиса въ печи яже жаръ и холъ великъ творю, ознобъ, подиръ и свербу творю. Та буде проклята Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Св. отцами, аминь. Вторая рече: Имя мнѣ *Перемежающая и дневная*: Мучаю ежедневно двухдневно, трехдневно, четырехдневно и недѣльно, мѣсячно, да яже перемежаюсь разными новыми и недознанными болѣзнями, и немощами челоувка мучаю, и разныя хвори, недуги и убожествы всякія навожу и все на свѣти бывшія и небывшія новыя болѣзни творю, и открываю. И та буде проклята Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Третья рече: Имя мнѣ *Безумная*: Съ ума сбродитъ, заговаривается, все мелеть, гово-

*) Сравни съ именами лихорадокъ прочихъ заговоровъ.

рить что попало, не знаетъ людей и спить много и мало, не пьеть, не ѣсть, въ нощи и на мѣстѣ спать не даю. Бѣси, дѣвицы и бабы приступаютъ всѣ, во очахъ видется и претавляется, яже въ головѣ сижу, главу разбиваю, мозги ворочаю, умъ мѣшаю, непорядокъ, дурь, припадокъ и какъ бѣснующую творю, шумъ и ломъ главѣ, и слѣпоту и сны разные, и многія пакости навожу. И тая буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Св. отцами, аминь. Четвертая рече: имя мнѣ есть. *Переходная*: Перехожу у человѣка по различнымъ мѣстамъ съ мѣста на мѣсто, ломлю кости, спину, поясницу, главу, руки, ноги; ною, сверблю, мощу, ложусь у человѣка подь ребромъ, у сердца, поясницей, въ боку, въ животъ, аки камень или перокъ возымаю, вздохнуть и стоя кашлять и проговорить не даю, съ души мечу, душу занимаю, и зажимаю, кашель и одышку творю, сердце щемлю и ломлю, и сосу, сушу крушу человѣка; тоску, скуку, печаль, заботу, не веселіе творю, аки бѣсъ претворяю. И та проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Пятая рече: имя мнѣ *Скорбная*: Человѣку разныя немощи, недуги, хворости, убожества, вреды, скорби и болѣзни всякія творю внутри и наружи и яже, подобна порчи всякой дѣлаю. И тая буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Шестая рече: имя мнѣ есть *Разслабляя*: Разслабляю человѣка, аки мертва, нѣмѣютъ и дрожатъ всѣ члены и суставы яже отнимаю, ходъ и владѣнія безчувствія ногамъ и рукамъ, корчу руки, ноги, жилы, и свожу, нѣмоту и косноязычіе творю, умъ, память и чувство отнимаю, и многія пакости творю. И та буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Св. отцами, аминь. Седьмая рече: имя мнѣ есть *Пухлая*: Надымаю и разрастаю у человѣка брюхо, аки пузырь говяжіи; ноги и все тѣло отекаетъ и опухаетъ, желчь напускаю, душу занимаю, кашель и чахотку творю, гноеніе и запоръ дѣлаю. И та буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Св. отцами, аминь. Осьмая рече: имя мнѣ *Тайная*: Разныя скорби и невиданныя творю, яже хитрая, мудреная, несповѣдимая, недознаемая, несказанная, неизвѣстная; никто не можетъ меня познати, и довѣдаться, и болѣзни мною творимой никакихъ врачествъ прибрати, исцѣ-

лити, яже лекарствъ Божества и ничего не боюсь, сама желаю, прошу, все, что хочешь принимаю и сижу, яже самая сильная, крѣпкая, таюсь, кроюсь, крѣплюсь, перехожу и творю, что бѣсы творять, только отъ сего заговора изыду. И тая буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Девятая рече: имя мнѣ *Бьялая*: Жаръ, и огонь великъ въ человѣки навожу, безуміе, бѣснованіе, припадки, обморокъ творю, все въ очахъ, въ головѣ разной видѣній и слухи преставляю, умъ, память, брожу, плачу, смѣюсь кричу, говорю, падаю, силу, дерзость, боязнь, страхъ, пугагіе, бессоніе, мечты, бредъ, пустованіе? и глаголы невѣрные навожу, и прочіе козни творю. И тая буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Десятая рече: имя мнѣ есть *Противна*: Ничего ненавижу, не терплю, не люблю, человѣку во всемъ надоѣдаю, противъ всѣхъ горжусь, грублю, ненавиствую, злюсь, бранюсь, все въ постылъ день, нехотѣніе, нежалость и зависть, и въ смѣхъ привожу, въ позоръ, и брань и смѣхъ навожу. И та буде проклята Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Одинадцатая рече: имя мнѣ есть *Причудница*: Въ человѣки сижу, прячусь, когда меня выгоняютъ, чрезъ долгое время опять отрыгаюсь, прихочу, причужаю всего, пить и ѣсть хочу, а иногда не хочу, избавленія всякаго бѣгаю, ненавижу человѣка, отвращаю, отговариваю, въ очахъ сама являюсь женскимъ образомъ... (неразобрано слово), сны разные навожу, человѣка давлю, душу, и многія дѣйствія и козни творю. И та буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Двѣнадцатая рече: имя мнѣ *Смертная*: Та буде всѣхъ проклятій на болящемъ человѣкомъ страшная, плясовица, и представица, и угодница Ирода царя, та усѣкнула главу Іоанна Предтечи, и принесла предъ царемъ на блюдь. Она же въ человѣки сидитъ, до смерти мучаетъ разными муками, и болѣстями, къ смерти, пагуби и бѣдствію разному приводитъ, всякаго божества боится, а иногда и желаетъ творить подобно порчи, и бѣснуемому. Та буде всѣхъ проклятій самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. И прочія многія все рече: имена намъ и числа неисповѣдимыя, неисчислимыя, многія тысящи есть,

всякихъ разныхъ пакости, вреды, козни, скорби, недуги, хвори, убожества, немощи и болѣзни творимъ человѣку. И ти будете всѣ прокляты самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Побѣжать всѣ ненавидящія діаволи отъ роду Христа, отъ роду раба Божія (имя рекъ), призову на васъ архангеловъ, ангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, пророковъ, евангелистовъ, апостоловъ, мучениковъ, святыхъ отецъ, и чудотворцевъ, и прогнани будети въ преисподней ацкія мѣста, и даже скрежетъ зубный и огнь неугасимый. А Господень крестъ хранитель всей вселенной, крестъ красота церковная, крестъ царемъ держава, крестъ вѣрнымъ учрежденіе, крестъ ангеламъ слова, крестъ бѣсамъ язва, и вамъ окаяннымъ трясовицамъ прогонитель, крестъ больнымъ исцѣленіе, главъ, груди, души, сердцу, утробъ, рукавъ, ногамъ. крови, тѣлу, костямъ, жиламъ, составамъ, членамъ, удамъ, частямъ и всему человѣку исцѣленіе, самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, молитвами Пресвятыя нашея Богородицы и присно дѣвы Маріи, архангелами, ангелами, всѣми небесными силами безплотными, пророками, евангелистами и апостолами, и всѣми преподобными мучениками, угодниками, праведниками, и всѣми святыми отцами и женами, чудотворцами. Господи Иисусе Христе Сыне Божій и помилуй грѣшнаго раба Божія (имя рекъ). Сія вода съ креста Господня, да исцѣлитъ раба Божія (имя рекъ) не лживо, истинно, во вѣки вѣковъ, аминь. (Проточной воды наговорить и съ креста найденнаго дать пить, и умываться, и на главу лить).

7. *Заговоръ отъ мигорадки.* Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Вначалѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. (Написать эти слова на верхней коркѣ съ хлѣба, и давать натошакъ вѣсть три утреннихъ зарі.) (*Изъ рукописной книжки. Гр. Д. Книлолюбова*).

8. *Отъ мигорадки.* Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. При морѣ Черномъ стоитъ столбъ каменный и всѣ тутъ стоятъ четыре Евангелиста: Іоаннъ Богословъ, Лука, Матѳей, Маркъ и Ангелы Христовы, сами зрятъ на море. И вышедъ изъ моря 12 женъ сестеръ простоволосыхъ, и окаянныхъ видѣніемъ, и вопросиша ихъ святые отцы и ангелы: Что вы за жены окаяння видѣніемъ? Куда идете? Онъ же отвѣ-

чаша, что идемъ искати и мучити рода человекска. Они же начаша ихъ самихъ мучити и давали имъ по 300 ранъ по хребтамъ ихъ. И начаша окаянныя видѣнія молиться: Господи, ослабите намъ, и гдѣ заслышимъ имена ваши Святыя то отъ того человекъ, раба Божія, бѣжимъ прочь за семь поприщъ; и вопросиша ихъ Святыя отцы и ангелы Христовы, что суть имена ваша? Онъ же окаянныя сказаша имена сія: Мы дщери Ирода Царя, а зовуть насъ Трясовицами и имена наша: 1 Кашея, 2 Овена, 3 Каса, 4 Орыста, 5 Оледья, 6 Ломея, 7 Кашлея, 8 Горлея, 9 Пухлея, 10 Вертея, 11 Желтица, 12 Горница. И рекоша имъ святыя отцы и ангелы Христовы: Съ нами Богъ, и гдѣ заслышите имена наши святыя и молитвы Иисуса Христа, то, отъ того человекъ, раба Божія, бѣжите прочь въ крутыя горы; на семь рабъ Божиємъ (имя рекъ) Христово знаменіе, крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ учрежденіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ прогонитель бѣсовъ, огневицъ, трясовицъ и утреннихъ костоломныхъ, жильныхъ, корчуньевъ, крестъ избавляетъ всякаго человекъ, вѣрующаго въ него. Аминь. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Рече ангелъ Господень: заклинаю васъ, окаянныхъ грозными воеводами: Михаиломъ и Гаврииломъ архангелами и святыми Апостолами и Евангелистами, Иоанномъ Богословомъ, Лукою, Матѳеемъ и Маркомъ, и преподобнымъ Сисиніемъ, всѣхъ огневицъ, трясовицъ, утреннихъ костоломныхъ, жильныхъ, корчуньевъ, да не прикоснется къ нему рабу Божию (имя рекъ) аминь. „Да Воскреснетъ Богъ... (говорить до конца). Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони Богу, вся тѣмъ быша, и безъ него ничто же бысть, еже бысть. Аминь. Крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ утверженіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ прогонитель бѣсовъ, огневицъ, трясовицъ и утреннихъ костоломныхъ, жильныхъ, корчуньевъ. Аминь. О великій пророче, Предтечи и Креститель Господень Іоаннъ и Святыя Апостолы, Христовы Евангелисты: Іоаннъ Богословъ, Лука, Матѳей и Марко, и свягїи Архистратиги Божїи: Ми-

хаиле, Гавріиле и Святіи Кузьма и Демьяне, и святіи 9 мученикъ, и преподобній отецъ Сисиніи и всѣ святіи, избавите сего раба Божія (имя рекъ) отъ всякой болѣзни, отъ лихорадки, огневиць, трясовиць и утреннихъ, костоломныхъ, жильныхъ корчуневъ, и изгоните изъ сего раба Божія (имя рекъ) изнутри живота и сердца его. Аминь.

Стихъ сей прочитать трижды передъ иконою, надъ водой и потомъ этой водой вымыть больнаго и напоить, а потомъ будетъ онъ здоровъ. (*Выписано изъ старой рукописи П. Е. Ефименкомъ*).

9. *Отъ лихорадки.* На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ камень Алатырь, на томъ камнѣ сидятъ три старца съ желѣзными прутьями; идутъ къ нимъ на встрѣчу 12 сестеръ лихорадокъ.—Вы куда идете грѣшныя, окаянныя, проклятыя? „Идемъ въ міръ, у людей кости ломать, да силу вынимать“.—Воротитесь грѣшныя, проклятыя, окаянныя.—„Мы тогда воротимся, когда эти слова будутъ всѣ знать да по три раза читать“. (*Доставилъ г. Ивановъ, изъ города Пинет*).

10. *Отъ Трясовицы.* Напиши на служащей просфорѣ, дай ясти больному, сію молитву:

а) Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Якоже Святій Аркадій укроти львы въ пустыни, тако и ты, Господи, укроти Трясовицу сію въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ), всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

б) Молитву вторую напиши на бумагѣ, которую когда болящій выносить три дня, сжечь и тотъ пепелъ выпить, растворя святою водою: (Молитва слѣдующая):

Шедшему святому Сисенію отъ горы Симойскія обрѣте бѣсица, имуща очи разжены и руцѣ желѣзны, и власы верблюжіе, и рече ей Святій Сисиній.—Гдѣ идешь нечистая душе и откуда еси? Она же отвѣща ему и рече: Азъ иду юность женску изсушити, млеко остановить, а младенцы погубити, очи возвратити, а другіе родятъ глухи и нѣмы, и погублю во чревѣ материномъ. Тогда помолися святой Сисеній Господу Богу, и предста ему святій архангелъ Михаилъ, ухвати ея вкова десной рукою своею, и рече ей: Аще ми не кленешися, не отъидешь отъ руки моея,—она же клятса ему и рече тако:

Мышца великаго Бога и непоколебленная, яко не имать ти

солгати, да еще кто можетъ начитати, двѣнадцать именъ моихъ, не имамъ приблизитись къ тому человѣку, ни къ дому его, а имена мои: 1-е Вящепца, 2-е Бясица, 3-е Преображница, 4-е Убійца, 5-е Елина, 6-е Полобляющая, 7-е Имарто, 8-е Урія, 9-е Изъѣдущая, 10-е Негризущая, 11-е Голяда, 12-е Налукія *). И рече ей архангелъ Михаилъ: Заклинаю, проклятая сатана, Исусомъ Христомъ, Сыномъ Мариннымъ, той изгонитъ Трясовицу отъ раба Божія (имя рекъ) и отъ дому его, молитвами и заступленіемъ честныхъ, небесныхъ силъ безплотныхъ, и святія причастія преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы, и присно Дѣвы Маріи, и святаго великомученика и побѣдоносца Георгія, и всѣхъ святыхъ молитвами; оставися трясавица отъ раба Божія (имя рекъ). Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. *(Списано П. С. Ефименкомъ, со старинной рукописи, въ Холмогорскѣ).*

Общее заключеніе о лихорадкахъ и заговорахъ на эту болѣзнь. Лихорадки дѣйствительно, какъ это извѣстно и въ медицинѣ, очень близки къ горячкамъ. Тѣ и другія по большей части происходятъ отъ простуды, или появляются въ человѣкѣ во время разстройства здоровья. Часто раненый, отъ потери крови, получаетъ лихорадку. Лихорадки вообще господствуютъ между жителями приморскихъ странъ, а также въ странахъ обилующихъ болотами, отъ того то, можетъ быть, народная поэзія создала мнѣ лихорадки, непремѣнно возникающія или изъ Чернаго моря, или изъ моря Окіана. Кромѣ разнообразныхъ названій, встрѣчающихся въ разныхъ предложенныхъ читателю заговорахъ, встрѣчается множество другихъ, какъ напримѣръ встрѣчаемъ въ заговорѣ (его не помѣщено здѣсь) заимствованномъ г. Батраковымъ, помощникомъ миссіонера изъ старинной рукописи въ с. Ухтостровѣ, Холмог. уѣзда, слѣдующія имена лихорадокъ: Тресея, Огнія, Недра, Ломѣя, Усма, Оглушица, Томея, Пухлея, Желтѣя, Окоркуша и Гладѣя.

Кромѣ упомянутыхъ заговоровъ на лихорадку есть еще множество другихъ примѣтъ и заговоровъ. Но мы должны напомнить читателямъ одно, что кажется всѣ внутреннія болѣзни, какими въ старину страдали наши предки, по ихъ по-

*) Ср. съ названіями упомянутыми на стр. 361.

нятію и по смыслу заговоровъ, считались лихорадками, и по смыслу нѣкоторыхъ заговоровъ можно заключить, что лихорадки по мнѣнію народному, были тоже что демоны, а болѣзненные дѣйствія сравнивались съ порчею и часто эти болѣзни переѣшивались и отчитывались безразлично.

Г. Сахаровъ говоритъ, что понятія Русскаго Народа о лихорадкахъ заимствованы отъ Павликіянъ. Православною церковью были преданы проклятію: *Вопросы къ Богородицѣ о недугѣ естественномъ, еже именуется Трасовица*. Смот. Іоанна, Экз. Болгарскаго, издавнаго Калайдовичемъ, стр. 210.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ.

1. *Отъ зубной боли*. Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Господня Храмина тебѣ не гарывать, у раба Божія (имя рекъ) зубамъ не болѣвать отъ нынѣ и до вѣку, во вѣки, аминь. (Сей заговоръ отъ зубовъ проговори трижды. Которая изба на другое мѣсто переставлена, приди и отковырь щепочку, и положи на больной зубъ какъ разъ проговоришь, избѣ поклонись *).

2. *Тоже*. Матушка крапивушка, святое деревцо! Есть у меня рабъ Божій (имя рекъ), есть у него на зубахъ черви, а ты оныхъ выведи; а ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя въ третій день отпущу. (Проговоривши, крапиву растущую на свободѣ, привязать къ низу, то есть, преклонивъ къ землѣ, а на третій день отвязать).

3. *Тоже*. Въ полночь, когда часы начнутъ бить 12-ть, въ то время сходи къ церкви, и укуси трижды коренную паперть, (у главнаго входа) и три раза скажи: какъ камень сей крѣпокъ, такъ закаменѣй зубы мои крѣпче камня. (При семъ три раза плюнь и поди прочь, и не оглядывайся и, прочти три раза „Вѣрую“.

4. *Тоже*. На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ соборная апостольская церковь, стоитъ Мать Пресвятая Богородица, и преподобный Антипій, зубной исцѣлитель. Онъ просить и молить угодниковъ Божіихъ, о рабѣ Божіемъ (имя

*) См. Тайственныя Чары.

рекѣ), какъ бы у васъ, угодники Божіи, зубы не болѣли, такъ бы у р. Б. (имя рекѣ) зубы не болѣли. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, аминь, аминь. (Наговори на сучекъ, или рѣдку, или на сучекъ ели).

5. *Тоже.* Каинъ! Каинъ! Каинъ! вели спросить брата своего Авеля: не болятъ ли у него зубы? Нѣтъ.—Такъ бы у раба Божія (имя рекѣ), нѣтъ. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь. (Наговори на соль и клади на зубы).

6. *Тоже.* Если пойдешь случайно улицей, и найдешь кость бараньей челюсти, то перекрестись три раза и говори три раза: „Отче нашъ“. Потомъ скажи еще три раза: „Кость ты моя, кость зубная! избави меня отъ зубной ломовой болѣзни, а я тебя избавлю отъ мокроты“.—И взявъ эту кость подоткни ее въ горницѣ, гдѣ въ сухое мѣсто, и будешь здоровъ.

7. *Тоже.* Заря зарница, красная дѣвица, полунощница! въ полѣ заяцъ, въ морѣ камень, на днѣ Лимарь. Покрой ты зарница мои зубы скорбны, своею фатою отъ проклятаго Лимаря; за твоимъ покровомъ уцѣлѣютъ мои зубы. Врагъ Лимарь, откачись отъ меня, а если будешь грысть, мои бѣлые зубы, сокрою тебя въ бездны преисподніи. Слово мое крѣпко! (*Сказанія Русскаго Народа. Сахарова. Томъ I, Русскаго Черно-книжія, стр. 22*).

8. *Тоже.* Мѣсяцъ ты, мѣсяцъ, серебряны рожки, златыя твои ножки. Сойди ты мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака, моя скорбь не мала, не тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенести. Вотъ зубы, вотъ два, вотъ три; всѣ твои; возьми мою скорбь. Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня свою скорбь. (*Сказанія Русскаго Народа. Сахарова. Томъ I. 1847 г. См. Чернокнижіе. стр. 23*).

9. *Тоже.* Иду я не улицею, не дорогою, а по пустымъ переулкамъ, по оврагамъ, по каналамъ. На встрѣчу мнѣ заяцъ. Заяцъ, ты заяцъ: гдѣ твои зубы? отдай мнѣ свои, возьми мои. Иду я не путемъ дорогою, а сыримъ боромъ темнымъ лѣсомъ. На встрѣчу мнѣ сѣрый волкъ. Волкъ, ты сѣрый волкъ, гдѣ твои зубы? Вотъ тебѣ мои зубы, отдай мнѣ свои. Иду я не землею, не водою, а чистымъ полемъ, цвѣтнымъ лугомъ. На встрѣчу мнѣ старая баба. Старая ты баба, гдѣ твои зубы? возьми ты волчьи зубы, отдай свои выпалые. Заговариваю я

зубы крѣпко на крѣпко у раба (такого-то), по сей день, по сейчасъ, на вѣки вѣковъ. (См. *Сказанія Русскаго Народа. Сахарова. Т. I. Чернокужнѣе*).

10. *Тожже*. Марфа, Марія и Пелагея, три сестры Лазаревы, подите къ своему брату Лазарю, спросите у своего брата Лазаря: не ломаютъ ли у него кости? Нѣтъ, сестрицы! не болятъ у меня зубы, не ломаютъ у меня кости. Заговариваю я раба (такого-то), чтобы у него не болѣли кости, не ломили зубы по сей часъ, по сей день, по всю жизнь. Чудо водяной! возьми зубъ ломовой у раба (такого-то). Не болятъ у раба (такого-то), зубы. Болятъ зубы у кошки, у собаки, у лисницы, у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы, по вся дни, во всѣ часы, по всю ихъ жизнь, злымъ мученьемъ и сокрушеньемъ. (См. *Сказанія Русскаго Народа. Сахарова. Т. I. Чернокужнѣе*).

11. *Тожже*. Если у какого человѣка болятъ зубы, то берутъ шепотки въ соль, и кладутъ на зубы.

Стану я, рабъ Божій Н., благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за дворами, въ восточную сторону, по пути же мнѣ святой Авраамъ, Исаакъ, Яковъ, насупротивъ ихъ въ синемъ Окіанѣ-морѣ плаваетъ утоплой мертваго человѣка трупъ, а по подь ясному небу летитъ ясной соколъ. И спрашиваютъ святой Авраамъ, Исаакъ и Яковъ: что ты утоплой мертваго человѣка трупъ, не болятъ ли у тебя зубы, не щипятъ ли щеки, не грызетъ ли алаковъ? Отвѣтъ имъ держитъ мертвый трупъ съ синяго моря: Св. Авраамъ, Исаакъ и Яковъ у мертваго человѣка не болятъ зубы, не щипитъ щекъ и не грызетъ алаковъ, а у яснаго сокола не пришеваютъ губы, такъ же у р. Б. Н. не болѣли бы зубы, не щипали бы щеки, не пришевели губы, и не грызло бы алаковъ, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Будьте мои слова крѣпки, какъ камень на водѣ, и на землѣ, на хлѣбѣ и соли. Всѣмъ моимъ добрымъ словамъ небо ключъ, земля замокъ и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Нарядѣ Устьянд. Удѣл. Приказа о достав. въ Арханг. Конт. Этиогр. Свѣд. 1847 г. за № 60*).

12. *Тожже*. Говорить три раза на вино:

Яость есть островъ, Яость полонъ людей, вень при своей

простотѣ, и хвалитца Арханъ на Русь побывать и Русь (воевать?) и молюся я, рабъ Божій (имя рекъ), Пречистой Богородицы, чтобы Архану Царю на Русь не бывать, Русь не воевать; такъ бы у меня, раба Божія (имя рекъ), зубному недугу не бывать, щекамъ не пухнуть, зубамъ не болѣть, въ полнѣ мѣсяцъ и въ ущерби мѣсяцъ. Моимъ словамъ небо и земля—ключъ и замокъ. Аминь, аминь, аминь. (*Изъ стар. рук. сборника, получ. изъ с. Ваймуги, Холмогор. уѣзда*).

ЗАГОВОРЫ ОТЪ БОЛѢЗНИ ГЛАЗЪ.

1. *Отъ ячменя.* Господи, благослови! Солнце на западъ, день на исходъ, сучекъ на глазу на изводъ, самъ пропадетъ, какъ чело *) почернѣетъ. Ключъ и замокъ словамъ моимъ. Смачиваютъ указательный палецъ слюною и мажутъ имъ больной глазъ, приговаривая на палецъ три раза слова заговора. (*Записалъ в. Огородниковъ. См. Труд. Арх. ст. Ком. за 1865 г., стр. 44*).

2. *Отъ сучьяго сучка.* (Воспаленіе глазнаго вѣка). Лечатъ искрами, высѣкаемыми изъ огнива прямо въ больной глазъ. Искры высѣкаетъ на вечерней зарѣ старшій или младшій въ семействѣ. Больной спрашиваетъ: „что съчешь?“ Ему отвѣчаютъ: огонь огнемъ засѣкаю раб. Б. Н. Больной опять говоритъ: „сѣки горазне, чтобы въ вѣкъ не было“. Это повторяется три раза. (*Карм. книжка для люб. землев. Изд. Рус. Геогр. Общ. в. Верещагина, стр. 312—320*).

3. *Отъ боли глазъ съ озъву.* Когда кто укорить другаго какимъ либо недостаткомъ глазъ, съ пожеланіемъ еще худшаго, и если укоренный подумаетъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ не случилось съ нимъ этого, тогда непременно явится боль въ глазахъ. Отъ такой боли моютъ глаза водой, въ которую наговариваютъ:

„Сама себя озъвала, сама себя окаркала, сама себя и пособлю“. (*Записалъ Е. Ивановскій. въ Шенкурск. уѣздѣ*).

*) Устье печи.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВЪ МУЖСКАГО БЕЗСИЛІЯ.

1. *Противъ безсилія.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Есть святое Окіанъ-море, на томъ святомъ Окіанъ-морѣ есть стоитъ островъ, на томъ острову стоитъ дубъ булатной, у того дуба булатнаго корени булатные, сучье булатное, вершина булатная. Кругъ того дубу булатнаго вѣтромъ не согнетъ, вихоремъ не сломитъ, такъ бы у меня, раба Божія (имя рекъ), стояли семдесятъ жилъ и единая жила... на женской ликъ красныя дѣвицы, на старыя бабы, на молодыя молодицы, на сивыя кобылицы. Еще же подъ тѣмъ булатнымъ дубомъ кузовъ ярости и юности, и азъ, рабъ Б. (имя рекъ) возьму кузовъ ярости и юности, распущу ярость и юность на раба Божія (имя рекъ) въ ретивое сердце въ 77 жилъ и въ едину жилу сердечную и въ едину жилу... Еще же на верху булатнаго дуба сидитъ веселая птица пѣтухъ, ставаетъ рано, голову дымаеть и поетъ весело, столь же бы стояли у раба Божія (имя рекъ) 77 жилъ и единая жила... Ставали бы у раба Божія (имя рекъ) 77 жилъ и одна жила... ставали бы рано на женскій полкъ и на мужской, на молодыя молодицы, на красныя дѣвицы, на старыя бабы; и злаго человѣка порчельника, кто на меня зло думаетъ и мыслитъ, ударь его колѣнки о камень, убей его; у меня, раба Божія (имя рекъ), стали 70 жилъ и одна жила... стали лучше стараго, хоробрѣе прежняго, что турей рогъ, что еловой сукъ, толь бы тотъ рабъ Божій (имя рекъ) пылокъ и ярокъ на женскую похоть, на полое мѣсто, во вѣки вѣковъ, аминь.

(Изъ старинной рукописи, доставленной крест. Доктуровымъ изъ с. Ракузы, Холмог. уѣзда, въ Труды Этн. Отд. 1878 г. См. часть 2).

2. *Тоже.* Господи Боже, благослови Отче. Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа, аминь. И пойду въ чистое поле, и помолюся истинному Христу Царю Небесному, и какъ стоитъ путь желѣзный жерновной, не тряхнется, не ворохнется, не шатается, такъ бы у раба Божія (имя рекъ) стояли семдесятъ жилъ и одна жила... 70 суставовъ противъ полаго мѣста, противъ женскія, не погнулся бы, не ворохнулся бы, не пошав-

тался бы. Всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. (Говорить трижды на воду чистую, испить не много и достальною обкатиться въ банѣ на парное тѣло). (*Изъ той же рукописи, что и № 1. Доставлено въ Труды Этн. Отдѣла Доктуровымъ*).

3. *Тоже*. Во имя Отца, и Сына и Св. Духа, аминь. Есть Окіанъ-морѣ, на пуповинѣ морской лежитъ Латырь камень, на томъ Латырь камени стоитъ булатной дубъ, и вѣтвіе и корень булатной, коль тотъ булатной дубъ стоитъ крѣпко и плотно, столь бы крѣпко и плотно стоялъ бѣлой... ярой... п... жила на женскую похоть, на полое мѣсто. Изъ подъ того камени выходитъ быкъ порозъ, булатны рога, и копыта булатныя и ходитъ около дуба булатнаго, и тотъ дубъ бодеть и толкаетъ и не можетъ того дуба сломить и повалить. Сколь тотъ крѣпко булатной дубъ стоитъ, и сколько крѣпко рога у пороза, столь бы крѣпко стояла ярая п... жила на женскую похоть, на полое мѣсто. Изъ подъ того Латыри камени вылетаетъ пѣтухъ, съ нимъ вылетаетъ тридевятъ куриць, и онъ пѣтухъ на тридевятъ куриць топчетъ и скачетъ пылко и ярко, столь бы (имя рекъ) былъ пылокъ и яркъ на женскую похоть, на полое мѣсто, во вѣки вѣковъ аминь. (*Тоже доставлено г. Доктуровымъ изъ Холмогор. уѣзда въ Труды Этногр. Отдѣла. Часть 2. 1878 г. Народ. Слов.*).

4. *Тоже*. Возстани и възграйся оный, у раба Божія (имя) и унеси на синее море, моему слову аминь, трижды. (Пропусти три раза мочу чрезъ вѣнчальное кольцо). (*Изъ рукописной книжки Г. Д. Книшлюбова*).

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ГРЫЖИ И СЪ ГЛАЗУ, И БАЕННОЙ НЕЧИСТИ.

1. *Отъ грыжи, а также съ глазу и баенной нечисти*. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Сходить Егорій съ небесъ, по золотой лѣстницѣ, сноситъ Егорій съ небесъ триста луковъ златополосныхъ, триста стрѣлъ златоперыхъ и триста тетивъ златополосныхъ, и стрѣляетъ и отстрѣливаетъ у раба Б. Н. уроки, прикосы, грыжи, баенной нечисти, и отдаваетъ черному звѣрю, медвѣдю, на хребетъ: и понеси черный звѣрь

медвѣдь въ темные лѣса, и затопчи черный звѣрь, медвѣдь, въ зыбучія болота, чтобы вѣкъ не бывала, ни въ день, ни въ ночь... во вѣки вѣковъ, аминь. Три раза произносятъ и за каждымъ разомъ трижды сплевываютъ. (*Зап. П. С. Ефименкомъ въ г. Холмогорахъ*).

2. *Отъ грыжи.* (Говорить на теплую воду обданную на дровякъ). Господи Боже, благослови. Стану я, рабъ Божій Іоаннъ, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, пойду въ чистое поле; есть въ чистомъ полѣ окіанъ-море и есть на окіанъ-морѣ бѣлый камень, есть подъ бѣлымъ камнемъ щука золотая и перезолотая, и кости золотыя, и приди щука къ рабу Божию (имя рекъ) и выгрызи у раба Божія (имя рекъ) своими золотыми зубами грыжу вѣтряную, грыжу напущенную, грыжу жильную, грыжу костяную, сосцовую грыжу, красную грыжу, мокрую грыжу, отъ отца грыжу, отъ матери грыжу, всякую бывающую, и спустишь грыжа къ поясу и выйди мочью и шулятами на дровянкъ камень, и поживи три часа денныхъ; и поиди грыжа съ дровяна камени на пустое мѣсто, въ темное мѣсто, гдѣ солнце не огрѣваетъ, гдѣ люди не ходятъ и не бывають, гдѣ птицы не летаютъ, гдѣ звѣри не заходятъ, и поиди грыжа за быстрыя рѣчки, и поиди грыжа за гремучіе ручьи, и когда будетъ Христово второе пришествіе, обратись грыжа вспять; тѣмъ словамъ во вѣки вѣковъ, аминь. (*Выписано изъ стариннаго сборника заклинаній. Въ Труды Этногр. Отдѣла, за 1878 г.*).

3. *Отъ дѣтской грыжи.* Повивальная бабка приговариваетъ: „Бабушка Соломонушка у Пресвятой Богородицы грыжу заговаривала (или заѣдала) мѣдными щеками, желѣзными зубами, такъ и я заговариваю у раб. Б. Н. (*Доставилъ Свящ. Ѳеодоровъ изъ сел. Лисестрова Арх. у. Въ Труды Этногр. Отдѣла. См. часть 2. 1878 г.*).

4. *Отъ грыжи.* Господи Боже, благослови. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Есть море Окіанъ; въ томъ морѣ Окіанѣ есть бѣлый камень Латырь, высота его 60 сажень. На томъ на камени Латырь стоитъ хрустальный теремъ, въ томъ хрустальномъ терему стоитъ золотой стулъ, на томъ стулѣ сидитъ красная дѣвица, подпоясалась золотымъ поясомъ, подперлась золотымъ посохомъ. Государыня ты, красная дѣвица, дай

ты мнѣ р. Б. грыжннхъ словъ добрыхъ. Грызеть и меня р. Б. вотчину золотая грыжа, истовая грыжа, пуповая грыжа, мокрая грыжа, бѣлая грыжа, красная грыжа, родимая грыжа, привязанная грыжа, кила грыжа, та затеченная грыжа, отрочная грыжа, сердечная грыжа, десная грыжа, поясовая грыжа, водяная грыжа, кровавая грыжа, пригнонная грыжа, суставная грыжа, нутренная грыжа, верхняя грыжа, ручная грыжа, и ножная грыжа. Грызеть та грыжа ветха мѣсяца, и молода мѣсяца, и въ перекрой мѣсяца, по утреннимъ зарямъ и по вечернимъ зарямъ, и по всякъ день и по всякой часть, и по всякое время. И возговорить красна дѣвица: „ой еси грыжа, вошла еси ты въ р. Б. Н. въ вотчину щукою, и ты выйди изъ него окунемъ, и пойдѣ къ бѣлому каменю, буди тамо до скончанія вѣка, да свѣй себѣ, грыжа, въ камени гнѣздо круглое, а не грызи ты у меня р. Б. Н. ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ. грызи себя злая грыжа у тридевять рѣкъ, головы, и не ѣшь ты, злая грыжа, у меня раб. Б. Н. ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа у тридевять горъ головы, а не ѣшь ты у меня, р. Б. Н. ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа у тридевять древъ головы, а не ѣшь у меня р. Б. Н. ни крови, ни тѣла, ни кости, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа, горькое древо осину, а не ѣшь у меня р. Б. Н. ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ отъ нынѣ и до вѣку, и до гробовой доски, въ день и въ ночь по всякій часъ, аминь“.

Указъ: говори трижды на сало ворванное, или на кисляци, или на матерно млеко, или на щучьи зубы, и мазать безымяннымъ перстомъ противъ того мѣста, гдѣ грызеть. (*Изъ рукописной ст. Ив. Костылева*).

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВЪ НАСѢКОМЫХЪ.

1. *Заговоръ отъ осы.* Оса, мать всѣмъ осамъ, ты мнѣ не мать, осятки дѣтки, всѣмъ дѣтямъ дѣтки, вы мнѣ не дѣти. Беру я закрученъ траву, сушу на сыромъ бору, жгу на зеленомъ лугу. Осятки, летите на дымъ; оса, бѣги въ сырой боръ. Слово замокъ, ключъ языкъ! (*См. Сказанія Русск. Нар. Сахарова. Т. I. Чернокижжіе*).

2. *Отъ червей.* Се умолвити червь въ челоуѣцѣ, или въ конѣ, или въ нивѣ: какъ зайдетъ солнце, плюнь на камень, или на руки и глаголи сіе надъ масломъ, или надъ солью, да промолви сіе: съдла гремятъ, узды бречать, въ порожныи мѣха бхати по хмѣль, по легкой товаръ червямъ, и полетите за море тамъ у червей свадьба, овча яловица печена, а здѣсь червямъ огонь, сѣра горячая, и смола кпучая,—побѣгите черви отсель за море! (*Изъ рук. сбор. XVII стол. См. Перм. Сбор. Кн. 2. Прил. XXXV*).

3. *Отъ червей.* Татаринъ, татаринъ, злодѣйской породы, уродъ изъ всѣхъ уродовъ! зачѣмъ татаринъ съешь червей у моей лошади изъ такого то мѣста? Если не выведешь, то вырву тебя съ корнемъ, заброшу за синюю даль, ты засохнешь, какъ порошокъ. Вспомнишь свою ошибку, да будетъ поздно.

4. *Червь умолвити, въ конѣ, или на нивѣ.* Священникъ Колчинъ прислалъ въ редакцію Трудовъ Этнографическаго Отдѣла (см. 1878 г. книгу 2. стр. 177), вышесказанный заговоръ во всемъ схожій съ заговоромъ № 2, съ тѣмъ различіемъ, что въ немъ не упомянуто: „овча яловица печена“, а также вмѣсто слова: „Побѣгите черви за море“—сказано: Аминь, аминь, аминь, и потомъ: „Червь разрызь и плюй, иди черви“.

СЛОВА НЕВѢСТЪ, ЖЕЛАЮЩИХЪ ЗАМУЖЪ.

Въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, то-есть 1 октября, въ деревняхъ въ церковь собираются дѣвушки и молятся: „Пресвятая Мати Богородица! покрой мою голову, краснымъ кокошникомъ, золотымъ подзатыльникомъ“. Объ этомъ же дѣвушки молятся на сей день всю ночь на пролетъ, или же просто: „Батюшко Покровъ, мою голову прикрой краснымъ повойникомъ, золотымъ подзатыльникомъ“. Въ день святой великомученицы Параскевіи, нареченной Пятницею, 28 октября, какъ и въ день Покрова, дѣвушки молятся: „Пятница Парасковея, пошли жениховъ поскорѣе“.

СВАДЕБНЫЕ ЗАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ, ПОДХОДЫ.

1. *Подходъ свата.* Въ деревняхъ посылаютъ сватовъ для переговоровъ съ родителями избранной дѣвушки. Сватъ предъ

началомъ исполненія порученія, встаетъ предъ иконою Божіей Матери, обтираетъ ее чистымъ полотенцемъ и трижды шепчетъ:

„Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, войду въ чистое поле, встану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, помолюся Господу нашему, Иисусу Христу, и Матери Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ, и всѣмъ святымъ; надѣну утроранній бѣлый свѣтъ; и застегаясь утроранными мелкочастыми звѣздами, умоюсь мокрою росою Соломоніею, утруся бѣлымъ полотенцемъ, бѣлымъ свѣтомъ, положу царскій колпакъ, пойду къ рабу Божію, ко властелину (имя рекъ) въ свѣтлыя очи и въ радостное сердце. Какъ рабъ Божій (имя рекъ) зрѣтъ и глядитъ на Мать Пресвятую Богородицу и на истиннаго Христа, Царя Небеснаго, такъ и на меня-бъ (имя рекъ) раба Божія зрѣлъ и глядѣлъ, и ярымъ не взбудилъ, и зубомъ не скрипнулъ, и головой не тряхнулъ, и ногой не топнулъ, и зла-лпха не подумалъ. Будъте слова эти сполна и крѣпки на рабъ Божіемъ (имя рекъ). Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. (*Рукоп. описаніе свадьбы въ Турчасовскомъ приходѣ, Онеж. у., свящ. Алексѣевымъ. Помѣщено въ Трудахъ Этн. Отдѣла Кн. 2. 1878 г.*)

2. На наговоренное пиво. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ Арханг. губ. есть такой обычай, что въ дѣвишникъ невѣста умывается наговореннымъ пивомъ. Наговоръ этотъ слѣдующій: „Какъ ты чисто злато-серебро, чисто и прилично; какъ на тебя, злато-серебро, всякъ зарится, заглядывается, старъ и младъ, женатый и холостой, старыя старухи, и молодыя молодицы, и красивыя дѣвицы, и молодые молодцы, такъ бы на тебя, рабу Н., зарились бы и заглядывали всѣ, казалась бы ты имъ златомъ-серебромъ, глядѣли бы и смотрѣли бы, и очей съ тебя не спу-скали. (*Доставилъ въ Труды Этног. Отдѣла священникъ А. Колчинъ*).

3. Когда случится отпустить свадьбу, говорятъ: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Отчего тѣ слова говорятся? отъ евангелія Христова, Царя Небеснаго. Михаилъ Архистратигъ, святой Петръ, и Павелъ верховніи апостолы, ставъте тридесять тыновъ мѣдныхъ отъ земли, подошвы и до небесной, до морской глубины, отъ

восточныя до западныя, отъ лѣта до сѣвера, отъ земли и до небеси, и со всѣхъ четырехъ сторонъ стоитъ около меня, раба Божія (имя рекъ); у тѣхъ же тридесяти тыновъ, есть тридесять воротъ, есть тридесять замковъ, у тѣхъ же, у тридесяти замковъ—есть тридесять ключей. Приду я, рабъ Божій, (имя рекъ) и затворю тѣ тридесять замковъ, и брошу тѣ тридесять ключей во святое Хвалынское море, и придетъ щука золотая, челюстью ухватитъ тѣ ключи и понесетъ во глубину морскую, въ пуповину, подъ колоду бѣлодубовую. И тѣмъ словамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь. (*Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуи, Холмогорскаго уѣзда*).

4. *Оберегъ невѣсты*. При входѣ послѣ вѣнца, въ домъ мужа молодая говоритъ:

Первая, другая, я иду третья! всѣ вонъ, мнѣ одной домъ.

Этотъ приговоръ молодой употребляется ею, вѣроятно, для того, чтобы первенствовать надъ другими снохами. (*Записалъ свящ. Алексѣевъ, въ селѣ Турчасовѣ, Онежск. уѣзда*).

5. *Оберегъ жениха*. Когда молодой идетъ въ домъ невѣсты на жительство (зять-приемышъ) то, вступая въ избу послѣ вѣнца, произноситъ слова, глядя на потолокъ:

— Я иду, звѣрь лапистъ и гордъ, горластый, волкъ зубастый; я есть волкъ, а вы есть овцы мои. (*Записалъ свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онеж. у.*).

6. *Свадебный оберегъ*. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Есть въ западной сторонѣ море Черное; въ томъ морѣ есть островъ. На томъ же острову выросло древо, на томъ же древѣ корень и вѣтвие, на томъ же древѣ сидитъ желѣзень мужъ, осматриваетъ желѣзень мужъ всякаго вѣдуна, колдуна, кудесника, чтобы видѣти мнѣ, сторожу колдуна и вѣдуна, мужика, и женку, и дѣвку. Окажи мнѣ на всѣхъ четырехъ сторонахъ, окажи мнѣ сторожу въ избѣ, или на улицѣ, въ пиру или на свадьбѣ, или у заплота, или за плахами, или за рѣкою, вездѣ, кто гдѣ не стоитъ, какъ бы сторожа не тронуть. Тотъ же желѣзень мужъ, кабы на колдуна и вѣдуна тянетъ онъ лукъ, отворачиваетъ недобрыя словеса, и рѣчи колдунове и вѣдунове, аще онъ врагъ, или на меня вражитъ, онъ отворачиваетъ тотъ же желѣзень мужъ. Или баба еся съ тыми же, тотъ же

врагъ ее же, кабы она легонько въ зубки подола зняла и по-другу бы оказала, руку бы зняла, своего дьявола звеселила, да тотъ же желѣзенъ мужъ, въ избу привяжи ее къ печному столбу, а на улицѣ къ огороду, а мужикъ тотъ же колдунъ, надо мною пытаетця; ты же желѣзенъ мужъ; кабы насъ не няла ево ни молитва, а ему колдуну нечѣмъ бы ему отъ меня не онятця: сведи его, тотъ же желѣзенъ мужъ, сведи его въ баню и поставь его въ каменицу головою, иже его врага, кой вражить, и повѣсь его же вверху ногами, у стропиль къ одному углу, и броси его же о сыру землю, да тотъ же желѣзенъ мужъ не отпускай меня, раба Божія (имя рекъ) его врага о землю поразити, его стречника. Или, у князя молодова лошады подтыкается; отъ подтычки, или у свахи, у тысяцкаго, у дружекъ, у сторожа, у всего княжева поѣзда прибору отъ воженія, которая врагъ повалить захочетъ о крѣпосцѣ, тотъ же желѣзный мужъ обороняетъ меня, раба Божія (имя рекъ), сторожа, князя и княгиню, тысяцкаго, дружекъ, и весь княжой приборъ, бросаетъ его, того же врага, какъ бы на насъ не думалъ, броси его о сыру землю; во вѣкъ вѣковъ, аминь. (*Списанъ П. С. Ефименкомъ изъ старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Холм. уѣзда, Дожтуровымъ*).

7. *Заговоръ въжливца* *). Покорюсь—помолюсь; сей день—сей часъ, утромъ рано—вечеромъ поздно! Благослови меня, Пресвятая Мати Богородица, Егорій храбрый—съ княземъ, со тысяцкимъ, со большими боярами, со свахой, съ дружкой и съ поддружкой, ко княгинѣ ѣхати, княгиню получитьи, съ княгиней въ Божью церковь доѣхати, законъ Божій принять! Стану—благословлюсь, пойду—перекрещусь на восточную сторону; благослови меня Михайло Архангелъ! дай намъ путь—дорогу. (*Пермскій Сборникъ. Кн. 2. 1860 г. Мат. для опис. быта Пермьяковъ. Стат. Рогова*).

ЗАГОВОРЫ НА ПОДХОДЪ.

Подходъ происходить отъ глагола, подходить. Заговоры на этотъ случай, какъ увидимъ, точно также какъ и молитвы,

*) Въжливцами въ Пермской губ. называются знахари, приглашаемые на свадьбы, какъ оберегатели молодыхъ отъ порчи и лихаго глаза.

употреблялись и употребляются въ томъ случаѣ, когда приходилось подходить къ важному лицу съ просьбою, съ покорностью, или съ повинною головою; вообще кого нибудь умиловитивить или расположить въ свою пользу.

1. *Заговоръ на подходъ вообще.* Стану я, рабъ такой-то, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами; выйду я въ чистое поле, стану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. *Акиры и Оры*, и како идутъ цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, всѣ православные роды, и не думаютъ зла и лиха, такожде и на меня, раба (такого-то) не думали бы зла и лиха, какъ цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, и всѣ вельможи, и всѣ православные роды, возрадуются и возвеселятся. такожде меня, раба (такого-то), увидѣли бы цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, и всѣ православные роды христіанскіе, возвеселились: И какъ не видитъ мати отлученнаго дитя многія лѣта, а увидитъ возвеселится, и возрадуется зѣло весело и радостно, такожде меня, раба такого-то, увидѣвъ, возрадовались бы и возвеселись цари, царицы, короли, королицы, князи и княгини, всѣ вельможи, и всѣ православные роды христіанскіе. Какъ не можно небесныя колесницы превратить, такожде вы меня и моихъ словъ не могли бѣ превратить во вѣки вѣковъ. (*Сообщено г. Порихинымъ и помѣщено въ I томъ сказаній Русс. Нар. 1841 г.*)

2. *Подходъ предъ царскія очи.* Господи благослови! Какъ утренняя заря размыкается. Божій свѣтъ разсвѣтается, звѣри изъ пещеры, изъ берлогъ, выбираютъ, птицы изъ гнѣздъ солетаются, такъ бы рабъ Божій Н. отъ сна пробуждался. утренней зарей умывался, вечерней зарей утирался. краснымъ солнцемъ одѣвался, свѣтлымъ мѣсяцемъ подпоясался, частыми звѣздами подтыкался. Покорюсь и помолюсь. Вы же кормилицы царскія очи, какъ служили царямъ, царевичамъ, королямъ, королевичамъ, такъ послужите рабу Б. Н. день послужите и ночь послужите, по утру рано, и въ вечеръ поздно, въ каждый часъ, въ каждую минуту, вѣкъ по вѣку, и отъ нынѣ до вѣку. Ключъ и замокъ словамъ моимъ. (*Изъ стариннаго Сборника. См. Матеріалы по Этногр. Арх. Губ. 1878 г. Час. 2*)

3. *Подходъ ко властямъ.* Стану я, рабъ Божій (имя рекъ),

благословясь, пойду перекрестясь, помолюся я и поклонюся Воскресенію Христову. Какъ къ тебѣ, Воскресеніе Христово, на праздникъ на Христово Воскресеніе ходять цари и царевичи, князи и бояре, цари и царевичи, бояре и священны ерен, а вся православна христіана, на тебя, на Воскресеніе Христово, не супающе, не сердяще, не ретующе, лиха не думаютъ, зла не творять, тебѣ, Воскресенію Христову, всегда радуются и веселятся, и поклоняются тебѣ, Воскресенію Христову. Тако же бы на меня, раба Божія (имя рекъ), цари и царевичи, князи и бояре, и великіе вельможи, и священны ерен, и вся православны христіаны не супались, не сердились, не ретовались, лиха не думали, зла не творили, всегда бѣ мнѣ, рабу Божию (имя рекъ) радовались, веселились, и поклонялись бы мнѣ, рабу Божию (имя рекъ), по всякъ день и по всякъ часъ и по всякое время. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, помолюся и поклонюся самому Иисусу Христу, Царю Небесному. Самъ Господь, Иисусъ Христость, обвертитъ во облака меня, раба Божія (имя рекъ), покрываетъ краснымъ солнцемъ, подпоящеть зарею утреннюю, подтычетъ частыми звѣздами. Какъ тебѣ царю и царевичи, князи и бояре и великіе вельможи, и священны и вся православны христіаны радовалисе и веселисе сонцу красному и свѣту бѣлому, зарѣ утренней, дитяти своему милому, Маріи Божіи, хлѣбу и соли, такоже бы мнѣ рабу Б. (имя рекъ) цари и царевичи, князи и бояре и великіе вельможи, и священны ерен, и вся православны христіане радовалисе и веселилисе и поклонялисе бы мнѣ, рабу Б. (имя рекъ), по всякъ день, и по всякъ часъ, на всякое время, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Слава тебе Христе Боже, Упованіе наше, слава тебѣ. *(Изъ того же источника, что и предвид. № 2).*

4. *Подходъ къ начальству.* Спать и стать по утру рано не мывши, взять чистыя воды и съ той воды вымыть Спасителя образъ, и Богоматеринъ образъ съ предвѣчнымъ младенцемъ, и какъ вымоешь, въ той водѣ чаговаривай, а какъ чаговоришь, вымой лицо свое и той воды оставь ложки три, а какъ оставишь той воды, и попрыщи шапошный платъ, а какъ попрыщешь, приди ко властямъ и платомъ тѣмъ потри лице свое и говори:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Стань я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь по утру рано, и пойду далече въ чистое поле, отъ отца благословенъ и отъ матери прощенъ, и отъ роду и отъ племени, ближняго и дальняго; войду далече въ чистое поле и стану на востокъ лицомъ, а на западъ хребтомъ. Земля мать, небо отецъ, заря Марія, заря Маремьянія, красное солнце въ очи вставлю, младъ свѣтель мѣсяцъ въ тынъ положу, частыми звѣздами подтычуся, ризой Господнею, нетленною, прикроюся. И какъ зрятъ цари, и князи, и бояре, и всякія пестрыя власти, и всѣ православные хрістіане, и какъ зритъ сія власть на Господа Бога Саваоѳа, и на ангеловъ и на архангеловъ, и на херувимъ, и на серафимъ, и на апостоловъ, и на пророковъ, и на всякіехъ святителей, и на красное солнце, и на младъ свѣтель мѣсяцъ, и на частыя звѣзды, и на луну небесную, и на вышнюю. И не думаютъ они цари, и князи, и бояре, и всякія пестрыя власти, и всѣ православные, и не думаетъ ни на Господа Бога Саваоѳа, и на ангеловъ, и на архангеловъ, и на херувимовъ, и на серафимовъ, и на апостоловъ, и на всѣхъ святыхъ святителей, и на красное солнце, и на младъ свѣтель мѣсяцъ, и на луну небесную, и на вышнюю ни зла, ни лиха, и на меня, раба Божія (имя рекъ), и казался бы я, рабъ Божій, властямъ нимъ въ очахъ краснѣе краснаго солнца, свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца и частыхъ звѣздъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, вся крѣпость святаго Духа, аминь, аминь, аминь. (*Заговоръ изъ того же источника какъ второй и третій*).

5. *Подходъ къ начальству.* Помяни Господи, царя Давида, и всю кротость его. Сколь былъ царь Давидъ смиренъ, и кротокъ, и милостивъ, такъ бы были у меня, р. Б. Н., всѣ начальныя и чиновныя люди и судьи праведныя, смиренны и кротки, и милостивы. (*Записано помощн. Миссіонера, г. Батраковымъ*).

6. *Заговоръ для идущаго въ судъ.* Иду я рабъ Божій (имя рекъ), къ рабу Божию (имя рекъ) отъ Духа Свята, и отъ Христовой печати, отъ Спасовой руки, отъ пречистаго замка, отъ престола Господня. Ангелъ мой, хранитель мой, сохрани мою душу, мой домъ, сердце мое пріими къ себѣ, въ пріятіе раба Божія (имя рекъ) ключъ небо, земля—замокъ, аминь.

Богородице Дѣво радуйся. (до конца прочитать). И съ во-

стоку идетъ Господь нашъ Исусъ, Христосъ, и съ полудня Михаиль Архангелъ, съ вечерней зари Миколай Милостивый, городятъ каменную ограду около раб. Б. (имя рекъ) замыкають тремя замками, тремя ключами; ключи относятъ въ окіанъ море, подъ китъ камень, въ щуку рыбу; кто можетъ окіанъ море выпить, тотъ можетъ и меня, раба Божія (имя рекъ) осудить и оговорить; ключъ—небо, земля замокъ, аминь, аминь, аминь. (*Изъ рукописной книжки. Г. Д. Книголюбова*).

7. *Чтобы власти и судьи были милостивы.* Господи, благослови Отче! Одѣясь свѣтомъ, яко ризою, покрываюся облакомъ, препоясуюся поясомъ Пресвятыя Богородицы, Милостивыя заступницы! Свяжи уста, и языкъ, и гортань у князей, и у боярей, у правителей, и у всякихъ властей, и у приказныхъ служителей. (*См. Таинственные чары*).

8. *Оберегъ противъ суда и несправедливаго обвиненія.* Иду я, рабъ Божій, изъ избы въ дверь, изъ двора въ ворота, въ зеленые луга, въ чистыя поля, въ темные лѣса, рабъ Божій (такой-то), не мой къ кому иду: нашель тридесять волжаниновъ прутьевъ, лежать тридесять гробовъ, тридесять мертвецовъ; въ тѣхъ тридесяти мертвецахъ сердца не разгораются, руки не преподнимаются, уста не отворяются, такъ бы у раба (имя рекъ) на раба (имя рекъ) сердца не разгорались, руки не поднимались, уста не отверзались, аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа. Христосъ съ нами оставися, вчера и днесъ и нынѣ. Ты еси Богъ великъ, пошли побѣдить демонскія силы и мнѣ рабу Божію (имя рекъ) побѣдить всѣхъ враговъ возстающихъ на мя неправедно, аминь, аминь. аминь. (*Изъ рукоп. Книж. Г. Д. Книголюбова*).

ЗАГОВОРЫ ПЧЕЛИНЫЕ.

1. *Заговоръ на посаженіе пчелъ въ улей.* Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смиряются. Стану я на востокъ противъ дальней стороны, и слышу шумъ и гулъ пчелъ. Беру я пчелу роя, окарая сажу въ улей. Не я тебя сажаю, сажаютъ тебя бѣлыя звѣзды, рогагоій мѣсяць, красное солнышко, сажаютъ тебя и укорачиваютъ. Ты, пчела, ройся у (такого-то), на округъ садись. Замыкаю я тебѣ, матка, всѣ пути дороги

ключемъ, замкомъ; а бросаю свои ключи въ Окіанъ-море, подъ зеленый кустъ; а въ зеленомъ кустѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, сидитъ и держитъ семьдесятъ семь жалъ, а жалитъ непокорныхъ пчелъ. А буде вы, пчелы, мои слова не покоритесь, сошлю я васъ въ Окіанъ-море, подъ зеленый кустъ, гдѣ сидитъ матка всѣмъ маткамъ старшая, и будетъ за ваше непокоріе жалитъ васъ матка, въ семьдесятъ семь жалъ. Слово мое крѣпко! (*Сказ. Р. Н. Сахарова. Т. I. Чернокн.*).

2. *Пчелиныя слова.* Изосимъ и Саватій Соловецкіе, которые, по преданію первые ввели пчеловодство, даже на Соловецкомъ островѣ, признаны были распространителями и покровителями пчелъ и бортей во всей русской землѣ. Въ народѣ составилъ особый молитвенникъ, въ родѣ цѣлаго молебна, объ изобиліи и сохраненіи пчелъ, въ ульяхъ пчеловода. Уставъ чтенія этого молитвенника таковъ; „сей молитвенникъ и свитокъ читать на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на Вербное и Свѣтлое Христово Воскресеніе, между заутренями и обѣднями, въ мщеникѣ или на пчельникѣ. И выскы изъ громовой стрѣлы огня, и положи въ чистый сосудъ, и въ тотъ сосудъ положить роснаго ладону, и окружить на пчельникѣ, или во мщеникѣ и поставитъ свѣчу Изосимъ и Саватию, Соловецкимъ чудотворцамъ, и помолитесь имъ съ вѣрою и держатъ сей свитокъ въ самой чистотѣ, три раза, аминь“.

Въ молитвенникѣ этомъ послѣ прославленія, „благости Господа, къ уповающимъ на него“ состоящаго изъ псалма: „Живый въ помощи вышняго“ и прочее. Читается дважды, молитва къ пчеламъ: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго раба своего (имя рекъ). Господи Благослови, аминь. Затѣмъ слѣдуютъ самыя молитвы. Ихъ всѣхъ семь. Программа нашего изданія не допускаетъ помѣстить эти молитвы; но тѣмъ, кто желаетъ поближе познакомиться, то просимъ читать № 1, журналъ Мин. Н. Пр. статью г. Щапова, стр. 52—54. (*Ист. Очер. Нар. Міроз. и Суевпрій*).

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ВСЯКОЙ БОЛѢЗНИ.

1. Господи Боже, благослови! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Какъ Господь Богъ небо и землю, и воду, и

звѣзды и сыро-матерной земли, твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ, и какъ на той сыроматерной землѣ, нѣтъ ни какой болѣзни, ни кровныя раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, такъ же сотворилъ Господь меня, раба Божія (имя рекъ), какъ сотворилъ Господь, твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ жилы мои, и кости мои, и бѣлое тѣло мое, также у меня, раба Божія (имя рекъ), не было бы на бѣломъ тѣлѣ, на ретивомъ сердцѣ, ни на костяхъ моихъ, ни которой болѣзни, ни крови, и ни раны, и ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Единъ архангельскій ключъ; во вѣки вѣковъ, аминь. *(Выписано изъ старинной рукописи, доставленной изъ Шенкурска).*

2. *Молитва отъ всѣхъ скорбей.* О Пресвятая Госпоже Богородице, выше еси всѣхъ ангель, архангель, всѣхъ тварей, честнѣйше помощница еси обидимыхъ, исцѣляющейся надѣяніе, убогихъ одѣяніе, больныхъ исцѣленіе, грѣшныхъ спасеніе, христіанъ всѣхъ поможеніе и заступленіе; спаси Господи и помилуй раба Божія (имя рекъ) ризою твоею честною, защити, умоли, госпоже, тебѣ безсеменнаго воплотившагося Христа Бога нашего. Да препояшетъ насъ силою свыше невидимые враги наша. О всемилостивѣйшая госпожа Богородица, воздвигни насъ изъ глубины грѣховныя, избави насъ отъ глада, губительства, отъ труса и потопа, отъ огня и меча, отъ нахожденія иноплемennыхъ, и междуусобной брани, отъ напрасной смерти, отъ нападенія вражея, отъ тлетворныхъ вѣтровъ, и смертоносныя язвы, отъ злой порчи, отъ духовъ нечистыхъ, отъ всякаго зла; подаждь Господи, миръ и здравіе рабу твоему (имя рекъ), просвѣти ему умъ и очи сердечныя, еже ко спасенію, сподоби его грѣшнаго, царствія Сына твоего Христа Бога нашего, яко держава его непоколебимая, благословенная и препрославленная, со единоначальнымъ его Отцемъ, со Пресвятымъ, Благимъ, и Животворящимъ Его Духомъ, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова).*

3. *Заговоръ отъ недуговъ.* Заговариваю я у раба Божія (такого-то) двѣнадцать скорбныхъ недуговъ: отъ трясовицы, отъ колючки, отъ свербежа, отъ стрѣльбы, отъ огневицы, отъ колютья, отъ дерганья, отъ морганья, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ черной немочи. Ты, злая трясовица уймись, а не то

проклянѹ въ тарь-тарары; ты неугомонная колючка остано-
вись, а не то сошлю тебя въ преисподнїя земли; ты, свер-
бежь прекратись, а не то утоплю тебя, въ горячей водѣ; ты
стрѣльба, а не то засмолю тебя въ смолю кипучей; ты, огне-
вица охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами;
ты, ломотье сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты ко-
лотье притупись, а не то распилю тебя на мелкія частички;
ты, дерганье воротись, а не то запружу тобою плотину на
мельницѣ; ты, морганье окрутись, а не то въ печи банной за-
сушу; ты слѣпота скорчись, а не то утоплю тебя въ дегтю;
ты, глухота исчезни, а не то засмолю въ бочку, и по морю
пущу; ты черная немочь отвяжись, а не то заставлю воду
толочь.

Всѣ недуги откачнитесь, отвяжитесь, удалитесь отъ раба,
(такого-то), по сей часъ, по сей день, по его жизнь, моимъ
крѣпкимъ словомъ. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*).

ЗАГОВОРЪ НА ПОКРАДЕННУЮ ВЕЩЬ.

На морѣ на Окїанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ желѣз-
ный сундукъ, а въ желѣзномъ сундукѣ лежатъ ножи булат-
ные. Подите вы, ножи булатные, къ такому-то и сякому-то
вору, рубите его тѣло, колите его сердце, чтобы онъ, воръ,
воротилъ покражу такого то, чтобы онъ не утаилъ ни снїя
пороха, а выдалъ бы все сполна. Будь, ты, воръ, проклять мо-
имъ сильнымъ заговоромъ, въ землю преисподнюю, за горы Ара-
ратскїя, въ смолю кипячую, въ золу горячую, въ тину болот-
ную, въ плотину мельничную, въ домъ бездонный, въ кувшинъ
банный; будь прибитъ въ притолкѣ осиновымъ коломъ, засу-
шенъ суше травы, замороженъ пуще льда, окривѣй, охромѣй,
ошалѣй, одервянѣй, обезручѣй, огалодѣй, отошай, валяйся въ
грязи, съ людьми не свыкайся, и не своей смертью умри. (*Сказ.
Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*).

ЗАГОВОРЪ ОБОРОТНЯ.

На морѣ на Окїанѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой по-
лянѣ, свѣтитъ мѣсяцъ на осиновъ пень, въ зеленъ лѣсъ, въ

широкій долъ. Около пня ходитъ волкъ мохнатый, на зубахъ у него весь скотъ рогатый; А въ лѣсъ волкъ не заходитъ, а въ домъ волкъ не забродитъ. Мѣсяцъ, мѣсяцъ—золотые рожки! Расплавъ пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страхъ на звѣря, человекъ и гады, чтобы они сѣраго волка не брали, и теплой бы съ него шкуры не драли. Слово мое крѣпко, крѣпче сна и силы богатырской. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*)

ЗАГОВОРЪ ОСТРОВНИКА НА ЗЕЛЕНУЮ ДУБРАВУ.

Хожу я, рабъ (такой-то), кругомъ острова (такого-то) по крутымъ оврагамъ, буеракамъ, смотрю я чрезъ всѣ лѣса: Дубъ, березу, осину, липу, кленъ, ель, жимолость, орѣшину; по всѣмъ сучьямъ и вѣтвямъ, по всѣмъ лпстямъ и цвѣтамъ. а было въ моей дубровѣ по живу, по добру и по здорову. а въ мою бы зелену дуброву, не заходилъ ни звѣрь, ни гадъ, ни лихъ человекъ, ни вѣдьма, ни лѣшій, ни домовый, ни водяной, ни вихрь. А былъ бы я большой набольшой; а было бы все у меня во послушаніи. А былъ бы я цѣль и невредимъ. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*)

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ЗЛОБЫ ЛИХИХЪ ЛЮДЕЙ И О СПАСЕНІИ.

1. *Заговоръ отъ лихаго человека.* Иду я по чистому полю. на встрѣчу мнѣ семь бѣсовъ съ полудухами, всѣ черные, всѣ злые, всѣ нелюдимые. Идите вы духи съ полудухами, къ лихимъ людямъ. Держите ихъ на привязи, чтобы я отъ нихъ былъ цѣль и невредимъ по пути и дорогѣ, во дому, и лѣсу, въ чужихъ и родныхъ, во землѣ и на водѣ, во обѣдѣ и на пиру, въ свадьбѣ и на бѣдѣ. Мой заговоръ дологъ, слова мои крѣпки, кто слово испровержетъ, ино быть во всемъ наново, по худу, по добру, какъ во преди сказано. (*См. Сказанія Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*)

2. *Заговоръ о спасеніи.* Пойду, благословясь изъ избы дверями въ сѣни, изъ сѣней во дворъ, изъ двора въ ворота, подъ красное солнышко, подъ чистое поле, въ чистомъ полѣ

стоитъ святая Божія церковь, сами царскія двери растворяются, самъ, рабъ Божій (имя) заговаривается отъ ☩ колдуновъ, отъ ☩ вѣдуновъ, отъ ☩ колдуньевъ, отъ ☩ вѣдуньевъ, кто на меня лиху думаетъ, тотъ, считай въ лѣсѣ лѣсокъ, въ море песокъ, а на небѣ звѣзды, во вѣки, вѣковъ, аминь (трижды) до солнышка прочись. (*Изъ рукописной книжки. Г. Д. Книголюбова*).

3. *Заговоръ отъ злобы.* Не великъ я день родился, тыномъ желѣзнымъ я оградился, пошелъ я къ своей родимой матушкѣ къ родному батюшкѣ, и ко всему роду и племени, загнувалась моя родимая родушка, ломали мои кости, щипали мое тѣло, топтали меня въ ногахъ, пили мою кровь. Солнце мое ясное, звѣзды свѣтлыя, небо чистое, море тихое, поля желтыя, всѣ вы желтыя, всѣ вы стойте тихо и кротко, и смирно, такъ бы были тихи и смиренны, и кротки моя родимая матушка, родимый батюшка вись родъ и племень, во вся дни, во вся часы, въ нощи и полунощи; какъ пчела поноску носить, такъ бы родимая матушка, родимый батюшка, вись родъ и племень плодили добрыя словеса за меня роднова раба (имя рекъ); какъ воскъ горитъ и таетъ отъ лица огня, такъ бы таяло и горѣло сердце у родныхъ моихъ; какъ лебедь по лебедкѣ тоскуетъ, такъ бы мой родъ и племень вись тосковалъ по мнѣ, своемъ родномъ рабѣ (имя рекъ); какъ студенецъ льетъ воду по вся дни, такъ бы текло сердце роду и племени у всѣхъ по мнѣ, по рабѣ (имя рекъ), какъ дверь къ косяку притворяется, такъ бы мои словеса къ роду и племени притворялись, по вся дни, по вся часы, во дни и въ нощи, въ полдень и полночь. (*Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова*).

4. *Молитва отъ злобы.* Союзъ любви апостолу Твоя свяжавый Христе, и насъ Твоихъ вѣрныхъ рабовъ къ себѣ тѣмъ крѣпко связавъ творити заповѣди Твоя: Другъ друга любити нелицемѣрно, сотвори молитвами Богородица едине челоувѣколюбче. Пламенемъ любви распали ко мнѣ раб. Б. (имя рекъ) сердца всѣхъ Христе Боже, до того разжигашаи сердцемъ, мысляю же, душою и всею крѣпостью челоувѣческою, возлюбить мя и искренняго своего, яко себе и повелѣнія моя храняще славятъ мя и тя, всѣхъ благихъ дателя. Избави Господи раб. Б. (имя рекъ) отъ ненависти, злобы, не мирности и не любви.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. (*Изг рукописной книжки Г. Д. Книголюбова*).

ЗАГОВОРЪ НА КУЛАЧНЫЙ БОЙ.

Стану я, рабъ Б., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, на востокъ, въ восточную сторону, къ Окіанъ-морю, и на томъ святомъ Окіанъ-морѣ стоитъ старъ мастеръ мужъ и у того святаго Окіана-моря, сырой дубъ крековастый, и рубить тотъ мастеръ мужъ своимъ булатнымъ топоромъ сырой дубъ, и какъ съ того сыраго дуба щепа летитъ, тако же бы и отъ меня, (имя рекъ) валился на сыру землю борець, добрый молодець, по всякій день и по всякій часъ. Аминь. (Трижды). И тѣмъ моимъ словамъ, ключъ въ морѣ, замокъ на небѣ, отъ нынѣ и до вѣка. (*Загов. извл. изг рук. Староб. Ж. М. Н. П. 1863 г. № 1. Статья Щапова. Стр. 60*).

Заговоръ отъ боли въ ушахъ. Прикладываютъ дптя къ углу-вому кресту у избы образовавшемуся изъ древесной сѣры отъ дѣйствія жара, и говорятъ:—уголъ рублень и крестъ дубовъ; у того креста не болѣло, не щипѣло, ухо не вертѣло; и такъ бы у раба Б. Н. не болѣло, не щипѣло, и ухо не вертѣло, ни въ день, ни въ ночь, ни въ утреннюю зарю, ни въ вечернюю, ни на нову, ни на вѣтру и ни на перекрою мѣсяцу. Во вѣки, вѣковъ, аминь (*Зап. г. Ефименкомъ, въ Холмогорскъ*).

МОЛИТВЕННЫЕ ЗАГОВОРЫ ОТЪ БЕЗУМІЯ, РОДИМЦА, БѢЛОЙ ГОРЯЧКИ.

1. *Молитва отъ безумія, порчи, родимца, припадковъ белой горячки и пр.*

Словеса божественнаго Евангелія: да угаснуть, исчезнуть въ тебѣ, р. Б. (имя рекъ), вся сила лукаваго діавола, да все-лится сила Божественнаго духа. Аминь. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Богъ Боговъ, Господь Господей. Христе Сыне Божій, Пречистая Пресвятая Богородица, Дѣва Марія, вся небесная сила безплотная, Ангели Хранители, Архангели. Херувимы, Серафимы, Начала, Престоли, Господства, Власти, Силы, и всѣ праотцы, цари, пророки, Апостолы и Евангелисты,

и всѣ преподобніи, праведніи, мученики, угодники, святители, священный и всѣ святые соборы и лики, мужескъ и женскъ полъ, избавите, исцѣлите и помилуйте раба Божія (имя рекъ). аминь, аминь, аминь.

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, и возвеселятся Ангелы, и обступятъ, а грѣшники отъ лица Его возвеселятся. Самъ Господь Богъ Иисусъ Христосъ и всѣ Святіи, Святый Николай чудотворецъ. Никита великомученикъ. Разоилъ, Кузьма и Даміанъ, Кипріанъ, Іустинія, Нифантъ и Марофъ, Пресвятая Троица, Богородица будетъ почивать, и Св. Духъ дунетъ на воду и на р. Б. (имя) Святымъ духомъ. Аминь, аминь, аминь.

Человѣкъ родися, крестъ водрузися, и сатана связася силне и Богъ прославися, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Святый отецъ Остафій и святый отецъ Наумій, поставь его Господи раба Божія (имя) на святое мѣсто, про Божіе думать и Божіе дѣлать: Святый Духъ найдетъ на него и вся небесная возсіяетъ на него, и вся вышняя мимо идетъ его, Спасова рука, Христова печать, Божіей Матери крестъ, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь, аминь, аминь. Какъ Господь Богъ, Иисусъ Христосъ, установилъ источники, рѣки и потоки, тако установи и утиши болѣзнь и недугъ въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) молитвами Пречистыя Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ и небесныхъ силъ. Во вѣки, аминь, аминь, аминь. *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова).*

2. *Заговоръ отъ безумія.* Святый отче Остафіе, святый отче Наумій, поставь меня, Господи, на святое мѣсто, про Божіе думать и Божіе дѣлать, и Святъ Духъ найдетъ на насъ, и вся небесная возсіяетъ на насъ, и вся вышняя мимо идетъ насъ, Спасова рука, Христова печать, Божіей Матери крестъ. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. *(Изъ рукопис. книж. Г. Д. Книголюбова).*

МОЛИТВЫ. ЗАГОВОРЫ И ОБЕРЕГИ ОТНОСЯЩЕСЯ ДО СКОТОВОДСТВА.

1. *Правила пастуху. (Заговоръ отъ нападенія звѣрей).* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Самъ Господь И-

сусь Хриосъ, Сынъ Божій, помози мнѣ р. Б. Н., и постави Господи около моего скота, милаго моего живота, Власьева рода кругомъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ чернаго, и бѣлаго, и краснаго, и пестраго, и бураго, и сѣдоваго, и рогатаго. и комолаго, желѣзный тынъ отъ земли и до неба, отъ неба и до земли. И обыди, Господи, около того тына желѣзнаго. Ты, еще рѣку огненную отъ востока и до запада, и отъ запада и до сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта; и со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ земли и до небеси; отъ небеси и до земли. Кабы не приходилъ сѣрый волкъ и сѣра волчица и рыскуша и лютый звѣрь и люта волчица, и люта черная медвѣдница. Кабы не обходили всякіе звѣри мимо моего живота, Власьева рода, всякаго чернаго, и бѣлаго, и краснаго, и сѣдатаго и черемнаго, рогатаго, комолаго, быковъ, коровъ, и телятъ, и подтелковъ, и повредили бы зубомъ, и ногтемъ и ничѣмъ его не вреждалъ по всякой часъ, и по всякой день и по всякую ночь, во вѣки вѣковъ, аминь. (*Матеріалы для Этногр. Отдѣла. Дост. II. А. Ивановъ, Пинежск. у.*).

2. *Заговоръ отъ болъзней скота.* Владыко Господи Боже нашъ власть имѣя всякой твари, Тебе молимъ, Тебе просимъ, якоже благоволилъ и умножилъ еси стада патріарха Іакова благослови и стада скотъ сихъ (такого-то) и умножи, и укрьпи сотвори его въ тысячу кратъ и избави его отъ насилія діавола и отъ иноплеменническаго нашествія, отъ плѣненія и звѣря, и отъ всякаго навѣта враговъ, и отъ воздуха смертнаго, и губительнаго недуга, и повѣтреннаго падежа, и отъ звѣря хищнаго, и отъ гадины ядовитой, огради его ангелы Твоими святыми, всякую немощь, всякую зависть и искушеніе, чаровства же и волшебства отъ дѣйства находящейся діавольскаго отгоняй отъ него, яко Твое есть царство, сила и слава, Отца и Сына, и Св. Духа, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Изъ рукоп. книжки Г. Д. Книшолобова.*)

3. *Отъ недуговъ скота.* Святые мученики и чудотворцы великіе: Медосте *), Флора и Лавръ, Власій и Харлампій, Николай Чудотворецъ и Георгій Побѣдоносецъ, вашими всесильными мольбами ко Господу, Спасу Всемилостивому, исцѣлите

*) Должно быть Модестъ.

и избавите скота сего (такого-то) отъ повѣтрія, отъ падежа, отъ тлетворнаго воздуха, отъ смертоноснаго недуга, отъ смертоносной язвы, отъ всякой немощи, хвори, скорби и болѣзни, и отъ всякаго зла, спасите, сохраните и помилуйте съ Матерью Божіею Пречистою Владычицею Богородицею, и приснодѣвой Маріею, сотворите и явите милость, купно же воздвигните съ собою святыхъ безсребренниковъ и чудотворцевъ Козму и Даміана, Кира, Іоанна, вись скотъ помилуйте и сохраните со Отцемъ, и Сыномъ, и Святымъ Духомъ, и нынѣ присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова*).

4. *Для предохраненія теленка отъ падежа или болѣзни.* Помяни Господи Царя Давида, матери Елены до цернавина житья. Какъ бѣлая березонька стоитъ вѣки по вѣки, не тронется, не ворохнется, такъ бы и теляте жило вѣки по вѣки, не дрогнулось не ворохнулось. (*См. Труды Этног. Отдѣла, Народная Словес. 1878 г. Дост. г. Никольскій, изъ Мезени*).

5. *Молитва отъ падежа скота.* Христосъ съ нами уставися вчера и днесь, и нынѣ, Ты еси Богъ великъ, пошли Господи побѣдителя. Архангела Михаила, побѣдить демонскія силы, защитити щитомъ своимъ отъ тлетворнаго воздуха и наносной болѣзни, и отъ падежа скотскаго, и благослови скотъ сей, избави его отъ всякаго зла и обстоянія, видимыхъ и невидимыхъ враговъ и губительныя смерти, повѣтрія и падежа, и всѣхъ діавольскихъ злодѣяній, и умножи имени Твоимъ святомъ и о воспользованіи сими цѣленіями, здравіе, тому даруй. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. (*Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова*).

6. *Чтобы скотина стояла смирно во время доенія.* Помяни Господи царя Давида и всю кротость его; укроти, Господи, корову сію крѣпостями своими. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Утренняя заря Марія, вечерняя Маремейнія, утолите мою тоску-кручину, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь. (*Изъ Стариннаго рукоп. Сборника, изъ с. Ваймуи, Холм. уѣзда*).

7. *Отъ ляганья коровы во время доенія.* Господи, Боже благослови! Какъ основана земля на трехъ китахъ и на трехъ китицахъ, какъ съ мѣста на мѣсто земля не шевелится, такъ

бы любимая скотинка (чернушка, пеструшка и пр.) съ мѣста не шевелилась. Не дай ей, Господи, ни ножнаго ляганья и хвостоваго маханья, ни роговаго боданья. Стой горой, дой рѣвкой, озеро смѣтаны, рѣка молока, ключь и замокъ словамъ моимъ.

Наговариваютъ на воду, которою потомъ обмываютъ вымя коровы. (*Зап. г. Огородниковъ, въ Соломбаль*).

8. *При леченіи лошади.* Стану поутру, по раннему, по вечеру по позднему, выйду на сильный вѣтеръ, на легкій воздухъ, возьму я осинову вичку (вѣтку), пойду я къ доброму хозяину на честенъ пиръ. Изъ-подъ лѣвой ноги, изъ-подъ праваго копыта обложу и обвяжу—кругомъ обнесу, чтобы былъ по старому, по прежнему, чище и лучше. чтобы болѣе не чула, куда бы не поѣхали. (*Доставилъ г. Никольскій, изъ г. Мизени*).

ЗАГОВОРЪ ОТЪ БѢШЕНОЙ СОБАКИ.

На моръ на Океанъ, на островъ на Буянъ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ сидитъ старица, а держитъ она жало. Ты старица возьми свое жало и приди къ рабу (такому-то), вынь изъ раба (такого-то) жало смертное. Заговариваю раны колючія на рукахъ, на ногахъ, на головѣ, во лбу, на затылкѣ, на бровяхъ и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакъ черной, сѣрой, красной, сѣдой, рыжей, бѣлой; сидите, во вѣки не сходите.

ЗАГОВОРЪ НА ТОРГОВЛЮ.

Дѣла, Господи, рекъ еси пречистыми усты Своими, яко безъ меня не можете творити ничто же. Господи мой, Господи, вѣрою объемъ души нашей, помози мнѣ грѣшному, рабу Божию (имя рекъ), сію нашу жизнь торговлю въ куплѣ, продажѣ и мѣняльствѣ и во всемъ. Ты владыко, Господи, самъ ее соверши во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Св. Архангелъ Михаилъ во твое святое имя торгуемъ, спаси, сохрани и благослови своимъ святыми молитвами раба Божія (имя рекъ) начати и совершити счастливую и благополучную торговлю. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Изъ рукоп. книжки Г. Д. Книшолобова*).

ЗАГОВОРЪ, ЧТОБЪ ДѢЛО СОШЛОСЬ.

Какъ этотъ узелъ завязанъ, такъ и у насъ, рабовъ Божиихъ (имя рекъ) дѣло (такое-то) скоро сошлось (трижды). (Завязать узломъ нитку, положить чрезъ порогъ, проговора идти). (*Книголюбова*).

ЗАГОВОРЫ ОТЪ РОДИМЦА.

1. *Молитва отъ родимца*.. Мученикъ Твой, Господи, Никита во страданіи своемъ вѣнецъ пріять нетлѣнный отъ Тебя Бога нашего, имѣяй бо крѣпость Твою, мучителей низложи, сокруши демоновъ немощныя дерзости, того молитвами избави раба Божія (имя рекъ) отъ родимца и младенчества, отъ прилога и безумія, отъ порчи и притчи, и отъ всѣхъ его скорбей и болѣзней, отъ нашедшаго и налетающаго, крестъ Христовъ, яко нѣкое оружіе, усердно воспримъ и къ боренію враговъ притеклъ еси, и за Христа пострадалъ еси, послѣди огнемъ священную твою душу, Господу предалъ еси. Откуда же даровъ исцѣленія отъ него сподобился еси пріяти, великомученице Никито, моли Христа Бога, исцѣлитесь и избавитесь рабу Божию (имя рекъ) въ нихъ, аще прелести посѣкъ, державу стояніемъ Твоимъ, и побѣду пріемъ вѣнецъ во страдальчествахъ Твоихъ, со ангелы славны радуешися, Никито, тезоименито съ ними Христа Бога моли непрестанно о избавленіи и исцѣленіи раба Божія (имя рекъ) отъ скорби и болѣзни его обдержашія, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Рукописный сборникъ Г. Д. Книголюбова*).

2. *Заговоръ отъ родимца*. На морѣ на Окіанѣ, среди моря Бѣлаго стоитъ мѣдный столбъ, отъ земли до неба, отъ востока до запада; а во томъ мѣдномъ столбѣ закладена мѣдная мѣдяница отъ болѣстей, и хворостей. Посылаю я раба (такого-то) въ тотъ мѣдный столбъ, что на морѣ на Окіанѣ, и заповѣдаю ему своимъ словомъ заповѣданнымъ закласть родимецъ во тотъ мѣдный столбъ. А былъ бы съ того заповѣданія (такой-то) цѣлъ и невредимъ, и отъ родимца избавленъ, по сей часъ, по всю жизнь. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова. 1841 г.*).

3. *Заговоръ отъ родимца.* У каждаго ребенка непременно бываетъ родимецъ. Всѣхъ же родимцевъ двѣнадцать. Они носятъ названіе по той части тѣла, которая болитъ у ребенка: родимецъ пуповой, сердцевой, внутренней, суставной, жиленой, костяной, ручной, глазной, ревунъ, говорунъ.

Ребенка, подвергшагося родимцу, поятъ и моютъ водой, надъ которою говорятъ слова:

„Грызу я, загрызаю, уйму я, унимаю на рабѣ Божіемъ (имя рекъ) двѣнадцать родимцевъ (слѣдуетъ перечисленіе ихъ). Какъ мертвый отъ могилы не ворочается, такъ бы и на раба Божія (имя рекъ) эти двѣнадцать родимцевъ никогда бы не ворочались, вѣки по вѣки. Отнынѣ и довѣка“. (*Записалъ Е. Ивановскій, въ Шенкурскомъ уѣздѣ*).

МОЛЬБА ВѢТРУ.

Въ поморьѣ Кемскаго уѣзда, предъ возвращеніемъ промышленниковъ съ Мурманскаго берега домой, бабы цѣлымъ селеніемъ отправляются къ морю *молить вѣтеръ*, чтобы не серчалъ и давалъ бы льготу дорогимъ лѣтникамъ. Для этого онѣ предварительно молятся крестамъ, поставленнымъ во множествѣ на всемъ бѣломорскомъ побережьи. На слѣдующую ночь, послѣ богомолья, всѣ выходятъ на берегъ своей деревенской рѣки и моютъ здѣсь котлы; затѣмъ бьютъ полѣномъ флюгеръ, чтобы тянулъ повѣтерье и притомъ стараются припомнить и сосчитать ровно двадцать семь 3×9 плѣшивыхъ изъ знакомыхъ своихъ въ одной волости и даже въ деревнѣ, если только есть возможность къ тому. Вспоминая имя плѣшиваго, дѣлаютъ рубежекъ на лучинкѣ углемъ или ножемъ; произнеся имя послѣдняго, 27-го, нарѣзываютъ уже крестъ. Съ этими лучинами все женское населеніе деревни заходитъ за задворки, и выкрикиваетъ сколь возможно громко. „Встокъ, да обѣдникъ, пора потянуть! Западъ да шалоникъ, пора покидать! Тридевять плѣшей, всѣ сосчитанныя, пересчитанныя; востокова плѣшь напередъ пошла“. Съ этими послѣдними словами, бросаютъ лучинку черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и тотчасъ же припѣваютъ: „Востоку да обѣднику каши наварю и блиновъ напеку; а западу шалонику спину оголю. У всто-

ка да обѣдника жена хороша, а у запада шалоника жена померла!“ Съ окончаніемъ этого припѣвка спѣшать посмотрѣть на кинутую лучину: въ которую сторону легла крестомъ, съ той стороны ждуть вѣтра. Но если она опять провозвѣститъ неблагопріятный вѣтеръ, то прибѣгаютъ къ послѣдному извѣстному отъ старины средству: сажаютъ на щеку таракана и спускаютъ его въ воду, приговаривая: „поди тараканъ на воду, подними тараканъ съвера“. (*Годъ на съверъ. Максима. I. 385*).

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Ч А Р Ы И О Б Ы Ч А И.

РУССКІЕ ОБЫЧАИ, НАРЯДЫ И ПРОЧЕЕ.

1. *Заговоръ при исканіи клада.* Когда покажется счастливицу кладъ, онъ долженъ проговорить: „чуръ! чуръ! свято мѣсто, чуръ, Божье да мое. Или „мой кладъ, съ Богомъ на пополамъ“.

Затѣмъ, желающій пріобрѣсть кладъ, долженъ накинуть на мѣсто клада шапку съ головы, что значить, оставить въ залогъ голову и никому не повѣдать тайны. Наконецъ приговариваютъ: „Аминь, аминь, аминь, разсыпся“. Последнія слова говорятся по тому случаю, что клады обыкновенно являются въ родѣ огоньковъ, горящихъ воску яровыхъ свѣчей, золотыхъ пѣтушковъ и тому подобныхъ предметовъ. (*Записалъ Ивановъ. въ г. Пинежь*).

2. *Заговоръ при собираніи Папоротника.* Въ одномъ травникѣ о папоротникѣ сказано: есть трава черная папороть, растетъ въ лѣсахъ, около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ: въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣ маленькія листочки, и съ испода большіе листы. А цвѣтетъ она наканунѣ *Иванова дня*, въ полночь... Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хочетъ богатъ и мудръ быти, а брать тотъ цвѣтъ не просто, съ надобностями, и очертясь кругомъ говорить: Таланъ Божій, судъ твой; Да воскреснетъ Богъ! (*Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1. Ст. Щанова. Стр. 21*).

3. *Навести красоту.* Чтобы навести красоту или казаться красивѣе, берется платокъ, съ которымъ выходятъ на улицу,

произносятъ вышеприведенныя слова и потомъ, придя домой, утираются тѣмъ платкомъ, говоря:

Стану благословясь, выйду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду на широку улицу, стану на востокъ хребтомъ, на западъ глазами, на западной сторонѣ сидитъ тамъ обрученный Иосифъ, зреть и смотреть на Госпожу Пресвятую Богородицу, такъ и на меня бы рабъ Божій весь вѣкъ смотрѣлъ бы и глядѣлъ. (*Доставилъ Никольскій. Смот. Труды Этногр. Отдѣла за 1878 г. Вып. II. кн. V.*)

4. *Чары на вѣтеръ.* Чары на вѣтеръ извѣстны были въ русскомъ чернокнижии еще въ XVI ст. Курбскій, участникъ славы царя Іоанна Грознаго, описывая казанскую битву говорить, что Казанскіе Татары, желая очаровать русскую рать, навѣвали вѣтры съ своей стѣны. Люди, незнаемые съ русской семейною жизнью, до сихъ поръ обвиняютъ Курбскаго за это извѣстіе. Дѣйствительно ли существуютъ чары на вѣтеръ? Стоить только заговорить съ первымъ крестьяниномъ и сотни примѣровъ будутъ передъ глазами. Чародѣи производятъ эти чары, слѣдующимъ образомъ: Узнавъ въ которой сторонѣ живетъ супостатъ обиженнаго, при попутномъ вѣтрѣ, велитъ обиженному подать ему съ земли, или комъ земли, или снѣга, или горсть пыли; говорить слѣдующее, бросивъ поданное обиженнымъ въ сторону супостата по вѣтру: „Кулла, Кулла! ослѣпи (такого-то) человѣка, вороныя, голубыя, карія, бѣлыя, красныя очи. Раздуй его утробу толще угольной ямы, высуши его тѣло тоньше луговой травы, умори его скорѣе змѣи мѣдьяницы“.

Проговоривши проклятіе, чародѣй глубоко задумывается, попомъ рассказываетъ видъ, примѣты, мѣсто, куда долетѣли его чары; увѣряетъ, какъ коробило очарованнаго человѣка; какъ онъ лишился зрѣнія; какъ раздувался своею утробою; какъ началъ чахнуть, и наконецъ какъ томится смертнымъ недугомъ.

Но такъ какъ это все, по большей части, оказывается ложью, то чародѣи оправдываютъ себя тѣмъ, что ихъ чары попали на посторонняго человѣка. (*Изъ Сказан. Русск. Нар. Сахарова. Т. I. 1845 г.*)

5. *На собираніе Адамъ травы.* (Заговоръ). На утро глаголи сице: „Боже милостивый, буди мнѣ грѣшному; Боже очи-

сти грѣхи мои, безъ числа согрѣшихъ,—Господи, прости мя. Достойно есть... (до конца). Псаломъ 50, Помилуй мя Боже! Вѣрую во единого Бога; Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, Молитвъ ради Пречистыя Твоея Матери и всѣхъ святыхъ помилуй!“

„Благослови сію траву копати, Ознямая Мати, благослови мнѣ своего плоду взяти, и ты трава, Адамъ, на что я тебя копаю, и ты буди къ тому пригодна. Аминь“. (*Народные заговоры Аванасьева. См. Лѣт. Русск. Лѣт. 1862 г.*)

Въ народ. Ботан. будетъ сказ. о знач. этой травы въ народѣ.

6. *Заговоръ отъ лая собаки.* Проговорить три раза: щенилась слѣпая, теперь будь нѣмая; причемъ плевать каждый разъ на лѣво.

7. *Отъ преслѣдованія цусей.* Читатъ „*Богородицу*“, и при этомъ идти къ нимъ напротивъ.

8. *Отъ укушенія змѣи.* На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ дубъ. Подъ тѣмъ дубомъ, стоитъ ракивовъ кустъ, подъ тѣмъ кустомъ лежитъ бѣлъ камень Алатырь; на томъ камнѣ лежитъ рунецъ, подъ тѣмъ рунцемъ лежитъ змѣя, скорпія; есть у ней сестры: Арина, Катерина. Мы Богу помоляемся, на всѣ четыре стороны поклоняемся; возьмите свою лихость, отъ раба (или отъ рабы, имя рекъ), или отъ его скотины (сказанъ цвѣтъ шерсти), по сей день, по сей часъ. Крестообразно дунуть.

9. *Отъ жабы въ горль.* Въ городѣ Іерусалимѣ, на рѣкѣ Ерданѣ, стоитъ древо Кипарисъ, на томъ древѣ птица орелъ сидитъ, щиплетъ и теребитъ когтями и ногтями, и подъ щеками, и подъ жабрами у раба Божія (имя рекъ) жабу. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Святой Духъ, аминь. Святой Духъ, аминь. Святой Духъ, аминь. Когда этотъ заговоръ будешь говорить, то въ это время, нужно тыкать въ горло указательнымъ пальцемъ и говорить его три раза.

10. *Чтобы испортить, или навязать килы.* Чтобы испортить кого либо, необходимо взять шерстяную нитку и навязать на ней узлы. Эту нитку нужно бросить, гдѣ либо въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ могъ бы наступить на нее тотъ, кого нужно испортить. При завязкѣ восьми двойныхъ узловъ говорятся слѣдующія слова: 1) Выйду я на улицу, 2) брошу

въ чисто поле, 3) въ разстанье, 4) межъ дворы, 5) въ луга, 6) въ моря, 7) въ лѣса, 8) въ зыбучія болота. Когда завяжутся всѣ восемь узловъ, то говорится: Хотя и здѣсь оставлю; куда пойдетъ, тутъ и очутится.

При завязываніи каждаго изъ 13 узловъ говорится:

По позднему вечеру выйду я на улицу, и откажусь я отъ Иисуса Христа, отъ царя земнаго, отъ Бога вышняго, отъ вѣры православной, отъ батюшки, отъ матушки. Предаюсь я къ нечистому духу, къ окаянной силѣ, прошу я ей помощи, чтобы она помогла ей и пособила: поступаю я на вора—разбойника, на деннаго грабильщика, на ночнаго полунощника, на (имя рекъ). Я хочу его свержить, хочу я его испортить: хоша среди дня, хоша среди ночи, хоша въ чистомъ полѣ, хоша въ темныхъ лѣсахъ, хоша въ зыбучихъ болотахъ, хоша соннаго, хоша дремучаго, хоша въ терему, хоша за столами дубовыми, хоша со явствами медовыми, хоша пошелъ бы онъ и запнулся бы, самого себя закланулъ бы. Окаянныя духи, придайте мнѣ силы, помогите и пособиите мнѣ, чтобы не было (имя рекъ) ни въ день житья, ни въ ночь спанья, ни въ часъ моготы, ни въ полчаса терпежу. Хошь бы схватило его гряжми, или стрѣлами, взяло бы его въ минуту или въ двѣ и узналъ бы онъ всѣ скорби и печали.

Заклинаніе произносится обыкновенно вечеромъ; причемъ заклинатель непременно долженъ быть безъ креста. Знатоки этого дѣла, совѣтують предъ началомъ убить совершенно чернаго кота или кошку. Коль скоро тотъ, для кого приготовлено заклинаніе, наступитъ на заговоренную нитку, то онъ споткнется, и если при этомъ скажетъ какое либо скверное слово, заговоръ начнетъ свое дѣйствіе. (*Доставилъ г. Никольскій. изъ Мезени **).

11. *Икоту напускать.* При самомъ началѣ, когда учиться напускать икоту, снять съ шеи крестъ, положить въ сапогъ подъ пятку, продержатъ полсутки, говорить слова:

Отрекаюсь Бога и Животворящаго Его креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ.

*) См. Труды Этногр. Отдѣла. Выпускъ второй. Кв. V. 1878 г. подъ редакціей предсѣдателя Отдѣла, Н. А. Попова.

Шептать на соль, упоминая имя человѣка, коему зло намѣренъ сдѣлать не иначе во первыхъ (прежде всего) какъ родственницѣ, упоминать слова:

„Пристаньте сему человѣку скорби, подѣ названіемъ икоты, трясите и мучьте (имя рекъ) до окончанія жизни. Послѣ, вынувши изъ сапога крестъ, повѣситъ на спину, въ то время будутъ дьяволы у тебя; помѣшкавъ сутки, перемѣнитъ по обыкновенному, напередъ, тогда дьяволы отъ тебя отойдутъ, а будутъ мучить того, на кого сіе учинишь. Соль же бросить на дорогу, или въ другое мѣсто, коимъ тотъ человѣкъ ходитъ, съ приговоромъ:

„Какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и (имя рекъ, то-есть тотъ, кому такое зло учинишь), отступитесь отъ меня діаволы, а приступите къ нему.

И не вдолгъ сходить, соль ту разрыть, и сказать: „Поди, дьявольщина, отъ меня прочь!“ И тогда злой духъ (икота) начнетъ мучить того человѣка. *(Это выписано г. П. С. Ефименкомъ изъ дѣла Пинежскаго Уѣзднаго Суда 1875 г. о признавшемся чародѣль въ напускъ болѣзней, подѣ названіемъ икоты, крестьянинъ Нильегорской волости, Мих. Чупаревъ, апрѣля 13 дня. 1875 г. По генер. описи, подѣ № 985. *)*

12. Чары на слѣдъ (слѣдъ снять). Производится слѣдующимъ образомъ: замѣтивши слѣдъ того человѣка, (отпечатокъ ноги на землѣ) которомъ намѣрены нанести порчу, тщательно его прикрываютъ, обороняютъ чѣмъ-либо, чтобы ктонибудь другой не замѣтилъ, или не наступилъ на него. Чародѣи и чаровницы считаютъ тотъ слѣдъ лучшимъ для своихъ враждебныхъ цѣлей, который былъ на пескѣ, пыли, грязи, росѣ, снѣгѣ, то-есть болѣе вѣрно отпечатлѣны, въ особенности же тѣ изъ нихъ, на которыхъ кромѣ ихъ вѣрнаго отчетливаго отпечатка, можно было найти волосы людей или животныхъ.

Разумѣется, снимать слѣдъ приглашается колдунъ, или опытный, бывалый человѣкъ. Этоть-то бывалый человѣкъ снимаетъ этоть слѣдъ, вырѣзывая изъ почвы ножомъ такъ ловко, что онъ, то-есть слѣдъ, служить чистымъ отпечаткомъ подошвы

*) Ся. Труды Этногр. Отдѣла, 1878 г. Выпускъ II. Книга V. Подѣ ред. председателя Попова.

сапога или ноги человѣка. Для вырѣзыванія слѣда употребляютъ широкій ножъ, иногда даже окровавленный вихремъ *). Надъ снятымъ слѣпкомъ читаютъ тайные заговоры. Когда обиженный требуетъ только нанесенія тоски, тогда колдуны прячутъ слѣдъ только подъ матицу, или подъ князекъ. Когда же обиженный требуетъ смертельнаго отмщенія, тогда онъ, въ глухую полночь сжигаетъ слѣдъ въ банѣ.

Простой народъ ужасно боится этого снятія слѣда. По ихъ убѣжденію, человѣкъ, у котораго снятъ слѣдъ, сохнетъ, лишается умственныхъ способностей, постепенно и медленно погасая жизнью, умираетъ. Нужно замѣтить, что есть такая болѣзнь въ природѣ подъ именемъ старческаго увяданія, (*Marasmus*, *Marasmus*), гдѣ человѣкъ въ этой болѣзни чахнетъ, сохнетъ отъ потери дѣятельности нервовъ, теряетъ съ каждою минутою способность жизненныхъ отправленій, умственныхъ способностей и наконецъ умираетъ; а поселяне въ простотѣ души, такую болѣзнь считаютъ за порчу вслѣдствіе снятія слѣда.

13. *Противудѣяствіе волшебству на слѣдъ*. Какъ скоро родственники замѣтятъ въ какомъ либо человѣкѣ изъ своихъ тоску, то обращаются къ знахарю или докѣ, и просятъ его, чтобы онъ избавилъ больнаго отъ недуга. Знахарь, прежде всего осматриваетъ въ избѣ матицу, потомъ князекъ, пересчитываетъ волосы. Поселяне слѣпо вѣрятъ, что докамъ извѣстно, сколько у cadaго человѣка есть волосъ и что выльзающіе волосы всегда попадаютъ подъ слѣдъ. Если они найдутъ слѣдъ и замѣтятъ въ немъ волосы, тогда обѣщаютъ избавленіе. Когда же обѣщаніе не сбывается, тогда увѣряютъ, что замѣченные ими въ слѣдѣ волосы, вѣроятно, принадлежали другому. Это служитъ оправданіемъ колдунамъ не попавшимъ на искомую тему. Въ этомъ случаѣ знахарь (дока) выноситъ снятый слѣдъ на дорогу и бросаетъ его по направленію вѣтра. Этимъ самымъ сгоняется тоска. Когда дока не отыщетъ слѣда, тогда предлагаетъ больному сжечь бѣлье подъ Благовѣщеніе, увѣряя что только это средство можетъ его избавить отъ страшнаго недуга.

*) Будетъ даѣе.

14. *Чары для калыкъ.* Въ былое время наша Россія изобиловала калыками разнаго рода, особенно Москва и ея окрестности. Особенно пѣшеходный путь отъ Москвы къ обителю Преп. Сергія изобиловалъ на каждомъ шагу слѣпцами и уродами ростовскаго изобрѣтенія *). Изуродованіе существовало искусственное не смотря на то, что было много и естественнаго безобразія по неуходу за дѣтьми, вслѣдствіе наследственныхъ болѣзней, а также по неискусству повивальныхъ бабокъ (повитухъ), и отсутствію даже самаго понятія о врачебномъ искусствѣ. Простосердечный русскій народъ, ожидая въ каждомъ новорожденномъ будущаго работника, надежду на podporу въ старости, въ рожденномъ уродѣ видѣлъ наказаніе Божіе за свои грѣхи, и уродство невиннаго младенца считалъ дѣломъ дьявола или прямо, или чрезъ посредство злыхъ людскихъ козней. Привычка крестьянъ ходить босикомъ, или въ лаптяхъ легко пропускающихъ сырость и воду, а также въ оцучахъ, которыя долго удерживаютъ сырость и холодятъ ноги, тоже причиняютъ ногамъ болѣзни, особенно въ томъ случаѣ, когда человекъ долго ходитъ; ходитъ по лѣсамъ и болотамъ и по другимъ влажнымъ мѣстамъ, пропитаннымъ иногда вредными отъ растений и земли веществами.

Есть въ народѣ повѣрье, что земля изъ свѣжей могилы, зола изъ семи печей и соль изъ семи избъ, зашитыя въ чьи либо онучи наносятъ тому, кому онучи принадлежать, калѣчество, родъ ревматизма, что понятно, если взять во вниманіе химическій составъ золы, земли и соли, и также дѣятельность кожи способной всасывать постороннія вещества, и отдѣлять потъ, чтобы заключить о дѣйствительности этого чарованія, основаннаго на простомъ мщеніи и естественныхъ законахъ природы.

15. *Чары на лошадь.* Чтобы совершить надъ лошадьми чары, злые люди вытаскиваютъ изъ гробовъ гвозди и бросаютъ ихъ въ конюшни, надѣясь, что отъ этого лошади будутъ хромать или страдать ногами, по убѣжденію въ то, что будто бы мерт-

*) Ростовъ, Ярославской губерніи, въ прежнее время славился уродами. Промышленники нищенствомъ, или за деньги, или воровствомъ пріобрѣтали дѣтей подрѣзывали жилы, выкалывали глаза, или дѣлали другое нарушеніе здоровья тѣла и изуродованіе и уродовъ возили по Россіи эксплуатируя ихъ.

вещи изъ зависти къ живымъ людямъ, пользующимся земными благами всегда расположены причинять людямъ зло при посредствѣ тѣхъ, кто желаетъ ихъ содѣйствія.

Понятно однако каждому изъ читателей, что гвоздь самъ по себѣ можетъ причинить лошаdkъ уколъ, опухоль и заставить ее хромать.

Пастухи, табунщики, часто употребляютъ такія мѣры на хозяйскихъ лошадехъ и другой скотъ для того, чтобы наверстать обиды полученные ими отъ владѣльцевъ скота. И тутъ вовсе нѣтъ, судя по смыслу, никакого колдовства, кромѣ зла.

16. *Старую, льнивую лошадь сдѣлать молодою и бодрою (цыганскій обманъ).* Продайте цыгану большую, старую, льнивую лошадь, разумѣется за дешевую цѣну, чтобы только сбыть лишній ротъ, и повѣрьте, что чрезъ нѣсколько времени ее не узнаете, до того ваша лошадь будетъ оживлена, поправлена. Онъ подчиститъ зубы, подчернить ихъ каленымъ желѣзомъ, чтобы наложить знаки молодости, и сдѣлать изъ двадцатилѣтней пятилѣтнею; застегаетъ ее ребра до того, что бѣдная лошадка пополнѣетъ въ ночь не отъ избытка мяса и жира, а отъ опухоли сплошь покрывшей все ея тѣло. Если у лошадки вашей хвостъ отвисъ и расположенъ, цыганъ его подниметъ при помощи иглы или булавки, воткнутой подъ хвостъ и этотъ товаръ такимъ злодѣйскимъ образомъ прихолоный и принаряженный ловко сбываетъ съ рукъ. Такая лошадь, запряженная въ дрожки, телѣгу, или сани, не проситъ кнута, куда! она бѣжитъ какъ угорѣлая, боясь не только его, а самаго нѣжнаго прикосновенія къ частямъ, окружающимъ хвостъ. Но лишь купите эту лошадь, и чрезъ два дня узнаете вашу ошибку. Лошадь ваша перестанетъ окончательно ѣсть, потому, что прижатые зубы ее болятъ, опухоль тѣла причиняетъ тяжелый недугъ и прочее, и вамъ приходится цыганское издѣліе продать за безцѣнокъ.

17. *Чтобы пльниикъ не ушелъ (Киргизс. ворожба).* У Киргизовъ есть колдуны: Фалча, Юрунчи, Бакша, Рамча, и Джа-Адугаръ, раздѣляющійся по роду гаданій, и способамъ. Колдуны—носящіе названія Джа-Адугаръ занимаются между прочимъ околдовываніемъ невольниковъ, и другихъ пльнииковъ такъ, что они, будто бы, при своемъ побѣгѣ заблуждаются и

опять попадаютъ къ своему господину. Или, если хотя и уйдутъ, то опять попадутъ купцамъ въ неволю. Киргизскіе колдуны поступаютъ слѣдующимъ образомъ; Вырываютъ у плѣнника нѣсколько волосъ изъ головы, а у бритаго изъ бороды, спрашиваютъ его имя и ставятъ посреди кибитки, на расчищенномъ и солью посыпанномъ мѣстѣ, на которомъ они обыкновенно раскладываютъ огонь; потомъ колдунъ или колдунья, чинить заговоръ, и въ тоже время приказываетъ плѣннику трижды отступить назадъ, на свои ступени плевать в каждый разъ выскакивать изъ кибитки. Напоследокъ сыпетъ плѣннику на языкъ нѣсколько золы, на которой онъ стоялъ, и тѣмъ колдовство кончается. Яицкіе (Уральскіе) казаки вѣрятъ, что если плѣнникъ объявитъ настоящее свое имя, то это колдовство дѣйствительно *)).

18. *Бьсова игра*. Такъ у башкировъ называется болѣзнь рожицы сопряженная съ судорогами въ животѣ. Башкиры приписываютъ эти шалости нечистому духу и призываютъ своихъ чародѣевъ, называемыхъ Шайтанъ-Курязя (Чертовидецъ), который извѣстнымъ ему образомъ сражается съ чертомъ и его, будто бы, прогоняетъ.

19. *Скитская клюква **)*. Въ былое время раскольники брянскихъ лѣсовъ, ревностные распространители своихъ убѣжденій, если не могли словомъ убѣжденія склонить на свою сторону имъ, почему-либо, нужнаго человѣка и обратитъ въ свою вѣру, то употребляли такое хитрое средство: они давали этому человѣку клюкву, напоенную нѣкоторою отравою ***), которую если кто съѣдалъ, то получалъ желаніе идти въ брянскіе скиты, а когда съѣвшій оную видѣлъ огонь, то въ изступленіи бросался въ него, такъ какъ здѣсь представлялся ему рай и съѣдающіе въ немъ ангелы ****).

20. *Вихрь, ранишь вѣдѣлу или колдуна*. Случается иногда, что на улицѣ поднимается вихрь и кружить пыль столбомъ вишитообразно, болѣе и болѣе поднимаясь къ верху. Въ этомъ

*) Смотри *Абевеи рус. суевѣрій*. 1876 г. Москва. Стр. 76.

***) Смотри *Абевега рус. суевѣрій*. 1876 г. Москва. Стр. 223.

****) Вѣроятно изъ числа наркотическихъ ядовъ, куда принадлежатъ: дурманъ, бѣлена, белладонна, мухоморъ и др.

*****) Смотри *Абевега*. Стр. 223.

вихрь все попавшееся: бумага, трава. вѣсь поднимаются къверху; по народному повѣрью это пляска чертей съ вѣдьмами, и для того, чтобы прекратить это, нужно, будто бы, въ этотъ столбъ вьющейся пыли бросить ножъ съ молитвою. Если брошенный ножъ попадетъ въ центръ, средину, и воткнется въ землю, то онъ будетъ окровавленъ, что служитъ знакомъ того, что вѣдьма или колдунъ ранены. (*Записки М. Евстигнѣва*).

21. *Порча на голикъ*. По увѣренію Пермиковъ въ свадебномъ поѣздѣ встрѣтившійся на пути голикъ считается опасною вещью относительно благополучія молодыхъ, особенно если голикъ на дорогѣ поставленъ внизъ камлемъ, стоямя; тутъ ясно, что онъ поставленъ человекомъ досужимъ, и съ цѣлю. Замѣтивъ голикъ дружки непременно останавливаются, спѣшиваются, и три раза, крестообразно хлещутъ себя нагайкой; тоже дѣлаетъ выйдя изъ экипажей, или спѣшившись, весь поѣздъ. По вѣрованію Пермиковъ, въ голикъ заключается нечистая сила, отъ вреднаго вліянія которой на свадебныя и супружескія дѣла можно только и избавиться посредствомъ троекратнаго крестообразнаго хлестанія.

22. *Каша*. Въ старину, бабы, воспринимавшія младенцевъ, варили кашу, на собраніе роженицамъ; въ честь имъ стригли первые волосы съ дѣтей; а въ память умершихъ ставили роду и роженицамъ особую трапезу. Эта трапеза долго считалась необходимою, хотя въ тоже время, готовили кутейную трапезу, принятую церковью. Трапеза называлась трапезою роду и уроженицамъ. (*Статья Срезневска, въ Архивахъ Калачева. VI. I. 162. 163. Изъ слова Христолюбца, хранящагося въ Румянцовскомъ Музее, № 181*).

23. *Плотину разрушить, колодець подсушить*. Это искусство принадлежитъ въ настоящее время всѣмъ домохозяевамъ и не составляетъ новости. Каждый, въ наше время, знаетъ свойство ртути или живаго серебра, которое въ старину называлось *змѣиное молоко*. Чтобы разрушить земляную плотину, колдуны бросали ртуть въ воду, которая своею тяже-ловѣсностью, просачиваясь въ дѣйствительности чрезъ слабоутрамбованныя мѣста увлекала за собою воду, а послѣдняя дѣлала промолны и разрушала плотны хотъ медленно, но вѣрно, если только не предупредить этого препятствія, заткнувъ

отверстіе промоины коровьимъ навозомъ перемѣшаннымъ съ глиною.

24. *Чары надъ змѣю и вообще—змѣя.* На мрачномъ, суровомъ, лѣсистомъ сѣверѣ народная фантазія помѣщала змѣю аспиду, крылатыхъ змѣй съ птичьимъ носомъ и съ двумя хоботами; эта змѣя, по народному мнѣнію, жила въ печерскихъ горахъ, не садилась на землю и на камень; эта пестрая змѣя куда полетитъ, можетъ всю землю опустошить; но есть заклинатели—знахари-обаянники, которые умѣютъ ее заговаривать. Аспидъ, змѣя крылата, носъ имѣетъ птичій и два хобота, и въ коей землѣ вселится, ту землю пугу учинитъ; живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ ни трубнаго гласа. Пришедше же обаянницы, обаяти ю, и копаютъ ямы, и садятся въ ямы съ трубами, и покрываютъ дномъ желѣзнымъ и замазывается сунглинкомъ, и ставятъ у себя уголіе горящее: да разжигаютъ клещи и егда вострубятъ, тогда она засвищетъ, яко горы потрястися, и прилете къ ямѣ, ухо свое приложитъ на землю, а другое заткнетъ хоботомъ, и нашедъ диру малу начнетъ битися, человекъ же, ухватившию клещами горящими, держатъ крѣпче; отъ ярости же ея сокрушаются клещи не едины, не двой, не трой, но тако сожжена — умираетъ; а видомъ она пестра всякими цвѣтами и на землю не садится, только на камень. (*Поюд. Сборн. Публ. Библ. 344*).

25. *Баранецъ.* Пустынные берега широкой Волги также представлялись въ народномъ воображеніи въ чудесномъ свѣтѣ. Говорили, что выше Саратова есть гора Змѣева, гдѣ обитаетъ шестиглавый драконъ, налетавшій на Русь и причинявшій опустошенія; но богатырь убилъ его, а драконъ обратился въ камень (*Olear. 361*). Русскіе увѣряли иностранцевъ, что на низовьяхъ Волги растетъ животное-растеніе — баранецъ, оно приноситъ плодъ, похожій на ягненка; стебель его идетъ чрезъ пупокъ и возвышается на три пяди; ноги мотаются, роговъ нѣтъ, передняя часть, какъ у рака, а задняя, какъ совершенное мясо. Она живетъ не сходя съ мѣста до тѣхъ поръ, пока имѣетъ вокругъ себя пищу. Показывали мѣховыя шапки и увѣряли западныхъ европейцевъ, что эти шапки изъ мѣха „баранца“.

26. *Волховники и сборники примѣтъ.* Между разнымъ ви-

дамы волшебниковъ были волхвы, *Чародѣи, чаровницы, зелейщицы, обаянники, кудесники, сновидцы, звѣздочеты, облакопрогонники, облако-хранительники, вѣдуны, вѣдуньи, лихія бабы* *). *Обаянниками* назывались въ старину фокусники, которыхъ призывали, или посѣщали, хотяще нѣкая увидѣти отъ нихъ неизрѣченная **). Они же заклинали змѣй и злыхъ животныхъ. *Кудесникъ* совершалъ различныя заклинанія и чародѣйственные обряды (кудесы бьютъ) и предвѣщалъ будущее. *Сновидцы* разсѣвали въ народъ разныя предзнаменованія на основаніи видѣнныхъ ими сновъ и увѣряли, что они приняли извѣщеніе свыше. Иногда они толковали сны другимъ, приходившимъ къ нимъ. Иногда разсказывали о собственныхъ видѣніяхъ. Во время народныхъ бѣдствій они толковали народу причины несчастія, часто указывали на какія-либо лица, называя ихъ виновниками, и обрекали ихъ народному мщенію.

27. *Облако-прогонники*, какъ ихъ называлъ *Домострой*, были волшебники, которые, по народному преданію, повелѣвали дождемъ и ведромъ, и чрезъ то насылали урожай и неурожай. Вѣрованіе это очень древнее, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей, по разсказу о избіеніи въ Ростовѣ въ VI вѣкѣ и въ Суздаль въ 1124 году женщинъ за то, что будто бы онѣ спрятали въ себя хлѣбное жито и сѣстные припасы. Столь же древнее было вѣрованіе въ волшебниковъ, снѣдающихъ солнце и луну. „Погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголитъ невѣгласи снѣдаемое солнце“. (*Ип. лѣт.*), Въ *Кормчей* книгѣ эти волшебники называются волкодлаками „влѣклади луну изѣдоша или слѣнце“. (*Арх. П. Стр. 84*). Вѣдунами и вѣдуньями назывались вообще всѣ лица обоого пола, вѣдавшія тайную силу управлять обстоятельствами жизни. Всѣ лица, занимавшіяся волшебствомъ, составляли въ иныхъ мѣстахъ какъ бы особые цехи, передавали однѣ другимъ свое искусство и промыляли, помогая тѣмъ, кто къ нимъ прибѣгалъ въ своихъ нуждахъ. Иногда этимъ занимались и мужчины ***) , но чаще пожилыя и старыя женщины. Во всѣхъ мѣстахъ Россіи

*) (*Дон. къ Суд. Д. II. I. 252*).

**) *Домострой*.

***) *Пр. с. Ислов. 1855 г. Кн. II. 64.*

можно было отыскать ихъ. Особенное уваженіе существовало къ тѣмъ, которыя жили на сѣверѣ въ корельской землѣ. Тамъ искалъ ихъ великій Князь Василій Іоанновичъ, когда женившись въ другой разъ на молодой Глинской, хотѣлъ имѣть дѣтей и прибѣгалъ къ чародѣямъ, чтобы они помогли ему къ плодотворенію. Въ самой Москвѣ жило множество колдуновъ, особенно въ замоскворѣчьи.

28. *Привораживатели и умилостивители.* Такъ въ первой половинѣ XVII вѣка тамъ были извѣстны жонки: Улька, Наська-Черниговка, Душка, Оеклица, Машка Козмиха, какъ видно изъ дѣла, возникшаго въ 1638 году, по поводу подозрѣнія въ порчѣ царицы Евдокіи. (О ворожбѣ. Забѣлина. Ком. 491—492). Эти чаровницы предлагали свои услуги посредствомъ наговоровъ надъ какою нибудь вещью. Такимъ образомъ къ московской чародѣйкѣ Наськѣ-Черниговкѣ прибѣгали женщины, страдавшія отъ побоевъ, которыми надѣляли ихъ мужья. Колдунья должна была *отымать сердца и ревность отъ мужьева*: а когда жены жаловались на холодность мужчинъ (мужьева), приворожить ихъ и отнять *сердцо и умъ*.

Она наговаривала на *соль, мыло и бѣлила*, приказывала женщинѣ умываться мыломъ и бѣлилами бѣлиться, а соль давать въ питье и явство мужьямъ; брала у женщинѣ воротъ рубашки и сжигала его, наговаривала на пепелъ и приказывала также сыпать его въ питье мужу. Завораживая соль, чародѣйка говорила: „какъ тое соль люди въ вѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ“. Надъ мыломъ говорилось: „сколь скоро мыло съ лица смоеся, столько бы мужъ жену полюбилъ“. Когда сжигался воротъ рубашки, колдунья говорила: „какова была рубашка на тѣлѣ, таковъ бы мужъ къ женѣ былъ“. Сожженный воротъ рубашки служилъ также случаемъ для умилостивленія господъ: надобно было посыпать этого пепла на слѣдъ, когда господинъ или госпожа будутъ идти.

Одна изъ такихъ жертвъ наивно созналась, что послѣ того, какъ она исполнила надъ своимъ мужемъ все, чему научила ее колдунья, мужъ ея, вмѣсто ожидаемой перемѣны поведенія и ласки, чуть не убилъ ее; тогда она, увидя что нѣтъ помощи отъ чародѣйства, бросила съ досады, наговорныя вещи.

Узнаніе невѣрности. Ревнивые мужья, если хотѣли отъ во-

рожей узнавать о невѣрности своихъ женъ, для чего приглашали ихъ къ себѣ въ домъ: тѣ присматривались къ сердцу женщины, которую мужъ подвергалъ испытанію; если ворожея замѣчала, что у жены сердце трепещетъ, то укоряла ее въ невѣрности, и часто неповинную, но робкую, отдавала на произвольную расправу мужа.

29. *Отысканіе воровъ.* Если въ домъ случалась пропажа, и признаковъ никакихъ не было, кромѣ одного подозрѣнія, то призывали ворожею, или вѣдуна, и эти обличители присматривались къ животу подозрѣваемаго. Какъ это производилось, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ нужно предполагать, что отъ этой ворожбы возникла пословица: „плохо лежитъ—брюхо болить“.

30. *Наговоръ на товаръ.* Когда залеживался товаръ, то колдунья наговаривала на медъ, приговаривая: „какъ пчелы яроя роятся, такъ бы (къ такому то человѣку) купцы для его товару сходились. Потомъ приказывала торговому человѣку умываться этимъ медомъ.“

31. *Противъ княжескаго или боярскаго гнѣва.* Если на кого царь, князь или другая важная особа гнѣвъ держитъ, нужно при себѣ носить подъ лѣвой мышкой правое око орла, завязавъ въ ширинку. Этого орла нужно поймать непременно въ Ивановъ день о вечернѣ, понести на распутіе и заколотъ острою тростью.

32. *Ворожба на ловлю рыбы и птицъ.* Если у вышесказаннаго убитаго орла выколоть лѣвое око и смѣшать его съ коровьею кровью, то око можетъ, по народному повѣрью, служить охотникамъ и рыбакамъ. У Буслаева *) сказано: „лѣвое око добро мѣшать съ коровьей кровью и селезеневою, да все то засуши, да завяжи въ синій платъ чистый. И когда хочешь ловить рыбу и ты привяжи къ цѣпу и наловишь рыбы много. Таже вещь ко многимъ ловушкамъ годна, ко звѣринымъ, птичьимъ, и ко всякой ловлѣ“.

33. *Ворожба противъ невѣрности, (любовныя зеля) **),* Аще жена бѣгаетъ, и дай пити воробьево сердце (?) и нач-

*) Буслаевъ *О Народной Поззи.* 31.

**) *Домаш. обиходъ.*

нетъ мужа любить. Аще небрегчи мужъ жены начнетъ, то помажь его (?) саломъ медвѣжьимъ, внигда не будетъ ему на другую жену похотѣнія.

34. *Узнать во снѣ о вѣрности жены.* Совино сердце положить на суконный платъ, приложить женщинѣ къ лѣвому боку и она все во снѣ на себя выскажетъ, что была безъ мужа *).

35. *Чары на благополучное разрѣшеніе младенцемъ.* Напиши на бумагѣ: „Помяни Господи сыны эдомскіе во дни Іерусалимовы глаголюще:—истощайте до основанія его!“ — А то письмо положи къ рожицѣ за пазуху **).

36. *Средства противъ неприяностей отъ недоброежелателя, или неудачъ.* Аще уловишь лося, и урѣжи правыя ноги, копыто, и сдѣлай перстень, и носи на рукѣ, и на того человека не придетъ никакая злая пригода, ни золь человекъ ***).

37. *Чары на успѣхъ въ судѣ.* Бывало, начинавшій судиться, или призванный (въ судѣ) чрезъ пристава или недѣльника къ судебному отвѣту, спѣшилъ къ колдуну, который заговаривалъ языкъ и сердце противной сторонѣ ****). Идя на судѣ, надобно взять съ березки *переперъ*, который трясется, и говорить: „Такъ какъ сей переперъ трясется, такъ бы мой супостатъ, (имя рекъ) и его языкъ трепетался *****)“.

38. *Чары о поединкахъ старины; кулачныхъ бояхъ тоже.* Въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, существовали поединки судебные по характеру. И здѣсь чародѣи являлись на помощь; нерѣдко случалось, что спорщики были готовы помириться, да чародѣи начинали снова *бить кудесы*, (смущать) и разжигали снова вражду *****).

Въ этомъ случаѣ чародѣи совѣтовали такимъ образомъ запасаться силою для поединка судебного: „убей змѣю черную саблюю или ножемъ, да вынь изъ нея языкъ, да вверти въ тафту зеленую и въ черную, да положи въ сапогъ въ лѣвый; а обуи

*) Рук. сборн. XVII ст. *тоже*.

***) См. Приложение ко 2 кн. Пермскаго Сборника, 1860 г.

****) Изъ того же приложения Пер. Сборн. 1860 г.

*****) Арх. Калач. II. 2. 50.

*****) Буслаева о Нар. поэзіи, стр. 30.

*****) См. Стогл. вопр. 17.

на томъ же мѣстѣ. Идя прочь, назадъ не оглядывайся, а кто спроситъ, гдѣ ты былъ, и ты съ нимъ ничего не говори. А когда надобно, и ты въ тотъ сапогъ положи три зубчика чесноковые, да подъ правую пазуху привяжи себѣ утиральникъ и бери съ собою, когда пойдешь на судъ, или на поле битвы^а. Когда холопъ обкрадывалъ господъ, или бѣжалъ, призывали ворожею и она производила заклятіе всѣмъ бѣжавшимъ.

Трудно, очень трудно передавать все то, что случалось; лѣтописи немного сказывали; но и изъ того, что сказывали можно бы много извлечь изъ тѣхъ враждебныхъ заклинаній и проклятій, которыя произносили безграмотныя женщины, преимущественно старухи. Русская старина говоритъ, между прочимъ, что колдовство и чародѣйство производилось не надъ одними только зельями (вредными травами), а также кореньями, водою, костями, огнемъ, громовыми стрѣлами, надъ мертвыми, надъ медвѣжьимъ ноготкомъ, надъ снятою рубашкою мертвеца, надъ мертвою рукою, надъ выбраннымъ изъ подъ человѣческой ноги слѣдомъ (*Чары на слѣдѣ*).

39. *Чары на слѣдѣ*. Эти чары совершаются такимъ образомъ, по народному преданію: Когда человѣкъ идетъ, то измѣряютъ его слѣдъ лучиною, веревочкою или тесьмою, вообще чѣмъ нибудь и жгли на огнѣ до тла, или замуравливали въ печи, можетъ быть съ наговоромъ, и говорятъ, будто бы отъ того *пропадаютъ ноги*, то-есть теряютъ ноги, слабнуть, страдаютъ ногами. Оно тоже сопровождалось наговорами.

40. *Чары надъ мертвой рукою*. По сіе время существуетъ обыкновеніе въ простомъ народѣ и между мошенниковъ, что для благопріятнаго успѣха въ кражѣ нужно имѣть мертвую руку, которая, по ихъ увѣренію, благопріятствуетъ воровству, если ее удержать при себѣ во время производства кражи. Намъ неизвѣстно только одно, есть ли по этому случаю какіе нибудь приличные наговоры.

41. *Чарованіе надъ мертвымъ тѣломъ* *). Въ старину было большое вѣрованіе въ силу вліянія мертвыхъ тѣлъ на людей, то въ цѣлебномъ, то въ зловредномъ отношеніи. Мы даже ранѣе писали, упоминая нѣсколько объ этомъ; скажемъ, одинъ

*) На тѣбу мертваго, зубы волшебеніе. Прав. Собес. 1855 г. Кн. III. 64.

случай *). Въ одномъ семействѣ умеръ младенецъ; одинъ изъ родителей страдалъ слезотеченіемъ изъ праваго глаза. По существующему върванію, болящій потеръ пальцемъ мертваго младенца глазъ, и скоро слезотеченіе пропало, а вмѣстѣ съ тѣмъ заросла слезная желѣза. Глазъ все-таки повредился, какъ неовлаживаемый слезою, но все-таки чары сдѣлали свое дѣло и по своему.

42. *Приворотный корень Ибраимъ*, то-есть *обращающій*, имѣлъ, по мнѣнію старины, свойство имѣющихъ его привлекать къ тому человѣку всякаго и любить. Колдунья давала этотъ корень женщинѣ, и та, положивъ его за зеркало и смотрясь въ него, приговаривала: — „Какъ смотрюсь въ зеркало, да не насмотрюсь, такъ бы (такой то) на меня не насмотрѣлся“. Въ одномъ изъ травниковъ XVII вѣка, подобное приворотное свойство приписывается нѣсколькимъ травамъ, напр. травѣ *кукоосъ* въ ней корень на двое, одинъ муженекъ, а другой женочка; муженекъ бѣленекъ, а женочка смугла. Когда мужъ жены не любитъ, дай ему женскій испить въ винѣ, и съ той поры станетъ любить. Тоже приписывалось травѣ *Оданъ*; кто тебя не любитъ, то дай пить, не можетъ отъ тебя до смерти отстать. А когда пастухъ хочетъ стадо пасти, и чтобъ у него скотъ не расходился, держать при себѣ, то не будетъ расходиться; похочешь звѣрей приучить — дай того корня ѣсть, то скоро приучишь **). Въ числѣ върваній о приворотныхъ средствахъ принадлежитъ очень странное о травѣ Симтаринѣ, которую называли въ травахъ, Царь-трава, о шести листахъ: первый—синь, второй—червень, а четвертый — багровъ, а братъ вечеромъ объ Ивановъ день, сквозь золотую гривну или серебряную, а подъ корнемъ той травы, человѣкъ, и та трава выросла у него изъ реберъ. Возьми человѣка того, разрѣжь ему перси, вынь сердце; если кому дать сердца того, тотъ изгаснетъ по тебѣ. Если мужъ жены не любитъ, возьми голову его и поставь предъ мужа, — только что увидитъ, будетъ любить пуще прежняго. Десная рука его — добро; если которая жена мужу

*) Разсказъ автора.

***) *Арх.* 1859 г. I. 78.

невѣрна, или мужъ женѣ, стерши (?) мизиннымъ перстомъ, дай пить *).

До насъ не дошло, существовали ли такія травы въ дѣйствительности?, имѣли ли такія свойства? и какія онѣ носятъ сейчасъ названія? намъ неизвѣстно также.

43. *Насылка на вѣтеръ*. Насылка на вѣтеръ, и выборъ слѣда были чародѣйства злыя; они производились съ цѣлью сдѣлать зло человѣку, и потому ихъ боялись въ особенности. Такъ въ подкрестныхъ заговорахъ на вѣрность царю, вѣрноподанный присягалъ, между прочимъ: „вѣдовствамъ по вѣтру, никакого лиху не насылати, на слѣду не вынимати“. Насылка на вѣтеръ состояла въ томъ, что лихой колдунъ, знавшій искусство возбуждать вѣтры и направлять ихъ куда угодно своими заговорами (см. заговоръ), производилъ вѣтеръ, потомъ направлялъ его по назначенію и бросалъ по вѣтру пыль, съ извѣстнымъ ему приговоромъ, въ которомъ колдунъ выражалъ требованіе, чтобы тому, на кого насылался вѣтеръ причинялись корчи, мяло, ломало, сушило и проч.

44. *Чары надъ просфорою*. Наговаривали надъ просфорою для успѣха въ чемъ либо и также въ воровствѣ. Для этого просфору приносили къ ворожеѣ, которая произносила надъ ней промовленія и этой просфорѣ сообщалась сила къ содѣйствію въ успѣхѣ.

45. *Наузы или узлы*. Одно изъ самыхъ обычныхъ способовъ волхованія. Надъ узлами наговаривали и отдавали желающему: имъ придавали силу предохранять отъ разныхъ несчастій. Матери брали отъ волшебниковъ чародѣйственные узлы, и навязывали ихъ на дѣтей. Баба начнетъ на дѣти на узы власти, смѣривати, плююще на землю, рекше бѣса проклинать. Этотъ древній обычай высказанъ въ нашей старой лѣтописи, въ повѣствованіи о Всеславѣ, котораго мать даже родила при участіи волшебства (отъ волхованія); ему волхвы навязали наузъ на голову; онъ носилъ его всю жизнь, и вліянію этого чародѣйственнаго узла, приписывались его воинственнаго и жестокость, „того ради немилостивъ на кровопролитіе“. Многіе приходили къ ворожеямъ и брали отъ нихъ

*) Буслаева. О Нар. Поез. 31.

наузы, для предохраненія отъ всякаго рода опасностей (*нѣ-
какая бѣсовская обаянiя наузы*).

Въ старину узлы навязывали на оружіе, и думали сообщать ему твердость и уничтожать силу противнаго оружія, какъ это видно изъ стариннаго заговора: „Завяжу я по пяти узловъ „всякому стрѣльцу немирному, невѣрному, на пищаляхъ, „на лукахъ, и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, заградите „стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, спу- „тайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія; въ моихъ вся „сила могуча!“ На этомъ основаніи вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ навязывать чужое оружіе, что ихъ самихъ не брали ни пули, ни сабли.

Такое мнѣніе существовало и сохранилось въ преданіи о Стенькѣ Разинѣ. Наузы давались отъ вліянія злыхъ чародѣевъ и отъ зломыслія враговъ вообще, какъ видно изъ заклатій: „Завяжи Господи, колдуну и колдунь, вѣдуну и вѣдунь, и „упирцу, на раба Божія (такого-то) зла не мыслити, отъ „чернца и черницы, отъ красной дѣвицы, отъ бѣловолосаго, „отъ черноволосаго, отъ русоволосаго, отъ рыжеватаго, отъ „русобородаго, отъ одноглазаго, разноглазаго и упорца“ *). Конечно, отъ этого стариннаго вѣрованія во всемогущество наузовъ осталось выраженіе: *завязать*, въ мысль не допустить, преградить.

Это особенно видно въ малороссійскомъ языкѣ, въ выраженіяхъ въ родѣ слѣдующихъ: „*Завязанный свѣтъ! Мині, якъ завязано*“ (т. е. *не удается*). Видно, что наузы давались не столько для того, чтобы сообщить какую нибудь силу тому, кому давались, сколько для того, чтобы предохранить отъ враждебнаго дѣйствія и уничтожить его силу. Чаще всего наузы давались противъ болѣзней, не какъ лекарство, а какъ предохранительное средство.

Народное воображеніе, всегда старалось отыскивать фантастическія причины болѣзней. Вообще болѣзни происходили отъ вліянія злыхъ духовъ, или даже сами были злыми духами, или отъ злаго умысла и силы слова, которое можетъ управлять природою челоука какъ на добро, такъ и на зло. Лихорадка

*) Арх. Калач. Кн. II. Полов. 2.53.

обыкновенная называлась бѣсомъ—трясцою. („Недуги лѣчатъ чарами и наузами, нѣкотораго бѣса глаголемаго трящу прогоняюще“ *).

Этому бѣсу трясцѣ, подвластны выходящія изъ огненнаго столба двѣнадцать (по другимъ семь) простоволосыхъ дѣвицъ тщерей Иродовыхъ (*По Арх. Калач. 2. 51*): Невѣя, Синя, Легкая, Трясуница, Желтуница, Мученица, Огненная, Акиледъ. Временная, Безыменная, Осенняя, Листопадная. Имена семи не русскія: Лилія, Херхурія, Загрѣя, Невѣя, Тухія, Нешія, Злыднѣя, еще старшая Трясовица; а низшія всѣ повинны насъ слушати (вѣроятно каждая изъ нихъ). Ихъ прогоняли заговорами, завязывали наузами, и отписывали письменами. Въ этихъ письменахъ писались еллинскія имена лихорадокъ; записочки давали носить больнымъ. Другія писали имена лихорадокъ на яблокъ, и яблоко клали въ церкви во время литургіи. Множество разныхъ болѣзней приписывалось урокамъ. призорамъ и сглазамъ. Подъ уроками разумѣлись злодѣйственныя рѣчи; подъ послѣдними недобрые взоры **). Лѣченіе состояло въ томъ, чтобы отогнать и уничтожить дѣйствіе враждебной губительной силы. Ворожен употребляли наузы, примовленія, разныя манипуляціи и зелья ***). Наузы, какъ выше сказано, были болѣе предохранительное средство; они не допускали враждебную силу дѣйствовать, какъ придетъ случай, („хотя мало поболить или жена, или дѣтя, то оставише Бога, врача душамъ и тѣламъ, ищемъ проклятыхъ бабъ, чародѣйницъ наузовъ... Глаголющи нань наузы навязывати“. Примолвки и заговоры употреблялись, какъ для предотвращенія болѣзней, такъ и еще болѣе, какъ прямое средство противъ недуга, уже поразившее болящаго. Иногда заговоры говорились безъ особенныхъ обрядовъ и безъ посредства вещей, но чаще ворожен наговаривали на какіе либо предметы, особенно съѣдомые и испиваемые, и сообщали имъ силою своею желанія цѣлительное свойство. Вода играла въ этихъ случаяхъ главнѣйшую роль, особенно въ тѣхъ случаяхъ болѣзней, когда признава-

*) Арх. II. Полов. 2.

***) Арх. Калач. 2. 51.

**) А. Э. I. 462.

лось, что онѣ постигли болящаго отъ призора и сглаза; тогда надобно было смыть или обрызнуть прочь призоръ, то есть вліяніе дурнаго взора. Бросивъ въ ковшъ съ водою три угля, ворожея въ своемъ примолвленіи, наговаривала воду обмыть съ хвораго хитки и притки, уроки и призоры, скорби и болѣзни, щипоты и ломоты, злу худобу, и понести за сосновый лѣсъ, за осиновый тынъ. Кромѣ цѣлящаго свойства, водѣ, употребляемой съ знаменательными обрядами, приписывали также и предохранительное; волхвы и бабы-вѣдуньи совѣтовали купаться въ рѣкахъ и озерахъ, во время грозы и въ новолуніе, умываться съ серебра, а потомъ встрѣчать молодой мѣсяцъ, и этими средствами хотѣли предохранить отъ недуговъ на будущее время *).

46. *Чары на порчу чловѣка, на икоту.* Подъ именемъ порчи разумѣются нервныя болѣзни, которыя внезапною и исключительнымъ ужасомъ припадковъ потрясаютъ воображеніе настроенное къ таинственнымъ толкованіямъ. Не только вѣрили, но даже избѣгали сомнѣнія въ томъ, что причины такого явленія надобно искать исключительно во вліяніи злыхъ духовъ, а не въ обыкновенной природѣ. Очень часто, въ разныхъ мѣстностяхъ появлялись бѣснующія и кликуши: въ особенности онѣ толпились тамъ, гдѣ была какая нибудь чудотворная икона или мощи святаго, — вообще мѣста, прославленная религіозною святостью. *Кликушами* онѣ назывались оттого, что выкликали или кликали на кого нибудь, то-есть указывали, что такой-то ихъ испортилъ. Припадки ихъ усиливались также еще во время литургіи: тутъ, по выраженію вѣка, *они мѣтаются всякими кознодѣйствами*. Присущею этими болѣзнями страдали женщины. О такихъ бѣснующихся ходили изуствныя и письменныя рассказы самыя мрачныя и вмѣстѣ самыя затѣйливыя. Въ одномъ изъ сборниковъ XVII вѣка есть замѣчательная повѣсть въ этомъ родѣ объ одной священнической дочери, въ первую ночь своего брака подвергнувшейся власти бѣсовъ, потому, что мужъ ея неосторожно вышелъ, оставивъ дверь отворенною и неосѣненною крестнымъ знаменемъ. Бѣсы таскали ее на болото, терзали ее и мучили. Она дѣлалась бере-

*) А. II. IV. 225.

менно и рождала чудовищъ на подобіе змѣй, которыя сосали ее до крови. Послѣ несказанныхъ мученій, эта страдалница исцѣлилась спасительнымъ вліаніемъ чудотворной иконы Пресвятой Богородицы. Независимо отъ несчастныхъ, которые дѣйствительно страдали нервными болѣзнями, несравненно болѣе было такихъ, которые или усвоили себѣ эти припадки отъ впечатлительности воображенія, или же притворялись. Выкидывавая разные фарсы, показывали видъ, будто бы они могутъ пророчествовать. Стоглавый соборъ просилъ царя, чтобы онъ повелѣлъ жителямъ, гонять отъ себя лукавыхъ пророковъ и пророчицъ, которые являлись тогда во множествѣ. То были преимущественно старыя дѣвки: онѣ бѣгали босыя, съ распущенными волосами, тряслись, падали, коверкались, бились, и такимъ образомъ предсказывали будущее и возвѣщали, какъ сивиллы, народу разныя заповѣди въ родѣ слѣдующихъ: „бабы не прядите и печей не топите по средамъ и по пятницамъ: Святые апостолы и святая Пятница намъ явились и невелѣли“. Другія же порицали людей на разныя пороки. Появленіе кликушъ въ городахъ было истиннымъ наказаніемъ для всего общества; ихъ указанія часто принимались и преслѣдовались судомъ. По одному клику бѣснующейся женщины брали обвиняемаго ею челоуѣка и подвергали пыткамъ; иногда притворныя кликуши служили орудіемъ корыстолюбивымъ воеводамъ и дьякамъ; послѣдніе нарочно подучали ихъ обвинять богатыхъ хозяевъ, чтобы потомъ придраться и обирать ихъ. А если кто-нибудь, обезумленный страданіемъ пытки, наскочетъ на себя, что онъ дѣйствительные колдунъ, то его сжигали въ срубъ (по образцу инквизиторскаго суда). Между тѣмъ, правительство, получивъ извѣстіе о распространеніи порчи и появленіи кликушъ въ какомъ нибудь краѣ посылало туда нарочныхъ сыщиковъ отыскивать и выводить вѣдуновъ и вѣдуній: всеобщее зло удваивалось. Часто обыкновенная болѣзнь челоуѣка служила началомъ дѣла о колдовствѣ (А. г. Шуй. 95. Описаніе Шуй, 337—340). Большое воображеніе искало причинъ болѣзни и тотчасъ нападало на ту мысль, что болѣзнь происходитъ отъ супостатъ. (С. Г. Гр. III. 265). Томить сухота сердечная, ѣсть, пить не хочется, свѣтъ бѣлый не милъ, вѣрно напустили, можетъ быть изъ-подъ вѣтру, или со слѣда, а можетъ быть зелія чревоотрав-

наго дали, что чаровница собирала на ночь Купала. Домашніе придумывали отъ кого бы могла случиться бѣда. Они имѣли право указывать на вѣдуна и просить сыску; а нужно, чтобы только заподозрили въ вѣдовствѣ—до пытки недалеко, особенно, если у истцовъ есть средства расположить въ свою пользу правосудіе. Въ 1606 г. въ Перми производилось слѣдствіе о томъ, что нѣкоторые вѣдуны напускали на людей икоту. Обвиняемыхъ жгли, давали на пыткахъ по три встряски, потомъ сажали въ тюрьму. Если послѣ всѣхъ операций, подсудимый не признавался, то наряжали обыскъ; священники, посадскіе, старосты, цѣловальники съ выборными обывателями подавали для окончательнаго обвиненія или оправданія. И обвинители и обвиняемые равно не бесполезны были для воеводъ и дьяковъ. Самый ничтожный фактъ, если его не могли объяснить, былъ достаточенъ, чтобы обвинить человѣка въ колдовствѣ. Такимъ образомъ, во время пожара въ Москвѣ, при Михаилѣ Θεодоровичѣ, хотѣли сжечь, какъ колдуна, одного нѣмца живописца за то, что нашли у него черепъ и никакъ не могли объяснить себѣ, для чего онъ его держитъ *).

Порча сообщалась черезъ разные предметы: выше было упомянуто о томъ, какъ наносили порчу здоровью человѣка посредствомъ вѣтра и выемки слѣда. Равнымъ образомъ колдуны пересылали свое зложелательство чрезъ *подметъ* (подкидку) разныхъ вещей, къ которымъ случайно могъ прикоснуться тотъ, на кого обращалось злое намѣреніе. Вотъ, напримѣръ, въ Шуѣ, въ 1672 г. производилось уголовное дѣло о колдовскомъ подметѣ: одинъ посадскій подалъ челобитную, что въ углу на краю своего огорода онъ нашелъ куски печенаго хлѣба, калачи и нѣсколько меда **). Волшебство переходило чрезъ все, что принадлежитъ къ конской упряжи и вообще къ ѣздѣ. Отъ этого къ царскимъ лошадямъ не допускали никого, чтобы лихой человѣкъ не положилъ зелья и коренья лихаго въ ихъ государевы сѣдла, и въ узды, и въ войлокъ, и въ рукавки, и въ наузы, и въ кутазы, и въ возки, и въ сани, и въ полость санную, и въ коверъ, и въ попонку. Въ 1598 году,

*) 134. Озёрій.

**) Опис. Шун. 341.

русскіе присягали Борису своему государю „въ вѣствѣ и въ питьѣ, и въ платьѣ, или въ иномъ въ чемъ лиха-напасти не учиняти; людей своихъ съ вѣдовствомъ да и со всякимъ лихимъ кореньемъ не посылати, и вѣдуновъ и вѣдуній не добывать, ни слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ, по вѣтру никакого лиха не насылати, и пр.“ *).

Во время войны боялись, чтобы чужіе государи не подослали волшебницъ испортить государеву семью **), успѣхи самозванца, всеобщее мнѣніе приписывали ничему иному какъ знанію волшебства (доп. 1. 225.) Опасеніе, чтобы лихіе люди не нанесли порчи царю и царскому семейству, не имѣло границъ. Чуть только случилось прихворнуть государынѣ, или кому нибудь изъ царскихъ дѣтей, сейчасъ подозрѣвали, что ихъ испортили. Это происходило скорѣе всего отъ того, что медицина или наука врачевства еще пока не существовала въ полномъ ея развитіи и допускала старыя мнѣологическія понятія простолюдиновъ въ связи съ христіанскими догматами и перепутанныя отъ недостатка и правильности разумнія. Новорожденныхъ младенцевъ и до сего времени по этому случаю оберегаютъ отъ постороннихъ взоровъ до шестинедѣльнаго возраста ***).

Серебряный цвѣтъ, Интеринова мятная трава. дягилъ. Къ сильнымъ убѣжденіямъ въ преданія своихъ предковъ вѣроятно и самъ царь Алексѣй Михайловичъ не чуждъ былъ нѣкоторыхъ убѣжденій суевѣрнаго свойства. Такъ мы видимъ изъ очерка домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа, Н. И. Костомарова, что Алексѣй Михайловичъ, отецъ Петра Великаго, преслѣдовавшій вѣдовство, какъ богопротивное дѣло, въ 1650 году приказывалъ стольнику Матошкину высылать въ купальскую ночь искать серебряннаго цвѣта, интериновой травы, мятной и дягилю, а предъ концемъ своей жизни, въ 1675 году, приказывалъ воеводамъ въ Сибири собирать знахарей, узнавать отъ нихъ травы, свойства ихъ, и присылать самыя травы въ Москву. Вообще видно изъ исторіи, что ме-

*) А. А. Э. II. 58.

**) О ворожбѣ. Забѣл. 485.

***) Коших. 14.

дицина въ Россіи, если и была, то въ рукахъ иностранцевъ которыхъ считали еретиками и басурманами, а между тѣмъ простой народъ довольствовался только одними симпатіями, примѣтами и ворожбою и своими преданіями.

Но благочестивые люди не только гнушались обращаться къ чародѣямъ, но вообще считали грѣхомъ искать въ чемъ бы то ни было помощи отъ несчастья, кромѣ молитвы; а самыя болѣзни или несчастіе считали гнѣвомъ Божиимъ, и прибѣгали къ молитвѣ.

48. *Чарованія противъ бѣса въ домъ.* Иногда бѣсы поселялись въ домъ, во дворъ, производили стукъ, пугали привидѣніями и вообще дѣлали разныя шалости. Вѣрившіе знахарству употребляли противъ этого различныя симпатическія средства, напр. сожечь совиные когти, и тѣмъ дымомъ хранину свою кадить и дворъ курить—и исчезнетъ бѣсъ; а потомъ ослинымъ саломъ назнаменуй двери и всякое зло, которое найдешь на дворъ, исчезнетъ. Для того же хорошо держать корольковое каменіе, отъ него нечистый духъ бѣгаетъ, потому, что тотъ камень крестообразно растеть. Набожные люди прогоняли изъ домовъ бѣсовъ внесеніемъ чудотворныхъ иконъ, какъ о томъ гласитъ надпись на оградѣ церкви Гребенской Божіей Матери, въ Москвѣ. Въ старину ходило такое вѣрованіе: ангель хранитель (человѣка) всегда стоитъ на стражѣ ввѣренной ему души противъ дѣйствія нечистаго духа, и потому къ нему нужно постоянно обращаться. Каждый день въ первый часъ дня ангель хранитель является на поклоненіе Богу и объявляетъ всѣ дѣла и мысли человѣческія. Поэтому надобно было всегда прилежно молиться и благодарить Бога въ конецъ дня и въ конецъ ночи, именно, когда ангелы являются на поклоненіе Богу *).

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА.

Отъ простуды. Кто спотѣвъ изопьетъ, и отъ того болѣзнь придетъ, — овечьяго молока ложку, да желчи медвѣжей

*) Рукоп. Рум. Муз. № 358.

съ гороховое зерно, да, стерши испить на тще сердце уквасивъ дважды *).

Отъ кашля. Аще кто кашляетъ, давай ему пить воду ячную съ сахаромъ, и поможетъ **).

Отъ хрипоты. Аще человекъ охрипнетъ, горло ему затечетъ, то шелковую траву водяную, изгневши лити на него. Аще не будетъ шелковыя травы вода, тогда пшеничныя отруби съ укропомъ изгневши, пити, и хрипота исчезнетъ и минетъ ***).

Отъ водяной. Съ развареннаго или завареннаго сверчка воды выпить. Смотри въ концѣ книги.

Отъ лихорадки. Аще кого трясца держитъ, и ты возьми чесноку, да хрѣну, да истолки обое вмѣстѣ, да вяжи себѣ на шею, а какъ станетъ подрогиать, ино по суставамъ чесноковымъ хрѣномъ мазать и кто станетъ говорить: чеснокомъ де отъ тебя пахнетъ,—и не отпиратся. И тотъ чеснокъ и хрѣнъ дѣлаетца, чтобы люди не знали ****).

Тожже отъ Трясовицы. Комониное коренье варити въ пивѣ и пити на тще сердце и она покинетъ *****).

Отъ зубной боли. Змію живую добыть, вынуть изъ нее желчь изъ живыя; а (буде) змія живая безъ желчи съ того мѣста сползла, и тою желчью мазати, и въ тотъ часъ жерви (т.-е. черви) пропадутъ; а буде змія съ того мѣста безъ желчи не ползетъ и въ той желчи нѣтъ пособія.

Отъ глухоты. 1) Аще человекъ оглохнетъ, возьми воронову желчь и пусти въ уши. 2) Сала свиного, да сала курячья, да соку луковаго укапливай въ ухо и услышитъ. 3) Возьми молока сучья и укапливай трижды въ ухо.

Отъ потери голоса. Ясти чеснокъ печеной на тще сердце, и будетъ голосъ.

Отъ шелудей. Аще человекъ шелудивъ, ящерицу сожги на пепель и мажь тѣло.

Отъ нарывовъ. Аще варимъ и толчемъ, и прикладываемъ

*) Прилож. ко второй кн. Пермс. Сборн.

***) Тамъ же.

***) Тамъ же.

****) См. *Пермскій Сборникъ*. Прил. ко 2 книжкѣ. XXXII, изъ рукописной. рукоп. XVII столѣтія.

*****) Тамъ же.

(чеснокъ) къ чирьямъ на тѣлѣ или къ инымъ болячкамъ, кои бываютъ безъ верху, тогда гной выводитъ.

Отъ ранъ. 1) Раненому кому — желчь медвѣжья съ яичное зерно, да приложити къ ранѣ, привить платомъ — ино выдетъ кровь. 2) Возьми дрожжей, да вина горѣлаго, да ладону, да набити яицъ куречьихъ и мазать раны.

Излѣчить отмороженный членъ. Гусинымъ саломъ да утѣчимъ и растворомъ ржанымъ мазать ознобъ, (то-есть отмороженный членъ) и живетъ оттого, да мозгу коневаго. да истолчи все то вмѣстѣ и приложи къ озяблой ранѣ.

Тоже отъ ранъ. Коли не можешь излѣчить, возьми молодые листы (?) сожги въ пепель, да доспѣй щелокъ, да мой болячку, да присыпай,—ино заживетъ.

Отъ ушиба. 1) Аще у челоуѣка изломъ, еловый пепель смѣси съ желткомъ яичнымъ, прикладывай къ излому; у кого нога гниетъ, собачье ребро сожги, истолки, и приложи вверхъ раны листъ попутниковый или капустный. 2) Прививать можжевельнымъ пепломъ съ яичнымъ бѣлкомъ смѣси (смѣся?) вельми добро. 3) Противъ кровной струи. помазывай дрожжами медовыми, осолн и поможетъ. 5) Масло деревянное, да соль жженая—присыпать къ болячкамъ.

Отъ бользней глазъ. 1) Егда бѣльмо на оцѣ, терніе изъ лѣсу нажещи, пепеломъ посыпай, то и лекарство. 2)... Ресницы стряхнется и прыски изъ него (?) пойдутъ въ очи челоуѣку, и съ того ресницы растутъ въ очахъ и волосы кривляются, тому помогати: держать клей вишневыи и размачивати въ водѣ, обмывая водой и вытирати, и въ очи пушати тотчасъ. Стекло зеленое истолки мелко, да козью желчь обое смѣшай вмѣсто (вмѣстѣ) и мажь тѣмъ—откуда волосы растутъ. 3) Бѣлаго голубя кровь суши по холоду, а не на солнцѣ и не на вѣтрѣ; истерши та кровь пушати въ очи рано. 4) Мазати мозгомъ заячьимъ изъ головы сырымъ. 5) Листъ смородинный, да варити въ трехъ водахъ и тѣмъ мажь очи. (*Къ приведеннымъ 2, 3, 4 и 5 статьямъ въ рукописи относится отлѣтка на полъ: у кого въ очахъ волосы растутъ*). 6) Добыти сова, да совиною желчью мазать, и сгонить. (*Это лекарство отъ бѣльма*). Яицо куричье провертѣти, да бѣлокъ выцѣдитъ, желтокъ оставитъ въ скорлупѣ, да утерти соли самосадки, и положити въ

яицо, да обмажь его глиною, и сожги на попель, да просѣй ситомъ, и посыпли на бѣльмо. 7) Лебяжью желчь мазать, масло яичное жежчи-же, да тотъ пепель мѣшати съ преснымъ медомъ и съ масломъ деревяннымъ мазати. 8) Аще у человекѣ глаза кровавы, изсуши семя (?) смѣси съ тремя бѣлками яичными, да заткни хлопьемъ, да прикладывай къ очамъ. 9) Аще у человекѣ прѣтетъ, изотри сабуръ траву, да ртути, да масло древеное со сцемъ, помажь вѣки, а въ очи не пушай. 10) Козьи го... девять пер... истолки, смѣшай съ медомъ, съ преснымъ, впускай въ очи, и будет(ш)ъ здоровъ. 11) Изсуши желчь коровью, изотри и сыпли въ очи. 12) Сахаръ леденчатой да женское молоко, у которое съ чужимъ не бывало, или черные коровы, пушай въ очи.

Отъ обморока. Аще у кого душа займетца напрасно, языкъ отъиметца—зажещи двѣ свѣщи вошаны, да погасити одна и подкурити подъ носъ, пременяя.

Отъ грыжи. 1) Конскій мозгъ добро отъ грыжи мазати. 2) Аще у кого грыжа, и ты помажь собачьею кровью, и помажетъ ему.

Отъ зуда. Возьми кропивки, да соли, да яичной желтокъ, да смѣшай вмѣсто, да мажь по три дни кудѣ свербить.

Отъ недержанія мочи. Который человекъ часто сц..., пити кровь заячья, да мясо ясти заячье.

Отъ чахотки. Аще человекъ чахнетъ, ходячи, неживетъ, ни умереть, въ ... день зарѣзати корова, да лѣсти на лохтяхъ въ брюхо до горла и минетъ болѣзнь *).

Поясъ, какъ средство отъ порчи. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Заговорю твое тѣло бѣлое и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче желѣза пѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпояшу своимъ заговорнымъ поясомъ; и запру и замкну въ тридевять замковъ и тридевять ключей, и пушу ключи въ Окіанъ-море, а взяла ихъ щука; какъ щуку въ морѣ не поймать, такъ и тебя, раба Божія Н., не отмыкать, а кто ключи достанетъ, тотъ и отмыкнетъ. Аминь.

Отъ всѣхъ колдуновъ и отъ всѣхъ заговоровъ и всякой порчи

*) Рук. XVII. Стол. См. Пермс. сбор. 1860 г.

носятъ на голомъ тѣлѣ изъ тонкой сѣтки (вязаной шарфѣ). И при этомъ талисманѣ не можетъ дѣйствовать никакое колдовство и никакая порча. (*Просток. Медицин. рук. ст. Ив. Костылева*). Можно видѣть изъ этого, что здѣсь дѣйствуютъ тоже узлы, какъ о томъ было сказано выше.

Составъ о голосу Филамента, философа Афинейскаго. Взять отъ трехъ колодцевъ или отъ трехъ разныхъ источниковъ воды и на то устроить мѣсто и сосудъ, и окрестъ его поставить четыре свѣщи возженныхъ, и поверхъ сосуда положить два ножа накрестъ, и тогда лить воду въ сосудъ, да въ ту же воду положить мѣди тертыя зазвоннаго колокола. и глаголати молитвы сія трижды:

„Глазъ грома твоего освѣтища, молнія твоя вселенную подвиже, и трепетна бысть земля, въ мори путія твои и стези твои, въ водахъ многихъ и стопы твоя подвижутся, наставилъ есть овцы, и люди твоя рукою Моисеевою и Ааронею“.

И та вода пити чрезъ лебяжье горло да тою жъ водою и окатиться. По сотвореніи сего глаголати подобаетъ:

И яко потрясеніемъ поколебатися всѣмъ удомъ человѣческимъ.

Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Пинишей, Холмогорс. уѣз., отъ свящ. Колчина.

Утинъ прискаты. Утинъ, или спинную боль лечатъ преимущественно старухи, слѣдующимъ образомъ: Больной лежитъ ницъ черезъ порогъ, и когда онъ такъ ляжетъ, лекарка—старуха кладетъ на спину его вѣникъ (листоватикъ) и ударяетъ по немъ остриемъ топора. Послѣ каждаго удара топоромъ, больной спрашиваетъ:—что съчешь?—Утинъ съку! отвѣчаетъ лекарка.—Сѣки крѣпче, говоритъ больной. Это повторяется до трехъ разъ. Вѣникъ, лежащій на спинѣ больного утиномъ, выносится имъ на улицу и бросается на отмашку *).

При родахъ. (Арх. губ.). Къ женщинъ, начинающей мучиться родами, призываютъ повивальную бабку. Деревенская повивальная бабка, какъ только заходитъ въ двери къ больной, говоритъ:

„Отпирайте, отпирайте! отперли, отперли. Запрягайте, запрягайте! поѣзжайте, поѣзжайте! поѣхали, поѣхали! ѣдутъ, ѣдутъ!“

Это говорится для того, чтобы больная скорѣе разрѣшилась

*) Доставилъ свящ. Макаровъ изъ Шенкур. уѣзда въ труды Этногр. От. 1878 г.

отъ бремени. Послѣ этого, бабка осматриваетъ больную и начинаеть помогать ей своими средствами.

Бабка беретъ квашню, замѣшиваетъ въ ней ржаное тѣсто и приговариваетъ: „Я тебя квашночка творю съ вечера до утра; тако бы рабиць Божіей (имя рекъ) мучиться одинъ часокъ минутный“. И даетъ больной принимать это тѣсто съ ложки. Если приведенныя слова не помогаютъ, то бабка наливаетъ въ какой либо сосудъ воды и шепчетъ про себя въ воду три слова:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа: Изъ города Іерусалима идетъ Іисусъ Христось, Мати родила Сына, Іисуса Христа, не болѣвши, не стонавши, и люди не слыхавши; такъ бы рабиць Божіей (имя рекъ) родить младенца не стонавши, не болѣвши и люди не слыхавши. И даетъ эту воду пить больной. Не помогаютъ и эти слова, также въ воду говорятъ другія:

„Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Стану я, рабица Божія (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, въ чисто поле за дверями, въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ Окіанъ-море, на Окіани-мори лежитъ бѣль камень, на бѣлому камню лежитъ гробъ Господень, у того гроба Господнего стоитъ Богородица съ четырьмя евангелистами: Іоаннъ и Лука, Матвѣй и Маркъ и вся силы небесныя, и отстрѣляйте отъ р. Б. Н уроки и прикосы, и откуда пришли и туда подите и отъ царя и отъ царицы, и отъ попа и отъ попады, и отъ мужика до женки, и отъ парня, и отъ дѣвки простоволоски, о черноволоски и русоволоски, и красноволоски, и отъ двоеглазаго, и отъ одногоглазаго, и отъ слѣпаго, и отъ своей лихой думы и мысли, и отъ чужой думы и мысли, и рабъ Божій, которыхъ словъ не доумбю и тѣ слова въ число, которыя слова не лишнія и не нелишнія, и тѣ слова не уменьшаютъ, и тѣ слова ключъ и замокъ отъ земли и до неба, отъ нынѣ и до вѣка, и вѣкъ повѣку. аминь, за аминемъ аминь“.

Приговорить на звѣря, въ мырку, по правому боку провести хвойной три раза и проговорить: Слава Богу, добрымъ людямъ на похвальбу, а завистливымъ на завидость. (*Рук. до-став. крест. Леонтьевымъ*).

Средство къ размноженію пчелъ. Когда ударять къ утрени

на великъ день, быть на колокольнѣ и послѣ перваго удара отломить кусокъ мѣди отъ колокола. Этотъ кусокъ мѣди приносятъ на пасѣку и кладутъ въ передовой улей *).

Тоже. Чтобы пчелы не отлетали и чужія не воровали. Варятъ дурманъ съ тысячелистникомъ, обрызгиваютъ плетень, деревья, строенія съ цѣлю истребить сосѣднихъ пчелъ и отучить своихъ отъ полета, на чужой дворъ **).

Усыплять чужихъ пчелъ. Знахари собираютъ маковыя головки, и варятъ ихъ въ козьемъ молокѣ. Молоко, всосанное залетною пчелою можетъ приучать чужихъ пчелъ къ переселенію.

Соняшница—врачеваніе отъ брюшныхъ болѣзней. Знахарь требуетъ миску, въ которую бы вошло три штофа воды, пеньки и кружку. Миску съ водой ставитъ больной на животъ; пеньку зажигаетъ. Какъ скоро загорится пенька, онъ обматываетъ ею больную. Часто случается, что больная отъ того остается обожженою въ нѣсколькихъ мѣстахъ; раны полученные на тѣлѣ, приписываютъ знахари тому, что чрезъ обожженое этимъ мѣсто, выходитъ болѣзнь, которая тутъ находилась. Пеньку послѣ того кладетъ знахарь въ кружку, а кружку ставитъ въ миску. Въ это время начинаются наговоры, между тѣмъ, какъ больная вопить отъ болѣзни, а окружающіе считаютъ вопль страдальицы удаленіемъ нечистой силы изъ больной. Прочтя наговоры, знахарь даетъ пить эту воду и удаляется ***).

Лѣкарство отъ стени. (Изнурительная сухотка дѣтей, дѣтская дряхлость, *Atrophia infantum*). Для этого больное дитя несутъ въ лѣсъ, ищутъ раздвоеннаго дерева, кладутъ его въ этотъ промежутокъ на двое или на трое сутокъ, сорочку вѣшаютъ на дерево, потомъ вынимаютъ его, и ходятъ трижды девять вокругъ дерева. Послѣ того приносятъ домой, купаютъ въ водѣ собранной изъ девяти рѣкъ, или колодцевъ, обсыпаютъ золою, собранною изъ семи печей, кладутъ на печь. Если дитя послѣ этого засыпаетъ, то это вѣрный при-

*) Сах. Бытъ Р. Н. Томъ I.

***) Тамъ-же.

***) Сахаровъ. Бытъ Русск. Нар. Т. I.

накъ исцѣленія, а если оно кричитъ, то должно умереть. Часто случается, что дитя умираетъ въ лѣсу, оставленное обнаженнымъ, или испускаетъ дыханіе при обливаніи холодною водою.

Съ глазу. Берутъ воды непитой, неотвѣданной никѣмъ, вынимаютъ изъ печи три уголька, достаютъ четверговой соли, все это кладутъ въ стаканъ, дуютъ надъ нимъ три раза, потомъ плюютъ три раза въ сторону. Послѣ сего нечаянно сбрызгиваютъ больного три раза, даютъ три раза хлебнуть, вытираютъ грудь противъ сердца, заставляютъ рубашкою обтирать лицо, а остальную воду выливаютъ подъ притолоку. Нѣкоторые къ этому составу прибавляютъ клочекъ моху, вынутый изъ угла, другіе читаютъ надъ водою молитвы. Этимъ оканчивается лѣченіе съ глазу.

Хлѣбная завязка. Хлѣбная завязка, почитается грозящимъ бѣдствіемъ хозяину той поляны, гдѣ она будетъ замѣчена. Народъ думаетъ, что это сдѣлано злыми людьми на сокрушеніе всего семейства и родни.

Для отвращенія бѣдствія отъ хлѣбной завязки, знахари велютъ хозяевамъ полей брать изъ хлѣба то мѣсто, гдѣ почиваютъ свиньи, положить въ телѣгу, запретъ неѣзжанную лошадь и скакать къ полю во весь скокъ.

Если поклажа упадетъ съ телѣги, то это недобрый признакъ. Пріѣхавши въ поле, надобно накрыть хлѣбную завязку этою поклажею, не касаясь рукою. Прикосновеніе рукою предвѣщаетъ худой сбытъ будущаго хлѣба. Потомъ должно ѣхать не оглядываясь назадъ, иначе нечистая сила свернетъ на сторону голову. Послѣ этого запрягаютъ ѣзжалую лошадь, кладутъ лошадиный навозъ и ѣдутъ къ полю. Такою поклажею обсыпаютъ кругомъ всю повязку.

Зубы лѣчить. Къ числу средствъ въ народѣ существуетъ обычай лѣченія пальцемъ. При этомъ палецъ обмачиваютъ наркотическими ядами и трутъ больной зубъ, или ловятъ крота, умерщвляютъ его указательнымъ пальцемъ, безъ всякаго орудія, приговаривая при этомъ слѣдующій наговоръ: „Кротикъ ты, кротикъ! И пальцемъ своимъ изъ тебя всю кровь испускаю, и имъ больные зубы излечаю“, при чемъ держатъ этотъ палецъ на больномъ зубѣ. Послѣ чего полощутъ утромъ и вечеромъ кислымъ уксусомъ.

Куриная слѣпота. Болѣзнь, поражающая поселянъ, работающихъ передъ огнемъ или на солнцѣ. Названа эта ночная слѣпота „куриною“ будто бы отъ того, что ее напускаютъ злые люди, что она соскабливается ножомъ, которымъ зарѣзываютъ старыхъ курицъ и что эту слѣпоту злодѣи пускаютъ по вѣтру, кому хотѣть отомстить. Такое заблужденіе легко объяснить. Органическо-динамическія вліянія природы, непонятныя простолюдинамъ, производятъ *ночную слѣпоту* — *Hemera lopia* — названной „Куриною“. Люди, страдающіе куриною слѣпотою, по совѣту знахарей, выходятъ въ лавку, нагибаются надъ дегтярною кадучкою, и при этомъ говорятъ слѣдующій наговоръ:

„Деготь! деготь! возьми отъ меня куриною слѣпоту, а мнѣ дай свѣтлые глазушки“.

Народъ думаетъ, какъ говоритъ г. Сахаровъ, что деготь приходится съ родни куриной слѣпоты, и только изъ жалости беретъ къ себѣ бродягу — слѣпоту подъ свое попеченіе. Послѣ сего, больной долженъ идти на перекрестокъ, съѣсть на дороге и искать что нибудь. Если его кто нибудь изъ проходящихъ будетъ спрашивать, то онъ долженъ сказать: „Что найду, то тебѣ отдамъ“, потомъ утираетъ рукою глаза и махаетъ на проходящаго. Отъ исполненія этого обряда, исчезаетъ Куриная слѣпота.

Морозъ. Въ деревняхъ думаютъ, что неурожай льна, овса и конопли происходятъ отъ мороза; морозъ же олицетворяютъ слѣдующимъ повѣрьемъ:

Старина наша сохранила понятіе о баснословномъ происхожденіи мороза отъ злыхъ духовъ. Зимой, когда установятся сильныя морозы, злымъ духамъ становится тѣсное житье. Въ это время они налетаютъ на бѣлый свѣтъ, бѣгаютъ по полямъ, и дуютъ себя въ кулакъ. Отъ такой прогулки морозъ сдавливаютъ снѣгомъ жито, отъ пятокъ духовъ отдается трескъ и отъ подутія въ кулакъ бываетъ или вѣтеръ съ мятелью, или иней садится на дерево. Для отвращенія сего зла, знахари выдумали проклятіе на морозъ съ совершеніемъ обряда.

Подъ великъ день, поселяне, наученные знахарями, приступаютъ къ заклятію мороза. Старикъ семейства беретъ ложку

овсянаго киселя, влѣзаетъ съ нимъ на печь, просовываетъ голу въ волоковое окно, и тамъ говоритъ: „Морозъ! Морозъ! приходи кисель вѣсть. Морозъ! Морозъ! не бей нашъ овесъ, ленъ да канани, въ землю вколоти“. Окончивъ эти слова, онъ оборачивается въ избу и старшая изъ женщинъ въ домѣ, оканчиваетъ его водою, въ то самое время, когда онъ слѣзаетъ съ печи. Старушки увѣряютъ, что проклятіе, высказанное старикомъ на ленъ и конопли, замираетъ на его устахъ отъ воды. Морозъ же удовольствованный киселемъ, не убиваетъ ни льна, ни конопли, ни овса.

НАРОДНЫЙ ЦВѢТНИКЪ.

Въ народѣ и до сихъ поръ существуетъ убѣжденіе въ волшебномъ свойствѣ растений. Нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ въ народѣ, а не въ ботаникѣ.

Волшебный горохъ *). Возьмите и убейте весною змѣю, разрѣжьте ей брюхо, и положивъ въ брюхо три горошины, заройте въ землю. Когда выростетъ цвѣтъ, то сорвите его въ полночь или въ полдень, закатайте его, будучи въ чистотѣ сами, въ воскъ и положите въ ротъ; то вы можете узнавать, что у каждаго человѣка на умѣ.

Калина считается полезною относительно своего сока, которымъ нужно примачивать раны на тѣлѣ.

Папоротникъ, папороть, кочедыжникъ. Папоротникъ принадлежитъ къ тайнобрачнымъ растеніямъ, и потому къ такимъ, которыя не носятъ цвѣта. Между тѣмъ баснословное преданіе приписываетъ ему цвѣтокъ серебристаго вида, чрезвычайно блестящій, напоминающій собою огонекъ. Цвѣтеніе продолжается въ полночь не болѣе часа.

Этотъ цвѣтъ, по народному вѣрованію, очень полезенъ тѣмъ, кто желаетъ быть умнымъ и богатымъ; разумѣется, какъ ни быть ему богатымъ и мудрымъ, кто можетъ ухитриться до того, чтобы сорвать цвѣтокъ съ такого растенія, на которомъ никогда его не бываетъ. Проще всего что это свѣтлякъ, то есть червякъ, издающій въ ночную пору фосфорическій свѣтъ.

*) Лѣт. Русск. Лѣт. Томъ IV. 1862 г.

Взявшій, то есть сорвавшій этотъ цвѣтокъ, долженъ бѣжать домой не оглядываясь, несмотря на преслѣдованіе его чертами, которые непременно будутъ бѣжать и кричать ему, чтобы онъ воротился. И вообще стараются страшнымъ образомъ. Обернувшійся погибаетъ задушеннымъ или станетъ безумнымъ.

Поступаютъ такъ: въ Ивановъ день, достигнувъ куста папоротника (папороти) или Иванова цвѣтка, собиратель долженъ вокругъ куста на землю подослать бѣлой бумаги или холста, очертить вокругъ себя лучиной обгорѣлой кругъ и наблюдать предварительно сказавъ: Талантъ Божій, судъ Твой, и потомъ затѣмъ прочитать: „Да воскреснетъ Богъ“. Цвѣтокъ этотъ употребляется также: для отысканія кладовъ, предъ такимъ цвѣткомъ открываются клады безъ препятствія, дѣлаются невидимкою, имѣть власть надъ чертами.

Плакунъ трава. Трава Плакунъ пользуется во всѣхъ деревняхъ и селахъ уваженіемъ и страхомъ. Чародѣи создали объ ней особенный мнѣнъ противный религіи и оставили обряды, достойной сожалѣнія.

Чародѣи собираютъ Плакунъ траву въ Ивановъ день, утреннею зарею безъ всякихъ желѣзныхъ орудій, выкапываютъ ея корень. Простолюдины полагаютъ, что это растеніе обладаетъ удивительною силою: приводитъ въ страхъ нечистыхъ духовъ, смирать ихъ и приводитъ въ покорность. Этою силою обладаютъ только корень и цвѣты. Знахари употребляютъ корень Плакуна для изгнанія домовыхъ, вѣдьмъ и нечистой силы, стерегущей кладъ *). Этой травѣ приписываютъ, что она заставляетъ плакать нечистыхъ духовъ, отъ чего и получила названіе. Когда будешь при себѣ имѣть сію траву, то всѣ непріязненные духи ей покоряются. Она одна въ состояніи выгнать дѣдушекъ домовыхъ, кикиморъ и прочихъ, и открытъ приступъ къ закланію кладу, который стерегутъ нечистые духи **).

Съ горестью упоминаемъ о суевѣрїи нашихъ поселянъ надъ этою травою. Можетъ быть наши слова дойдутъ до тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ хоть нѣкоторое вліяніе на массу народа,

*) Сахаровъ. Сказ. Русскаго Народа. Т. I. Чернокижїе.

***) См. Абевега. Русск. Суевѣрїй.

извѣстнаго или подвѣдомственнаго кружка, или области. Наши суевѣры до того простерли свою дерзость, что раскрытіе ихъ проказъ невольно приводитъ въ негодованіе. Выкопавши траву Плакунъ съ корнемъ, являются въ церковь, стараются съ сею травою стоять въ алтарѣ, держа въ рукѣ корень, обращенный на востокъ. Въ это время производятъ заговоръ:

„Плакунъ, Плакунъ! Плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало, не катись твои слезы по чистому полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшень злымъ бѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ кіевскимъ. А не дадутъ тебѣ покоряться, утопи ихъ въ слезахъ; а убѣгутъ отъ твоего позорища. замкни въ ямы пренсподнія; будь мои слова при тебѣ крѣпко и твердо. Вѣкъ вѣковъ!“

Для нихъ бываетъ недовольно сихъ вздорныхъ словъ; они издумали еще однимъ образомъ придать особенную силу этой травѣ, о которомъ невозможно и упоминать. По словамъ г. Сахарова, эти заклинанія и самое понятіе о травѣ Плакунъ польскаго происхожденія и внесено въ наши народные цвѣтники во времена самозванцевъ.

Трава колюка. Трава *Колюка* собирается чародѣями въ Петровки, во время вечерней росы, засушивается, хранится въ коровьихъ пузыряхъ и раздается по особенному расположенію птичьимъ охотникамъ. Поселяне думаютъ, что ружье окуренное этою травою, мѣтко стрѣляетъ, и что ни одна птица не ускользнетъ отъ его выстрѣла и, что такое ружье нельзя заговорить кудеснику никакимъ заговоромъ *).

Адамова голова. Трава, Адамова голова находится въ большомъ уваженіи у поселянъ. Чародѣи, какъ и папоротникъ, собираютъ ее въ Ивановъ день, и хранятъ скрытно до великаго четверга. По народному понятію, чародѣйская сила Адамовой головы простирается только на дикихъ утокъ. Охотники получившіе эту траву изъ рукъ записнаго чародѣя, окуриваютъ всѣ снаряды, употребляемые ими при ловлѣ утокъ, въ великій четвергъ **), не иначе.

Впрочемъ говорятъ также, что тотъ, кто имѣетъ этотъ ко-

*) Смотри. Сахарова. 1) Быть Русс. Нар. 2) Абевага русс. суевѣрій.

**) По Сахарову. Быть Русс. Нар. Червокижје. См. Абевага русс. суевѣрій стр. 3.

рень, вездъ бываетъ главою, душою общества, и будетъ распоряжаться прочими *).

Крапивное коренье. Накопай крапивнаго коренья, изсуши, истолки, просей ситомъ, натрай лицо, руки и ноги — и не озябнетъ **).

Трава козлецъ. Возьми дрова и наклади жару въ избѣ, и на тотъ жаръ положи козлецу травы снопъ и запечатай, ино съ того духу помрутъ клопы ***).

Корень свеклы. Свари корня свеклы въ водѣ и тою водою поливай стѣны. Аще хочешь изморити, истопи избу ясневыми дровами, да вмѣси въ печь конопляныхъ головницъ, какъ поспѣютъ.

Трава Галанъ. Трава Галанъ тепла, суха и пригодна, имѣетъ въ себѣ много силы: хочешь кровь пускати, возьми Галанъ въ ротъ свой, своей силою выганиваетъ. А кто его ввечери порану тѣл, и съ виномъ земскимъ держалъ, тотъ отъ женокъ испорченъ не будетъ. Аще у кого языкъ болитъ, порохомъ тое же травы мажь. Аще которая рана вельми гниетъ, того же пороху смѣшай съ медомъ, преснымъ, приложить на рану и уздравливаетъ, и сушитъ ****).

О чеснокъ. Отъ духа чесноковаго бѣгаетъ всякъ гадъ, которой ядовитой. Кто такъ грызетъ, вельми вредительно есть очамъ. А кто пріемлетъ по разсужденію, того да глисты и змѣи и жабы изнутри выганиваетъ. Чеснокъ въ маслѣ изжженъ двевяннымъ и тѣмъ пользуетъ елеемъ по укушенію ядовитаго звѣря, гдѣ на тѣлѣ не будь *****).

Составы пластырей. 1) *Спускъ малхану живучему.* Масло коровья два жеребья, ветчины сала жеребей, сѣры пихтовой жеребей, меду преснаго жеребей—спусти вмѣсто въ горшкѣ, на огнѣ растопить, да процѣдить сквозь платъ. 2) *О малханъ мноучемъ.* а) Сала ветчиннаго два жеребья, смолы жеребей, муки ржаные положить немного, и согрѣти на огнѣ въ гор-

*) См. Таинств. Чары. Стр. 117.

***) См. прилож. ко 2 книж. Пермс. Сбор.

****) Тоже.

*****) См. прилож. къ Перм. Сбор. 1860 г.

*****) Тоже.

шечкѣ все вмѣсто. б) Воску краснаго жеребій, сала ветчиннаго жеребей, смолы противъ всего того положить и стопить все вмѣсто. 3) *Спукъ зелью шепотному*. Масла коровья фунтъ, квашеннаго сала, или коровья топленнаго осмой жеребей фунта, сала ворвань 10 золотниковъ, да коневаго калу свѣжаго жечи къ черепу на огнѣ въ бѣлый пепель,—положить четверть малой гривенки, да бити въ ставу на дню гораздо какъ смѣтана густа и въ теплѣ не держать *).

Противъ плышности. Аще у кого на головѣ волосъ нѣтъ, возьми коневью брюшину и сожги въ пепель, да истолокши просій мелко, столкши съ деревяннымъ масломъ, и мажь голову гораздо, да увяжи платомъ, — ино у человека волосы наростутъ **).

Тоже. Коневій калъ, да козевій калъ истолки съ деревяннымъ масломъ, мажь голову гораздо, обвяжи платомъ, въ три дня волосы выростутъ (?).

Отъ рябинъ на лицѣ. Мазать саломъ волчьимъ, ино сгонить, у кого—видѣніе (лицо) рябо и угриловато.

Тоже. Колосъ (а?) пшеничной (аго?) цвѣтъ утри мелко и смѣшай съ бѣлокъ яичной, доспѣй, какъ масть, (то-есть мазь) и мажь—видѣніе рябе будетъ гладко.

Тоже. Возми мозгъ оленей изъ голеней, мажь видѣніе. Платъ новый избери и тѣмъ платомъ росу снимай со пшеничнаго колоса и той росой мой видѣніе рябое и угриловатое. Дрожжи медвяныя мазати.

Черныіе волосъ. Варити въ маслѣ орѣшки черныльные и приложити (?) и развести въ теплой водѣ жиденько, вшедѣ въ баню не подать пару, вымыти борода на чисто высушить и вытирать да пытатъ то зелье въ борода и въ платъ, да посѣдѣтъ (то-есть посинѣтъ) чтобъ не выпустить, да пытатъ рукою не чернить ли руки, въ тѣ волосы вошли (вошло?) ли да вымой водою ***).

Трава Прикрышъ. Трава Прикрышъ собирается чародѣями отъ 15 августа до 1 октября. Люди свѣдующіе въ чарованіи

*) См. прил. Перм. Сбор. 1860 г.

**) Тоже.

***) Приб. въ 2 кн. Пермс. Сборника за 1860 г. стран. XXXVI.

употребляютъ эту траву противъ свадебныхъ наговоровъ. Когда невѣсту привезутъ изъ церкви въ жениховъ домъ, тогда знахарь забѣгаетъ впередъ и кладетъ траву Прикрышь подъ порогъ. Невѣста, предупрежденная впередъ родными о дѣйствіи знахаря, при входѣ въ домъ должна перепрыгивать чрезъ порогъ, если же она наступитъ на эту траву, тогда всѣ эти наговоры обрушиваются надъ невѣстинуою головою; въ противномъ же случаѣ жестокое ихъ дѣйствіе обнаруживается надъ людьми, желавшими несчастья новобрачной четъ *).

Одоленъ трава. Корень этого растенія держать въ домѣ очень хорошо; по мнѣнію простонародья, кто имѣетъ его въ домѣ, въ силахъ преодолѣть разныя препятствія; съ нимъ можно ходить по разнымъ судебнымъ учрежденіямъ, чтобы выиграть тяжбу, съ нимъ можно побѣдить сердце молодой дѣвушки. Хорошо съ него поить коровъ во время теленія.

Сонъ-трава. Эта трава собирается чародѣями въ маѣ мѣсяцѣ при желто-голубомъ цвѣтеніи, съ разными обрядами и наговорами. Поселяне полагаютъ, что она обладаетъ пророческою силою—предсказывать людямъ во время сна, добро и зло. Собранныя чародѣемъ съ утреннею росой, опущенная въ холодную воду, она вынимается при полнолуніи и начинаетъ шевелиться. Въ это время поселянки кладутъ Сонъ траву подъ подушку и засыпаютъ со страхомъ и надеждою.

Трава Тирличъ. Трава Тирличъ собирается подъ Ивановъ день на Лысой горѣ, близъ Днѣпра, подъ Кіевомъ. Поселяне думаютъ, что эта трава обладаетъ возможностью превращенія и достается въ удѣлъ однимъ вѣдьмамъ. Изъ Тирлича, выжимается сокъ, которымъ вытираютъ оборотни свои подмышки, при совершеніи чаръ. Вѣдьмы, духи-оборотни проникательные, зная свойство этой травы, стараются истребить еѣ. Кудесники и чародѣи дорожатъ Тирличемъ, какъ сокровищемъ.

Петровъ крестъ. Корень этого растенія обыкновенно принимается суевѣрами за сильное средство для одолѣнія демонской вражьей силы. Если кто несчастливо или неудачно живеть, то совѣтуютъ этотъ корень носить на крестѣ закатан-

*) Сахаровъ. Сказ. Русс. Народа. Т. I. 1841 г. Ст. Чернокижіе, стр. 42.

нымъ въ видѣ порошка съ воскомъ, отъ свѣчей стоявшихъ во время молебна предъ Спасителемъ и Богоматерью.

Разрывъ трава, иначе *прыгунъ*, *скакунъ*. Это растеніе столь рѣдко, что люди только посвященные въ таинство чернокнижія, могутъ находить его. Поселяне думаютъ, что тотъ, кто имѣетъ цвѣтъ Кочедыжника, то есть папоротника, у кого есть корень Плакуна, то всегда можно поздравить съ обладаніемъ этой драгоценной травы.

Чародѣи приписываютъ этой травѣ, разныя свойства: разрѣзывать и разрушать желѣзо, сталь, золото, серебро, мѣдь, на мелкіе клочки. Въ народныхъ преданіяхъ доселѣ есть повѣріе о кладахъ, скрываемыхъ по разнымъ мѣстамъ. Въ старину, говорятъ старики, разбойники зарывали награбленное имущество на извѣстное число лѣтъ, запирали желѣзными ключами, а ключи бросали въ воду. Сила человѣческая недостаточна бываетъ для разрушенія дверей и замковъ; потому, что нечистая сила, которой поручено стеречь кладъ, защищаетъ его своею спиною. Кладкопатели издерживаютъ большія деньги для полученія Разрывъ травы *).

Эта таинственная и баснословная трава, достается человѣку слѣдующимъ образомъ: Отыскиваютъ гнѣздо черепахи, и выжидаютъ времени, когда черепаха, оставивъ гнѣздо съ яичами, уйдетъ изъ него. Тотчасъ же не медля, гнѣздо огораживаютъ желѣзными гвоздями, вколотивъ ихъ въ землю и устроивъ такой тынъ, удаляются, чтобы черепаха не могла видѣть непріятеля. Въ извѣстное время черепаха подползаетъ къ гнѣзду и видитъ, что при всѣхъ ея усиліяхъ она не можетъ взойти въ свое гнѣздо, тогда она удаляется на нѣкоторое время и затѣмъ возвращается обратно къ гнѣзду, съ травою ворту, отъ прикосновенія съ которой каждый гвоздь вылетаетъ. Тогда наблюдатель подходитъ уже смѣло къ гнѣзду, беретъ траву и врѣзываетъ ее въ ладонь лѣвой руки, а не правой, иначе тогда ему нельзя будетъ держать въ правой рукѣ оружіе. На основаніи свойства этой травы, тѣ арестанты не могутъ быть заключены въ темницу, которые имѣютъ эту траву, и освобождаются.

*) Сахар. Сказ. Русс. Народа. Томъ I. Чернокнижіе

Трава Не чуй-вѣтеръ. Эта трава, по сказанію чародѣевъ, растеть зимою по берегамъ и озерамъ. Простолюдины думаютъ, что тотъ, кто обладаетъ этою травою, всегда можетъ: Остановить вѣтеръ на водѣ, избавить себя и судно отъ утопленія, наконецъ ловить рыбу безъ неводовъ. День для собиранія травы Не чуй вѣтеръ назначается у поселянъ 1-го января, подъ Васильевъ вечеръ, въ глухую полночь. Они думаютъ, что въ это время нечистая сила, прогуливаясь по озерамъ, и рѣкамъ, бросаетъ траву Не чуй-вѣтеръ для уничтоженія бури. При всемъ томъ люди зрячіе не могутъ находить это растеніе; одни только слѣпые отъ рожденія чувствуютъ присутствіе его. Когда они, наступаютъ на эту траву, тогда ихъ слѣпые глаза кто-то колетъ иглами. Если они умѣютъ поднять и схватить ихъ не руками, а ртомъ, тогда они обладаютъ ея силою.

Разсматривая возможность полученія этой травы, одними только слѣпыми, мы смѣло можемъ сказать, что изобрѣтатели этого чарованія суть слѣпцы, бродящіе по деревнямъ, кочующіе всю жизнь насчетъ ближняго. Довѣренность къ словамъ слѣпыхъ людей, и жалкое состояніе привлекли на ихъ сторону сердца простодушныхъ поселянъ. Вотъ гдѣ возникло вѣрованіе въ траву, Не чуй-вѣтеръ, принимаемое всѣми поселянами.

Девясилъ (*epula comrapea*). Если это растеніе сорвать наканунѣ Иванова дня, до восхода солнца, высушить эту траву и истолочь и смѣшать съ роснымъ ладономъ, то послѣ нужно сдѣлать ладонку, носить не снимая на тѣлѣ девять дней, а потомъ зашить въ платье любимой особѣ, чтобы это было ей не вдомекъ. По увѣренію крестьянъ и другихъ простолудиновъ, дѣйствіе девясила отъ того велико, что онъ заключаетъ въ себѣ девять силъ.

Подсолнечникъ. Это извѣстное всѣмъ растеніе, будучи сорвано въ августѣ и завернуто вмѣстѣ съ волчьимъ зубомъ, по народному преданію, должно носить при себѣ на поясѣ; вѣрять, что онъ сохраняетъ къ носившему общее доброе расположение и избавляетъ отъ воровъ.

Спорынья, ржаные маточные розжки (*Secal cornit*). Наши крестьяне, пользуясь названіемъ, встрѣчаютъ на колосьяхъ

ржи появляющіеся обыкновенно во время сыраго лѣта черные наросты въ видѣ рожковъ. Эти зернышки крестьяне вообще для спорыньи, въ припекѣ запекаютъ въ хлѣбъ, между тѣмъ, какъ это самый сильный ядъ, отъ котораго можно умереть. или наконецъ пріобрѣсти самые сильные припадки сопровождаемые корчами, нервнымъ разстройствомъ, криками, стопами, тоскою, и даже онѣмѣніемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла. Эта болѣзнь называется рафанія, или *злая корча*. Поэтому, въ такихъ случаяхъ, нужнѣе всего остерегаться рожковъ и тщательно отдѣляя ихъ, зарывать въ землю, чтобы кому нибудь не попало по вѣтру въ ротъ.

Трава Песій языкъ. Говорятъ, что эта трава, положенная съ сердцемъ лягушки привлекаетъ къ этому мѣсту окрестныхъ собакъ, а носимая подъ пальцемъ ноги, будто бы избавляетъ отъ нападенія собакъ, а повѣшенная на шею собакъ заставляетъ ее вертѣться до смерти. Этой травѣ приписываютъ такое свойство, что если ее положить по всѣмъ угламъ того помѣщенія, гдѣ находятся мыши, то всѣ они разбѣгутся.

Кильная трава. Такая трава известна въ Костромской, Вологодской губерніяхъ: а можетъ быть и въ другихъ сѣверныхъ лѣсныхъ сторонахъ Россіи, которая избавляетъ отъ зоба или отъ килы. Для этой цѣли накаливаютъ кирпичи до красна, кладутъ эту траву на кирпичи и предлагаютъ больному держать лицо надъ дымомъ или парами, исходящими отъ накаливашейся травы, и прикрываютъ этого больного сверху наглухо и такъ, чтобы пары эти, какъ можно болѣе поглощались ртомъ *).

Трава Жельзнякъ. Говорятъ, будто порошокъ этой травы брошенный между разговаривающими, производитъ ссору.

Сѣмена розановъ. Сѣмена розановъ повѣшенныя съ сѣменами горчицы и съ ногою ласки, будто бы лишаетъ плодовое дерево его плодовъ.

Чернобыльникъ. Въ первыхъ числахъ сентября, или въ концѣ августа, нужно нарвать чернобыльника и зашить въ шкуру

*) Слышано М. Евстигнѣевымъ отъ мельника, въ имѣніи г. Лугинина. Въ Костр. губ. Ветлужск. уѣзда.

молодаго зайца, которую, если носить въ видѣ подвязки, то говорятъ, что человекъ пріобрѣтетъ такую ловкость на бѣгу, что можетъ бѣжать скорѣе лучшей лошади.

Бузина. Бузиной трости приписываютъ волшебное свойство оберегать и защищать путника отъ опасныхъ звѣрей и злыхъ людей, для сего совѣтуютъ поступать такъ:

Наканунъ праздника „всѣхъ святыхъ“ срѣзать бузиновую трость желаемыхъ размѣровъ, и съ нижняго конца выдолбить мягкую сердцевину и въ эту пустоту положить волчьи глаза, языки отъ трехъ зеленыхъ ящерицъ, сердце собаки и три ласточкины сердца, все это превращенное въ порошокъ должно положить въ сказанную пустоту. Къ этому порошку нужно прибавить порошка желѣзняка и прикрыть желѣзнымъ набалдашникомъ.

Ятрышникъ. Кукушкины слезы. По народному преданію ятрышнику приписываютъ свойство дѣлать бѣгу лошади быстрымъ и неутомимымъ; для этого къ овсу нужно примѣшать горсть Ятрышника, изрѣзаннаго въ мелкіе кусочки и предъ тѣмъ временемъ, какъ ей нужно бѣжать, смазать брюхо и ноги оленьимъ жиромъ, а на шею привѣсить два волчьихъ зуба *).

Крапива. Крапива, по народному преданію, одарена своимъ опредѣлять, или лучше угадывать, будетъ ли больной жить или умереть? Для этого, только что въ отлитую больнымъ мочу, положить нѣсколько свѣжей крапивы, и дать въ мочѣ крапивѣ мокнуть. Ежели, по истеченіи сутокъ, крапива высохнетъ, сожмется и потеряетъ цвѣтъ, то больной умереть. Когда же крапива останется зеленою, и какъ бы свѣжею, то больной выздоровѣетъ.

Крапива также употребляется въ простонародіи отъ ломотнаго ревматизма, простуды... Для этой цѣли крапиву вяжутъ въ вѣники и нажигаютъ, (сѣкутъ, нахлестываютъ) больное мѣсто. Для этого употребляютъ всегда свѣжую крапиву только что сорванную **).

Петунія. (Петуней). Это извѣстное садовое растеніе. Ему

*) См. Таинств. Чары.

**) Тутъ дѣйствуютъ эфирное масло и муравьиная кислота.

приписываютъ свойство сохранять отъ опьянѣнія, что очень важно было бы для людей, много употребляющихъ спиртные напитки. Говорятъ, что для этой цѣли стоило только предъ отправленіемъ на балъ, или на званый обѣдъ, на ширушку, принять двѣ ложки порошка этой травы и запить ложкою оливковаго масла.

Трава Чистотѣль. По народному понятію, если эту траву носить кому нибудь при себѣ, тотъ человекъ будетъ всегда жить со всѣми въ мирѣ и правымъ на судѣ.

Ноготки. Ноготкамъ придается такое же значеніе, какъ и Чистотѣлю; аррагонскій король Іоаннъ совѣтуетъ присоединить къ этому волчій зубъ и, завернувъ въ лавровые листы и въ матерію изъ голубаго шелка, носить при себѣ.

Любовныя яблоки. Это такія яблоки, чрезъ которыя можно снискать вниманіе и любовь желанной особы. Дѣлается это очень просто: стоитъ только разрѣзать яблоко пополамъ, въ средину его положить записку съ именемъ любимой особы и выложить на солнопеку. Будто бы по мѣрѣ того, какъ яблоко будетъ сохнуть, будетъ страдать и любимая особа.

Трава Блекота. Этой травѣ приписываютъ такія могущественныя свойства, что кто держитъ ее въ рукѣ, то не боится никакой опасности. Она же можетъ, будучи брошена въ воду, привлекать рыбъ и дѣлаетъ ихъ ручными.

Дурманъ. (Datura). Растеніе это произрастающее близъ мѣсть, куда сваливаютъ всякую нечистоту, или гдѣ есть много труповъ, содержитъ въ зернахъ своихъ одуряющій (наркотическій) ядъ. Такъ, какъ онъ дѣйствуетъ на мозгъ и глаза, съ расширеніемъ зрачковъ на послѣднихъ; на мозгъ же дѣйствуетъ такъ, что притупляетъ его постоянную разумную дѣятельность и развиваетъ ложное воображеніе до того, что производитъ разныя видѣнія, это и побудило, какъ средневѣковыхъ алхимиковъ на западѣ, такъ и нашихъ знахарей и чародѣевъ употреблять его, какъ средство для исполненія какихъ либо хитрыхъ замысловъ; а мошенники нашего времени употребляютъ его, какъ средство легко и скоро обобратъ простяка. Нѣкоторыя вѣтренныя жены употребляли это средство, чтобы усыпить бдительность мужей. Послѣ приема этого дурмана, свѣтъ дѣлается утомительнымъ, и они ясно видятъ въ темнотѣ, при-

чемъ всѣ предметы увеличиваются въ своихъ размѣрахъ. Химически можно извлечь ядъ *датуринъ* *).

Сонная одурь, белладонна. (Atropa belladonna). Ягода этого растенія, черная и блестящая, много похожа на вишню, отчего въ деревняхъ дѣти часто наѣдаются плодами этого наркотическаго растенія, считая ихъ лакомыми ягодами. Вкусъ корня и листьевъ белладонны остры и горьковаты. Она, какъ и дурманъ, производитъ, смотря по темпераменту, веселый и пріятный бредъ. Оказывается при большихъ приѣмахъ — спячка и слабость членовъ. Всѣ предметы также кажутся увеличивающимися, сообразно настоящаго размѣра, такъ напримѣръ: лужа кажется — озеромъ, соломинна — бревномъ; если капля бълени или дурмана будетъ пущена въ глазъ, тѣ же явленія для глазъ. Изъ дурмана получается сильный ядъ *атропинъ* **).

Мухоморъ. Мухоморъ по своимъ дѣйствіямъ ядовитъ, какъ сильное наркотическое средство, которымъ, впрочемъ, не брезгаютъ инородцы; мухоморомъ, или настоемъ изъ мухомора, протравляютъ бумагу и употребляютъ для окармливанія мухъ. Въ восточной Сибири употребляется инородцами, для настаиванія водокъ, который производитъ въ большихъ приѣмахъ смерть, но въ малыхъ—дѣлаетъ человѣка веселымъ, или грустнымъ, смотря по темпераменту.

Блѣнное масло. Блѣнное масло употребляется снаружи, какъ болеутоляющее средство. Но однако нужно масло держать все-таки закупореннымъ, чтобы оно не выдѣляло удушливый газъ своего эфирнаго масла. Говорятъ, что оно, разнося по воздуху эфирныя начала, причиняетъ какое-то раздраженіе въ человѣкѣ, отчего онъ ищетъ причины къ ссорѣ; особенно это происходитъ въ теплой комнатѣ, или еще хуже, если будетъ сохраняемо въ печи, и этимъ масломъ будетъ мазать больной свои больныя части. Говорятъ даже, что отъ натиранія этимъ масломъ, этотъ человѣкъ во снѣ летаетъ по воздуху.

Тминное и анисовое масла. Въ Англіи нашли, что запахъ этихъ маселъ очень нравится подпольнымъ обитателямъ, какъ-то: мышамъ, крысамъ и хорькамъ. Эти средства даже стали

*) Сообщено Евстигнѣевымъ.

***) Тоже.

употреблять для приманки этакого рода животныхъ, съ цѣлью уничтоженія.

Общее заключеніе.

Если мы доставили мало матеріаловъ, для своего цвѣтника, то извиняемся тѣмъ, что размѣры нашего сборника по своей разнообразности не допускаютъ развитія, въ излишкахъ одной части предъ другой. Мы очень хорошо понимаемъ, что русская народная поэзія полна вымысловъ, въ которой зачастую затушована святая истина, до которой можно добраться только путемъ науки, и тогда легко разъяснить все, что понадобится; но, къ сожалѣнію, свѣдѣній весьма мало и они далеко не розысканы, а между тѣмъ было бы весьма не дурно для полноты изученія нашего народнаго быта, какъ пособника исторіи, развить этими путями такія дорогія свѣденія, какъ наша народная медицина и народная ботаника обогащенная самыми чудесными врачеваніями и волхованіями, и когда только ихъ силы и дѣйствія были бы хоть сколько нибудь изслѣдованы, то можетъ быть многое оказало бы вещественную пользу.

К Л А Д Ы.

Кладомъ называется сокровище, зарытое въ землѣ. Встарь, какъ извѣстно, некуда было прятать или отдавать подъ вѣрное обезпеченіе сокровища, во время отъѣзда, или изъ опасности грабежа со стороны непріятели, или бродягъ, разбойниковъ, скитавшихся по Россіи шайками. И богатства полученныя изъ земли ввѣряли ей же подъ сохраненіе. Эти богатства преимущественно состояли изъ пріобрѣтеннаго золота или серебра въ монетахъ и вещахъ, и рѣже въ драгоценныхъ каменяхъ.

Если припомнить только, какъ пытали разбойники богатыхъ людей огнемъ, то легко понять и то, что болѣе злой обладатель богатства съ своей стороны принималъ всѣ мѣры, и хоронилъ ихъ, какъ можно лучше и потайнѣе, то просто, то съ зарукомъ, то есть съ заклинаніемъ, иначе съ завѣщаніемъ (словеснымъ заговоромъ) на имя какого нибудь лица или че-

ловѣка, а часто на такого человѣка, которому попадется записать или бумажное завѣщаніе, въ которомъ между прочимъ описано мѣсто, гдѣ положенъ кладъ. Случается и такъ, что завѣщатель при зарываніи клада дѣлаетъ заклинаніе, что кладъ этотъ зарывается на столько-то головъ, значитъ достанется тому, кто будетъ изъ числа пытавшихся взять кладъ, сверхъ означеннаго числа лицъ. По понятію кладовщиковъ, кладъ положенный на столько-то головъ (наприм. „на сорокъ головъ“) причиняетъ сорока кладоискателямъ смерть, а сорокъ первый кладоискатель получаетъ кладъ безпрепятственно. Рассказываютъ, что клады показываются по ночамъ, въ видѣ свѣтлыхъ огоньковъ надъ тѣмъ мѣстомъ гдѣ кладъ схороненъ, и обыкновенно въ ночное время, иногда въ видѣ свѣчи горящей; также, говорятъ сторожилы, что свѣча показывается горящей предъ иконой. Тутъ нужно сдѣлать ударъ по той вещи и сказать: *аминь, аминь, разсыпья!* И будто кладъ покажется въ видѣ котла, сундука, съ разными драгоценностями и монетами, то въ видѣ боченка, а то иногда многихъ боченковъ. Иногда, говорятъ, кладъ показывается въ пустынномъ мѣстѣ человѣку въ видѣ какого либо животнаго, или птицы, и показывается, кому долженъ достаться этотъ кладъ не однажды и всегда на одномъ мѣстѣ. Тутъ нужно, по словамъ автора „*Абевера*“, имѣть предосторожности, потому, что опытъ взятія клада сопряженъ съ различными опасностями и страхомъ, такъ какъ черти, оберегающіе этотъ кладъ, угрожаютъ опасностью жизни, крича: „*Беи! жи! рѣжь!*“ и потому тотъ, кто пріобрѣтетъ кладъ, долженъ не озираясь назадъ заминить мѣсто, и брать съ собою денегъ, сколько можно. Иногда, случалось, что сокровища клада можно выбрать въ нѣсколько разъ, но иногда случалось, что все въ первый разъ взятое, было и послѣднимъ. Послѣ того кладъ не открывался.

Одинъ крестьянинъ нашелъ кладъ, который ему дался, или открылся, взявъ съ собою денегъ сколько могъ и ушелъ, замѣтивъ мѣсто и сказалъ между прочимъ кладу, что онъ по истеченіи такого то (сказалъ время) возвратитъ деньги. Такъ и случилось, онъ принесъ въ свое время, и возвратилъ деньги въ кладъ. Такъ повторился заемъ нѣсколько разъ. Только однажды крестьянину не удалось этого исполнить въ срокъ, хотя онъ

и произвелъ уплату, но спустя нѣсколько времени. Чтоже? Кладъ болѣе не открывался крестьянину. Да и самъ онъ потерялъ все, что приобрѣлъ при щедрости клада.

Клады Стеньки Разина. Разина считаютъ колдуномъ, и вотъ какъ описываютъ о немъ: *).

Памятенъ Стенька народу. Исторія рассказываетъ о немъ одно, совсѣмъ другое говорятъ народныя преданія. Въ нихъ онъ и богатырь, и чародѣй.

Еще до Разина, услышите на Волгѣ, Ураковъ разбойничалъ, только давно уже это было. Стенька, совсѣмъ мальчишкой, лѣтъ пятнадцати въ шайку къ нему пошелъ изъ Ярославля, и въ кашевары поступилъ. Скоро не поладилъ онъ съ атаманомъ. Идетъ разъ судно купеческое, Ураковъ и хотѣлъ остановитъ, а кашеваръ кричитъ: „Брось, не стоитъ: бѣдно!“ Тотъ и пропустилъ. Идетъ другое, Стенька опять кричитъ: Бѣдно! брось! Пропустилъ атаманъ и это судно, озлился на Стеньку и ударилъ въ него изъ пистолета, а Стенька хоть бы пошатнулся, вынулъ пулю, да назадъ и подаетъ; возьми, говоритъ, пригодится другой разъ. Ураковъ со страху на земь упалъ, а шайка, въ разсыпную; потому, такого чуда ей видѣть и не доводилось. Послѣ того Стенька Уракова разряженнымъ пистолетомъ застрѣлилъ, и самъ атаманомъ сталъ. И пошелъ Стенька разбойничать, да вольничать... Ему все нипочемъ, все одно—царскія ли, купеческія ли суда идутъ—со всѣхъ бралъ положенное. Вотъ и шлетъ ему разъ царь строгій спросъ: Зачѣмъ ты Стенька мои царскія суда грабишь? А Стенька въ отвѣтъ: „Не знаю, Ваше Царское Величество, которыя суда ваши, которыя не ваши“. Тутъ царь на свои-то гербы велѣлъ ставить. Послѣ Стенька долго не трогалъ. Купцы и догадались; давай гербы на своихъ посудинахъ прибавить. Стенька опять безъ разбору началъ грабить, не стало отъ него ходу никому. Царскаго войска онъ не боялся. Шелъ онъ разъ съ войскомъ мимо царева бугра, и велѣлъ каждому по полной шапкѣ земли съ него взять—такъ что чуть—чуть вершинку сняли; ну а у Стеньки, кромѣ людской другая, сила была; онъ себя съ малыхъ лѣтъ нечистому продалъ—не боялся ни пули,

*) См. Нива. 1875 г. 2 марта. XII кн.

ни желѣза, на огнѣ не горѣлъ, ни въ водѣ не тонулъ. Бывало сядетъ въ кошму, по Волгѣ на ней плыветъ. На воздухъ поднимался на ней, потому, что былъ черно книжникъ, глаза умѣлъ отводить. Его въ острогъ посадятъ, да за запоры; а онъ возьметъ уголь, напишетъ на столѣ лодку, спроситъ воды испить, плеснетъ этой водой, рѣка станетъ. Сядетъ въ лодку, кликнетъ товарищей, и ужъ на Волгѣ Стенька. Ничѣмъ убить его нельзя было: отъ всего былъ заговоренъ—ну, и не боялся страху. На что грозный воевода въ Астрахани, а какую надъ нимъ Стенька шутку шутилъ! Пріѣхалъ изъ персидской земли, сталъ ему челомъ бить; что вотъ, молъ, разбойничалъ, а теперъ Царю русскому новую землю покорилъ, отпиши, что прошу отъ него милости. Много Стенька добра всякаго изъ-за моря привезъ. Воевода кричать было началъ, задарилъ его Стенька и разбѣжались у воеводы глаза. Всего то ему хочется: и того и другаго—что ни завидитъ. Понравилась ему шуба, а была она у Стеньки завѣтная. „Поддай шубу! подари!“ нѣшто тебѣ, говоритъ, жалко ея? Грозитъ воевода: „Царю пожалуюсь!“ Отдалъ Стенька шубу, да и молвилъ: „на тебѣ шубу, да чтобы не надѣлала она шуму!“ Такъ и вышло, Стенька послѣ всю Астрахань раззорилъ, а съ воеводы астраханскаго шкуру спустилъ по самыя пятки. И добро сдѣлалъ Стенька, комара не заклалъ. Астраханцы все къ нему приставали: „закляни, да заклани у насъ комара“. „Не заклану, говоритъ, вы же безъ рыбы насидитесь!“ Такъ и не заклалъ. Изъ Персидской земли княжну вывезъ, да и милуется съ ней. Товарищи и давай смѣяться: „Видно“, говорятъ, „она тебѣ дороже насъ стала?—все съ ней возишься“. Такъ что же сдѣлалъ Стенька? Взялъ княжну въ охапку, да въ Волгу и бросилъ, не пожалѣлъ. На, кормилица, говоритъ, ничѣмъ то я тебя не подаривалъ. Стенькѣ все нипочемъ было. Безбожникъ былъ Стенька: грабилъ онъ съ своей шайкой и обители святыя—монастыри, на все Богъ Стеньку попускалъ, только разъ остановила его Казанская Божія Матерь. Подошелъ онъ къ Усть-Медвѣдицкому монастырю, на Дону и сталъ требовать съ него откупъ. „Не дадите откупа—раззорю“, говоритъ, и васъ всѣхъ перебью. Просилъ монастырь Стеньку повременить до утра. Ночь накрыла; шайка вокругъ

стѣнь стоитъ, огни развели, спать улеглись. И явилась ночью Стенькѣ во снѣ чудной красоты женщина, явилась и сказала: „отойди отъ этого мѣста“. Утромъ Стенька пришелъ въ монастырь и требовалъ, чтобы всѣ иконы показали, какія есть. Показываютъ Стенькѣ иконы, все не та. Наконецъ, сыскали одну греческаго письма.—Икона Казанской Божіей Матери.—Взглянулъ Стенька и въ ней узналъ ту женщину, что ночью во снѣ видѣлъ.

Зазрела Стеньку совѣсть, помолился онъ Владычицѣ, монастырь наградилъ и ушелъ, ничего не тронулъ.

Послѣ опять Бога забылъ, и много погубилъ христіанскихъ душъ; дворянъ больно не любилъ Стенька, мучилъ ихъ всячески, а въ Астрахани Архіерея съ колокольни сбросилъ. Прокляли за это Стеньку на всѣхъ соборахъ, а послѣ свои же начальству выдали, да онъ опять бѣжалъ и смерти ему по сію пору нѣтъ, гдѣ пропадаетъ—не вѣдомо. Старые люди сказываютъ, что судно въ горахъ у моря Каспійскаго мучается, видали, говорятъ, его тамъ. Постарѣлъ Стенька, индо мохомъ весь обросъ, выходитъ изъ горъ и все спрашиваетъ у прохожихъ, не умножился ли грѣхъ на Руси? Не сожигаютъ ли сальныхъ свѣчъ за мѣсто восковыхъ? И по другому рассказываютъ—въ Жегуляхъ.

Шло разъ, по Волгѣ судно, а на немъ одинъ бурлакъ хворый былъ. Видитъ хозяинъ, что работать бурлаку не подъ силу, далъ ему лодку и ссадилъ на горахъ. „Иди“ говоритъ „куда нибудь выйдешь, а перевозить я тебя даромъ не хочу; кто тебя знаетъ выздоровѣешь ты или нѣтъ?“ И пошелъ бурлакъ по тропинкѣ въ лѣсъ; еле тащится. Ночь пришла, зги не видать, только впереди огонекъ мелькаетъ. Пошелъ онъ на него, и вошелъ въ землянку; сидитъ въ землянкѣ старикъ, волосатый весь и сѣдой, пресѣдой.

Попросился бурлакъ переночевать, тотъ сперва не пускалъ, а послѣ и говоритъ: „Пожалуй ночуй, коли не боишься“. Прохожіи человѣкъ подумалъ:—чего бояться? разбойникамъ у меня взять нечего. Легъ и заснулъ. Вдругъ просыпается—шумъ, гамъ, крикъ, свистъ и вѣтеръ по лѣсу, и влетѣла въ землянку всякая нечисть. Давай старика мучить, тискать, груди у него сосать, груди у него большія, словно у бабы. Только

зорька черкнула, они и отлетѣли. Передохнулъ и говорить: А знаешь ли, у кого ты ночевалъ, и кто я?—Не знаю, говорить тотъ. Я Стенька Разинъ, великій грѣшникъ—смерти себѣ не знаю, и здѣсь за грѣхи свои муки терплю. У бурлака хворь давно, какъ рукой сняло—стоитъ, слушаетъ старика. Далеча отсюда въ землѣ съ кладомъ вмѣстѣ ружье зарыто, говоритъ Стенька—спрыгъ травой заряжено—тамъ моя смерть. На вотъ тебѣ грамотку! И далъ старикъ записъ на богатый кладъ—зарытъ былъ онъ въ Симбирской губерніи, въ селѣ Шатроманахъ и столько казны въ немъ было, что, по его сказаніямъ, можно было Симбирскую губернію сорокъ разъ выжечь и сорокъ разъ обстроить лучше прежняго. Все было прописано въ грамоткѣ—сколько чего и какъ взять.

Первымъ дѣломъ, надо было икону Божіей Матери, часть денегъ по церквамъ и по нищей братіи раздать, а послѣ взять и изъ ружья выпалить да сказать три раза: „Степану Разину вѣчная память!“ Тогда, въ ту же минуту умеръ бы Стенька и кончились бы его муки, да не случилось такъ: Кладъ бурлаку не дался: человекъ онъ былъ темный, грамотѣ не зналъ, и отдалъ записъ въ другія руки; а грамотники словомъ однимъ обмолвились—кладъ въ землю пошелъ; совѣмъ было до него дорылись, дверь видно было. Передъ тѣмъ какъ согнуть, много успѣлъ Стенька, всякаго добра схоронить. Денегъ дѣвать было некуда. Струги у Стеньки разуукрашены, уключины позолочены, на молодцахъ бархатъ съ золотомъ, дорогія шапки на бекрень сбиты, вдутъ Волгой, пѣсни удалыя поютъ, казной сорять, по буграмъ, да по курганамъ, Стенька казну закапывалъ.

Въ Царицинскомъ уѣздѣ, неподалеку отъ Песковотовки курганъ небольшой стоитъ всего какихъ нибудь сажени двѣ вышины. Въ немъ, говоритъ народъ, заколдованный кладъ положенъ, цѣлое судно, какъ есть полно серебра и золота. Стенька его въ полную воду завелъ его на это мѣсто. Когда вода сбыла—судно обсохло, онъ курганъ надъ нимъ и намѣталъ, а для примѣты, на верху яблонувую палку воткнулъ. Не простой человекъ посадилъ ее: стала палка расти, выросла въ большое дерево и яблоки съ нея были только безсѣмяныя, сказываютъ. Всѣ доподлинно знали, что въ курганѣ кладъ лежитъ, да рыть было страшно; кладъ не простой былъ

положенъ, изъ за кургана каждый разъ кто-то выскакивалъ страшный, прешрашный. Нечистые стерегли Стенькино добро.

Есть еще на Волгѣ Настина гора. Не кладъ въ ней схононень, а Стенькина полюбовница; самъ онъ въ одно время жилъ здѣсь, а Настасья при немъ жила. Уходилъ Стенька куда, и разбойниковъ ставилъ сторожить. Берегъ атаманъ Настасью пуще, глаза да не уберегъ отъ смерти. Умерла дѣвица. Зарылъ ее Стенька на бугръ и закручинился, не знаетъ чѣмъ мѣсто замѣтить, чѣмъ помянуть. А съ бугра все видно; и обозы, и степи, и суда на рѣкѣ. Вотъ видитъ Стенька три воза со стеклами. „Стой, опрастывай! тащи на верхъ!“ Въ степи взять больше было нечего; на Волгѣ, какъ на грѣхъ, тоже не видать ничего. Высыпалъ на бугоръ кучу битаго стекла, чѣмъ и мѣсто замѣтилъ, а возщикамъ въ память отвалилъ не одну мѣру серебра, да по разнымъ дорогамъ и отпустилъ, чтобы они, выходить, другъ надъ другомъ, никакого не сдѣлали. Вотъ какой былъ Стенька! Битаго стекла и сейчасъ много находятъ. На Дону у Стеньки камень былъ, а на Волгѣ бугоръ. Атаманъ на кошмѣ своей то и дѣло перелеталъ съ Волги на Донъ, съ Дону на Волгу.

По правому берегу послѣдней рѣки дѣйствительно много показываютъ Стенькиныхъ бугровъ; чуть покруче, глядишь и его. Народъ самъ забылъ, гдѣ настоящій бугоръ Стеньки Разина и крестить его именемъ, то одинъ, то другой. „Тутъ Стенька, станомъ стоялъ“ говорятъ „вотъ, здѣсь шапку оставилъ“, такъ и зовутъ это мѣсто „Стенькиной шапкой“. На томъ, бугрѣ столничалъ, тамъ кладъ положенъ и зачать.

У всѣхъ этихъ бугровъ есть общія сходныя черты: всѣ они одной крутой стѣной обрываются въ Волгу, а съ сосѣднихъ возвышенностей отдѣляются глубокими ущельями. Недалеко отъ д. Банновки между селомъ Золотымъ, Саратовской губерши и устьемъ большаго Еруслана, обрывъ на Волгѣ носитъ названіе бугра Стеньки Разина.

Одинъ человекъ тамъ не такъ давно пропалъ чрезъ него. Вотъ какъ дѣло было:

Заночевало у Стенькина бугра судно. Одинъ бурлакъ и сталъ у товарищей спрашивать, согласенъ ли кто съ нимъ идти на бугоръ посмотреть, что тамъ есть. Сыскался охот-

никъ, пошелъ. А бурлакъ-то былъ изъ дошлыхъ, хотѣлось ему кладъ добыть. Вышелъ съ товарищемъ на берегъ, да и говоритъ ему: Молчи знай, чтобы тебѣ не померещилось.— Ну ладно. Влѣзли на самую вершину, видятъ: яма не яма, а словно погребъ какой, съ дверью. Спустились туда, въ землянку попали. Въ переднемъ углу предъ иконою, лампадка горитъ и такъ хорошо, что не вышелъ бы изъ нея. Посередкѣ гробъ стоитъ; на гробу три желѣзныхъ обруча и молотокъ большой возлѣ лежитъ да пучекъ прутьевъ желѣзныхъ. А по стѣнамъ чего только нѣтъ? и бочки съ серебромъ и бочки съ золотомъ; камней разныхъ, золота, посуды сколько!.. и все какъ жаръ горитъ.

Помолились бурлаки иконѣ и дока поднялъ молотъ и сбиль обручи съ гроба долой. Крыша у гроба отскочила, вышла дѣвушка—раскрасавица и спрашиваетъ, чего вамъ молодцы надо? Берите всего, чего хотите? Красавица эта была Маришка безбожница. Дока, ни слова не говоря, схватилъ желѣзные прутья и давай ее полосовать, что есть силы. Товарища индо жалость взяла, „что ты, говорить, дѣлаешь? Побойся Бога!“ Только онъ эти слова сказалъ, какъ въ ту же минуту все пропало; подняло его невидимой силой и вынесло на верхъ. Нѣтъ ни ямы, нѣтъ ни двери, только слышалъ изъ подъ земли, какъ крикнулъ кто-то „девятаго“.

Кладъ былъ зачатъ на много человѣческихъ головъ. Отъ страха бурлакъ обезпамятѣлъ, чрезъ силу сползъ со Стенькина бугра и три года былъ безъ языка. Съ той поры не выискивалось охотниковъ, кладъ добывать, потому, кто его знаетъ, насколько онъ головъ положень.

Выше Камышина, верстъ за сорокъ, показываютъ еще бугорокъ Стеньки Разина, а верстъ на восемь выше слободки Даниловки лежитъ ущелье, *Стенькина тюрьма* прозванная *Дурманомъ*. Въ старыя годы, говорятъ, оно было окружено такимъ густымъ лѣсомъ, такой чащей, что плѣнному выдти некуда было, оставалось только кинуться въ воду. И Уранову гору укажутъ вамъ неподалеку отъ колоніи *Добринки*. Это высокій, сажень въ 70 бугоръ, изъ котораго убитый Стенькой Урановъ, говоритъ преданье, сряду 7 лѣтъ послѣ смерти кричалъ зычнымъ головомъ, проходившимъ по Волгѣ судамъ: „При-

во-ра-чи-вай!..“ Гдѣ только не жилъ Стенька,—по рассказамъ! Пещеру его показываютъ и въ Жегуляхъ; толкуютъ про подземный ходъ въ нѣсколько сажень, вырытый имъ подѣ всю лугу. Про Стенькины ходы говорятъ и въ Симбирскѣ.

Народъ помнить про своего неумирающаго атамана и ни о комъ здѣсь нѣтъ столько преданій, какъ объ этомъ удаломъ разбойникѣ—чародѣй—богатырѣ и объ его несмѣтныхъ богатствахъ и кладахъ.

Преданія о кладахъ въ Ветлужскомъ уездѣ, Кост. губ. Мнѣ рассказывали, что по Вятскому тракту въ Верховьяхъ, въ лѣсной мѣстности есть кладъ, который въ этой мѣстности близъ дороги показывается народу въ самомъ очаровательномъ видѣ. Онъ показывается въ видѣ разсыпаннаго на полянѣ золота, въ видѣ монетъ; а также въ видѣ боченковъ съ золотомъ и серебромъ. Рассказываютъ, что нѣкоторые крестьяне проѣзжая мимо, пользовались этимъ золотомъ и богатели отъ того, но набравши одинъ разъ золота, сколько можно, въ карманы, за пазуху, за голенища, не могли уже вторично найти это сокровище, да и мѣста не могли отыскать. Кладъ пропадалъ.

То же. Въ Костромской губерніи *), одинъ крестьянинъ такъ рассказывалъ: однажды ему приснилось во снѣ, что въ извѣстной мѣстности есть зарытъ кладъ, причемъ были рассказаны примѣты, кромѣ того было сказано также и то, кладъ этотъ зарытъ разбойникомъ, у котораго была подруга жизни. Умирая, онъ наградилъ ее такъ, какъ только умѣлъ, чтобы слишкомъ богато обезпечить ея существованіе съ сыномъ ея. Но его богатство было несмѣтно, и зарыто въ землѣ. Умирающій разбойникъ написалъ записку и въ немъ завѣщалъ все свое наслѣдство зарытое въ землѣ внукамъ и дальнѣйшему потомству. Такъ было возвѣщено во снѣ. Крестьянинъ видѣлъ сонъ этотъ три раза сряду и рѣшился попытать дѣйствительно ли существуетъ хоть мѣстность, привидѣвшаяся во снѣ? Мѣстность дѣйствительно была найдена, но какъ ни рылись, не могли найти такого клада. Потомъ крестьянину опять привидѣлся сонъ, гдѣ говорилось, что кладъ можно получить только

*) Рассказъ слышанъ составителемъ сей книги. провозомъ отъ Костромы къ Нижнему Новгороду, почтовымъ трактомъ.

по записи, что записъ эта находится въ Казани у богатыхъ (нынѣ) купцовъ, праправнуковъ разбойника, что ее нужно отъ нихъ взять и только тогда можно взять кладъ, когда дашь обѣщаніе, на эти богатства построить три церкви. Понятно, что богатство было громадное, если была возможность построить три церкви. Крестьянинъ, былъ человѣкъ зажиточный, онъ нашелся побывать въ Казани, найти этихъ наслѣдниковъ и хранителей записи, поговорилъ съ ними, но владѣтели записи, не рѣшились отдать ее; а крестьянинъ на томъ же основаніи не рѣшился соединиться съ ними по недовѣрію, такъ дѣло и кончилось.

*Тожже. Кладъ въ Верховья **). Одна женщина какъ то видѣла во снѣ, что нѣкто, явившись къ ней, открывалъ ей кладъ говоря, что если она пойдетъ съ своимъ кровнымъ племянникомъ или племянницею вдвоемъ, а нѣтъ, такъ съ кѣмъ нибудь изъ ближнихъ родственниковъ въ полночь, то кладъ ей откроется. Сонъ повторился три ночи сряду. Нельзя было не повѣрить, наконецъ. Обратилась баба къ своему родному племяннику и стала приглашать его съ собою для отрыванія клада. Мѣсто, гдѣ былъ кладъ, осмотрѣли. Во снѣ ясно было обозначено мѣсто и его еще днемъ нашли. Наступила ночь. Баба до смерти боится идти одна, не менѣе ее боится идти и племянникъ.—„Не позвать ли съ собою кого, тетушка?“—Да пожалуй возьмемъ, кто посмѣлѣе, соглашается тетка. Взяли какихъ-то двоихъ, троихъ смѣльчаковъ. Мѣсто благо знакомое. Вооружились дубинками (противъ нечистой-то силы), и пошли. Не дошли сажень пятнадцать, смотрятъ: на томъ мѣстѣ огонекъ сверкаетъ, скачетъ, а вѣтеръ такъ и гудитъ! Мѣсто то лѣсное, свичетъ по хвою холодный, такъ сердце и замираетъ; вѣдь, время то самое полуночное. Идутъ словно упираются да назадъ оглядываются. Не дошли до клада и сажень пяти, а ужъ имъ чудища стали показываться и плясать и скакать предъ огнемъ. „Глядитъ мой племянникъ“, повѣствуетъ баба: „а ужъ провожатые то бѣгутъ отъ насъ только пятки улипаютъ. не выдержали и мы съ племянникомъ, за ними же слѣдомъ побѣгли, не помнимъ, какъ съ ужасу то до домовъ добѣжали, потому

*) Слышанъ самимъ составителемъ.

што очень ужъ страхъ обуялъ, да и вѣтеръ то очинно круто свисталъ и посвистывалъ... бѣда! Заключила разскащица.

Золотой пѣтушокъ. Тоже разсказывали про одну крестьянку, которая въ скорое время разбогатѣла и поправила хозяйство слѣдующимъ случаемъ *):

Однажды, взобравшись на возвышенность, находящуюся близъ дороги, въ видѣ луговины, женщина увидѣла золотистаго пѣтушка. Первый разъ баба не обратила на это вниманія, второй разъ тоже. Въ два первыхъ раза баба смѣтила, что-то такое необыкновенное, изъ ряда вонъ, причемъ, конечно замѣтила, что ни куриць, ни пѣтуховъ такихъ нѣтъ въ окрестности да и небывало. На третій разъ смѣтливая женщина прихватила съ собою въ передникъ овсеца и пошла на эту гору, гдѣ видѣла золотистаго пѣтуха. А онъ, какъ тутъ. Бросила эта женщина овса, пѣтушекъ подбѣжалъ клевать; вотъ она и начала, идучи къ своей деревни, подсыпать, словно сѣять овесъ; пѣтушекъ идетъ за ней да идетъ, знай клюетъ, а баба торопко къ дому идетъ, чтобы овса хватила... вотъ и до воротъ дошла... черезъ порогъ перешагнула... перебѣжалъ порогъ пѣтушокъ. Какъ только пѣтушокъ вбѣжалъ во дворъ, смѣтливая женщина, затворивъ ворота, убила на отмашъ золотаго пѣтушка и онъ рассыпался въ чистую золотую монету. Баба деньги подобрала и счастливо жить стала.

*) Составителю показывали и мѣстность.

ПОРЯДКИ, ХАРАКТЕРЪ И ОБЫЧАИ РУССКАГО НАРОДА.

ЖИЛЫЯ МѢСТНОСТИ.

Жилыя мѣстности въ Старой Руси, были: городъ, пригородъ, посадъ, слобода, погость, село, сельцо, починокъ *). Это уже было въ то время, когда образовалась прочная осѣдлая жизнь русскаго народа. Но гораздо ранѣе того, мы видимъ, какъ говорить Терещенко, Славяне, а затѣмъ и наши Россы жили беспорядочно, потому что боясь ежедневно набѣговъ, какъ беззащитные, при неимѣннй правильнаго государственнаго строя, должны были защищаться и массами и поодиначо. Каждый славянинъ, защищая свое имущество, свою родную семью, скрывался въ землянкахъ, вѣроятно также и по неумѣннйо строиться. Понятно изъ этого, что они основывали весь свой добытокъ на скотоводствѣ, отъ котораго получали пищу, одежду и даже источникъ дохода—выгодную мѣну съ другими сосѣдними народами, съ которыми были въ благопріятныхъ сношеніяхъ.

Образованіе городовъ, пригородовъ, посадовъ, селъ и прочихъ общественныхъ поселеній образовалось тогда, когда народъ созналъ и укрѣпился въ мысли, что дѣйствуя массою, онъ скорѣе можетъ укрѣпиться въ защитѣ противъ непріятеля, что и подтверждаетъ исторія. Сила народа выражается единствомъ духа, единствомъ мысли и силою противодѣйствовать до извѣстной степени, чтобы противустать нападенію. Въ этомъ случаѣ извѣстная масса, состоявшая изъ силы и родственниковъ дружно живущихъ, принимала всѣ средства къ тому, чтобы оградить себя отъ разнаго рода нападенія, не только отъ людей, но даже отъ нападенія звѣрей, и разумѣется ограждалась тыномъ, загородками разнаго рода, вообще преградами, которыя были бы недоступны противъ людей и защищали бы отъ нападенія звѣрей.

Со дня на день, семьи увеличивались, согласіе развивалось во имя общей безопасности, съ тѣмъ вмѣстѣ и принимались

*) Очеркъ домаш. жизни и нравовъ Рус. Нар. Н. И. Костомарова.

мѣры защиты противъ всякаго рода непріятеля; нужно замѣтить, что лѣса представляли такое необозримое пространство, затруднявшее пути даже для пѣшеходовъ, что часто путники утопали въ боряхъ. Но какъ бы то ни было, а обиліе лѣсовъ и организація города (огорода, огородки), дали возможность развить правильность управленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ охраны и защиты.

Отсюда мы понимаемъ, что слово: „городъ“ принималось въ различныхъ смыслахъ, первоначально это означало огороженное мѣсто, равносильно съ „*оградой, огороджею*“. На основаніи этого, мѣстности для укрѣпленія представляли болѣе надежды на безопасность въ случаѣ внѣшнихъ нападений и эти мѣстности тщательно ограждались, а вмѣстѣ съ тѣмъ подпадали подъ нѣкоторую зависимость, которая по духу того времени, когда владычествовала сила, могла легко обратиться въ порабощеніе.

Такимъ образомъ состоялись города при болѣе или менѣе благоприятныхъ условіяхъ: одни возрасли подъ вліяніемъ сильныхъ напусковъ, давленія внѣшнихъ силъ, другіе, напротивъ, сами переходили границы и далеко бодрствовали за предѣлами. И дѣйствительно, какъ о томъ есть сказанія и ихъ не мало, напримѣръ, возьмемъ сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, который былъ представитель земской охраны, и въ тоже время защиты народа.

Плохо согласовалась между собою междугородовая связь, разгромъ былъ большой при неурядицѣ, существовавшей по долгу, и это то была причина, что города были центрами прилива народонаселенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и центромъ сбыта различныхъ произведеній, какъ жизненныхъ продуктовъ, такъ и другихъ предметовъ. Послѣдняя причина тоже способствовала къ централизациі населенія, при чемъ конечно эти ународованныя мѣстности нуждались въ судѣ, расправѣ, по причинѣ разныхъ народныхъ столкновений, болѣе чѣмъ другія, по своей скученности и по тому также, что какъ мѣстности укрѣпленныя, требовавшія лицъ спеціально посвященныхъ стратегическому искусству, имѣло начальство. Такимъ образомъ города получили значеніе преимущества предъ неукрѣпленными населеніями и послѣднія подпали имъ въ зависимость, которая по духу того времени, когда владычествовала сила, замѣнялась легко и часто

порабощеніемъ. Но не всѣ города имѣли равное достоинство своей крѣпости; крѣпчайшіе дѣлались центромъ власти и имъ подчинялись многіе. Тогда между городами образовались два рода: старшіе и младшіе, сильнѣйшіе и слабѣйшіе, или *города* (градъ) и *пригороды* (то-есть состоящіе подъ администраціей городской власти и стратегическихъ связей). Такимъ образомъ собственно слово „городъ“ приняло значеніе государственнаго мѣста. Народные интересы заставляли обитателей скучиваться и вотъ время отъ времени около города образовались нѣсколько пригородовъ, селъ, деревень. Такъ городъ Кіевъ былъ городомъ земли Русской, Черниговъ — городомъ земли Сѣверской, Псковъ—земли Псковской, Хлыновъ—земли Вятской, а Вышгородъ, Бѣлгородъ—были пригороды Кіева, Ладога—пригородъ Новгорода, а современемъ Москва—городомъ всей земли Русской, послѣ того самое значеніе города было измѣнено. Городомъ стало называться не главное правительственное мѣсто, гдѣ сосредоточивалось правленіе и судъ, а только, какъ укрѣпленное мѣсто, или какъ правительственный пунктъ.

Посадамъ *) называлось то, что теперь мы привыкли называть *городомъ* и названіе *посадскій человекъ* (житель посада) означало тоже что теперь *мѣщанинъ*. Посады были пунктами торговой и промышленной дѣятельности, строились всегда близъ городовъ; городъ въ такомъ случаѣ назывался *кремлемъ*, а посадъ раскидывался около него. Часто городъ былъ на горѣ, а посады внизу, какъ видимъ это на Москвѣ. Посады эти обводились валами тамъ, гдѣ жителямъ было опасно жить по случаю внѣшнихъ нападеній. Посадъ раздѣлялся на двѣ части на *острогъ* и *поселокъ*. *Острогомъ* называлось укрѣпленное мѣсто, служащее для защиты города отъ внѣшнихъ нападеній, а *поселокъ*—населенное мѣсто для жителей, собственно—посадъ, а за нимъ *слободы* **).

Слободами первоначально назывались поселенія, которыхъ жители пользовались какими либо льготами, причемъ эти

*) За границей, на западѣ, посады назыв. *Сити* въ Англіи, *Борю* во Франціи, *Штатъ*—въ Германіи, и пр.

***) И теперь у зап. Славянъ существуетъ это дѣленіе. Варошъ—острогъ, Паланка—поселеніе, посадъ и градъ.

льготы давались обществамъ, которыхъ дѣятельность посвящена была опредѣлительно какимъ нибудь особымъ занятіямъ, преимущественно ремесламъ.

Поюсть, село, сельцо, деревня, поселокъ, займище, были заняты земледѣльческимъ сословіемъ, при которыхъ была церковь, сосредоточивалось управленіе и даже былъ сборный пунктъ окрестнаго населенія. Но когда число церквей умножилось и такихъ поселеній стало много, они естественно начали утрачивать прежнее преимущественное значеніе и назывались селами. Слово погость было нѣкогда во всеобщемъ употребленіи, въ XVI и XVII ст. сохранилось только въ новгородской землѣ, въ смыслѣ большаго села, со средоточіемъ администраціи для окрестнаго края. Сейчасъ же погостомъ называютъ кладбище съ церковью.

Между сельцомъ и селомъ различіе было только въ величинѣ ихъ. Въ позднѣйшее время „селами“ стали называться деревни съ храмами а „сельцами“ деревни, гдѣ помѣщаются дома владѣльцевъ имѣнія.

Починки. Починками назывались мало населенныя деревни и недавно населенныя, которыя, впрочемъ удерживали это названіе однажды навсегда.

Займище. Такъ называлось небольшое поселеніе на дикой новой землѣ, занятое однимъ дворомъ. Когда современемъ къ этому двору присоединялись еще нѣсколько, тогда изъ займища образовался починокъ.

АРХИТЕКТУРА ГОРОДОВЪ И ЗДАНІЙ.

По вышесказаннымъ причинамъ, города возникали вмѣстѣ съ населеніемъ, и даже ранѣе, такъ какъ сплоченная масса населенія требовала защиты отъ нападенія непріятеля или дерзкихъ хищниковъ при недостаткѣ полицейской (охранительной) власти. Города, въ старину, представляли болѣе или менѣе укрѣпленія, въ которомъ правительство сосредоточивало защиту и правленіе. Какъ замки на западѣ Европы, города ограждались рвами, валами; стѣны дѣлались каменные, кирпичныя, земляныя и деревянныя, послѣднія представляли собою тынъ изъ бревенъ расположенный по земляному валу. Города распола-

гались такъ, чтобы близъ ихъ была всегда естественная защита: вода или ущелья горъ. Случалось такъ, что одна изъ стѣнъ города примыкала къ болоту, рѣкѣ, или пруду, а прочія стороны окружались ровомъ. При нынѣшнихъ системахъ войны, эти преграды—ничтожны, но въ былое время, когда не существовало огнестрѣльнаго оружія, а лишь мечи и стрѣлы, подобныя преграды могли представляться непреоборимыми. Часто случалось, что городъ окруженный однажды тыномъ и ровомъ, еще разъ опоясывался осыпью или деревянною стѣною, что называлось острогомъ, между которыми находилось поселеніе. Такое расположеніе для городской защиты мы видимъ и въ Москвѣ: Кремль съ Китай-городомъ составлялъ сердцевину столицы; на значительномъ промежуткѣ отъ нихъ была проведена кругомъ другая стѣна, называемая бѣлымъ городомъ или бѣль-городомъ. Далѣе, также на значительномъ промежуткѣ, былъ расположенъ земляной валъ, обшитый деревянною стѣною. Такое устройство существовало и въ другихъ городахъ: въ Казани былъ каменный кремль, а за нимъ слѣдовалъ посадъ окруженный острожной деревянною стѣною; въ Астрахани также былъ деревянный кремль, а его окружала другая каменная стѣна, соединявшаяся съ кремлевскою. Вдоль Волги и промежутокъ между кремлевскою стѣною и этой послѣдней, какъ и въ Москвѣ,—бѣлымъ городомъ. Во Псковѣ, среднее укрѣпленіе называлось—Дѣтинецъ. Оно стояло въ углу, образуемое рѣкою *Великою* и впадающею въ нее *Псковою*.

Вообще какъ каменные, такъ и деревянные стѣны городовъ не имѣли никакихъ правильныхъ очертаній. Въ каменныхъ стѣнахъ всегда дѣлались зубцы иногда вышиною, составляющіе треть всей вышины. По протяженію всей стѣны возвышались башни, въ каменныхъ городахъ каменные, въ деревянныхъ и земляныхъ деревянныя; но иногда случалось, что при деревянныхъ городскихъ стѣнахъ, самыя башни были каменные, какъ то было въ Ярославѣ *). Кромѣ башенъ въ стѣнахъ дѣлались разнаго рода уступы, носившіе названія: *городки*, *выводы*, *костры*, *кружала*, *бары*, *абламы* (скатныя пристройки выпятившіяся наружу), съ деревянными котами (катками или колесами безъ спиць), которые

*) См. Кн. Большаго Чертежа.

спускались на непріятеля во время осады. *Печоры* (углубленія внутри стѣны). *Быки*, то-есть расположенные рядами большіе выступы, на которыхъ строились большія укрѣпленія, образующія другую стѣну *). Стѣны раздѣлялись по пространствамъ между башнями называемыми *Пряслами*. Эти пространства имѣли различное протяженіе въ одномъ и томъ же городѣ. Такъ, въ Новгородскомъ каменномъ городѣ пространство между башнями въ одной сторонѣ было до 70 сажень, а въ другой до 50, въ третьей до 40 и менѣе. Въ Новгородскомъ земляномъ городѣ между одними башнями было до 150 сажень, между другими 46. Въ Тотльѣ вообще отъ 70 до 25 саж. Словомъ расположеніе башенъ было рассчитано не равенствомъ разстояній, а выгодами въ стратегическомъ отношеніи.

По прясламъ устраивались окна, при которыхъ припасались камни и колья, чтобы метать въ осаждающихъ и бои, узкія отверстія, откуда стрѣляли изъ пушекъ и пищалей. Такихъ боевъ въ большихъ городахъ было три: Подошевный, средній и верхній. Толщина стѣнъ была различная, такъ что, по сказаніямъ Англичанъ, стѣны Московскаго кремля въ XVI вѣкѣ имѣли въ толщину 18 футовъ (болѣе 1½ саж.). Эти стѣны внутри имѣли лѣстницы и ходы изъ одной башни въ другую. По мѣстамъ эти ходы имѣютъ выходы наружу. На большихъ выступахъ, или *быкахъ*, устраивались мосты, на которыхъ, какъ выше сказано возвышалась другая стѣна. Вдоль городскихъ стѣнъ, устраивался мостъ, по которому можно было имѣть движеніе по всей окружности. Пространство между стѣнами засыпалось землею, или было соединяемо поперечными бревнами или же вовсе оставался пустымъ промежуткомъ **), надъ которымъ устраивалась кровля изъ теса или рѣшетины и которыя были довольно высоки.

Дворы и дома. Въ глубокою старину дворы были очень просторны, это видно уже изъ того, что для предохраненія отъ пожаровъ приказывали варить кушанье и печь хлѣбы далеко отъ жилыхъ строеній въ городахъ ***). Въ старину, при

*) Доп. II. 31. III. 6. У. 295. А. И. III. 283. Воров. акты. II. 99.

**) Поѣздка въ Кирилл. Бѣлоз. монастырь. 26. А. И. I. 322 Влад. Сб. 170.

***) П. С. З. I. 165.

Великихъ Князяхъ, въ Москвѣ были дворы, принадлежащія князьямъ, до того огромныя, что дѣлились какъ удѣлы, и даже два князя владѣли однимъ дворомъ *). Въ завѣщаніи Іоанна III о дворахъ, данныхъ имъ своимъ дѣтямъ, говорится о томъ, что въ нихъ заводили торги, и вели судныя дѣла, касавшихся живущихъ въ этихъ дворахъ; это указываетъ на обширность и населенность такихъ дворовъ **). Въ XVII в. Царская усадьба въ Измайловѣ простиралась на четыре десятины ***). Въ Александровской слободѣ конюшенный дворъ занималъ болѣе десяти десятинъ (Влад. сбор. 173 ****).

Особенность русскаго двора была та, что дома строились не рядомъ съ воротами, а посрединѣ; отъ главныхъ воротъ пролегла къ жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяинъ содержалъ постоянно въ чистотѣ и наказывалъ слугамъ счищать съ нея грязь въ дождливое лѣтнее, и сугробы въ зимнее время (Домострой. 166). Въмѣсто того, чтобы по надобности строить большой домъ или дѣлать къ нему пристройки, на дворѣ сооружали нѣсколько жилыхъ строеній, которыя имѣли общее названіе „*хоромъ*“ *****). Надворныя постройки вообще были жилья, служебныя или кладовыя. Жилыя носили названія: избы, горницы, повалуши, сѣнника. Изба была общее названіе жилого строенія. Горница, какъ показываетъ самое слово, было строеніе горнее или верхнее, надстроенное надъ нижнимъ и обыкновенно чистое и свѣтлое, служившее для приема гостей. Названіе „*повалуши*“, холодной кладовой (Акты относ. къ юр. б. 366), но были также и жилыми покоями. Неизвѣстно въ чемъ состоитъ ихъ отличіе отъ горницъ, тѣмъ болѣе, что они часто были рядомъ съ горницами и занимали верхнюю часть зданія. *Сѣнникомъ* называлась комната холодная, часто надстроенная надъ конюшнями и амбарами, служившая лѣтнимъ покоемъ и необходимая во время свадебныхъ обрядовъ. Бывало и такъ, что въ одномъ домѣ было по три

*) С. Г. Гр. I. 137.

**) С. Г. Гр. I. 397.

***) Оп. Изм. Дв. От. зап. 1851 г. Мартъ.

****) Очеркъ дом. жизни и пр. Великорусс. Народа. Костомарова. Спб. 1860 г.

*****) Опис. Г. Шуи. 309.

горницы и одна повалуша, а иногда двѣ горницы и три повалуши *). При каждомъ отдѣльномъ зданіи были сѣни и часто двое: переднія и заднія, нерѣдко теплыя **). Часто отдѣльныя зданія соединялись крытыми переходами или корридорами, какъ то видимъ въ Измайловскомъ и Коломенскомъ селахъ и у царей, которыя какъ къ центру, вели къ домовымъ храмамъ ***). У простолюдиновъ были избы черныя, то-есть курныя, безъ трубъ. Дымъ выходилъ въ маленькое волоковое окно: при собственно такъ называемыхъ избахъ были постройки, называемыя комнатами. Въ этомъ пространствѣ жилъ бѣдный русскій мужикъ, какъ живетъ во многихъ мѣстахъ и теперь съ своими курами, свиньями, гусьями и телками, посреди невыносимой вони. Печь служила логовищемъ цѣлому семейству, а отъ печи поверху, подъ потолокъ придѣлывались полати ****). Къ избамъ придѣлывались разныя пристѣнки и прирубки *****).

Въ богатыхъ домахъ крыльца дѣлались съ кувшинообразными колонами, и покрывались остроконечными кровлями *****).

Входъ въ нижній этажъ чаще всего былъ чрезъ особую дверь отъ крыльца или изнутри; ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую *рундукомъ*, огороженную балаясами *****)), потомъ прямо въ сѣни втораго яруса. Соответствующая ему часть въ нижнемъ этажѣ дополнялась также сѣнями и называлась подсѣнье. Какъ сѣни, такъ и подсѣнье пристраивались съ двухъ сторонъ дома и однѣ были переднія, а другія заднія. Въ этихъ сѣняхъ и подсѣняхъ дѣлались чуланы и каморки, иногда свѣтлыя, иногда темныя *****).

Первоначальныя жилища. Первоначальныя жилища въ нашу старину состояли изъ лѣсныхъ срубовъ; ставили ихъ по произволу и по удобству хозяйственныхъ помѣщеній. Внутрен-

*) А. Юр. 132 и 126.

**) 133. А. Ю.

***) Описаніе Изм. Д. О. З. 1851 г. Мартъ 18—10. Рус. Ст. 140.

****) Carl. 355. Petr. 414. Барб. Ю. Ог. Ш. 13. Врем. XX.

*****) А. Юр. 147.

*****) Рус. Ст. 146.

*****) Подр. на Пост. дома Цар. Ив. О. З. 1851 г. Мартъ 23.

*****v) А. Ю. 132.

ность ихъ состояла изъ одной общей комнаты, въ смежности съ коею находились пристройки для домашняго обихода, то-есть, для помѣщенія скота и птицъ и для храненія хлѣба и жизненныхъ припасовъ, людей и скота. Овинъ или гумно стояли не далеко отъ избы. Мы не имѣемъ самыхъ древнихъ свѣденій о постройкѣ по наружности нашихъ домовъ. Судя о простотѣ тогдашнихъ нравовъ должно думать, что избы и хоромы предполагались безъ наружныхъ украшеній и изъ дерева. Жилые покои стояли внутри двора и обводились деревянными заборами, съ рѣшеткою и безъ рѣшетки, и часто коломъ. Конечно это дѣлали одни богатые, прочіе огораживали плетнемъ, а то и совсѣмъ не огораживали.

Нѣтъ сомнѣнія, что за исключеніемъ Ольгина терема, всѣ тогдашнія сельскія избы не отличались отъ нынѣшнихъ; вообще были не высокія, крылись у богатыхъ досками и соломою. Горожане строили высокіе дома, и жили обыкновенно вверху или въ верхнемъ жильѣ; это видно изъ того, что когда язычники Кіевляне хотѣли принести въ жертву идолу Перуну христіанина, родомъ варяга, тогда подрубили сѣни и убили его съ отцемъ. Тѣло умершаго Владиміра I-го спустили по веревкамъ изъ верхняго жилья, разобравъ помостъ между двумя клѣтми.

Устройство въ домѣ. Низъ дома служилъ для погребовъ называвшихся „медушами“ потому, что въ нихъ преимущественно находился медъ; а также, и для кладовыхъ. Домъ дѣлился на клѣти (комнаты). Онъ раздѣлялся пополамъ сѣнями, называвшимися иногда *помостомъ*; вдали отъ дома строились одрины или опочивальни. Наши предки любили уснуть послѣ обѣда и это называлось у нихъ, маленько отдохнуть.

Въ XV вѣкѣ дома дворянъ и горожанъ по большей части были небольшіе, крытые соломою; въ нихъ ставили хлѣбныя печи, гдѣ варили и пекли отъ чего покои назывались „*дымомъ*“ *). „*Избами*“ дома назывались какъ, предполагаютъ, сокращенія слова: истоплево. Въ тѣхъ избахъ нерѣдко толпились телята другія домашнія животныя, какъ доселѣ. По недостатку въ

*) Въ старину подать съ поселянъ брали съ дыма, съ трубы, особенно это началось съ татарскаго ига, отчего наши поселяне затыкали избы и образовали курныя, чтобы не платить.

стеклѣ, обтягивали окна говяжьими пузырями или проникнутой масломъ холстиною, которую впоследствии замѣнили слюдою. Въ концѣ XVI в. столица величалась прочными зданіями: каменными лавками и домами. Но нашлись злодѣи: Кн. Вас. Щепинъ, дворяне Василій Лебедевъ и два Байкова, отецъ и сынъ, которые сговорились зажечь Москву въ разныхъ мѣстахъ; однако умыселъ ихъ былъ открытъ, виновниковъ схватили и казнили. Это было въ 1597 г. *).

Нужно замѣтить, вѣря, по словамъ Ченслера, что Москва была обширнѣе Лондона, въ 1520 г. Въ Москвѣ, было за 100000 человекъ жителей, и Москва рѣка считалась судоходною.

Гриднища. Такъ называлась у великихъ князей пріемная, еще до Великаго князя Владиміра I-го. Въ его время, въ ней угощались бояре, гридни, сотники и всѣ нарочитые люди (именитые граждане). Изъ этого разряда, гридни составляли отборную дружину княжескую, которая потомъ преобразовалась въ мечниковъ. **) На дворѣ строили вышки и повалуши для голубей, которыхъ любили наши предки издревле, и назывались еще голубницами. Хоромами назывались у насъ высокіе деревянные дома, а теремами—покои или комнаты расположенныя въ верхнемъ ярусѣ.

Жилые покои освѣщались свѣчами и свѣтильнею. Въ великокняжескихъ домахъ и хоромахъ горѣли восковыя свѣчи, потому, что воску было у насъ въ изобиліи; его снимали въ лѣсахъ изъ дикихъ пчельниковъ и продавали вѣроятно дешево. Недостаточные люди жгли обыкновенное масло (конопляное, льняное) наливаемое въ глиняные круглые сосуды, какъ по нынѣ въ обыкновеніи между малороссіанами, у коихъ такой сосудъ называется *коганецъ*, а въ Великороссіи—*жирникъ*, *кочникъ*, *свитецъ*.

Иностранцы, бывавшіе у насъ по дѣламъ посольскимъ въ XVI и въ XVII в. говорятъ единогласно, что путь ихъ въ ночное время освѣщали лучинами, которыя горѣли такъ свѣтло, какъ бы самое солнце среди дня; что по дорогамъ зажигали

*) Никон. Лѣт. час. VIII. С. 29.

**) Гридни или гридень происходитъ отъ Шведскаго слова: мечъ (*gred*), придворная стража. Вѣроятно слово варяжское.

смоляныя бочки, пуки соломы и костры дровъ.—Сальныя свѣчи явились у насъ не прежде XVII вѣка; въ это время употребляли ихъ многіе.

Строителями домовъ были природные русскіе. Нашъ мужичекъ отъ природы смѣтливый самъ плотникъ и зодчій; такъ было и въ самой отдаленной древности, въ XII вѣкѣ распространялись у насъ ремесла и полезныя знанія; мы имѣли живописцевъ и строителей иноземныхъ, кои преимущественно занимались украшеніемъ храмовъ. Кремлевскій дворецъ былъ первоначально деревянный, какъ дворцы, великій дворецъ Великихъ князей въ Кіевѣ. В. К. Іоаннъ Калита, украшая Москву каменными храмами, обвелъ ее въ 1339 г. дубовыми стѣнами и возобновилъ сгорѣвшій въ его время кремликъ.

Въ его время были возобновлены соборы Успенскій, Архангельскій, Успенскій св. Іоанна Лѣствичника и Преображенія. До XV вѣка не было здѣсь кромѣ храмовъ и городскихъ укрѣпленій ни одного каменнаго дома; князья и вельможи строили деревянные по избытку лѣса и трудной выдѣлкѣ кирпича, который продавался безъ сомнѣнія дорого, сверхъ того требовалъ искусства въ построеніи.

Украшеніе комнатъ. Стѣны комнатъ были голыя, столы и лавки дубовыя только у богатыхъ, они стояли вокругъ стѣнъ. Стѣны эти покрывались у богатыхъ коврами, даже въ то время, когда не знали ни стульевъ ни креселъ. Великіе князья садились на сѣдалище замѣнявшихъ тронъ, во время обѣда на лавкахъ покрытыхъ тканями иногда, да бархатомъ. Лучшимъ украшеніемъ были образа святыхъ угодниковъ.

Каменные дома начали распространяться только съ XV вѣка. Иностранные художники, призванные въ Россію для построенія городовъ и каменныхъ церквей построили въ 1491 г. впервые, грановитую палату; знатные люди также стали строить каменные дома (хоромы). Митрополитъ Зосима поставилъ на своемъ дворѣ три келіи каменные съ подклѣтками; голова Дм. Вл. Ховринъ, и Вас. Ѳед. Образецъ построили каменные дома (въ 1485 г.) Тогда многіе явно чувствовали превосходство европейцевъ въ гражданскомъ искусствѣ; старались заимствовать все полезное,—кромѣ обычаевъ, къ коимъ оставались вѣрными. Нельзя оставить безъ вниманія, что постройка и укрѣ-

пление многихъ заграничныхъ городовъ, было производимо знаніемъ русскихъ, познакомившихся уже съ искусствомъ военнымъ. Въ домахъ печи дѣлались изращатыя, стѣны комнатъ расписывались изображеніями изъ церковной исторіи. Въ свѣтлицахъ были печи съ лежанками, на которыхъ любили покоиться ночью и сиживали днемъ въ зимнее время. Въ печныхъ стѣнкахъ дѣлались печурки, назначенныя для того, чтобы въ нихъ подогрѣвать кушанье и что было надобно для хозяйства; или держали посуду домашнюю, и такія печурки, часто замѣняли шкафы. Петръ Великій построивъ для себя небольшой деревянный домикъ изъ трехъ комнатъ (на Петербургской сторонѣ) имѣлъ такую же печь съ печурками, въ коихъ онъ ставилъ свой чайный приборъ, разныя домашнія вещи и тамъ нагрѣвалъ воду. Его домикъ, обращенный теперь въ часовню, не имѣетъ прежней печи. Въ холодныхъ мѣстахъ, понынѣ дѣлаютъ у насъ печи съ лежанками. Высота дома и обширность двора, означала богатство и важность хозяина. Встарь было заведено въ извѣстный часъ во всѣхъ домахъ гасить огни и ложиться спать, зачѣмъ наблюдали нарочные пристава.

Внутреннія стѣны каменныхъ покоевъ въ зажиточныхъ домахъ обшивалось досками, а въ богатыхъ домахъ обивались Голландскою позолоченною кожей; у Царицы Ирины, супруги Θεодора были росписаны стѣны великолѣпно: стѣны были изукрашены мусією съ изображеніемъ на ней Спасителя, Божіей Матери, Ангеловъ, Іерарховъ, мучениковъ; на потолокъ лежалъ прикрѣпленный къ своду левъ, который держалъ въ зубахъ змѣю, съ висящими на ней роскошными подсвѣчниками. Двѣ царскія палаты: Большая Грановитая и Золотая Грановитая, были росписаны событіями изъ священной исторіи, аллегорическими изображеніями добродѣтели, временъ года, и явленій природы *). Картины, эстампы и портреты появились въ это время и первый сталъ употреблять бояринъ Артемій Сергѣевичъ Матвѣевъ, украшая ими внутренность дворца, который однако былъ деревянный. Почти при каждомъ домѣ находился садъ и огородъ для украшенія, а иногда сопряжено было съ расчетомъ пользованія фруктами и прохладою лѣтомъ, но луч-

*) *Arsenü Decrip. itinerisii Moscoviam*, пом. въ собран. Вихмана.

шимъ украшеніемъ дома и сада считались пруды иногда очень обширные.

Курени. Въ безлѣсныхъ и степныхъ мѣстахъ существовали еще курени (землянки), служившіе преимущественно жилищемъ запорожцевъ и украинскихъ казаковъ. Эти курени выкапывались ямами въ землѣ для помѣщенія отъ 5 до 10 человекъ. Внутри обмазывались стѣны, которыя укрѣплялись на подпорахъ, вмѣстѣ съ кровлею, состоявшею изъ земляной насыпи и поверхъ ее покрывали соломой, очеретомъ, травой, или дѣлали прежде верхъ изъ плетенаго хвороста, а потомъ его посыпали землею. Кровля вскорѣ заростала травой, и оставались видными только торчавшія трубы, а часто одни дыры чрезъ которыя проходилъ дымъ и обкуривалъ верхъ, отъ чего и возникло названіе *курений*. Въ курень входили по землянымъ ступенямъ; двери дѣлались довольно крѣпкія, хотя и маленькія и внутри запирались. Посреди куреня стояла печь, а иногда просто раскладывали огонь (костеръ) и дымъ произвольно выходилъ въ трубу и двери; окна въ куреняхъ были только тамъ, когда курень поднимался нѣсколько выше земли. Курени занимали пространство многолюднаго города и отличались отъ него только невидимыми жителями. Такіе курени существовали встарь у прочихъ казаковъ, какъ то: у Волжскихъ, Гребенскихъ, Донскихъ и Яицкихъ (Уральскихъ).

Мазанки. Въ югозападной Россіи строились съ самыхъ давнихъ временъ, мазанки, которыя современемъ переименовались въ хаты (избы). Но между ними существуетъ и различіе. Мазанки дѣлались, какъ и нынѣ у горскихъ и всѣхъ полудикихъ и степныхъ жителей Кавказа, довольно незатѣливо. Предназначенное мѣсто для жилья огораживали плетнемъ; раздѣливъ внутренность на части или покои, разгораживали ихъ другимъ плетнемъ, который состоялъ изъ хворосту, или тростника называемаго въ Малороссіи *очеретомъ*. Плетень облѣпывали землею, смѣшанной съ глиною, или просто глиною, потомъ смазывали наглядко глиною; и вотъ, отъ этого то мазанья произошло самое названіе *мазанокъ*. Посреди мазанокъ становилась кирпичная печь, которая топилась изъ сѣней, очеретомъ, кизяками, (засушеннымъ навозомъ) или валежникомъ; полъ былъ земляной, иногда онъ укрывался травой или соломой, но чаще

всего смазывался желтою глиною. Стѣны внутри и снаружи обливали или завохривали (желтили вохрою), а поверхъ земляной насыпи часто выводили соломенные крыши. Въ стѣнѣ прорѣзывали небольшія окошки. Со стороны наружныхъ дверей придѣлывали по бокамъ призьбы *) (завалинки), домъ огораживали тыномъ или плетнемъ.

Хата. Хаты строятся, какъ строились прежде, въ лѣсу обмазываются глиною съ обѣихъ сторонъ. Внутреннее расположеніе удобное и широкое; оно раздѣляется на двѣ половины: въ одной живутъ и готовятъ кушанье, а въ другой принимаютъ гостей и это послѣднее помѣщеніе называется „*свитилкою*“ (*свѣтелкою, свѣтлицею*) Полъ здѣсь обмазываютъ глиною, печи бѣлятъ; а у богатыхъ онѣ дѣлаются изъ кахли разноцвѣтной (израсцовъ), окна довольно большія, покои очень свѣтлые, чистые и опрятные; а такъ, какъ ихъ часто бѣлятъ, то въ нихъ нѣтъ ни таракановъ, ни клоповъ, что очень важно для спокойствія обитателей, пользующихся самымъ умѣреннымъ сномъ **).

ДОМОВОДСТВО.

Въ своей патріархальной простотѣ наши предки довольствовались весьма немногимъ: полусырая пища, мясо, коренья и шкуры дикихъ или домашнихъ звѣрей удовлетворяли ихъ нужды. Наши предки долго не знали роскоши; въ XI ст. они питались еще просомъ, гречихою и молокомъ, потомъ уже выучились готовить яства, и прочее; и встарь отличались хлѣбосольствомъ.

Напитокъ, медъ. Медъ дѣлался встарь, какъ любимое русское питье весьма крѣпкій, до такой степени, что имъ упивались также, какъ виномъ. Можетъ быть самый секретъ его составленія и потерянъ. Знаемъ однако же, что медъ не славянское названіе, а греческое и при томъ древнее, на коемъ медъ *мѣду* означаетъ опьяненіе. Эдада называетъ медъ божественнымъ питьемъ. Жители Даніи употребляли его вмѣсто вина. Крѣпость опьяненія меда сравнивалась съ водкою. Мы знаемъ

*) Призба, сокращеніе: „при избѣ“.

***) Извлечено изъ кн. „Бытъ Русск. Народа“. А. Терещенко. Ч. I.

изъ нашей исторіи, что великая княгиня Ольга, будучи у древлянъ (945 г.) повелѣла жителямъ Искоростеня (нынѣ Коростень Волынской губ.) приготовить для нея меду, которымъ она хотѣла угостить ихъ самихъ *). Меда были: вишневый, смородинный, можжевеловый, оборный, приварный, красный, бѣлый, бѣлый паточный, малиновый, черемховой, старый, вешній, медъ съ гвоздикой, княжій, и боярскій. Для лучшаго вкуса, и цвѣта выжимали изъ зрѣлыхъ вишенъ сокъ и подливали въ медъ. Нашимъ русскимъ медамъ удивлялись иностранцы, такъ хорошо приготавливали его **).

Квасъ и хлѣбъ. Извѣдавъ выгоды гражданской осѣдлой жизни русскіе стали заниматься земледѣліемъ для полученія хлѣбнаго зерна и тогда же стали печь хлѣбы и готовить квасъ, а въ X столѣтіи мы узнаемъ, что квасомъ поддавали въ баняхъ и обливались кислымъ квасомъ для здоровья ***). Квасъ готовили изъ хлѣбныхъ зеренъ разнаго рода обработки и даже изъ рѣпы и арбуза.

Начало введенія кваса во всеобщее употребленіе вышло изъ народной памяти, знаемъ только, что искусство печь хлѣбы и дѣлать квасъ, еще въ X вѣкѣ было уже во всеобщемъ употребленіи, чему способствовали изобиліе земли плодородной и удобной, исключая юго-запада. Квасъ продавался въ посадахъ, въ лавкахъ, и былъ въ употребленіи въ монастыряхъ по буднямъ. Квасъ былъ разнаго сорта, какъ по сортамъ солода, такъ и по приправамъ, они носили названія: *медвяные* и *ягодные*.

Пиво. По старинному *Олуги* ****), дѣлалось крѣпкимъ и носило разныя названія по цвѣтамъ и качествамъ.

Переваръ, взваръ, сбитень, существующій и по сіе время, составлялъ теплое питье въ родѣ нашего чая, и готовился изъ меда на звѣробоѣ, шалфеѣ, лавровомъ листѣ, инбирѣ и стручковомъ перцѣ. Это народное питье, чрезвычайно полезное, нынѣ замѣнено чаемъ, разносилось въ *сакляхъ*, мѣдныхъ чайникахъ

*) Это доказываетъ, что въ Россіи медъ былъ въ изобиліи и варили его при первой надобности.

**) См. „Вѣтъ Русск. Народа“. Терещенко. Часть I.

***) Рус. г. по воскр. спис. „И обмоются квасомъ кислымъ“. Часть I. Стр. 62—63.

****) Вѣроятно скандинавское, не отъ нихъ ли и мы русскіе научились варить и пить пиво?

обвернутыхъ полотенцами и преимущественно зимою. Напитокъ этотъ существуетъ и по нынѣ.

Пища и питье. Русская кухня вообще для всѣхъ была національная и подчинялась обычаю, а не искусству. Кушанья были просты и однообразны, хотя русскіе столы отличались множествомъ блюдъ, но многіе изъ блюдъ были похожи одно на другое. Богатые люди имѣли обыкновение назначать себѣ блюда на цѣлый годъ (гастрономическій календарь), причемъ счетъ велся по церковнымъ праздникамъ, по мясоѣдамъ и по-стамъ; такъ что для каждаго дня, сообразно его значенію въ церковномъ кругѣ, назначался заранѣе столъ, хотя впрочемъ измѣнить его значеніе зависѣло отъ воли хозяина.

Столъ дѣлился на постный и скоромный повсюду, начиная съ царей и кончая послѣднимъ мужикомъ; а по припасамъ изъ которыхъ онъ готовился, его можно было раздѣлить на пять отдѣловъ: мучнистые, молочные, мясные, рыбные, растительные.

Русскіе ѣли преимущественно хлѣбъ ржаной, не исключая богатыхъ и владѣтельныхъ особъ. Иногда примѣшивали къ ржаной, муку ячную, но это не было постояннымъ правиломъ, такъ какъ ячмень въ Россіи мало разводился. Пшеничная мука употреблялась на просфоры и калачи, которые были для простаго народа лакомствомъ въ праздничные дни. Отъ этого даже возникла пословица: „калачемъ не заманишь“, въ смыслѣ томъ, что и пріятное не поможетъ заинтересовать. Лучшіе калачи пеклись изъ крупчатой муки въ видѣ колець, не въ большомъ размѣрѣ, другой сортъ пекся изъ толченой муки круглыми булками, эти калачи назывались „*братскими*“, былъ третій сортъ называемый *смѣсными* калачами, ихъ пекли пополамъ пшеничную со ржаною. Такіе калачи пекли къ царскому столу не изъ экономіи, а ради особаго вкуса. Вообще, какъ хлѣбы ржаные, такъ и пшеничные пеклись безъ соли, и не всегда заботились, чтобы мука была свѣжа. Домострой, образецъ хозяина XVI вѣка, совѣтуетъ печь хлѣбы изъ муки, которая уже подверглась затхлости и научаетъ давать такую же муку взаимы, тому, кто попроситъ *).

*) А. И. П. 203, 428, Кошых. 63. Steph. Borr. Noel. 308—Мейерб. прил. 476.—
Колл. 17.

Въ XVI и XVII вѣкѣ было въ употребленіи между народомъ толокно, приготовленное изъ овсяной муки съ водою. Въ сухомъ видѣ оно отпускалось служилымъ людямъ для продовольствія на ряду съ ржаной мукою (А. И. I. 327.). Мельницы у насъ распространились не прежде XIV вѣка, а ранѣе того по большей части ограничивались ступами и толченіемъ зерна. Впрочемъ, изъ устава Ярослава видно уже, что мельницы у насъ въ Россіи были извѣстны, хотя это было гораздо прежде XI вѣка.

Простой народъ питался очень умѣренно, и ограничивался слѣдующими матеріалами для пищи: зерномъ ржи, ячменя, овса и др. хлѣбныхъ зеренъ, соли, луковицами чеснока, лука, мясомъ свинины, баранины (преимущественно), рогатаго скота, куръ и дичи, птичьихъ яицъ и прочаго, и изъ этого комбинировали разнаго рода кушанья при помощи приправъ, изъ сахара, пряныхъ кореній, перца, гвоздики, корицы и другихъ веществъ *).

Пироги. Изъ кушаньевъ, приготовляемыхъ изъ тѣста, занимаютъ первое мѣсто — пироги. По способу печенья они были пряженые и подовые. Подовые были всегда изъ кваснаго тѣста, а пряженые изъ кваснаго, а иногда изъ прѣснаго. Мука для нихъ употреблялась пшеничная, крупчатая, или толченая, смотря по важности дня, когда они готовились. Пеклись также и ржаные пироги. Всѣ вообще русскіе пироги, въ старину, имѣли продолговатую форму и различную величину: большіе назывались: пирогами, кулебяками, маленькіе — пирожками. Въ скоромные дни, они начинались бараньимъ, говяжьимъ и заячьимъ мясомъ, и нѣсколькими мясами вмѣстѣ, напимѣръ: бараниной и говяжьимъ саломъ, также мясомъ и рыбою вмѣстѣ съ прибавкою каши или лапши. На масляницѣ пекли пряженые пироги съ творогомъ и съ яйцами на молокѣ, на коровьемъ маслѣ, съ рыбой вмѣстѣ и съ яйцами, или съ тѣльнымъ, какъ называлось рыбное блюдо приготовляемое въ видѣ котлетъ. Въ постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможными родами

*) Перецъ возили изъ Царьграда и Болгаріи, оттуда же: миндаль, кардамонъ, анисъ, имбирь, корица, лавровый листъ, гвоздика, кардамонъ и др. Пряности извѣстны были со времяя св. Владиміра.

рыбъ, особенно съ сигами, снятками, лодогой, съ одними рыбными молоками, или съ визигой, на маслѣ конопляномъ, макомъ или орѣховомъ. Крошенная рыба перемѣшивалась съ кашей, или сарацинскимъ пшеномъ; въ постные, не рыбные дни пироги пеклись съ рыжиками, съ макомъ, горохомъ, сокомъ, рѣпою, грибами, капустою, и другими предметами, на какомъ нибудь растительномъ маслѣ или сладкіе—съ изюмомъ и другими разными ягодами; сладкіе пироги пеклись и не въ постъ, вмѣсто пирожнаго. Вообще пироги, за исключеніемъ сладкихъ, подавались межъ *ухъ*.

Другой видъ печеня былъ *каравай*, — сдобный хлѣбъ, съ различными способами приготовленія. Былъ *каравай битый*, который сбивался съ масломъ, въ сосудѣ ставленный, въ родѣ кулича на молокѣ. *Яукій*, на большомъ количествѣ яицъ, *каравай съ сыромъ*, *каравай братскій* и проч.

Яица, масло, или говяжье сало, сыръ и молоко служили добавкою въ каравай; а различные виды его зависѣли отъ того, сколько класть муки и съ чѣмъ ее клали, и въ какомъ количествѣ.

Къ печеньямъ изъ тѣста принадлежали: курникъ, то-есть *пастетъ*, который былъ пирогъ, то начиненный мясомъ курицы, то баранины, то яицами, съ масломъ, или бараньимъ саломъ.

Изъ легкихъ печеній у насъ на Руси были: алады, котлома, сырники, блины, хворосты, кисели. Нужно полагать, что какъ алады, такъ и котлома были тождественны. Какъ алады требовали масла, яицъ и муки, такъ равно и котлома того же состава, но въ ней меньше количество яицъ, а въ постные дни—патоки. Нужно замѣтить, что въ постные дни, въ эти приготовленія вмѣсто скоромныхъ маселъ или сала, клались постныя (растительныя) масла и подавались съ патокой, сахаромъ и медомъ.

Сырники готовились изъ творога, яицъ, молока, съ небольшимъ количествомъ крупчатой муки.

Блины дѣлались красные и молочные; первые изъ гречневой, вторые изъ пшеничной муки; молоко и яицы входили въ послѣдній сортъ. Встарь, по словамъ профессора Костомарова, не были символомъ масляничныхъ дней. Въ то время

были пироги съ сыромъ и хворосты—вытянутое тѣсто съ масломъ. Пекли также тѣстные шишки, левашники, перепечи; орѣшки въ Ярославль и по сейчасъ существуютъ, всѣ эти виды хлѣбнаго печеня: варенцы, лапша, каша разныхъ родовъ, сыръ изъ творога съ сметаною и прочее.

Мясныя кушанья. Мясныя кушанья были варенныя, или паренныя; варенныя подавались во щахъ, ухѣ или разсолѣ и подъ взварами, щи забѣливались сметаною во время варенія, а не при столѣ. Обыкновенный приварокъ къ щамъ была кочанная и крошенная, свѣжая и кислая капуста. Ко щамъ подавалась грешневая каша.

Уха. Ухой вообще называлась похлебка, какъ рыба, такъ и другая; нужно полагать, что этимъ словомъ выражался вообще „супъ“ что нибудь жидкое приправленное пряностями, это видно уже изъ того, что *черною ухою* называлась уха съ гвоздикомъ, съ перцемъ — бѣлою, а безъ пряностей — голою. Разсолъ былъ въ родѣ нынѣшней солянки; это дѣлалось такъ: варилось мясо въ огуречномъ разсолѣ съ примѣсю пряныхъ кореньевъ, и подавалось на столъ.

Соусъ назывался *взваромъ*.

Жаркя, или жаренныя кушанья были: верченныя, шестныя, печенныя, сковородныя. Баранина составляла самый обычный видъ мясныхъ кушаньевъ въ скоромные дни, съ весны до поздней осени. Домострой научаетъ какъ поступать съ бараньимъ мясомъ: купивъ цѣлаго барана, облупить его и распределить на нѣсколько частей его мясо: грудинка подавалась на уху или щи; лопатки или почки — на жареное; крюки подавались подъ кзваромъ. Ножки начинивались яицами; рубецъ кашею; печенку изсѣкали съ лукомъ и обернувъ перепонкою жарили на сковородѣ; легкое приготавливали со взболтаннымъ молокомъ, мукою и яицами. Изъ головы вынимали мозги и дѣлали изъ нихъ особую похлебку, или соусъ съ пряностями, а изъ густо сваренной съ бараньимъ мясомъ ухи, ставя ее на ледъ, приготавливали холодный студень.

Для говядины служили яловыя коровы; поэтому говядина въ старину носила названіе яловячины. Яловицъ покупали осенью и убивали. Мясо солили впрокъ, а потроха, къ которымъ причисляли губы, уши, сердце, ноги, чечень, языки, —

служили для обыденной жизни, и подавались подъ студнемъ, подъ взварами, съ кашей, на жареное. Вообще свѣжей говядины русскіе ѣли мало и употребляли болѣе соленую. Многіе содержали на дворахъ своихъ свиней и откармливали ихъ въ теченіи дѣлаго года, а передъ праздникомъ Рождества кололи. Свиное мясо солилось или коптилось и вѣчна употреблялась на зимнія щи; а голова, ноги, кишки, желудокъ подавались свѣжими въ разныхъ приготовленіяхъ, какъ-то: голова подъ студнемъ, съ чеснокомъ и хрѣномъ; изъ кишекъ дѣлали колбасы, начинивая ихъ смѣсью мяса, гречневой каши, муки и яицъ. Русскіе въ старину любили свинину, кажется болѣе, чѣмъ теперь. Зайцы подавались душенные (духовые), разсолные (въ разсолъ вареные) и подъ взварами, особенно сладкими. Были и тогда люди, которые считали зайцевъ нечистыми животными, какъ и теперь; но другіе объясняли, что его ѣсть не грѣшно, только надобно смотрѣть, чтобы онъ не былъ задушенъ во время травли. Стоглавъ запрещаетъ продавать зайцевъ безъ спущенія крови. Такое же предостереженіе издано было отъ московскаго патріарха въ 1636 г. (См. А. А. Э. III. 46). На равнѣ съ зайцами, нѣкоторые чуждались или остерегались оленины и лосины; но мяса этихъ животныхъ почитались роскошью даже въ царскихъ и боярскихъ торжествахъ.

Куры подавались во щахъ, въ ухѣ, въ разсолъ, жареныя на рожнахъ, на вертелахъ, называемыя по способу ихъ приготовленія парожными и верченами. Щи съ курицей назывались богатыми щами и всегда забѣливались. Къ жареной курицѣ обыкновенно подавалось что нибудь кислое: уксусъ или лимонъ. Куря рафленое былъ употребительный въ XVII вѣкѣ. Супъ изъ курицы съ сарацинскимъ пшеномъ, изюмомъ и разными приностями; куря безкостное — соусъ изъ курицы безъ костей съ начинкою изъ баранины, или яицъ съ шафранною похлебкою. За роскошными обѣдами подавались особыми блюдами: куриные пупки, шейки, печенки и сердца.

Утки, гуси цапли и друг. птицы какъ то: лебеди, журавли, тетерева, рябчики, куропатки, жаворонки, тоже шли въ пищу. Утки во щахъ и жареныя. Гуси—шестные начинивались гречневой кашей и подправлялись говяжьимъ саломъ; изъ гусей

приготовляли полотки, которые ѣли зимою съ хрѣномъ и уксу-сомъ. Гусиные потроха шли въ уху, или въ особыя кушанья подь взварами. Рябчики, тетерева и куропатки—кушанья зимня обыкновенно подавались: первый—приправленный съ молокомъ; прочіе жареные со сливами и другими плодами. Люди во всякое время считали ихъ изысканнымъ блюдомъ: ихъ подавали подь взваромъ съ топешками, то-есть изрѣзанными ломтиками, опущенными въ коровье масло; потроха лебязьи, какъ и гусиные подавались подь медвянымъ взваромъ, иногда же съ говядиной, или въ пирогахъ и перепечахъ. Прочей дичи въ Москвѣ было много и она была дешева; но вообще русскіе мало любили ее и мало употребляли. Каждое мясо имѣло свои огородныя и пряныя приправы: такъ—рѣпа шла къ зайцу, чеснокъ къ говядинѣ и баранинѣ, лукъ къ свининѣ.

Похмѣлье. Исчисляя мясныя кушанья нельзя не упомянуть объ одномъ оригинальномъ кушанѣ названномъ *похмѣлье*. Это кушанье состояло изъ холодной разрѣзанной на тонкіе ломтики баранины, смѣшанной съ мелкоискрошенными огурцами, огуречнымъ рассоломъ, уксусомъ и перцемъ. Его употребляли на похмѣлье (Врем. VI. А. И. II. 431. Пав. Іов.—Olear. 209—Petr. 318—Jenkins 350).

Рыба и рыбныя кушанья. Московское государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу. Употребительные сорта рыбы были: лососина, привозимая съ сѣвера изъ Корелы, осетрина шехонская и волжская, волжская бѣлорыбица, ладожская ладога и сырть, бѣлозерскія снятки и рыбки всѣхъ небольшихъ рѣкъ: судаки, караси, щуки, окуни, лещи, голецы, пискари, ерши, вандыши, хохолки, вьюны. По способу приготовленія рыба была свѣжая, вяленая, сухая, соленая, провѣсная, вѣтряная, паровая, подвареная, въ прокъ щипаная, копченая. По принятому обыкновенію закупать для дома провизию въ большемъ количествѣ, вездѣ продавалось множество рыбы заготовленной въ прокъ посредствомъ соли. Домовитый хозяинъ покупалъ для домашняго обихода большой запасъ, складывалъ въ погребъ, а чтобы она не испортилась, то вывѣшивалъ на воздухъ и это называлось *провѣсною*, а если хорошо провѣтрилась, то *провѣтреной*. Съ тѣхъ поръ рыба складывалась не въ погребъ, а въ сушильѣ пластами и

прутами. Пластовая рыба, клалась на придѣланныхъ къ стѣнамъ сушила полицяхъ, а прутовая кучею подъ рогожею.

Русскіе не умѣли хорошо солить рыбу, какъ не умѣютъ этого дѣлать и теперъ: она у нихъ воняла: но простой народъ, по замѣчанію иностранцевъ, не только не отворачивался отъ ней, но предпочиталъ ее свѣжей. Взявъ въ руки рыбу, русскій подносилъ ее къ носу и пробовалъ; достаточно ли она воняетъ, и если въ ней вони было мало, то клалъ и говорилъ: „еще не поспѣла“. При затруднительности путей сообщенія, свѣжей рыбой могли пользоваться только тѣ, кто жилъ близъ рыбныхъ мѣстъ. Въ Москву свѣжая красная рыба доставлялась только для царскаго стола и для знатныхъ князей и бояръ: она привозилась живая и содержалась въ прудахъ, сдѣланныхъ нарочно въ ихъ садахъ. Масса жителей довольствовалась соленою осетриною, приготовляемою въ Астраханскихъ учугахъ.

Горячія рыбныя кушанья были: щи, уха и рассольное. Рыбная уха дѣлалась изъ разныхъ рыбъ, преимущественно чешуйчатыхъ, а также изъ рыбихъ потроховъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ пшеномъ, или съ крупами и съ большимъ прибавленіемъ перца, шафрана и корицы. По способамъ приготовленія въ русскомъ столѣ различалась: уха рядовая, красная, черная, опеканная, вялая, сладкая, пластовая; въ уху бросали мѣшечки или толченики, приготовленные изъ тѣста съ искрошенной рыбой. Щи дѣлались кислыя съ свѣжей и соленою рыбой, иногда съ нѣсколькими сортами рыбъ вмѣстѣ, часто съ рыбой сухой, въ родѣ стертой въ порошокъ муки. При этихъ горячихъ кушаньяхъ, подавали пироги съ рыбными начинками или кашею.

Рассольное приготовлялось также обыкновенно изъ красныхъ рыбъ, какими и по сіе время называются осетрина, бѣлужина и лососина. При горячихъ кушаньяхъ подавали пирожки съ разными рыбными начинками и съ кашею. Въ постные дни, лѣтомъ подавалась *ботвинья* съ лукомъ и разными кореньями. Изъ тертой рыбы разныхъ родовъ смѣшанныхъ вмѣстѣ съ примѣсю крупы и разнаго пшена приготовлялось кушанье, подѣ названіемъ „рыбная каша“, а въ скоромные дни примѣшивали туда и мяса; такую же кашу (фаршъ) клали и въ пироги.

Тѣльное. Тѣльное приготовляли изъ рыбы въ родѣ котлетъ;

смѣшивали съ мукою, обливали орѣховымъ масломъ, прибавляя туда пряностей и толкли. Это называлось рыбнымъ караваемъ. Жареную рыбу подавали облитую какимъ нибудь взваромъ.

Икра была въ числѣ обычныхъ кушаньевъ. Свѣжая зернистая изъ осетра и бѣлорыбицы и составляла роскошь. Но во всеобщемъ употребленіи были: паюсная, мѣшечная, армянская—раздражающаго свойства и мятая—самаго низшаго достоинства, которую употребляли простолюдины. Икру употребляли съ уксусомъ, перцемъ и накрошеннымъ лукомъ. Кроме сырой икры употребляли еще икру вареную въ уксусѣ или маковомъ молокѣ и пряженую. Въ посты, русскіе дѣлали икрянники или икряные блины. Это была взбитая, послѣ продолжительнаго битья, икра, съ примѣсю крупичатой муки и потомъ запаренная.

Балыкъ, (тат.) живая рыба. Собственно копченая осетрина и вяленая была любимымъ кушаньемъ (закускою) русскихъ.

Растительныя яства. Въ тѣ постные дни, когда считалось грѣхомъ употреблять рыбу, пища русскихъ состояла изъ растительныхъ веществъ. Ъли кислую и ставленную капусту, свеклу съ постнымъ масломъ и уксусомъ, пироги съ горохомъ, съ начинкою изъ растительныхъ веществъ, гречневою и овсяную кашу съ постнымъ масломъ, луковники, овсяный кисель, левашники, оладьи съ медомъ, каравай съ грибами, и съ пшеномъ, разнаго рода грибы, вареные и жареные, (масляники, грузди, сморчки, рыжики) разныя приготовленія изъ гороха: горохъ битый, горохъ тертый, горохъ цѣженный, сыръ гороховый, то-есть твердо сбитый мятый горохъ съ постнымъ масломъ, лапшу изъ гороховой муки, творогъ изъ маковаго молока, хрѣнъ, рѣдьку и разныя овощныя приготовленія: взваръ изъ овощей и коливо.

Вообще ко всякимъ кушаньямъ русскіе любили примѣшивать пряныя приправы, а въ особеннсти лукъ, чеснокъ и шафранъ. По запаху чеснокомъ русскіе отличались отъ прочихъ иноземныхъ обитателей, которые даже замѣчали въ своихъ сочиненіяхъ о Россіи, что они не могли выносить вонючей ухи *)

*) Изв. изъ очерка домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа. Н. И. Котомарова. 1860 года.

въ которой кромѣ рыбы, воды и чесноку ничего не было. Для русскихъ лукъ и чеснокъ представлялся первой необходимостью, перецъ, горчица и уксусъ ставились, какъ необходимость обѣда, при чемъ каждый гость бралъ, сколько хотѣлъ. При изготовленіи блюдъ не употребляли соли, солить предоставлялось каждому обѣдающему. Но соль любили вообще и все соленые предметы въ прокъ и не только употребляли, какъ уже сказано, мясо и рыбу въ соленомъ видѣ, но и заправляли съ солью и уксусомъ разные овощи и плоды: огурцы, сливы, яблоки, груши и вишни. У домовитыхъ хозяевъ всегда стояло нѣсколько посудинъ съ такими соленьями, нагнетенныхъ камнями, и засѣченныхъ въ ледъ. Они подавались къ жареному мясному и рыбному, а бѣлая соленая капуста была обычнымъ запасомъ на зиму, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ *).

Лакомства и десерты. Лакомства и десерты состояли изъ плодовъ, свѣжихъ или приготовленныхъ въ патоку, съ медомъ или сахаромъ. Плоды эти отчасти туземнаго приготовленія, отчасти привозные. Хозяева употребляли яблоки и груши въ патоку, или въ квасу.

Леваши. Это лакомство дѣлали изъ малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сперва варили, потомъ протирали сквозь сито, и вслѣдъ затѣмъ варили снова уже съ патокой густо мѣшая во время варенія. Потомъ выкладывали эту густую смѣсь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнцѣ или противъ огня; когда она высохла, то свертывали ее въ трубочки.

Пастила. Пастила тоже составляла лакомство, она готовилась изъ яблокъ. Яблоки клали въ сыту и парили въ ней, потомъ протирали сквозь сито, клали патоку, снова запаривали, мѣшали, били, мяли, потомъ выкладывали на доску и давали подняться вверхъ, наконецъ складывали въ мѣдныя, луженныя творила, давая закиснуть, и опрокидывали внизъ. Пастилу дѣлали также изъ другихъ овощей, напримѣръ, изъ калины.

Мазюня. Рѣдку въ патоку приготовляли такимъ образомъ: сначала искрашивали рѣдечный корень въ мелкіе ломтики,

*) Домострой 102. — Врем. VIII. — Русск. Вѣст. 1841 г. 733. Олеаріи 209. — Ювій 16.—и проч.

вздѣвали на спицы, такъ, чтобы ломтикъ не сталкивался съ другимъ ломтикомъ и вывѣливали на солнцѣ, или въ печахъ послѣ печенія хлѣбовъ; когда въ растеніи не оставалось сырости, толкли его, просѣвали на сито, между тѣмъ варили въ горшечкѣ бѣлую патоку, и, уваривъ, выливали въ рѣдечную муку, прибавляя туда разныхъ пряностей, какъ-то: перцу, мускату, гвоздики, и, запечатавъ горшечекъ, ставили въ печь на два дня и на двѣ ночи. Смѣсь эта должна быть густа, какъ паусная икра, и называлась *мазюня*; такую же мазюню приготавливали подобнымъ же образомъ изъ сухихъ вишенъ, арбузовъ, привозимыхъ въ Московію съ низовьевъ Волги. Изъ послѣднихъ приготавливалось слѣдующее лакомство: изрѣзавъ арбузъ пальца на два отъ коры, кусками, не толще бумаги, клали на сутки въ щелокъ, между тѣмъ варили патоку съ перцемъ, имбиремъ, корицею и мускатомъ, и потомъ клали туда арбузы. Тоже самое приготавливали изъ дынь.

Вообще, какъ всѣ коренные русскіе были любители сладкаго, то варили въ сахарѣ и въ патоку привозные плоды; изюмъ съ вѣтвями, коринку, смоквы (фигу), имбирь и разныя пряности. Обыкновенное русское лакомство было взваръ, приготавливаемый изъ винныхъ ягодъ, изюму, финиковъ, вишенъ и другихъ плодовъ съ медомъ, сахаромъ или патокою, съ большимъ количествомъ гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, имбиря и прочаго. Одинъ родъ взвара, назывался медвянымъ, другой — кваснымъ.

Сахарныя лакомства и печенія. Къ лакомствамъ также должно отнести пряники и коврижки, русское національное печеніе. Сахаръ и леденецъ, привозимые русскими изъ-за границы служили предметомъ лакомствъ для богатыхъ. На царскихъ и боярскихъ пирахъ ставили на столъ приготовленныя изъ сахара изображенія орловъ, лебедей, утокъ, голубей, кремлей, теремовъ, людей и также цѣлыя сахарныя головы. По способу приготовленія и по цвѣту различалось нѣсколько сортовъ сахара: сахаръ свароборинный, сахаръ зеренчатый, узорочный, леденецъ бѣлый и красный. Все это привозилось черезъ Архангельскъ и переходило въ народное употребленіе изъ-за боярскихъ столовъ *).

*) Кн. о лѣствахъ. 28. Врем. VI.—Olear. 174.—А. И. 327. II. 14. 423.

Напитки. Вина виноградныя. Еще Олегъ, по возвращеніи его изъ похода Константинопольскаго (907 г.) привезъ съ собою въ Кіевъ: золото, ткани, овощи и вина *), слѣдовательно мы тогда еще были знакомы съ винами греческими; но неизвѣстно какія именно были это напитки. Въ концѣ XV столѣтія у насъ въ Россіи упоминается бѣлое и красное вино. Новгородскій архіепископъ Теофилъ при прощаніи съ В. К. Иоанномъ III (1476 г.) подарилъ ему три бочки вина *бѣлаго*, двѣ *краснаго* и двѣ меду стараго **). Нѣтъ сомнѣнія, что вина были извѣстны ранѣе этого времени. Въ началѣ XVI вѣка, мы узнаемъ *Бургонское*, носившее названіе „Романей“. Его къ намъ, привозили нѣмецкіе купцы. Романею, по словамъ Карамзина, называлась еще въ питейныхъ домахъ наливка, настоящая на водкѣ съ медомъ, также на черникѣ съ клюквой.— *Капарское вино*, или *бастръ* и *мальвазію* пили за столомъ одни богатые и этими винами подчивали отличныхъ гостей, особенно мальвазію: ее давали понемногу и принимали, какъ лекарство.

Водка. Водка произведеніе Аравіи и перешла въ не ранѣе конца XIII вѣка. Раймундъ Лулія находясь на островѣ Майоркѣ бывшемъ тогда въ рукахъ аравитянъ, узналъ тамъ отъ одного ученаго мужа способъ приготовленія водки, называемой „жизненною водою“ (Aqua Vitae) и привезъ ее въ Европу (въ 1290 г.). Тогда весь свѣтъ считалъ эту водку за воду полученную отъ философскаго камня. Ее предписывали принимать каплями, и она производила цѣлебное дѣйствіе. Генуезскіе купцы, узнавъ способъ приготовленія этого напитка отъ Арнольда де Виллана, который вывѣдалъ отъ Лулія, продавали въ стклянкахъ за дорогую цѣну, какъ цѣлительный бальзамъ, подъ именемъ „жизненной воды“. Они производили ее посредствомъ выгонки изъ винныхъ дрожжей, сочныхъ плодовъ и хлѣбнаго зерна.

Послѣ паденія Генуезской торговли въ XV столѣтіи, тайна выдѣльванія сдѣлалась всеѣмъ извѣстною; за всеѣмъ тѣмъ водка долго еще продавалась, какъ лекарство. Весьма вѣроятно, что по открытіи способа Генуезцами, курить вино, оно вскорѣ

*) Нест. по Кенигсб. Сп. с. 26.

**) Русск. лѣт. по Никон. список

перешло на югъ Россіи, а тогда Генуезцы, владѣя приморскими мѣстами, Таврическимъ полуостровомъ, имѣли съ нами сношеніе по торговлѣ. Правдоподобнѣе полагать можно, что водка появилась у насъ не ранѣе 1398 года, тогда уже Генуезцы доставляли водку въ Литву и ознакомили насъ съ пагубнымъ напиткомъ *).

Русская водка дѣлалась изъ ржи, пшеницы и ячменя. Водка вообще называлась виномъ и раздѣлялась на сорта: обыкновенная водка носила названіе простаго вина, лучше этого сортъ назывался — вино доброе; еще выше — вино боярское, наконецъ еще высшій сортъ — вино двойное, чрезвычайно крѣпкое. Кромѣ этихъ водокъ, дѣлались водки съ подслащеніемъ патокою, эта водка посвящалась женскому полу. Хозяйева настаивали водки на разныхъ пряностяхъ и душистыхъ травахъ, также настаивали на корицѣ, звѣробѣ, бодягѣ, амбрѣ, селитрѣ, на разныхъ коркахъ и плодахъ. Русскіе пили водку не только предъ обѣдомъ, но во весь день.

Иностранныя вина, въ XVI столѣтіи, употреблялись только въ знатныхъ домахъ и то въ торжественныхъ случаяхъ. Но помѣръ того, какъ торговля стала знакомить насъ съ европейскою жизнію, употребленіе виноградныхъ винъ распространилось между зажиточными людьми, а въ XVII вѣкѣ явились въ Москвѣ цюгеба, гдѣ не только явились вина, но куда сходились веселыя компаніи. Изъ винъ было въ большомъ употребленіи: греческое, церковное, мальвазія, бастръ, алканъ, венгерское, бѣлое, красное, французское, ренское, романея.

Продажа горячаго вина и всѣхъ хмѣльныхъ напитковъ была у насъ сперва вольная, но какъ излишнее употребленіе причиняло бѣдность и раззореніе безчисленнымъ семействамъ, то это побудило Великихъ Князей, ограничить неумѣренное употребленіе. В. К. Іоаннъ III совершенно запретилъ приготавливать крѣпкіе напитки. Въ бытность въ Москвѣ посла барона Герберштейна (нач. XVI в.), позволялось народу пить крѣпкіе напитки только въ нѣкоторые праздничные дни. Царь Іоаннъ IV, построивъ для своей опричины *кабакъ* въ Москвѣ, на Балчугѣ, дозволялъ имъ пить сколько угодно. Затѣмъ всѣмъ, онъ не

*) Быть Русскаго Народа. А. Терещенко. Часть I.

любилъ пьянствующихъ; онъ позволилъ народу веселиться въ кабакахъ, только: На святой недѣль, въ Рождество Христово и въ Дмитріевскую субботу. Во всякое другое время велѣлъ сажать въ тюрьму *).

У зажиточныхъ хозяевъ напитки хранились въ ледникахъ или въ подвалахъ, которыхъ бывало нѣсколько при домѣ. Они дѣлались отдѣлами, каждый отдѣлъ былъ наполненъ льдомъ на лѣто. Въ нихъ ставились бочки, они назывались „беременная и полубеременная“. Вместимость тѣхъ и другихъ не всегда и не вездѣ была одинакова, вообще же можно положить беременную бочку положить въ тридцать, а полубеременную въ пятнадцать ведеръ. Въ монастырскихъ подвалахъ бочки отличались своею огромностью, напримѣръ въ три сажени въ длину и въ двѣ въ ширину; онѣ никогда не сдвигались съ мѣста, а питье пропускалось въ нихъ, и добывалось изъ нихъ чрезъ особое отверстіе, продѣланное въ сводѣ погреба. Напитки наливали изъ бочки сначала въ оловянки или мѣрники—большую посуду, потомъ уже разливали для подачи къ столу въ меньшіе сосуды **).

Продажа горячаго вина, и всѣхъ хмѣльныхъ напитковъ сперва была вольная; но какъ излишнее ихъ употребленіе причиняло бѣдность и раззореніе безчисленнымъ семействамъ, то это побудило Великихъ князей ограничить неумѣренное потребленіе. Великій князь Іоаннъ III совершенно запретилъ готовить крѣпкіе напитки. Въ бытность въ Москвѣ посла барона Герберштейна (нач. XVI вѣка) позволялось народу пить крѣпкіе напитки только въ нѣкоторые праздничные дни.

Царь Ѳедоръ велѣлъ разломать кабакъ, но Борисъ Годуновъ, думая о государственныхъ доходахъ болѣе, чѣмъ о народной нравственности, приказалъ вновь выстроить и отдалъ всѣ крѣпкіе напитки *на откупъ*. Въ началѣ XVII вѣка находились во всѣхъ городахъ и селеньяхъ кабаки, называемые *кружечными дворами*, происходящими отъ слова: *кружка*,

*) Въ Пермоустюжск. грам. 1553 г. сказ. Пермичь пожаловаль, далъ симъ имъ въ году три недѣли питья варити и пити: недѣля великоденная, другая въ осень Дмитровская, третья въ зимѣ Рождественская, тѣмъ тремъ недѣлямъ вино щти допѣти безъ явки.

**) См. Очеркъ домашней жизни и нравовъ Бѣликовъ. Народа А. Терещенко.

которую мѣрилось вино. Въ Сибири были заведены такіе же дворы въ 1617, году со стороны казны. Но какъ многіе перестали заниматься работами, проводя жизнь въ пьянствѣ и приходя въ нищету, то царь Михаилъ Ѳедоровичъ, уничтожилъ всѣ кабаки, учредилъ одни питейные дома въ конхъ продавалось вино только въ большомъ количествѣ. Царь Алексѣй отдалъ опять на откупъ и повелѣлъ завести кабаки во всѣхъ городахъ по одному, а въ Москвѣ три; въ послѣдствіи ихъ размножилось до чрезмѣрности *).

Намъ нечего болѣе говорить о томъ, что развитіе по части хмѣльныхъ питей получило значеніе благодаря факту открытія водки; но этого недостаточно, чтобы осмыслить полное значеніе пьянства или вѣрнѣе—полной потребности неослабнаго запоя, нужно много писать, и много писать; а еще лучше—ничего не писать. Скорѣе всего не выдумывать пьянство, не выдумывать напитоковъ и водки—вотъ и все. А пробовать искоренить то, что съ корнемъ заточилось—трудно!

Попойки. До временъ Петра I знатные люди проводили время въ попойкахъ, которые не считалось порокомъ. Это было нерѣдкостью во всей Европѣ. Хозяинъ, не уподчивавшій своихъ гостей считался неласковымъ, и съ нимъ не хотѣли знаться.

Благовидною причиною къ опьяненію служили въ старину тосты за здравіе государя, потомъ, государыни, тамъ за каждое царственное лицо, патріарха, знаменитыхъ сановниковъ, за побѣдоносное оружіе и наконецъ за cadaго изъ присутствующихъ. Не опорожнить за здоровье cadaго кубокъ вина, значило имѣть не уваженіе къ дому, не желать ему добра, а также и тому за чье здоровье отказывались пить. Хозяинъ начиналъ первый и неотступною просьбою заставлялъ выпивать до капли. Въ половинѣ XVIII вѣка попойки происходили только въ дружескихъ обществахъ, на именинахъ, крестинахъ и свадьбахъ, и никогда гости не расходились, не упившись, даже первостепенныя особы. Какъ по деревнямъ, такъ и по домамъ не было веселости безъ вина. Тамъ, съѣзжаясь другъ къ другу, проводили время въ попойкѣ иногда цѣлыя недѣли, и по оконча-

*) Отъезды иностранцевъ о кабакахъ. См. стран. 217. Бытъ Русск. Нар. А. Терещенко.

ніи разгуля начинали опохмѣляться, столько же времени. Не пить, значило унижать себя. Женскій полъ не довольствуясь крѣпкимъ медомъ, пилъ тоже и зеленое вино. Въ концѣ XVIII вѣка покончили неумѣренное подчиваніе (въ столицахъ), а дамы изгнали пьянство изъ своего общества. Но и по сей часъ, въ простомъ народѣ существуетъ (въ отдаленныхъ губ.) обычай угощать гостей и *невольтъ* по пословицѣ: „въ чужой монастырь со своимъ уставомъ—не суйся“. Нынѣ впрочемъ существуетъ противоположная пословица: „подчивать велѣно, а невольтъ—грѣхъ“.

Буза. Со временъ татарскаго ига, мы получили понятіе о приготовленіи бузы изъ проса холоднымъ путемъ, Теперь этотъ напитокъ вышелъ изъ употребленія. У татаръ разумѣютъ подъ этимъ словомъ брагу, и по словамъ Ксенофонта напитокъ, этотъ найденъ въ Арменіи въ зарытыхъ въ землѣ сосудахъ.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ И МЕБЕЛЬ.

Главное украшеніе домовъ составляли кромѣ вышеупомянутой обстановки, образа: не было покоя, гдѣ бы ихъ не висѣло нѣсколько. И чѣмъ хозяинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ болѣе это выказывалось множествомъ образовъ. Ихъ ставили не только въ жилыхъ покояхъ, но въ сѣняхъ, лавкахъ, и амбарахъ *). Большому числу образовъ въ домахъ способствовало еще и то, что въ старину было въ обычаѣ дарить пріятелей образами. Такимъ образомъ также царей и князей дарили образами монастыри, владыки и бояре.

Всѣ иконописныя произведенія были русскихъ мастеровъ; такъ какъ по общему вѣрованію благодать надъ тѣмъ образомъ не могла существовать, который былъ писанъ иновѣрцемъ.

Образа ставились въ переднемъ углу и этотъ уголъ задерживался занавѣсомъ, называемымъ застѣнокъ. Сверхъ того каждый образъ отдѣльно задерживался привѣшеннымъ къ концу его убрисомъ, а внизу спускался конецъ матеріи, называемый *пеленою*, часто (у богатыхъ) украшенный дорогими камнями,

*) Carl. 356.—Petr. 387.

жемчугомъ, блестками и т. д. Въ праздники ихъ мѣняли на божье дорогія и красивыя.

Въ домахъ зажиточныхъ хозяевъ, кромѣ образовъ, находящихся въ каждой комнатѣ было по комнатѣ, назначенной исключительно для молитвы. Здѣсь находилось все, что должно служить для моленія: образа, аналой, молитвенныя книги, просфора Пресвятой Богородицы, которой приписывали благодатную силу и ставили во время трапезы на столѣ, а по бокамъ подсвѣчники съ восковыми свѣчами. На полицѣ подъ образами лежало крылышко для обметанія пыли, и губка для обтиранія. Таковыя комнаты назывались крестовыми, позже молельными, гдѣ священники совершали утреню, вечерню, часы; нѣкоторые имѣли своихъ священниковъ; а набожные вельможи имѣли даже домовыя церкви.

Въ сѣняхъ каждаго дома лежали рогожи или ковры. Они положены были для того, чтобы обтирать подошвы ногъ, такъ какъ въ старину не было въ употребленіи калошъ. Для сидѣнія служили лавки, придѣланныя, какъ сказано было, къ стѣнамъ на глухо. Какою матеріею были обиты стѣны, тою же матеріею обивались и лавки. Затѣмъ, на лавки накладывались куски матеріи называемыя полавочниками; они дѣлались о двухъ полотнищахъ, такъ что одно было длиннѣе другаго. Первое закрывало лавку во всю длину, а послѣднее свѣшивалось до земли закрывая средину пространства между лавкою и поломъ. Ихъ длина и ширина были различны, смотря по лавкамъ, которыхъ величина была соразмѣрна покоямъ. Такъ, напримѣръ, были полавочники въ 6 аршинъ длиною и два шириною; но изъ этого нельзя заключать, чтобъ лавки были широки, ибо здѣсь принималась широта всего полавочника, въ двухъ полотнищахъ. *) Полавочники перемѣнялись: въ будни клались по проще, въ праздники и во время приѣма гостей—понаряднѣе. Такимъ образомъ въ будни полавочники клались суконные, а въ праздники изъ шелковой матеріи, подбитые какою нибудь простою тканью, и отороченные кускомъ матеріи другаго цвѣта. Также куски клались на окна и назывались *наоконниками*. Въ будни клались простые коврики, въ праздники шелковыя

*) Опис. Хорозина. Нар. О. З. 1851 г. Сент. 115.

матеріи, вышитыя золотомъ. Длина ихъ была отъ двухъ до трехъ аршинъ, а ширина около двухъ; вѣроятно они спадали внизъ съ оконнаго карниза.

Вообще какъ налавочники, такъ и наоконники были разныхъ цвѣтовъ: свѣтлотемаго, голубаго, кирпичнаго, гранатнаго, и преимущественно красныхъ отливовъ, иногда вышитыя узорами. На налавочникахъ узоры на меньшемъ полотнищѣ дѣлались другіе, чѣмъ на большемъ. Кромѣ лавокъ для сидѣнія дѣлались еще скамьи и столыцы. Скамьи были шире лавокъ, напимѣръ: до двухъ аршинъ шириною, длиною дѣлались до четырехъ аршинъ; въ одномъ концѣ ихъ придѣлывалось возвышеніе называемое *приоловникомъ*. На нихъ не только садились, но и ложились послѣ обѣда. Онѣ покрывались, какъ и лавки, полавочниками. Иныя скамьи служили постоянно кроватями. Столыцы были обыкновенными табуретами для сидѣнія одному лицу и также накрывались кускомъ матеріи. Скамей и столыцевъ въ домѣ было немного; а кресла и стулья составляли роскошь царскаго двора и знатныхъ бояръ, даже и тамъ были въ небольшомъ количествѣ; въ народѣ же вовсе не употреблялись. Столы дѣлались деревянные, большею частію дубовые, длинные и узкіе. У зажиточныхъ людей иногда ихъ разрисовывали изображеніями изъ Св. Писанія, а бока и ножки украшались рѣзьбою. Кромѣ большихъ столовъ были столы маленькіе, то аспидные, то украшенные разными камнями. Большіе столы покрывались подскатертниками, это была вещь необходимая для приличія. Во время трапезы поверхъ подскатертника накрывался столъ скатертью. Скатерти и подскатертники работали вообще дома и служили предметомъ занятій для многочисленной прислуги. Какъ налавочники и наоконники, такъ скатерти и подскатертники перемѣнялись по праздникамъ. Въ будни столы покрывались полотняными и суконными кусками, въ праздники бархатными, алтабасовыми, каановыми подскатертниками съ золотошвейными каймами. Скатерти у бѣдныхъ людей были полотняныя, грубой отдѣлки. У богатыхъ шитыя, браныя съ бахромами. Всѣ эти покрывала вообще на столахъ, окнахъ и лавкахъ назывались *хоромнымъ нарядомъ*. Стѣнныхъ зеркалъ у русскихъ вообще не было. Церковь не одобряла ихъ употребленія. Особенно духовнымъ лицамъ

соборъ 1666 г. положительно запретилъ имѣть зеркала въ своихъ домахъ; благочестивые люди избѣгали ихъ какъ одного изъ заморскихъ грѣховъ; только зеркала въ маломъ форматѣ привозились изъ за границы въ большомъ количествѣ и составляли принадлежность женскаго туалета. Также старинное благочестіе избѣгало стѣнныхъ картинъ и эстамповъ, не допуская другихъ украшеній въ этомъ родѣ кромѣ иконъ; но въ XVII вѣкѣ мало-по-малу начали входить въ общій обиходъ картины и эстампы сначала въ церквахъ, хорамахъ, потомъ у знатныхъ лицъ. Вкусъ къ нимъ началъ распространяться и между прочими сословіями и уже въ концѣ XVII вѣка, ихъ продавали въ овощномъ ряду въ Москвѣ. Впрочемъ, эстампы, которые тогда позволяли себѣ вѣшать въ золоченыхъ рамахъ богатые люди, заключали преимущественно священные предметы, но ихъ строго отличали отъ образовъ и они вовсе не имѣли никакого священнаго значенія.

Кровати. Кроватью въ старину служила прикрѣпленная къ стѣнѣ скамья или лавка, къ которой приставляли другую лавку. На этихъ лавкахъ клали постель состоящую изъ трехъ частей. Пуховика или перины, изголовья и подушекъ. Было два изголовья — нижнее называлось бумажнымъ и подкладывалось подъ верхнее, на верхнее клались подушки обыкновенно три; постель покрывалась простынею, изъ полотна, или шелковой матеріи, а сверху одѣяломъ, входящимъ подъ подушки. Постели убирались понаряднѣе въ праздники, или на свадьбахъ, попроще въ обычные дни. Въ нарядныхъ постеляхъ на изголовья и подушки надѣвались наволоки камчатныя, бархатныя, атласныя обыкновенно краснаго цвѣта, шитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя жемчугомъ по окраинамъ. Одѣяла постилались подбитыя соболемъ атласныя, краснаго цвѣта, съ гравами, то-есть съ каймами золотой и серебряной матеріи, подбитыми соболями. Самыя перины были набиты лебяжьимъ или чижевымъ пухомъ. Навлоки были на простыхъ постеляхъ тафтяныя, бѣлыя или красныя, подбитыя крашениною. Простыя одѣяла подбивались заячьимъ мѣхомъ. Вообще однако, постели были принадлежностью только богатыхъ людей, да и у тѣхъ стояли болѣе для вида въ своемъ убранствѣ, а сами хозяева охотнѣе спали на простой звѣриной шкурѣ, или на матрасѣ. У людей

посредственнаго состоянія обычною постелью служили войлоки, а бѣдные поселяне спали на печаяхъ, постилавши подъ головы собственное платье или же на голыхъ доскахъ. Дѣтскія колыбели дѣлались всячія, всегда широкія и длинныя, для того чтобы дитя могло расти, а внутри ихъ всегда привѣшивались образки или крестики.

Для храненія домашнихъ вещей употреблялись *скрины* *) *сундуки*, погребцы и чемоданы. Посуду ставили въ поставцахъ, эти поставцы были столбы, уставленные со всѣхъ сторонъ полками. Къ низу ихъ дѣлали шире, къ верху уже; на нижнихъ полкахъ ставили болѣе массивную посуду, на верхнихъ мелкую. Разныя женскія украшенія хранились въ ларцахъ, которые сами по себѣ украшались великолѣпно, наводились яркими красками и золотомъ, расписывались узорами и окаймлялись металлическими кружевами. Такіе ларцы передавались изъ рода въ родъ вмѣстѣ съ драгоценностями, какія тамъ сохранялись. Для украшенія въ домахъ, зажиточные люди раскладывали разныя бездѣлки, въ родѣ слѣдующихъ: серебряныя яблоки, позолоченное изображеніе пѣтуха съ бѣлымъ хвостомъ, на поддонѣ мужичекъ серебряный, костяной городъ съ башнями, и миниатюрныя изображенія разныхъ домашнихъ принадлежностей изъ золота и серебра, напримѣръ: жукъ, въ которомъ было паникадило, столъ, четыре подсвѣчника, разсолъникъ, рукомойникъ, четыре блюда, четыре тарелки и проч., все въ маломъ видѣ, такъ, что вмѣсто два фунта и 38 золотниковъ; или напримѣръ, ставецъ, серебряный, въ которомъ была бочка, зеркальце и т. п. Знакомство съ Европой ввело къ намъ часы. Такъ у Артамона Сергѣевича Матвѣева было нѣсколько часовъ; одни показывали часы астрономическаго дня, на другихъ означалось время отъ восхода до заката солнца, третьи показывали теченіе сутокъ съ полуночи, въ полдень, какъ наши часы нынѣшняго времени. Часы стѣнные карманные, составляли рѣдкость, и гораздо употребительнѣе были часы боевые, стѣнные и столовые. Устройство ихъ отъ нашихъ отличалось тѣмъ, что въ нихъ не стрѣлка по циферному кругу, а самый кругъ двигался. Столовые часы дѣлались

*) Родъ колодцевъ съ выдвигающимися ящиками.

съ затѣйливыми фигурами, напримѣръ, съ четверугольною крынкою, съ перилами на верху, или мѣдное изображеніе слона съ сидящимъ на немъ человѣкомъ, или въ видѣ башни. На чердакъ ея сдѣланы были изображенія людей, а на самой вершинѣ изображеніе орла *).

Освѣщеніе. Освѣщеніе въ домахъ было свѣчами восковыми и сальными. Восковыя употреблялись преимущественно у богатей и то единственно въ праздничные дни и во время торжественныхъ собраний. Въ самомъ царскомъ дворцѣ зажигали сальные свѣчи. Свѣчи вставлялись въ подсвѣчники, которые были стѣнные, прикрѣпленные къ стѣнамъ, стоячіе, значительной величины и малые, и ручные. Вообще они назывались шандалами, дѣлались обыкновенно изъ мѣди, иногда изъ желѣза. Въ XVII вѣкѣ у зажиточныхъ людей были въ домахъ такъ называемые струнные, мѣдные подсвѣчники, сдѣланные изъ натянутыхъ и расположенныхъ удобно мѣдныхъ проволокъ. Ночью, чтобы имѣть огонь держались ночники. По случаю большихъ собраний освѣщали дома висящими паникадилами, которыя въ богатыхъ и знатныхъ домахъ были серебряныя и дѣлались съ разными фигурами.

Для домашняго обихода держались стоячіе фонари, съ ними прислуга ходила въ конюшни и кладовыя. У простыхъ поселянъ избы освѣщались лучинами. (А. Ю. 445. А. И. П. 406. Доп. VI. 105.—Врем. XIII. Расх. кн. 9. 52. Mejerb. 232.—Бербер. 32).

Предметы влѣстимости. Для храненія громоздскихъ хозяйственныхъ припасовъ въ клѣткахъ употреблялись бочки, кадн, лукошки разной величины и объема. Бочки въ старину были самымъ обыкновеннымъ вмѣстилищемъ и жидкостей, и сыпучихъ тѣлъ, напр. хлѣбнаго зерна, муки, льну, рыбы, мяса сушеннаго, поскони и разнаго мелкаго товара, какъ-то: гвоздей, цѣпей, замковъ, топоровъ и другихъ принадлежностей хозяйства. Сосуды для варенія въ поварняхъ были котлы: мѣдные и желѣзные; тамъ, гдѣ приготавлилась каша на большое количество людей, въ дворѣ они достигали большихъ размѣровъ, напр. въ 7 ведеръ. Другіе были въ 4 ведра, въ ведро,

*) Chensel. Nacl. 277. Домост. 93. Козлинскъ 21. Мат. для Ист. Ст. Раз. 200. Врем. IV см. 22—VIII Оп. им. тат. 37. Раз. кн. Ник. 9. Дож. Б. Р. Ц. Забѣл. Отъ Зап. 1851 г. Сент.

въ полведра, и вообще назывались *творенными и тѣстовыми котлами*, въ отличіе отъ пивныхъ и винныхъ, достигавшихъ размѣра пятидесяти ведръ. Для небольшого количества пищи употреблялись горшки. Жаренье производилось на сковородахъ, не только желѣзныхъ, но и на мѣдныхъ, луженыхъ съ рукоятками; для мѣсива тѣста употреблялись деревянныя корыта и большіе чаны; для мытья бѣлья, корыта, ночвы, буки, для носки воды, ведра, кумчаны, корчаги, едновы, кувшины. По окончаніи обѣда у рачительныхъ хозяевъ всѣ сосуды вымывались, вытирались, потомъ опрокидывались внизъ и ставились на полкахъ въ кухнѣ или чуланѣ. Въ праздники, когда все въ домѣ облекалось въ праздничный видъ и въ поварню отпускалась посуда лучшей доброты *).

Для омыванія употреблялись рукомойники и лохани; у богатыхъ людей они были серебряные и позолачивались. У людей посредственнаго состоянія мѣдные и оловянные. Нерѣдко рукомойникъ былъ оловянный, а лохань мѣдная. Примѣромъ богатаго стариннаго прибора для умыванія можетъ служить рукомойникъ Ивана Васильевича, серебряный, позолоченный, съ изображеніемъ фигуръ (образомъ) на стоянцѣ, тоже изпещреннымъ чеканными фигурами; при немъ серебряная лохань съ чеканнымъ изображеніемъ рыбъ и раковъ.

Столовая посуда. Столовая посуда для пищи и питья носила общее названіе судковъ. Жидкое кушанье изъ поварни для стола носили въ кострюляхъ и оловяникахъ—мѣдныхъ или оловянныхъ съ покрывниками. Другая посуда для носки жидкихъ кушаньевъ была разсолникъ, также съ покрывкою, родъ соусника: онъ употреблялся также и для соленыхъ плодовъ. За столомъ жидкая пища разливалась въ мисы: у богатыхъ они были серебряныя, у небогатыхъ оловянныя и деревянныя. Твердыя кушанья приносились на блюдахъ. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленныя къ извѣстному роду кушаньевъ и поэтому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебяжье. На однихъ блюдахъ приносилось кушанье изъ поварни, другія оставались передъ гостями такъ, чтобы два человека и болѣе могли ѣсть съ одного блюда.

*) А. Н. I. 285. II. 399.—А. Ю. 499. Врем. VIII. Оп. Им. Тат. 22. XIII. Рас. кн. 43. Домост. Врем. 1. 67.

Последняго рода блюда назывались „*блюдцами*“. Овощи подавались на блюдахъ особой формы, называемыхъ „овощниками“, къ большимъ блюдамъ придѣлывались кольца по два, по четыре. Это показываетъ, что ихъ носили человекъ по два. У богатыхъ блюда были серебряныя съ выбойчатыми мишенцами по обводу; у людей посредственнаго состоянія—оловянныя или полуженныя, мѣдныя. Тарелки называемыя тарели, не были въ повсемѣстномъ употребленіи, и тамъ, гдѣ онѣ ставились передъ гостями, не перемѣнялись во все продолженіе обѣда, а поэтому въ домахъ ихъ было немного; у богатыхъ онѣ были серебряныя, граненыя, иногда позолоченыя; у менѣе зажиточныхъ изъ польскаго серебра или оловянныя. Всомъ онѣ до полфунта, а нѣкоторые и массивнѣе, напримѣръ, въ три четверти фунта. Въ домашнемъ сервизѣ немногія изъ нихъ были больше остальныхъ. Вѣроятно названіе тарели смѣшишивали съ названіемъ блюда, такъ что въ одномъ мѣстѣ плоскую посуду, поставленную передъ гостями, называли тарелками, а въ другомъ блюдами. Ложки у богатыхъ были серебряныя, позолоченыя, съ фигурою на концѣ рукоятки и съ надписью, кому принадлежитъ. Ножи въ богатыхъ домахъ оправлялись золотомъ и серебромъ съ драгоценными камнями: ихъ не подавали гостямъ, потому, что кушанье подавалось уже разрѣзанное. Вилки были двухзубыя, а иногда ихъ вовсе не клали. Салфетки не употреблялись. Но необходимою принадлежностью столоваго прибора почитались: солоница, уксусница, перечница, иногда горчица. Когда готовили столъ къ трапезѣ, то, постлавши скатерть, ставили на нее эти сосуды. Солоницы дѣлались на стоянцахъ съ покрывками и съ рукоятками, уксусницы и перечницы на ножкахъ; эти сосуды иногда соединялись въ одинъ, напримѣръ, солоница, а въ верху ея перечница. Серебряныя солоницы и перечницы украшались узорами и литыми изображеніями, напримѣръ, солоница на звѣркахъ, солоница съ верхомъ, украшеннымъ финифтью съ изображеніемъ людей по бокамъ *).

*) А. Юр. 444. 445.—Вр. IV. См. 22.—Врем. VII. Оп. Им. Цар. Ив. Вас. VIII, Оп. ии. Тат.—Врем. XVIII. Рас. кн. 38. Собр. Гос. гр. 1. 320. 401. 406. 409. Достопр. Кремля 36. 49.—А. И. I. 4. 406. 428.—Доп. VI. 101.—Рус. Стар. 87. Пов. о пос. Щигв. Рук. И. П. Б.

Столовые сосуды для приноса питій были: енды, мутормы, ведра, кувшины, сулеи, четвертины, братины. Ендова былъ сосудъ болѣе кухонный, но употреблялся и какъ столовый для приноса питья; енды имѣли различную величину, напри- мѣръ, инныя заключали въ себѣ цѣлое ведро, другіе по шести ведеръ, а нѣкоторыя были столь малы, что заключали въ себѣ въсу только двѣ гривѣнки. Рѣдко употребляемая при обыкно- венномъ обиходѣ, онѣ были мѣдныя, выложенныя, съ носкомъ и рукояткою. Мушорма была сосудъ близкій по виду къ ен- довѣ, также съ носкомъ и съ рукоятью, въ чемъ заключалось ихъ различіе—неизвѣстно. Ведра были только служебною по- судою, но сдѣланныя въ маломъ размѣрѣ ставились съ напит- ками на столѣ; были такимъ образомъ серебряныя сосуды, въ фирмѣ ведра, носившіе это названіе съ душкою на верху, цилиндрической формы, а иногда многосторонниками.

Кувшинами, какъ теперь называютъ сосуды съ раздутыми боками по срединѣ, съ суженою шейкою, съ расширенными краями, съ носками и съ кругообразной рукоятю. Были кув- шины—серебряныя съ обручами на шейкахъ, съ крышкою на верху, на которой становились какія нибудь фигуры выпуклыя, напр. яблоко и такъ далѣе, иногда къ ручкѣ кувшина придѣ- лывалась цѣпочка. *Четвертиною*, какъ показываетъ ея назва- ніе, была четвертая часть единицы ведра, то есть кварта; но въ домашнихъ приборахъ этимъ именемъ называли сосудъ, раздутый по бокамъ, нѣсколько похожій на суповую чашку съ крышкою; въ нихъ отсылали питье изъ дома отсутствующимъ особамъ. *Четвертины* были разной величины даже такъ малы, что вставлялись въ небольшую шкатулку. *Братина*, какъ показываетъ ея названіе, былъ сосудъ, предназначенный для братской, товарищеской попойки, на подобіе горшка съ покрывкою. Изъ нихъ пили, черпая чумками, черпальницами, ковшами. Братины были разной величины: небольшія употреб- лялись даже прямо для питья изъ нихъ и назывались братин- ками. *Сулеи*—были маленькія бутылки съ узкимъ продолговатымъ горломъ и съ цѣпью; онѣ привѣшивались къ поясу въ дорогѣ *).

*) С. Г. Гр. I. 401. 406. 409.—Врж. IV. Сж. 20.—VII. Оп. Им. Ив. Вас. 25. 45. VIII. Оп. Им. Тат. 22. 35.—А. г. Шуи. 176.—А. И. I. 285.

Кружки, чаши, корцы и проч. Къ прочимъ сосудамъ принадлежали: кружки, чаши, кубки, корцы, ковши, подстаканы чарки, овкачи и болванцы.

Кружки были цилиндрическіе сосуды, съ рукоятью и крышкой, всегда въ одну стѣну съ низу до верху, къ верху нѣсколько уже, обыкновенно круглаго вида, какъ показываетъ самое названіе; но были также кружки осмигранныя; онѣ ставились на поддонахъ. Нормальная величина кружки опредѣлялась ея мѣрнымъ значеніемъ, такъ какъ кружками собственно называлась опредѣляемая мѣра (половина четвертины $\frac{1}{8}$ ведра). Но эта мѣра не всегда соблюдалась, какъ показываетъ различіе вѣса, напр. 4 фунта и въ 1 фунтъ. Слѣдовательно объемъ кружекъ былъ различенъ.

Чашами назывались большіе разложистые сосуды круглаго вида съ рукоятками, съ кольцами, съ намотками, со скобами, вѣсившіе иногда до двухъ фунтовъ и болѣе; но вообще подъ этимъ названіемъ разумѣли пропорцію выпиваемаго собесѣдниками вина; въ этомъ смыслѣ на одной братинѣ находится надпись: „Въ сію братину наливается богородицына чаша“. Пить сію чашу: значило, пить въ честь кого нибудь или за чье либо здоровье. Такимъ образомъ говорилось: „Государева чаша, патріаршая чаша“.

Кубками назывались сосуды съ круглымъ, иногда досчатымъ или плоскимъ дномъ, съ крышками, на подставкѣ, иногда на ножкѣ и на поддонѣ. Къ нимъ иногда придѣлывались цѣпочки. Дѣлались кубки двойчатые, то есть раздѣлявшіеся на двѣ половинки, изъ которыхъ каждая составляла особый сосудъ для питья. Величина кубка была различна. Всѣмъ извѣстенъ громадный сосудъ Ивана Васильевича Грознаго, хранящійся въ Оружейной палатѣ, вѣсомъ въ 1 пудъ восемь фунтовъ, въ сажень вышиною. У знатныхъ и богатыхъ домохозяевъ были большіе кубки вѣсомъ до четырехъ и до пяти фунтовъ, но они большей частію служили только для украшенія въ поставцахъ. Въ употребленіи были кубки, вѣсомъ въ полфунта, фунтъ, около того. Были изъ строфокамиловыхъ яицъ, оправленныхъ дорогими камнями, золотомъ и серебромъ.

Стопы были большіе высокіе стаканы, иногда съ рукоятью, съ носками и крышкой.

Достаканы были средней величины стаканы, иногда съ рукоятью, на ножкахъ, обыкновенно съ разложистыми круглыми краями, иногда же съ угольчатыми и ставились на маленькихъ поддонахъ.

Ковши были низенькіе сосудцы, круглые и овальные съ дномъ въ видѣ полушарія, съ досчатою ручкою, называемой *Полкою*, иногда съ загибомъ на концѣ. Ковши были обсыпаны по краямъ жемчугомъ и вѣсили по три фунта и болѣе.

Кромѣ этихъ сосудовъ были разные другіе сосуды болѣе или менѣе нужные въ домашнемъ хозяйствѣ какъ-то: солонки, *орѣхъ индѣйской* (вѣроятно кокосовый) оправленный въ серебро, *Туриный* или *турій роиз*, оправленный въ золото и серебро, съ искусно придѣланной къ нему ножкою, чтобы ставить. Изъ него пили вино. Потомъ ихъ отливали изъ серебра или золота.

Корцы отличались отъ ковшей тѣмъ, что дно у нихъ было плоское; маленькіе корцы назывались корчиками. Ихъ названіе произошло отъ того вѣроятно, что прежде ихъ дѣлали или изъ березовой коры, или изъ древесныхъ кореньевъ.

Чарки. Такъ назывались маленькіе сосудцы съ круглымъ или плоскимъ дномъ, или на ножкахъ съ закругленною ручкою, иногда съ крышкойю.

Болванцы или овкачи. Хотя эти сосуды существовали въ числѣ домашней посуды; но отличительной ихъ формы не знаемъ. Изъ описаній видно, что они были массивны, иногда вѣсили до 4½ фунтовъ.

У богатыхъ и знатныхъ людей сосуды были золотые и серебряные и относительно работы различныхъ видовъ: чеканные, гладкіе, сканные, то есть витые, граненые (грановитые), травчатые, камфаренные, стклянистые, пупчатые, рѣшетчатые и др. Фонъ стѣны сосуда назывался землей, по которой и дѣлались различныя выпуклыя изображенія травъ, людей животныхъ и пр., какъ-то видимъ на стѣнкахъ кубковъ и чашъ. Сосуды съ крышками иногда украшались затѣйливыми изображеніями. Кромѣ узоровъ травъ и фигуръ было въ обычаѣ писать надписи касающіяся вѣса и относительно какого либо изреченія, а иногда надпись говорила о томъ, отъ кого и кому сосудъ подаренъ. Надписи дѣлались или на днѣ, или по наружнымъ стѣнамъ сосуда.

Кромѣ металлической посуды была и другая, конечно. У богачей сосуды были агатовые, серделиковые, изъ горнаго хрусталя, а между тѣмъ входила въ употребленіи стеклянная и хрустальная посуда, съ тѣми же названіями. Стеклянная посуда привозилась изъ-за границы. Причемъ эта посуда не рѣдко была и разноцвѣтная. Изъ деревянной посуды, которой пользовался простой народъ извѣстны были чашки, *тарели* и прочее, также ковши, корцы, солоницы. Эта посуда дѣлалась по селамъ и развозилась по городамъ, по рынкамъ. Деревянными издѣліями въ особенности славились калужане, гороховцы и карельцы. Деревянныя издѣлія нерѣдко украшались рѣзьбою весьма затѣйливою и расписною.

РУССКІЕ ОБЪДЫ.

Семейные объѣды бояръ, дворянства и остальнаго сословія намъ болѣе или менѣе извѣстны. Есть нѣкоторыя извѣстія о великокняжескихъ объѣдахъ.

Великокняжескіе объѣды *). Въ большой комнатѣ ставились въ нѣсколько рядовъ столы, по подаіи на столъ кушанья объявляютъ царю: „Государь! кушанье подано“, тогда онъ отправлялся въ столовую и садился на возвышенномъ мѣстѣ; подлѣ царя садились его братья или митрополитъ; тамъ вельможи, чиновники и простые воины.

Во время принятія посла, бар. Гербенштейнъ, В. К. Василій, одинъ сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, окруженный пышнымъ дворомъ, съ правой его стороны лежалъ колпакъ, а съ лѣвой посохъ,—тутъ же стоялъ готовый сосудъ съ полотенцемъ. Подавши руку послу, онъ послѣ мылъ ее, думая, что католическій законъ нечистый. Въ срединѣ, на высококомъ столѣ, блестяло множество золотыхъ сосудовъ, чашъ и кубковъ. Первымъ блюдомъ всегда были жареные лебеди **), за объѣдомъ разносили кубки съ мальвазіей и другими греческими винами. Государь посылалъ со стола своего кушанье, въ знакъ осо-

*) См. Бытъ Русск. Народа Терешенко. Стр. 242.

**) И сейчасъ по народному преданію, лебедь называется царскимъ и свадебнымъ блюдомъ; говорятъ, будто бы простымъ людямъ ихъ вѣтъ грѣшно, а потому лебедей не бьютъ.

бой милости, отличенному имъ гостю, который тогда вставалъ и кланялся ему, другіе также вставали изъ уваженія къ милостивому гостю, а онъ долженъ былъ имъ кланяться *). Во время обѣдовъ вели разговоры безъ принужденія. Обѣдали серебряными ложками, которыя сдѣлались у насъ извѣстными въ концѣ X вѣка **).

При обѣдахъ царскихъ находились: *Кравчій, чайники, и чарошники*; каждый изъ нихъ смотрѣлъ за своевременнымъ подаваніемъ кушаньевъ и напитковъ; но сверхъ ихъ назначались еще къ столу особые чиновники, которые должны были *встолы смотрѣть, встолы всказывать*. Они подавали за столомъ ковши или чаши, кому государь приказывалъ. Поднося знатному боярину ковшъ съ виномъ, именовали его съ прибавленіемъ *ста* или *су*, напримѣръ, если ему имя Василій — *Василій-ста великій государь жалуется тебя чашею*. Тотъ принявъ ее, выпивалъ стоя и кланялся, а подносившій докладывалъ царю: *Василій-ста выпилъ чашу, челомъ бьетъ*. Менѣе знатныхъ именовали: *Василій-су*, остальныхъ безъ всякаго прибавочнаго окончанія, просто Василій.

Иностранцы съ изумленіемъ отзывались о пышности царскаго стола: гости пили и ѣли изъ золотыхъ сосудовъ; слуги во время обѣдовъ, три раза перемѣняли свое платье и обѣдъ продолжался до ночи. Обѣды Іоанна IV продолжались до 6 часовъ; отъ 600 до 700 гостей пресыщались не только изобильными, но дорогими яствами, плодами и винами. Однажды въ кремлевскихъ палатахъ обѣдало 2000 нагайскихъ воиновъ ***). Борисъ Годуновъ давалъ пиры въ Серпуховѣ, въ продолженіи шести недѣль и каждый разъ угощалъ подъ шатрами по 10000 человекъ. — Кушанье подавали на серебряной посудѣ ****). Разставаясь съ войскомъ, онъ далъ роскошный обѣдъ въ полѣ 50000, пировавшимъ на лугахъ р. Оки. Яства, медъ и вино развозили обозами; чиновниковъ дарили бархатами, парчами и камками. Иностранецъ Варбочъ посоль императора Герман-

*) Herb. Reg. Moscov. com. с. 137.

**) Со времени св. кв. Ольги, при дворѣ введенъ св. Владиміромъ.

***) Navigat. Пом. въ Гакл. с. 349 и 352.

****) Margeret—Estat de l'empire de Russie, etc. Всѣ иностранные писатели этого времени, съ любопытствомъ вели счетъ гостямъ и самой посудѣ.

скаго, не могъ исчислить серебряной и золотой посуды, которая лежала горой въ комнатѣ смежной съ столовой. При немъ подавали на столъ около ста различныхъ блюдъ.

За торжественными царскими обѣдами служили по 200 и 300 жильцевъ въ парчевой одеждѣ съ золотыми цѣпями на груди и въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. Государь садился на возвышенномъ мѣстѣ; слуги низко кланялись ему, и потомъ, по два въ рядъ, отправлялись за кушаньемъ. Между тѣмъ, подавали водку; на столахъ тогда ничего не ставилось, кромѣ хлѣба, соли, укусу, перцу, ножей и ложекъ; тарелокъ и салфетокъ не знали.—За однимъ разомъ приносили сто блюдъ и болѣе, отвѣданныя поваромъ при столѣ; послѣ отвѣдывались кравчимъ въ глазахъ царя. Потомъ царь посылалъ гостямъ ломти хлѣба, явства, вина, медъ и въ концѣ стола раздавалъ самъ сушенныя венгерскія сливы.

Всякій гость отпускался домой съ блюдомъ мяса или пирога (*). По нынѣ соблюдается обыкновеніе, что хозяйка при отпусканіи гостей отъ обѣда или ужина, навязываетъ имъ узелки съ разными лакомствами: пряниками, орѣхами, сушеными плодами, пирогами сладкими и пр. Крайнею было бы для нея обидою, если бы не приняли. Хлѣбъ, соль—даръ Божій, говорятъ русскіе. Не принять хлѣба,—значитъ прогнѣвить Бога.

За столомъ царя Θεодора были уже дорогія вина и мальвазія; обѣды его продолжались до полуночи (**).

Богатая сокровища русскихъ царей. Иностранные послы всегда говорили съ удивленіемъ о богатствѣ серебряной и золотой посуды. *Бурхардъ*, посланникъ императора нѣмецкаго Генриха IV, увидѣвъ блескъ двора, сказалъ: никогда мы не видали столько золота, серебра и богатыхъ одеждъ.—А другой посолъ императора, *Ламбертъ*, не вѣрилъ своимъ глазамъ, видя кучи золота и серебра и пишетъ, что столы, накрытые блестящею серебряною посудою гнулись отъ тяжести. Герберштейнъ говоритъ, что на посудномъ столѣ лежали одни серебряные и золотые сосуды, и рассказываетъ за рѣдкость,

*) Флечеръ. Com. Vealth., пом. въ собр. Гакл. Margeret. Estat l'empire de Russie.

**) Beschr. der Reis in die Moscow. so H. Varbotsch gethan. 1593 г. Ч. I. с. 159. въ собр. Вихи.

что первое блюдо состояло из жаренаго лебеда; что послѣ обѣда подавали разные прохладительные напитки и заѣдки: сахарные, анисовые и изъ корицы. — Францискъ де Колло пишетъ, что денегъ, серебра и золота столько было у В. К. Василя, что онъ есть богатѣйшій и могущественнѣйшій изъ европейскихъ владѣтелей; что онъ сверхъ богатства, хранящагося въ казначействѣ, собираетъ ежегодно огромное количество золота и дорогихъ мѣховъ, съ разныхъ мѣстъ своего царства; что великій князь щедро одарилъ самаго Франциска де-Колло серебрянно-позолоченными сосудами и другими вещами. Другіе видѣли въ кремлевскихъ палатахъ: горы жемчугу, золота и серебра *). Маржеретъ видѣлъ въ кладовой литыя серебряныя бочки, огромные серебряныя тазы, коихъ поднимали за ручки четыре человѣка; онъ видѣлъ еще три или четыре вазы съ большими серебряными чашами, назначенными для черпанія меду. Эти вазы были такъ велики, что надобно было 300 человѣкъ, чтобы наполнить какою либо напиткомъ. Все это было сдѣлано руками русскихъ и при томъ изъ серебра **). Польскій посолъ князь Гедроцкій, и патриархъ Іеремія, приходили въ изумленіе, отъ великаго множества серебра и золота. Принятіе Датскаго принца Іоанна, жениха Ксеніи, дочери Бориса Годунова, ослѣпило блескомъ и пышностью глаза иностранцевъ. Столы трещали отъ серебра и золота. Посрединѣ столовой находился четырехъугольный столъ искусно украшенный серебряными подносами, чашами, блюдами, кубками; многія вещи были изъ чистаго золота. Кресло царское, было изъ одного золота, столъ серебряный, съ позолоченными ножками, который былъ покрытъ вязаной изъ золота скатертью; комнату украшала тонкой работы люстра съ боевыми часами. Посолъ Лжедимитрія, Аванасій Власевъ, поднесъ въ подарокъ Маріи Мнишекъ, отъ имени ея жениха: рублиновое перо, гіацинтовую чашу, золотой корабль осыпанный драгоценными камнями; золотаго быка, павлина и пеликана; часы съ флейтами и трубами, три пуда жемчугу, 640 рѣдкихъ соболей, кипы бархата, парчи, штофу и атласа, сверхъ того

*) Navig. пом. у Гака. с. 349 и 354.

**) Richter Gesch, des Medic. Часть I. Стр. 72 и Мержеретъ. Издан. 1607 г. Пар

многіе подарки ея родственникамъ, всего на 230000 червонцевъ. Иностранцы, описывая блескъ Лжедмитріева двора, съ изумленіемъ говорятъ о его престолѣ вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣшанномъ кистями алмазными и жемчужными, утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ, и покрытомъ накрестъ четырьмя богатыми щитами; надъ нимъ блистали золотой шаръ и золотой орелъ.

Самозванецъ имѣлъ колесницы и сани, окованныя серебромъ, обитыя бархатомъ и соболями. На его коняхъ: узды, сѣдла и стремена сіяли золотомъ, изумрудами и яхонтами. Онъ заказывалъ безпрестанно драгоценныя вещи и въ три мѣсяца издержалъ на одну пышность царскую, болѣе 7 миллионъ рублей серебромъ. Народъ ропталъ, потому что не любилъ роскошности государей, страшась новыхъ налоговъ. Корбъ, бывший въ Москвѣ въ концѣ XVII вѣка, не могъ исчислить царскихъ палатахъ. Арсеній, бывший съ патриархомъ Іеремію въ Москвѣ въ 1590 г., удивляясь богатству и разнообразію сосудовъ, говоритъ: я былъ пораженъ неисчислимымъ сокровищемъ: необыкновенною пышностью первостепенныхъ сановниковъ, облитыхъ въ золото. Я видѣлъ серебряныя сосуды съ золотыми коронами наполняемые критскимъ виномъ. Изъ многихъ золотыхъ чашъ была одна, которую едва съ трудомъ несли 12 человекъ. Великій князь Іоаннъ Давиловичъ отправляясь въ орду, раздѣлилъ свои дорогія вещи между тремя сыновьями и супругою Еленою. Старшему сыну, Симеону, отдалъ четыре золотыя цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ, три блюда изъ серебра и два ковша. Ивану, четыре золотыя цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и камнями, третій сердоликовый, два ковша, двѣ круглыя чаши, и три блюда серебряныя. Андрею, четыре золотыя цѣпи, поясъ фряжскій, другой жемчужный съ крюкомъ (съ застежкой) на красномъ шелку, третій ханскій, два ковша, двѣ чарки и три блюда серебромъ (изъ серебра). Дочери Фетиньѣ 14 колецъ, новый складень (ожерелье) чело (головное украшеніе) и гривну. Большое серебряное блюдо о четырехъ кольцахъ, въ храмъ Владимірскія Богоматери *).

*) Собр. Гос. Грам. и догм. Т. I. стр. 31. Пис. въ 1388 г. и въ 1331 г.

Внукъ его, Вел. кн. Іоаннъ II, завѣщаль (въ 1359 г. ноября 13), дѣтямъ своимъ князю Дмитрію золотую шапку (корону), бармы, жемчужную серьгу, коробку сердоликовую, золотую саблю и шишакъ; князю Іоанну: саблю и шишакъ; жемчужную серьгу и стаканъ цареградскій, а двумъ будущимъ зятѣямъ по золотой цѣпи и поясу. Когда великій князь Іоаннъ III гостилъ въ Новгородѣ въ 1467 г., тогда его дарили шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, рыбьими зубьями (вѣроятно моржевыми), иностранными винами и драгоценными сосудами. Владыка Теофилъ подарилъ ему золотой ковшъ съ жемчугомъ, два рога окованные серебромъ, серебрянную мису. Вас. Казимиръ—золотой ковшъ. Яковъ Коробъ—рыбій зубъ; знатная вдова Анастасія Ивановна—два рыбьихъ зуба и пр. По приведеніи Великаго Новгорода *во всю волю* Іоанна (1478 г.), ему поднесъ въ даръ на Поозерьѣ, одинъ архіепископъ Теофилъ: панагію, обложенную золотомъ и жемчугомъ, (князья и цари носили ихъ на груди, на золотой цѣпи); строкофамилово яйцо (страусово) окованное серебромъ, въ видѣ кубка; сердоликовую чарку, кристальную бочку, серебряныя мисы, цѣпи, чары, два ковша золотые, и поясъ серебряный, вѣсомъ въ 31 фунтъ. Если вѣрить сказанію современнаго историка Длугоша, что Іоаннъ нагрузилъ тогда 300 воловъ серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями. Князь Іоаннъ Борисовичъ Волоцкой, исчисляетъ въ завѣщаніи 1504 г. 29 серебряныхъ блюдеъ 5 мисъ, 1 уксусницу, 1 перечницу, 1 солонку большую, 2 солонки малыя гладкія, чарку серебряную, 11 ложекъ, 7 ковшовъ, 7 чарокъ гладкихъ, 1 чарку съ полкою, 2 чарки большихъ, 4 чарки малыхъ, 3 кубка, 1 рогъ, 3 стакана, ковшъ большой, сковороду серебряную съ вѣнцомъ, серебрянникъ и посуду каменную.

Боярскіе одѣды (встарь). При боярскихъ столахъ бояръ и дворянства, подавали яства и напитки въ простой посудѣ. Принцъ Бухау пишетъ *), что въ его время по большей части кушали и пили изъ деревянной посуды, коей края позоло-

*) Daniel prinz von Buchau: De Moscobrae ortu et progressu и проч. въ половинѣ XVI вѣка.

чены и эта посуда была позолочена, а работа производилась монахами.

Принц Бухау, объдая у Иоанна IV, говоритъ, что онъ не имѣлъ ни тарелки, ни ножа, ни вилки; но пользовался ими, заимствуя отъ сидѣвшаго возлѣ него боярина.

Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ началѣ XVII вѣка *), пишетъ, что у богатыхъ людей рѣдко встрѣчалась оловянная посуда, и что за рѣдкость считалось, если серебряная появлялась у бояръ. Маербергъ, бывшій въ Москвѣ, въ половинѣ XVII вѣка, говоритъ что у многихъ богачей оловянная посуда, ложки, ножи, вилки и тарелки подавались однимъ знатнымъ и почетнымъ гостямъ.

Званые обѣды. Чтобы показать болѣе отличій въ царскихъ милостяхъ и польстить суетности вельможей, Борисъ Годуновъ первый ввелъ званые обѣды, въ царствованіе еще Теодора, который приглашалъ думныхъ сановниковъ и угощалъ ихъ въ своихъ чертогахъ, обнаруживая предъ ними всю гостепріимность обыкновеннаго хозяина **). Хлѣбосолюство, известное однимъ нашимъ русскимъ, отличалось у насъ болѣе всего въ частныхъ домахъ, гдѣ вольность въ обращеніи соединенная съ равенствомъ, ничьего не обижали честолюбія.

Хозяинъ съ радостью принималъ гостя, не скупился съ нимъ, ставилъ все на столъ, что имѣлъ: яства, медъ и водку, чтобы не прослыть въ своей средѣ не гостепріимнымъ, отъ чего возникла поговорка: „*Все на столъ мечи. что есть въ печи*“.—Самымъ величайшимъ упрекомъ было еще, кто скажетъ: „*Ты забылъ мой хлѣбъ соль!*“

О Д Е Ж Д А.

1. Мужской костюмъ.

Старинная русская одежда представляетъ съ перваго вида большую сложность и разнообразіе; но, присмотрѣвшись къ частностямъ ея, легко узнать во множествѣ наименованій сходство. Г. проф. Костомаровъ, сравнивая одежду русскаго на-

*) Смotr. Олеарій; его Voyage. С. 127.

***) К. И. Г. Р. ч. 10, стр. 72.

рода нашель, что одежда крестьянъ была одинакова съ одеждою царей и даже носила одинаковыя названія, только отличалась достоинствомъ матеріала и убранствомъ.

Славяне прибалтійскіе, еще по свидѣтельству Тацита, не отличались отъ германскихъ народовъ, они едва закрывали наготу свою. Славяне Дунайскіе сражались еще въ VI вѣкѣ почти полунагіе, прикрывая только нижнюю часть тѣла исподнимъ платьемъ. Шкуры звѣрей лѣсныхъ и домашнихъ, согрѣвали ихъ въ холодное время. Женщины носили длинныя одежды, украшались бисеромъ и металлами, отнятыми на войнѣ или вымѣненными у иностранныхъ купцовъ.

Аравійскій посоль Ахметъ, будучи у Волгскихъ Болгаръ, въ началѣ X в., видѣлъ многихъ Славянъ и описываетъ ихъ нарядъ, довольно грубымъ. Мущины, пишетъ онъ, не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ, но набрасываютъ на себя съ боку толстую одежду, оставляя другую (правую) свободную. Они никогда не ходятъ безъ оружія; у каждаго большой ножъ, мечъ и топоръ; и всякая женщина носитъ ножъ, а на шеѣ цѣпи золотыя и серебряныя. Главное ихъ украшеніе зеленый бисеръ *). При описаніи погребенія одного изъ старшинъ, онъ говоритъ, что покойникъ былъ одѣтъ въ два исподнія платья, сапоги, куртку, кафтанъ изъ золотой парчи съ золотыми пуговицами и парчевую шапку опушенную соболемъ **). Счастливыя войны и торговыя сношенія съ Константинополемъ и Болгарами въ продолженіи двухъ столѣтій измѣнили образъ жизни: поселили изобиліе и роскошь. Великіе князья, сановники и воины ознакомились съ пышностью царьградской, стали носить длинныя, широкія по восточному вкусу платья. Отъ нихъ рисунокъ платья всѣ прочія сословія, потому всѣ одежды наши (русскія) были подражательныя греческимъ. Нерѣдко послѣ наши требовали отъ греческихъ императоровъ именемъ своихъ князей и царской одежды, и вѣнца. Императоры отговаривались отъ нихъ тѣмъ, что порфира и короны дѣланы руками ангеловъ.

*) Этотъ посоль былъ отправленъ багдадскимъ калифомъ Муктедиромъ къ королю Болгаръ, въ 922 году. Пер. Акад. Френемъ.

***) Бытъ Русскаго Народа. А. Терещенко. Стр. 314.

Женщины, одѣваясь въ длинныя платья, убирали грудь монистами, ожерельями и золотыми цѣпями; а пальцы кольцами и перстнями. Волосы заплетали въ косу, а головной нарядъ блисталъ жемчугомъ и золотомъ *).

Богатые люди носили шелковое платье, драгоценный поясъ и сафьянныя сапоги. Въ XI и даже въ XV столѣтїяхъ мы встрѣчаемъ сапоги съ загнутыми вверхъ носами; подошвы подбивались гвоздями; голенища были до икорь круглыя. Въ XIV в. голенища шились подъ самыя колѣна и здѣсь стягивали ихъ ремнями и тесьмою. Знатные люди и великіе князья носили по большей части голенища короткія, унизывали ихъ золотыми или серебряными прошвами, галунами, жемчугомъ и камнями. Впрочемъ, такая рошкоть появилась, какъ кажется я, въ XVI вѣкѣ, что увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Исподнее платье называлось *портами*, шитыми изъ полотна. *Рубашки* назывались *сорочками*, а по славянски *срачицами*, шились изъ холста длинными до колѣнъ съ разрѣзнымъ напереди воротомъ и подпоясывались шнуркомъ поверхъ исподняго платья. По завладѣніи Россіи татарами измѣнились многія наши одежды; самыя сорочки и исподнее платье приняли другой покррой и едва ли не тогда вошли въ употребленіе штаны и шальвары. Сорочки тогда шились не длиннѣе колѣнокъ; воротъ, ожерелье, ожерелокъ **), разрѣзывали на лѣвой сторонѣ, украшали запонками и шитьемъ шелковымъ, или у простаго народа, разноцвѣтнымъ. Для украшенія же дѣлали на груди и спинѣ *подолекъ* вышитый красными нитками и шелкомъ. Подъ пазухою нашивали красныя и синія *ластовки*, или *ластовицы*. Воротникъ и края рукавовъ вышивали красными нитками, шелкомъ, серебромъ и золотомъ, смотря по состоянію и званію. Воротникъ застегивали металлической пуговкой. Исподнее платье шилось весьма просторнымъ: изъ холста, бумажной и шелковой матеріи и подвязывали на шнуръ подъ рубашкою. Концы исподняго платья засовывали въ сапоги. Богатые и знатные

*) Египтянамъ вообще приписывается много изобрѣтеній, въ числѣ ихъ—изобрѣтеніе колець, а за тѣмъ римлянамъ, евреямъ и прочимъ другимъ народамъ.

**) Ожерелокъ, ожерелье, воротъ, въ старину отдѣльно пристегивали къ рубашкѣ и называли сорочкою, а уже послѣ XVII вѣка стали называть такъ все верхнее бѣлье. Кост. Очеркъ жизни и пр. Р. Н. Стр. 64.

носили шелковые и парчевые штаны, которые были холодные и теплые.

В. К. Святославъ I, гроза восточной Имперіи, ничѣмъ не отличался одеждою отъ простаго ратника;—тогда воины и мирные воины, и мирные граждане одѣвались одинаково. Когда онъ увидѣлся съ Іоанномъ Цимисхіемъ на берегу Дуная подѣ Даростелемъ (Силистрією), тогда греки смотрѣли на него съ изумленіемъ. Императоръ, окруженный облитыми въ золото конниками, сидѣлъ на конѣ, а Святославъ въ лодкѣ въ простой бѣлой одеждѣ, съ длинными усами, рѣденькой бородой и съ клокомъ волосъ на головѣ; въ ухѣ его висѣла серьга украшенная жемчужиной и рубинами*). Вообще одежда была одинакова, какъ у царей, такъ и у крестьянъ, носила однѣ и тѣже названія.

Ношеніе серегъ между мужчинами было во всеобщемъ употребленіи до начала XV вѣка. Въ завѣщаніи В. К. Іоанна, отца Дмитрія Донскаго, видно, что онъ отказалъ сыновьямъ своимъ по жемчужной сергѣ (см. собр. госуд. гр. и догов. Дух. грам. В. К. Іоанна подѣ 1356 г.). По извѣстіямъ иностранныхъ писателей XVI вѣка и начала XVII вѣка, они видѣли много боярѣ, купцовъ и простолюдиновъ съ серьгами. И нынѣ многіе изъ простаго народа видятъ ихъ.

Обувь простаго народа была—лапти изъ древесной коры. Это обувь изъ древности и носилась еще во времена язычества. Кромѣ лаптей изъ коры, носили башмаки изъ прутьевъ лозы, тоже плетенныя**), вѣроятно эту обувь называли пленицы***), нѣкоторые же носили подошвы изъ кожи и подвязывали ихъ ремнями, обмотанными вокругъ ноги****). Эта обувь (сандали) вѣроятно заимствована была отъ грековъ. Простолюдины обоюго пола носили эту обувь*****). Обувь

*) Малороссы, какъ и Запорожцы носили до половины нашего столѣтія чубы, чупрыны, то есть клокъ волосъ на маковѣ головы, обвитый около праваго уха и называемый иначе оселедцемъ. Обычай ношенія чубовъ древній и онъ существуетъ съ древнихъ временъ. Объ этомъ упоминаетъ Тацитъ.

**) Petr. 314.

***) А. Отв. къ Ю. Б. 53.

****) Dass. gr. Reich. v. Moscov. 187.

*****) А. И. VI. 399. Доп. III. 145. Врем. XVI. Рас. Ки. Ник. 60. Вар. Акты 1. 116. Олеарій 182.

достаточныхъ людей составляли, сапоги, чоботы, башмаки и четыги. Всѣ эти виды дѣлались изъ телячьей кожи, изъ ко- ровяго опойка, изъ конской кожи, изъ юфти, а у богатыхъ изъ персидскаго и турецкаго сафьяна *). Сапоги носились до колѣнъ и служили вмѣсто штановъ для нижней части тѣла, и для того подкладывались холстиною. Ихъ снабжали высо- кими желѣзными подборами и подковами со множествомъ гвоз- дей по всей подошвѣ; у царей и знатныхъ лицъ эти гвозди были серебряные. *Чоботами* назывались полусапожки съ остро- конечными носками, поднятыми къ верху. Башмаки были при- надлежностью не только женщинъ, но и мужчинъ. Встарину также носили *и чедыи* или *ичеготы*, иначе *ноговицы*, обувь заимствованную отъ татаръ; такая обувь состояла изъ сафьян- наго чулка и состояла изъ двухъ видовъ: полные, достигав- шіе до колѣнъ, и полуполные. При сапогахъ и чоботахъ но- сились чулки шерстяные или шелковые, а зимою подбитые мѣхомъ. Женская обувь была почти таже, что у муж- чинъ и была съ такими высокими подборами, что передняя ступня не касалась земли, если стать на каблукъ. При нихъ были шерстяные или шелковые чулки **). Посадскія жены но- сили также сапоги до колѣнъ; но дворянки ходили въ башма- кахъ и чоботахъ. Бѣдныя крестьянки ходили въ лаптяхъ, какъ и мужья ихъ.

Вся эта обувь, кромѣ лаптей, была цвѣтная, яркихъ красокъ, а иногда тѣльнаго, то есть слаборозоваго цвѣта и расши- валась золотомъ въ различные узоры, иногда жемчугомъ и до того густо, что иногда нельзя было разсмотрѣть цвѣта сафья- на ***). Вся эта обувь въ зажиточныхъ домахъ изготовля- лась опытными холопами, которыхъ при каждомъ домѣ было довольно.

Штаны, порты. Они шились безъ разрѣзовъ съ узломъ, такъ, что ихъ можно было дѣлать или шире, или уже. У бѣд-

*) Подъ лапти и другую обувь подвертывались *онучи, портянки*, то есть доскутья холстины, ветошь.

**) Чулки вязать въ Россіи научились только при Петрѣ Великомъ, который даже завелъ для ихъ производства у Калинкина моста, въ Петербургѣ, чулочную фабрику.

***) См. Домострой 4. 54. Вых. Цар. 492—4. Ворон. Акты. 1.115.

ныхъ они были изъ холста бѣлаго или крашенаго, также изъ сермяги, то есть грубой шерстяной ткани. У зажиточныхъ изъ сукна зимою, а лѣтомъ богатые и знатные носили тафтяные, или изъ другой шелковой матеріи штаны. У царей, да и у бояръ штаны были изъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей разныхъ цвѣтовъ, преимущественно краснаго, малиноваго, лазореваго и желтаго. Вообще же въ старину штаны достигали только до колѣнъ, дѣлались съ карманами, которые тогда назывались *зелью* *).

Верхняя одежда **). На рубаху и штаны надѣвались разнаго рода верхнія одежды: такъ мы видимъ на рисункѣ въ Публичной Библиотекѣ, что Олегъ одѣтъ въ высокую синюю шапку на подобіе колпака, съ палевою опушкою, на шеѣ золотой парчи платокъ съ развѣвающимися концами на груди. Кафтанъ багряный обложенъ алой бахромой, подпоясанъ золотымъ поясомъ и въ желтыхъ сапогахъ. Давидъ и Романъ одѣты только въ алыхъ кафтанахъ, но костюмъ одинаковъ. Княгиня въ синей высокой шапкѣ съ алымъ покрываломъ; платье красное съ золотой бахромой, подпоясана золотымъ поясомъ; на рукавѣ золотое ожерелье, башмаки малиновые, крытые золотомъ; она держитъ за руку юнаго Ярослава, который представленъ въ багряномъ кафтанѣ съ золотой бахромой; подпоясанъ, золотымъ кушакомъ съ бантомъ, сапоги красные. Кн. Святославъ съ усами и съ бородой, стоитъ въ круглой, низенькой желтаго цвѣта шапкѣ, съ красною опушкою и въ синихъ сапогахъ; кафтанъ на немъ синій съ красной бахромой, поверхъ кафтана золотая княжеская мантия; въ рукахъ его книга, окованная золотомъ и покрытая малиновымъ бархатомъ.

Вся роскошь одежды, какъ мы видимъ изъ этого рисунка, состоитъ въ блескѣ золота и разноцвѣтой парчи ***).

*) А. И. I, 335. Домострой 51. Вых. Цар. 219, 622. А. Ю. 371. Оп. Шуи 453. А. г. Шуи 174. Оп. Им. Тат. врем. VIII. Herberst 36. Барб. 54. Tuberv. 455. Petr. 306. Olear. 181. Mejerb. 100 и пр.

**) Памятникомъ одеждъ XI вѣка можетъ служить рисункомъ Черниговск. Князя Святослава съ его семействомъ, подлин. котораго въ Императорской Библиотекѣ.

***) Въ историческомъ описаніи одеждъ и вооруженій российскихъ, состав. г. Висноватымъ, ч. I, стр. 7, сказано, что Черниговскій Князь Святославъ одѣтъ въ

Великіє князья имѣли частыя сношенія съ Византією, получали оттуда богатыя ткани и узоры, а купцы производя значительную торговлю съ Грецією, вывозили ихъ (сказанныя матеріи) для богатыхъ и вельможъ. Великіє князья и бояре отличались пышностью одеждъ, а заслуженные изъ нихъ отъ незаслуженныхъ ношеніемъ на груди золотой цѣпи съ золотой гривной. Впослѣдствіи времени тысящіе Новгородскіе носили золотую цѣпь на шеѣ въ ознаменованіе ихъ власти. Великіє князья и удѣльные, цари и патріархи, носили на золотыхъ цѣпяхъ кресты и панагіи осыпанные драгоцѣнными камнями и жемчугомъ.

Простой народъ одѣвался въ толстыя одежды: женщины въ *поневы*, мушцины въ зипуны—это самое древнее одѣяніе. Мантия называлась въ древности *корзнемъ*, *коцемъ*, мечемъ. Вѣроятно и мантия Святослава была тоже *корзно*, то-есть верхняя одежда. Князь Владиміръ, желая защитить Игоря отъ убійства Кіевлянъ, соскочилъ съ лошади и прикрылъ его *корзнемъ* *). Великій кн. Андрей Боголюбскій женатый на дочери боярина Кучки былъ убитъ приверженцами Кучки и тѣло его было брошено въ огородъ. Кіевлянинъ Козьма, усердный слуга несчастнаго государя стоялъ надъ трупомъ и плакалъ, и потомъ отнесъ въ церковь, положилъ въ притворъ и прикрылъ *корзнемъ* **). Черниговскій князь Михаилъ прибывъ въ станъ Баттыя, не хотѣлъ поклониться священному огню и кумирамъ. Ему объявили, что онъ долженъ или исполнить ханскую волю или умереть. „Для васъ не погублю своей души“ сказалъ онъ, снялъ съ себя *коць* и бросилъ убійцамъ. Возьмите славу этого міра, хочу небесной ***). Великій князь Іоаннъ Калита въ завѣщаніи своемъ отказалъ сыну своему Симеону между прочимъ одеждами, *коць* съ бармами. Это доказываетъ, что *корзно*, *коць* или *коць*, была великокняжеская одежда, хранилась въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ и въ храмѣ Божіей Матери, что во

зеленоватое платье въ родѣ подризника съ красною до пола обшивкою, съ длинными рукавами и съ золотыми нарукавьями, съ верху накинуть плащъ съ золотой бахромою синяго цвѣта, застегнутый на правомъ плечѣ, съ красной подкладкой.

*) Лѣт. Нестора, стр. 96—204.

***) См. Кіевская лѣтопись.

***) Воскр. Лѣт. ч. II. стр. 223.

Владиміръ на Клязьмѣ. Половцы, опустошивъ Кіевъ въ 1201 г. января 4, не оставили въ церквахъ ни одного сосуда, ни иконы и похитили драгоцѣнныя одежды нашихъ князей, которыя вѣшались во храмѣ на память потомству. *Корзно* обратилось потомъ въ *приволеку*, то-есть въ короткій плащъ, который носили дворяне до временъ Петра I.

Пояса. Пояса золотые, осыпанные камнями, украшали мужской уборъ. Они никогда не складывались и надѣвались гладко и ровно. Были пояса шелковые и плетеные золотомъ и серебромъ, бархатные, кожаные. Ихъ усаживали камнями, золотыми и серебрянными бляхами, жемчугомъ. При поясъ висѣли капторги *), тузлуки и калита (кошелекъ). За одинъ изъ поясовъ возгорѣлась война. Князь Василій Косой и Дмитрій Шемяка пировали однажды на свадьбѣ, у роднаго своего дяди, В. К. Василья въ 1433 г.). Всѣ были веселы и всѣ изумлялись драгоцѣнному поясу Василья Косаго. Между тѣмъ намѣстникъ Ростовскій, Петръ Константиновичъ, узналъ и сказалъ о томъ Софін, матери В. К. Василія, которая обрадовавшись своей находкѣ и забывъ пристойность сняла поясъ съ Косаго. Произошла ссора, Косой и Шемяка оставили дворецъ съ гнѣвомъ, отправились въ Галичь, собрали войско и начали непріятельскія дѣйствія. Этотъ золотой поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоцѣнными камнями первоначально былъ подаренъ кн. Суздальскимъ Дмитріемъ Константиновичемъ, нареченному его зятю князю Дмитрію, въ послѣдствіи „Донскому“; тысяцкій Василій, во время свадьбы этого князя (1367 г.) тайно обмѣнялъ его на другой гораздо меньшей цѣны и отдалъ сыну своему Николаю, женившемуся на Маріи, старшей дочери князя Суздальскаго. Переходя изъ рукъ въ руки этотъ поясъ достался Василью Косому.

Кушаки. Кушаки складывались нѣсколько разъ. Они были шерстяные, шелковые, а иногда переплетались золотомъ и серебромъ, концы кушаковъ висѣли впереди. За кушаками и за поясами висѣли, по азіатскому обычаю, кинжалы (*кинджары*) и ножи **).

*) Застежки.

**) Собраніе Госуд. гр. и догов. Ч. I. Стр. 33.

Нарядъ XIII вѣка. Почти такой же нарядъ былъ въ XIII вѣкѣ. Но здѣсь встрѣчаемъ гораздо болѣе описаній о женскомъ одѣяннѣ и ихъ уборѣ.

Костюмы мужчинъ въ XIII вѣкѣ. Мужчины въ это время носили епанчи подобно нѣмецкимъ, покрывали головы остроконечными и довольно высокими колпаками изъ войлока. Рубрековисъ при этомъ говоритъ, что костюмъ русскихъ женщинъ мало имѣлъ различія съ европейскимъ вообще.

Костюмы мужчинъ въ XVI вѣкѣ. Павелъ Юлій, писавшій въ началѣ XVII вѣка, хвалилъ наружность русскихъ, а Олеарій хвалилъ русскую мощь и дородность, причемъ говоря о костюмахъ того вѣка упоминалъ, что мужчины любятъ подпоясываться подъ брюхо, отчего животы казались отвислыми. Баронъ Герберштейнъ, посолъ германскаго Императора Максимилиана, одинъ изъ лучшихъ наблюдателей нашихъ нравовъ сохранилъ въ точности названія костюмовъ.

Зипуна. Исподняя одежда называлась *зипуна*, какъ у царей, такъ и у крестьянъ. Это было платье узкое и короткое, иногда достигавшее до колѣнъ и рѣдко до икоръ. Въ *кроильной* книгѣ царскаго двора длина зипуна означена въ одинъ аршинъ, когда платье сдѣланное на то же лицо во весь ростъ имѣло въ длину два аршина три вершка. У людей простыхъ и небогатыхъ зипуны дѣлались изъ крашенины, зимнѣе изъ сермяги, у людей достаточныхъ, изъ легкой шелковой матерн, напр. тафты, часто бѣлаго цвѣта, съ пуговицами. Иногда рукава зипуна придѣлывались изъ другой матерн, напр. зипунъ былъ изъ бѣлаго атласа, а рукава изъ серебряной обѣяри. Но часто зипуны были совсѣмъ безъ рукавовъ. Воротники къ нимъ дѣлались узкіе и малые, а иногда къ зипунамъ, какъ и къ рубахъ, пристегали шитый, разукрашенный жемчугомъ и камнями отдѣльный воротникъ называемый *обнизью*. Такихъ обнизей хранилось много и ихъ пристегивали по мѣрѣ надобности показаться наряднѣе или проще. Онѣ были разной величины: большія и малыя.

Сарафанецъ. Кромѣ зипуна въ XVI вѣкѣ была подобная же комнатная одежда, называемая сарафанецъ, какъ кажется, начавшій выходить изъ употребленія въ XVII столѣтіи. Ихъ носили вмѣсто зипуна съ обнизями. Они были длинны.

Кафтанъ, кафтанецъ. Кафтанъ достигалъ до пять, или же только до икръ, чтобъ оставлять на показъ разшитые золотомъ сапоги. По своему произношенію видно, что онъ перенятъ у татаръ. Кафтанецъ былъ тотъ же кафтанъ, только короткій. Рукава у кафтановъ были очень длинны, такъ что достигали до земли и собирались въ складки или брыжи, такъ что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытою и такимъ образомъ концы рукавовъ замѣняли перчатки или муфты зимою, и удобство брать руками что либо горячее. Въ нарядныхъ кафтанахъ концы рукавовъ украшались *заяпьями*, то-есть вышивкою золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и даже дорогими камнями. Разрѣзъ на кафтанѣ былъ только спереди и оторачивался тесьмою, а равно и подолъ. Къ этой тесьмѣ прикрѣпляли металлическое кружево (золотое или серебряное) сдѣланное съ разными фигурами. Вдолъ по кафтану, параллельно съ разрѣзами, по обѣимъ сторонамъ, дѣлались нашивки изъ другой матеріи и другаго цвѣта въ видѣ четырехугольниковъ или круговъ, и на эти нашивки пришивались завязки съ кистями и шнурки, чтобы застегивать кафтанъ; иногда же вмѣсто завязокъ дѣлали на одной сторонѣ прикрѣпляли пуговицы. Въ XVI в. кафтаны застегивались чаще завязками и на подобіе татарскихъ. Но русскіе отличали свои отъ татарскихъ тѣмъ, что застегивали не на лѣвую, а на правую сторону. Впослѣдствіи начали употреблять чаще пуговицы до 12 и до 30 на кафтанѣ. Онъ всѣ были на груди. Остальная часть разрѣза всегда была незастегнутою. Воротники на кафтанахъ всегда были узкіе и малые; изъ подъ нихъ высовывалась обнизъ зипуна или рубашки. Но иногда къ кафтану пристегивалось отложное ожерелье, разшитое золотомъ и усыпанное жемчугами. Изнанка кафтана подбивалась всегда матеріями низшаго достоинства, чѣмъ лицевая и сверхъ того кафтаны, кромѣ тесьмы по подолу подъ џею и выше ея, окаймлялись полосою матеріи другаго цвѣта, чѣмъ кафтанъ; она называлась подпушкою. Зимніе кафтаны дѣлались на мѣхахъ, но обыкновенно легкиихъ, напр. на собольихъ пупкахъ или бѣличьихъ черевьяхъ; такіе теплые кафтаны назывались *кожухами*.

Чуга. Такъ называлась верхняя одежда, приспособленная къ путешествію в верховой ѣздѣ. Это былъ узкій кафтанъ съ ру-

кавами только по локоть и короче обыкновенныхъ кафтановъ, какъ это видно изъ кройки ея, ибо кафтанъ былъ длиною въ два аршина 6 вершковъ съ рукавами длиною въ 1 аршинъ 5 вершковъ. Чуга же для той же особы была длиною въ одинъ аршинъ съ тремя четвертями, и съ рукавами въ 9 вершковъ. Чуга подпоясывалась поясомъ, за который закладывался ножъ и ложки, а на грудь привѣшивалась перевязь съ дорожною сумою. Тѣже принадлежности, какими украшались кафтаны—нашивки, кружева, подпушки дѣлались по желанію и на чугахъ; чуги застегивались всегда пуговицами.

Ферязи. Такъ назывались встарь мужскія одежды надѣваемые какъ и кафтаны на зипуны. Онѣ были съ длинными рукавами, широкія въ плечахъ, и уже кафтановъ въ подолѣ, почти всегда безъ кружева и отложнаго ожерелья, лѣтомъ изъ какой нибудь матеріи, зимою теплая, на мѣхахъ. Трудно себѣ представить, чѣмъ отличалась эта одежда отъ кафтановъ. У Флетчера при описаніи русской одежды—она поставлена третьимъ верхнимъ платьемъ, первое—зипунъ, второе или среднее—узкій кафтанъ съ ножемъ и ложкою за поясомъ, (подъ которымъ этотъ англичанинъ разумѣлъ чугу). Третье—ферязь, просторное платье, окаймленное позументомъ. У Олеарія, напротивъ, говорится, что русскіе надѣвали рубаху и штаны, потомъ зипунъ, на зипунъ ферязь сдѣланную изъ какой нибудь легкой матеріи, а на ферязь—кафтанъ (Olear. 181), такъ, что у Олеарія выходитъ четыре одежды, съ верхнею или накидною, а ферязью называлась одежда средняя между зипуномъ и кафтаномъ.

Во всякомъ случаѣ, по словамъ профессора Костомарова, ферязь была комнатная одежда; названіе это персидское. На ферязяхъ были нашивки называемыя *образцами*. Нашивки эти имѣли форму круглую или четырехугольную и отдѣлялись другъ отъ друга другой матеріей. Ферязи застегивались *завязками*.

Кромѣ кафтана, чуги и ферязей къ разряду средней одежды принадлежали: *армякъ, тешиль, терникъ*

Ормякъ, армякъ. Ормяки дѣлались съ прорѣхами, съ кружевами, съ образцами, какъ ферязи и съ вышитыми воротниками. Его полы не сходились вмѣстѣ, а закидывались одна на другую.

Тешляй. Эта одежда имѣла множество пуговицъ какъ папр. 68 или 56. Особенности покроя неизвѣстны.

Терликъ. Терликъ, по словамъ проф. Костомарова, напоминаетъ чугу потому, что онъ употреблялся для верховой ѣзды и надо предполагать составлялъ короткое платье поверхъ кафтановъ.

Опашень. Однорядка. Такъ называлась лѣтняя верхняя одежда, такъ какъ въ царскихъ выходахъ она упоминается только лѣтомъ. Осенью и весною, вообще въ ненастную погоду надѣвали *однорядку*. Какъ опашень, такъ и *однорядка*, дѣлались широкіе длиною до пять, съ длинными рукавами, съ кружевами по краямъ разрѣза, нашивками по бокамъ, вдоль разрѣза застегивались пуговицами; иногда къ воротнику пристегивалось ожерелье, (шитый золотомъ и унизанный жемчугомъ воротникъ). Опашени дѣлались изъ сукна, а у богатыхъ и знатныхъ нерѣдко изъ шелковыхъ матерій. Однорядка всегда изъ сукна.

Охабень. Охабень былъ плащъ съ рукавами и съ кашпономъ сзади.

Ферезя. Плащъ съ рукавами—надѣвался во время пути.

Епанча. Эта одежда была двухъ родовъ: одна дорожная изъ медвѣжьей шерсти или грубаго сукна, другая нарядная изъ богатой матерій, подбитая мѣхомъ, болѣе изъ пышности, чѣмъ для тепла. Последняго рода епанчу надѣвали, когда выезжали верхомъ и красовались предъ народомъ; она дѣлалась безъ рукавовъ и безъ прорѣхъ для рукъ, накидывалась на плеча и застегивалась на шеѣ пуговицами или завязками.

Шубы. Шубы были самымъ наряднымъ платьемъ для русскаго, потому что русскіе при бѣдности природы своего отечества, только и могли щеголять передъ другими народами, что мѣхами. Множество мѣховъ составляло признакъ довольства и зажиточности. Случалось, что русскіе не только выходили въ шубахъ на морозъ, но сидѣли въ нихъ въ комнатахъ, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство. У бѣдныхъ были шубы овчинныя или тулупы и заячьи, у людей средняго сословія и состоянія бѣличьи и куньи, у богатыхъ собольи и лисьи разныхъ видовъ: лисицъ чернобурыхъ, черныхъ, сѣрыхъ, сиводушчатыхъ. Дѣлали также шубы изъ горностаевъ, вѣроятно только изъ щегольства. На шубы употреблялись различ-

ныя части звѣринаго мѣха, не смѣшивая одну съ другою. Шубки дѣлались на путкахъ, черевахъ и хребтахъ, и поэтому имѣли свои названія; шубы обыкновенно покрывались сукномъ, но часто и шелковыми тканями. На нихъ помѣщались по бокамъ разръза нашивки изъ другой матеріи, на которыя пришивались петли и пуговицы, а самый разръзъ окаймлялся металлическимъ кружевомъ. Впрочемъ, цѣна мѣха и ихъ достоинство, многіе предпочитали носить нагольные шубы. Такъ, однажды, говоритъ проф. Костомаровъ, царь Михаилъ Федоровичъ сидѣлъ за параднымъ столомъ въ нагольной шубѣ. Вообще шубы различались въ этомъ отношеніи на нарядныя и санныя. Въ первыхъ только ходили въ церковь, въ гости, да являлись дома передъ гостями на показъ. Въ послѣднихъ выѣзжали въ дорогу *).

Кунтушъ (польская одежда). Это была тоже ферязь съ нашивками и пуговицы на немъ были до пояса.

Доломаны, какъ и кафтаны представляли короткія платья съ пуговицами и прорѣхами на бокахъ.

Матеріи употреблявшіяся для русской одежды. Мужчины небогатаго сословія носили одежду изъ зуфи (родъ камлота), а въ высокаторжественные дни — сукномъ крытую одежду и шелкомъ, которая предпочиталась. Къ числу шелковыхъ матерій принадлежали: *дороги, киндяки*, тафта, камки, бархатъ, объяръ, алтабасъ и изорбекъ. Вкусъ того времени требовалъ самыхъ яркихъ односложныхъ цвѣтовъ, черныя цвѣта употреблялись, какъ траурныя. По понятіямъ того времени яркіе цвѣта внушали уваженіе въ народѣ, и потому то сами цари, какъ говоритъ проф. Костомаровъ, приказывали подчасъ являться начальствующимъ лицамъ предъ народомъ въ яркаго цвѣта одеждъ, вѣроятно потому, что нашъ простой народъ ходилъ въ некрашенныхъ, по недостатку умѣнія, костюмахъ и потому преимущественно сѣраго цвѣта. Каждый другой цвѣтъ на него дѣйствовалъ поразительно.

Встарь были въ модѣ штофы и парчи. Изъ тогдашнихъ шелковыхъ матерій извѣстны были самыя цѣнныя: бархатъ, атласъ, алтабасъ и зорбекъ; алтабасъ и зорбекъ привозились съ во-

*) А. И. III. 334.

стока и употреблялись на самыя драгоценныя одежды царей и знатныхъ бояръ. Золотое платье считалось принадлежностью достоинства у бояръ и думныхъ людей, окружающихъ царскую особу и когда принимали пословъ, то всѣмъ, которые не имѣли такого рода платьевъ раздавали ихъ на время изъ царской казны. Особенная драгоценность русскихъ мужскихъ нарядовъ заключалась преимущественно въ нашивкахъ, ожерельяхъ, запястьяхъ, кружевахъ и пуговицахъ, иногда съ куриное яйцо, иногда жемчужныя. Нашивки дѣлались изъ другой матеріи, отличной отъ той, изъ которой сшита вся одежда.

Перчатки, рукавицы. Длинные рукава замѣняли рукавицы; но русскіе цари надѣвали *перстатяя рукавицы*, то-есть перчатки, и то во время холода и разумѣется на мѣху, отороченныя бобромъ *), послѣ эти рукавицы появляться стали и у прочихъ при чемъ большія назывались руковицы, а маленькія—*рукавки*.

Шапки. Русская шапка была четырехъ родовъ; зажиточные люди, слѣдую восточнымъ обычаямъ, носили маленькія шапочки, называемыя *тафьями*, которыя прикрывали только одну маковку, ихъ расшивали шелками, золотомъ, унизывали жемчугомъ. Ихъ носили, какъ и въ началѣ нашего XIX столѣтія знатные особы ермолки и фески въ комнатахъ; а царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный ходилъ въ ней и въ церковь и за это поссорился съ митрополитомъ Филиппомъ. Другой видъ шапки, остроконечный, назывался *колпакъ*. Богатые дѣлали колпаки изъ атласа обыкновенно бѣлаго, по его окраинѣ пристегался околышекъ, называемый ожерельемъ, который унизывали жемчугомъ или жемчужными пуговками. Сверхъ того на передней сторонѣ колпака прикалывали золотую запону. Зимой такой колпакъ подбивался мѣхомъ, который заворачивался къ верху и наружу широкою полосою. Эти колпаки дѣлались съ продольными разрѣзами на переди, а сзади до половины. Разрѣзы эти окаймлялись жемчужными нитями и застегивались пуговками. Этой формы шапки носили и бѣдные мужики изъ сукна или изъ войлока, зимою подбитые овчиною, пли какимъ нибудь недорогимъ мѣхомъ. Третій родъ шапокъ былъ — четверугольная низкая

*) Поэрле. 36. Кильбургъ 76.

шапка съ мѣховымъ околышкомъ изъ черной лисицы, соболя или бобра. Лѣтомъ этотъ околышекъ пристегивался для красоты, а зимою вся шапка была подбита мѣхомъ или хлопчатой бумагой. На ней дѣлались также прорѣхи, какъ и на колпакъ съ пуговками по шести на каждой прорѣхѣ. Вершокъ ея былъ чаще всего вишневаго, червнаго, зеленаго и часто иногда чернаго цвѣта: избѣгая чернаго цвѣта въ костюмахъ, русскіе считали его приличнымъ на шапкахъ. Этого рода шапки носили дворяне, дѣяки и бояре, когда не были въ народѣ. Четвертый родъ шапокъ были, такъ называемыя горлатныя шапки—исключительная принадлежность князей и бояръ. Одинаковость одежды у всѣхъ сословій здѣсь имѣла границы. По шапкѣ можно было заключить о происхожденіи и достоинствѣ. Можетъ быть отсюда возникла и самая пословица: „по Сенькѣ и шапка“. Высокія шапки означали знатность породы и сана. Такъ, что какъ бы не одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣть высокой шапки и даже въ самыхъ колпакахъ обыкновенной народной шапки высота соразмѣрялась съ достоинствомъ рода.

Горлатныя шапки дѣлались изъ драгоценныхъ мѣховъ съ высокимъ верхомъ иногда мѣховымъ. По своей фигурѣ она составляла обратную противоположность колпаку, ибо къ верху была шире, къ низу уже; спереди дѣлалась прорѣха, окаймленная вдоль образцами или плащами съ насѣчками. На одной сторонѣ прорѣхи дѣлались петли, густо обложенныя жемчугомъ, изображавшую какую нибудь фигуру. Во время парада бояринъ надѣвалъ тафью, на тафью колпакъ, а на колпакъ горлатную шапку. Также и въ царскихъ выходахъ царямъ подавались шапки съ колпакомъ. Знатные люди считали приличіемъ и достоинствомъ своего сана кутать какъ можно болѣе голову и часто въ комнатѣ за нарядными столами сидѣли въ своихъ тяжелыхъ шапкахъ. Когда они возвращались домой, то снявъ шапку надѣвали ее на болванецъ, расписанный нарядно иконописцами, и составлявшій украшеніе въ домѣ.

Стриженіе и бритье головы. Обычай окутывать голову поддерживался тѣмъ, что русскіе по восточному обычаю очень плотно стриглись, иногда даже и брили голову. Только тѣ, которые теряли родныхъ или попадались въ царскую немилость, отращивали себѣ волосы, въ знакъ печали. За то всѣ носили

бороды, и чѣмъ она была длиннѣе, тѣмъ осанка человека считалась почтеннѣе и величественнѣе, каждый имѣвшій ее, носилъ съ собою гребешокъ и поминутно охорашивалъ. При Васильѣ Іоанновичѣ началъ было входить въ обычай бритье бородъ и самъ Великій князь послѣдовалъ этому обычаю, но духовенство вопіяло противъ него и Стоглавъ предалъ неблагословенію церкви, державшихъ отступать отъ дѣдовскаго обычая. Подъ вліяніемъ церкви борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностью человека, и если у кого отъ природы не росла борода, къ тому имѣли недovѣріе и считали его способнымъ на дурное дѣло *).

Серьги, цѣпи. Въ дополненіе блеска своихъ одеждъ, русскіе украшали уши свои серьгами или одной серьгой и вѣшали на шеѣ драгоценныя золотыя или позолоченныя цѣпи, а къ самымъ цѣпямъ прикрѣпляли крестъ; и такія цѣпи передавались вмѣстѣ съ крестами отъ родителей къ сыновьямъ, какъ залогъ благословенія; также цари жаловали своихъ приближенныхъ. Иногда они были такъ массивны, что вѣсили до двухъ фунтовъ.

Перстни, печати. На пальцы надѣвали русскіе множество перстней съ алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, съ вырѣзанными на нихъ печатями. Можно было встрѣтить перстни въ золотыхъ ободочкахъ и съ желѣзною печатью. Въ старину не было наслѣдственныхъ и гербовыхъ печатей, а каждый дѣлалъ на перстняхъ рисунки, какіе заблагоразсудится. Распознавать камни, русскіе не умѣли, и потому ихъ было много **).

Носовыя платки. Для отиранія носа русскіе носили платки, которые у зажиточныхъ дѣлались изъ тафты и оторачивались золотою бахромою. Но ихъ хранили не въ карманахъ, а въ шапкахъ и когда сидѣли въ гостяхъ, то держали въ рукахъ шапку, а въ ней платокъ. Впрочемъ, не считалось неприличнымъ высморкаться и двумя пальцами, даже и за столомъ и потомъ обтереть руки о скатерть. Простонародье не знало платковъ.

Оружіе. Въ довершеніе костюма, люди знатные привѣщи-

*) Fletch. 241. Olear. 271. Врем. VII. Матер. для Ист. Икон. 73. и пр.

**) Времен. VII. 28.—37. Коших. 22. А. И. II. 406. С. г. гр. I. 271. 406.

вали съ боку оружіе, даже не въ военное время. Право носить оружіе предоставлялось только служилымъ и тѣмъ, которые по своему происхожденію его заслуживали, именно: боярамъ, окольнічимъ, стольникамъ, иноземцамъ, начальнымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Простолюдинамъ, посадскимъ и крестьянамъ запрещалось ходить съ оружіемъ (С. г. гр. 467). Знатные и незнатные не иначе выходили изъ дому какъ съ тростью или палкою, которая отдѣлялась набалдашникомъ или наконечникомъ изъ кости или металла; палки или посохи у богатыхъ и знатныхъ снаружи отдѣлялись перламутромъ *). Посохъ служилъ эмблемою степенности или важности, поэтому цари не иначе выходили изъ своихъ палатъ, какъ съ посохомъ.

II. Женскій костюмъ.

Женскій костюмъ, по свидѣтельству очевидцевъ, былъ похожъ на мужской тѣмъ болѣе, что послѣдніе были по большей части длинныя. Но однако въ одеждахъ двухъ половъ были и особенности, такъ что можно было съ перваго раза отличить женщину издали. Не говоря уже о головныхъ уборахъ, къ самымъ одеждамъ, носившимъ тѣ же названія какъ и у мужчинъ, прибавлялось слово „женскій“, напр. женская шуба, женскій опашень.

Женская рубаха. исподница была длинная, съ длинными рукавами, цвѣта бѣлаго или краснаго. Красныя рубахи считались наряднымъ бѣльемъ. Къ рукавамъ рубахи пристегивались запястья вышитыя золотомъ, серебромъ, и украшались жемчугомъ.

Лѣтникъ. Сверхъ рубахи надѣвался лѣтникъ; одежда эта не была длинна и по крайней мѣрѣ не доходила до пятъ, какъ это видно изъ кроильной книги, гдѣ на царицу Евдокію Лукьяновну полагается длина лѣтника въ аршинъ три четверти, тогда какъ длина другой одежды на ту же особу простиралась до двухъ аршинъ съ полувершкомъ. Рукава его были такъ длинны, какъ цѣлый лѣтникъ и чрезвычайно широки, на-

*) Кильб. 32.

примѣръ, до тринадцати вершковъ и даже до тридцати. Эти рукава назывались *накапками*: они нашивались золотомъ и унизывались жемчугомъ. Подолъ обшивался другою матеріей съ золотою тесьмою, со шнуркомъ и бахромою. Вдоль одежды, на передней сторонѣ дѣлался разрѣзь, который застегивался по самое горло, потому, что приличіе требовало, чтобы грудь женщины была застегнута какъ можно плотнѣе. Зимомъ лѣтники подбивались мѣхомъ и назывались *кортелями*.

Принадлежность лѣтника составляли *вошвы*, то-есть вшитыя мѣста; но трудно рѣшить, гдѣ онѣ вшивались. Нѣкоторые полагаютъ, что онѣ пристегивались къ рукавамъ, но такъ какъ онѣ были очень широки, напримѣръ въ 17 вершковъ, то едва ли можно было пришить ихъ къ рукавамъ или накапкамъ, которые были и безъ того широки. А если только онѣ были тоже, что накапки, то можетъ быть онѣ накладывались на полы лѣтника по обѣимъ сторонамъ разрѣза. какъ нашивки на мужскихъ кафтанахъ. Эти вошвы были всегда разцвѣчены и распешрены разными въ видѣ листьевъ, травъ, звѣрей и т. п.

Матеріи на лѣтники употреблялись легкія, какъ у мужчины для зипуна, напр. тафта; но иногда изъ тяжелыхъ золотоцвѣтныхъ матерій и сребротканыхъ. На подкладку употребляли менѣе цѣнные матеріи, напр. *киндяки* или *дороги*. Цвѣта были различны. Упоминаются лѣтники лазоревые, зеленые, желтые, но чаще всего червчатые. Небогатыя женщины носили лѣтники изъ зуфи, дороги, киндяка, а вошвы расшивали шелками и цвѣтной пряжей.

Къ лѣтикамъ, какъ къ мужскимъ зипунамъ пристегивалось шейное ожерелье. У женщинъ оно тѣснѣе прилегалo къ шеѣ, чѣмъ у мужчинъ и потому иностранцы находили сходство его съ собачьимъ ошейникомъ. Оно состояло изъ тесьмы, вышитой золотомъ и унизанной жемчугомъ; къ воротнику лѣтника оно пристегивалось пуговками, числомъ до пяти *).

Жен. опашень. Это была одежда длинная съ частыми пуговками сверху до низу. У богатыхъ пуговицы были золотыя и серебряныя, а у бѣдныхъ оловячныя. Эта одежда дѣлалась

*) Допол. къ акт. Ист. I. 76. Паэгле 54. Ак. Юр. 47. 444. Оп. Шун, 403. Времеv. IV. См. 22. V. См. 25.

изъ сукна красныхъ цвѣтовъ; рукава были длинны до пятъ, но пониже плеча были проймы, сквозь которую легко проходила рука, а остальная часть рукава висѣла. Такимъ образомъ женщина могла показывать не только широкия накапки своего лѣтника, но и запястья своей рубашки, шитыя золотомъ. Кругомъ шеи пристегивался широкой мѣховой, обыкновенно бобровый воротникъ, называемый *ожсерельемъ*, круглago вида, покрывавшій грудь, шею и спину. По прорѣзу и по подолу опашни окаймлялись кусками другой матеріи расшитыми шелками и золотомъ *).

Тѣлогрѣя. Эта одежда составляетъ другой видъ верхней женской одежды. Въ подробности отличіе покроя ея неизвѣстно. Въ плечахъ дѣлалась она уже, къ подолу шире; рукава были длинные съ проймами, какъ въ опашнѣ, на краяхъ этой одежды пристегивалось запястье изъ другой матеріи, обыкновенно вышитое; подолъ имѣлъ подпушку широкою полосою другой матеріи, а разрѣзъ окаймлялся металлическою тесьмою или такимъ же кружевомъ, на которой нашивались пуговицы числомъ 16. Тесьма расшивалась золотомъ. Тѣлогрѣи были теплые и холодные.

Женскія шубы отличались отъ мужскихъ; эта шуба, кажется не всегда была теплая. Если лѣтникъ въ женскомъ платьѣ сходствовалъ съ зипуномъ у мужчинъ, то опашень и тѣлогрѣя соответствовали кафтану, а шуба означала вообще верхнюю накидную одежду. Кромѣ шубы встрѣчаются названія женскихъ охабней, однорядокъ; ферязей, которыя женщины носили съ поясомъ; въ другихъ случаяхъ эти верхнія одежды вообще назывались *шубы*. Мѣховыя женскія шубы дѣлались на соболяхъ, куницахъ, лисицахъ, горностаяхъ, бѣлкахъ, зайцахъ, смотря по состоянію, покрывались сукнами, и шелковыми матеріями, какъ-то: обьярью, камкою, атласомъ, тафтою—цвѣтовъ червчатого, желтого, зеленого и бѣлаго. Послѣдній цвѣтъ на женскихъ шубахъ былъ въ употребленіи въ XVII вѣкѣ, покрывались часто цвѣтными тканями съ золотыми узорами. Отъ верху до низу на переди былъ разрѣзъ; онъ за-

*) Акты от. къ юр. б. 563: А. И. I. 211. III. 63. Olear. 183. Carl. 333. Crull. 138, и пр.

стегивался пуговицами и окаймлялся кружевомъ металлическимъ кованымъ или плетенымъ, либо шелковымъ, расшитымъ золотомъ и усаженнымъ дробницами. Вдоль разрѣза по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки съ золотыми вышивками и съ кистями, а по шеѣ пристегивалось къ шубѣ ожерелье изъ другаго мѣха, такъ, что, если шуба была бѣличья или лисья, то ожерелье бобровое. Рукава женскихъ шубъ украшались по краямъ кружевомъ, они особливо снимались и хранились, переходя отъ родителей къ дѣтямъ, какъ семейная драгоценность *).

Подволока. Въ торжественныхъ случаяхъ женщины надевали на себя сверхъ обыкновеннаго платья богатую мантию, называемую по русски „подволокою“. Она дѣлалась изъ шелковой матеріи червяной и бѣлой, но чаще всего изъ золотной или сребротканной съ вошвами (вѣроятно вшитыми мѣстами). Края этой мантии обшивались золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоценными камнями; они пристегивались къ подволоку и снимались, когда было нужно. Они назывались подволочнымъ заперьемъ **).

Головные уборы женщинъ. Женщины любили украшать голову и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывать волосы (замужнія).

Волосники и подзубрусники. Эти головные уборы, на подобіе скуфы изъ шелковой матеріи, нерѣдко изъ золотной, дѣлались съ узломъ, посредствомъ котораго можно было ихъ суживать, и съ ушивкою или оторочкою по краю: эти ушивки унижывались жемчугомъ и камнями и перешивались съ одного волосника въ другой и такимъ образомъ переходили изъ рода въ родъ. Волосникъ игралъ большую роль въ судьбѣ замужней женщины, ибо онъ былъ символомъ брачной жизни и составлялъ необходимую принадлежность приданаго. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины считалось и стыдомъ, и грѣхомъ оставлять на показъ свои волосы. Опростоволосить (открыть волосы) женщину было большимъ безчестіемъ. Это и нынѣ считается за обиду, когда кто нибудь сорветъ съ головы женщины платокъ или другой головной уборъ. Скромная женщина боялась

*) С. г. гр. 1. 303. 340. 407. Olear. 220. А. И. I. 24. Доп. 1. 76. О. г. Шул. 132. 174. 187.

**) С. г. гр. 1. 303. 340.

въ старину, чтобы кто либо изъ членовъ семейства, исключая мужа не увидалъ ея волосъ, а въ новгородской землѣ вошло даже въ обычай замужнимъ женщинамъ брить свои волосы, но этотъ обычай не одобрялся церковью.

Правило скромности переходило въ щегольство; такъ что нѣкоторыя женщины, укрывая волосы подволосникомъ стягивали ихъ такъ туго, что едва могли моргать глазами, это казалось имъ красиво. Поверхъ волосника накладывался ими платокъ, обыкновенно бѣлый, и подвязывался подъ подбородокъ. Его висячіе концы густо унизывались жемчугомъ. Этотъ платокъ назывался *убрусомъ*, и считался домашнимъ головнымъ уборомъ.

Кика, кичка, Кичка—была шапка съ возвышенною плоскостью на лбу, называемой *кичнымъ челомъ*; чело было разукрашено золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями, а иногда все состояло изъ серебрянаго листа, подбитаго матерією. По бокамъ дѣлались возвышенія, называемыя „*переперы*“ также разукрашенные; изъ подъ нихъ, ниже ушей спадали жемчужныя шторы, числомъ около четырехъ, или по шести на каждой сторонѣ и достигали плечъ. Задняя часть кики дѣлалась изъ плотной матеріи, соболінаго или боброваго мѣха и называлась: „*подзатыльникъ*“. По окраинѣ всей кики пристегивалась жемчужная бахрома, называемая „*поднизью*“. Третій родъ головного убора былъ „*кокошникъ*“ у богатыхъ обложенный жемчугомъ.

Когда женщина выѣзжала, то на убрусъ надѣвала шляпу бѣлаго цвѣта съ полями, у богатыхъ покрытый золотными матеріями, жемчужинами и камнями, съ этой шляпы спадали на спину длинные снурки; когда шляпа была бѣлаго цвѣта, снурки обыкновенно были красные. Также надѣвали шапки очень часто чернаго цвѣта, изъ бархата или другой матеріи, отороченные дорогимъ мѣхомъ, иногда съ золотой запоной напередѣ и съ поднизью или кружевомъ по окраинѣ. Дѣвицы носили на головѣ вѣнцы, они имѣли форму городовъ или теремовъ. Напримеръ, изображеніе дома въ нѣсколько ярусовъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другаго жемчужными поясками. У вѣнцовъ были поднизѣ называемыя „*рясы*“. У другихъ вѣнцы были проще фигурою и состояли только изъ золотой проволоки въ нѣсколько рядовъ, которые иногда украшались кораллами и камнями.

Дѣвичій вѣнецъ всегда былъ безъ верха, потому что открытые волосы считались символомъ дѣвчества. Очень часто эти вѣнцы состояли изъ широкой повязки вышитой золотомъ и усаженной жемчугами. Такая повязка стуживалась на затылкѣ, и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину *). Зимой дѣвицы покрывали голову высокою шапкою, собольею или бобровою, съ верхомъ изъ шелковой матеріи; она называлась „столбунцемъ“. Изъ подъ шапки выпадали одна или двѣ косы на спину, въ которыя вплетались красныя или алыя ленты. Иныя вовсе не вплетали лентъ, не заплетали косъ, а носили волосы распущенными по плечамъ; дѣвицы простаго состоянія носили повязки, которыя спереди были шире, сзади стуживались, и наконецъ спускались на спину длинными концами. Въ знакъ печали женщины и дѣвицы постригали себѣ волосы. Тоже дѣлали и бывшіе помѣщики во имя осрамленія женщины или дѣвушки; такое постриженіе считалось поводомъ къ укоризнѣ, срамомъ, поношеніемъ. Мы читаемъ въ заговорахъ между прочимъ, прося отъ дѣвки „простоволосой“ избавленія; не то ли же значеніе имѣетъ дѣвушка остриженная, то-есть ознаменованная ножничнымъ стриженіемъ косы вслѣдствіе проступка? Кто знаетъ, можетъ ее боялись, какъ чумы, чуждались, и не отъ этихъ ли падшихъ созданий при строгихъ правилахъ нашихъ укрѣпившихся издавна убѣжденій, часто неправильныхъ, породилось понятіе о вѣдьмахъ и другихъ вредныхъ существахъ изъ рода людей, которые имѣя видъ людей, рѣшаются вредить и по смерти.

Женскія серьги. Какъ женщины, такъ и дѣвицы носили серьги. Какъ только дѣвочка начинала ходить, мать прокалывала ей уши и втыкала въ нихъ серьги или кольца. Обычай этотъ равно сохранялся и у знатныхъ и у простолюдиновъ. Самая обычная форма серегъ была продолговатая; иныя назывались двоичны, другія троичны (то есть двойныя и тройныя), а то одинцы (одиночныя). Вообще русскія серьги были продолговатыя. На что бѣдныя женщины и тѣ носили серьги, хотя разумѣется, мѣдныя, а тамъ болѣе зажиточныя—подъ часъ серебряныя и позолоченыя, но что касается до богатыхъ женщинъ, то

*) De Bruyns. 48.

серьги — золотыя украшаемыя алмазами, и другими камнями, о которыхъ мы упоминали въ запястьяхъ и ожерельяхъ. При чемъ употреблялись мелкіе камешки, называемые „искорки“.

Зарукавья, браслеты. На рукахъ женщины носили зарукавья или браслеты, также съ жемчужинами и камнями, а на пальцахъ ихъ были, какъ у мужчинъ, перстни и кольца. Женскіе перстни отличались отъ мужскихъ тѣмъ, что были безъ печатей, хотя не менѣ массивны и драгоценны; вообще отдѣлка и форма такихъ ювелирныхъ вещей не имѣла существенной разницы. Шея женщины, или дѣвицы, была увѣшана множествомъ крестовъ, образковъ и нѣсколькими рядами монистъ (наборовъ) жемчужныхъ и золотыхъ, часто составленныхъ въ видѣ цѣпочки, на которыхъ рядами были коротенькія цѣпочки, каждая при этомъ снабжена крестикомъ. Кромѣ монистъ, знатныя женщины носили золотыя или позолоченныя цѣпи, на которыхъ висѣли разнаго рода финифтяные крестики.

Вообще на шеяхъ и на груди знатныхъ госпожъ въ Московіи, какъ и повсюду, укладывались крупныя капиталы и между прочимъ жемчуга такъ много, что въ приданое везли часто болѣе пуда. Нужно замѣтить, что часто на свадьбахъ на одно платье шло жемчуга болѣе пуда. Доказательствомъ этого чуда дамскихъ платьевъ прежняго времени можемъ привести слѣдующее: Платье Натальи Кириловны, которое на нее надѣли послѣ взятія во дворецъ и нарѣченія царской невѣстой, было такъ тяжело отъ вышиваній и жемчугу, что у ней заболѣли ноги.

Румяна и бѣлилы. Русскія женщины любили румяниться и бѣлиться, но такъ, какъ въ то время парфюмеровъ не существовало, можетъ быть бѣлилъ и красокъ порядочныхъ не было, то женщины, по замѣчанію Олеарія, сами по себѣ красивыя бѣлились и румянились до того, что совершенно измѣняли выраженіе своего лица и походили на размалеванныхъ куколъ. Кромѣ того они размалевывали себѣ шею и руки бѣлою, красною, голубою, и коричневою красками; окрашивали рѣсницы и брови и при томъ самымъ уродливымъ образомъ — чернили свѣтлыя, бѣлили черныя. Даже тѣ изъ женщинъ, которыя были хороши собою и сознавали, что онѣ хороши и безъ разныхъ постороннихъ прикрасъ, должны были бѣлиться и румяниться,

чтобы не подвергнуться насмѣшкамъ. При Михаилѣ Теодоровичѣ одна русская боярыня, княгиня Черкасская, красивая собою, не хотѣла румяниться, такъ тогдашнее общество издѣвалось надъ нею; такъ силенъ былъ обычай; а между тѣмъ церковь его не оправдывала и въ 1661 году новгородскій митрополитъ запрещалъ пускать въ церковь набѣленныхъ женщинъ *).

Платки. Ширинки. Въ рукахъ у женщины былъ платокъ называемый ширинкою; у богатыхъ эти ширинки были шелковыя съ золотыми коймами и кистями.

Зонтики. Зонтики были въ употребленіи у знатныхъ господъ, ихъ носили надъ ними рабыни **).

Одежда поселянокъ. Бѣдныя поселянки ходили въ длинныхъ рубахахъ; на рубахи надѣвали *лѣтники* иногда бѣлаго цвѣта, похожіе также на рубаху, иногда крашеные, а голову повязывали платкомъ изъ крашенины или шерстяной матеріи, подвязывая его подъ подбородокъ. Сверху всего, вмѣсто накиднаго платья, поселянки надѣвали одежду изъ грубаго сукна или сереяги, называемую „сѣрникъ“.

При большой зажиточности поселянки носили на головахъ платки шелковые, а сверху лѣтника однорядки изъ красной или синей крашенины, зенденя, или зуфа; зимою носили овчинныя тулупы. Дѣвицы дѣлали себѣ кокошники изъ древесной коры вмѣсто короны. Впрочемъ, при малѣйшей возможности мужъ не скупился принарядить свою жену. Въ тѣ времена у посадскихъ и у крестьянъ встрѣчались такіе богатые наряды, какихъ теперь трудно отыскать въ этихъ классахъ. Ихъ дорогія одежды были скроены просто и переходили изъ рода въ родъ; о томъ, чтобъ платье сидѣло хорошо—не имѣли понятія. По большей части шили и кроили одежду дома, такъ какъ за стыдъ считалось для хорошаго семейства отдавать одежду на сторону. Въ одеждахъ не было талія, не существовало гармоніи въ цвѣтахъ, а заботились только о томъ, чтобы одежда была крѣпко сшита.

Красота женщины. По русскимъ понятіямъ красота жен-

*) Olear. 180.—Crull. 139.—Petr. 307.—А. И. IV. 297.

***) (О. г. Шун. 174. Mejerb.).

щины состояла изъ толщины и дородности. Женщина стройнаго стана не считалась красавицею. При этомъ, по словамъ г. Костомарова, русскіе любили женщинъ съ длинными ушами и нѣкоторыя щеголихи вытягивали ихъ себѣ насильно. Этотъ обычай какъ нельзя болѣе согласовался съ раскрашиваніемъ и съ покроемъ платья, непонятнымъ уже для насъ вкусомъ, который нынѣ считается: *безвкусіемъ*.

Сохраненіе одежды. Какъ мужскія, такъ и женскія одежды почти всегда лежали въ клѣткахъ, въ сундукахъ подъ кусками кожи водяной мыши, которую считали предохранительнымъ средствомъ отъ моли и затхлости. Только въ большіе праздники, въ торжественные случаи, какъ напримѣръ, свадьбы, ихъ доставали и надѣвали. Также хранили платье въ клѣткахъ.

ОБРАЗЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ.

У Славянъ всегда почитали старшихъ себя. Глава семейства былъ родоначальникъ или отецъ. Жена, дѣти, родственники и слуги повиновались этому главѣ безпрекословно. Великодушіе Славянъ было извѣстно даже врагамъ, потому что самые враги могли найти пріютъ, защиту и хлѣбъ—соль въ домѣ каждаго Славянина.

Предки наши отличались трезвостью, умѣренностью, почтительностью въ отношеніи къ старшимъ себя, почему и существовало общее согласіе и любовь. Къ тому же они отличались долговѣчностью, здоровьемъ и веселостью. Любили хороводы, пляску, музыку и пѣсни. Мало зная болѣзней, привыкнувъ къ стужѣ съ молода, они легко переносили безслѣдно для своего здоровья всѣ атмосферическія перемѣны.

Простой, безусловно честный народъ, не положилъ на себя упрека, а между тѣмъ оставилъ и по сей часъ слѣды своего добродушія, словоохотности и хлѣбосољства.

Хлѣбосољство. Какъ остатокъ старины, мы встрѣчаемъ и сейчасъ его въ отдаленіи отъ столицъ и большихъ городовъ. Тамъ и до сего времени существуетъ обычай, чтобы проѣзжаго и прохожаго пригласить къ себѣ въ домъ, накормить и успокоить его по возможности. Такъ было и встарь. Со случайнаго

прохожаго за хлѣбъ—соль денегъ не брали, существовала по-ловица, что „хлѣбъ соль разбойника побѣждаетъ“. Это добродушіе существуетъ и по сіе время въ Малороссіи, какъ странѣ, гдѣ колыбель русскаго христіанства, да и во всей остальной Россіи. Эту прекрасную черту, наслѣдіе нашихъ предковъ, можно было въ прежнее время видѣть, какъ между помѣщиками, такъ и въ крестьянскомъ кругу. Хозяева обижались, если ихъ гости мало пили и ѣли. И подчиваніе постоянно сопровождалось поклонами и чествованіями. Когда бывало гость былъ не въ состояніи болѣе ѣсть и пить, тогда хозяинъ со своею женою и дѣтьми становится передъ ними на колѣна (если гость болѣе уважаемый) и умоляли его: еще хоть немножко! еще что нибудь отвѣдай, и такъ далѣе.

Набожность. Садился ли кто за столъ, или вставалъ изъ за стола, то непременно осѣнялъ чело свое крестнымъ знаменіемъ. Въ древнія времена вставали до восхожденія солнца, молились тотчасъ Богу, испрашивая Его помощи на всѣ добрыя дѣла и не помолясь, не начинали никакого дѣла. Отправлялись-ли въ дорогу, строили-ли домъ, засѣвали-ли поле, всегда ходили прежде въ церковь помолиться. Въ важныхъ и опасныхъ предпріятіяхъ исповѣдывались и причащались. Выступая въ походъ, или осаждая приступомъ городъ, всѣ войны исповѣдывались и причащались, и потомъ шли безстрашно на смерть. Сражаясь за отечество, охотно умирали мучениками, бывъ убѣждены, что ихъ души примутъ ангелы и отнесутъ въ царство вѣчнаго блаженства. Такое дѣйствіе вѣры укрѣпляло и укрѣпляетъ нашъ народъ среди его продолжительныхъ невзгодъ и бѣдствій, какъ встарь, такъ и по сіе время. И по сей часъ, наши войска прежде молебна не отправятся въ походъ *).

Время сна и бднія. Предки наши, безразлично, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ знатные, такъ и простые вставали рано: лѣтомъ съ восходомъ солнца, осенью и зимою за нѣсколько часовъ до свѣта. Встарину счетъ часовъ былъ восточный, заимствованный изъ древней Византіи вмѣстѣ съ церковными книгами. Сутки дѣлились на ночные и дневные часы.

*) На этотъ случай прекрасный примѣръ можно видѣть изъ жизни Владиміра Мономаха.

Часть солнечнаго восхода былъ первымъ часомъ дня. Часть заката—первымъ часомъ ночи. Такимъ образомъ число часовъ могло быть равно только во время равноденствія. А потому это время и принималось за норму. Изъ двадцати четырехъ суточныхъ часовъ, двѣнадцать относили ко дню, а другіе двѣнадцать къ ночи, несмотря на то, что на самомъ дѣлѣ во время зимнее, число ночныхъ часовъ доходило до семнадцати.

Седьмой часъ утра по нашему часосчисленію былъ первымъ часомъ дня; седьмой часъ вечера—первымъ часомъ ночи. Счисленіе это находилось въ связи съ восточнымъ богослуженіемъ. На исходѣ ночи отправлялась заутреня; Богослужебные часы—первый, третій, шестой и девятый знаменовали равноимянные дневные часы, а вечерня—окончаніе дня. Русскіе на основаніи такихъ познаній о суточномъ времени, согласовали свой домашній образъ жизни съ богослужебнымъ порядкомъ и въ этомъ отношеніи дѣлали его похожимъ на монашескій. Разумѣется, что такой порядокъ могъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ спокойная и обеспеченная жизнь на одномъ мѣстѣ позволяла располагать временемъ по произволу.

Молеельни, моленны. У зажиточныхъ людей по чему либо, хотя бы по болѣзни, уходить и выѣзжать въ приходѣ, были свои домовыя церкви, свои священники духовники, содержимые на жалованьѣ. Но эти церкви были только у бояръ, у знатныхъ лицъ. Между тѣмъ у лицъ болѣе или менѣе зажиточныхъ, имѣвшихъ собственное недвижимое имѣніе (богатыхъ обывателей), нерѣдко были устроены особенныя комнаты, въ которыхъ не было ничего болѣе, кромѣ образовъ, налоевъ, священныхъ книгъ и прочихъ предметовъ, относящихся до молитвы. Такія комнаты назывались *образницы, божницы, крестовыя*. Въ этихъ комнатахъ находилось больше образовъ, чѣмъ въ прочихъ. Хозяинъ, какъ домовладыка, читалъ предъ всѣми въ слухъ молитвы утреннія, куда являлись и слуги, и домашцы. Разумѣется, въ этомъ случаѣ зажигались лампы, свѣчи, и курился ладонъ. Кто могъ пѣть, пѣлъ. Священникъ въ такихъ моленнахъ служилъ вечерню, заутреню или всенощную, иногда молебень.

Окончивъ молитвословіе, погашали свѣчи и лампы и рас-

ходились по своимъ занятіямъ задернувъ пеленами *) образа. Тамъ, гдѣ мужъ допускалъ жену по домашнимъ занятіямъ и по дому, то хозяйка держала съ мужемъ совѣтъ, что дѣлать на предстоящій день, заказывала кушанье, и задавала на цѣлый день уроки въ работахъ служанкамъ. Въ такихъ домахъ на хозяйкѣ лежало много обязанностей; она должна была трудиться и показывать собою примѣръ служанкамъ; раньше всѣхъ вставать и другихъ будить, позже всѣхъ ложиться; если служанка будила госпожу, это относилось къ стыду госпожи. При дѣятельной женѣ мужъ ни о чемъ не заботился по домашнему хозяйству, такъ что женѣ должно было знать всякое дѣло лучше всѣхъ тѣхъ, которые исполняли работу.

Дворецкіе и ключники. Въ большихъ боярскихъ домахъ, хозяйка не знала занятія по дому, а этимъ занимались ключники и дворецкіе. Напримѣръ, дворецкій (Мажоръ домъ, метръ дю-пале) завѣдывалъ всѣмъ хозяйствомъ, какъ относительно порядка въ домѣ, такъ стола и домашняго хозяйства, и вмѣстѣ съ тѣмъ властвовалъ надъ холопами. При такихъ управителяхъ, какими считались ключники и дворецкіе, хозяинъ дома имѣлъ свой надзоръ только надъ лошадьми, надъ полями, надъ мельницами, надъ скотными дворами, и прочее; а хозяйка надъ работами относительно разнаго женскаго руководія. Въ большихъ боярскихъ домахъ сѣнныя дѣвушки, которыхъ было очень много, были подвѣдомственны исключительно хозяйкѣ. Ключники распоряжались приготовленіемъ стола, часто безъ вѣдома хозяина, по годовой росписи.

Обѣденный обычай. Въ полдень наступало время обѣда. Холостые лавочники, парни изъ простонародія, холопы, заѣзжіе въ городахъ и посадахъ, наполняли харчевни; люди домовитые садились за столъ дома или у пріятелей въ гостяхъ.

Цари и знатные люди, живя въ особыхъ покояхъ въ своихъ дворахъ, обѣдали отдѣльно отъ прочихъ членовъ семейства и семьи. Жены ихъ и дѣти трапезовали особо. Но незнатные дворяне, дѣти боярскіе, посадскіе и крестьяне—хозяева осѣдлые обѣдали вмѣстѣ съ женами и съ прочими членами семьи. Впрочемъ, иногда семейные члены, составлявшіе съ своими

*) Занавѣсями.

семьями одно семейство съ хозяиномъ, обѣдали отъ него особо. Во время же званыхъ обѣдовъ, особы женскаго пола никогда не бывали тамъ, гдѣ сидѣлъ самъ хозяинъ съ гостями. Столъ накрывался скатертью, но не всегда это наблюдалось, очень часто люди незнатные обѣдали безъ скатерти и ставили на голый столъ соль, уксусъ, перецъ и клали ломтями хлѣбъ. Двое домашнихъ служителей завѣдывали порядкомъ обѣда въ зажиточномъ домѣ: ключникъ и дворецкій. Ключникъ въ поварнѣ при отпускѣ кушаньевъ, дворецкій при столѣ и при поставкѣ съ посудой, стоявшемъ всегда противъ стола въ столовой. Нѣсколько слугъ носили кушанье изъ поварни. На обязанности дворецкаго и ключника было пробовать кушанье, рѣзать мясо на куски.

Царскій столъ. Въ обыденномъ царскомъ быту каждое поданное кушанье отвѣдывалъ прежде всего поваръ въ присутствіи дворецкаго, который являлся предъ каждою перемѣною съ толпою жильцовъ. Сдавъ кушанье жильцамъ, дворецкій шелъ впереди ихъ въ столовую и передавалъ кравчему, который также отвѣдывалъ и ставилъ передъ царемъ. Обыкновенно кушанье подавали, гдѣ мясо было изрѣзано въ тонкіе куски, такъ что можно было взять каждый изъ нихъ въ руки и поднести ко рту. Отъ этого тарелки, поставленныя въ началѣ обѣда передъ обѣдавшими, не перемѣнялись, потому что каждый бралъ руками съ стоявшаго передъ гостями блюда куски и клалъ въ ротъ, касавшись своей тарелки только тогда, когда случалось бросать въ нее обгрызанную кость. Жидкое кушанье иногда подавалось на два или на три человѣка въ одной мисѣ и всѣ ѣли изъ нея своими ложками. Такой способъ обѣдать приводилъ въ омерзѣніе иностранцевъ, чуждыхъ нашихъ обычаевъ. Также не нравилось иностранцамъ и то, что русскіе за столомъ зѣвали, потягивались, рыгали и—къ запаху чеснока, лука и гнилой рыбы.

Прежде всего за обѣдомъ пили водку и закусывали хлѣбомъ, потомъ подавали въ скоромные дни холодныя кушанья, состоявшія изъ варенаго мяса съ разными приправами, потомъ ѣли горячія, потомъ жареныя; и далѣе разные звары, за ними молочныя кушанья, лакомыя печенья, и наконецъ овощныя сласти. Въ постные дни, тѣмъ же порядкомъ подавали холодную

рыбу или капусту, потомъ жидкія кушанья, далѣе жареную рыбу, звары и наконецъ овощи. Какъ велось при царскихъ дворахъ, такъ бывало и у богатыхъ бояръ, разумѣется съ большею или меньшею простотою (упрощеніемъ). Нужно замѣтить, что на *званыхъ обѣдахъ* бывало до 40 или 50 перемѣнъ, понятно при этомъ, что стряпчіе, то-есть слуги, подававшіе кушанье, заслуживали уваженіе по своимъ трудамъ, а между тѣмъ подавали кушанье голыми и часто грязными руками.

Послѣдствіе званыхъ и вообще обѣдовъ. Послѣ обѣда хозяинъ пересматривалъ посуду и, находя все въ порядкѣ, хвалилъ дворецкого и стряпчихъ, подчивалъ ихъ хмѣльнымъ; иногда всѣхъ дарилъ и вся прислуга обыкновенно обѣдала послѣ господскаго стола.

Послѣ обычнаго обѣда всѣ гости ложились отдыхать, это было въ обычаѣ. Спали всѣ отъ царей до послѣдняго изъ чернорабочихъ. Самая простая чернь отдыхала на улицахъ. Тогда то на улицахъ въ Москвѣ „на Вшивой горкѣ“ (тогда на Вшивомъ рынкѣ) собиралась толпа мужчинъ; которые тамъ стриглись и отъ этого рынокъ былъ постоянно покрытъ волосами, будто полостью.

Время сна. Не спать, или по крайней мѣрѣ не отдыхать, послѣ обѣда считалось ересью, какъ и всякое отступленіе отъ предковыхъ обычаевъ.

Вставши послѣ обѣденнаго сна, русскіе опять принимались за обычныя занятія. Цари ходили къ вечернѣ, а часовъ съ шести вечера, по нашему счету, предавались уже забавамъ и бесѣдамъ. Впрочемъ, смотря по важности дѣла, иногда бояре собирались во дворецъ и вечеромъ, сидѣли тамъ за дѣлами часовъ около трехъ. Въ приказахъ собирались по вечерамъ. Былъ случай, что въ 1669 году было постановлено правиломъ, чтобы приказные сидѣли съ перваго до осьмага часа ночи, такъ, какъ это было зимою, то вѣроятно до десяти часовъ, по нашему счету, считая нашимъ счетомъ первый часъ ночи на седьмой часъ дня суточного дѣленія, сообразно восточно-византійскому численію, а четвертый, когда ночь дѣйствительно наступала въ Москвѣ. Вечеръ въ домашнемъ быту былъ временемъ развлеченій; зимою собирались другъ къ другу родные

и пріятели въ домахъ, а лѣтомъ въ палаткахъ, которыя нарочно раскидывались передъ домами.

Ужины. Русскіе всегда ужинали; а послѣ ужина благочестивый хозяинъ отправлялъ вечернее моленіе, послѣ чего уже не дозволялось ѣсть и пить, и всѣ въ скорости ложились спать.

Благочестивыя ночи женатыхъ. Сколько нибудь зажиточныя женатыя лица, имѣли всегда особыя спальни, съ тою цѣлью, чтобы не спать вмѣстѣ въ ночи предъ Господними праздниками, воскресеньями, средами и досточтимыми почему-то пятницами и посты. Въ эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились въ спальняхъ предъ образами. Ночная молитва считалась, въ то время, будто бы пріятнѣе Богу, чѣмъ дневная: „тогда бо нощію умъ ти есть легче къ Богу и могутъ ты убо на покаяніе обратити, нощныя молитвы паче твоихъ дневныхъ молебъ...“ *).

Бани. Русскіе ходили въ баню очень часто. Это считалось первою потребностью русской домашней жизни, довольно грязной по большей части. Обычай мыться, по многимъ случаямъ доставлялъ удовольствіе и наслажденіе, да иначе и быть не могло по многимъ предразсудкамъ, а также и по многимъ домашнимъ суевѣріямъ, тѣсно связаннымъ съ религіозными правилами.

Почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ находилась *мыльня*, а въ городахъ, разумѣется съ платежемъ, были, по увѣренію Котошихина, общественныя и царскія мыльни, за входъ въ которыя платили деньги.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

*) Рук. Пол. Собр. Публ. Библ. № 1310.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МУЗЫКА, СЛУЧАЙНЫЯ ПРАЗДНОВАНІЯ, ПОХОРОНЫ, ОХОТА, ПРИСЛОВЬЯ, ПѢСНИ, ЗАГАДКИ И ПОВОРОККИ.

Выраженіе удовольствія и радости высказывалось у нашихъ предковъ пѣніемъ, музыкою и пляскою и еще задолго до времени политической жизни Руси.

Византійскіе историки повѣствуютъ, что славяне, жившіе по берегамъ Балтійскаго моря, не знали войны, или если и знали, то всегда предпочитали миръ войнѣ, любили удовольствія и мирныя занятія.

Трудно рѣшить какіе музыкальные инструменты прежде всего существовали у славянъ. Можно только догадываться, что прежде всего употребляли деревянные трости и также рога домашнихъ животныхъ. Поэтому можно полагать навѣрное, что дудка и рожокъ были у славянъ самымъ первымъ инструментомъ. Потомъ появилась желейка, рогъ и свирѣль; наконецъ волынка, гудокъ, балалайка, ложки и гусли.

Дудка самый простой пастушескій инструментъ, существующій и по сей часъ въ Малороссіи; онъ называется *сопѣлкою*.

Но дудку или сопѣлку нельзя смѣшивать со свирѣлью, потому, что въ книгѣ пророка Даніила, сказано, что въ Храмѣ построенномъ Соломономъ употреблялись *сопѣли, цусли, кимвалы, трубы, органы, свирѣли, самвики, и псалтири* и всякаго рода мусикійска *).

Рожокъ. Въ рукахъ хорошаго музыканта можетъ замѣнить кларнетъ въ заунывныхъ пѣсняхъ. Тоже принадлежитъ къ древнимъ пастушескимъ инструментамъ.

*) Кн. Прор. Даніила, гл. 3, стр. 5—15. Паралипоменъ гл. 5, стр. 12—14. Кн. 3. Царствъ, гл. 40, стр. 12.

Жилейка или *Ситовка*, образуетъ двойную дудку, издаетъ сиповатый голосъ.

Рогъ дѣлается изъ двухъ деревянныхъ согнутыхъ стволовъ, похожихъ на военныя трубы; употреблялся на охотѣ. Музыка роговая была въ употребленіи при Екатеринѣ II. И любителемъ этой музыки былъ Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ. Музыка эта была имъ введена за обильными пирами.

Свирель. Самый древній инструментъ. Онъ состоялъ изъ семи вмѣстѣ сложенныхъ рядомъ створовъ, длина каждаго изъ нихъ различна, притомъ, такъ сръзанъ каждый изъ нихъ, что первый длиною болѣе вдвое, сравнительно съ послѣднимъ. Изобрѣтателемъ этого инструмента былъ богъ Панъ. Этотъ инструментъ употреблялся долгое время пастухами въ Украинѣ и въ Малороссіи. Въ Россіи ихъ также употребляли на пирушкахъ и въ хороводахъ.

Волюнка. Представляетъ весьма своеобразный по характеру инструментъ, напоминающій собою гармонику или мѣхъ въ валяхъ; здѣсь дѣйствуетъ воздухъ заключенный въ бараній мѣхъ къ которому приложены три дудки и трубочка. Въ трубочку прикрѣпленную къ верху напускается воздухъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, опредѣлены двѣ разной величины трубки, чрезъ которыя воздухъ проходя, даетъ басистые голоса, а третья небольшая трубочка, имѣетъ нѣсколько отверстій сбоку, даетъ возможность играющему производить пальцами разные голоса и звуки.

Гудокъ. Этотъ инструментъ струнный, походитъ на скрипку, на которомъ находится три струны; играютъ посредствомъ смычка. Рукоятка его вверху загнута, какъ у баса—съ тремя колышками; по струнамъ водятъ смычкомъ и гудокъ производитъ гуденіе.

Балалайка. Всѣмъ извѣстный трехъ струнный инструментъ, высоко настроиваемый, служитъ для плясовыхъ пѣсень.

Ложки. Это два деревянные инструмента, напоминающихъ двѣ сложенныхъ вмѣстѣ ложки. Рукоятки ихъ унизываютъ сквозными бубенчиками и оставляютъ ихъ висячими, подобно винограднымъ кистямъ; во время музыки трясутъ ложками, которыя отъ движенія шариковъ издаютъ многообразныя звуки. Тоны ихъ многимъ нравятся лучше бубенъ.

Гусли.—Они имѣютъ видъ легкой ручной арфы съ мѣдными струнами; строй ихъ свободной, можно настраивать то очень высоко, то очень низко; Этотъ инструментъ былъ извѣстенъ въ глубокой древности Евреямъ. Еще Давидъ, будучи оруженосцемъ у Царя Саула часто усыплялъ его гнѣвъ кифарами и воспѣвалъ славу Божию *). Въ Малороссіи долгое время играли на гусямъ, но нынѣ они выводятся. Но у Сербовъ этотъ инструментъ существуетъ и по сей часъ.

Трубная музыка. О трубной музыкѣ впервые упоминается въ Кіевской лѣтописи, именно въ словѣ о полку Игоревѣ (кар. И. Г. Р. часть III. Пр. 165). Что при осадѣ Кіева въ 1151 г. Князьями Георгіемъ Суздальскимъ и Владиміромъ Галицкимъ, осажденные и осаждаемые трубили въ трубы, и били въ бубны. Во время междуусобія Новгородцевъ съ Владимірцами (въ 1216 г.) первые имѣли 60, а послѣдніе 40 трубъ и 40 бубнень. Во время похода Русскихъ противъ волжскихъ болгаръ (въ 1220 г.) въ нашемъ стану были трубы, бубны, сурны, сопѣли. Въ это время были извѣстны флейты. Въ XVI вѣкѣ онѣ дѣлаются повсемѣстны, какъ то видно изъ пѣсни того же вѣка:

То ляхи въ бубны вдаряють
У свистинска да у трубы выгрываютъ,
У се войско свое до купы у громаду скликають.

.

Въ томъ же столѣтїи появляются набаты, литавры (накры) флейты и сиповки.

Первоначальный видъ трубъ намъ не извѣстенъ, но должно думать, что онѣ были прямыя, какъ у древнихъ народовъ, и состояли изъ одного колѣна, и потомъ, измѣняясь въ устройствѣ, онѣ получили нынѣ существующій видъ то есть трехъ-колѣнныя и прямыя.—Къ трубамъ привѣшивали кисти на шнурахъ и завѣсы четырехъ угольных: изъ парчи, камки, тафты съ серебряной и золотой бахрамой **).

*) Исповѣдаться Господеву въ гусяхъ, во псалтыри десятиструнномъ, пойте Ему Кае. 5, стр. 2. Потомъ ап. Кае. 8, ст. 9. Кае. 10, ст. 22 и пр. Смотри. Псалтырь съ толкованіемъ. Изд. Кіев. Печ. Лав. 1814 г.

**) Въ рис. къ путешествію бар. Майерберга. Изд. Гос. Канцл. Гр. П. Румянцевымъ въ 1827, изобр. трубаچی играющіе на трубахъ съ завѣсами.

Бубнами или накрами называется подобіе нашихъ литавръ. Это была небольшая мѣдная чаша съ натянутою поверхъ ея кожею. Конные привязывали ее къ сѣдлу, а пѣшіе держали лѣвою рукою и били *восчагою* изъ толстаго ремня съ прикрѣпленнымъ на концѣ ея ремненнымъ шаромъ. У каждаго воеводы былъ привѣшенъ къ сѣдлу *Тулумбасъ* или *жулумбасъ*, поменьше описанныхъ бубенъ, въ который онъ самъ билъ во время надобности.

Сурни. Такъ называлась длинная узкая труба и прямая съ закрытымъ нижнимъ отверстіемъ.

Набатъ. Такъ назывался большой мѣдный барабанъ, который укрѣплялся на деревянномъ щитѣ помощію цѣпей: его утверждали на четырехъ рядомъ поставленныхъ лошадяхъ. Для ударенія въ него употребляли восемь человекъ *).

Каждый воевода имѣлъ свой набатъ въ который по его распоряженію били тревогу въ войскѣ, отъ чего произошло слово бить въ набатъ, то есть дѣлать тревогу; но нынѣ эта тревога производится церковными колоколами.

Кромѣ музыки военной, да музыки на свадьбахъ, духовенство запрещало ее вводить во всегдашнее употребленіе на пирахъ, кромѣ жившихъ въ Москвѣ нѣмцевъ. Олеарій говорить, что однажды Патріархъ приказалъ собрать всѣ музыкальные инструменты у частныхъ лицъ, нагрузивши ими пять возовъ, за рѣкой Москвой сожгли.

Простой народъ бѣгалъ отъ музыки, боясь нечистой силы, будто бы кружившейся во время игры. Веселившихся считали погибшими на томъ свѣтѣ; раскаявшихся не допускали къ причастію. Такъ было до Петра Великаго, который успѣлъ разсвѣять мракъ невѣжества убѣжденіемъ, что музыка возвышаетъ чувство, смягчаетъ грубость нравовъ, доставляя самое невинное удовольствіе.

Въ продолженіе XVII столѣтія появились въ Россіи многіе музыкальные инструменты, изъ которыхъ перечислимъ:

Барабанъ. Былъ извѣстенъ у Римлянъ. Его употребляли для собранія воиновъ для войны. Приписываютъ Сарацинамъ его изо-

*) Нѣкоторые думаютъ, что набатъ перешелъ къ намъ отъ Татаръ. См. Истор. опис. одежда и вооруженій. Ч. 1, стр. 10.

брѣненіе. Эдуардъ III, король Англійскій, въ первый разъ услышалъ его, при въздѣ въ Кале въ 1347 г. *).

Первоначальная наружность барабана была та же, что и нынѣ: деревянное лукошко вызолоченное или выкрашенное, два вкругъ его обруча и двѣ натянутыя кожи составляли все его устройство. Въ полкахъ носили барабанъ на широкой тесьмѣ или на кожаномъ ремнѣ, повѣшенномъ черезъ правое плечо; хранили въ суконныхъ чахлахъ, называвшихся *нагамищемъ* и *чемоданомъ*.

Литавры были тоже самое, что бубны, но больше видомъ, мѣдныя, а часто серебряныя. Къ нимъ привѣшивали для *украшенія завѣсы* камчатныя, суконныя изъ яркихъ цвѣтовъ и обшивали шнурами и кистямп. Въ литавры били небольшими палочками, съ закругленнымъ на концѣ шарикомъ.

Варганъ тоже музыкальный инструментъ, зашедшій къ намъ изъ Польши, а Польша получила его изъ Германіи, представляетъ небольшое металлическое орудіе съ язычкомъ въ срединѣ. Приложивъ его на зубы, и вдыхая въ себя воздухъ бьютъ пальцемъ по языку, который приэтомъ производитъ довольно пріятные звуки, по мѣрѣ движенія вдыхаемаго воздуха.

Органъ, отъ него испорченное слово варганъ, введенъ католическимъ духовенствомъ, при богослуженіи не ранѣе IV столѣтія; употребляется нынѣ почти во всѣхъ христіанскихъ церквахъ кромѣ грекороссійской. Органы изъ духовнаго преобразовались въ танцевальныя и застольныя, а эти послужили къ устройству клавировъ, роялей, клависинъ и шарманокъ.

Во времена Екатерины второй существовала кавалергардская музыка, или трубачи; однако она не простиралась далѣ гвардіи. Императоръ Павелъ I началъ вводить музыку во всѣхъ полкахъ, отчего она и стала называться *военною*. Александръ I позаботился окончить намѣреніе своего отца и теперь она неразлучна съ потребностью вкуса.

Бандура, кобза. Бандура родъ арфы съ 12, а иногда 28 металлическими струнами; ихъ вѣшали на шею и ходили съ ними изъ деревни въ деревню слѣпцы или старики. Этотъ инструментъ преимущественно извѣстенъ въ Малороссіи.

*) Барабанъ древнее названіе Франкооникихъ Славянъ. *Baraban*.

Цимбалы или кимвалы. Родъ фортепіано съ металлическими струнами. Струны эти натянуты на рамкѣ; по этимъ струнамъ ударяютъ стальною палочкой, или надѣтымъ на палець стальнымъ наперсткомъ. Игра на Цимбалахъ сопровождается или пѣніемъ, или какимъ либо духовымъ инструментомъ. Звукъ ея громкій и пріятный.

Случайныя и частныя празднованія *).

Рожденія младенца. Зажиточные люди утверждали родильные столы, а крестьяне приготовляли особое пиво и брали для того разрѣшеніе отъ начальства (А. А. Э. 420). Родильницы получали отъ гостей подарки обыкновенно деньгами. Это соблюдалось и у знатныхъ, но только для исполненія обычая; ибо родильницѣ въ домѣ боярскомъ давали по золотому. Русскіе спѣшили крестить младенца и чаще всего крещеніе происходило на осмой день, но иногда и въ сороковой, такъ какъ эти числа напоминали въ младенческой жизни Иисуса Христа событія обрѣзанія и срѣтенія. Имя изрекали чаще всего случайно, по названію святаго, котораго память случалась въ день крещенія. Крещеніе происходило у всѣхъ сословій въ церквахъ, и въ домахъ допускалось только по болѣзни или крайней слабости новорожденнаго и непременно не въ той комнатѣ, гдѣ онъ рожденъ, такъ какъ та комната долгое время считалась оскверненною.

Выборъ воспріемника падалъ чаще всего на духовнаго отца или родственника. При крещеніи на новорожденнаго надѣвали крестъ мѣдный, серебряный или золотой, который на немъ оставался на всю жизнь. Воспріемнику священникъ возлагалъ на шею бѣлый платокъ и связывалъ его обѣими концами; а по окончаніи обряда платокъ этотъ снимался и оставался въ церкви (Стогл. гл. 45.). Послѣ обряда, въ тотъ же день учреждался *крестинный* столъ и при этомъ, кромѣ гостей кормили и нищихъ. Царь въ день крещенія дѣлалъ торжественный столъ для патріарха, духовныхъ властей и свѣтскихъ сановниковъ;

*) Заимств. изъ очерка жизни и пр. рус. нар. Терещенко. 1860 г.

по окончаніи обѣда духовные благословляли новорожденного, а прочіе гости подносили ему дары. Въ царскомъ быту это былъ единственный разъ, когда царское дитя показывали до совершеннолѣтія; съ тѣхъ поръ оно долго оставалось въ глубинѣ царскихъ хоромъ. Крещеніе царскаго младенца не ограничивалось однимъ обычнымъ крестиннымъ столомъ.

По городамъ и монастырямъ ѣздили жильцы съ грамотами, возвѣщавшими о рожденіи царскаго дѣтища, и всѣ монастыри спѣшили везти къ новорожденному подарки; тѣмъ, которые мало давали, замѣчалось, что они мало желаютъ добра новорожденному изъ царскаго дома.

Въ свою очередь, однакожъ, по случаю рожденія дитяти, царь прощалъ виновныхъ и оказывалъ царскія милости (Доп. I. 119).

Духовное рожденіе считалось значительнѣе тѣлеснаго и отъ того день рожденія оставался незамѣтнымъ, а день ангела или именины во всю жизнь праздновался каждымъ, кому позволяло состояніе.

Родины у Пермьковъ *). Пермьчка вообще мало обращаетъ вниманія на беременность и работаетъ, какъ и внѣ беременности, до послѣднихъ часовъ. Зимой — если пермьчка дома, она удаляется для разрѣшенія въ баню, а лѣтомъ — въ хлѣвъ, впрочемъ, изъ хлѣва, хотя это и лѣтомъ, она все же разрѣшившись отъ бремени, идетъ въ баню и часто сама ее затопляетъ, если нѣтъ при ней домашнихъ женскаго пола. Если же родить въ дорогѣ, въ полѣ или на пути къ дому, то неминуемо топятъ баню тамъ, куда она придетъ.

Повивальная бабка называется у нихъ *гогь-баба*, то-есть пуповая баба, или *бабитчись-баба*, то-есть — повивальная. Ее призываютъ нерѣдко передъ родами; но чаще послѣ родовъ. Эти бабки у нихъ — старухи, изъ числа тѣхъ, которыя по себѣ, подобныхъ случаевъ много испытали и знаютъ при этомъ много молитвъ, заговоровъ, умѣющая лечить, въ случаѣ трудныхъ родовъ и знающая примѣты.

Родильница передъ родами, прежде всего развязываетъ на себѣ всѣ узлы, снимаетъ поясъ, скидаетъ дубасъ, расплетаетъ косы, иногда разрываетъ станъ рубашки. Это, по мнѣнію пер-

*) Пермскій Сборникъ. 1860 г. Книж. II.

мячекъ, облегчаетъ и ускоряетъ роды. Но если, вопреки такой предосторожности, она „мучится“, та бабка приводитъ ее въ избу, раскрываетъ столъ скатертью, ставитъ на нее хлѣбъ, соль и брагу; потомъ отодвигаетъ столъ отъ лавокъ, распускаетъ на родильницѣ всякіе, какіе бы то ни было узлы и трижды обводитъ вокругъ стола, каждый разъ, приговаривая: „какъ скоро раба (такая-то) обойдетъ кругъ стола, такъ скоро и родить“, затѣмъ беретъ съ божницы образъ, обмываетъ его свѣжею водою надъ дномъ опрокинутаго ведра, которая при этомъ скопится на обороченномъ кверху донцѣ, даетъ пить родильницѣ изъ трехъ мѣстъ, поворачивая ведро по солнцу; въ заключеніе, оставшеюся водою spryskivaetъ родильницу въ расплохъ, чтобы испугомъ ускорить актъ разрѣшенія, а домашніе съ этой же цѣлью, неожиданно производятъ тревогу, крича въ избѣ, или подъ окномъ, на улицѣ, что нибудь такое, что способно возбудить чувство испуга, напр.: горимъ! пожаръ!.. Такими средствами достигаютъ разрѣшенія родильницы отъ бремени.... Послѣ родовъ уводятъ въ баню родильницу. Неблагополучные роды бываютъ очень рѣдки, благодаря крѣпкой натурѣ пермяцкихъ женщинъ.

Какіе бы не случились роды: трудные или легкіе, во всякомъ случаѣ первое дѣло бабки приготовить въ банѣ „воду отъ уроковъ“. Вода для этаго употребляется непременно рѣчная, бабка нарочно ходитъ за ней съ чистымъ ведромъ и зачерпываетъ ее всегда по теченію рѣки. Возвратившись съ рѣки въ баню и сотворивъ Иисусову молитву, бабка погружаетъ въ ведро правую руку и зачерпнувъ тамъ горстью воду, спускаетъ ее по рукѣ черезъ локоть въ нарочно приготовленный туась, нашептывая: „какъ вода на локтѣ не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя родильницы) ни уроки, ни призоры не держались“. Такимъ образомъ черпается воды тридцать локтей (то есть три раза по девяти, 18), которые всегда считаются съ отрицаніемъ, какъ говорится „сзади“: не одна, не двѣ, не три, не четыре... и т. д., до девяти, потомъ считаются вторые и третьи девять. Съ молитвою спустивъ въ эту воду три накаленные до красна уголька, бабка горстью правой руки черезъ локоть лѣвой, льетъ эту воду трижды на крайній камень каменки, потомъ трижды на дверную скобку, придерживая

туясь такъ, что пролитая вода опять стекаетъ въ него же; при этомъ: каждый разъ она приговариваетъ: „какъ на камнѣ (или скобѣ) вода не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя) ни уроки, ни призоры не держитесь!“ Этимъ кончаются чары надъ водой,—и она послѣ этого считается такъ сильно заговоренною, что ни одинъ колдунъ, дѣлается не въ силахъ уничтожить ея цѣлительную силу. Затѣмъ, бабка ставитъ родильницу лицомъ на востокъ—если только она можетъ стоять—въ противномъ случаѣ, сажаетъ ее на банный порогъ и три раза брызжетъ ей въ лицо, набранной ей въ ротъ наговоренною водою, приговаривая: „какъ вода на лицѣ не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя) ни уроки, ни призоры не держитесь!“ Выливъ изъ туюса остальную воду родильницѣ на голову, бабка подхватываетъ воду при ея паденіи съ головы въ правую горсть и брызжетъ ею на каменку изъ подъ лѣвой своей ноги.

Въ домѣ, между тѣмъ готовятъ родильницѣ теплую брагу, а у кого есть—и рыбные пироги. Родильница остается съ бабкой два, три дня и болѣе, въ банѣ, смотря по состоянію своего здоровья, по выходѣ же вскорѣ принимается за свои обыкновенныя домашнія занятія. Принеся новорожденного въ первый разъ въ избу, бабка передаетъ его на руки отцу, который самъ кладетъ его въ люльку, и тѣмъ, какъ бы официально признаетъ его своимъ дѣтищемъ.

Вскорѣ послѣ родовъ въ пермяцкихъ семьяхъ были крестины. Для этой цѣли зажиточные отцы приглашаютъ священника къ себѣ въ домъ; у всѣхъ же прочихъ, составляющихъ большинство, бабки приносятъ новорожденныхъ для крещенія въ церковь, во всякую пору года, въ ближайшіе послѣ родовъ, воскресные дни. Разумѣется, бываютъ случаи, что крещеніе слѣдуетъ иногда тотчасъ послѣ родовъ. При крещеніи родители рѣдко просятъ священниковъ, дать то или другое имя ребенку; обыкновенно эта статья представляется рѣшенію самого священника, который и даетъ ребенку имя святаго, котораго память празднуется въ день крещенія, или ближайшій къ нему. Воспріемниками отъ купели родители назначаютъ кого-либо изъ родственниковъ, или иногда изъ коротко знакомыхъ; ихъ приглашаетъ обыкновенно отецъ. Никакихъ расходовъ

о этому случаю воспріемники не дѣлають, замѣтите: крестъ, поясъ, рубашка, рязки — холстъ, на который принимаютъ отъ купели — бывають хозяйскіе, домашніе. Если воспріемницею бываетъ дѣвушка, то случается, что во время крещенія она распускаетъ свою косу у своего затылка въ одинъ пучекъ; когда новорожденнаго крестятъ дома, то послѣ совершенія таинства, отецъ угощаетъ священника дома вмѣстѣ съ кумомъ и кумою, обѣдомъ.

Крестные отецъ и мать у Пермяковъ уважаются, какъ близкіе родные.

Спустя шесть недѣль послѣ крещенія, воспріемницѣ приносятъ отъ крестника подарокъ — холстину аршина въ два длину. Въ день своего ангела, для выраженія почтенія, крестники, или крестницы ходятъ иногда къ своимъ воспріемникамъ, если они живутъ близко, съ челпанами хлѣба. Воспріемники отдаривають малютокъ дѣньгами. Понятно, что отдарки бывають не велики и ограничиваються двумя, тремя копѣйками серебромъ.

Въ домѣ родителей, новорожденному приготовляли люльку называемую (Дютятанъ). Люльку эту привѣшиваютъ обыкновенно подъ полатами, или грядками на едва гнущемся оцепѣ (шесть). Вмѣсто постели кладутъ грязные обноски одежды и разное грязное тряпье. Полога у колыбели не бываетъ.

Пермячки по большей части кормятъ сами дѣтей своей грудью и всегда около года; нѣкоторыя даютъ ребенку рожокъ съ коровьимъ молокомъ. Чуждыя всякой застѣнчивости, пермячки кормятъ грудью открыто, какъ при домашнихъ, такъ и при постороннихъ. Отнимають дѣтей отъ грудей, кормя дѣтей предъ наступленіемъ года коровьимъ молокомъ, а потомъ крошками хлѣба въ горячихъ шахъ, или просто въ горячей водѣ, а кольскоро, дитя достигнулъ полуторо - годовалаго возраста, то кормятъ тѣмъ, что ѣдятъ взрослые *).

Имянины. Духовное рожденіе считалось значительнѣе тѣлеснаго и отъ того день рожденія оставался незамѣтнымъ, а день ангела или именины во всю жизнь праздновались каждыиъ, кому позволяло состояніе. Съ утра именинникъ или именинница

*) См. Пермскій Сборн. кн. 11. 1860 г.

разсылали гостямъ именинные пироги; знатность лица, которому посылались пироги, измѣрялась величиною посылаемаго пирога. Гости, по приглашенію, сходились на именинный столъ и приносили имянинникамъ подарки; духовные благословляли имянинниковъ образами, а свѣтскіе подносили матеріи, кубки или деньги. Въ царскомъ быту, царь въ день своихъ именинъ по выходѣ изъ храма отъ обѣдни, раздавалъ изъ своихъ рукъ именинные пироги; тоже дѣлала царица у себя въ свои именины. Совершеннолѣтніе царевичи отъ себя раздавали именинные пироги, а въ день именинъ царевны, или малолѣтняго царевича раздавалъ пироги отъ именинника царь. Но все таки почиталось необходимымъ, чтобъ отъ именинника были розданы пироги. Если бояринъ или окольничій былъ именинникъ, то являлся съ пирогами къ царю; царь принималъ пирогъ и спрашивалъ именинника о здоровьѣ, потомъ именинникъ представлялся царицѣ и также подносилъ ей пироги.

Съ другой стороны царю, какъ и частнымъ лицамъ, на именины подносили подарки, какъ и подносимые царю и въ другихъ случаяхъ, уже обратились въ законъ. Всѣ торговыя люди должны были поднести царю подарки, которые отсылались на казенный дворъ и съ казеннаго двора продавались; нерѣдко случалось, что купецъ покупалъ на казенномъ дворѣ ту самую вещь, которую когда то подарилъ царю и теперь подносилъ ее государю въ другой разъ. За именинными столами приглашенные гости пѣли многолѣтіе, а послѣ стола именинникъ съ своей стороны иногда отдаривалъ гостей; по крайней мѣрѣ такъ водилось у царей *). У русскихъ долго было въ обычаѣ кромѣ христіанскаго имени имѣть еще другое прозвище, или не крещеное имя; обычай этотъ водился въ удѣльные времена между князьями, которыя, кромѣ крещенаго имени всегда имѣли еще княжес, старо-славянское и болѣе были извѣстны подъ послѣднимъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ мы встречаемъ множество именъ и прозвищъ, которые существовали вмѣстѣ съ крещенымъ именемъ и употреблялись чаще послѣдняго, такъ что и въ дѣловыхъ бумагахъ назывался человекъ не христіанскимъ именемъ, а прозвищемъ; напр. Смирный, пер-

*) Доп. Б. Рус. цар. От. Зап. 1854 г. янв. 31.

вый, девятый, злодѣй, Козель, Паукъ, Русинъ, Злоба, Шестакъ, Неупоконъ, Нехорошко, Бѣляница, Дулай, Май, Доспѣлко, Распуга, Мясоѣдъ, Кобякъ *). Даже священники носили такія имена. Иногда было три имени: прозвище и два крещеныхъ имени—одно явное, другое тайное, извѣстное только тому, кто его носилъ, духовнику, да самымъ близкимъ. Это дѣлалось по тому вѣрованію, что лихіе люди могутъ дѣлать ему вредъ разными способами и вообще иногда легко сглазить человѣка. Поэтому въ глазахъ людей прикрывались чуждымъ именемъ, скрывая настоящее. Случалось, что человѣка котораго всѣ знали за какого нибудь Ивана, послѣ кончины на погребеніи называли Павломъ и тутъ узнавали его имя. Случалось, что крещеное имя перемѣнялось по волѣ царя; напр., Дѣвицу Марію Климову, взятую на царскій дворъ въ 1653 г., съ намѣреніемъ быть ей невѣстою государя, переименовали Анастасіей; но когда Государь не захотѣлъ взять ее къ себѣ женою, тогда она опять стала Маріею. Другіе, особенно бѣглецы—самопроизвольно перемѣняли свои имена и прозвища и оставались навсегда съ новыми, такъ и записывались.

Нерѣдко цари давали почетныя прозвища людямъ и эти прозвища оставались навсегда и потомъ переходили въ потомство какъ фамиліальное названіе. Напр. въ 1564 г. одного мордвина царь нарекъ Дружиною (Врем. V. см. 52).

Прозвища классическія, столь обыкновенныя въ семинаріяхъ, были въ употребленіи еще въ XVII вѣкѣ, ибо въ 1635 году встрѣчается фамилія Нероновыхъ, (А. И. П. 333).

Старинныя женитьбы и свадьбы. Русскіе женились вообще очень рано; бывали случаи, что женихъ имѣлъ только 12 или 13 лѣтъ. Нужно замѣтить, этимъ родители спѣшили удалить юношу или дѣвушку отъ соблазновъ холостой жизни, такъ какъ вообще по тогдашнимъ понятіямъ невольныя любовныя связи считали непростительнымъ и незамолимымъ, и ставили наравнѣ съ тяжкими преступленіями.

Рѣдко случалось, чтобы русскій оставался не женатымъ, развѣ только болѣзнь или обѣщаніе вступить въ монастырь. При женитьбѣ женихъ и невѣста часто не знали другъ друга,

*) См. очеркъ Дом. жизни и нравовъ Р. Н. Костомарова. ст. 156.

и подѣ влияніемъ родителей играли страдательную роль. Нравственныя повятія того времени не позволяли соблазняться молодымъ людямъ обоого пола, и даже женихъ не имѣлъ права сказать о томъ, что онъ хочетъ жениться, находясь въ полномъ повиновеніи родителя. Только тотъ могъ вполне распоряжаться по собственному соображенію, когда былъ въ зрѣломъ возрастѣ, вступалъ во второй бракъ или вовсе не имѣлъ родителей. Сами цари дѣйствовали такимъ образомъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ предлагалъ дочь свою за датскаго принца *). Иногда браки начинались по волѣ высшихъ особъ; такъ цари и великіе князья женили своихъ бояръ и ближнихъ людей и сами выбирали имъ невѣсты, а господа совершали браки между своими слугами, также не испрашивая ихъ согласія. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ правительство, желая умножить народонаселеніе въ Сибири, хотѣли непременно, чтобы пашенныя крестьяне, тамъ поселенные, отдавали дочерей своихъ за ссыльных; но какъ честные поселяне не хотѣли брать себѣ въ зятя мошенниковъ и воровъ, то ихъ принуждали къ тому силою и брали за послушаніе большую пеню.

Въ старину бракъ совершался такъ: Родители, предпринявъ намѣреніе женить своего сына, совѣтовались съ своими ближайшими родственниками, и часто не говорили объ этомъ жениху; избравши семейство, съ которымъ не стыдно было завести родственную связь, они посылали къ родителямъ невѣсты свата или сваху для предварительнаго объясненія.

Если родители невѣсты не желали вовсе отдать дочь свою за предлагаемаго жениха, то имѣли ту же, какъ и нынѣ отговорку на молодость дочери. При согласіи же, заявляли его тотчасъ, но все таки не спѣшили повидимому, ссылаясь на то, что они будутъ совѣтоваться съ родственниками и назначали день рѣшительнаго отвѣта.

Когда, наконецъ, давалось согласіе, сватъ или посредникъ, просилъ дозволенія видѣть невѣсту. Случилось и такъ, что дозволенія этого не давалось, иногда изъ кичливости, а иногда по безобразію невѣсты. Но чаще случалось, что родители соглашались показать невѣсту и тогда пріѣзжала мать жениха

*) С. Г. Гр. III. 406.

или посылалась женщина называемая смотрительницею, но все таки смотрѣлъ невѣсту не женихъ. Показъ невѣсты происходилъ различнымъ образомъ. Иногда смотрительницу вводили въ убранную комнату, гдѣ невѣста стояла въ лучшемъ своемъ нарядѣ, съ лицомъ закрытымъ покрываломъ; иногда же невѣста сидѣла за занавѣсомъ, и занавѣсъ отдергивался, когда приближалась смотрительница. Смотрительница прохаживалась по комнатѣ, заговаривала съ нею, стараясь выпытать, умна ли она *), хороша ли, не безъязычна ли, и рѣчью во всемъ исправна ли. Бывало у родителей дочь-невѣста уродъ, то показывали младшую дочь, а то и служанку показывали смотрительницѣ. Такъ какъ женихъ не имѣлъ права видѣть невѣсту до брака; а потому долженъ былъ довольствоваться тѣми свѣдѣніями, которыя сообщала смотрительница. Онъ узнавалъ обманъ только послѣ вѣнчанья. Обманутый женихъ могъ жаловаться духовнымъ властямъ; производился розыскъ, допрашивали сосѣдей, знакомыхъ и дворовыхъ людей, и если обманъ открывался, то виновнаго наказывали кнутомъ и бракъ расторгали; но это случалось очень рѣдко, чаще, подводили дѣло такъ, что женихъ долженъ былъ жить съ своей новобрачной и ему тогда говорили позднее нравоученіе: „не провѣдавъ доподлинно, не женись“.

За то мужъ, въ утѣшеніе себѣ, колотилъ свою жену, принуждалъ ее постричься, а иногда тайно умерщвлялъ: поэтому, нѣкоторые женихи, чувствуя въ себѣ довольно силы и значенія передъ семьею невѣсты настаивали, чтобы ему дозволили самому видѣть невѣсту и родители позволяли, если дорожили женихомъ. Но тогда этому жениху было трудно отдѣлаться. Видѣть невѣсту и отказаться отъ нее считалось безчестіемъ и родители невѣсты могли напутать на жениха духовнымъ властямъ много такого, что и не снилось жениху и вовлечь его въ бѣду и отвѣтственность. Пр. Костомаровъ приводитъ такой примѣръ *). Одинъ молодой человекъ, вѣроятно не имѣвшій родителей, задумалъ жениться и поручилъ свату найти ему невѣсту. Пріятель условился съ однимъ посадскимъ

*) Кошис. 120.

***) (Strauss. 199. Колл. 11).

обмануть его. У этого посадскаго была кривая дочка. Родитель этой красавицы общалъ пріятелю щедрую награду, если онъ сбудеть ее за охотника. Сватъ отправляется къ жениху и говоритъ, что онъ можетъ видѣть изъ окна невѣсту, когда онъ пройдетъ по улицѣ. Дѣвицу провели во всемъ убранствѣ и женихъ смотрѣлъ на нее изъ окна. Дѣвица идя, держалась такъ, что женихъ видѣлъ только ея здоровый глазъ и, не замѣтивъ другаго, рѣшился на ней жениться. Плохое жите было какъ мужу такъ и женѣ; выигралъ въ этомъ только одинъ свать.

И нынѣ есть въ обычаѣ въ старинныхъ русскихъ семействахъ и особенно между провинціалами — старовѣрами, что родители не спрашивая согласія своихъ дѣтей, соглашаются между собою и насильно совершаютъ бракъ, ради своихъ дружескихъ отношеній, коммерческихъ выгодъ, или хорошаго собутыльничества.

Великокняжескія, а впослѣдствіи царскія свадьбы начинались смотромъ дѣвицъ. Собирали изъ разныхъ мѣстъ дѣвицъ дворянскихъ фамилій и царь смотрѣлъ на нихъ и выбиралъ изъ нихъ ту, которая ему нравилась. Когда великій князь Василій Іоанновичъ собирался жениться, то на смотръ ему предоставили полторы тысячи дѣвицъ *). Іоаннъ Васильевичъ Грозный приказывалъ князьямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ отовсюду свозить дочерей своихъ дѣвокъ. Въ Новгородской области изъ всѣхъ пятинъ всѣ помѣщики должны были свозить дочерей своихъ къ намѣстнику и намѣстникъ обязанъ былъ ихъ представлять къ царю по требованію. Это была обязанность отцевъ, и кто оказывался виновнымъ въ непослушаніи, тотъ подвергался, опалъ и даже казни. Эта честь, какъ говоритъ проф. Костомаровъ не слишкомъ соблазняла отцевъ, такъ какъ тогда многіе вяземскіе, дорогобужскіе дворяне получили выговоръ за промедленіе. При второмъ бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича дѣвицы были собраны въ домъ Артамона Сергѣевича Матвѣева и царь, въ противность принятому издавна обычаю, не посѣщать домовъ своихъ подданныхъ, смотрѣлъ на нихъ въ окошко изъ потаенной комнаты. Онъ выбралъ

*) Герборштейнъ. 19.

трехъ и приказалъ довѣреннымъ женщинамъ (можетъ быть бабкамъ) освидѣтельствовать ихъ душевныя и тѣлесныя достоинства. И потомъ уже, по рекомендаціи этихъ смотрительницъ избралъ Наталью Кириловну. Избранную царскую невѣсту брали во дворецъ, облакали въ драгоценныя одежды, нарекали царевною, причеиъ она жила до самаго брака въ совершенномъ отчужденіи отъ царя. Таковъ былъ обычай народный: самъ царь до бракосочетанія имѣлъ право только разъ видѣть свою невѣсту.

Послѣ смотра, происходилъ сговоръ, первая часть брачнаго праздника или вступленіе къ торжеству. Сговорный день начался родителями невѣсты. Родители жениха, самъ женихъ, и его близкіе родственники пріѣзжали къ нимъ. Это случалось иногда до обѣда, иногда послѣ обѣда, вечеромъ, смотря потому, какъ угодно было это назначить родителямъ невѣсты. Тутъ родители невѣсты принимали гостей съ почестями, выходили къ нимъ на встрѣчу, кланялись другъ другу до земли, сажали гостей на почетныхъ мѣстахъ въ переднемъ углу подъ божницей, а сами садились возлѣ нихъ. Нѣсколько времени проходило въ молчаніи, глядя другъ на друга. Этого требовало приличіе того времени.

Потомъ, или отецъ жениха, или родственникъ жениха, человекъ близкій говорилъ рѣчь такого смысла, гдѣ высказывалась причина пріѣзда и доброе его назначеніе. Родители невѣсты необходимо должны были отвѣчать, что они рады этому пріѣзду. Послѣ того писалась рядная запись, гдѣ означалось, что обѣ стороны постановляли: Въ такое время женихъ обязывался взять себѣ въ жены такую-то, а родственники ея должны были выдать и дать за нея такое то приданое. Сроки были различныя, смотря по обстоятельствамъ: иногда свадьбы совершались и чрезъ недѣлю послѣ сговора, а иногда между сговоромъ и вѣчаньемъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ. Приданое, какъ и теперъ, всегда было важнымъ условіемъ русской свадьбы и состояло въ постель, платьяхъ, домашней утвари и украшеніяхъ, въ рабахъ и деньгахъ, и не движимыхъ имѣніяхъ. если дѣвица принадлежала къ дворянскому происхожденію. Отъ жениха ничего не требовалось; старинный обычай давать за невѣстой вено въ XVI и XVII столѣтіяхъ совер-

шенно исчезъ *). Обыкновенно приданое доставлялось въ домъ новобрачныхъ послѣ свадьбы; но недовѣрчивость родителей жениха нерѣдко достигала того, что вызывала немедленное исполненіе обѣщаннаго по пословицѣ: „денежки на столъ, дѣвуху за столъ“. Роспись приданого въ прежнее время называлась *рядною записью*, гдѣ писалось подробно все, что давалось за невѣстою; прічемъ въ противномъ случаѣ договаривалась неустойка или попятное **).

Та сторона, которая отступала, обязывалась платить извѣстную сумму. Такія суммы были велики, смотря по состоянію, и всегда таковы, что могли быть отягощеніемъ для нарушителя своего обязательства. Рядную запись писалъ подъячій, котораго нарочно для того приглашали ***). Случалось, что въ той же рядной записи прибавлялось въ видѣ условія, чтобы мужу не бить своей жены; чтобы при случаѣ можно было взыскать обиду судомъ. Эта мѣра считалась необходимою, потому, что въ противномъ случаѣ, новобрачный могъ въ полной мѣрѣ выражать свою лютость и досаду безнаказанно, надъ супругою.

При сговорѣ, невѣсты въ то время не было. Но по окончаніи условій одна изъ женщинъ принадлежащихъ къ членамъ семейства, или состоя въ близкой роднѣ невѣсты, приносила жениху и сопровождающимъ его родственникамъ, отъ имени невѣсты—подарки. Сговоръ вообще представлялъ собою характеръ укрѣпляющій для будущей цѣли брачнаго союза, нарушить который со стороны жениха, значило оскорбить семью невѣсты.

Какъ бы то нибыло, но начиная отъ сговора до свадьбы, какъ бы ни былъ продолжителенъ срокъ, женихъ не видитъ своей будущей невѣсты. Но вотъ наступаетъ день бракосочетанія: у жениха и невѣсты дѣлаются приготовленія; собирали поѣзжанъ, снаряжали разные свадебные чины, которые по духу времени, составляли необходимость брачнаго торжества: замѣчаніе профессора Костомарова чрезвычайно удачно, когда онъ

*) Флетчеръ (Fletch). 240.

**) См. Оп. Шун. 444.

***) Petr. 321. Очерки жизни Нр. В. Н. Костомарова. 1860 г.

говорить, что вступленіе въ новую жизнь жениха и невѣсты имѣло подобіе съ возведеніемъ старинныхъ князей въ достоинство ихъ власти, а потому женихъ носилъ названіе князя, а невѣста—княгини. Здѣсь подразумѣвается и то еще, по нашему мнѣнію, что каждый отецъ и каждая мать общаетъ новое потомство, которое во всякомъ случаѣ своего родоначальника или родоначальницу, можетъ почитать высокимъ достоинствомъ и очень почтеннымъ.

Главный чинъ со стороны жениха былъ тысячскій, точно также, какъ такіе чины существовали во времена удѣльновечевья. Должность тысяческаго была сопровождать повсюду жениха и всюду остерегать и предупреждать его дѣйствія и совершать по порядку, при томъ такъ, чтобы изъ правилъ соблюдаемыхъ при вѣнчаніи и на пиру свадебномъ не нарушался порядокъ церемоніи ни на одну черту. Затѣмъ слѣдовали посаженные отцы и матери, если не было родныхъ; въ болѣе благопріятномъ случаѣ эту должность исполняли самые родители. Отецъ и мать жениха благословляли его на бракъ; отецъ и мать выдавали невѣсту. Съ обѣихъ сторонъ выбирались старшіе и меньшіе дружки и двѣ свахи изъ замужнихъ женщинъ; одна сваха была со стороны жениха, а другая со стороны невѣсты; съ обѣихъ сторонъ выбирались *сидячіе бояре и боярыни*, которые должны были образовать почетный совѣтъ; также съ обѣихъ сторонъ назначались *свадебныя дѣти боярскіе*, или поѣзжане, сопровождавшіе шествіе жениха и невѣсты и во время церемоніи составлявшіе второй классъ гостей, послѣ бояръ.

Наконецъ, къ свадебному чину принадлежали лица, выбранная изъ прислуги: свѣчники, коровайники и фонарщики. Сверхъ всѣхъ свадебныхъ чиновъ былъ одинъ очень важный, котораго должность была оберегать свадьбу отъ всякаго лиха и предохранять ее отъ колдовства и порчи, ибо свадебное дѣло въ старину считалось особенно удобнымъ для порчъ и колдовскихъ лиходѣйствъ. Онъ назывался *ясельничій* или *конюшій* *).

Наканунъ свадьбы собирались къ жениху его гости, а также и къ невѣстѣ ея гости, которые должны были составлять

*) Оп. Шуи. 456.

поѣздъ и тѣ и другіе пировали. Въ царскихъ свадьбахъ царь сидѣлъ съ невѣстою за однимъ столомъ и всѣ приносили поздравленіе. У простыхъ же людей въ эти дни выбранныя свадебныя чины съ обѣихъ сторонъ находились отдѣльно. У посадскихъ и у крестьянъ велось въ обычаѣ, что женихъ въ то время посылалъ невѣстѣ въ подарокъ шапку, пару сапогъ, ларецъ, въ которомъ румяна, перстни, гребешокъ, мыло и зеркальцо *), а нѣкоторые, что проф. Костомаровъ приписываетъ обычаямъ XVI и XVII вѣка, посылали принадлежности женскихъ работъ: ножницы, нитки, иглы а вмѣстѣ съ тѣмъ лакомства, состоящія изъ изюма и фигъ, и розгу. Это было символическимъ знакомъ того, что если молодая жена будетъ прилежно работать, то ее будутъ кормить и лакомить, а если лѣнниться, то будутъ сечь розгами.

Вѣнчаніе происходило большей частью вечеромъ. Утромъ, въ день торжества, иногда наканунѣ, сваха невѣсты отправлялась въ домъ жениха готовить брачное ложе. Въ тѣ времена суевѣріе допускало особенное приволье дѣйствіямъ колдуновъ, тамъ, гдѣ *рядятъ свадьбу*, и потому принимали всѣ мѣры предосторожности.

Такъ, напримѣръ, сваха обходила кругомъ хоромину, гдѣ устраивалось брачное торжество и кровать, гдѣ постигалось брачное ложе, съ рябиновой вѣтвью въ рукахъ, на которой нарѣзывались какіе то знаки **). Ея шествіе совершалось церемонно. За свахою человекъ пятьдесятъ и болѣе несли принадлежности брачнаго ложа и брачной комнаты. Брачною комнатою избирался сѣнникъ, часто нетопленный. Необходимо было, чтобы на потолкѣ не было земли, для того, чтобы такимъ образомъ, брачная спальня не имѣла никакого подобія съ могилою. Сѣнникъ обивался по стѣнамъ и устилался по помосту коврами; подъ стѣнами, всегда были лавки съ полавочниками, по четыремъ угламъ комнаты втыкалось по стрѣлѣ, а на стрѣлы вѣшали мѣха соболей, въ великокняжескихъ и царскихъ брачныхъ ложахъ по сорока, а въ другихъ по одному соболю, и сверхъ того на оконечности стрѣлы втыкался

*) Олеар. 215.—Оп. Гор. Шуи. 63.

***) См. Буслаева. О нар. Поззіи. 32.

калачь; на лавкахъ, по угламъ ставили по оловяннику питейнаго меда; надъ дверьми и подъ окнами какъ внутри, такъ и снаружи по стѣнамъ прибивали по кресту. Когда въ этотъ покой вносили постель, то впереди несли образа Спаса и Богородицы и большой крестъ.

Постель приготовлялась на кровати или на широкой скамьѣ такимъ образомъ: сперва настилали снопы (въ царскихъ свадьбахъ число ихъ было тридевятъ, то есть 27) въ обыкновенныхъ свадьбахъ по сорока: то и другое имѣло символикабалистическія значенія и вѣроятно употреблялось по произволу. На снопы клали коверъ, а на него перины: на свадьбѣ Михаила Ѳеодоровича положено было семь перинъ одна на другую *); а у простыхъ людей клали двѣ перины и болѣе, по желанію, или по средствамъ. На перины клали изголовье и двѣ подушки; на подушки натягивались шелковыя наволоки. Постель была застлана шелковою простынею, на нее сверху постилали холодное одѣяло; въ довершеніе всего клали на подушку шапку, а въ ногахъ теплое одѣяло соболье или кунье, съ оторочкою изъ болѣе богатой матеріи, чѣмъ самое одѣяло; шубу и коверъ закрывали простыней. Вокругъ постели навѣшивались тафтяныя занавѣси; надъ постелью ставились образа и крестъ, тѣ самыя, которые предшествовали при вносѣ постели. Образа были задернуты убрусамъ, или застѣнками, смотря по ихъ величинѣ. Возлѣ самой постели ставили кади или открытыя бочки со пшеницею, рожью, овсомъ и ячменемъ, это означало обиліе, котораго желали новобрачнымъ въ ихъ новомъ домоводствѣ *). На царскихъ свадьбахъ сѣнникъ устраивался во дворцѣ. Между тѣмъ и у жениха, и у невѣсты пекли свадебныя хлѣбы, или короваи и готовили столъ.

Когда время вѣнчанія приближалось, невѣсту начинали одѣвать къ вѣнцу въ самое лучшее платье и навѣшивали на нее сколько возможно болѣе украшеній; въ это время дѣвницы пѣли ей свадебныя пѣсни. Между тѣмъ въ парадно убранной комнатѣ ставили столы, накрывали ихъ брачными скатертями, уставляли уксусницами, солоницами и перечницами, устраивали по-

*) См. Древ. Русск. Вивліот. 32—34. Оп. Шуи. 187.

**) Olear. 211.

ставецъ, какъ это всегда водилось на пирахъ, и убирали мѣсто для жениха и невѣсты на возвышеніи, что называлось рундукомъ. На этомъ мѣстѣ клали бархатныя или камчатныя золотыя изголовья, а сверху покрывали ихъ соболями, подлѣ самаго мѣста становилось одно лицо изъ свадебныхъ чиновъ; это лицо держало въ рукѣ пукъ соболей; его должность была *опахивать* молодыхъ. Предъ мѣстомъ сидѣнія новобрачныхъ ставили столъ, накрытый тремя скатертями, одна на другой; на нихъ клали соль въ солонищѣ, калачъ или перепечу и сыръ (творогъ). Надъ мѣстомъ прибывали икону, и кромѣ того въ комнатѣ, назначенной для торжества, ставили во всѣхъ четырехъ углахъ по одной иконѣ.

Въ то же время женихъ въ домѣ своихъ родителей собирался съ своими поѣзжанами. Убравшись въ вѣнчальный нарядъ, онъ ожидалъ, какъ ему подадутъ знать, когда ѣхать за невѣстою. Въ числѣ его гостей находился всегда священникъ, который долженъ былъ вѣнчать.

Послѣ того, какъ въ домѣ невѣсты было все готово и сама невѣста одѣта, ей на голову возлагали вѣнецъ—символь дѣвчества и вели съ торжественностью въ залу, гдѣ было устроено мѣсто для нея съ женихомъ. Впереди шли женщины—плясицы, которыхъ обязанностью было плясать и пѣть пѣсни. За ними каравайники несли на полкахъ, обшитыхъ богатыми матеріями караван. На караваяхъ лежали золотыя монеты, называемыя въ описаніи царскихъ свадебъ „пѣнзями“. Потомъ слѣдовали *свѣчники* со свѣчами и *фонарщики* съ фонарями для свѣчь. Какъ у жениха, такъ и у невѣсты было по свѣчь; два свѣчника несли одну свѣчу, такъ она была массивна, наприкладъ, женихова въ три пуда, а невѣстина—въ два пуда. На свѣчи надѣвались серебряныя или серебрено-вызолоченныя обручи и бархатныя или атласныя кошельки. Возлѣ свѣчь несли обручальныя свѣчи и богоявленскую (крещенскую свѣчу), которою зажигали брачныя свѣчи.

Въ царскихъ свадьбахъ, отправляемая во дворецъ, свѣчи жениха и невѣсты несли разомъ передъ будущею царицею. Въ частныхъ свадьбахъ, жениховы караван, свѣчи и фонари несли передъ нимъ, когда онъ прибывалъ къ невѣстѣ. За каравайниками, свѣчниками и фонарщиками невѣсты шелъ дружка

и несъ осыпало, то была большая серебряная миса или просто металлическая. Въ ней лежали на трехъ углахъ: хмѣль, собольи и бѣличьи мѣха, платки шитые золотомъ, червонцы и деньги. Двое по сторонамъ предшествовали княгинѣ, или невѣстѣ и держали путь, чтобы кто нибудь не перешелъ дороги. За ними двѣ свахи вели невѣсту въ вѣнцѣ подъ покрываломъ. За невѣстой слѣдовали сидячія боярыни, составлявшія ея свадебный чинъ; двѣ изъ нихъ держали по мисѣ или по блюду. На одномъ лежала кика—головной уборъ замужней женщины съ принадлежностями, какъ то: подубрусникомъ или волосникомъ, гребешкомъ и чаркою съ медомъ, разведенномъ въ водѣ или въ винѣ. На другомъ лежали убрусы, назначенные для раздачи гостямъ. Блюдо съ осыпаломъ и съ убрусами ставилось на столъ передъ главнымъ мѣстомъ, гдѣ лежала перепечка съ сыромъ. По бокамъ становились каравайники, свѣчники и фонарики.

Невѣсту сажали на мѣсто, а возлѣ нея сажали какое нибудь лицо, чаще всего брата или родственника, иногда мальчика возрастомъ. Всѣ составляшіе чинъ невѣсты садились по своимъ мѣстамъ, каждый по своему чину.

Когда всѣ занимали свои мѣста, то какъ отецъ, такъ и мать невѣсты, какъ дѣйствительные, такъ по недостатку ихъ нареченные, посылали дружку къ жениху. Приходя, онъ извѣщалъ, что время ему идти по невѣсту.

Священникъ первый вставалъ съ мѣста и провозглашалъ: „Достойно есть!“ Вставали родители, брали по образу и становились рядомъ. Женихъ кланялся имъ въ ноги, цаловалъ имъ ноги, цаловалъ образъ и получалъ родительское благословеніе. Потомъ поѣздъ отправлялся; въ такомъ торжественномъ шествіи впереди шли каравайники съ караваемъ, свѣшники и фонарики съ своими принадлежностями, потомъ шелъ священникъ съ крестомъ, потомъ бояре, а за ними женихъ, котораго велъ подъ руку тысяцкій, за нимъ поѣзжане, то есть всѣ тѣ лица, которыя составляли чинъ жениха. Они садились на лошадей или въ сани. Такимъ образомъ, смотря по времени года, церемоніальнымъ шествіемъ женихъ достигалъ двора невѣсты. Родители невѣсты выходили на встрѣчу поѣзду жениха и встрѣчали его. Женихъ и поѣзжане входили въ покой, гдѣ

находилась невѣста. Женихъ молился, ограждая себя крестомъ и кланялся на всѣ четыре стороны находящимся по угламъ образамъ. Потомъ вмѣстѣ съ дружкой подходилъ къ своему мѣсту; но мѣсто это занималось мужчиною или мальчикомъ изъ родственниковъ невѣсты, который занималъ мѣсто жениха. Непремѣнно требовалось жениху дать занимавшему его мѣсто рядомъ съ невѣстой дать откупъ, то есть нѣсколько монетъ, и тотъ уступалъ свое мѣсто, а женихъ садился рядомъ съ невѣстою и притомъ, на одну подушку съ нею.

Въ царскихъ свадьбахъ занимавшаго мѣсто жениха подлѣ невѣсты, сводили съ мѣста подъ руки.

Эти обычаи сходки (сближенія) жениха съ невѣстою были одинаковы и въ царскихъ свадьбахъ, съ тою разницею, что на свадьбѣ у царей все это происходило въ одномъ и томъ же дворцѣ. Царь собирался въ одну изъ палатъ, будущая царица въ другую. Сначала царица шла въ грановитую палату; ей предшествовалъ священникъ и кропилъ святою водою мѣсто, гдѣ ей должно было садиться. На мѣстѣ, гдѣ ей было нужно садиться, клалось сорокъ соболей, которые были подняты, когда она садилась *). Возлѣ невѣсты непременно садился, ктонибудь изъ знатныхъ князей. Когда все это было устроено, посылали сказать царю. Царь отправлялъ прежде всего нареченнаго отца: тотъ, вошедши въ царицыну палату, кланялся на всѣ стороны, ударялъ челомъ будущей государынѣ и садился на большомъ мѣстѣ возлѣ жены своей, если она была здѣсь. Посидѣвъ немного, этотъ нареченный отецъ посылалъ къ царю одного боярина съ рѣчью: „Государь царь и великій князь всея Россіи! Бояринъ (такой то) велѣлъ говорити: прося у Бога милости, время тебѣ идти государю къ своему дѣлу!“ Государь вставалъ, принималъ благословеніе митрополита и со всеѣмъ своимъ поѣздомъ шелъ въ грановитую палату, впереди его шли двое духовныхъ особъ: Благовѣщенскій протопопъ съ крестомъ и крестовый недѣльный священникъ. Священники кропили водою путь, тысяцкій велѣлъ царя подъ руку за нимъ слѣдовали: стольникъ съ колпакомъ и стряпчіе. При-

*) Можно полагать, что это былъ мѣхъ сшитый изъ сорока соболей. У ижовцевъ и по сейчасъ существуетъ слово; „сороковой мѣхъ“.

бывши въ палату и благословившись, царь подходилъ къ своему мѣсту; большой дружка поднималъ посаженное близь невѣсты лицо, а царь садился на его мѣсто близь будущей жены.

Когда такимъ образомъ усаживались, начинали разносить кушанья и ставить ихъ на столы. По словамъ Котошихина, гости ѣли, но съ умѣренностью и только для того, чтобы совершить чинъ, другими словами — оказать вѣжливость, вниманіе хозяину. Едва ставили на столъ всѣ блюда перваго кушанья, какъ священникъ прочитывалъ „Отче нашъ“, потомъ молитву „покровенія“. По окончаніи послѣдней молитвы— сваха подходила къ отцу и къ матери невѣсты и просила благословенія невѣсту чесать и крутить. — „Благослови Богъ!“ отвѣчали родители. Зажигались свадебныя свѣчи богоявленскими свѣчами; свѣчники, поставивъ свои свѣчи, держали протянутый между женихомъ и невѣстою большой кусокъ тафты, съ нашитымъ крестомъ, такъ, что женихъ и его поѣзжане, которые сидѣли на одной съ нимъ сторонѣ, не могли видѣть невѣсты. Сваха снимала съ невѣсты покрывало, потомъ вѣнокъ; другая женщина подносила мису съ кикой и гребнемъ. Сваха омочала гребень въ чарку съ медомъ и расчесывала невѣсту, потомъ свивала или скручивала ей волосы и надѣвала волосникъ, кичу и подзатыльникъ и наконецъ закрывала иногда тѣмъ же покровомъ, который раздѣлялъ ее отъ жениха. Вѣнокъ отдавался на сохраненіе, на память о дѣвчествѣ. Послѣ того подносили свахѣ мису съ осыпаломъ; она осыпала невѣсту и жениха и опахивала сорока соболями, которые держалъ, какъ выше сказано, одинъ изъ свадебныхъ чиновъ, называемый *держальникомъ*. У посадскихъ людей во время расчесыванія былъ такой обычай: когда женихъ и невѣста сидѣли отдѣленные другъ отъ друга покровомъ, имъ приказывали приложить щеки къ покрову. Передъ нимъ держали зеркальцо и женихъ могъ увидѣть въ зеркало лицо будущей своей жены и дружелюбно ей улыбнуться; въ то же время одинъ изъ гостей подходилъ къ нимъ въ вывороченной шубѣ въ верхъ шерстью и желалъ невѣстѣ столько дѣтей, сколько шерстинокъ въ тулупѣ.

Во все продолженіе обряда окручиванія невѣсты, сидячія боярыни и дѣвицы пѣли свадебныя пѣсни; а дружка, взявъ ножъ, подходилъ къ отцу и матери невѣсты и говорилъ:

— Благословите рѣзать перепечу и сыр?

— Благослови Богъ! отвѣчали тѣ.

Дружка рѣзала перепечу и сыр на мелкіе куски, клала на большое блюдо, накладывала туда же множество ширинокъ и отдавала поддружески или меньшому дружкѣ; самъ получалъ отъ невѣсты вышитый ея руками убрусъ и подносилъ его жениху; а меньшей дружка разносилъ и раздавалъ всѣмъ гостямъ куски перепечи и ширинки, также посылалъ отцу и матери жениха, оставшимся въ своемъ домѣ. Въ то же время сваха осыпала свадебныхъ бояръ и гостей, то есть бросала въ толпу ихъ горстями все, что было на осыпалъ,—серебряныя деньги, хмѣль, куски матерій и проч., и всякъ на лету хваталъ, что успѣвалъ схватить.

Между тѣмъ подавали другую явству, за нею подавали третью: какъ только она появлялась на столѣ, сваха подходила къ родителямъ невѣсты и просила благословенія—везти молодыхъ къ вѣнцу.

„Благослови Богъ!“ отвѣчали тѣ. Всѣ вставали. Родители брали по образу, обыкновенно въ окладахъ съ драгоценными украшеніями. Подлѣ нихъ становился священникъ. Новобрачные кланялись и принимали благословеніе. Отецъ и мать размѣнивали ихъ кольцами и, взявъ дочь за руку, отдавали ее жениху, взаимно кланяясь другъ другу.

Наконецъ отецъ бралъ плеть и ударялъ ею свою дочь говоря: „По этимъ ударамъ ты, дочь, знаешь своего отца; теперь эта власть переходитъ въ другія руки; вмѣсто меня, за послушаніе, тебя будетъ бить твой мужъ!“ Съ этими словами плеть была передаваема жениху, который, принимая ее такъ говаривалъ: „Принимаю какъ подарокъ, но думаю, что въ ней нужды имѣть не буду“ и затыкалъ плеть за кушакъ.

Въ продолженіи этого обряда, каравайчики и свѣшники выходили. За ними выступали свадебные гости. Устилался путь кусками матерій и новобрачные шли по этимъ кускамъ къ дверямъ. Женихова и невѣстина свахи вели невѣсту за руки, все еще закрытую. Тысячкій устраивалъ порядокъ шествія. Между тѣмъ тѣ, которые держали сорокъ соболей взятыхъ съ мѣста, гдѣ сидѣли новобрачные, клали ихъ на то же мѣсто, а ска-

терть, на которой рѣзали перепечу и сыръ складывали и отдавали ключнику.

На дворѣ, передъ крыльцомъ стояло множество осѣдланыхъ лошадей и колымагъ или каптановъ. Когда свадьба происходила у боярѣ, близкихъ особъ царя, то имъ на этотъ торжественный день давались царскіе лошади и экипажи.

Сани невѣсты убирались до того нарядно, какъ только допускалъ это достатокъ; описываютъ, что она поволакивалась атласомъ, а на сѣдалищѣ клалась бархатная подушка; богатый коверъ спускался со спинки; подъ дугой, привѣшивались лисьи и волчьи хвосты. Къ такимъ санямъ подводилась невѣста, въ саняхъ сидѣло другое лицо: его слѣдовало свести, точно такъ, какъ сводится сидѣвшій подлѣ невѣсты, вмѣсто жениха. Невѣста садилась вмѣстѣ съ двумя свахами. Надъ нею держали соболей.

Этотъ обрядъ соблюдался также и относительно жениха:

У крыльца стоялъ его аргамакъ, а на аргамакѣ сидѣлъ другой: когда являлся женихъ, то этотъ другой вставалъ и шелъ пѣшкомъ, а женихъ садился на аргамака и ѣхалъ къ вѣнчанью. Если же, по причинѣ непогоды нельзя было ѣхать верхомъ, то женихъ садился съ тысяцкимъ въ сани или въ коляску, а тотъ, кто прежде сидѣлъ въ экипажѣ шелъ пѣшкомъ. Женихъ долженъ былъ ѣхать съ своимъ поѣздомъ впередъ и прибыть ранѣ невѣсты.

Въ самыхъ простыхъ свадьбахъ новобрачные ѣздили, а не ходили пѣшкомъ. Въ царскомъ бракосочетаніи путь до церкви устилался камками и двадцать человекъ боярскихъ дѣтей царицыныхъ наблюдали, чтобы никто не переходилъ между женихомъ и невѣстою.

Въ простонародныхъ свальбахъ впереди поѣзда пѣли свадебныя пѣсни и забавники отпускали шутки. Это не одобрялось церковью и духовныя особы свадебныя пѣсни называли нелѣпымъ крикомъ и козлогласованіемъ.

Когда молодые входили въ церковь, то ясельничій съ своими двумя помощниками стерегъ коня и сани, чтобъ кто нибудь не перешелъ дороги, между верховымъ конемъ жениха и санями невѣсты, и чтобъ вообще лихіе люди не надѣлали чего либо дурнаго колдовствомъ, въ которое тогда сильно вѣрили.

Путь отъ церковныхъ дверей до налоя устилался кусками матерій; самое мѣсто предъ налоемъ также устилалось и сверхъ того, на немъ клали соболей. Когда свадьба была вечеромъ, то женихъ и невѣста тотчасъ послѣ прихода въ церковь становились на свои мѣста; но иногда свадьбы были послѣ обѣдни: тогда женихъ и невѣста становились у церковныхъ столбовъ и слушали литургію и по окончаніи его становились къ налою.

Въ царскихъ свадьбахъ XVI вѣка вѣнчаніе происходило послѣ обѣдни, а въ XVII—вечеромъ и тогда высокая чета вѣнчалась тотчасъ по прибытіи во храмъ.

Послѣ вѣнчанія, невѣсту раскрывали и священникъ читалъ новобрачнымъ поученіе; въ немъ, обыкновенно наставлялъ ихъ ходить часто въ церковь, слушаться духовниковъ, хранить посты и праздники, подавать милостыню, а мужу повелѣвалъ жену учить палкою, какъ подобаетъ главѣ. Потомъ бралъ жену за руку, вручалъ мужу и приказывалъ имъ поцѣловаться.

Жена въ знакъ повинovenія, припадала къ ногамъ супруга и касалась челомъ его сапога, мужъ же покрывалъ ее полою своего платья въ знакъ будущаго покровительства и защиты *).

Наконецъ священникъ давалъ новобрачнымъ деревянную чашу съ виномъ; мужъ принималъ, отпивалъ и давалъ женѣ; та отвѣдывала и опять подавала мужу. Такимъ образомъ оба пили три раза, наконецъ мужъ допивалъ, бросалъ подъ ногу чарку и топталъ ее разомъ съ женою, приговаривая: „пусть такъ подъ ногами нашими будутъ потоптаны тѣ, которые станутъ посѣвать между нами раздоръ и не любовь“.

Существовало повѣрье, что кто изъ супруговъ прежде успѣетъ наступить на чашу, тотъ удержитъ за собою первенство предъ другимъ. Но какъ ни старались въ этомъ жены, имъ никогда этого первенства не удавалось **). Потомъ подходили свадебные гости, и поздравляли обвѣнчавшихся, а между тѣмъ тысяцкій уже посылалъ дружку впередъ къ отцамъ жениха и

*) Fletcher. 247.

***) Нынѣ стараются невѣсты вступить на платки, посланные предъ жертвенникомъ первыми, но это тоже пустое повѣрье. Нужно замѣтить, что гдѣ женщина хозяйствуетъ, тамъ всегда въ домѣ безпорядокъ.

невѣсты и къ оставшимся въ домѣ свадебнымъ чинамъ извѣстить, что молодые обвинялись въ добромъ здоровьи.

Въ тоже время дружка разрѣзывалъ каравай и священникъ его (вѣроятно чрезъ того же дружку) посылалъ отцамъ обоихъ семействъ, какъ символъ будущаго ихъ свойства и родственной пріязни *), и оба рода давали обѣщаніе быть людьми одного стола и одного хлѣба—*хлѣбосолами*, и жить дружно, какъ зерна одного колоса. Объ этомъ говоритъ Флетчеръ, какъ о происходившемъ въ церкви, но, какъ извѣстно, родители въ церкви не бывали, слѣдовательно обычай соблюдался чрезъ пересылку; впрочемъ, вѣроятно порядокъ этотъ не всегда наблюдался, а въ царскихъ свадьбахъ никогда, такъ какъ тамъ равенства между семьями никогда быть не могло.

При выходѣ изъ церкви, сваха осыпала новобрачныхъ хмѣлемъ, сѣменами льна и конопли, желая счастья, другіе дергали за рукавъ, показывая видъ, будто хотятъ разлучить ее съ женихомъ, а жена тѣсно прижималась къ своему суженому.

На значительныхъ свадьбахъ существовалъ обычай бросать окружающимъ монеты **). Изъ церкви весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа; у простаго народа сопровождался онъ пѣснями, криками и плясками.

Послѣ вѣнчанія, какъ мы сказали, весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа, а на царскихъ свадьбахъ въ тотъ покой, гдѣ было кручиваніе. Но когда въ XVI вѣкѣ свадьбы происходили послѣ обѣдни, то царица отправлялась въ свои покои; свѣчи и караваи уносили въ сѣнникъ къ постели, а царь ѣздилъ по монастырямъ, и возвращаясь домой, посылалъ звать жену и всѣхъ гостей къ обѣду. Вѣроятно, на свадьбахъ частныхъ людей, если вѣнчаніе было послѣ обѣдни, новобрачные разѣзжались по своимъ домамъ, а уже къ вечеру жену проводили въ домъ мужа и тамъ происходило брачное торжество. Если же, какъ чаще случалось, вѣнчаніе было вечеромъ, то всѣ, какъ выше сказано, ѣхали прямо къ жениху. Когда поѣздъ прибывалъ въ его домъ, на встрѣчу выходили отецъ и мать жениха съ образомъ и съ хлѣбомъ-солью благословляли новобрачныхъ.

*) Fletch. 247.

**) Паэрае. 50.

При входѣ въ домъ, потѣшники, по распоряженію ясельничьяго играли въ сурьмы и бубны чинно, благолѣпно, доброголасно. Тогда новобрачные садились за столъ; всѣ также садились на свои мѣста, и невѣста, будучи открытою, должна была плакать (по обычаю), выражая тѣмъ разлуку съ родителями, и робкій страхъ новаго образа жизни, причемъ женщины и дѣвицы пѣли печальныя пѣсни.

Ни женихъ, ни невѣста не должны были ничего ни пить, ни ѣсть, хотя передъ ними ставили разныя кушанья.

Когда гостямъ подавали третью перемяну—Лебедя, передъ новобрачными ставили жареную курицу; дружка бралъ эту жареную курицу и обвертывалъ скатертью, второю изъ трехъ скатертей, положенныхъ на постели передъ новобрачными до вѣнчанія.

При этомъ онъ обращался къ отцу и матери и говорилъ:

— Благословите вести молодыхъ опочивать!

Тѣ отвѣчали:

„Богъ благословитъ“, и шли къ дверямъ; отецъ останавливался у дверей, а мать шла къ сѣннику. Тогда дружка уносилъ курицу въ сѣнникъ, за нимъ шли свѣшники, каравайники и ставили свѣчи въ кадъ со пшеницею, стоявшею въ изголовьѣ брачнаго ложа молодыхъ.

Тысяцкій, дружка и свахи вставали, женихъ и невѣста подходили къ дверямъ; и отецъ бралъ за руку невѣсту и говорилъ жениху:

— Сынъ нашъ! Божьимъ повелѣніемъ, (а если свадьба устраивалась по повелѣнію царя, то прибавлялось и „царскимъ желаніемъ“) и благословеніемъ нашимъ и матери твоей повелѣлъ тебѣ Богъ сочетатися законнымъ бракомъ и понять (взять) *такую то*. Приемли ее и держи, какъ повелѣлъ Богъ, и какъ Онъ чадолюбивый устроилъ въ законѣ нашей истинной вѣры и святые апостолы и отцы предаша“.

Сынъ бралъ жену за руку, выходилъ съ нею изъ дверей и шелъ изъ сѣнника; тутъ встрѣчала ихъ мать, или сваха въ вывороченой шубѣ, мѣхомъ къ верху, посыпала ихъ хмѣлемъ или льнянымъ семянемъ. Такимъ образомъ новобрачные входили въ сѣнникъ. Гости уходилъ въ покой, откуда вышли, и продолжали допировывать, а дружка и сваха вступали съ новобрачными

въ сѣнникъ и раздѣвали—дружко жениха, а сваха невѣсту и потомъ сами уходили, чтобы присоединиться къ прочимъ гостямъ и продолжать пирушку.

Тогда, въ старину, между женихомъ и невѣстою происходилъ обрядъ разуванія, обрядъ, существовавшій со временъ язычества. Онъ состоялъ въ томъ, что жена, въ знакъ будущей покорности должна была снять съ мужа сапоги. Въ одномъ изъ сапогъ подъ ногою лежала монета; существовала примѣта, что если молодая снимала первымъ тотъ сапогъ, въ которомъ лежала монета, то это значило, что ей будетъ счастливая жизнь замужемъ; въ противномъ же случаѣ во избѣжаніе неудачъ въ жизни, ей нужно было угождать мужу.

При этомъ мужъ, въ знакъ своей власти, ударялъ будущую свою спутницу въ жизни по спинѣ плетью, полученною, какъ мы уже ранѣе говорили, отъ тестя.

Когда молодые были на сѣнникѣ, а гости пиروвали въ комнатѣ, около сѣнника ходилъ или ѣздилъ ясельничій, съ обнаженнымъ мечомъ для предохраненія отъ всякаго чародѣйства и лиходѣйства.

По прошествіи нѣкотораго времени отецъ и мать посылали дружку узнать о здоровьи новобрачныхъ; если чрезъ дверь женихъ отвѣчалъ, что онъ въ добромъ здоровьи, это значило, что между ними *доброе совершилось*, и тысяцкій тотчасъ посылалъ къ родителямъ невѣсты сказать, что новобрачные въ добромъ здоровьи; дружко за то получалъ подарки и всѣ свадебные гости отправлялись въ сѣнникъ кормить новобрачныхъ. Какъ женихъ, такъ и невѣста ничего не ѣли въ тотъ день и теперь пищею была имъ та самая курица, которую дружко имъ приносилъ въ сѣнникъ, обернутая скатертью. Затѣмъ подавали имъ и другія блюда.

Въ царскихъ свадьбахъ Государя кормили передъ сѣнникомъ въ сѣняхъ, а царицу, по старинному обычаю, въ самомъ сѣнникѣ. Взявши курицу, новобрачный долженъ былъ, по старинному обычаю, отломить у ней ножку и крыло и бросить чрезъ плечо назадъ. По другимъ извѣстіямъ этотъ обрядъ совершался предъ укладываніемъ молодыхъ въ постель. Во время кормленія новобрачныхъ, мужъ подавалъ гостямъ вино и всѣ пили съ поздравленіями. Потомъ новобрачныхъ снова укла-

дывали въ постель, а гости возвращались въ прежнюю комнату и продолжали веселиться. Тогда веселіе часто переходило въ оргію, и нерѣдко забывались всякія приличія. Музыки не было; только трубили въ сурьмы, били въ бубны и накромы.

На другой день новобрачныхъ вели, при звукѣ сурьмъ и литавръ и пѣніи пѣсенъ въ отдѣльныя мыльни. Въ мыльняхъ ихъ поили виномъ, также мыли виномъ и медомъ. Жена шла въ мыльню со свахою и матерью жениха и показывала знаки своего дѣвства; съ нея снимали сорочку и вмѣстѣ съ простынею прятали, какъ свидѣтельство цѣломудреннаго поведенія. Мужъ мылся съ тысяцкимъ и дружкой, тогда молодая присылала ему въ мыльню сорочку, обыкновенно унизанную жемчугомъ.

На царскихъ свадьбахъ цари кушали въ мыльняхъ, а царицы въ избушкахъ. По выходѣ изъ мыльни, новобрачный шелъ впередъ въ сѣнникъ; за нимъ приходила новобрачная. Тутъ являлись женщины, а впереди ихъ, сваха несла горшечекъ, или два горшечка поставленные на одномъ блюдѣ и обвернутые соболямъ; въ этихъ горшкахъ была каша; сваха кормила ею и мужа, и жену; передъ мужемъ держалъ горшечекъ дружка, передъ женою сама сваха: этотъ обычай наблюдался и у царей и у крестьянъ. На царскихъ свадьбахъ происходилъ въ это время обрядъ раскрыванія. Бояринъ, нареченный отецъ царскій, раздвигалъ стрѣлою покровъ, заслонявшій царицу; до того времени даже и послѣ вѣчанія, ее никто не видалъ; только послѣ обряда всѣ подходили къ ней и могли имѣть счастье увидеть ея свѣтлыя очи. Послѣ этого всѣ шли къ столу.

Въ частныхъ свадьбахъ этотъ послѣдній обрядъ не наблюдался; и послѣ кормленія кашею, женихъ вмѣстѣ съ своимъ родителемъ, съ тысяцкимъ, дружкой и со всѣми свадебными повъзжанами, ѣхалъ къ родителямъ невѣсты.

Вступая къ нимъ въ домъ, новобрачный билъ челомъ и благодарилъ за то, что они вскормили и вспоили дочь свою, его жену, и ласково приглашалъ къ себѣ на обѣдъ со всѣми гостями невѣстинна чина. Тогда у жениха былъ торжественный пиръ, называемый и по сіе время повсюду у русскихъ *Кня-*

жилъ. Это названіе и по сейчасъ существуетъ у крестьянъ, которые никогда не равнялись князьямъ, и у царей, которые были всегда выше всѣхъ князей. Когда, въ концѣ пира, подавали на столъ овощи и разныя лакомства, отецъ и мать благословляли новобрачныхъ образами, и всѣ гости дарили ихъ разными вещами и тканями; всѣ ѣли, пили въ изобиліи и веселились.

Но, если бы невѣста не сохранила своего дѣвства, то общее веселіе омрачалось и посрамленіе ожидало ея бѣдныхъ родителей. Отецъ мужа, подавалъ имъ кубокъ проверченный снизу. Когда свать бралъ кубокъ, отецъ жениха отнималъ палецъ отъ отверстія въ кубкѣ, и вино лилось при общемъ поруганіи и насмѣшкахъ, и жизнь молодой съ этого времени подчинялась вѣчнымъ попрекамъ въ средѣ чужой семьи.

Впрочемъ, Котошихинъ говоритъ, что въ подобныхъ случаяхъ самъ новобрачный, скрывая проступокъ жены отъ прочихъ, пенялъ только тестю и тещѣ и затѣмъ все проходило безслѣдно.

Въ этотъ день новобрачный, если онъ имѣлъ къ царю доступъ, послѣ посѣщенія родителей невѣсты, являлся во дворецъ со всѣмъ поѣздомъ, состоявшимъ тоже изъ лицъ, имѣвшихъ пріѣздъ ко двору. Государь принималъ ихъ сидя въ шапкѣ. Всѣ кланялись въ землю. Государь милостиво спрашивалъ ихъ о здоровьи (такой вопросъ считался большою милостью), поздравлялъ жениха съ законнымъ бракомъ, благословлялъ его съ женою образами и жаловалъ подарками, состоявшими обыкновенно въ соболяхъ и разныхъ матеріяхъ, или въ серебряныхъ сосудахъ. А въ заключеніе приказывалъ подать всѣмъ по кубку романей, да по ковшу вишневаго меда. Всѣ выпивали и уѣзжали домой. Новобрачная не ѣздила съ мужемъ къ царю, а посылала къ царицѣ и къ царевнамъ подарки, шитые золотомъ и серебромъ тафтяные убрusy.

Царицы и царевны, принимая эти знаки челобитья, спрашивали объ ихъ здоровьи. Если же невѣста не сохранила дѣвства, то женихъ не смѣлъ являться царю на глаза.

На третій день послѣ брака, начиналось пиршество у родителей невѣсты. При окончаніи стола отецъ и мать невѣсты благословляли молодыхъ, а гости дарили ихъ.

На свадьбѣ рѣдко дарили деньгами, а по большей части вещами, также скотомъ и лошадьми.

По окончаніи пировъ, дары отсылались на рынокъ и оцѣнивались, потомъ женихъ долженъ былъ отдаривать подарками равнаго достоинства. Герберштейнъ говоритъ, что женихъ долженъ былъ въ теченіи цѣлаго года непременно отдарить всѣхъ, подарившихъ ему подарки послѣ свадьбы, а если не успѣвалъ, то долженъ былъ отдаривать вдвое, судя по цѣнности каждаго подарка.

Если же женихъ не отсылалъ принятыхъ вещей къ цѣновщикамъ, то отдаривалъ по желанію тѣхъ, которые ему дарили.

Въ эти послѣсвадебные дни пиршествъ невѣста почти ничего не говорила, кромѣ обыкновенныхъ форменныхъ рѣчей, потому, что малословность и пристойная молчаливость въ то время считались достоинствомъ женщины.

Но за то всѣ другія женщины приглашенныя на свадебное пиршество, пользовались большою свободою, чѣмъ когда либо и часто случалось, что дѣло доходило до безумія. Все это весьма понятно объясняется: женщины, въ обыкновенное время скромныя и цѣломудренныя, на свадьбѣ напивались, позволяли себѣ смѣлыя выходки и даже невольно впадали въ грѣшки среди общей суеты.

Въ эти-то минуты разгула, по народнымъ вѣрованіямъ, всего удобнѣе колдуны могли портить людей неогражденныхъ молитвою и богомысліемъ отъ ихъ навѣтовъ. Тогда вдругъ находила на когонибудь скорбь.

На одной посадской свадьбѣ въ XVII вѣкѣ, мать жениха, а потомъ и сноха вдругъ начали кликать безъ ума и безъ памяти. Явился знахарь, взялся ихъ поставить на прежнюю степень, но взявшись за дѣло не исполнилъ, и на него подали челобитную (жалобу).

Царскіе свадебныя обряды продолжались нѣсколько дней. На другой день отправлялся княжій столъ, на третій—столъ отъ царицы: нареченные родители благословляли молодую высокую чету, а гости подносили дары; на четвертый день царь дѣлалъ столъ духовенству и при окончаніи обѣда Патріархъ и духовныя власти благословляли новобрачныхъ образами, и всѣ гости дарили имъ кубки и ковши, а потомъ царь отда-

риваль ихъ деньгами, тканями, и чевствовалъ подачами. Въ слѣдующіе дни дѣлались столы другимъ сословіямъ: столярникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, гостямъ, выборнымъ людямъ, посадскимъ, которые нарочно пріѣзжали къ царскому двору съ поздравленіями.

Всѣ подносили къ царю дары. За то и царь въ эти дни, свѣтлые, радостные въ его жизни, имѣлъ право и возможность щедро вознаграждать всѣхъ: онъ нѣсколько дней щедро кормилъ духовенство на дворѣ, раздавалъ ему деньги, разсылалъ въ дальніе города молебныя грамоты, ѣздилъ съ молодою царицею на богомолье по монастырямъ, кормилъ и дарилъ монаховъ, которые въ свою очередь отдаривали царя окладными образами и подносили хлѣбъ—соль. Царь не забывалъ угнетенныхъ и нищихъ, посѣщалъ богадѣлни и тюрьмы и отпускалъ на свободу узниковъ, заключенныхъ за долги или за неважныя преступленія. Не всегда, впрочемъ, подносимые дары царями принимались, такъ, при бракосочетаніи царицы Наталіи Кириловны царь ихъ не принялъ *).

Свадебные обряды были одинаковы, какъ у первобрачныхъ, такъ и у тѣхъ, которые женились или выходили замужъ въ другой и въ третій разъ. Второй бракъ, по мнѣнію народа, не имѣлъ уже той святости, какъ первый, а если изъ вѣнчавшихся оба были вдовы, то на нихъ не возлагали вѣнцовъ, а держали на плечахъ. Церковный обрядъ третьяго брака, состоялъ въ одномъ молитвословіи безъ вѣнчанія и не одобрялся церковью, такъ напримѣръ, патріархъ Фотій въ одномъ изъ своихъ посланій въ началѣ XV вѣка приказывалъ священникамъ на основаніи словъ Григорія Богослова не допускать мирянъ до третьяго брака **). Несмотря на воспрещеніе четвертыхъ браковъ церковью, они случались, и правительство дозволяло дѣтямъ отъ четвертаго брака, пользоваться правами законныхъ дѣтей въ отношеніи наслѣдства. У казаковъ было въ обычаѣ брачное сожитіе безъ благословенія церкви. А въ старину нѣ-

*) См. очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа въ XVI и XVII, ст., Костомарова. 1860 г.

**) Св. Григорій Богословъ говорилъ первый бракъ—законъ, второй—по нужи прощеніе слабости ради человѣческой, третій—законопреступленіе, четвертый—нечестіе, понеже свинское есть житіе. Доп. 1, 329.

которые вопреки христіанскимъ понятіямъ, вѣроятно по обычаямъ язычества или магометанства, имѣли по двѣ жены разомъ. (С. Дост. 91).

Новоселье. Новоселье у насъ въ старой русской жизни, сопровождалось торжественными обрядами. Въ старое время, время доброе, каждый имѣлъ свой собственный домъ и если, кто переходилъ во вновь построенный домъ, то сзывалъ священниковъ на освященіе, а потомъ сзывалъ родныхъ и знакомыхъ.

Гости непременно являлись съ хлѣбомъ и солью, какъ символами обилія и благополучія, а люди нечуждающіеся колдовства и ворожбы, напротивъ, являлись на новоселье съ черною кошкою, съ чернымъ пѣтухомъ, тащили растворенную квашню, и катали три хлѣба, а потомъ замѣчали, какъ эти хлѣбы ложились и записывали „на хартіяхъ, и ключи въ псалтирь вложить, оттуда ложися вѣщующе“ *).

Надобно было умѣючи выбирать мѣсто для дома, и въ старину для этого примѣнялись разныя гаданія. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы опредѣлить качество грунта земли, то на то мѣсто гдѣ строить домъ, клали дубовую кору, можетъ быть въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а то и сплошь, неизвѣстно. Это на три дня, на четвертый поднимали кору и замѣчали, что покажется подъ корой: если подъ корой находили наука или муравья—то считали мѣсто это лихимъ: напротивъ, если находили червяковъ или черную мурашку, то можно домъ строить.

Они же гадали на счетъ трехъ хлѣбовъ, которые пускали на землю изъ за пазухи. Если всѣ три хлѣбца лягутъ кверху верхнею корой, то мѣсто доброе, тутъ съ Божьей помощію, ничего не боясь ставить избу и всякія хоромы можно, а если же лягутъ къ низу верхнею корою, то мѣсто покинь.

Во время пиршества на новосельѣ полъ устилался травою, и на большомъ столѣ покрытомъ скатертью, клали принесенные хлѣбы и ставили въ солоницахъ соль. Послѣ пирушки каждый гость долженъ былъ что нибудь подарить хозяевамъ.

Похороны. Много остатковъ отъ былой жизни народовъ разсыяно по бѣлому свѣту, въ поляхъ, лѣсахъ, озерахъ, рѣкахъ; но лучше всего объясняютъ старину древнія могилы. Хо-

*) Румянц. Музей. Рукон. № 374.

роня покойника, люди всегда думали, что отправляют его на новое житье подобно настоящему, но гораздо *лучшее*. Поэтому снаряжали покойника въ лучшее убранство и клали съ нимъ въ могилу, все, что ему нужно было и при жизни, да по временамъ приносили ему на могилу покормку. У нашихъ сибирскихъ инородцевъ до послѣднихъ временъ это дѣлалось, и можетъ быть еще дѣлается.

Поэтому вещи, находимыя въ могилахъ при костяхъ, всего менѣе могутъ быть объясняемы случайностью и нерѣдко самымъ положеніемъ своимъ около костей даютъ намъ возможность уяснить ихъ значеніе и употребленіе. Кромѣ того здѣсь можно наблюдать различные способы погребенія людей, разные обычаи и тѣмъ еще болѣе опредѣлять житье-бытье того народа, который оставилъ по себѣ эти могилы. Наконецъ самыя кости людей, погребенныхъ въ могилахъ, при сличеніи ихъ съ костями извѣстныхъ уже породъ людскихъ, могутъ указать намъ, какому именно племени людскому принадлежать тѣ или другія могилы?

Похороны въ глубокой древности различались отъ похоронъ послѣдняго времени. Такъ напримѣръ, въ памяти народовъ Кавказа, какъ то у осетинъ, армянъ, курдовъ, персіянъ и другихъ, умершихъ или подвѣшивали къ деревьямъ на подмосткахъ плотно укутавъ покойнаго, или клали его на вершины деревъ высоко отъ земли. У Арійскихъ народовъ было въ обычаѣ спускать трупъ на лодкахъ, или на плотикѣ по водѣ. Память объ этомъ способѣ сохранилась у Руссовъ, Норманскихъ нѣмцевъ при похоронахъ, которые описали очевидцы. Покойника сжигали въ лодкѣ, и даже въ словахъ тѣхъ народовъ нашего арійскаго племени, съ которымъ наши предки составляли одинъ народъ, одинъ языкъ, „новъ, навье“ то есть могила, гробъ происходитъ отъ древне-Итальянскаго *navis*—лодка, судно, или отъ греческаго *ναο* (ναῶ) теку, *νεο* (νέοι)—плаваю. То отсюда берется понятіе о похоронахъ въ лодкѣ трупа, которое, когда-то плыло.

„Въ новье глядѣть“ прежде значило глядѣть въ могилу, быть на волосъ отъ смерти. Въ Малороссіи русалокъ называютъ „мовки“ или новки, слово означающее покойничковъ, пущенныхъ по водѣ.

Наконецъ самая форма, такъ называемыхъ колоды, или гробовъ близко похожа на лодку.

У древнихъ родственныхъ намъ народовъ, воспоминаніе о погребеніи такого рода хранилось на ихъ памятникахъ, гдѣ изображалась лодка, или выкладывали ее изъ камня.

Въ зимнее время тѣ же племена, зашедшія на сѣверъ, не могли по водѣ спускать покойниковъ, а потому и обычай сталъ другой: тамъ, запрягали въ сани неосвоенныхъ коней, или оленей и, положивъ на нихъ лодку съ покойникомъ, или просто покойника, спроваживали его такимъ образомъ въ неизвѣстную даль, въ неизвѣстную новую жизнь.

Память о похоронахъ такого рода, сохранилась до позднѣйшаго времени въ древнихъ нашихъ обрядахъ при похоронахъ и въ народныхъ сказаніяхъ *о ночныхъ разгъздахъ мертвецовъ—колдуновъ* и также одинъ рисунокъ въ рукописномъ (XIV в.) описаніи житія св. Бориса и Глѣба. По указанію этой рукописи, мощи святаго Глѣба вездѣ везутъ изъ Вышегорода въ Кіевъ на санихъ. Тѣло св. Равноапостольнаго Владиміра, сынъ его, Святополкъ, кладеть въ сани. Кіевскій лѣтописецъ, говоря о поученіи какое писалъ своимъ дѣтямъ Владиміръ Мономахъ, замѣчаетъ, что онъ писалъ его *спдя въ снляхъ*, то есть передъ смертью, на смертномъ одрѣ.

Когда человекъ испускалъ дыханіе, встарину ставили на окнѣ чашу со святой водой и мису съ мукой или кашей (кутьей). Это былъ какой-то остатокъ язычества, существовавшій также у татаръ.

Мертвеца обмывали теплою водою, надѣвали чистую сорочку и закрывали въ бѣлое покрывало, или саванъ, обували въ сапоги или башмаки, на голову ему надѣвали корону. Толпы знакомыхъ и сосѣдей посѣщали покойника, причемъ домъ оглашался плачемъ съ причитаніями разнаго характера, выражающее сожалѣніе и скорбь.

Затѣмъ посылали за духовенствомъ, и съ посланнымъ священнику препровождали водки, меда и пива.

Когда мертвеца клали въ гробъ, то по какому-то повѣрью, клали ему въ ротъ нѣсколько мелкихъ монетъ, какъ будто для издержекъ въ дальней дорогѣ на тотъ свѣтъ, а къ гробу привѣшивали кафтанъ покойника.

Лѣтомъ русскіе хоронили очень скоро, въ теченіе сутокъ; а если по какому либо случаю погребеніе откладывалось, то трупъ, во избѣжаніе зловонія, относили на погребъ. Мертвеца выносили изъ дома покрытымъ покровомъ, или шубою и непременно на рукахъ; если мертвецъ былъ монашескаго званія, то несли его монахи, или монахини.

Для большей церемоніи богатые и знатные нанимали плакальщицъ, которыя шли по бокамъ и впереди похороннаго шествія, съ распущенными волосами и нарочно искаженными лицами. Онѣ кривлялись и вопили, громко вскрикивали и заливались въ причитаніяхъ.

Всѣ сопровождавшіе гробъ шли съ зажженными свѣчами, обвязавъ платками головы.

Когда гробъ слѣдовало опустить въ могилу, то открывали гробъ и всѣ прощались. Жена, или близкій родственникъ, должна была плакать и причитывать; а плакальщицы всѣмъ хоромъ тоже вторить причитывая. Священникъ давалъ въ руки покойника отпустительную грамоту; послѣ опущенія гроба въ могилу, всѣ цѣловали образа, потомъ ѣли кутью, непременно каждый въ три приѣма, начиная съ ближайшихъ родственниковъ.

Зимою не спѣшили хоронить и ставили покойниковъ въ церковь, гдѣ духовенство служило каждодневно литургію и панихиды, и на осьмой день предавали тѣло землѣ.

Для людей бѣдныхъ было чрезвычайно дорого рыть могилу зимою; поэтому мертвецовъ ставили въ усыпальницы или притворы при колокольняхъ, и тамъ держали до весны.

Весною семейства разбирали своихъ мертвецовъ и хоронили на кладбищахъ. Должность гробокопателей исполняли особья лица за извѣстную плату, какъ и нынѣ могильщики.

Бѣдняки, которымъ не на что было похоронить, просили милостыню на погребеніе, отъ чего никто въ этой жертвѣ не отказывалъ.

Для городскихъ жителей кладбища отводились за городомъ; но въ селахъ и деревняхъ, кладбища эти помѣщались при храмахъ.

Утопленниковъ и удушенныхъ, не хоронили на кладбищахъ. Было убѣжденіе, что если гдѣ нибудь похоронить утопленника или удушенника, то за это весь край постигаетъ бѣдствіе; на

этомъ основаніи, въ старину, народъ, приведенный въ волненіе несчастіемъ, какъ на примѣръ: неурожаемъ, моромъ, эпидеміей, выгребалъ мертвецовъ изъ могилы *).

Но вообще умершихъ внезапно на улицъ, убитыхъ въ дорогѣ, хоронили въ убогомъ домѣ. Убогіе дома были не только въ Москвѣ, но, и въ другихъ городахъ. Въ нихъ также хоронили отверженныхъ, которыхъ считали недостойными кладбища. воровъ, разбойниковъ, казненныхъ, между тѣмъ, какъ самоубійць хоронили въ полѣ, или въ лѣсу.

Царское погребеніе совершалось черезъ шесть недѣль послѣ смерти, и тѣло ставилось въ домовой церкви въ гробъ. Крестовые дьяки денно и ночью читали надъ нимъ псалтырь и попеременно дневали бояре, окольные, стольники надъ усопшимъ. Между тѣмъ по всему государству посылались гонцы, которые во всѣ монастыри и церкви возили деньги для служенія панихидъ; въ праздники при служеніи панихиды ставили кутью. Эти панихиды служились шесть недѣль, каждый день, исключая воскресеньевъ.

Въ сороковой день кончины совершалось погребеніе царственной особы. Отовсюду стекались въ Москву духовныя власти, архимандриты и игумены.

Въ погребальной процессіи впереди шло духовенство; наблюдалось, чтобы важнѣйшія особы, архіереи и патріархи, шли сзади духовенства, за духовными слѣдовали свѣтскіе сановники, бояре и окольные, за ними — царское семейство, а за нимъ боярыни.

Множество народа толпилось за гробомъ, безъ чиновъ и различнаго достоинства. Прощанія предъ опусканіемъ въ могилу не было.

Опустивъ тѣло въ могилу, не засыпали гроба землею, а закрывали каменною доскою. Пышность и издержки на погребеніе соразмѣрялись съ значеніемъ усопшей особы, такъ, что погребеніе царя производилось великолѣпнѣе, чѣмъ царевичей, а погребеніе царевичей великолѣпнѣе погребенія царевенъ.

Вообще у всѣхъ классовъ 40-й день послѣ смерти опредѣлялся на поминовеніе. Семейные нанимали духовныхъ лицъ

*) Поездка въ Кирил. монаст. 2. 37.

читать псалтырь по усопшимъ. Чтеніе это у иныхъ происходило въ двухъ мѣстахъ разомъ; въ домѣ, гдѣ умеръ покойникъ, и на могилѣ; для этого устраивался на могилѣ деревянный голубецъ или голбецъ, покрытый сверху рогожею; тамъ стоялъ образъ и каждое утро при зажженной свѣчи монахъ, или церковный дьячекъ, читалъ псалтырь *).

Семейные по покойникѣ носили скорбное платье, синее, или черное и непременно ветхое, а не новое. Въ это время траура стыдно было ходить опрятно, какъ будто это было неуваженіе къ памяти покойнаго.

Вмѣстѣ съ молитвами объ усопшихъ, отправлялись *кормы* или поминальные обѣды. Такихъ было по желанію родственниковъ и семейныхъ не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ: въ 3-й, 9-й и 12-й и наконецъ очистительный въ 40-й день, или сорочины; въ этотъ же день снимался трауръ. Чаще всего поминали три раза: толковали, что троекратное поминовеніе совпадаетъ съ перемѣнами, какія испытываетъ тѣло покойника въ гробу: въ третій день измѣняется его образъ, въ девятый распадается тѣло, въ сороковой истлѣваетъ сердце. Затѣмъ это троекратное поминовеніе совпадаетъ съ вѣрованіемъ о путешествіи души на тотъ свѣтъ: въ третій день ангелъ Господень приводитъ душу на поклоненіе Богу. „Якожь бо отъ царя земнаго послани будутъ воины привести нѣкоего и связавши его, повѣдаютъ ему повелѣніе царево, трепещетъ же и держащихъ и ведущихъ его немилостивно къ путному шествію, аще и ангелы отъ Бога послани будутъ пояти душу чловѣчу“.

Если въ этотъ третій день совершаются приношенія памяти усопшаго въ церкви, то душа получаетъ утѣшеніе въ скорби прежь бывшія ей отъ разлученія тѣлеснаго и разумѣетъ отъ водящаго ангела, яко память и молитва ея ради въ церкви Божіей и такъ радостна бываетъ. Съ тѣхъ поръ начинаются путешествія ея съ ангеломъ, который показываетъ ей блаженство рая и муки ада. Въ девятый день ей дается отдыхъ: душа, сохраняя еще земная привязанности, слетаетъ то къ дому, гдѣ жила съ тѣломъ, то къ гробу, гдѣ лежитъ

*) Оларій. 316.

тѣло, въ которомъ была заключена; душа добродѣтельная по-
сѣщаетъ мѣсто, гдѣ она „имѣяше обычай дѣлать правду“.

Тогда душѣ грѣшной указываетъ ангелъ мѣста, гдѣ она со-
грѣшала, и ей необходима для ободренія—молитва церкви. На-
конецъ въ сороковой день, ангелъ приводитъ ее снова къ Бо-
гу и тогда ей назначается мѣсто по заслугамъ: „добре дер-
жить святая церковь въ сороковой день, память сотворяя по
усопшемъ“ *).

Кутья была главною принадлежностью постнаго обѣда. О
кутьѣ говорилось такъ:

„Кутья благовѣрна святымъ воня; святіи бо не ѣдятъ, не
пьютъ, но воню и благоуханіемъ тѣмъ сыти суть“ **).

Обычай поминовенія былъ и во времена язычества и потому
къ нему примѣшивались и посторонніе обряды, не одобряемые
церковью. Такъ преподобный Феодосій запрещаетъ ставить по
усопшемъ обѣды и ужины, класть на кутью яйца и ставить
воду; вѣроятно яйца и вода были какими нибудь символа-
ми древняго языческаго поминовенія.

ЗВѢРИНАЯ И ПТИЧЬЯ ОХОТА ВЪ РОССІИ.

Отъ царя, или Великаго князя, до послѣдняго дворянина,
охоту считали самою лучшею забавою и даже полезною въ
старину. Звѣриная охота приучала молодыхъ людей къ пере-
несенію голода, зноя, холода; приучала ихъ встрѣчать опасно-
сти и трудности, и преодолевать ихъ, своимъ безстрашіемъ;
приучала ихъ къ ловкости, гибкости, и быстротѣ движеній, на-
конецъ эта охота давала возможность привыкнуть къ успѣш-
ному управленію всякаго рода оружіемъ.

Владиміръ Мономахъ такъ говоритъ самъ о себѣ: „Любя
„охоту мы ловили звѣрей, я вязалъ самъ своими руками въ
„густыхъ лѣсахъ дикихъ коней, вдругъ по нѣскольку. Два ра-
„за буйволъ металъ меня рогами, олень бодалъ, лось топтала
„ногами, ветеръ вырвалъ мечъ съ моего бедра, медвѣдь проку-

*) Св. Макарія. Погод. Сборникъ. Биб. № 1321.

***) Пуб. библ. рукоп., стр. 203.

„силъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бросился и сбиль коня по-
„до мною, нѣсколько разъ я падалъ съ лошади, два раза раз-
„бивалъ свою голову, повреждалъ руки и ноги, я самъ все то
„дѣлалъ, что могъ приказать другимъ: смотрѣлъ за конюшнею,
„охотою, ястребами и соколами“ *).

Андроникъ Комнинъ, Греческій Императоръ, перенималъ мно-
гіе наши обычаи: онъ любилъ нашу звѣриную ловлю и бѣганье
въ запуски.

Ловля звѣрей, какъ мы уже сказали, была любимымъ заня-
тіемъ русскихъ со временъ древнихъ и великіе князья съ удо-
вольствиемъ проводили праздное время на охотѣ.

В. К. Василій былъ даже особенно пристрастенъ къ травлѣ.

Вотъ какъ рассказываетъ о немъ Герберштейнъ:

— Увидѣвъ государя, мы оставили своихъ лошадей и подош-
ли къ нему. Онъ сидѣлъ на гордомъ конѣ въ терликѣ парче-
вомъ, въ колпакѣ высокомъ, осыпанномъ драгоценностями и
украшенномъ золотыми листьями, которые развѣвались, какъ
перья; на бедрѣ его висѣлъ кинжалъ, за спиною ниже пояса,
кистець. Съ правой его стороны находился казанскій царь
Шигъ-Алей, вооруженный лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой двое
молодыхъ князей: одинъ изъ нихъ держалъ сѣкиру, другой бу-
лаву или шестоперъ; вокругъ ихъ находилось болѣе 300 всад-
никовъ.

Сначала охотились ловлею зайцевъ въ лѣсу, неподалеку
отъ Москвы.

Государь предоставилъ первую честь спустить собакъ, важ-
нымъ сановникамъ и посламъ: Герберштейну и польскимъ по-
сламъ Кишкѣ и Богушу. На каждаго зайца приходилось по
четыре собаки. Государь былъ веселъ и хвалилъ ловцевъ. Въ
короткое время поймали болѣе трехъ сотъ зайцевъ. Потомъ
послѣдовала соколиная охота. Для этого пускали кречетовъ,
бить лебедей, журавлей и другихъ птицъ.

Кречеты по тонкому своему чутью, открывали, гдѣ летали
любимыя ими птицы, пускали ястребовъ и соколовъ, изъ по-
роды орловъ, и тетерей, которые были замѣчательны тѣмъ,
что по крику узнавали фазановъ, и съ быстротою ихъ пре-

*) Духовное завѣщаніе Мономаха, см. Пушкинскій харат. списокъ Нестора.

слѣдовали. Они черные, величиною съ гуся, и брови у нихъ красныя.

Затѣмъ вызывали охотниковъ бить медвѣдей. Отважные ловцы бросались на звѣря съ деревянной рогатиной. Если его ранилъ медвѣдь, то онъ являлся къ Государю и, показывая ему свои раны, говорилъ смѣло:

— Государь! я раненъ. — Я тебя награжу, отвѣчалъ Великій князь. Онъ приказывалъ раненаго вылечить и щедро обдабривалъ его платьемъ.

Вечеромъ мы всѣ сходили съ коней. и для насъ разбивали шатеръ на лугу.

Государь, перебѣнивъ свою одежду, разговаривалъ весело съ боярами въ своей палаткѣ, объ удачѣ или неудачѣ этого дня. Слуги разносили коріандеръ, миндаля, орѣхи, сахаръ; всѣ преклонялись предъ Государемъ и ѣли. Потомъ пили за его здоровье. медъ и вино *).

Любимой забавой царя Феодора былъ медвѣжий бой. Дикихъ медвѣдей, ловимыхъ тенетами и въ ямахъ, держали въ клѣткахъ. Въ назначенный день для забавы собирался дворъ и множество народа къ тому мѣсту, гдѣ предстоялъ бой. Мѣсто обводилось глубокимъ рвомъ для безопасности зрителей и чтобы ни звѣрь, ни охотникъ не могли уйти другъ отъ друга. Являлся отважный боецъ съ рогатиной, и тотчасъ выпускали медвѣдя, который увидя своего врага, становился на заднія лапы, ревѣлъ и съ отверстою пастью бросался на него. Охотникъ стоялъ неподвижно, онъ наблюдалъ его движенія и однимъ сильнымъ розмахомъ вонзалъ рогатину въ звѣря, а другой конецъ ея прижималъ къ землѣ ногою, чтобы разъяренный звѣрь не кинулся на него, такъ какъ яростный звѣрь лѣзъ грудью на желѣзо, которое орошалъ своею кровью и пѣною, если не преодолевалъ, то падая на бокъ издавалъ раздирающій душу стонъ.

Народъ, громкими восклицаніями провозглашалъ имя побѣдителя. Его представляли царю и потомъ поили виномъ изъ царскихъ погребовъ.

*) Карамзинъ полагаетъ, что псовая охота чуть ли не введена въ первые В. К. Васильемъ, такъ какъ до того времени собаками гнушались, какъ нечистыми животными.

Каждый охотник билъ звѣря въ грудь; въ случаѣ промаха онъ былъ имъ изуродованъ, и это случалось часто. Счастливецъ былъ доволенъ тѣмъ, что оставался въ живыхъ и не получалъ никакого награжденія, кромѣ того, что его поили. Раненымъ выдавалось награжденіе, а жены и дѣти растерзанныхъ содержались на царскомъ иждивеніи *).

Пристрастіе русскихъ къ охотѣ, оправдывалось убѣжденіемъ того времени, что охота — занятіе благородное и потому всѣ охотно привязывались къ ней; даже въ XVII вѣкѣ было издано особенное наставленіе для охотниковъ подъ названіемъ: „книга глаголемая Урядникъ и устройство чина Сокольникаго пути“.

Были особенные чиновники, которые наблюдали за охотою, а именно: ловчіе и сокольничьи. Ловчіе раздѣлялись на ловчихъ рязанскаго и московскаго пути: послѣднему были подчинены — городовые. Ловчій равнялся нынѣшнему егермейстеру. Сокольничій смотрѣлъ за кречетами, ястребами и другими охотниками, и его званіе равнялось званію оберъ-егермейстера.

Бояре много разъ силились отклонить царя Петра I отъ воинскихъ забавъ, которыми великій монархъ занимался съ любовью, еще въ младенчествѣ. Предъ Петромъ I псовую и птичью охоту до того расхваливали, что Государь, не любившій охотиться, какъ то разъ рѣшился выѣхать въ поле.

Въ назначенный день къ государю явились охотники со множествомъ слугъ и собакъ.

Государь Петръ Алексѣевичъ поблагодарилъ охотниковъ за усердіе къ нему и видя, что ихъ сопровождала большая свита псарей, изъявилъ свое желаніе лично охотиться только съ самими охотниками, безъ участія слугъ, общество которыхъ онъ считаетъ неприличнымъ и просилъ ихъ отпустить слугъ.

Вельможи, взявъ собакъ изъ рукъ слугъ, отправились съ Государемъ. Но лишь только явились на мѣсто, какъ пришли въ крайнее недоумѣніе и разстройство. Собаки, которыми бояре не умѣли управлять, подбѣгали подъ ноги лошадей и ихъ пугали. Испуганные лошади носились со своими всадниками по полю, и нѣкоторыхъ сшибали съ сѣдла.

*) Флечеръ. Сот. Wealth. помѣщ. въ собр. Гакл.

Позабавившись надъ неумѣлыми охотниками, Государь возвратился въ Преображенское. На другой день Петръ назначилъ птичью охоту, для чего и пригласилъ прежнихъ охотниковъ; но нѣкоторые изъ нихъ были изувѣчены и лежали въ постелѣ, а другіе не явились.

Царь спросилъ у явившихся: „не желаютъ ли они поохотиться, но вопрошаемые отвѣчали, что не желаютъ.

Тогда Государь сказалъ имъ:

— Не лучше ли имъ быть воинами, нежели псовыми охотниками? Я царь, а слава царя въ благоденствіи народа; охота же—есть слава псарей *).

Петръ I порицалъ охоту, какъ напрасную потерю времени, отвлекавшую отъ государственныхъ занятій.

Петръ II былъ съ намѣреніемъ увлекаемъ къ псовой охотѣ. Графъ Остерманъ, его наставникъ, бывший потомъ Государственнымъ Канцлеромъ много разъ жаловался на князей Долгоруковыхъ, что они поселили въ Государь страсть къ псовой забавѣ; отвлекали его отъ Государственныхъ дѣлъ, чтобы только самимъ управлять.

Послѣ смерти Петра II охота окончательно исчезла въ царственномъ домѣ.

Ей предавались въ послѣдствіи, отъ нечего дѣлать, помѣщики, да сибирскіе промышленники, которые бьютъ медвѣдей, пушныхъ звѣрей и тѣмъ доставляютъ себѣ пользу, а прочимъ возможность имѣть теплую одежду **).

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВІЯ.

Арзамасцы.—Лукофды, гусятники.

Архангельцы.—Моржефды. „Ивановичъ. Ивановичъ слѣзь съ крыши, я къ тебѣ пріѣхала!“

Такъ кричала пришедшая изъ Архангельска жена къ мужу—кровельщику, поглядывая на одну изъ крышъ, гдѣ стояла ста-

*) Гол. Дѣя. Петра В. С. 175.

**) Заимствовано изъ книгъ: Оч. Дом. Жизни и Прав. Великор. Народы въ XVI и XVII ст. Бытъ Рус. Нар. Терещенко и друг.

туя и долго бы прокричала, если бы ее не увѣрили добрые люди, что это не человѣкъ.

Балахонцы.—Балахна, стоитъ ротъ распахня.

Болховитяне.—Рака съ звономъ встрѣчали. „Вотъ воевода къ намъ ползеть, щетинку въ зубахъ несетъ“.

Борисоглыбцы.—Кислогнѣздые. Встарину здѣсь были скорняки и клеевары; дворы ихъ издавали пренеприятный запахъ, отъ чего окрестные жители и дали этимъ жителямъ такое названіе.

Боровичи.—Луковники.—Луку, луку зеленого. Жители города Боровска (Кал. губ.) занимаются огородничествомъ.

Брянцы.—Куралесы. Брянская коза. Куда изъ дома не поѣдутъ, а далеко не отъѣдутъ, а все къ кружалу или къ своему гумну пріѣдутъ.

Бѣжечане.—Колокольню рожкомъ подколотили. Въ старину еще жители города Бѣжецка очень любили нюхать табакъ и держали его въ ротъ. Соберутся къ церкви въ праздничный день за часъ, чтобы къ началу поспѣть, расположатся на паперти, и давай одинъ другаго табакомъ подчивать; разумѣется сперва рогомъ постучать въ стѣну или о паперть. Вотъ отсюда и пошло присловье.

Бѣлозерцы.—Бѣлозерскіе снятки.

Бувцы.—Буй да Кадуй чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуй у воротъ сидѣлъ. Буй городокъ, отбей кошелекъ. Домосѣды. Лѣсники. Поговорка съ татарскаго времени. Татары хотѣли раззорить этотъ городъ и искали его, переходя изъ лѣса въ лѣсъ.

Валдайцы.—Колокольники. Молодецъ! купи баранокъ, а поцѣлуй въ придачу.

Вильняне.—Кто въ Вильнѣ не бывалъ, тотъ чудесъ не видалъ. Въ Вильнѣ семь дорогъ для жида и три для поляка.

Витебцы.—Волынка и гудокъ сбереги нашъ домокъ; соха и борона раззорили наши дома.

Варнавинцы.—Медовики.

Ветлужане.—Санники. Санникъ телѣжникъ, а выѣхать не на комъ.

Вицювцы.—Салфеточники.

Владимірцы.—Клюковники. „По клюкву, по клюкву, по крас-

ную клюкву“. Собрались кулики на болотъ сидючи, они Суз-
дальцы да Володиміръцы, и волынка, и гудокъ.— Деревянные печи,
золотыя ворота и желѣзныя церкви.

Воложжане.— На словахъ, какъ на маслѣ, а на дѣлѣ, какъ
на Вологдѣ. Теленка съ подковой съѣли.—Толокномъ Волгу
замѣсили.

Вытегоры.— Камвольники.

Вязмичи.—Прянишники. — „Мы люди не грамотные, ѣдимъ
пряники неписанные“.—Коврижки съ анисомъ.—Глупая Вязма,
безтолоквый Дорогобужъ.

Вятчане.—Вятская баталія.—Хлыновскіе бояре.—Свисто-
плясцы.—Слѣпороды.—Вятка, всему богатству—матка!

Галичане.—„Що парь галуныки“.—Корову въ баню тащили.—
Городъ Галивонъ, озеро Миронъ, а люди Кривичи.—Овчинники. —
Толокно весломъ въ рѣкѣ мѣшали, и толокна не достали.

Глуховцы.—Попутный табачекъ.

Даниловцы.— Любимые ловцы. — Даниловцы, невыдавцы. —
Кошкодавы: кошку не купили, а задавили.

Дѣдновцы.—Макары.

Есть въ народѣ преданіе, что Дѣдновцы Рязанской губерніи
отправили своего старосту съ выборными людьми отъ всего
міра встрѣтить Петра Великаго съ хлѣбомъ-солью. Государь,
принимая отъ нихъ приношеніе спросилъ старосту объ имени.
Староста огласилъ себя Макаромъ. Государь сказалъ: „хо-
рошо!“ Потомъ спросилъ у другихъ объ ихъ именахъ:

Дѣдновцы будто вообразили, что имя старосты ихъ нравится
царю, всѣ до одного назвались „Макарами“. Государь на это
сказалъ смѣясь: „будьте же всѣ вы Макарами!“ Съ тѣхъ поръ
и зовутъ ихъ—Макарами.

Дмитровцы.— Лягушешники. Отъ болотъ, окружающихъ
Дмитровъ, и лягушекъ, оглашающихъ окранныя города.

Егорьевцы.—Головотяпы.

Ельчане.— Сычужники. — Радуга ушатъ воды выпила.—У
насъ въ Ельцѣ, на Соснѣ рѣцѣ, курица втенка (утенка) вы-
вела.

Ефремовцы.—Въ кошелѣ воду варили.

Егорьевцы.—Самъ ножъ точить, а говоритъ: „не бось!“—
Рудометы, коновалы.

*Задньпровцы. Запорожцы.—*Задрипанцы.

Ивановы.—Богатъ, да хвастливъ, какъ Ивановскій мужикъ.

Казанцы.—Казань прогребли и орду прошли.

Кадуевцы.—Кадошники.

Калужане.—Калужанинъ поужинаетъ, а тулякъ, такъ ляжетъ. Шагольники: Шаголь шаглуетъ на осиновомъ дубѣ, да воскогуркнетъ „ткау! ткау!“ „Наша Колузя Москвы болѣе да болѣе, а калачами да квасомъ удалѣй“. Козла въ соложеномъ гѣствѣ утопили.

Калязинцы.—Свинью за бобра купили. У нашего Макара по три деньга Натальи, а грошъ дай, любую выбирай.

Капорцы.—Крошевики. — Капорское крошево и кисло, и дешево.

Карпопольцы.—Чудь бѣлоглазая, сыровды.

Кашинцы.—Собаку за волка убили, да деньга заплатили.

Каширцы.—Шапку долой!—А що?—Все бо бояре.

Кижане.—Золотую грамоту просили.

Кимряки.—Пѣтуха на кашатъ кормили, чтобъ на чужую землю чрезъ межу не перешелъ. Склеенный сапогъ.—Свои сапоги на лапоть промѣняли, лапти, молъ, нашего товара прочнѣе.

Кинешемцы.—Суконщики.—Кинешма да Решма кутить да мутить, а Вологда—убытки платить.

Климовцы.—Лапотники.

Костромичи.—Лучше бы три раза погорѣла, чѣмъ разъ овдовѣла.—Костромичи въ кучу, Ярославцы прочъ; они на руку нечисты; лапти растеряли, по дворамъ искали, было шесть, а стало семь.

Кологривцы.—Дегтярники.

Коломенцы.—Чернонебые.

Крапивенцы.—Стно съ колокольнымъ звономъ встрѣчали, а воеводы не видали.

Какъ-то разъ прослышали Крапивенцы, что съ Соловы подъялся къ нимъ воевода. Нарядились міряне въ праздничные кафтаны, и съли по лавкамъ. А чтобы знать, когда встрѣчать воеводу, то послали десятскаго на колокольную съ наказомъ: „какъ будетъ“ де, „подъѣзжать воевода, звони“.

Заклубилась пыль по дорогъ, десятскій зазвонилъ, затрезво-

нилъ. Вышли міряне съ хлѣбомъ—солью, глядятъ, ѣдетъ мужикъ съ сѣномъ. Ему то міряне и били челомъ.

Кремляне.—Живетъ въ Кромахъ, въ разныхъ домахъ.

Ливенцы.—Соломатой мостъ обломил. Въ какое то незапамятное время пріѣхалъ въ Ливны на воеводство воеводичъ. Ливенцы наварили соломаты по горшку со двора и понесли въ подарокъ воеводичу. Поѣхалъ обозъ съ соломатой по мосту; а мостъ ни крытый, ни шитый, изъ тычинокъ собранный, хворостомъ покрытый, подъ соломатой-то и подломился.

Лихвинцы.—Лихвинскія горы, да Новосильскіе вору—злѣе всѣхъ.

Лучанцы.—Въ Луцкѣ все не по людски: на вколо вода. въ срединѣ бѣда.

Это старинное присловье произошло отъ уніатовъ и жидовъ наполнявшихъ городъ въ началъ XVII столѣтія. Точно такое же присловье говорили и о Каменцѣ. Каменецъ—вѣнецъ, кругомъ вода, въ срединѣ—бѣда!

Любимцы.—Козу пряникомъ кормили.—Водохлебы.—Не учи козу, сама станетъ съ воза, а пречиста рука все причистить.—Двѣнадцатый часъ, а матушка изъ міру не бывала. (Сынъ изъ Питера пріѣхалъ съ часами, половымъ тамъ былъ, а матери ничего не высылалъ, такъ что та по міру начала ходить, подавнѣе жить).

Водохлебами ихъ называютъ по ихъ страстной привязанности къ чаю.

Въ незапамятную старину двое Любимскихъ поселянъ собрались покататься на масляницѣ. Заложили лошадь въ сани. У обоихъ были одни сапоги; вотъ они надѣли ихъ, кто справа сидѣлъ на правую ногу, а кто съ лѣва тотъ—на лѣвую. Тѣхъ двухъ ногъ, что внутри саней и не видать, что онѣ въ лаптяхъ, а все же питерщиной нужно похвалять.

Выѣхалъ экипажъ: дуга золоченая, сбруя ременная, лошадь три дня не кормленая. Ёдутъ да останоятся, будто конь ихъ до того заѣлся и горячится, что лѣзетъ изъ хомута вонъ; а конь изъ за голода ни съ мѣста и безъ хомута. Принялись мужики за кнутыя, подъ гору бьютъ въ четыре кнута, а съ горы—въ десять, конь стоитъ все тутъ же.

Ладожане.—Шуку съ янцъ согнали.

Луговцы. — Разношники.

Малороссы. — Мазепинцы. — Хохлы. — Чубы. — Хохоль глупѣ вороны, а хитрѣ чорта. — Москаль продалъ съ хохла поясъ на ярмаркѣ за три деньги, а хохоль въ придачу пошелъ ни за калачъ, ни за денежку. — Цапъ (козелъ) ведетъ сто барановъ на базаръ, а татаринъ сто хохловъ въ Крымъ. — Что это за люди? — Мы бо не люди, а малороссы. — Казакъ, коли не пье, такъ воши бье, а все таки не гуляе.

Можайцы. — Можайскій вѣтеръ. — Такое названіе вѣроятно дано Можайцамъ изъ стари по той причинѣ, что они легко переходили отъ одного властителя къ другому. напримѣръ: отъ Москвичей къ Шемякѣ, потомъ къ Полякамъ противъ князя Василя Васильевича Темнаго.

Мосали. — Гуторы гуторили. гуторили, да и загуторили воеводу. — Матушка Заугра, не потопи нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку.

Когда то Мосальцы отправили своего старосту Гаврюшку провѣдать въ Москву, почему тамъ православные принимаютъ людей на заработки?

Староста выѣхалъ въ санихъ прямо по рѣкѣ Угрѣ, дѣло было во время ростопа. Рѣка Угра поднималась изъ береговъ. Староста долго не думалъ, сѣлъ въ сани, махнулъ кнутомъ по лошади, и взѣхалъ прямо на льдину, а Мосальцы провожали его всѣмъ міромъ. Вдругъ вода поднялась изъ береговъ, икры пошли за икрами, старосту затерло во льдинахъ; Изъехались Мосали, припали къ берегу и стали голосить: „Матушка Заугра! Не потопи нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку!“

Мецяняе. — Амчинина быте во дворъ. Бабы кружевницы — мужья лежебоки.

Москвичи. Въ Москвѣ недороду хлѣба не бываетъ. Живеть въ Москвѣ. не въ малой тоскѣ. — Два брата съ Арбата, а оба горбаты. — Съ Москвы съ посада съ овощнаго ряда. — Рака съ звономъ встрѣчали. — Московскій часъ — подожди. Съ Москалемъ дружи, а камень за пазухой держи. Москаль великъ человекъ, да опасенъ. — Правда Московская. Москаля верти (обманывай). Видь Москаля — поли *фажи*, да *втекай* (бѣги).

Поэтому случаю г. Сахаровъ приводитъ маленькій анекдотъ изъ Малороссійскаго быта:

Мать. Кто иде?

Дочь. Чертъ.

Мать. Добре, дочушка, абы не Москаль, отъ черта открестнишься, а отъ Москаля дубной не отобьешься. — Затѣмъ слѣдуютъ и другія поговорки.

Въ Москвѣ толсто звонять, да тонко ѣдятъ.—Москва стоитъ на болотѣ, хлѣбъ въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ.—Вишь, какъ намоскалился, що изъ пидъ живаго пята рѣжетъ.—Видно городъ великъ, коли семь воеводъ.

Многія изъ этихъ сказаній принадлежатъ историческимъ эпохамъ; Такъ, по словамъ г. Сахарова, „*Правда Московская*“ появилась отъ Псковичей, когда Москвичи взяли Псковъ, когда они на Москвѣ били челомъ въ своей покорности. — *Видно великъ городъ семь воеводъ* — указываетъ прямо на семноярщину. Другія же выдуманы Малороссами. Такъ напр. *Московский часъ — подожди*, указываетъ на медленность прежняго стариннаго судопроизводства. Во многихъ случаяхъ можетъ быть указывалось на солдатъ, которыхъ наши хохлы тоже называли „Москалями“.

Муромцы.—Колошники. Вертячія бабы.—Святогоны.

Послѣднее слово относилось къ XIII вѣку, когда Муромцы выгнали изъ своего города Епископа Василя.

Нерехотцы. — Село Лупино, Арменки глупые, а Нерехта на умъ поставить.—Не бойся по Арменской дорогѣ воровъ, а бойся въ Нерехтѣ каменныхъ домовъ.—Нерехотскіе бѣгуны *).

Нижегородцы. — Дома каменные, люди желѣзные. Татинецъ да Слатинецъ—ворамъ кормилецъ.—Нижегородцы не уродцы.

Нужно замѣтить, что селенія Татинецъ и Слатинецъ находящійся отъ Нижняго-Новгорода въ 60 верстахъ были въ старь опасными мѣстами для путешественниковъ, такъ какъ въ этихъ двухъ селеніяхъ часто имѣли пребываніе волжскіе разбойники, о которыхъ и сейчасъ можно слышать отъ старожиловъ.—Борodka-Нижегородка—усъ Макарьевскій.

*) Бѣгунами названы Нерехотцы потому, что бѣгаютъ по зимамъ съ безмѣною скупать пряжу.

Новгородцы. — Долбежники. — Гущеѣды. — Упрямя — какъ Новгородецъ. — Ты вѣдь не Новгородскій дворянинъ. — Сяга въ Волховъ столкнули.

Долбежниками Москвичи называли Новгородцевъ по ихъ дубинкамъ, съ которыми они въ старину ходили на бой. Гущеѣдами прозвали Новгородцевъ за постное кушаніе во время поста, приготовляемаго изъ обожженаго ячменя, свареннаго въ простой водѣ.

Въ старину, хлѣбосольные Москвичи, выговаривая спѣсивому гостю, что онъ не пріѣзжалъ къ обѣду, говорили: ты вѣдь не Новгородскій дворянинъ.

Новоторы. — Городъ Коростеня, владѣніе Ольгино, народъ Кривичи. — Новоторы — воры.

Олончане. — Олонцы — добры молодцы. — Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съѣсть, тотъ и староста. — У насъ одинъ молодецъ съѣлъ тридцать три пирога съ пирогомъ да все съ творогомъ. — Одинъ молодецъ ѣлъ хлѣба мягка, ножа былъ востра, а какъ шапка свалилась, на полъ покатила, до рѣки пихалъ ногой, а войдя въ рѣку почувалъ, что то лопнуло. „Не брюхо ли лопнуло?“ подумалъ; глядитъ: брюхо цѣло, а ремень лопнулъ, голову нагнулъ и цапку надѣлъ. — Любезный Олонецъ — бѣлые берега. — Кайваны въ Олонцѣ не бывали.

Онежане. — На рогахъ онучи сушили. — Прохорята. — Прохоровы дѣти. — Прохоръ письмо прислалъ и любодырному велѣлъ деньги сбирать. Во всей Онегѣ нѣтъ телѣги. — Лѣтомъ воеводу возили на саняхъ по городу.

Орловцы. — Проломленные головы. — Орель да Кромы — первые воры, да и Карачи на подлачу.

Одоевцы. — Молодечь, молодечь продай за грошъ постныхъ яичь.

Разъ Одоевцы привезли товаръ въ Москву, пришло время обѣда; вотъ вощика одного изъ своихъ послали купить провизию къ обѣду. Молодецъ впервые Москву видить. Подходить парень къ лотку съ огурцами и спрашиваетъ: „что это за товаръ?“ Москвичь, смѣкнулъ, что это за птица, и отвѣчаетъ: „Постныя яйца“. Одоевецъ призарясь на огурцы и слыша, что яйца эти постныя, а дѣло было въ Петровки, началъ торговаться.

Осташы.—Волчьи объѣдки.—Ершеѣды.—Опозорили, опозорили, а чѣмъ же? Ужъ и не говори!

Пензяне.—Сура рѣчка у насъ важная, течеть потихоньку, доньшко у нея серебряное, круты бережка позолоченные.

Петрозаводцы.—Качу лавочку, качу мытный дворъ, качу свой торжокъ.—Боску съѣли.—Боска, боска, на тебѣ костку!

Псковичи.—Небо колыями подпирали. — Хоцу скацу, хоцу не скацу.

Пеньжсане.—Покупала по цетыре денецки, продавала по два грошика; барыша куца куцей, а денегъ ни копѣицки.

Пошехонцы.—Слѣпороды.—Въ трехъ соснахъ заблудились. За семь верстѣ комара искали, а комаръ у Пошехонца на носу сидѣлъ.—На сосну лазили Москву смотрѣть.

Ржевцы.—Батьку на кобеля промѣняли.

Романовцы.—Схорони концы.—Барана въ зыбкѣ закачали.

Дѣло было такъ: у одного поселянина украли маленькаго барашка. Завопилъ мужикъ благимъ матомъ, а его жена такъ затосковала, что хотъ руки на себя наложить. Сосѣди сжалились. Ударили въ набатъ, сдѣлали сходку и рѣшили сдѣлать повальный обыскъ, съ тѣмъ, что если у кого найдутъ пропажу, то утопить вора.

Понскали, понскали, приходятъ къ вору, а Романовецъ, только услышалъ приговоръ, спеленалъ ягненка и положилъ въ зыбку. Вошедшіе пришли и стали обшаривать избу и подполье. Романовецъ, качая своего барана, сказалъ старикамъ:

— Вотъ вамъ правая рука черезъ милое дитя и чтобы ему съ матерью на ножѣ поторчать—отвѣчалъ романовецъ.

Ростовцы —Вислоухіе.—Лапшеѣды.—Озеро соломой зажигали. — У насъ-ти въ Ростовѣ, чесноку-ти, луку-ти много, а навозъ-ти все коневій.

Вислоухими названы по зимней шапкѣ съ ушами. Лапшеѣдами потому, что лапша ихъ любимое кушанье.

Когда-то въ Москвѣ потребовалось много рыбы. Стали отовсюду ее требовать, и вѣсть эта достигла до Ростовцевъ. Дѣло прибыльное; но жаль, что озеро замерзло, такъ какъ запросъ былъ по зимѣ.

Думали, думали Ростовцы и придумали растопить озеро и наловить рыбы. Натаскали множество соломы съ избъ и ста-

роста скомандовалъ. „Ну, ребята! валяй на счастливую. Зажи-гай, подпаливай!“

Озера не растопили, а свою деревню спалили.

Рязанцы.—Кособрюхіе.—Мѣшкомъ солнышко ловили.—Блинами острогъ конопатили.

Сибиряки.—Сибирь.—Золотое дно.—Тепло, жарко да масляно—Сибирякъ любитъ.—Чевошники.

Смольяне.—Якой губерніи?—Смоленской. Якого уѣзда? города?—Драгобужска.—Якой волости?—Демьяновской посады!—Якова боярина?—Про то не вѣдамъ.—Кружники.—Хоть бейся о Малаховскія ворота.—Крѣпки какъ Малаховскія ворота.

Серпуховцы.—Дядя ѣдетъ отъ Серпухова, бороду гладить, а денегъ нѣтъ.

Старичане.—Возьми сорокъ алтынъ?—Сороци, не сороци, а меньше рубля не отдамъ. Пѣтуха встрѣчали съ хлѣбомъ-солью.

Спасцы.—Откуда ты молодець?—Спаской купечъ.—Чѣмъ торгуешь?—Краснымъ товаромъ: свѣщами и чистымъ дехтемъ.

Староруссы.—Лошадь съѣли, да въ Новгородъ писали, чтобъ еще прислали.

Судиславцы.—Грибовики.

Солталичане.—Бревенники, известняки.

Суздальцы.—Мазанники.—Мазилы.—Въ Суздаль да Муромъ Богу помолиться, въ Вязникахъ погулять, въ Шуѣ напиться.

Твертяне.—Ряпучинники. Забѣгай! забѣгай!—А что?—Не видишь, что кунница бѣжить?—Это собака съ Клементьева двора.—Ну, такъ пускай бѣжить.—Новоприведенная дѣвонька.—Цвякалы, цуканы.

Тамбовцы.—Молоканы.—Хрептукп степные.

Тихвинцы.—Свято то мѣсто, гдѣ Тихвинца нѣтъ.—Козу на колокольню тащили.

Торопчане.—Таботеры.—Торопчаннина обманеть цыганъ, цыгана—жидъ, жида—грекъ, а грека—чортъ.—Цыгану лошадь на лапти промѣнялъ.

Тройчане.—Поляки съ пушками, а мы съ клюшками.

Туляки.—Живеть въ Туль да ѣсть дули. Бей челомъ на Туль, нищи на Москвѣ.—Стальная душа.—Блоху на цѣпь приковали.—Бачика присядь, присядь—чижи летять.—Хорошъ заяць, да тумакъ, хорошъ малый, да Тулякъ.

Усолицы.—Огуречники.

Улицане.—Небось, небось батька! Въдь это не наше.

Въ старину было: Погода ненастная, а время голодное. Пошли отецъ съ сыномъ поворовать съ горя. Ночь была темная, а отецъ къ тому же былъ полуслѣповать. Какъ вышли со двора, такъ и дорога пропала. Пропѣли третьи пѣтухи, дорога опять нашлась, когда уже стало проходить удобное время. — „Поди батько“ говоритъ сынъ, „ты посмѣлѣ меня“ и указалъ ему на чужой домъ. А въ домъ то попали въ свой. Дивится старикъ, что все въ избѣ словно какъ свое, да знакомое; а сынъ кричитъ: „Не бойсь батька! Это не наше.— „Какъ не наше“, возражаетъ отецъ, да и старуха-то моя!

Устюжане.—Мазы.—Черносеребренники,—Красноязыки.

Холмогорцы. — Заугольщики.—Царя изъ за угла встрѣчали.

Чухломцы. — Рукосуи. — Рукавицы за поясомъ, а другихъ ищеть.

Шуяне.—Бѣса въ солдаты отдавали. — Въ Питеръ бывалъ, на полу сыпалъ и тутъ не упалъ.—Кабы мнѣ крѣпкаго мыльца.

Юрьевцы.—Китаешники.

Ярославцы. — Красавцы-бѣлотѣлы. — Ярославъ городокъ — Москвы уголокъ. — Пудъ мыла извели, а родимаго пятна у сестры не смыли.

СТАРИННЫЯ И НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I. ПѢСНИ СВЯТОЧНЫЯ.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ!
Слава!
Чтобы нашему Государю не стариться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться.
Слава!
Чтобы правда была на Руси
Слава!
Краше солнца свѣтла;
Слава!
Чтобы Царева золота казна
Слава!
Была вѣкъ полнымъ полна;
Слава!
Чтобы большимъ-то рѣкамъ
Слава!
Слава неслась до моря;
Слава!
Малымъ рѣчкамъ до мельницы.
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!

Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
Слава!

Старымъ людямъ на потѣшеніе,
Слава!

Добрымъ людямъ на услышаніе.
Слава!

Катилося зерно по бархату,
Слава!

Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!

Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!

Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,
Слава!

Хорошъ женпхъ со невѣстою.
Слава!

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!

Шубенка на немъ худехонька;
Слава!

Одна пола во сто рублей,
Слава!

Другая пола въ тысячу,
Слава!

А всей-то шубенкѣ цѣны нѣтъ.
Слава!

Цѣна ей у Царя въ казнѣ,
Слава!

У царя въ казнѣ, въ золотомъ ларцѣ.
Слава!

Еще ходитъ Иванъ по погребу,
Слава!

Еще ищетъ Иванъ неполнаго,
Слава!

Еще хочетъ Иванъ дополнити
Свою братину зеленымъ виномъ
Что неполнаго, и покрытаго.

Слава!
Слава!
Слава!

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ СТИХИ *).

(Которые поются дѣтьми, ходящими со звѣздой).

Днесъ пресвѣтлая
Небу и земли царица,
Христа царя рождаетъ
И млекою его питаетъ,
Пеленами увиваетъ,
Въ ясли полагаетъ,
Звѣзда пути являетъ,
Надъ вертепомъ сіяетъ;
Волсви же пониже
Христу царю придоша,
Трои дары принесоша:
Злато, ливанъ, смирну,
Вещь предивну.

*

Достойно есть удивленія,
Духовнаго веселія,
Нынѣ звѣзда явися,
На востокъ остановися,
Паче свѣтъ свѣту произвѣщаетъ,
Бога нашего на земли являетъ
Тако дождь нарушнietъ,
Тако смиренно Господь на землѣ придетъ,
Отъ пречистыя Дѣвы Маріи,
Родися яко младенець
Пеленами повиванъ,

*) См. труды Этногр. отдѣла Об. Люб. Естеств. Кн. V, вып. 2-й. 1878 г.

Горніе дивятся,
Земные о томъ веселятся,
Вкупъ возрадуются.
Днесъ Христово рожденіе,
Веселимся здьсь,
Благодати есть.
Хвалу Богу начнемъ пѣть.
Въ полу на землѣ звѣзда,
Ангели пастыри
Возвѣстили нарожденнаго,
Бога нашего.
Царь же Иродъ,
Во всемъ мѣрѣ,
Мѣрѣ намъ явился,
Богъ Царь отъ дѣвы Маріи
Надъ вертепи родися.
Во всемъ мѣрѣ,
Младенцей побили.
Били, сѣкли, ругали.
Лежить тако воронковъ,
На поляхъ снопковъ,
Маткамъ ручки заломили,
Волосы дерутъ,
Мира мируютъ,
Жалостны матки,
Соболи дѣтки.

*

Новая радость,
Во всемъ мѣрѣ,
Мѣрѣ намъ явился,
Богъ царь, отъ дѣвы Маріи,
На земли родися.
Дайте, воспѣвайте,
Возыграйте,
Дай Богъ вамъ,
Вамъ господамъ,
Господиновымъ женамъ,
Скупно здраствовати,

Вивать, вивать,
Многая лѣта— *).

ВЕЧЕРИНОЧНЫЯ ПѢСНИ.

Не нападывай пороша 2
 На талую землю, 2
Что на талую на землю, 2
 Въ Петрово говѣнье, 2
Что въ петрово говѣнье, 2
 Въ перво воскресенье. 2
Что по той бѣлой пороши, 2
 Шель Ваня хорошій, 2
Шель Иванушко хорошій, 2
 Бѣлый, кудряватый, 2
Ваня бѣлый, кудряватый, 2
 Холость, не женатый. 2
Зажимаетъ праву руку, 2
 Ко бѣлому снѣгу, 2
Зажимаетъ, самъ бросаетъ, 2
 Къ Парани въ окошко: 2
Ты поиди, выйди Параня, 2
 Выйди Парасковья; 2
Есть у батюшки гости, 2
 У матушки гости, 2
Есть у братица подъячи, 2
 У сестеръ дѣвицы, 2
У сестрицы есть дѣвицы, 2
 У Парани Ваня. 2
Я шутя Вани сказала, 2
 Взаболь отказала, 2
Пошелъ Ванюша не весель, 2
 Голову повѣсилъ, 2
Пошелъ Ванюша печалень, 2
 Головой качаетъ, 2
Самъ головушкой качаетъ, 2
 Себѣ размышляетъ; 2

*) См. труды Этногр. отдѣла. Кн. V, вып. II. 1878 г.

Ужъ я какъ буду жить, 2
Кого полюбити? 2
Мнѣ стара баба любить, 2
Стыдно къ ней ходити; 2
Мнѣ мужня жена любить, 2
Убитому быти; 2
Молода вдова любить, 2
Денежно носити; 2
Красну дѣвицу любить, 2
Щегольно ходити, 2
Хоша щегольно ходити, 2
Дѣвицу любити. 2

*

Изъ подъ ели, ели, ели 2
Течеть рѣчка быстра, 2
Течеть рѣченька быстренька, 2
Водца мутненька; 2
Мнѣ нельзя воды пить, 2
Нельзя почерпнути, 2
Мнѣ нельзя жены бить, 2
Нельзя поучити. 2
Ужъ я билъ жену часъ, 2
Самъ плакалъ недѣлю, 2
Исприплакалъ ясны очи, 2
По четыре ночи, 2
По четыре темны ночи, 2
Темная, осенни. 2

*

Вечеръ соколъ
Вечеръ ясенъ
Сыры боры (3) облеталъ;
Алексюшко,
Свѣтъ Яковлевичъ,
Свои кудри (2) свои русы расчесалъ;
Дарюшкѣ
Свѣтъ Матвѣевнѣ
Два словечка (2), полдесятка сказалъ (2):

Дарьюшка,
Свѣтъ Матвѣвна,
 Взгляни радость (3) на меня;
Коль я хорошъ,
Коль я пригожъ,
 Наливная ягодка, наливная сахарная (2).

*

Посѣяли дѣвки лень,
 Ходи браво, гляди прямо, говори, что дѣвки лень
Посѣяли въ огородъ. 2
 Ходи въ огородъ
Во частенькой, во новой, 2
 Ходи во новой.
Повадился въ этотъ лень, 2
 Ходи лень
Дѣтинушка, парень молодой, 3
 Ходи молодой;
Сильну цвѣтикъ сорывалъ, 2
 Ходи сорывалъ,
Въ Дунай рѣчку побросалъ,
 Ходи побросалъ.
Дунай рѣчка не примать, 2
 Ходи не примать
Ко бережку прибивать, 2
 Ходи прибивать,
Ко бережку ко круту, 2
 Ходи ко круту,
Ко желтому ко песку, 2
 Ходи ко песку,
Ко сѣрому камешку 2
 Ходи камешку
Въ сѣромъ камнѣ искры нѣтъ, 2
 Ходи нѣтъ;
Въ своей женѣ правды нѣтъ, 2
 Ходи нѣтъ;
Въ чужой жены правда вся,
 Ходи вся.

Куплю своей жены лапотки, 2
Ходи лапотки;
Чужой жены башмачки, 2
Ходи башмачки,
Своей жены костычекъ, 2
Ходи костычекъ,
Чужой жены сарафанъ, 2
Ходи. сарафанъ;
Носи, жена береги 2
Ходи береги,
По праздникамъ годовымъ, 2
Ходи. годовымъ *).

*

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя, зеленая!
Ты къ чему рано зашумѣла,
Приклонила свои вѣточки?
Изъ тебя ли, изъ дубравушки,
Мелки пташечки вонъ вылетали,
Одна пташечка оставалася
Горемышная кукушечка.
Что кукуетъ она день и ночь,
Ни на малый часъ перемолку нѣтъ,
Жалобу творить кукушечка
На заметнова ясна сокола:
Разорилъ онъ ея тепло гнѣздышко,
Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, кукунятушекъ.
Что по ельничку, по березничку,
По часту лѣскѣ, по орѣшничку,
Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
Что во высокомъ сидитъ красная,
Подъ косящетымъ подъ окошечкомъ;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ,
Жалобу творить красна дѣвица

*) Всѣ 4 пѣсни взяты изъ Трудовъ Этногр. Отд. 1878 г. Кн. V, выпускъ II.

На заѣжева добра молодца,
Что сманилъ онъ красну дѣвицу,
Что отъ батюшки и отъ матушки,
И завезъ онъ красну дѣвицу
На чужу дальнюю сторону,
На чужу дальню, незнакомую,
Что завезши, хочетъ покинути.

*

Стругалъ стружки добрый молодець,
Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки, на огонь клала.
Все змѣй пекла, зелье дѣлала,
Выходила посередь двора,
Наливала чару прежде времени,
Подносила брату милому.
Ты пей сестра, напередъ меня.
Пила, братецъ наливаючи,
Тебя, братецъ, проздравляючи.
Канула капля коню на гриву,
У коня грива загорѣлася.
Сходитъ молодець съ добра коня,
Вынималъ свою саблю острую,
И снималъ съ сестры буйну голову;
Не сестра ты мнѣ родимая,
А змѣя ты подколотная.—
Онъ клалъ дрова среди двора,
И онъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
Что до самага до пепела;
Онъ развѣялъ пухъ по чисту полю
Заказалъ всѣмъ тужить и плакати.

*

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?—
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла.
Подъ тобою ли, рябинушкой,

Что не макъ цвѣтеть, не трава ростеть,
Не трава ростеть, не огонь горить,
Не огонь горить—ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.

Ахъ, горить, горить, какъ смола кипить,
По душѣ-ль, душѣ лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.

Ты душа-ль, душа красна дѣвица!

На зарѣ-ль, зарѣ утренней,

При восходѣ-ли свѣтла солнышка

Не протившися съ отцомъ, съ матерью,

Не выдавшия съ добрымъ молодцомъ,

Жизнь оставила, скончалася.

Ой, вы вѣтры, вѣтры теплые,

Вѣтры теплые, вы осенніе!

Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно.

Прилетайте вы, вѣтры буйные;

Что со сѣверной со сторонушки,

Вы развеите здѣсь мать сыру землю,

И развѣвши по чисту полю,

По чисту полю, по широкому,

Вы раскройте мнѣ гробову доску,

Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ

Распростатися съ моей милою,

Съ моей милою, съ душой дѣвицей!

Окропивъ ея горячей слезой,

Я вздохну, умру подлѣ ней тогда.

*

Не спала то я, младешенька, не дремала,

Я не думала, младешенька, не гадала,

Съ правой руки яснаго сокола опустила;

Подымался младъ ясенъ соколъ выше лѣсу,

Выше лѣсу, выше зеленой дубравы!

Опускался младъ ясенъ соколъ на сине море,

Онъ садился младъ ясенъ соколъ на корабликъ;

По кораблику гостинный сынъ гуляетъ,

Во звончатые онъ гуселки играетъ,

Онъ душу красну дѣвицу утѣшаетъ:
Ты не плачь, не плачь, душа красна дѣвица,
Наживай себѣ друга милаго, иного.
Буде лучше меня найдешь—позабудешь:
Буде хуже найдешь—вспомянешь,
Вспомянувъ меня, душа моя заплачешь *).

ПѢСНИ ИГОРНЫЯ И ОБРЯДНЫЯ.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки во високомъ, во високомъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай дѣвица, отгадывай красная!
Въ коей рукѣ былица?
И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, кабы вѣдала.
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ, вы кумушки, вы голубушки!
Вы скажите не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,

*) 4 семейныя пѣсни заимс. у Сахарова въ его сказан. Р. Н. Т. I. 1841 г.

Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодого
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.

Еще двѣицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплесневѣло.
Молодайка, отгадай-ка!
Пошли гусли вдоль по горницѣ
Ай вдоль да по скамѣчкѣ;
Дошли гусли до столешничка,
Что до дубоваго.
Ты возьми, возьми умница
Съ правой руки золотъ перстень,
Съ своей ли головы золотъ вѣнецъ.

Виноградѣ красно, почему спознать:
Что Устиновъ домъ Малфеевича,
Что у его двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тынъ;
Ворота у него дощатыя,
Подворотнички рыба зубья?
На дворъ у него да три терема:
Во первомъ терему, да свѣтель мѣсяцъ,
Во второмъ терему, красно солнышко,
Во третьемъ терему, часты звѣзды;
Что свѣтель мѣсяцъ, то Устиновъ домъ,
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки.
Да, дай Боже, Устинъ Хавроньевнѣ
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиковъ.
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего поль-алтына?

За рѣкою, за быстрою,
Ой колюдка, ой колюдка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горять,
Огни горять великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни колюдушки.
Ой колюдка! ой колюдка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати.

Ой колюдка! ой колюдка!
Ты, братецъ, Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпрыгнулъ,
Горючь камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали.

Ой колюдка! ой колюдка!

*

Прикажи, сударь хозяинъ, ко двору придти,
Виноградѣ красно зеленое!
Прикажи-тко ты, хозяинъ коляду просказать,
Виноградѣ красно зеленое!
Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ по кремлю городу,
Виноградѣ красно зеленое!
Ужъ ищемъ мы, ищемъ господинова двора:
Виноградѣ красно зеленое!
Господиновъ дворъ на семи верстахъ
Виноградѣ красно зеленое!
На семи верстахъ, на осмидесяти столбахъ,
Виноградѣ красно зеленое!

Наладить гусли
Зензевею Андреяновичу
Коляда!
Зензевея дома нѣтъ;
Онъ уѣхалъ въ Царь городъ
Суды судить, ряды рядить;
Коляда!
Онъ женѣ-то шлетъ
Кунью шубу.
Коляда!
Сыновьямъ-то шлетъ
По добру коню.
Коляда!
Дочерямъ-то шлетъ
По черну соболю.
Коляда!

У Л И Ч Н Ы Я П Ъ С Н И *).

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за темнаго дремучаго,
Подымалася погодушка,
Что такая нехорошая:
Со вѣтрами со погодами,
Со великими угрозами,
Что во ту пору, во то время
Дочь отъ матушки поѣхала,
Жалобно, слезно заплакала;
Во зеленый садъ заѣхала,
Среди саду становилася,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодцами рѣчь говорила:
Соловей мой, соловьюшко
Соловей мой, птица вольная,
Птица вольная, бездомовая!
Полетай, мой соловеюшко

*). Месяскія. Труды Этногр. Отдѣла. 1878 г. Книга V. Выпускъ II.

На родимую мою сторонушку,
На родиму, на любимую;
Скажи, мой соловеюшко!
Отцу, матушкѣ, большой поклонъ,
Роду, племени челобитьице,
Дружку милому большой поклонъ.

*

Катюшечка, душечка,
Едина въ горенкѣ сидитъ;
Шила, вышивала
Дружку милому платокъ;
Сошила рубашечку.
Сама къ батюшкѣ пошла.
Родитель мой, батюшка!
Что ты думаешь обо мнѣ?
Дитя мое, Катинька,
Не моя воля, твоя:
Хочешь ты, поди замужь,
Не хошь, двушкой сиди!
Дитя мое, Катинька
Поди въ двѣй монастырь.
Родитель мой, батюшка,
Въ монастырь я не гожа,
Кельи разворочаю,
Монастырь весь раззорю,
Молодыхъ монашенокъ
Въ стыдъ, безчестье приведу;
Старой я игумень
Ризу раздеру.
Сватался на Катинькѣ
Изъ-за моря купецъ;
Сказывалъ: житья бытъя
Двѣсти тридцать кораблей;
Катя думала, подумала,
Я за этого нейду.
Сватался на Катинькѣ
Изъ трактира музыкантъ,
Сказывалъ: житья бытъя—

Стара скрипка да гудокъ.
Думала, подумала,
Я за этого пойду,
Когда сыта, голодна.
Завсегда я весела,
Завсегда плясать пошла.
Выйду я на улицу,
Отъ всѣхъ мнѣ честь, хвала.
Кто идетъ по улицѣ?
Музыкантова жена!

*

Не ходилъ бы я по этой дорожечкѣ;
Не смотрѣлъ бы я на это окошечко,
На окошечкѣ лежитъ примѣточка,
Не примѣточка лежитъ, горюшко печаль моя,
Не печаль, горе лежитъ, лежитъ сухота моя,
Изушилъ я, искрушилъ, мальчикъ красну дѣвушку,
Безъ бѣлилъ, безъ румянъ щеки у ней алая,
Свѣтло-руссая коса у ней часто уплетеная;
Во русой ли, во косѣ, у ней лента алая,
Лента алая, Дуня дѣвка бравая.
Ваня Дунюшку любилъ, Ваня счастливъ былъ,
Прочь отъ Дунюшки отсталъ,
Ванюшка безсчастенъ сталъ.
Что у кустышка было у ракитоваго,
У колодечка было у студенаго
Молодецъ коня поилъ;
Ванюша жену училъ:
А жена-то, жена, мужу покорялася
Въ праву ноженьку ему поклонялася.

*

Я мала была, да горя не было;
Я повыросла, да горя прибыло;
Я куды съ горя дѣваюся,
Со печалюшки да подѣваюся?
Пойду съ горя въ темны лѣса,
Во зеленыхъ-то лугахъ тамъ растеть трава;
Растеть травонька шелковая,

Разцвѣтали цвѣты лазоревые,
Разнеслись духи малиновые,
Все малиновые, анисовые.
Я со той травы цвѣтокъ сорву,
Я цвѣтовъ нарву, вѣнокъ совью
Милу дружку на головушку;
Носи миленькій, не уранивай
Люби дѣвушекъ; не обманывай
Какъ вѣночекъ спалъ, любить милый не сталъ,
Онъ любить не сталъ, смѣяться сталъ,
Надъ Дунюшкой смѣяться сталъ;
У Дунюшки слово тайное, рѣчь забавная.
Ужъ я всѣмъ дружку пондравилась:
Бѣлымъ лицомъ подхожая,
Мыслями дружку прехитрая,
Во кампаньюшкѣ веселая,
Во дѣвицахъ-красавица.

*

Ужъ ты степь наша, степь Саратовска;
Далеко и широко ты, степь, протянулася,
Протянулася наша степь отъ Москвы до Питера,
Отъ Москвы до Питера, до села Царицына;
Отъ села Царицына до князя Голицына.
Что никто-то, никто, по этой дорожкѣ не ѣзживалъ.
Тутъ и шли, прошли молоды извощички,
Млады извощички все коломенски;
Они везли то, везли бѣлу рыбицу,
Бѣлу рыбицу къ селу Царицыну.
Солучилося у нихъ несчастье:
Заболѣлъ да захворалъ молодой извощичекъ;
Заболѣла у него голова буйная,
Опустились руки бѣлыя,
Подломились ноги рѣзвыя,
Завязали буйну голову платкомъ тальянскимъ;
Дарилъ-то платокъ не батюшка, не матушка
Дарила красна дѣвица;
Подарила, приговаривала:

Ты носитко платокъ, да не хвастай мной,
Когда выносишь, похвастайся.

*

Калинушка съ малинушкой лазуревъ цвѣтъ,
Не веселая бесѣда, гдѣ милаго пѣтъ;
Веселая компаньонка, гдѣ любезный пѣтъ,
Онъ пѣтъ, не пѣтъ за мной молодой шлетъ.
Я млада младешенька да призамѣшкалась,
За утками, за гусями, да за лебедями,
За вольною за птичкою, за журавонькою.
Журавонька птичка по бережку погуливала,
Мураву траву потаптывала,
За рѣченьку за быструю посматривала.
За рѣченькою за быструю слободка стоитъ;
Не малая слободушка: четыре двора,
Во этихъ во дворикахъ четыре кумы,
Ужъ вы кумушки голубушки, подружки мои,
Кумитесь, любитесь, любите меня.
Ужъ вы пойдете во зеленъ садъ, возьмите меня.
Ужъ вы будете цвѣточки рвать, сорвите и мнѣ,
Ужъ вы будете вѣнки свивать, свейте и мнѣ.
Ужъ пойдете вы на рѣченьку, возьмите и меня;
Ужъ вы станите вѣнки спускать, спустите и мой.
Ужъ и всѣ вѣнки поверхъ плывутъ
Только мой одинъ кодну ушелъ;
Всѣ дружки съ Москвы пришли,
Только мой одинъ остался тамъ.

*

Не ясенъ-то соколъ по горамъ леталъ,
Леталъ-то леталъ, лебедей искалъ;
Все лебедушекъ искалъ;
Онъ нашелъ то, нашелъ на крутой горѣ,
На всей красоты сидятъ,
Все сидятъ то, сидятъ все бѣлешеньки
Словно бѣленькій снѣжокъ;
Что одна то одна, лебедь бѣлая, всѣхъ поснарядливѣй
Поснарядливѣй, да подогадливѣй.
Изъ стада во стадо лебедь перелетывала,

Письма, вѣсточки перенашивала;
Что мой-отъ милый въ лужкахъ гулялъ,
Во лужкахъ гулялъ,
Все гулялъ-то гулялъ, лебедей искалъ
Все лебедушекъ.
Мнѣ не жаль-то, не жаль самую себя,
Жаль саду зеленаго;
Зеленаго саду жаль, въ садику трава росла,
Мурава трава росла,
Травонька муравая, все лазоревы цвѣты.

П Ъ С Н И К А Ш Н И Ц Ъ *)

(На деревенскихъ помочахъ).

По сѣничкамъ, сѣничкамъ,
По сѣничкамъ господиновымъ,
Вью-ли лю-вью-ли-лю, вью-ли-лю-вью-лилю
Вьюрю-ли, вьюрю-ли, вьюрю-ли, вью-ли-лю **).
Господина ласковаго,
Да у свѣта пріятливаго.
Афонасія Семеновича ***).

Припѣвъ.

Тутъ не павушка павывала,
Не павина перье ронила,
Тутъ и ходила, и гуляла
Пожилая боярыня,
Пожилаго боярина
Анна Аникипина ****).

Припѣвъ.

Она ходила—гуляла
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой новой горницѣ.
Подошла млада къ окошечку.

*) Записаны въ г. Пинегѣ бывшимъ студентомъ А. Сималовскимъ въ 1862 г.

***) Припѣвъ здѣтъ повторяется въ продолженіи всей пѣсни, послѣ нѣсколькихъ стиховъ.

***) Имя хозяина дома.

****) Имя хозяйки дома.

Посмотрю же я въ окошечко
На улицу широкую,
На дорожку проѣзжую,
На младъ свѣтель мѣсяцъ,
Весель ли сударь, господинъ,
Афонасій Семеновичъ?

Припѣвъ.

Ко кроваточкѣ тесовой подошла,
Ко постелюшкѣ пуховой,
Ко зголовницу косящетоу,
Къ одѣялушку чернаго соболя;
Какъ спроговорить умная,
Какъ спроговорить разумная,
Анна Аникишна!

Припѣвъ.

Ужъ ты стань-ко, мой ласковый,
Ужъ ты стань-ко мой, пріятливый!
Мимо нашихъ высокъ теремъ
Пролеталъ тутъ ясенъ соколъ;
Мимо нашей-то горницы,
Мимо свѣтлой свѣтлицы
Проѣзжалъ православный князь,
Въ соборъ Богу молитися.

Припѣвъ.

Какъ спроговорить ласковый,
Какъ спроговорить пріятливый,
Афонасій да Семеновичъ:
Отойди ты прочь умная,
Отступи прочь ты, разумная
Анна Аникишна!

Припѣвъ.

У насъ все будетъ излаженное,
Будетъ Богомъ исправленное:—
У насъ извощики нарощенные,
У насъ лошади накупленные,
Во коляску заложеныя;
Только съестъ намъ и ѣхати
Во соборъ Богу молитися,

До Николы Святителя,
Пресвятой Богородицы.

Припѣвъ.

*

Какъ по горницѣ столовой,
Какъ по свѣтлицѣ пировой,
Тутъ стоятъ столы дубовые;
На стѣнахъ ковры шелковые,
На коврѣ чара золота
Какъ полна меду налита;
Еще кто чару наливаль
И еще кто съ медомъ дополняль.
Наливаль чару *) Гаврило господинъ,
Дополняль съ медомъ Афонасьевичъ;
Свою умную призываль,
Свою разумную прикликиваль,
Александрюшку **) ризываль:
Александрюшка, другъ моя
Ты Гавриловна—милая,
Ты дойди, радость, до меня.
Ты любишь ли меня?
Поцѣлуешь ли въ уста?
Ты прими чару отъ меня,
Выпей, выкушай, всю до дна;
Принеси сына, ясна сокола,
Что бѣлымъ лицомъ въ меня,
Умомъ, разумомъ во себя.
Какъ ясны очи сокола,
Какъ черны брови соболя.
Александрюшка подошла,
Гавриловна приняла,
Выпила, высушила всю до дна.
Принесла сына, ясна сокола,
Что бѣлымъ лицомъ во меня,
Умомъ разумомъ во себя,

*) Имя женатаго сына хозяина.

**) Его жена.

Что ясны очи сокола,
Черны брови соболя *).

ПѢСНЯ ВО ВРЕМЯ СТРАДЫ

Маленькой мальчишко въ горенкѣ сидѣлъ.
Во горинкѣ сидѣлъ, самъ свое горе терпѣлъ;
Сушилъ, крушилъ сердце—знаю для кого,
Знаю для кого, для любезной своей.
Тамъ моя любезная далече живетъ.
Далече, далече, межъ горъ высоко;
Тамъ мѣсто прекрасно, пріятенъ духъ несетъ.
Схожу я ко Аннушкѣ, спрошу самъ ее:
Скажи, скажи Аннушка, любишь или нѣтъ?
Ежели ты любишь, возьму я за себя;
Ежели не любишь, убью я самъ себя.
Самъ себя убью, во сыру землю пойду;
Буду я молодчикъ въ сырой землѣ лежать;
Пушай люди скажутъ, пушай говорятъ,
Пушай говорятъ, меня молодца бранятъ.

Н Е В Ъ С Т Ъ.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за темнаго, дремучаго,
Тутъ летаетъ стадо сѣрыхъ гусей,
Сѣрыхъ маленькихъ утицъ,
Какъ второе бѣлыхъ лебедей.
Не умѣла лебедушка
По мелкимъ ручьямъ да плавати,
По гусиному да кикати
Лебядинымъ тонкимъ голосомъ;
Еще начали сѣры гуси
Какъ бѣлу-то лебедь щипати;
Что бѣла-то лебедь кикати:
Не щиплите вы, сѣры гуси,

*) Последніе пять стиховъ каждый поется дважды.

Съры маленькія утицы;
Не сама я къ вамъ залетала
Не своею я охотою;
Злой великою неволею
Занесли да вѣтры буйныя
Злы погодушки великія.
Не умѣла (имя) невѣсты
На головушкѣ управити,
Злой свекровушкѣ уладити.
Еще начали чужи люди,
Богоданные родители
Журить бранить (невѣсту);
Какъ дѣвица стала плакати:
Не журите вы чужи люди,
Богоданные родители,
Не сама я къ вамъ во дворъ пришла,
Что завелъ меня самъ младъ князь
На своихъ онъ добрыхъ коняхъ,
На добрыхъ, на ступчивыхъ.

Ж Е Н И Х У .

Что сказали не грозень (женихъ),
Что сказали не страшень,
Онъ грозень, грозень, немилостивъ,
Что гроза его великая,
Красота его неизрѣченная.
Онъ ходилъ, гулялъ по улицѣ;
Заходилъ онъ ко тестю во дворъ,
Что ко тещѣ на новы сѣни,
Со новыхъ сѣней во горницу,
Во горницу за завѣсу
Души красной дѣвицы,
Ко княгинѣ первобрачной,
Ко невѣстѣ нареченной;
Бралъ ее за правую, за руку,
Поломалъ у ей злачень перстень,
Съ дорогой модной ставочкой.

Тутъ дѣвица испужалася,
Душа красна перепалася:
Ужъ я какъ скажу батюшку?
Ужъ я какъ скажу матушкѣ?
Ужъ ты такъ скажи батюшкѣ,
Ужъ ты такъ скажи матушкѣ:—
Я брала свои золоты ключи,
Отмыкала окованы сундуки,
Вынимала черно плисово сукно,
Я кроила (жениху) кафтанъ,
Чтобы ему не дологъ былъ,
Чтобы ему не коротокъ былъ,
По подолу былъ раструбистый,
По середкѣ пережимистый,
По подпазушкамъ перехватистый,
Чтобы онъ легко на коничка скакалъ,
Хорошенько разъѣзживалъ.

КОГДА ОТДАЮТЪ НЕВѢСТУ НА ЧУЖУЮ СТОРОНУ.

Что ты, что ты, сине море
Стоишь, не колыблешься?
Что ты, что ты, березонька,
Стоишь, не шатаешься?
Что ты, что ты красна дѣвица (невѣста),
Сидишь, не размѣхнешься?
Мнѣ чему-же размѣяться?
Мнѣ чему-же радоваться?
Мнѣ ночесь молодешенькой,
Мнѣ ночесь мало спалось,
Мало спалось, во снѣ видѣлось:
Что на нашей улицѣ,
Что на нашей, на широкой,
Есть пустая хоромина,
Есть пустая не крытая:
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися,
Отець мать отступилися,

Родъ племя отказалися.
Вы, подружечки, голубушки,
Посудите, пожалуйста,
Если вы не присудите,
Я сама знаю, вѣдаю;
Молода я догадалася,
Что пустая хоромина—
Чужа дальняя сторона;
Что пустая не крытая,—
Злодѣйка незнакомая;
Углы прочь отвалилися—
Богодавные родители;
По бревну раскатилися—
То чужи незнакомые.
По полу ходить гусыня—
То свекровушка матушка;
На печи то котище лежитъ—
Богоданный свекоръ батюшка:
Что по лавочкамъ ласточки—
То деверьича братицы;
По окошечкамъ то голуби—
То голубушки сестрицы;
А во горницѣ ясенъ соколъ—
То мой богосуженный.

к о н е ц ъ

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Часть I.

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ НА РУСИ.

	<i>Стран.</i>
Святки. Коляда.—Гаданія вообще.—Гаданіе на вещахъ.—Хороненіе золота.—Окличка прохожихъ.—Подслушиваніе.—Гаданіе на курицахъ.—Гаданіе на лошадяхъ.—Гаданіе у воротъ.—Гаданіе башмакомъ.—Гаданіе топоромъ.—Гаданіе яцомъ.—Гаданіе на поленьяхъ.—Гаданіе воскомъ.—Гаданіе на сборникѣ.—Гаданіе лучиною.—Гаданіе на коровьей или воловьей шкурѣ.—Гаданіе на сковородѣ.—Гаданіе на кольцѣ, хлѣбѣ и крючкѣ.—Гаданіе у омета соломы.—Гаданіе на перекрестѣ.—Гаданіе подъ окномъ.—Гаданіе на бобахъ.—Гаданіе ключемъ.—Гаданіе на священной книгѣ.—Гаданіе на зеркалахъ.—Приглашеніе ужинать.—Гаданіе у церковныхъ дверей.—Гаданіе у бани.—Гаданіе у сарая.—Гаданіе на снахъ.—Мостикъ.—Пересоль.—Гребень.—Гаданіе по слѣду на снѣгу.—Гаданіе по игральной картѣ.—Крещенское гаданіе (легенда).—Святочные вертепы и звѣзды.—Славленіе нашихъ царей.—Нѣсколько словъ о Васильевомъ вечерѣ.	1— 34
Масляница. Катанье.—Торжественный маскарадъ въ 1722 г.—Нѣкоторые историческіе маскарады.—Свадьба шута въ 1739 г.—Лубочныя комедіи и игрища.—Козу въ мѣшкѣ играть.—Борьба и кулачный бой.—Олицетвореніе масляницы.—Сожиганіе масляницы.—Прощеное воскресеніе.—Заключеніе о масляницѣ	34— 48
Вербная недѣля.	48— 49
Великій четвергъ	49— 51
Пасха (Святая недѣля).—Солнце играетъ.—Сатана въ аду.—Великоденныя пѣсни.—Кости теленка.—Какъ встрѣчаютъ Пасху въ Перми.—Красная горка.	51— 54
Радоница	54— 57
Семигъ (Русальная недѣля, русалки).—Симпатія.—Свистопляска.—Могила Аники вонна.—Маргостье.—Крещеніе кукушекъ.—Помпновеніе самоубійцъ.—Русальный праздникъ.—Погребеніе Костромы.—Изгнаніе, прощаніе и провозаніе русалокъ	57— 66
Иванъ Купало и Аграфена Купальница. Праздникъ росы.—Ивановская ночь.—Купальные огни.—Соботки.—Пожиганіе стихій.—Что значитъ Купало.—Праздникъ въ черномъ лѣсѣ.—	

Празднованіе на югѣ Россіи. — Лысяя гора. — Бесѣда Петра Великаго. — Бѣлый пѣтухъ. — Ивановъ цвѣтъ. — Цѣлебныя травы. — Купанье на Ивана Купалу. — Толокчи въ ступѣ. — Кокуева слобода въ Москвѣ. — Крапивный вустъ.	66— 80
Ярило. Костромское ярило. — Ярилинъ праздникъ. — Погребеніе ярилы.	80— 83
Петровки. Гулянье на Наливкахъ. — Народная жертва. — Проводы весны. — Ночныя гулянки. — Карауленье солнца. — Камнепочтеніе	83— 88
Земледѣльческіе праздники и другіе замѣчательные дни. Дежень. — Опапка. — Имянинникъ. — Чучело, какъ представитель окончанія жатвы. — Дожинки. — Иновѣрческіе праздники жатвы. — Помочь. — Капустница. — Супрятки. — Ильинъ день. — Первый Спасъ. — Юрьевъ или Егорьевъ день. — Прасковія Пятница. — Семеновъ день (бабье лѣто). — Покровская суббота.	88—105
Обряды во время поминовенія усопшихъ (Дни поминовенія). — Праздникъ всѣхъ душъ. — Пиръ Козла. — Отрада душъ. — Поминальные дни. — Причитаніе по усопшимъ, вытье, голопеніе.	105—114
Свадебные обряды и обычаи. Обычай похищать дѣвицъ. — Преслѣдованіе обычаевъ духовенствомъ. — Покупка дѣвицъ. — Греческіе и римскіе обряды. — Сниманіе сапога у мужа. — Куничное на свадьбахъ. — Свадебныя птицы. — Головной уборъ. — Баня, мѣха и солома брачной ночи. — Вскрываніе молодыхъ. — Предосторожности и свадебные примѣты. — Свадебныя пѣсни въ отношеніи ихъ значенія. — Суженый. — Свадебныя причитанія и голосованіе. — Свадьба съ трубами. — Деревенскіе обычаи въ селѣ Борщевѣ во время свадьбы. — Пермскія свадьбы. — Сватовство пермяковъ и брачный обрядъ. — Бѣглыя свадьбы. — Свадьбы великорусскія вообще. — Свадьбы въ Малороссіи. — Свадьбы на Уралѣ. — Свадьбы у донскихъ казаковъ. — Свадьбы у камчадаловъ. — Мордовскія и чувашскія языческія и христіанскія свадьбы. — Черемисскія языческія свадьбы. — Татарскія свадьбы. — Калмыцкія свадьбы.	114—181

Часть II.

Суевѣрія и ложныя убѣжденія.	189—194
Откуда возникли чародѣйство и суевѣрія?	194—199
Колдуны и чернокнижники. Договоръ съ демономъ. — Колдуны случайные, по неволѣ, по убѣжденію, злоумышленные. — Легенды о колдунахъ въ Россіи. — Смерть колдуна. — Хожденіе тѣни колдуна. — Передача колдовства внуку (легенда). — Народное понятіе о порчѣ	199—221
Преслѣдованіе и казнь колдуновъ. Преслѣдованіе колдуновъ инквизиціей на западѣ. — Преслѣдованіе колдуновъ въ Россіи. — Похитительницы росы. — Наговорщица на хмѣль. — Московскія ворожейки. — Косный разводъ. — Порча на слѣдъ. —	

Обвиненіе боярина Матвѣева въ чародѣйствѣ.—Прекращеніе преслѣдованія путемъ инквизиціи	221—235
Вѣдьмы и шабаши ихъ. —Западныя вѣдьмы.—Шведскій процессъ надъ вѣдьмами.—Двойное зрѣніе.—Русскія вѣдьмы и мары.—Защита противъ вѣдьмъ и колдуновъ.—Оборачиваніе вѣдьмъ въ животныхъ.—Отчего вѣтъ сорокъ въ Москвѣ.—Вѣдьмино селеніе.—Пѣсни вѣдьмъ	236—245
Домовые. Происхожденіе домовыхъ	245—247
Лѣшій	247—248
Бикимвры, кикиморы, шишаморы, шишиги	248—249
Проклятыя дѣти	249—254
Оборотни, варкулаки, вовкулаки	254—255
Баба-яга	256
Шаманизмъ. Примрненіе ребенка съ бѣсами.—Шаманы у Тунгусовъ, шаманы у Самоѣдовъ	256—259
Примѣты и симпатіи. Дурной глазъ, сглазъ, призоръ очесъ или пзурочиваніе.—Открытіе вора у Камчадаловъ.—День Благовѣщенія.—Свербеніе бровей.—Булавку давать.—Волосы, ногти хранить.—Водяной воробей.—Воронъ-предсказатель.—Воскъ изъ дому выносить.—Противъ заговореннаго отъ пули.—Оспа и борьба съ нею.—Встрѣча.—Браниться въ Егорьевъ день.—Глаза свербятъ.—Голубь въ окно влетитъ.—Безвѣздныя ночи.—Громова стрѣла.—Дождь.—Дока.—Дорога.—Желѣзница.—Примѣта о посѣвѣ по жукамъ, почему не должно работать на заговѣнье.—Примѣта надъ замками.—Задушеніе младенца на постелѣ.—Зеркало держать въ комнатѣ—грѣхъ.—Огненные змѣи.—Икать тяжело.—Имя дать новорожденному.—Имянины праздновать.—Комета и ея значеніе въ народѣ.—Чудо отъ коровы въ Казани.—Кошка.—Кузничекъ куеть.—Курица пѣтухомъ поеть.—Отламывать лишній кусокъ хлѣба.—Ладонка.—Ладонь чешется.—Ласточка.—Лихоманка, лихорадка.—Локоть чешется.—Лошадь (разныя примѣты).—Луна.—Лучина.—Мышь.—Лягушка.—Беременная женщина.—Медвѣдь.—Противъ уроковъ младенцевъ.—Суевѣрное разрѣзываніе слѣда.—Молчаніе.—Мухоморъ и его дѣйствіа.—Насѣдку сажать.—Несчастнаго въ домѣ не держать.—Обливаніе водою.—Святые колодцы, святыя озера.—Обмираніе, летаргія.—Обмороченіе.—Обнова.—Осина.—Пауки.—Кому садиться въ переднемъ углу.—Переносъ чешется.—Прицеमितъ въ дверяхъ свою одежду.—Забыть гробовую доску въ домѣ, гдѣ былъ покойникъ.—Плюнуть на себя нечаянно.—Паденіе полена.—Понедѣльникъ.—Поперхнуться.—Узнать цѣну хлѣба по колосу.—Собака востъ.—Саванъ шить.—Свинья.—Свистъ.—Скопа.—Скоромы.—Соль просыпать.—Сорочка.—Домъ, зданіе строить.—Стѣны трещать.—Предчувствіе таракановъ.—Телятину ѣсть—грѣхъ.—Угорь—поганая рыба.—Утопленекъ.—Ужъ.—Утопленекъ нечаянный.—Уши горять.—Филинь.—Фортуна.—Франкъ-масоны.—Чуранье, чураться.—Юпка.—Яица.—Ячмень на глазѣ	259—282

- Хозяйственные примѣты** на весь годъ. Народныя примѣты по солнцу и облакамъ.—По лунѣ, по звѣздамъ.—По воздушнымъ явленіямъ.—По животнымъ.—По птицамъ. 282—289
- Заклинанія, заговоры, обереги, заклинательныя молитвы, подходы, приговоры и пр.** Заговоры отъ истеченія крови.—Чтобы не шла кровь изъ раны.—Заговоръ отъ крови.—Заговоръ отъ порѣза.—Отъ истеченія крови.—Заговорить кровь.—Чтобы не шла кровь изъ раны.—Отъ посѣченія члена.—Заговоръ отъ недуговъ красной дѣвницы въ болѣзни любовнаго молодца.—Заговоръ красной дѣвницы о сбереженіи въ дорогѣ любовнаго молодца.—Заговоръ на путь-дороженьку.—*Заговоры о тоскѣ.*—Заговоръ отъ тоски.—Заговоръ отъ тоски по родномъ сынѣ.—Заговоръ матери въ наносной тоскѣ своего дитяти.—Заговоръ красной дѣвницы отъ тоски.—Заговоръ отъ стѣни, задумчивости, отъ тоски и печали. 289—297
- Заговоры воинскіе.** Заговоръ отъ пшчелей и стрѣлъ.—Заговоръ отъ ратныхъ орудій.—Заговоръ отъ пуль-свинцовыхъ, мѣдныхъ, каменныхъ.—Заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.—Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну и проч. 297—302
- Заговоры любовныя.** Заговоръ молодца на любовь красной дѣвницы.—Заговоръ для любви.—Заговоръ любовнаго молодца.—Заговоръ на любовь на прѣвикѣ.—Заговоръ на любовь дѣвушки.—Слова присушить дѣвицу.—На присушеніе.—На разженіе сердца у дѣвницы.—На разженіе дѣвичьяго сердца.—Слова, тоску напустить, присушить дѣвокъ.—Навести тоску.—Присушать дѣвокъ.—Наговоръ на присушеніе.—Для присухи.—Старинное заклипаніе на любовь.—Заговоръ на тоску добру молодцу по красной дѣвицѣ.—Напустить тоску парню.—На прилученіе камня.—На людскую любовь (Приобрѣсти общую любовь).—На любовь дѣвушекъ и всѣхъ людей и проч. 302—318
- Остудныя, противулюбвыя заговоры.** На остуду между молодцомъ и дѣвицей.—Остудныя слова.—Заговоръ на остуду между мужемъ и женой.—На остуду.—На разлученіе.—Наговоръ на разлученіе. 318—320
- Заговоры для привыванія или отогнанія нечистой силы.** Въ защиту отъ нечистой силы.—Заговоръ на отогнаніе черныхъ мурьевъ.—Заговоръ на дьявола.—Молитва отъ злаго чарованія.—Заговоръ отъ змія, къ женѣ летающаго въ домъ.—Молитва, аще въ домѣ глумится.—Заговоръ отъ бѣсовъ.—Противъ черта.—Призываніе домоваго на новоселье.—Къ домовому.—Къ домовому при покупкѣ скота.—Къ домовому, при ввѣдѣ въ стойло скотины.—Заговоръ для того, чтобы видѣть двороваго.—Къ банному.—При знакомствѣ съ лѣшимъ.—Отъ нечистаго.—Молитва отъ нечистаго духа. . . . 320—334
- Охотничьіе заговоры и молитвы.** Для удачи на охотѣ.—Заговоръ охотника на постановныхъ клѣткахъ для зайцевъ.—Для успѣха на охотѣ.—На птичью охоту.—Охотничьи слова.—Отъ ворона, мѣшающаго охотнику.—Чтобы воронъ

не ѣлъ попавшихъ въ ловушку птицъ. — Противъ злаго чело- вѣка на охотѣ. — Слова утечи. — Молитва прикосная на звѣря. — Охотничьи заклинанія на горностаевъ. — На бѣ- личью ловлю	334—341
Заговоры и обереги отъ пьянства. Отъ пьянства. — Отъ запоя. — Отъ похмѣлья. — Человѣка отъ похмѣлья уловить. — Заговоръ отъ пьянства. — Заговоръ отъ запоя	341—343
Заговоры отъ порчи и отъ колдуновъ	343—348
Наговоры на рыбную ловлю. Какъ ты матушка Шорда рѣка. — Рыбій прикосъ. — Слова рыбу лучить. — Для удочнаго лова рыбы. — При наживѣ червей на крючекъ. — На уженѣ. — Для удачи на промыслѣ	348—353
Заговоры отъ лихорадокъ. Отъ трясы. — Отъ лихорадки или дрожжанки. — Заговоръ отъ всякой лихорадки. — Отъ триса- вицы. — Общее заключеніе о лихорадкахъ и заговорахъ на эту болѣзнь	353—364
Заговоры противъ зубной боли.	364—367
Заговоры отъ болѣзней глазъ. Отъ ячменя. — Отъ сучьяго сучка. — Отъ боли глазъ съ озеу	367—368
Заговоры противъ мужскаго безсилія.	368—369
Заговоры отъ грыжи и сглазу, и баенной нечисти. Отъ дѣтской грыжи.	369—371
Заговоры противъ насѣкомыхъ. Заговоръ отъ осы. — Отъ чер- вей. — Червь умолвити въ конѣ и на нивѣ.	371—372
Слова невѣсть, желающихъ замужь	372
Свадебные заговоры, обереги, подходы. — Подходъ свата. — На наговоренное пиво. — Когда случится отпустить свадьбу. — Оберегъ жениха. — Свадебный оберегъ. — Заговоръ вѣжливаца.	372—375
Заговоръ на подходъ. Подходъ предъ царскія очи. — Подходъ ко властямъ. — Подходъ къ начальству. — Заговоръ для идущаго въ судъ, чтобы власти и судьи были милостивы. — Оберегъ противъ суда и несправедливаго обвиненія	375—379
Заговоры пчелиные. На посаженіе пчель въ ульѣ. — Пчелиныя слова	379—380
Заговоры отъ всякой болѣзни. Молитва отъ всѣхъ скорбей. — Заговоръ отъ недуговъ	380—382
Заговоръ на покраденную вещь	382
Заговоръ оборотня	382—383
Заговоръ островника на зеленую дубраву	383
Заговоръ отъ злости, лихихъ людей и о спасеніи. Заговоръ отъ лихаго человѣка. — Заговоръ отъ злости. — Молитва отъ злости	383—385
Заговоръ на кулачный бой	385
Заговоръ отъ боли въ ушахъ	385
Заговоры отъ безумія, родимца, и бѣлой горячки. Молитва отъ безумія, порчи, родимца, припадковъ бѣлой горячки и проч. — Заговоръ отъ безумія	385—386
Молитвы, заговоры, обереги, касающіеся до скотовожденія. Правила пастуху. — Заговоры отъ болѣзней скота. — Для предо-	

храненія теленка отъ падежа или отъ болѣзни.—Молитва отъ падежа скота.—Чтобы скотина стояла смирно во время доенія.—Отъ ляганія коровы во время доенія.— При леченіи лошади.	386—389
Заговоръ отъ бѣшеной собаки	389
Заговоръ на торговлю	389
Заговоръ, чтобъ дѣло сошлось	390
Заговоры отъ родимца. Молитва отъ родимца.	390—391
Мольба вѣтру	391—392

Часть III.

Чары, русскіе обычаи, наряды и прочее. 1) Заговоръ при исканіи клада.—2) При собираніи напоротника.—3) Навести красоту.—4) Горы на вѣтеръ.—5) На собираніе адамаъ травы.—6) Отъ лая собаки.—7) Отъ преслѣдованія гусей.—8) Отъ укушенія змѣи.—9) Отъ жабы въ горлъ.—10) Чтобы испортить, или навязать килы.—11) Икоту напускать.—12) Чары на слѣдъ.—13) Противудѣйствіе чаръ на слѣдъ.—14) Чары для калѣкъ.—15) Чары на лошадь.—16) Старую лѣнливую лошадь сдѣлать молодой и бодрой.—17) Чтобы плѣнникъ не ушелъ.—18) Бѣсова игра.—19) Скотская клюква.—20) Ранить вѣдъму или колдуна.—Вихрь.—21) Порча на голиѣ.—22) Каша.—23) Плотнву разрушить, колодець подсушить.—24) Чары надъ змѣею, вообще змѣя.—25) Баранецъ.—26) Волховники и сборники прямѣтъ.—27) Облако-прогонники.—28) Привораживатели и умплостивители.—29) Отысканіе воровъ.—30) Наговоръ на товаръ.—31) Противъ княжескаго и боярскаго гнѣва.—32) Ворожба на ловлю рыбы.—33) Ворожба противъ невѣрности (Любовныя зелья).—34) Узнать во снѣ о вѣрности жены.—35) Чары на благополучное разрѣшеніе младенцемъ.—36) Средство противъ неприяностей отъ недоброжелателя или отъ неудачъ.—37) Чары на успѣхъ въ судѣ.—38) Чары о поединкахъ старины; кулачныхъ боляхъ тоже.—39) Чары на слѣдъ.—40) Чары подъ мертвой рукой.—41) Чары подъ мертвымъ тѣломъ.—42) Приворотный корень.—43) Насылка на вѣтеръ.—44) Чары надъ профорою.—45) Наузы или узлы.—46) Чары на порчу человѣка.—47) Серебряный цвѣтъ.—48) Чары противъ бѣса въ домѣ.

393—417

Народная медицина. Отъ простуды.—Отъ кашля.—Отъ водяной.—Отъ лихорадки.—Отъ хрипоты.—Отъ трясавицы.—Отъ зубной боли.—Отъ глухоты.—Отъ потери голоса.—Отъ шолудей.—Отъ нарывовъ.—Отъ ранъ.—Отъ ушиба.—Отъ болѣзни глазъ.—Лекарство отъ бѣльма.—Отъ обморока.—Отъ грижи.—Отъ зуда.—Отъ недержанія мочи.—Отъ чахотки.—Поясъ, какъ средство отъ порчи.—Составъ о голосу.—Утинъ

- прискать.—При родахъ.—Средство къ размноженію пчелъ.—
Тоже, чтобы пчелы не отлетали и чужіе не воровали.—Усып-
лять чужихъ пчелъ.—Соятница—врачеваніе отъ брюшныхъ
болѣзней.—Лекарство отъ стѣни.—Съ глазу.—Хлѣбная за-
вязка.—Зубы лечить.—Куриная слѣпота.—Морозъ. 417—426
- Народный цвѣтникъ.** Волшебный горохъ.—Калина.—Папорот-
никъ.—Плакунъ трава.—Трава калюка.—Одоленъ трава.—
Крапивное коренье.—Трава козлецъ.—Корень свеклы.—
Трава галанъ.—О чеснокѣ.—Составы пластырей.—Противъ
плѣшивости.—Отъ рябинъ на лицѣ.—Черненіе волосъ.—
Трава прирзышъ.—Сонъ трава.—Трава Тирличъ.—Петровъ
крестъ.—Разрывъ трава.—Трава нечуй вѣтеръ.—Девя-
силъ.—Подсолнечникъ.—Спорынья.—Трава песій языкъ.—
Кильная трава.—Трава желѣзнякъ.—Сѣмена розановъ.—
Чернобыльникъ.—Бузина.—Ятрышникъ.—Крапива.—Пе-
гунія.—Трава чистогѣль.—Ноготки.—Любовныя яблоки.—
Трава блекота.—Дурманъ.—Сонная одуръ.—Белладона.—
Мухоморъ.—Бѣлѣнное масло.—Тминное и анисовое масло.—
Общее заключеніе. 426—438
- Клады.** Клады Стеньки Разина.—Кладъ въ Верховьяхъ.—Золотой
пѣтушокъ 438—449
- Порядки, характеръ и обычай русскаго народа.** Жилыя мѣст-
ности.—Города.—Посады.—Слободы.—Погосты.—Села.—По-
чинки.—Займища.—Архитектура городовъ и зданій.—Дворы
и дома.—Первоначальныя жилища.—Устройство въ домѣ.—
Гридница.—Украшеніе комнатъ.—Курени.—Мазанки 449—462
- Домоводство.** Напитокъ медъ.—Квасъ и хлѣбъ.—Пиво.—Пере-
варъ, взваръ, сбитень.—Пища и питье.—Каравай.—Сырни-
ки.—Блины.—Мясныя кушанья.—Уха.—Соусъ.—Жаркія.—
Куры.—Утки.—Гуси.—Цапли.—Похмѣлье.—Рыба.—Разсолъ-
ное.—Тѣльное.—Икра.—Растительныя яства.—Лакомства и
десерты.—Леваши.—Постила.—Мазюня.—Сахарныя лако-
мства и печенья.—Напитки и вина виноградныя.—Кабаки. . 462—478
- Домашняя утварь и хозяйство.** Кровати.—Скрыни.—Сундуки.—
Освѣщеніе.—Предметы вмѣстности.—Столовая посуда.—
Кувшины.—Четвертины.—Братины.—Кружки, чаши, корцы.—
Кубки.—Стопы.—Доставаны.—Ковши.—Болваны и овкачи. . 478—489
- Русскіе обѣды.** Великокняжескіе обѣды.—Богатая посуда рус-
скихъ царей.—Боярскіе обѣды.—Званые обѣды. 489—495
- Одежда.** I. Мужской костюмъ: Сорочки.—Обувь.—Порты.—
Карзно. Пояса.—Кусаки.—Нарядъ XIII вѣка.—Костюмы
мужчинъ XIII и XVI вѣка.—Зипунъ.—Сарафанецъ.—Кauf-
танъ.—Зашастье.—Гуга.—Ферязи.—Армяки.—Тегилляй.—
Терликъ.—Опашень.—Охабень.—Ферязь.—Епанча.—Шубы.—
Кунтушъ.—Доломаны.—Матеріи употребляемыя для русской
одежды.—Перчатки.—Рукавицы.—Перстатыя рукавицы.—
Шапки.—Горлатныя шапки.—Стриженіе и бритье головъ.—
Серьги.—Перстни и печати.—Носовыя платки.—Оружіе.
II. Женскій костюмъ: Рубаха, лѣтникъ, опашень.—Тѣло-

грѣя.—Женскія шубы.—Головныя уборы.—Волосники и подь- убрусники.—Кика.—Серьги.—Зарукавья, браслеты.—Румяна и бѣлилы.—Платки.—Ширинки.—Костюмъ поселянокъ.— Сохраненіе одежды.	495—519
Образъ домашней жизни. Хлѣбосольство.—Набожпость.—Мо- ленны.—Дворецкіе, влюшники.—Обѣденный обычай.—Царскій столь.—Послѣдствіе званныхъ обѣдовъ.—Время сна.—Ужи- ны —Благочестивыя ночи женатыхъ	519—526

Часть IV.

Музыка. Дудка.—Рожокъ.—Жилейка или Сиповка.—Рогъ.—Сви- рѣль.—Воылка.—Гудокъ.—Балалайка.—Ложки.—Гусли.— Трубная музыка.—Бубны.—Сурни.—Набать.—Барабанъ.— Литавры.—Варганъ.—Бандура.—Цимбалы.	527—532
Случайныя и частныя празднованія. Рожденіе младенца.—Ро- дины у Пермьяковъ.—Имянины.—Старинныя женитьбы и свадьбы.—Новоселье.—Похороны.	532—567
Звѣриная и птичья охота въ Россіи	567—571
Русскія народныя присловія	571—582
Старинныя и народныя пѣсни	582—607
